

Д.А. КРАЙНОВ

ДРЕВНЕЙШАЯ
ИСТОРИЯ
ВОЛГО-ОКСКОГО
МЕЖДУРЕЧЬЯ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

Д. А. Крайнов

**ДРЕВНЕЙШАЯ ИСТОРИЯ
ВОЛГО-ОКСКОГО
МЕЖДУРЕЧЬЯ**

•

ФАТЬЯНОВСКАЯ КУЛЬТУРА

**II тысячелетие
до н. э.**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1972**

Книга посвящена фатьяновской культуре, сыгравшей крупную роль в истории Волго-Окского междуречья во II тысячелетии до н. э. История фатьяновской культуры прослеживается с момента ее возникновения и до исчезновения. В книге впервые рассматривается скотоводческое хозяйство фатьяновских племен; анализируется погребальный обряд и погребальный инвентарь и в связи с этим выясняется общественный строй фатьяновского общества.

ВВЕДЕНИЕ

В 1873 г. Московскому археологическому обществу были переданы каменные орудия, глиняные сосуды и человеческие черепа, найденные в могильнике у д. Фатьяново современного Даниловского р-на Ярославской обл. Исследование этого могильника, начавшееся с 1873 г.¹, дало новые вещественные археологические памятники, не укладывавшиеся в рамки существовавшей тогда классификации каменного века. Так появилась новая археологическая культура — *фатьяновская*. Однако она не сразу получила это название и должное место в археологической науке. За 100 лет, прошедших со дня открытия первого могильника, накоплен огромный археологический материал. Написаны десятки работ по различным вопросам этой интересной культуры. Сейчас фатьяновская культура заняла значительное место в древнейшей истории Волго-Окского междуречья.

Большая территория, занятая фатьяновскими памятниками в европейской части СССР, влияние фатьяновской культуры на дальнейшие исторические судьбы Волго-Окского междуречья и ее большой культурный вклад в историю развития культуры народов СССР ставят данную тему в один ряд с важнейшими вопросами в нашей исторической науке.

Кроме того, связь фатьяновской культуры с большой культурно-исторической (этнической) общностью, с так называемыми культурами боевых топоров, распространенной на огромной территории от Рейна до Камы, а также связь последней, а следовательно, и фатьяновской культуры с вопросом этногенеза славян, балтов и германцев поставили фатьяновскую проблему в ряды исторических проблем общеевропейского значения.

Изучение историографии вопроса позволяет выделить четыре основных этапа в развитии исследований фатьяновской культуры.

¹ Первыми исследователями могильника у д. Фатьяново были Андрион, В. В. Антонович, А. С. Уваров, Л. К. Ивановский и И. С. Поликов.

Первый этап — дореволюционный (1873—1917 гг.), второй этап приходится на 1917—1941 гг., третий этап — 1941—1958 гг., четвертый — 1958—1969 гг.

Рассмотрим *первый дореволюционный этап* (1873—1917 гг.). Один из первых исследователей могильника у д. Фатьяново А. С. Уваров² не только описал материалы, добытые раскопками, но и сделал попытку их исторической и хронологической интерпретации. Он отнес могильник к последней стадии каменного периода на том основании, что в нем были найдены лишь незначительные металлические вещи, не изменившие, по его мнению, прежнего культурного состояния человека³. Этой же точки зрения придерживались и другие исследователи, пока на территории фатьяновского могильника не был найден медный вислообушный топор, лежавший вместе с каменными топорами. Эта находка и последующие открытия таких же памятников поколебали прежнее мнение об отсутствии медного и бронзового века на территории Средней России. Уже в 1903 г. насчитывалось около 15 могильников с тем же обрядом захоронения и таким же погребальным инвентарем, что и в могильнике у д. Фатьяново.

А. А. Спицын в своей сводной работе⁴ на основании находок металлических изделий и анализа каменных орудий счел возможным отнести эти могильники ко времени расцвета медного века или к концу его⁵. Уже в то время А. А. Спицын предсказал открытие памятников фатьяновского типа и на р. Оке, откуда, по его предположению, фатьяновская культура проникла на Волгу. Ее чужеродность на Волге А. А. Спицын объяснял тем, что «культура фатьяновского могильника стоит совершенно особняком среди местных древностей и не имеет никакого отно-

² А. С. Уваров. Археология России. Каменный период, т. I, II, М., 1881, стр. 396—419.

³ А. С. Уваров. Каменный период, т. I, стр. 396.

⁴ А. А. Спицын. Медный век в Верхнем Поволжье. ЗОРСА РАО, т. V, СПб., 1903.

⁵ Там же, стр. 79.

ления к туземному каменному веку»⁶. Фатьяновское население, по мнению А. А. Спицына, пришло с юга, где в курганных погребениях прослеживается сходный с фатьяновским обряд захоронения. В своей второй работе по этому вопросу⁷ А. А. Спицын, публикуя новые сведения о могильниках и случайных находках, вновь делает смелые и, с нашей точки зрения, правильные заключения об ареале этой культуры, помещая ее памятники в верховьях Волги и Оки, в верховьях Днепра, по среднему течению Волги, по всей Западной Двине, в Прибалтике и Прикамье⁸. А. А. Спицын считал все эти памятники фатьяновскими, но выделял их как различные локальные варианты одной культуры. Далее он наметил пути распространения фатьяновской культуры с юга: через р. Вазузу на Волгу, через Оку на Волгу и через Двину в Прибалтику⁹. Наконец, А. А. Спицын выделил четыре типа или разновидности фатьяновской культуры¹⁰, подчеркнув, однако, что чем далее, тем загадочнее становится фатьяновская культура и сам могильник¹¹.

Научное обоснование и обобщающую характеристику фатьяновской культуры впервые дал В. А. Городцов в своей классической работе «Культуры бронзового века в Средней России»¹². Несмотря на небольшое количество достоверных фатьяновских памятников, он установил территорию распространения фатьяновской культуры, включив в нее все Волго-Окское междуречье и прилегающие к нему окрестности, определил ее место среди других культур бронзового века. Разработанная им типология топоров и керамики фатьяновской культуры может служить образцом анализа вещественных памятников. Особую ценность в типологическом анализе топоров и керамики представляет огромный сравнительный материал, привлекаемый В. А. Городцовым. Анализируя типы топоров и сосудов фатьяновской культуры, он не только отмечает места их распространения, но и указывает время бытования тех или иных типов. Большой заслугой В. А. Городцова следует считать определение хронологии памятников фатьяновской культуры — II тысячелетие до н. э. — и ее культурных связей¹³.

В. А. Городцов одним из первых стал рассматривать проблему фатьяновской культуры в общеевропейском масштабе. Признав, что тип могильников фатьяновской культуры до сих пор стоит изолированно, он в то же время указал на некоторые признаки, позволяющие сблизить его с типами курганных погребений со скорченными костями, широко распространенными на Кавказе, в Южной России, Польше и Западной Европе¹⁴. Это сходство В. А. Городцов объясняет связями фатьяновской культуры, которые, по его мнению, имели два направления: юго-восточное и юго-западное. Рассматривая каменные сверленные топоры фатьяновской культуры, исследователь отмечает, что часть их родственна западноевропейским, а часть прямо пришла из мастерских Западной Европы¹⁵. Что касается керамики, то В. А. Городцов указывал на некоторое сходство ее с керамикой приднепровской культуры, «сопровождаемой бокаловидными сосудами и сливающейся с западноевропейским культурным морем шнуровой керамики»¹⁶. Однако это сходство В. А. Городцов объясняет не общностью происхождения, а добрососедскими отношениями. Происхождение фатьяновской культуры исследователь связывает с Северным Кавказом. В другой своей работе он высказывается более определенно, считая, что «носителями фатьяновской культуры, по-видимому, были колонисты северокавказской культуры»¹⁷.

Таким образом, уже А. А. Спицын и В. А. Городцов считали племена фатьяновской культуры пришлыми, а саму культуру — чужеродной среди местных культур эпохи неолита. Однако, считая исходной областью происхождения фатьяновской культуры юг, они в то же время не отрицали и больших связей ее с юго-западом и западом, т. е. с культурами шнуровой керамики.

Близка ко взглядам названных авторов на фатьяновскую культуру и точка зрения Ю. В. Готье. Он объясняет сходство упомянутых культур с югом не приходом южного населения, а влиянием южнорусских бронзовых культур на неолитическую фатьяновскую культуру¹⁸.

Фатьяновской культуре посвятил несколько работ и видный финский ученый А. М. Тальгрэн¹⁹.

⁶ А. А. Спицын. Медный век в Верхнем Поволжье. ЗОРСА РАО, т. V, стр. 79.

⁷ А. А. Спицын. Новые сведения о медном веке в Средней и Северной России. ЗОРСА РАО, т. VII. СПб., 1905, стр. 71—82.

⁸ Там же, стр. 80.

⁹ Там же.

¹⁰ А. А. Спицын. Археологические заметки. ТСА РАНИОН, вып. IV. М., 1928.

¹¹ Там же, стр. 486.

¹² В. А. Городцов. Культуры бронзового века в Средней России. М., 1916, стр. 6.

¹³ Там же, стр. 6, 48.

¹⁴ Там же, стр. 7.

¹⁵ Там же, стр. 48.

¹⁶ Там же, стр. 49.

¹⁷ В. А. Городцов. Бронзовый век на территории СССР. ВСЭ, т. 7. М., 1947 стр., 616.

¹⁸ Ю. В. Готье. Очерки по истории материальной культуры Восточной Европы, т. I. Л., 1925, стр. 110—111.

¹⁹ A. Talignen. Die Kupfer und Bronzezeit in Nord und Ostussland, t. I. Helsingfors, 1911. *он же*. Fatianovokultur in central Russland. Finkst Museum, 1924; *он же*. Fatianovokultur Realexikon der Forgeschichte. Berlin, 1925; *он же*. Zur Chronologie der Osteneuro-

Датировка, установленная им для фатьяновских памятников, близка к датировке, установленной В. А. Городцовым²⁰. Что же касается происхождения фатьяновской культуры, то А. М. Тальгрэн несколько раз менял свою точку зрения. Сначала он защищал теорию автохтонности этой культуры, считая фатьяновскими стоянки типа балахнинских. Позднее А. М. Тальгрэн и другой крупный финский ученый А. Эуропеус присоединились к немецким историкам, считавшим исходной областью фатьяновской культуры теперешнюю территорию ГДР²¹. Однако эта теория, расистская в принципе, не нашла в дальнейшем последователей и была отвергнута учеными.

Подводя итоги первому этапу в изучении фатьяновской культуры, необходимо отметить, что А. С. Уваров, А. А. Спицын и В. А. Городцов, основываясь на немногих могильных памятниках, наметили пути к разрешению основных вопросов этой культуры. Их ошибки можно объяснить в основном малочисленностью открытых тогда фатьяновских памятников. Не были еще известны могильники Московской и Калужской областей и восточные памятники типа балановского могильника.

Второй этап (1917—1941 гг.). Только после Великой Октябрьской социалистической революции благодаря широкому развитию археологических исследований в СССР появилась возможность более глубоко изучить проблему фатьяновской культуры. Начиная с конца 20-х годов были открыты и изучены новые памятники фатьяновской культуры в разных областях Волго-Окского междуречья. Особого развития эти исследования достигли в 30-е годы. Если раньше могильники были в основном известны только в Ярославской, Калининской и Горьковской областях, то теперь их открыли на территории Московской, Калужской, Ивановской, Костромской и Владимирской областей и Чувашской АССР²². Исследования новых могильников (О. Н. Бадер, К. Я. Виноградов, Д. А. Крайнов, О. А. Кривцова-Гракова и др.) значительно продвинули решение некоторых вопросов фатьяновской культуры.

В 1934 г. при Московском отделении Государственной истории материальной культуры (МОГАИМК) была создана особая Фатьяновская комиссия, ответственным секретарем которой был назначен А. Я. Брюсов. В состав комис-

сии вошли все исследователи, занимавшиеся этой проблемой. На заседаниях комиссии заслушивались и обсуждались доклады об отдельных исследованных могильниках и по общим вопросам фатьяновской культуры²³.

В эти же годы в печати появляется значительное число работ, посвященных частным и общим вопросам фатьяновской культуры. Могильникам Московской и Калужской областей посвящено несколько работ К. Я. Виноградова²⁴. Среди них особый интерес представляют публикации результатов раскопок Ивановогорского и Истринского могильников, из которых были получены новые материалы об обряде погребения фатьяновцев.

Фатьяновским памятникам Подмосковья и Калининской области посвящено несколько работ О. Н. Бадера²⁵. В них автор дает сводку случайных находок вещей фатьяновской культуры в Подмосковье, описание раскопок новых могильников (Кузьминского, Протасовского и Лихачевского) и касается ряда общих вопросов. Интересна точка зрения автора относительно сосуществования фатьяновских племен с неолитическими отсталыми племенами на одной территории, но в разных местах. Первым он отводит районы водоразделов, а вторым — смежные озерные и речные низины²⁶. Однако эта точка зрения была опровергнута последующими находками фатьяновских и неолитических памятников на одной и той же территории и в одних и тех же местах²⁷.

Наряду с этим О. Н. Бадер делает попытку объяснить и происхождение фатьяновцев появлением новых видов хозяйства, скотоводства и земледелия²⁸. Развивая положения об автохтонности происхождения фатьяновцев, автор встает на позицию «стадиальности» в развитии культуры. По его мнению, появление и развитие произ-

²⁰ Архив ИА АН СССР. Протоколы Фатьяновской комиссии.

²¹ К. Я. Виноградов. Три этапа культуры у Ивановой Горы на р. Рузе. Волоколамск, 1929; он же. Новые данные о памятниках фатьяновского типа. Проблемы истории донашталитических обществ, 1932, № 11—12; он же. Новые памятники фатьяновской культуры. СА, 1937, № 4.

²² О. Н. Бадер. Работы Верхневолжской экспедиции. «Сообщ. ГАИМК», 1932, № 3—4; он же. Археологические памятники эпохи Москва — Волжстрой. «Изв. ГАИМК», вып. 109, 1935; он же. Археологические исследования Научно-исследовательского института антропологии МГУ за 10 лет. «Наука и жизнь», 1935, № 1; он же. Лихачевский могильник. СА, 1932, № 2.

²³ О. Н. Бадер. К истории первобытного хозяйства на Оке и Верхнем Поволжье в эпоху металла. ВДИ, 1939, № 3, стр. 115.

²⁴ Д. А. Крайнов. Вауловский могильник. «Труды ГИМ», вып. XII. М., 1941, стр. 139—140.

²⁵ О. Н. Бадер. К истории первобытного хозяйства..., стр. 115.

päisches Bronzezeit. «Mittellungen der antropol. Gesellschaft». Wien, 1931.

²⁰ A. Talignren. Die Kupfer und Bronzezeit in Nord..., S. 211, 212.

²¹ A. Laurila. Über die streitaxtkulturen in Russland. ESA, Bd. VIII. Helsinki, 1933.

²² О. А. Кривцова-Гракова. Хронология памятников фатьяновской культуры. КСИИМК, вып. XVI, 1947, стр. 23, рис. 6 (карта распространения могильников фатьяновской культуры).

водящих форм хозяйства у местных неолитических племен приводят к своеобразному «скачку». Гипотезу об автохтонности фатьяновцев поддерживали Ю. В. Готье³⁰, Б. С. Жуков³¹ и Д. А. Крайнов³². Они считали, что фатьяновская культура является прямым следствием развития так называемых неолитических культур³³. В настоящее время вряд ли может быть принята концепция об автохтонном происхождении фатьяновцев, хотя в последнее время за рубежом появились работы (М. Мальмер, А. Гейслер и др.), в которых авторы пытаются доказать автохтонное происхождение культур с боевыми топорами. В какой-то степени они правы, а именно в выяснении вопроса о значении местных компонентов в происхождении и развитии культур с боевыми топорами и шнуровой керамикой. Положительным фактором споров, разгоревшихся вокруг фатьяновской проблемы, было выяснение ряда вопросов, связанных с характером хозяйства фатьяновцев, обрядом погребения и т. д.

К 30-м годам относится и открытие могильников на территории Чувашской АССР. В 1931 г. П. Н. Третьяковым был исследован могильник Атли-Касы, в котором и обряд захоронения, и погребальный инвентарь отличались от известных фатьяновских памятников. В своей статье по этому поводу³⁴ П. Н. Третьяков отмечает появление памятников, подобных фатьяновским, в Белоруссии, Финляндии и Западной Европе. Сходство между этими памятниками он объясняет только закономерностью исторического развития. Пытаясь объяснить отсутствие мест поселений фатьяновцев, П. Н. Третьяков выдвинул гипотезу о бродячем образе жизни скотоводческих фатьяновских племен, но она не была принята большинством исследователей. Однако для отдельных групп фатьяновских племен (для московско-клязьминских) она может быть в какой-то степени приемлема.

Позднее в Чувашской АССР были открыты и грунтовые фатьяновские могильники³⁵, что значительно дополнило данные о восточных фатьяновских племенах.

В 20—30-е годы последовали крупные откры-

тия новых могильников и случайных находок в бассейне Верхнего Днепра и Десны. Поражающее сходство этих памятников с фатьяновскими дало повод некоторым исследователям отнести их к особому варианту фатьяновской культуры³⁶ или к особой фации днепровско-деснинской фатьяновской культуры³⁷. Еще А. А. Спицын обратил внимание на близость Брасовского могильника к фатьяновским памятникам, а некоторые находки из Брянской и Смоленской областей он прямо относил к памятникам фатьяновского типа, считая, что они расширяют район распространения фатьяновской культуры³⁸. В. А. Городцов включил по находкам в зону фатьяновской культуры территории в Орловской и Смоленской областях³⁹. Позднее Т. С. Пассек и Б. А. Латынин высказали мнение о близости фатьяновских памятников к таким памятникам Брянской обл., как могильники Брасовский, Речицкий, Куряки-Бор и другие, отнесенные ими к среднеднепровской культуре⁴⁰. К настоящему времени на территории между Сожем и Десной найдено большое количество памятников, близких к могильникам среднеднепровской и фатьяновской культур. Эти памятники объединяются в особую днепро-деснинскую группу. Были открыты и исследованы Горкинский⁴¹, Вауловский⁴², Мытищинский⁴³, Змеевский⁴⁴ и Говядиновский⁴⁵ могильники. В Московской обл. — Верейский⁴⁶, Давыдовский⁴⁷ и др.

О. А. Кривцова-Гракова впервые поставила вопрос о неоднородности фатьяновских памятников и наметила три разновременных группы могильников — ярославскую, московскую и восточ-

³⁰ Ю. В. Готье. Очерки по истории материальной культуры Восточной Европы, стр. 110—113.

³¹ Б. С. Жуков. Теория хронологических и территориальных модификаций некоторых неолитических культур Восточной Европы по данным изучения керамики. СЭ, 1929, № 1.

³² Д. А. Крайнов. Вауловский могильник, стр. 140—141.

³³ Там же, стр. 140.

³⁴ П. Н. Третьяков. Из материалов Средневожской экспедиции ГАИМК. «Сообщ. ГАИМК», 1931, № 3.

³⁵ О. Н. Бадер. Археологические исследования Центрального чувашского музея. «Советский музей», 1937, № 5; он же. Могильник в урочище Карабай близ д. Баланово в Чувашии. СА, VI, 1940.

³⁶ А. Н. Лявданский. Некоторые данные о каменном веке и культуре бронзовой эпохи в Смоленской губернии. «Науч. изв. Смоленского гос. ун-та», т. IV, вып. 3. Смоленск, 1927, стр. 219, 235—236; он же. Археологические доследы у Смоленщине. «Праці Свіццї Археолгіі», т. III. Менск, 1932.

³⁷ К. М. Паликарнов. Археологические Нататки. «Праці Свіццї Археолгіі», т. II. Менск, 1932, стр. 247.

³⁸ А. А. Спицын. Новые сведения о медном веке в Средней и Северной России, стр. 73—75.

³⁹ В. А. Городцов. Культуры бронзовой эпохи в Средней России, стр. 6.

⁴⁰ Т. С. Пассек, В. А. Латынин. Разведки в районе Брянска. ТСА РАНИОН, вып. IV. М., 1929, стр. 374—380.

⁴¹ О. А. Кривцова-Гракова. Горкинский могильник. «Труды ГИМ», вып. VIII. М., 1938, стр. 57—72.

⁴² Д. А. Крайнов. Вауловский могильник, стр. 105—156.

⁴³ О. Н. Бадер. Мытищинский могильник фатьяновского типа. КСМНИК, вып. 75, 1959, стр. 143—153.

⁴⁴ «Археологические исследования в РСФСР в 1934—1936 гг.» Л., 1941, стр. 87.

⁴⁵ В. И. Смирнов. Говядиновский могильник. СА, IX, 1947, стр. 213—220.

⁴⁶ Д. А. Крайнов. Верейский фатьяновский могильник. «Пионер», 1941, № 5.

⁴⁷ К. Я. Виноградов. Новые памятники фатьяновской культуры.

ную⁴⁷. Д. А. Крайнов, изучая материалы исследованного им Вауловского могильника, согласился с подобным делением, но добавил к указанным группам еще южнорусскую. Он, однако, считал, что внутри каждой группы можно выделить и ранние, и поздние памятники⁴⁸.

В этой же работе Д. А. Крайнов рассмотрел вопросы происхождения фатьяновской культуры, поселений, связей и т. д. С некоторыми положениями автора в вопросе происхождения этой культуры сейчас вряд ли можно согласиться. Однако и снять совершенно вопрос о влиянии местных неолитических культур гребенчатоямочной и ямочно-гребенчатой керамики на становление фатьяновской культуры не представляется возможным в свете современных исследований.

Следует отметить, что Д. А. Крайновым в указанной работе был впервые поставлен вопрос о существовании собственной металлургии или металлургического производства у фатьяновских племен. Выводы автора в этом вопросе встретили возражения со стороны других исследователей (А. Я. Брюсова, О. А. Кривцовой-Граковой, О. Н. Вадера и др.). Только недавно были получены неоспоримые доказательства существования собственного металлургического производства у фатьяновцев.

Впервые при раскопках Вауловского могильника А. Д. Крайновым были открыты погребальные сооружения. В статье «Вауловский могильник» подняты вопросы верований и социального устройства фатьяновцев.

Крупным событием было открытие Балановского могильника на Средней Волге. Многолетними раскопками (с 1933 по 1940 гг.) на этом могильнике вскрыто 117 погребений⁴⁹. В то время он был самым крупным фатьяновским могильником. Значение его для исследования проблемы фатьяновской культуры трудно переоценить. Детальное обследование ряда крупных могильников (Кузьминский, Протасовский, Вауловский, Горкинский, Балановский и др.), значительное расширение зоны распространения фатьяновских памятников и новые открытия сходных памятников в Поднепровье, Белоруссии, Прибалтике и в Западной Европе (культуры боевых топоров) поставили фатьяновскую проблему

в один ряд с узловыми проблемами в советской и зарубежной археологии. В эти же годы появляются статьи о фатьяновской культуре и на Западе (Коссины, Эуропеус, Менгин и др.).

Г. Коссины — основоположник особой, расистской в основе теории о происхождении фатьяновской культуры. По этой теории, древним индогерманцам, которые, по мнению Г. Коссины, являются носителями культуры шнуровой керамики, боевых топоров и мегалитов, приписывается роль распространителей этой высокой передовой культуры. С походами древних индогерманцев на восток Г. Коссины связывает и появление там шнуровой керамики и бомбовидной фатьяновской посуды.

Он считал, что фатьяновская культура не могла произойти от культуры грубой неолитической керамики стоянок Средней России, а появилась от восточногерманской культуры с круглыми (бомбовидными) горшками и сверленными топорами из твердого камня⁵⁰. Отсюда она прошла в Привисленский край, затем в Поднепровье и оттуда — на среднерусскую равнину с ее первобытным населением. Впоследствии к этой теории примкнули и другие зарубежные исследователи. Однако, как мы увидим далее, с этими взглядами нельзя согласиться.

Особо следует отметить значение работы А. Эуропеуса о каменных сверленых топорах России⁵¹. Этот исследователь систематизировал огромное количество каменных сверленых топоров, найденных на территории европейской части СССР, и распределил эти находки по трем зонам: западнорусской, среднерусской и восточно-русской, выделив для каждой из них типичные формы топоров. С рядом его выводов о характере топоров по зонам и их распространении можно согласиться. Также представляет интерес и его сравнительный анализ топоров. Однако с концепцией А. Эуропеуса о происхождении фатьяновской культуры вряд ли можно согласиться, так как он, как Г. Коссины и А. Тальгрэн, связывает ее с территорией Средней Германии, считая, что именно там имеются более древние формы топоров. Все же следует отметить, что А. Эуропеус не является сторонником прямолинейного развития фатьяновской культуры из культур Средней Германии, а учитывает своеобразие фатьяновской культуры и более сложный процесс ее происхождения путем различных скрещиваний.

Третий этап (1941—1958 гг.). Великая Отечественная война приостановила археологические исследования, но в послевоенное время они

⁴⁷ О. А. Кривцова-Гракова. Горкинский могильник, стр. 69—71.

⁴⁸ Д. А. Крайнов. Вауловский могильник, стр. 143.

⁴⁹ О. Н. Вадер. Древнейший могильник в Чувашской АССР. «Наука и жизнь», 1935, № 4, стр. 55; он же. Археологические исследования Центрального чувашского музея, стр. 36; он же. Могильник в урочище Карабай близ д. Баланово в Чувашии; М. С. Анимова. Балановский могильник (предварительное сообщение о раскопках 1940 г.). КСИИМР, вып. XVI, 1947.

⁵⁰ G. Kossina. Die Indogermanen. Leipzig, 1921, S. 58—71.

⁵¹ A. Ayrapp. Über die streitaxtkulturen in Russland.

вновь расприраются и достигают необычайного размаха в нашей стране. Открываются все новые и новые памятники фатьяновской культуры и появляются работы, в которых рассматриваются некоторые узловые вопросы данной темы.

Прежде всего следует остановиться на статье О. А. Кривцовой-Граковой о хронологии памятников фатьяновской культуры⁵². Если в статье «Горкинский могильник» она только наметила деление фатьяновских памятников на три группы, то теперь она уже детально обосновала свою точку зрения. Взяв за основу хронологический и географический принципы, О. А. Кривцова-Гракова разделила все фатьяновские могильники на три «вполне четкие группы»⁵³. Что же касается могильников под Брянском, то О. А. Кривцова-Гракова высказала мнение, что они относятся не к фатьяновской, а к особой самостоятельной культуре⁵⁴. Деление памятников фатьяновской культуры на три группы (московскую, ярославскую и чувашскую) в настоящее время в связи с накоплением новых материалов уже не может быть приемлемо. Во-первых, нельзя согласиться с предложенной О. А. Кривцовой-Граковой схемой непрерывного развития фатьяновской культуры от памятников московской группы к памятникам ярославской и от последней к памятникам чувашской группы, так как происхождение этих групп гораздо сложнее и пути развития их сейчас представляются иными. Во-вторых, хронологически эти группы, по-видимому, в своих стадиях близки и в каждой из них имеются и ранние, и поздние памятники. В-третьих, трудно также согласиться с мнением О. А. Кривцовой-Граковой относительно несовпадения площади распространения фатьяновской культуры с основной площадью, занятой памятниками неолитических культур.

Исследования последних лет показывают, что фатьяновские памятники располагаются на тех же местах, что и неолитические.

Наконец, вызывает возражение и хронология фатьяновской культуры, а именно ее удревнение.

Однако статья О. А. Кривцовой-Граковой заслуживает внимания, так как выделение трех основных групп памятников — московской, ярославской и чувашской — остается в своей основе непоколебленным. Совершенно правильно намечено развитие фатьяновской культуры в направлении с юго-запада на северо-восток и восток. Так же можно принять более позднюю датировку самого Балановского могильника и памят-

ников типа Атли-Касы. Хорошо прослежено развитие керамики от сосудов с эсвидным профилем к сосудам с цилиндрической шейкой и бортиком на венчике.

Необходимо кратко остановиться и на статье Т. С. Пассек о среднеднепровской культуре⁵⁵, в которой автор приходит к выводу о выделении в особую днепро-деснинскую группу памятников, относимых ранее К. М. Поликарповичем к особой фазис «днепро-деснинской фатьяновской культуры»⁵⁶. Т. С. Пассек ставит вопрос о связи памятников этой группы с фатьяновской культурой, допуская тем самым возможность происхождения последней из среднеднепровской культуры. Выделение Т. С. Пассек днепро-деснинской группы памятников среднеднепровской культуры имеет принципиальное значение для решения вопроса о происхождении и связях фатьяновской культуры. Впоследствии многие исследователи (М. Е. Фосс, М. М. Герасимов, А. Я. Брюсов и др.) видели в этом сходстве (днепро-деснинской группы с фатьяновской культурой) генетическую связь.

Далее мы рассмотрим различные концепции исследователей о происхождении фатьяновской культуры. Сейчас же остановимся на послевоенных открытиях фатьяновских памятников. Большой интерес представляет Ковровский и Буньковский могильники. Первый исследован А. Ф. Дубыным⁵⁷, а второй А. Я. Брюсовым⁵⁸. В Ковровском могильнике была найдена глиняная посуда со шнуровым орнаментом, близкая к посуде могильников московско-клязьминской группы. Этот факт указывает направление движения московско-клязьминских племен на восток. Что же касается остального инвентаря, то он близок к инвентарю памятников балановского типа. Открытие Ковровского могильника расширило южные границы распространения могильников фатьяновской культуры. В Буньковском могильнике наряду с инвентарем типа московских поздних могильников были обнаружены глиняные сосуды балановского типа, что заставило некоторых исследователей (М. Е. Фосс) считать подобную посуду более древней и присущей не только территории Средней Волги, но и всему ареалу фатьяновской культуры. Другие исследователи (О. Н. Бадер, А. Х. Халиков) отнесли этот памятник к бала-

⁵⁵ Т. С. Пассек. К вопросу о среднеднепровской культуре. КСИИМК, вып. XVI, 1947, стр. 34—51.

⁵⁶ Там же, стр. 47.

⁵⁷ А. Ф. Дубынин. Ковровский фатьяновский могильник. КСИИМК, вып. 53, 1954, стр. 40—54.

⁵⁸ А. Brjucov. Die Wanderungen der Ursprünglichen Stämme und die Resultate der Archäologie. «Die Entstehung der Fatjanovokultur», I—XXV. Kopenhagen, 1955.

⁵² О. А. Кривцова-Гракова. Хронология памятников фатьяновской культуры, стр. 22—33.

⁵³ Там же, стр. 22.

⁵⁴ Там же, стр. 23.

новским, объясняя его появление на Клязьме результатом продвижения балановцев с востока.

Мы считаем, что здесь может быть двойное объяснение: или это связи между группами племен, или так называемый балановский зигзаг со штриховкой, встреченный в Буньковском могильнике, мог возникнуть в более раннее время на территории верховьев Клязьмы и Волги.

Особенно крупные открытия были сделаны в изучении памятников так называемой чувашской (балановской) группы. Если раньше здесь были известны только могильники, то теперь П. Д. Степановым впервые были найдены поселения фатьяновской культуры⁵⁹. Значение этого открытия трудно переоценить. Сейчас известно более 30 поселений, расположенных в Среднем Поволжье, в Горьковской и Ульяновской областях, в Чувашской и Мордовской АССР, а также на Вятке⁶⁰.

Открытие поселений позволило установить типы жилищ, их планировку на поселениях и распространение одинаковых поселений, улавливаемых с могильниками, на обширной территории Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья.

Благодаря работам П. Н. Третьякова, П. Д. Степанова, О. Н. Бадера, А. Х. Халикова, В. П. Денисова, Н. В. Трубикиной и других исследователей внесена значительная ясность в характеристику могильников и поселений восточной территории фатьяновских племен, установлена огромная территория распространения памятников балановского типа и создана периодизация этих памятников⁶¹. О. Н. Бадер в своих позднейших работах⁶² отнес памятники балановского типа к особой балановской культуре, территория распространения которой смыкается с фатьяновской. Балановская культура, по мнению исследователя, близка фатьяновской, но отличается от нее своеобразным инвентарем, погребальным обрядом, иным антропологическим типом людей и другой исходной областью происхождения. Можно согласиться с О. Н. Ба-

дером относительно своеобразия балановских памятников, но выделять их в особую балановскую культуру вряд ли правомерно. Балановские памятники, тесно связанные с фатьяновскими памятниками и по обряду погребения, и по инвентарю могильников, и по орнаментации сосудов, и по другим признакам, следует отнести к одному из локальных вариантов фатьяновской культуры. За последнее время обломки сосудов балановского типа были найдены в Ярославской, Московской, Ивановской, Рязанской, Пензенской и Тамбовской областях. Эти находки опровергают точку зрения О. Н. Бадера.

В связи с работами на Средней Волге приобретают большое значение и антропологические исследования в области фатьяновской культуры. Впервые появляются сводки, характеризующие краниологические останки фатьяновской культуры с привлечением широкого сравнительного материала не только с территории СССР, но и с территорий зарубежных стран. Устанавливаются характерные антропологические типы носителей различных групп фатьяновской культуры, приводится характеристика их черепных указателей и описывается внешний облик фатьяновцев. На основании изучения краниологических останков антропологи приходят к ценным выводам о связях фатьяновской культуры и ее происхождении⁶³. Однако не со всеми выводами антропологов можно согласиться. В свете последних исследований (Р. Я. Денисова) вряд ли можно относить фатьяновский антропологический тип к протоевропейцам. Он скорее относится к европеоидам.

Ценным результатом антропологических исследований следует считать установление близости фатьяновского антропологического типа с прибалтийским типом арду⁶⁴, что при сходности материальной культуры служит важным доказательством общности фатьяновской культуры и культуры ладьевидных топоров Прибалтики. Заслуживает внимания концепция М. М. Герасимова о двух путях движения фатьяновских племен (южный и северный) и о связях балановских па-

⁵⁹ П. Д. Степанов. Фатьяновские поселения на Средней Суре. КСИИМК, вып. XXXII, 1950, стр. 62—68; *он же*. Итоги раскопок фатьяновских поселений на Средней Суре. КСИИМК, вып. XXXVII, 1951, стр. 64—68; *он же*. Фатьяновские поселения в Западном Поволжье. КСИИМК, вып. 53, 1954, стр. 55—60; *он же*. О фатьяновских поселениях. СА, 1953, № 2, стр. 124—136; *он же*. Новые фатьяновские памятники на территории Чувашской АССР. СА, 1958, № 4, стр. 200—202.

⁶⁰ П. Д. Степанов. О фатьяновских поселениях, стр. 125.

⁶¹ А. Х. Халиков. Периодизация памятников балановской культуры. Тезисы доклада на секции неолита и бронзы пленума ИИМК АН СССР 8 апреля 1959 г.

⁶² О. Н. Бадер. К вопросу о балановской культуре. СЗ, вып. 1, 1950; *он же*. Балановская культура. Тезисы доклада на секции неолита и бронзы пленума ИИМК АН СССР 8 апреля 1959 г.

⁶³ М. С. Акимов. Антропологический тип населения фатьяновской культуры. Труды ИЭ АН СССР, новая серия, т. 1, 1947; Г. Ф. Дебец. Палеоантропология СССР. Труды ИЭ АН СССР, новая серия, 1948; М. М. Герасимов. Восстановление лица по черепу. М., 1955; М. С. Акимов. Новые палеоантропологические находки эпохи неолита на территории лесной полосы европейской части СССР. КСИЭ, XVIII, 1958; Т. А. Трофимова. Об антропологических связях в эпоху фатьяновской культуры. СЗ, 1949, № 3; Г. Ф. Дебец, Т. А. Трофимова, Н. Н. Чебоксаров. Проблемы заселения Европы по антропологическим данным. Труды ИЭ АН СССР, новая серия, т. XVI, 1951.

⁶⁴ Г. Ф. Дебец. Палеоантропология СССР; М. М. Герасимов. Восстановление лица по черепу.

мятников со среднеднепровскими памятниками⁶⁵. Особый интерес представляет открытие коллективного погребения в Талдомском р-не Московской обл. на стоянке Николо-Перевоз⁶⁶. Этот памятник, судя по погребальному инвентарю, относится к поздней стадии развития фатьяновской культуры. В слоях с волосовской керамикой найдена фатьяновская посуда, что подтверждает позднюю дату Николо-Перевозского могильника.

Для решения вопросов о происхождении фатьяновской культуры имели значение раскопки вновь открытых памятников днепро-деснянского типа в Брянской обл.⁶⁷ Эти исследования вместе с прежними исследованиями таких памятников, как Брасово⁶⁸, Куракин Бор, Речица и др.⁶⁹, еще более утвердили взгляды о близости днепро-деснянских памятников с фатьяновскими.

Для изучения фатьяновской культуры не менее важны исследования грунтовых захоронений со сверленными ладьевидными топорами в Прибалтике⁷⁰. По мнению Х. А. Моора, эти погребения представляют собой прибалтийскую параллель фатьяновским могильникам⁷¹. Появление их в Прибалтике он рассматривает как проникновение сюда новых этнических элементов, балтских или литовско-латышских племен⁷², сыгравших определенную роль в этногенезе славян: Х. А. Моора считает, что территория славяно-балтийской общности была где-то на Висле и Одере, откуда он и ведет культуру ладьевидных топоров в Прибалтику. Особенности отдельных

групп этой культуры, а также родственных им среднеднепровской и фатьяновской культур он объясняет несколькими направлениями путей передвижения племен с низовьев Вислы⁷³. Мы не даем здесь подробного анализа концепции Х. А. Моора, но должны согласиться, что указанные памятники Прибалтики близки и родственны фатьяновским памятникам. Они дают не только хороший сравнительный материал, но и помогают решить вопрос происхождения фатьяновской культуры.

На Западе проблема фатьяновской культуры нашла свое отражение в ряде крупных работ, из которых следует упомянуть книгу Г. Чайлда⁷⁴. Автор рассматривает фатьяновскую культуру в общем аспекте развития так называемых культур с боевыми топорами и шнуровой керамики. Г. Чайлд дает краткую характеристику фатьяновской культуры, считая ее скотоводческой и земледельческой и указывая на сохранение прежней охотничье-рыболовческой экономики. Г. Чайлд полагает, что производящие формы хозяйства могли возникнуть в Средней России только под влиянием южных степных культур. Эти связи устанавливаются, по его мнению, и по некоторым типам оружия, с чем нельзя согласиться. Наряду с влиянием Причерноморских степей Чайлд указывает и на сходство фатьяновской культуры с западными культурами шнуровой керамики и боевых топоров. Он причисляет фатьяновскую культуру к остальным культурам боевых топоров. Точка зрения на происхождение всех этих культур у Г. Чайлда своеобразна. Он считает, что они, в том числе и фатьяновская, произошли на месте, но под сильным влиянием скотоводческо-земледельческих культур степного Причерноморья. Он сторонник не миграций племен, а диффузионного проникновения тех или иных достижений культуры. В какой-то степени он прав в своей концепции об основном местном компоненте культур шнуровой керамики и боевых топоров.

Нельзя обойти молчанием и книгу М. Гимбутас⁷⁵. Она рисует картину широких передвижений племен шнуровой керамики, шаровидных амфор и культур с боевыми топорами, связывая их происхождение с поздней стадией ямной культуры. Правильно критикуя сторонников происхождения указанных культур из саксо-тюрингской культуры шнуровой керамики, она вряд ли права в решении вопроса о происхождении фатьяновской и других культур из ямной

⁶⁵ М. М. Герасимов. Восстановление лица по черепу.

⁶⁶ В. М. Раушенбаз. К вопросу о взаимоотношениях неолитических племен и фатьяновцев. Тезисы доклада на секции неолита и бронзы пленума ИИМК 8 апреля 1959 г.

⁶⁷ В. А. Рыбаков. Раскопки во Вщиже в 1948—1949 гг. КСИИМК, вып. XXXVIII, 1951; И. Г. Ровенфельдт. Стоянка Мыс Очковский. КСИИМК, вып. XXXI, 1950; В. В. Кропоткин. Белынецкие курганы и стоянки. КСИИМК, вып. XVII, 1956, стр. 52—66; он же. Новые исследования Белынецких курганов. КСИИМК, вып. 75, 1959, стр. 103—113.

⁶⁸ А. А. Спичин. Новые сведения о медном веке в Средней и Северной России.

⁶⁹ Т. С. Пассек, В. А. Латыгин. Разведки в районе Брянска, стр. 374—390.

⁷⁰ Х. А. Моора. Вопросы этногенеза народов Советской Прибалтики по данным археологии. КСИИМК, XII, 1950, стр. 29—37; он же. Некоторые вопросы этногенеза эстонского народа в свете археологических данных. СА, XXI, 1954; он же. Памятники позднего неолита и ранней эпохи металла в Прибалтике. КСИИМК, вып. XVIII, 1952, стр. 5 и сл.; Л. Ю. Янигс. Поздние неолитические могильники в Эстонской ССР. КСИИМК, вып. XII, 1954, стр. 53 и др.; он же. Поселения эпохи неолита и раннего металла в приустьях р. Эмайгги. Таллин, 1959, стр. 343—357.

⁷¹ Х. А. Моора. Некоторые вопросы этногенеза..., стр. 97.

⁷² Там же, стр. 98.

⁷³ Х. А. Моора. История сложения балтийских племен. Доклад на пленуме ИИМК в 1955 г.

⁷⁴ Г. Чайлд. У истоков европейской цивилизации. М., 1952, стр. 223—227.

⁷⁵ М. Gimbutas. The Prehistory of Eastern Europe. Cambridge, 1956.

ной культуры. Погребальные комплексы ямной культуры и антропологический тип ничего общего не имеют, например, с фатьяновской культурой, и вести последнюю с юга вряд ли возможно.

В книге М. Гимбутас есть ценные выводы по ряду частных вопросов, как, например: о сходстве фатьяновского и прибалтийского антропологического типа и краниологических остатков из Богемии и Силезии; о распространении топоров, близких к фатьяновским типам, только до Вислы и др. В нашу задачу не входит подробный разбор книги М. Гимбутас, и мы ограничимся только этими замечаниями.

На работах Т. Сулимирского мы остановимся в главе о происхождении фатьяновской культуры, а здесь лишь отметим его упоминание о родственности фатьяновской культуры с культурами шнуровой керамики Польши. Он даже называет территории Польши и Белоруссии прото-фатьяновской территорией⁷⁶.

Р. Глоб интересен для нас тем, что одним из первых высказал мысль о том, что исходную территорию для всех культур с боевыми топорами надо искать на территории СССР и Польши⁷⁷. Он склоняется к мысли, что скорее всего это были южные русские степи, где в суббореальный период жили кочевники-скотоводы. Причину расселения этих кочевников Глоб видит в засухе, приведшей к сокращению пастбищ в перенаселенных степях. Фатьяновскую культуру он также ведет из степи, как и остальные культуры боевых топоров Финляндии, Швеции, Дании, Прибалтики, Центральной Европы, Северной Германии и т. д. В этих местах образовались новые центры, и в свою очередь отсюда шло дальнейшее расселение. Мы не можем согласиться со взглядами П. Глоба на происхождение культур с боевыми топорами, в том числе и фатьяновской, по причинам, изложенным в главе «О происхождении фатьяновской культуры». Что касается типологии топоров, то он совершенно правильно выделяет для территории Дании наиболее ранний тип А₁ — обушковый коротколопастный. Однако этот тип топора нельзя считать ранним для всех территорий, как это делают некоторые исследователи. Р. Глоб совершенно правильно считает, что формы каменных сверленных топоров на восток от Вислы в Прикарпатье и Прибалтике близки типам топоров Центральной России. Это обстоятельство, подчеркнутое М. Гимбутас, Т. Сулимирским и дру-

гими, является важным фактором в решении вопроса о происхождении фатьяновской культуры.

В 50-е годы появилось несколько обобщающих работ и у нас⁷⁸, в которых рассматривается не только вопрос о происхождении фатьяновской культуры, но и такие вопросы, как сосуществование фатьяновских и неолитических племен на одной территории, но в разных местах, исчезновение фатьяновской культуры, хронология, связи с другими культурами и др.

Мы не можем согласиться с трактовкой вопроса о сосуществовании фатьяновских и неолитических племен на одной и той же территории, но в разных местах (О. Н. Бадер, М. Е. Фосс, А. Я. Брюсов и др.). Новейшие данные опровергают это положение, а также и выводы А. Я. Брюсова и М. Е. Фосса об отсутствии контактов между ними. Мы придерживаемся иных взглядов и на хронологию фатьяновской культуры по сравнению с А. Я. Брюсовым, М. Е. Фосс, О. А. Кривцовой-Граковой и другими, удравняющими эту культуру. Однако следует отметить, что широкая постановка указанных вопросов уже сама по себе была положительным фактом, так как дальнейшая дискуссия по ним вела к выяснению их.

Четвертый этап (1958—1969 гг.) начинается с работ Верхневолжской экспедиции ИА АН СССР. Свыше десяти лет ведутся плановые исследования фатьяновских памятников на обширной территории Верхнего Поволжья (Ярославская, Ивановская, Калининская и Костромская области)⁷⁹. За эти годы Верхневолжской экспедицией было открыто и обследовано около 45 могильников и 15 стоянок с фатьяновскими вещами (рис. 1). На могильниках вскрыто около 240 погребений, что превышает больше чем в три раза число всех погребений фатьяновской культуры за все предыдущие годы со дня открытия первого могильника.

Добыт огромный археологический материал, послуживший основой для данной работы. Прослежен обряд погребения во всех деталях, начиная с устройства могил, погребальных сооружений, положения погребенных и расположения погребального инвентаря. Тщательное изучение

⁷⁶ T. Sulimski. Die schnurkeramischen Kulturen und die indoeuropäischen Problem. «La Pologne», w. VII, Congress internat. des sciences historiques, vol. I. Warszawa, 1933.

⁷⁷ P. V. Glob. Studier over den Jyske enkeltgravs kultur. Aarbøger der nordisk Oldkyndighed og Historie. København, 1945.

⁷⁸ А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952, стр. 11, 12, 17, 88—95, 251—260; М. Е. Фосс. Древнейшая история европейской части СССР. МИА, 1952, № 29, стр. 182—193; она же. Поселения на дюне Озменки. КСИИМК, вып. 75, 1959, стр. 3—18; М. М. Герасимов. Восстановление лица по черепу, стр. 479—484; П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. М., 1953, стр. 30—31; В. И. Равдоникас. История первобытного общества, т. II. Л., 1947; А. В. Арциховский. Основы археологии. М., 1954.

⁷⁹ Д. А. Крайнов. Отчеты Верхневолжской экспедиции за 1958—1969 гг. Архив ИА АН СССР.

погребальных сооружений выявило их однотипность и интересные детали в конструкции стен, углов и пола.

При раскопках Волосово-Даниловского могильника получено твердое доказательство существования металлургического производства у фатьяновцев. В погребении металлурга (№ 21) найдены глиняные литейные формы для отливки медных вислобушных топоров и тигель, что подтвердило наше предположение о существовании металлургического производства у фатьяновцев, высказанное в 1941 г.⁸⁰

Погребения пастухов с собаками в Тимофеевском, Волосово-Даниловском и Болшневском могильниках позволяет с большей уверенностью утверждать наличие патриархальных отношений в фатьяновском обществе и особый характер скотоводческого хозяйства. Впервые при раскопках Волосово-Даниловского могильника получены доказательства о существовании у поздних фатьяновцев всех основных видов домашних животных, включая крупный рогатый скот и лошадей. Это дало основание для суждения о передвижениях фатьяновских племен и развитии культуры в направлении с запада на восток и северо-восток. Открытие на Верхней Волге такого огромного могильника, как Волосово-Даниловский (около 125 погребений), и наличие в нем элементов «балазовской орнаментики» (штрихованные ромбы, широкий зигзаг со штриховкой и др.) является немаловажным доказательством появления этих элементов внутри верхневолжской группы и их дальнейшего развития в памятниках Средней Волги.

Наконец, при раскопках всех этих могильников получен большой краниологический материал, впервые позволяющий дать полную характеристику фатьяновского антропологического типа верхневолжской группы. Результаты раскопок многих памятников опубликованы сотрудниками Верхневолжской экспедиции.⁸¹

Наряду с могильниками Верхневолжской экс-

педицией были исследованы неолитические стоянки, в верхних слоях которых обнаружены фатьяновские вещи.

Наиболее интересны следующие стоянки: Золоторучье I, II, III⁸², Ронское I, II, III⁸³, Воронка⁸⁴, Дикариха⁸⁵, Польцо⁸⁶, Рождественский Остров⁸⁷, Сахтыш I, II, IV⁸⁸, Юрьевское⁸⁹ и др.

Эти исследования дают основу для хронологии фатьяновской культуры. Фатьяновские вещи, обнаруженные в слоях с волосовской керамикой и в поселениях только с текстильной керамикой, фиксируют, с одной стороны, первое появление фатьяновских племен в Волго-Окском междуречье в позднее волосовское время, начало которого датируется многими исследователями концом III и началом II тысячелетия до н. э., а с другой стороны, — конечную фазу фатьяновской культуры, относимую к концу бронзового века. Наши исследования подтверждаются и раскопками стоянок в Прибалтике и на Среднем Днепре, где также шнуровая керамика и каменные боевые топоры появляются в поздне-неолитических слоях. Таким образом, раскопками стоянок получена твердая база для создания хронологии фатьяновской культуры. Кроме того, устанавливается факт нахождения фатьяновских вещей не только на одной территории с местными племенами, но на одном и том же месте, а также неоднократно подтверждаются тесные контакты фатьяновских племен с местными племенами, и, наконец, выясняются детали смешения местных племен с фатьяновскими племенами и переработка этих культур в новую фазу древнейшей истории Волго-Окского междуречья.

В 1963 и 1964 гг. выходят «Сводные археологические источники»⁹⁰. В них собраны в опреде-

101, 1964; она же. Фатьяновские памятники Владимирской области. КСИА, вып. 93, 1963; она же. Фатьяновские памятники Ивановской и Костромской областей. КСИА, вып. 115, 1967; Н. А. Кирьянова. Ильинско-Хованский могильник фатьяновской культуры. КСИА, вып. 101, 1964, и др.

⁸² Д. А. Крайнов. Дюнная стоянка Золоторучье I. КСИИМК, вып. 75, 1959; он же. Некоторые спорные вопросы древнейшей истории Волго-Окского междуречья. КСИА, вып. 97, 1964.

⁸³ Отчеты Верхневолжской экспедиции за 1965—1966 гг. Архив ИА АН СССР.

⁸⁴ Отчеты Верхневолжской экспедиции за 1959 г. Архив ИА АН СССР.

⁸⁵ А. Л. Никитин. Дикариха. МИА, 1963, № 110.

⁸⁶ Отчеты Верхневолжской экспедиции за 1961—1962 гг. Архив ИА АН СССР.

⁸⁷ Отчеты Верхневолжской экспедиции за 1962, 1967 гг. Архив ИА АН СССР.

⁸⁸ О. С. Гадзьянская, Д. А. Крайнов. Новые исследования неолитических памятников Верхнего Поволжья. КСИА, вып. 100, 1965.

⁸⁹ Отчеты Верхневолжской экспедиции за 1961 г.

⁹⁰ Д. А. Крайнов. Памятники фатьяновской культуры. Московская группа; он же. Памятники фатьяновской культуры. Ярославско-Калининская группа.

⁸⁰ Д. А. Крайнов. Вауловский могильник.

⁸¹ Д. А. Крайнов. Памятники фатьяновской культуры. Московская группа. САИ, В1-19, 1963; он же. Памятники фатьяновской культуры. Ярославская группа. САИ, В1-20, 1964, он же. Волосово-Даниловский могильник фатьяновской культуры. СА, 1964, № 4; он же. Новые исследования памятников фатьяновской культуры. «Новое в советской археологии». М., 1965, он же. Новые памятники фатьяновской культуры. КСИА, вып. 88, 1962; он же. Олочинский и Тасканский могильники фатьяновской культуры. КСИА, вып. 106, 1966; он же. Изучение территории Верхнего Поволжья. «Археологические открытия 1965 г.». М., 1966, и др.; О. С. Гадзьянская. Фатьяновский могильник балазовского типа в Ивановской области. СА, 1963, № 1; она же. Милославский фатьяновский могильник. «Памятники каменного и бронзового веков». М., 1964; она же. Фатьяновский могильник у д. Кривцово. КСИА, вып.

ленном порядке истерпяющие сведения о памятниках фатьяновской культуры, дана их интерпретация и создана новая типология фатьяновских сверленных и клиновидных каменных топоров. Создание типологической классификации топоров дало возможность выявить зоны их распространения, что в свою очередь привело к созданию новой периодизации памятников фатьяновской культуры и к установлению путей передвижения фатьяновских племен.

В эти же годы развываются и работы по исследованию фатьяновских памятников на Средней Волге. П. Д. Степанов раскапывает фатьяновские поселения в Посурье⁹¹; А. Х. Халиков исследует поселения на Средней Волге⁹² и в Вятско-Ветлужском междуречье⁹³. Раскопки этих поселений дали основу для создания периодизации памятников балановской культуры⁹⁴. Вместе с тем на Средней Волге и в Вятско-Ветлужском междуречье исследуются и другие поселения, а также грунтовые и курганные могильники. Для выяснения смещения верхневолжских и средневолжских фатьяновских племен представляют интерес раскопки поселений Буй I и Буй II на р. Вятке⁹⁵. Большое значение для установления хронологии средневолжских фатьяновских памятников имеет открытие на р. Свияге ранних памятников типа Козловского могильника⁹⁶. Характер этих памятников позволяет увязать их с окско-деснинскими памятниками. В этом, пожалуй, их главное значение. Не меньший интерес вызвали и раскопки Чурачинского курганного могильника в Чувашии. В нем, как и в Волосово-Даниловском могильнике, были найдены глиняные литейные формы для отливки медных вислобущных топоров, а также топор, отлитый в одной из этих форм. Это еще раз подтверждает существование собственной металлургии у фатьяновских племен⁹⁷.

На Средней Волге и в Вятско-Ветлужском междуречье выявлены и раскопаны десятки новых памятников фатьяновской культуры, часть которых отнесена к очень позднему времени

существования этой культуры на Средней Волге⁹⁸.

Изучение фатьяновских памятников Средней Волги завершилось двумя крупными работами О. Н. Бадера⁹⁹. В них подведены итоги не только многолетних исследований автора, но и дана сводка всех памятников балановской культуры. В монографии «Балановский могильник» поставлены и общие вопросы, касающиеся хозяйства, идеологии и социального строя носителей балановской культуры, а также вопросы происхождения и распространения этой культуры. Значительный интерес представляют публикации палеоантропологических материалов Балановского могильника¹⁰⁰ и статья Е. Н. Черных о спектральных исследованиях медных изделий из могильников балановского и фатьяновского типов¹⁰¹.

Высоко оценивая значение монографии «Балановский могильник», мы, однако, не можем согласиться с автором по двум вопросам: выделение балановских памятников в самостоятельную культуру и происхождения памятников балановской культуры из области ямной культуры¹⁰². Вызывает возражение и удлинённая (растянутая) датировка самого Балановского могильника. В какой-то степени права С. А. Кривцова-Гракова, отнеся Балановский могильник к поздней стадии фатьяновской культуры.

Нельзя обойти молчанием и статью П. М. Кожина о хронологии шаровидных амфор¹⁰³. Его наблюдения над развитием форм шаровидных амфор представляются нам перспективными. Что же касается его выводов о происхождении фатьяновской культуры, то с ними трудно согласиться.

Особое значение имеют работы Н. Н. Гуриной в выяснении места фатьяновской культуры среди неолитических культур и культур конца бронзового века лесной полосы европейской части СССР¹⁰⁴. Исследованные ею стоянки Борань и

⁹¹ П. Д. Степанов. Фатьяновские поселения на Средней Суре.

⁹² А. Х. Халиков, Е. А. Халикова. Васильсурское поселение эпохи бронзы. МИА, 1963, № 110.

⁹³ А. Х. Халиков. Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Южного Прикамья в эпоху неолита и бронзы. «Труды Марийской археол. экп.», т. I. Йошкар-Ола, 1960.

⁹⁴ А. Х. Халиков. Периодизация памятников балановской культуры.

⁹⁵ В. П. Денисов. Новые археологические памятники на р. Вятке. СА, 1958, № 3, стр. 111.

⁹⁶ А. Х. Халиков. Балановские памятники в Татарии. КСИИ, вып. 97, 1964, стр. 50—58.

⁹⁷ В. Ф. Казовский. Чурачинский курган в Чувашии. СА, 1963, № 3.

⁹⁸ Недавно в Горьковской обл. был открыт новый могильник около г. Урень. Вещи из могильника близки вещам из поздних верхневолжских могильников. Этот могильник свидетельствует о передвижении верхневолжских фатьяновских племен в Вятско-Ветлужском междуречье, очевидно, в поисках рудных мест.

⁹⁹ О. Н. Бадер. Балановская культура. 1961, СА, № 4; он же. Балановский могильник. М., 1963.

¹⁰⁰ М. С. Акимов. Палеоантропологические материалы из Балановского могильника. В кн.: О. Н. Бадер. Балановский могильник.

¹⁰¹ Е. Н. Черных. Спектральные исследования медных изделий из могильников балановского и фатьяновского типов. В кн.: О. Н. Бадер. Балановский могильник.

¹⁰² О. Н. Бадер. Балановский могильник, стр. 313.

¹⁰³ П. М. Кожин. Хронология шаровидных амфор фатьяновских могильников. СА, 1963, № 3.

¹⁰⁴ Н. Н. Гурина. Памятники эпохи бронзы и раннего железа. МИА, 1963, № 110.

Станок I, II в Костромской обл. дают ключ к пониманию вопроса об исторических судьбах фатьяновских племен. Особую важность имеют ее выводы о смещении фатьяновской и волосовской керамики и, наконец, выделение трех основных последовательных этапов в смене культур Волго-Окского междуречья во II тысячелетии до н. э.: волосовского, фатьяновского и культуры с текстильной керамикой. Правильность этого положения подтверждается и раскопками других стоянок (Сахтыш I, II, IV, Золоторучье I и др.). Стоянки Борань и Станок II являются достоверными фатьяновскими поселениями на Верхней Волге и служат основой в создании хронологии памятников фатьяновской культуры.

Фатьяновской проблемой заинтересовались и лингвисты, рассматривающие культуру боевых топоров как некую единую индоевропейскую общность¹⁰⁵. Выводы В. А. Серебренникова о принадлежности древних балтийских языковых элементов, выявленных им в языках восточных угро-финнов, носителям фатьяновской культуры нам представляются перспективными. Возражения против этой концепции, выдвинутые Г. С. Кнабе¹⁰⁶, опровергаются новейшими исследованиями памятников фатьяновской культуры.

Из археологов вопросами этногенеза культур с боевыми топорами занимались Х. А. Моора¹⁰⁷ и А. Я. Брюсов¹⁰⁸. Большой заслугой Х. А. Моора является выяснение вопроса о расселении древних балтов. А. Я. Брюсов высказал гипотезу о том, что племена культур с боевыми топорами представляли собой еще не разделившихся германо-балто-славян. Вопросы этногенеза в изучении фатьяновской культуры и культур с боевыми топорами находятся еще в стадии первоначальной разработки и дискуссий.

В последние годы фатьяновская культура рассматривается на общем фоне большой культурно-исторической общности (возможно, этнической) культур с боевыми топорами. С этой стороны заслуживает внимания работа А. Я. Брюсова и М. П. Зиминной¹⁰⁹. В ней затрагивается вопрос происхождения фатьяновской культуры, связанной с южнорусскими степями. Мы

не можем согласиться с этим выводом, так как комплексы фатьяновских памятников и памятников ямно-катакомбной культуры, из которых авторы выводят образование фатьяновской культуры, не имеют ничего общего между собой. Формы ямно-катакомбных топоров также резко отличаются от фатьяновских. Однако указанные случаи несогласия с авторами не умаляют значения их работы в историографии фатьяновской культуры.

Следует упомянуть работы П. Н. Третьякова и Е. Н. Черных¹¹⁰. Безусловно, они имеют, особенно книга П. Н. Третьякова, большое значение в выяснении многих вопросов фатьяновской культуры.

В работах И. И. Артеменко в области изучения среднеднепровской культуры¹¹¹ рассматриваются памятники, близкие памятникам московско-клязьминской группы фатьяновской культуры. Эти работы затрагивают и ряд общих вопросов, касающихся взаимоотношений среднеднепровской и фатьяновской культур. Не могу согласиться с И. И. Артеменко, что эти взаимоотношения основаны только на простых связях. Сейчас выделяется большая близость днепродеснянских памятников и памятников московско-клязьминской группы фатьяновской культуры, которую никак нельзя объяснить только связями.

Из зарубежных работ последних лет некоторый интерес представляет книга Я. Озольса¹¹². В ней подробно излагается историография фатьяновской культуры, начиная с открытия А. С. Уваровым фатьяновского могильника. Далее следует «Каталог» фатьяновских памятников по группам. В двух последних разделах излагаются критика взглядов разных исследователей и собственное мнение автора о фатьяновской культуре. С его разбором и классификацией фатьяновских памятников нельзя согласиться, так как автор не знает многих материалов. Ошибкой его является и рассмотрение культур ямной, катакомбной, срубной, поздняяновской, шаровидных амфор, шнуровой керамики, андроновской и других как существовавших одновременно, не считаясь с этапами развития. Исследователь считает, что происхождение фатьяновской культуры надо искать в поздней древнем-

¹⁰⁵ В. А. Серебренников. О некоторых следах исчезнувшего индоевропейского языка в центре европейской части СССР, близкого к балтским. «Труды АН Лит.ССР», серия А, 1(2). Вильнюс, 1957.

¹⁰⁶ Г. С. Кнабе. Словарные заимствования и этногенез. (К вопросу о «балтийских заимствованиях» в восточных финно-угорских языках.) «Вопросы языкознания», 1962, № 1.

¹⁰⁷ Х. А. Моора. О древней территории расселения балтийских племен. СА, 1958, № 2.

¹⁰⁸ А. Я. Брюсов. Об экспансии культур с боевыми топорами в конце III тысячелетия до н. э. СА, 1961, № 3.

¹⁰⁹ Там же; А. Я. Брюсов, М. П. Зимина. Каменные сверленные топоры на территории европейской части СССР, САИ, В4-4, 1966.

¹¹⁰ П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М., 1966; Е. Н. Черных. История древнейшей металлургии Восточной Европы. М., 1960.

¹¹¹ И. И. Артеменко. Среднеднепровская культура. СА, 1963, № 2; он же. Племена Верхнего и Среднего Поднепровья в эпоху бронзы. М., 1967; он же. Неолитические стоянки и курганы эпохи бронзы близ с. Ходосовичи Гомельской обл. БССР. Памятники каменного и бронзового веков Евразии, М., 1964, и др.

¹¹² J. Ozols. Ursprung und Herkunft der zentralrussischen Fattanovo-kultur. «Berlin Beiträge zur Vor- und Freigeschichte von Otto Friedrich». Bonn, 1964.

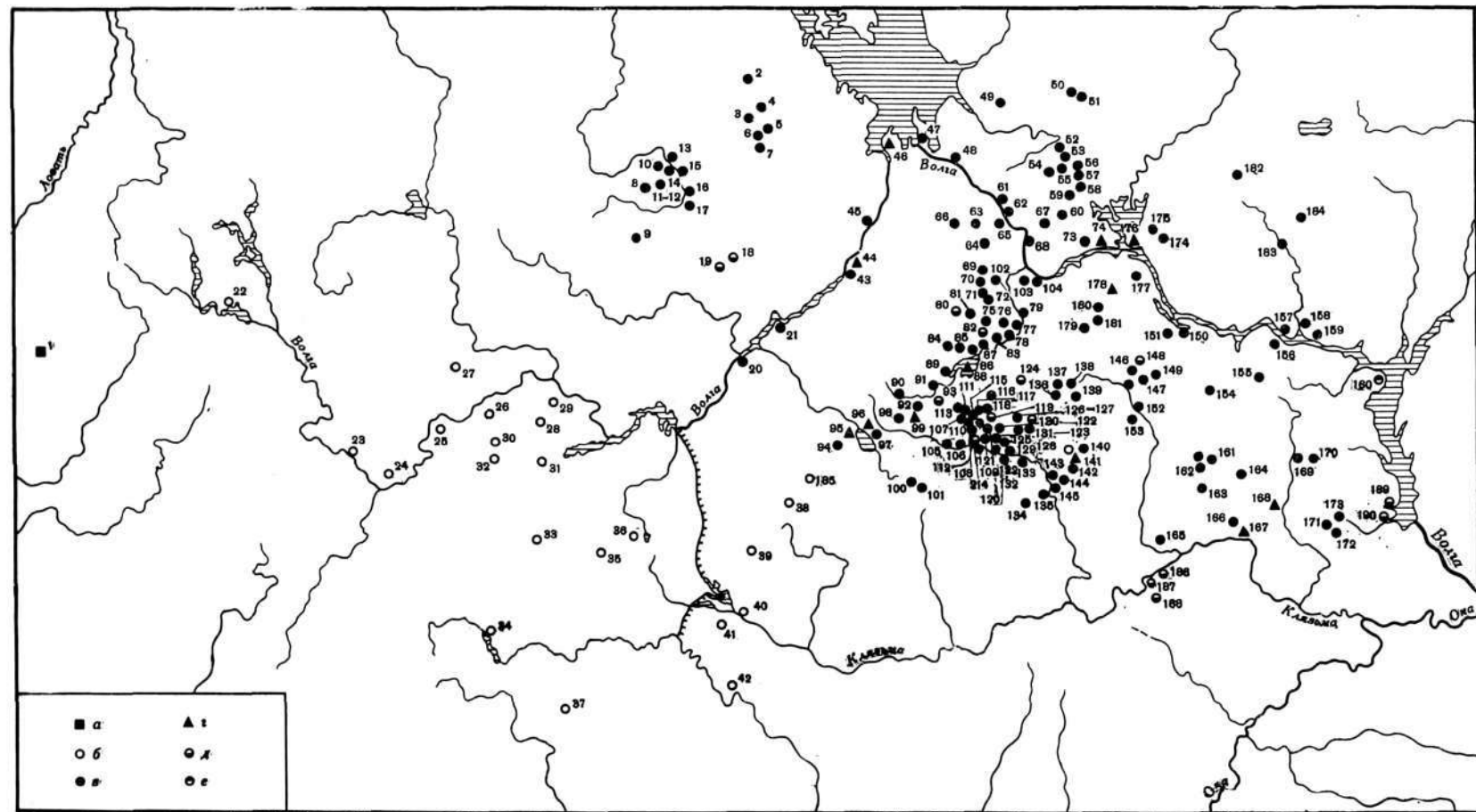

Рис. 1. Карта исследований фатьяновских памятников Верхневолжской экспедиции ИА АН СССР

а — памятники двинско-ильменской группы; б — памятники московско-клязьминской группы; в — памятники верхневолжской группы; г — стоянки московско-клязьминской и верхневолжской групп; д — смешанные памятники московско-клязьминской и верхневолжской групп; е — смешанные памятники верхневолжской и средневолжской групп

Памятники Калининской обл.: 1 — городище Торонец; 2 — Овинищенский могильник; 3—4 — городище Красный холм; 5 — с. Малое Рагозино; 6 — д. Костево; 7 — Желобянский могильник; 8 — Лозьевский могильник; 9 — с. Моркины Горы; 10 — д. Борок; 11 — Болшевский могильник II; 12 — Болшевский могильник III; 13 — д. Захарово; 14 — д. Корницы; 15 — Бежецкий могильник; 16 — с. Глазово; 17 — Сукромнинский могильник; 18 — Олочинский могильник; 19 — Таскаихский могильник; 20 — д. Красная Горка; 21 — г. Калязин; 22 — с. Хотюшино; 23 — Ржевский могильник; 24 — д. Молоково; 25 — с. Холохольня; 26 — с. Емельяново; 27 — с. Шенелино; 28 — Цветковский могильник; 29 — Ошурковский могильник; 30 — Базыкинский могильник; 31 — Тургиновский могильник

Памятники Московской обл.: 32 — Абушковский могильник; 33 — Новлянский могильник; 34 — Ханевский могильник; 35 — с. Никольское; 36 — Солнечногорский могильник; 37 — д. Литвиново; 38 — с. Богородское; 39 — Ахтырка; 40 — Пестовский могильник; 41 — ст. Загорянка; 42 — д. Верея

Памятники Ярославской обл.: 43 — г. Углич; 44 — Золоторучинская стоянка; 45 — Рыболовский могильник; 46 — Копринская стоянка; 47 — с. Васильевское; 48 — с. Мелкое; 49 — Ледниковский могильник; 50 — Починковский могильник; 51 — Пречистенский могильник; 52 — Погорелкинский могильник; 53 — Николо-Невьяновский могильник; 54 —

Никитинский могильник; 55 — Бабаевский могильник; 56 — Сениковский могильник; 57 — Серковский могильник; 58 — с. Семеновское; 59 — с. Глуховка; 60 — Волосово-Даниловский могильник; 61 — Холмогорский могильник; 62 — г. Тутаев; 63 — Вауловский могильник; 64 — Мансуровский могильник; 65 — Константиновский могильник; 66 — Андреевский могильник; 67 — с. Толбухино; 68 — с. Софино; 69 — Серкинский могильник; 70 — Наумовский могильник; 71 — Воронковский могильник; 72 — Никулидинский могильник; 73 — Воронский могильник; 74 — стоянка Воронка; 75 — Коркинский могильник; 76 — Великосельский могильник; 77 — Пятницегорский могильник; 78 — Мельничногогорский могильник; 79 — Введенский могильник; 80 — Халдеевский могильник; 81 — Ильинско-Зареченский могильник; 82 — Голузинский могильник; 83 — Романцовско-Ушновский могильник; 84 — Борисоглебский могильник; 85 — Ростовский могильник; 86 — г. Ростов; 87 — Ростов II; 88 — стоянка Рождественский Остров; 89 — Пужольский могильник; 90 — Фатьяновский могильник II; 91 — д. Деревни; 92 — д. Осокино; 93 — Карашский могильник; 94 — д. Толицы; 95 — стоянка Польцо; 96 — стоянка Дикариха; 97 — г. Городище; 98 — д. Тараскино; 99 — Ватулинская стоянка; 100 — с. Смоленское; 101 — с. Калитово; 102 — Котовский могильник; 103 — Ярославский могильник; 104 — г. Ярославль

Памятники Ивановской обл.: 105 — с. Хлебницы; 106 — с. Шепинково; 107 — д. Александровка; 108 — Милославский могильник; 109 — д. Спирки; 110 — Киягинский могильник; 111 — Луговской могильник; 112 — с. Коровойницы; 113 — с. Спас-Городец; 114 — Гулянский могильник; 115 — Ильинско-Хованский могильник; 116 — с. Лазарцево-Фомино; 117 — с. Шумятино; 118 — с. Санниково; 119 — с. Назарово; 120 — Зимилова Гора; 121 — д. Никитинское; 122 — Жилкинский могильник; 123 — с. Фромцево; 124 — Тимофеевский могильник; 125 — Аньковский могильник; 126 — Доницельский

могильник I; 127 — Доницельский могильник II; 128 — д. Константиново; 129 — с. Игрищи; 130 — Кривцовский могильник; 131 — Ядревский могильник; 132 — Выстринский могильник; 133 — Петрихский курганный могильник; 134 — с. Муравьино; 135 — Петровский могильник; 136 — Мытищинский могильник; 137 — Жарковский могильник; 138 — Бутковский могильник; 139 — Добрищевский могильник; 140 — Милославский могильник; 141 — стоянки Сахтыш I, II, IV; 142 — с. Третьяково; 143 — д. Дубасово; 144 — Ясновский могильник; 145 — д. Вывозиха; 146 — Скомороховский могильник; 147 — д. Ботаево; 148 — д. Хромцево; 149 — Шухомошский могильник; 150 — Горкинский могильник; 151 — д. Васин Поток; 152 — Дьяковский могильник; 153 — д. Иваново; 154 — Пестовский могильник; 155 — д. Боровитиха; 156 — г. Кинешма; 157 — г. Заволжск; 158 — д. Павлиха; 159 — д. Жажлево; 160 — Юрьевский могильник; 161 — Осиногогорский могильник I (Шуя); 162 — Осиногогорский могильник II (Шуя); 163 — Змеевский могильник; 164 — Дитивский могильник; 165 — Заборьевский могильник; 166 — с. Холуй; 167 — с. Холуй (стоянка); 168 — Толстуха (стоянка); 169 — Оленинский могильник; 170 — с. Малая Малибуха; 171 — Сквородчинский могильник; 172 — с. Вербино; 173 — Лоханиский могильник

Памятники Костромской обл.: 174 — Болтоновский могильник; 175 — Денисовский могильник; 176 — оз. Святое (стоянка); 177 — д. Пантусово; 178 — д. Косынино; 179 — с. Рождественское; 180 — Перехтский могильник; 181 — Горичский могильник; 182 — Галичская стоянка (Туровское); 183 — Юрьевский могильник; 184 — Игодовский могильник

Памятники Владимирской обл.: 185 — Сузевский могильник; 186 — Новровский могильник; 187 — Шашевский могильник; 188 — Федотовский могильник

Памятники Горьковской обл.: 189 — Губцевский могильник; 190 — Нагорновский могильник

Д. А. Крайнов

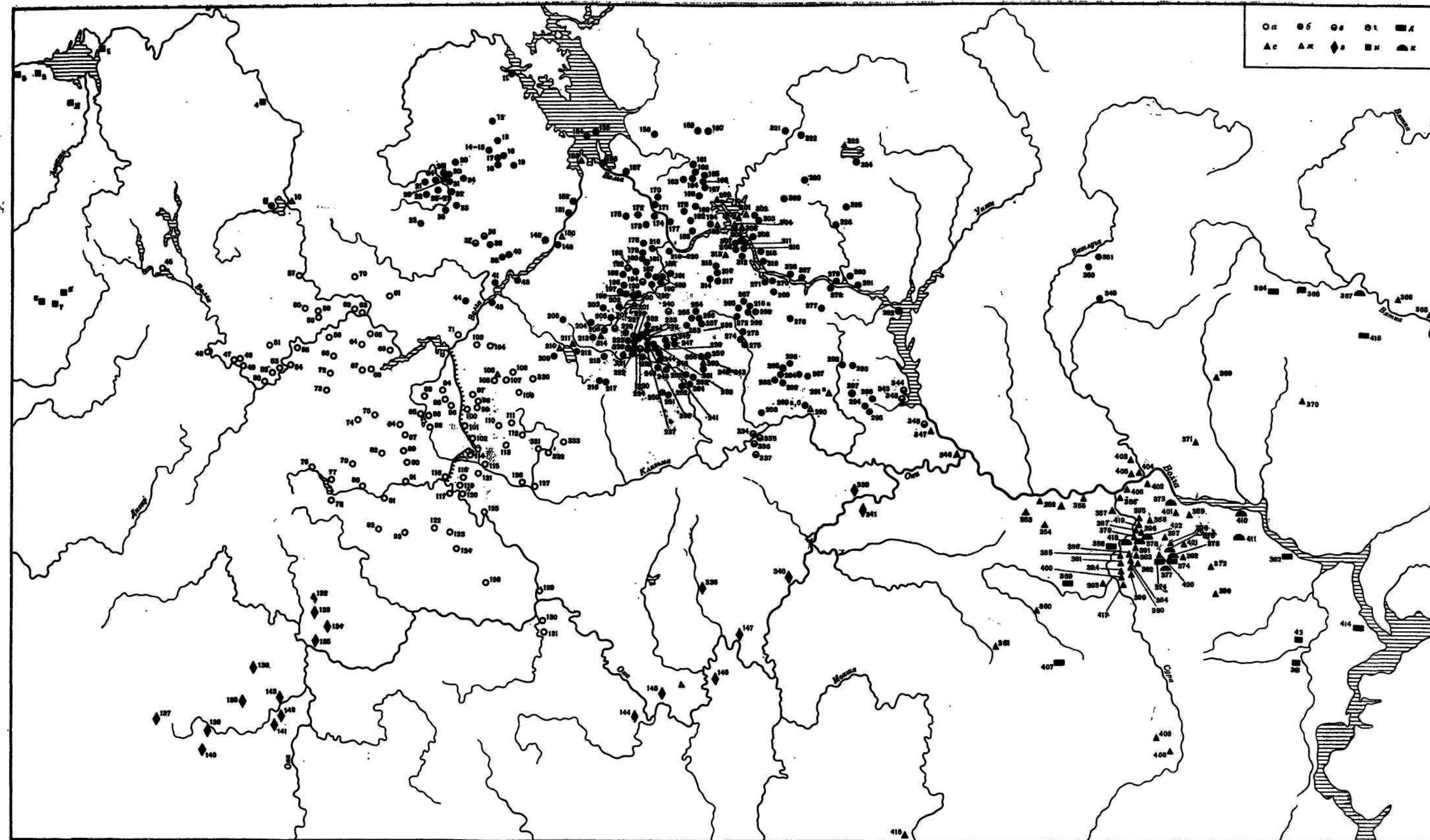

Рис. 2. Распространение памятников Фатьяновской культуры (карта могильников и поселений)

а — могильники московско-клязьминской группы; б — могильники верхневолжской группы; в — могильники «смешанные» московско-клязьминской и верхневолжской группы; г — могильники смешанные верхневолжской и средневолжской группы; д — могильники средневолжской (балаховской) группы; е — стоянки средневолжской группы; ж — стоянки верхневолжской группы; з — могильники окско-деснянской группы; и — могильники дневно-клязьминской группы; к — курганные могильники средневолжской группы

Памятники Новгородской обл.: 1 — Бронницкий могильник; 2 — Подгощанский могильник; 3 — Старорусский могильник; 4 — д. Бгга; 5 — Шелковский могильник

Памятники Калужинской обл.: 6 — г. Торонец; 7 — Выгодное; 8 — Мартыновский могильник; 9 — с. Городолоби; 10 — Вышний Волочек (стоянка); 11 — Васюковско-Боголюбский могильник; 12 — Овнинский могильник; 13 — Утеховский могильник; 14 — Краснохолмский могильник; 15 — Краснохолмский могильник II; 16 — Малорагозинский могильник; 17 — д. Костово; 18 — Желобинский могильник; 19 — п. Налочи; 20 — Борново-Андреевский могильник; 21 — Лютинский могильник; 22 — Юзевский могильник; 23 — с. Морские Горы; 24 — д. Ворон; 25 — Волхонский могильник I; 26 — Волхонский могильник II; 27 — Волхонский могильник III; 28 — д. Захарово; 29 — д. Коринцы; 30 — Свиные Горы (могильник); 31 — Вежский могильник; 32 — Глазовский могильник; 33 — Сукроминский могильник; 34 — Подобинский могильник; 35 — Воронский могильник; 36 — Олчовский могильник; 37 — Таснахский могильник; 38 — Косовогорский могильник; 39 — 40 — г. Каляны; 41 — с. Медведицкое; 42 — д. Красная Горка; 43 — г. Каляны; 44 — с. Рамево; 45 — с. Хотютино; 46 — с. Зайцево; 47 — Ржевский могильник I; 48 — Ржевский могильник II; 49 — г. Ржев; 50 — с. Троицкое (Лихачевский могильник); 51 — с. Немирово; 52 — с. Терешково; 53 — с. Молоково; 54 — с. Родня; 55 — с. Холмоховля; 56 — Емельяновский могильник; 57 — г. Торжок; 58 — 59 — с. Стружка; 60 — Оспенский могильник; 61 — Шастинский могильник; 62 — Оспенский могильник; 63 — Вазинский могильник; 64 — Турчиновский могильник; 65 — д. Верхнее; 66 — ст. Редкино; 70 — м. Лутаново; 71 — с. Губин Угол (могильник)

Памятники Московской обл.: 72 — Абушковский могильник; 73 — Мовоосенский могильник; 74 — Ботовский могильник; 75 — Новлянский могильник; 76 — с. Поречье; 77 — Хановский могильник; 78 — г. Монайск; 79 — Иваногорский могильник; 80 — г. Старая Руза; 81 — Лукинский могильник; 82 — Буланский могильник; 83 — Зубовский могильник; 84 — с. Никольское; 85 — Солнечногогорский могильник; 86 — д. Загорье; 87 — Пятицкий могильник; 88 — д. Хмелево; 89 — Бужаровский могильник; 90 — Трусовский (Иоганнский) могильник; 91 — г. Звенигород; 92 — д. Лютвино; 93 — д. Лукино; 94 — с. Рогачево; 95 — Вулянский могильник; 96 — с. Синьково; 97 — Непейловский могильник; 98 — Жестылевский могильник; 99 — с. Подчерново; 100 — Дмитриевский могильник; 101 — Ишанский могильник; 102 — Протопоповский могильник; 103 — д. Кашенин; 104 — с. Большое Дьяково; 105 — с. Николо-Перевоз (могильник); 106 — Николо-Перевоз (стоянка); 107 — Кузьминский могильник; 108 — с. Замощье; 109 — Вогородский могильник; 110 — с. Актырский могильник; 111 — г. Загорск; 112 — Вязлиновский могильник; 113 — с. Варново; 114 — Пестовский могильник; 115 — Вольской Ивантеевский могильник; 116 — Спас-Тутинский могильник; 117 — Давыдовский могильник; 118 — г. Москва, Рукавская ул.; 119 — г. Москва, Свищева Враж; 120 — г. Москва, Перово Поле; 121 — ст. Загорская; 122 — с. Рязаново; 123 — д. Вольское Брянецово; 124 — д. Заборье; 125 — Верейский могильник; 126 — г. Ногинск; 127 — Вульковский могильник; 128 — д. Шапово; 129 — г. Коломна; 130 — с. Власово; 131 — д. Пыжово

Памятники Калужинской обл.: 132 — Михеевский могильник; 133 — Дятловский могильник; 134 — с. Новое Село; 135 — г. Калуга; 136 — г. Мещовск; 137 — Любимовский мо-

гильник; 138 — д. Николаевка; 139 — с. Дубровка; 140 — с. Муромца; 141 — Козельский могильник I; 142 — Козельский могильник II; 143 — д. Каменка

Памятники Рязанской обл.: 144 — Поркинский могильник; 145 — с. Горцы; 146 — с. Куземкино; 147 — г. Касимов

Памятники Ярославской обл.: 148 — д. Вурмасово; 149 — г. Углич; 150 — Золотогорчанинская стоянка; 151 — г. Мышкин; 152 — Рыболовский могильник; 153 — Копрынская стоянка; 154 — д. Вокунино; 155 — Ковымодемский могильник; 156 — с. Васильевское; 157 — Мельниковский могильник; 158 — Ледниковский могильник; 159 — Починковский могильник; 160 — Пречистинский могильник; 161 — Погорельский могильник; 162 — Николо-Новянский могильник; 163 — Еникитинский могильник; 164 — Бабаевский могильник; 165 — Семеновский могильник; 166 — Серновский могильник; 167 — д. Семеновское; 168 — Глуховский могильник; 169 — Волосово-Даниловский могильник; 170 — Холмогорский могильник; 171 — г. Тутаев; 172 — Вауловский могильник; 173 — Мануковский могильник; 174 — Константиновский могильник; 175 — Андреевский могильник; 176 — с. Толбухино; 177 — с. Софрино; 178 — Сергеевский могильник; 179 — Наумовский могильник; 180 — Воронковский могильник; 181 — Никитинский могильник; 182 — Фатьяновский могильник; 183 — с. Палеховское (могильник); 184 — Воронский могильник; 185 — д. Воронца (стоянка); 186 — д. Дмитриев; 187 — Коркинский могильник; 188 — Великосельский могильник; 189 — Пятицеговский могильник; 190 — Мельничногогорский могильник; 191 — Введенский могильник; 192 — Халдеевский могильник; 193 — Ильинско-Зареченский могильник; 194 — Голушиновский могильник; 195 — Романовско-Ушаковский могильник; 196 — д. Санжого; 197 — Воронкогорский могильник; 198 — могильник по дороге в Воронкогорск; 199 — Ростовский могильник; 200 — г. Ростов (топор с медвежьей головой); 201 — Рождественский Остров (стоянка); 202 — Пушкельский могильник; 203 — д. Воронько; 204 — Фатьяновский могильник II; 205 — д. Деревни (могильник); 206 — Оскоцкий могильник; 207 — Карашинский могильник; 208 — д. Рахманово; 209 — д. Талицы; 210 — Полюе (стоянка); 211 — Дидариха (стоянка); 212 — с. Горюхино; 213 — д. Тараскино; 214 — Ватулинская стоянка; 215 — с. Филипповское; 216 — с. Смоленское; 217 — с. Калистово; 218 — Котовский могильник; 219 — Ярославский могильник; 220 — г. Ярославль

Памятники Ивановской обл.: 221 — д. Хлебницы; 222 — с. Шенниково; 223 — д. Александровна; 224 — Миклоасовский могильник; 225 — Сидоринский могильник; 226 — Княтинский могильник; 227 — Луговской могильник; 228 — Коровая-ницкий могильник; 229 — с. Спас-Городец; 230 — Гулянский могильник; 231 — Ильинско-Хованский могильник; 232 — с. Лаварцево-Фомино; 233 — Шуматинский могильник; 234 — Санниковский могильник; 235 — с. Назарное; 236 — с. Ильинско-Хованское (могильник Зимилова Гора); 237 — д. Никитинское; 238 — Жилинский могильник; 239 — д. Фрольцево; 240 — Тимофеевский могильник; 241 — Аньковский могильник; 242 — 243 — Данильцевский могильник II; 244 — д. Константиново; 245 — д. Игличи; 246 — Кривцовский могильник; 247 — Ядревский могильник; 248 — Выстринский могильник; 249 — Петрицкий курганный могильник; 250 — Малоюжский могильник; 251 — д. Муравино; 252 — Петровский могильник; 253 — Митицкий могильник; 254 — Брагинский могильник; 255 — Ядровский могильник; 256 — Вутовский могильник; 257 — Добринцевский могильник; 258 — д. Вирново; 259 — Мельниковский могильник; 260 — Сактыш I, II, IV (стоянки); 261 — с. Третьяково; 262 — д. Дубасово; 263 — Яновский могильник; 264 — д. Вывозика; 265 — Сномороковский могильник; 266 — Вогевский могильник; 267 — д. Хромцево; 268 — Шуномонский могильник; 269 — деревня Новая и Новолю; 270 — Горкинский могильник; 271 — д. Василья Поток; 272 — д. Старово; 273 — Дьяновский могильник; 274 — 275 — г. Иваново; 276 — Пестовский могильник; 277 — д. Ворончиха; 278 — г. Кинешма (могильник); 279 — г. Заволжск (могильник); 280 — д. Павлица; 281 — д. Жаждево; 282 — Юрвеевский могильник; 283 —

д. Сметанин; 284 — Основогорский могильник I (Шуя); 285 — Основогорский могильник II (Шуя); 286 — Змеевский могильник; 287 — Дятловский могильник; 288 — Заборьевский могильник; 289 — с. Холуй; 290 — с. Холуй (стоянка); 291 — Толстуха (стоянка); 292 — Оленянский могильник; 293 — с. Малая Молвабуха; 294 — Сновородский могильник; 295 — с. Вербино; 296 — Лоханский могильник; 297 — д. Липкино; 298 — д. Захарово

Памятники Костромской обл.: 299 — с. Ворань (стоянка); 300 — селцо Никольское (стоянка); «Варилково»; 301 — д. Станок (стоянка); 302 — Болтоновский могильник; 303 — Денисовский могильник; 304 — д. Подольское (стоянка); 305 — ов. Святое (стоянка); 306 — г. Кострома; 307 — д. Алфеево; 308 — Чижовский могильник; 309 — Говядиновский могильник; 310 — д. Пантуново; 311 — д. Малочиково; 312 — Качалинский могильник; 313 — с. Косынино (стоянка); 314 — Рождественский могильник; 315 — Неретский могильник; 316 — Горинский могильник; 317 — д. Лыково; 318 — д. Гомониха; 319 — д. Эдемарино; 320 — д. Деревенка; 321 — Волотова Гора (могильник); 322 — г. Вуй (могильник); 323 — Галичская стоянка (Туровская); 324 — г. Галич; 325 — Юрьевский могильник; 326 — Игдовский могильник; 327 — д. Сафоново; 328 — д. Серново; 329 — д. Княжево

Памятники Владимирской обл.: 330 — Сушеский могильник; 331 — с. Филипповское; 332 — с. Беренин; 333 — г. Киржач; 334 — д. Ручей (могильник); 335 — Ковровский могильник; 336 — Пашевский могильник; 337 — Федотовский могильник; 338 — д. Парихино; 339 — Плеханов Бор (стоянка); 340 — Памфилово (стоянка)

Памятники Горьковской обл.: 341 — д. Коньково; 342 — д. Сафоново; 343 — д. Воброво; 344 — Губцевский могильник; 345 — с. Нагорное (могильник); 346 — Чуркинский могильник; 347 — г. Балахна (стоянка); 348 — Сейма (стоянка); 349 — Уренский могильник; 350 — д. Погребово; 351 — с. Федотовское (Ветлужский р-н); 352 — Оленья гора (стоянка); 353 — Богомоново; 354 — Олониха; 355 — Сомовское поселение; 356 — Васильево-Сурское поселение; 357 — с. Ледцы; 358 — Курмышский могильник; 359 — Сергачский могильник; 360 — с. Ветолкино; 361 — г. Лукоянов (Среднее Поволжье); 362 — Балазовский могильник (Среднее Поволжье); 363 — Ковалевский могильник; 364 — Москвитинский могильник; 365 — Вуй I (поселение); 366 — Вуй II (поселение); 367 — Сяцковский курган; 368 — Павлушатский могильник; 369 — Кубашевское поселение; 370 — Новоословское поселение; 371 — Шоркинское поселение; 372 — Тохмеевское поселение; 373 — Янымовский курганный могильник Мецчасы; 374 — Таутовский курганный могильник; 375 — Таутовский курганный могильник; 376 — «Тохташские могилы» (курганный могильник); 377 — Раскыльдинский курганный могильник; 378 — Агли-Касинский курганный могильник; 379 — Нахавар (поселение); 380 — Калаутиновское поселение; 381 — Таганашское поселение; 382 — Чербаевское поселение; 383 — Верхне-Очаковское поселение; 384 — Мало-Сундырское поселение; 385 — Чеморданское I поселение; 386 — Чеморданское II поселение; 387 — Чебаковское II поселение; 388 — Мурза-Касинское поселение; 389 — Шогинское поселение; 390 — Эндимарское поселение; 391 — Волдавское поселение; 392 — Большие-Таутовское поселение; 393 — Добровольское поселение; 394 — Старо-Ардамовское поселение; 395 — Кавин-Восту поселение; 396 — поселение к востоку от Нахавара; 397 — Ягатиновское поселение; 398 — Кармансиринское поселение; 399 — Тиханкинское I поселение; 400 — Тиханкинское II поселение; 401 — Ювановское поселение; 402 — Писеральское поселение; 403 — Поляское поселение; 404 — Юрнинское поселение; 405 — Галакина Гора (поселение); 406 — Хмелевское поселение; 407 — Чукалы (могильник); 408 — Оп-Пандо (поселение); 409 — Анна-Пандо (поселение); 410 — Чурчинский I курган; 411 — Чурчинский II курган; 412 — Сумбуловская стоянка; 413 — Шам-Вулахча (могильник); 414 — Красноводово (могильник); 415 — Овменки (стоянка); 416 — Соса-Курбатский могильник; 417 — Саревское поселение; 418 — курганный могильник между Сурай и Выей; 419 — Чебаковское поселение; 420 — Хонки-Сет (поселение); 421 — Хула-Суч; 422 — Кума-Касинский могильник

ной и катакомбной культурах. В качестве доказательства он ссылается на находки «катакомбных погребений с деревянными сооружениями» в Московской обл., упоминаемых якобы в статье Д. А. Крайнова «Вауловский могильник». Это неверно, так как в статье Д. А. Крайнова ни о каких катакомбных погребениях не говорится. Приводимые Озолсом доказательства южного происхождения фатьяновской культуры бездоказательны.

Несколько статей и рецензий посвящал фатьяновской культуре ученый из ГДР А. Гейслер¹¹³. В них он не решает вопросов фатьяновской культуры, а принимает взгляды на хронологическое деление ее О. А. Кривцовой-Граковой.

В этом кратком историографическом обзоре исследований по фатьяновской культуре мы коснулись всех основных опубликованных работ. Вне обзора остались заметки по отдельным находкам вещей рассматриваемой культуры.

Проблема фатьяновской культуры продолжает оставаться узловой проблемой не только советской, но и зарубежной археологии. Основные вопросы фатьяновской культуры до сих пор не разрешены окончательно, а по многим вопросам существуют разноречивые толкования. Наиболее сложен вопрос о происхождении фатьяновской культуры и о ее взаимоотношениях с культурами боевых топоров и шнуровой керамики. Интересно, что всюду эти культуры не имеют местных корней и на территории их распространения являются чужеродными. Возможно, отсутствие этих «корней» объясняется недостаточной исследованностью тех и других памятников, во фант повсеместного и почти одновременного появления культур с боевыми топорами вне связи с развитием местных неолитических культур на огромном пространстве от Дании до Урала и от Швеции до Карпат требует иных объяснений.

До работ Верхневолжской экспедиции не было твердых основ для решения вопросов о хозяйственной деятельности фатьяновцев. Теперь же костные остатки домашних животных в могильниках дают возможность судить о скотоводческом направлении хозяйства фатьяновцев. Вряд ли оно было пастушеским, как полагают некоторые исследователи.

Спорным является и вопрос о сосуществовании фатьяновских и неолитических (местных) племен на одной территории, но в разных местах. Новейшие исследования поколебали мнение о том, что фатьяновцы селились на водоразделах,

а неолитические племена — на берегах рек и речек в низинах. Фатьяновцы существовали там же где и местные племена: возможно насильственное вытеснение фатьяновскими племенами из Волго-Окского междуречья местных поздне-неолитических племен; возможно сосуществование их на одних и тех же местах, так как те и другие — индоевропейцы; возможна и одновременность фатьяновских и неолитических племен.

Вызывает сомнение и правильность деления памятников фатьяновской культуры на три группы: московскую, ярославскую и чувашскую. Во-первых, области распространения памятников каждой группы значительно шире этих географических понятий. Во-вторых, намечаются новые памятники со своими локальными особенностями. Наконец, в каждой из трех основных групп есть памятники ранние и поздние, требующие разделения на подгруппы.

Следует также коренным образом пересмотреть и вопрос о границах распространения фатьяновской культуры в сторону их значительного расширения. Разногласия в определении хронологии памятников фатьяновской культуры заставляют нас пересмотреть обоснования хронологии, приводимые разными исследователями.

Одним из трудноразрешимых вопросов является и так называемое исчезновение фатьяновской культуры.

В конце II тысячелетия до н. э. на территории Волго-Окского междуречья, на месте распространения фатьяновской культуры появляются новые культуры: сейминская, поздневолосовская, абашевская, подяковская и др. До сих пор неизвестно, в каком соотношении они находились с фатьяновской культурой и кто из них ассимилировал ее.

Позднее, в I тысячелетии до н. э., на этой же территории возникают так называемые городищенские культуры (дьяковская, городищенская, ананьинская, южновская и др.), которые, вероятно, в какой-то степени впитали в себя компоненты поздних этапов фатьяновской культуры. Поэтому вряд ли исчезновение ее было бесследным. Таким образом, перед нами продолжают стоять те же сложные вопросы фатьяновской культуры, которые возникли с самого начала изучения первого фатьяновского могильника.

Исходя из этого, автор ставит своей основной целью создание общей сводной работы по истории фатьяновских племен II тысячелетия до н. э. на общем фоне древнейшей истории Волго-Окского междуречья. Автор не касается рассмотрения вопросов материальной культуры, хронологии и периодизации средневолжских памятников фатьяновской культуры (балановских), так как они являются темой специального исследования.

¹¹³ A. Häusler. Die Kulturellen und wirtschaftlichen Beziehungen der Bevölkerungsgruppen Mittelrusslands am Ende der jüngeren Steinzeit. «Wissenschaftliche Zeitschrift der Martin Luther Universität». Halle — Wittenberg, Jahrg. V, Heft 1, Halle (Saale), 1955, S. 89—148.

ПАМЯТНИКИ ФАТЬЯНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ И ТЕРРИТОРИЯ ИХ РАСПРОСТРАНЕНИЯ

Могильники

Основными памятниками фатьяновской культуры до сих пор остаются могильники, представляющие собой родовые кладбища с различным количеством погребений (от 1 до 125). Фатьяновские могильники относятся к типу грунтовых, но известны и курганные погребения.

Грунтовые могильники встречаются на всей территории распространения фатьяновской культуры, но не в одинаковом количестве. В западной части фатьяновской территории (в Новгородской обл.) пока известны только пять могильников, в Калининской обл. — около 30, в Ярославской — около 70, в Московской и Калужской — свыше 30 могильников, в Ивановской — около 40, в Костромской — около 20, во Владимирской обл. — около 10. В Горьковской обл. и Вятско-Ветлужском междуречье пока известны единичные могильники.

В Среднем Поволжье О. Н. Бадером зарегистрировано около 95 различных памятников¹.

По этим цифрам в какой-то степени можно судить о том, что территории Ярославской и Ивановской областей были гуще заселены фатьяновскими племенами.

О большей части могильников мы знаем лишь по случайным находкам топоров, обнаруженных при карьерных разработках. И только незначительная часть исследована археологами. Только эти могильники могут служить достоверными историческими источниками. Могильники Ярославской и Ивановской областей изучены лучше², чем могильники Московской и Калужской областей³ (рис. 2).

Топографическое расположение могильников

различно. Могильники в Московской и Калужской областях, как правило, расположены на высоких береговых скатах рек и речек, а их поймах. Могильники Калининской обл. располагаются и на береговых скатах, и на высоких холмах моренного происхождения. Могильники же Ярославской, Ивановской и Костромской областей на 90% расположены на высоких холмах моренного происхождения с обязательным присутствием болот, рек и речек или ручьев. Следует упомянуть, что по берегам р. Волги могильники тянутся от ее истоков до Средней Волги, как бы указывая волжский путь движения фатьяновских племен. На водоразделах фатьяновские могильники появляются, очевидно, на позднем этапе развития фатьяновской культуры (Вауловский, Фатьяновский, Волосово-Даниловский, Великосельский, Тимофеевский, Ильинско-Хованский, Горкинский и др.). Вероятно, это связано с какими-то намерениями в скотоводческо-земледельческом хозяйстве фатьяновцев. Разбросанность ярославских, северных калининских, ивановских и костромских могильников всюду по берегам рек, речек, ручьев, озер и на водоразделах свидетельствует, видимо, об освоении фатьяновцами данной территории полностью, включая и места поселений поздненеолитических местных племен (Бунковский, Николо-Перевоский, Ворокский, Введенский, Ильинско-Зиминский, Третьяковский, Пужбольский и другие могильники, расположенные на поздненеолитических поселениях или рядом с ними). Расположение могильников на поздненеолитических стоянках и рядом с ними свидетельствует о вытеснении фатьяновцами местных племен с их поселений, или о временной «оккупации», или о одновременности их. Поскольку некоторые поселения продолжают существовать и позднее (Сахтыш VIII, Уница — верхний слой, Ворокса, Николо-Перевос и др.), то здесь налицо временная «оккупация» их фатьяновцами.

Не случайно обязательное расположение

¹ О. Н. Бадер. Балаоновский могильник. М., 1963.

² Эти могильники раскопаны в последние годы Верхневолжской экспедицией с учетом применения новейших методов раскопок и фиксации памятников. Поэтому в данной работе они служат основными памятниками, на которых строятся выводы.

³ О многих московских могильниках, раскопанных К. Я. Виноградовым, имеются лишь отрывочные сведения в печати, и коллекция большинства их не сохранилась после Отечественной войны.

Таблица 1

Сравнительная таблица числа погребений в могильниках фатьяновской культуры

Группы погребений	Название могильников	Число раскопанных погребений	Пол и возраст погребенных				Парные погребения		Погребение животного	Предполагаемое число погребений в могильнике
			мужчины	женщины	дети	не установлено	мужчина и женщина	женщина и ребенок		
Оско-Деснянская	Детчинский	2	—	—	—	2	—	—	—	—
	Михеевский	1	—	—	—	1	—	—	—	—
Московско-Клязьминская	Ляхачевский	2	—	1	1	—	—	—	—	—
	Ковровский	4	3	—	—	1	—	—	—	ок. 5
	Ивановогорский	3	2	1	—	—	—	—	—	4
	Булановский	1	—	1	—	—	—	—	—	—
	Буньковский	3	2	1	—	—	—	—	—	—
	Давыдовский	1	1	—	—	—	—	—	—	—
	Истринский	6	5	1	—	—	—	—	—	ок. 10
	Верейский	1	—	2	—	—	—	—	—	ок. 5
	Протасовский	8	3	3	—	2	1+1	—	—	ок. 9
	Кузьминский	7	—	3	—	—	2	1+1	—	ок. 17
	Икшанский	—	—	—	—	—	—	—	—	ок. 5
	Взглядневский	1	1	—	—	—	—	—	—	—
	Спас-Тупицкий	1	1	—	—	—	—	—	—	—
	Суцковский	5	—	—	—	3	1+1	—	1	ок. 15
	Ханевский	7	—	—	—	—	—	—	—	ок. 10
	Ошурковский	2	—	1	—	1	—	—	—	ок. 3
	Тургиновский	12	—	—	—	—	—	—	—	ок. 15
Верхневолжская	Таскаихский	2	2	—	—	—	—	—	—	ок. 4
	Олочинский	7	3	—	3	1	—	—	—	ок. 20
	Холмовогорский	—	—	—	—	—	—	—	—	ок. 15
	Никольцевский	18	5	7	4	2	—	—	—	ок. 25
	Воронковский	16	8	1	5	2	—	—	—	ок. 20
	Вауловский	15	2	3	1	3	1+1	—	2	ок. 40
	Великосельский	5	1	3	—	1	1+1	—	—	ок. 20
	Волосово-Даниловский	115	—	—	—	—	—	—	10	ок. 125
	Фатьяновский	—	—	—	—	—	—	—	1	ок. 40
	Голузинковский	5	3	1	1	—	—	—	—	ок. 15
	Наумовский	2	2	—	—	—	—	—	—	ок. 30
	Тимофеевский	15	7	2	4	2	—	—	2	ок. 25
	Карашский	1	1	—	—	—	—	—	—	—
	Халдеевский	2	2	—	—	—	—	—	—	ок. 5
	Милославский	5	1	1	1	—	—	1+1	—	ок. 6
	Данильцевский	2	—	—	—	2	—	—	—	ок. 5
	Добрищенский	1	1	—	—	—	—	—	—	—
	Мытищинский	4	1	3	—	—	—	—	—	ок. 15
	Аньковский	2	2	—	—	—	—	—	—	ок. 5
	Говядиновский	—	—	—	—	—	—	—	1	ок. 10
	Змеевский	2	2	—	—	—	—	—	—	ок. 5
	Быстринский	1	1	—	—	—	—	—	—	—
	Скомороховский	5	1	3	—	1	—	—	—	ок. 10
	Горкинский	15	—	—	—	15	—	—	—	ок. 30
	Юрьевоцкий	1	—	—	—	1	—	—	—	—
	Болшевский III	10	3	6	1	—	—	—	—	ок. 10
	Болшевский II	—	—	—	—	—	—	—	—	ок. 20
	Овинищенский	1	1	—	—	—	—	—	—	ок. 10
	Заборьевский	1	1	—	—	—	—	—	—	ок. 5
	Ясновский	1	—	—	—	—	—	—	—	ок. 5
	Дьяковский	1	1	—	—	—	—	—	—	ок. 5
	Горицкий	2	2	—	—	—	—	—	—	ок. 10
	Луговое	1	1	—	—	—	—	—	—	ок. 5
	Ковровский	4	3	—	—	1	—	—	—	ок. 5

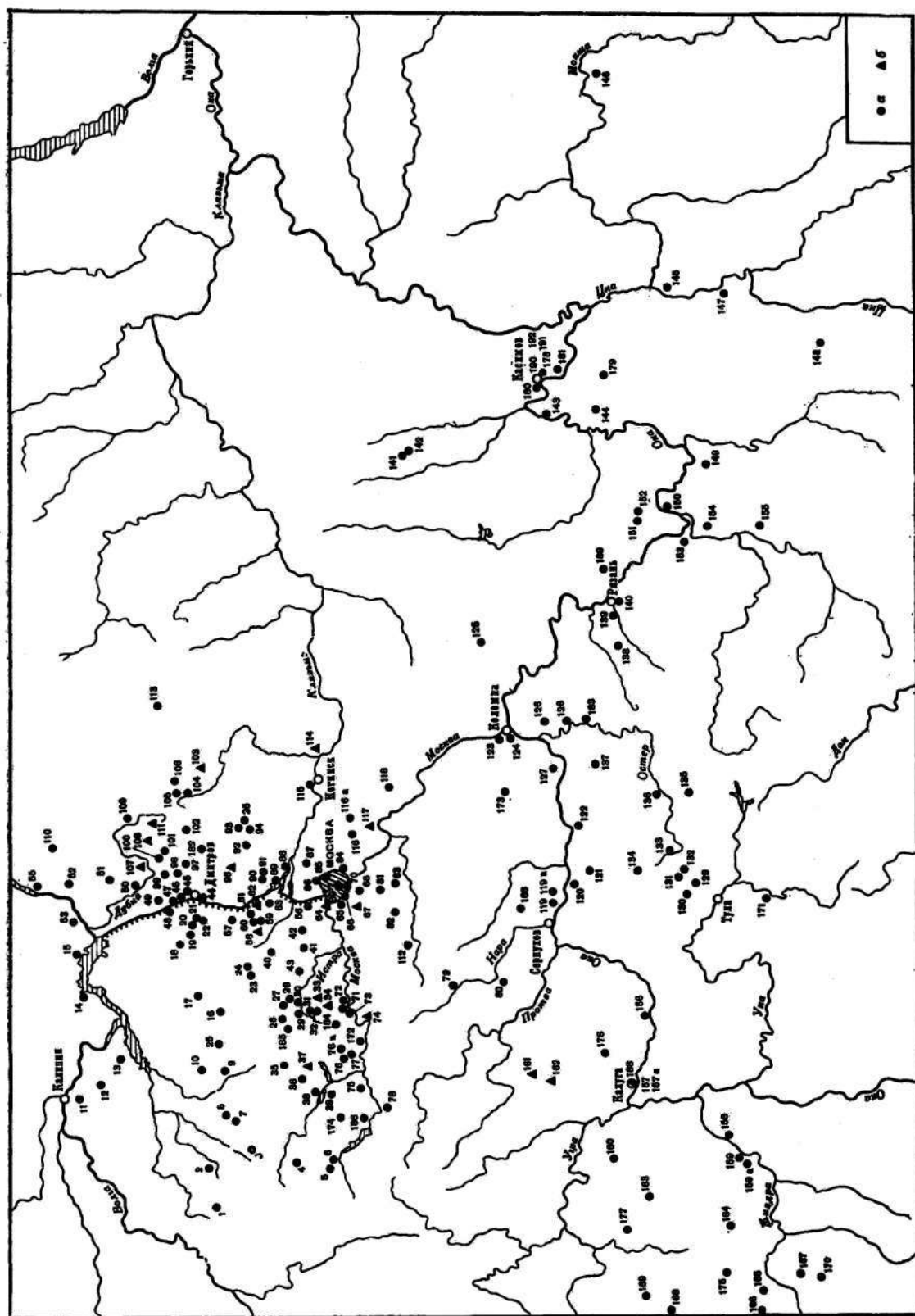

Рис. 3. Карта распространения московско-клязьминских памятников фатьяновской культуры

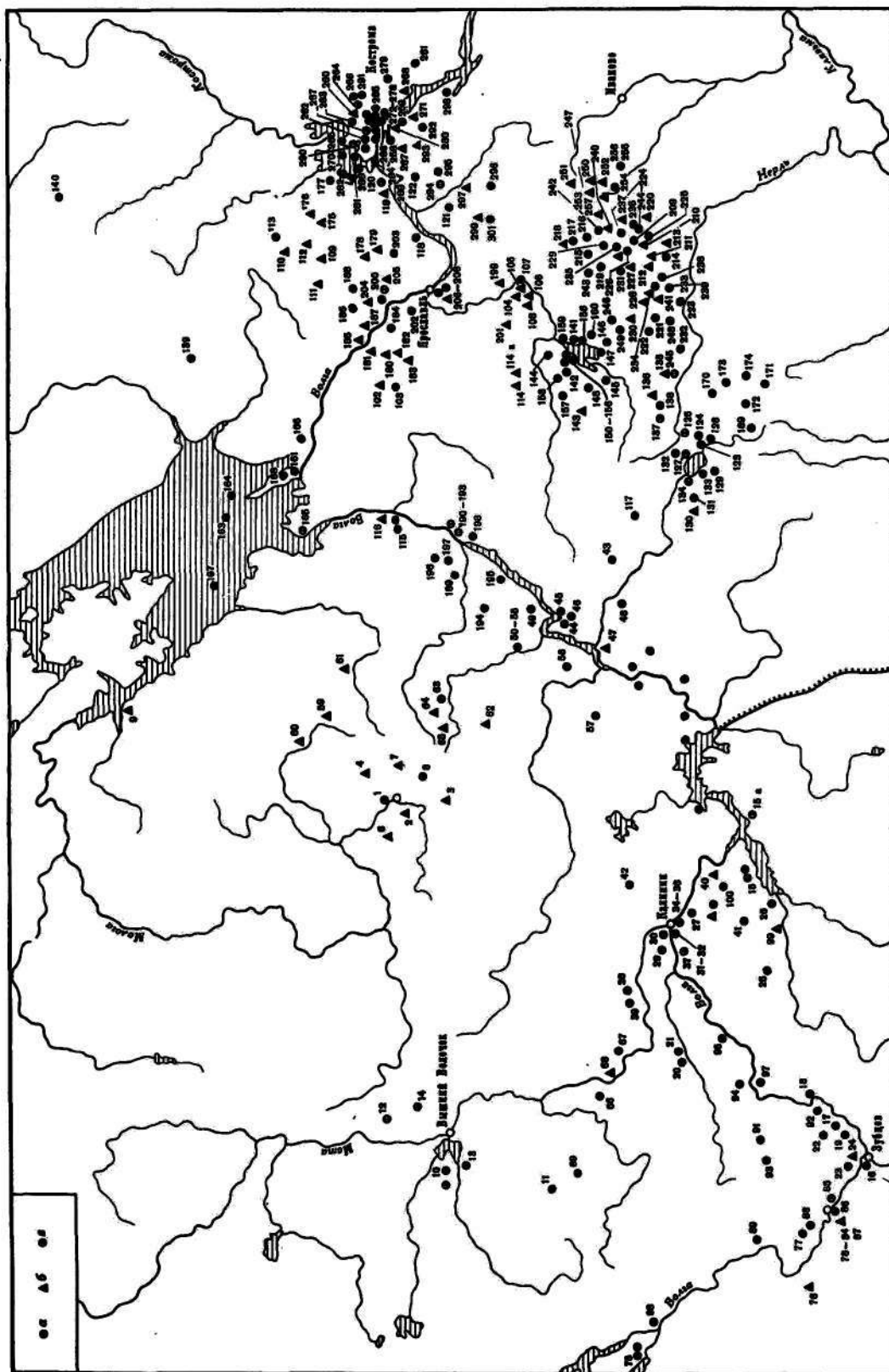

Рис. 4. Карта распространения верхнеоледниковых памятников хатангской культуры

могильников возле рек, ручьев или болот (последние, вероятно, в фатьяновское время были озерами, так как на многих болотах сохранились останцы озер). Очевидно, хозяйство фатьяновцев было связано с приречными долинами и приозерными низменностями, где, по палеогеографическим данным, произрастали широколиственные породы деревьев (дуб, вяз, липа, орешник и пр.). Низменные места изобиловали лугами и камышовыми зарослями. Такие природные условия были необходимы для ведения скотоводческого хозяйства.

Расположение могильников недалеко от рек, ручьев и ручьев указывает на проникновение фатьяновцев сюда только по этим естественным речным путям и по поймам рек. Другие пути вряд ли были доступны в то время в лесной полосе центральной части Восточной Европы. Разница в расположении московских, калининских и ярославско-ивановских памятников, вероятно, также не случайна.

Расположение московских и южных калининских памятников на береговых скатах рек свидетельствует, видимо, о подвижности племен, оставивших эти памятники, а расположение ярославско-ивановских могильников по всей территории и даже в «глухих» местах указывает на оседание фатьяновских племен и их сравнительно длительное существование на данной территории. Об этом свидетельствуют различное число погребений на могильниках и различная густота их расположения.

Общая сравнительная таблица числа погребений в могильниках фатьяновской культуры рисует четкую картину увеличения числа погребений к северу и востоку от территории Московской и юга Калининской областей (табл. 1)⁴.

Наименьшее число погребений наблюдается в Московской и на юге Калининской областей (от 1 до 10 погребений). В прилегающих к ним районах Калининской, Ярославской и Ивановской областей число погребений увеличивается от 10 до 20. Наконец, в более северных и восточных районах Калининской, Ярославской и Ивановской областей число погребений в могильниках увеличивается от 20 до 115, а в Балановском могильнике на Средней Волге обнаружено 117 погребений. Знаменательно то, что увеличение числа погребений в могильниках идет в направлении к северу, северо-востоку и востоку. Оно не только подтверждает наш вывод о постепенном

освоении территории Волго-Окского междуречья и оседания фатьяновцев, но и дает ключ к выяснению направлений в расселении фатьяновских племен и определении хронологии тех и других памятников. Весьма вероятно, что могильники с большим числом погребений являются более поздними. Кстати, погребальный инвентарь этих могильников содержит большое число металлических вещей и шаровидных низкошейных сосудов с лопастным орнаментом. Весь обряд погребения и погребальный инвентарь подтверждают их более позднее время.

В Московской обл. могильники редки и расположены сравнительно далеко друг от друга (рис. 3), а на севере Калининской, в Ярославской и Ивановской областях они расположены группами, «гнездами» (рис. 4). В некоторых группах наблюдается очень близкое расположение могильников друг от друга (на расстоянии 1—2 км), что свидетельствует о длительном пребывании фатьяновцев в данной местности и о принадлежности данной группы могильников к определенному фатьяновскому племени, тем более что эти могильники близки и по характеру погребального обряда, и по характеру погребального инвентаря. Очевидно, несколько групп таких могильников, объединяемых общими признаками, относятся к группе родственных племен.

Таким образом, различное топографическое расположение могильников, число погребений в них и их густота служат важным историческим источником в выяснении вопросов о постепенном освоении фатьяновскими племенами обширной территории, подвижности, оседлости, увеличении количества и плотности населения, о расселении отдельных родственных племен, об изменениях в хозяйстве, хронологии и периодизации памятников и т. д.

Характерно, что фатьяновские могильники расположены на очень высоких местах, откуда открываются широкие виды на окружающую местность, и сами холмы также были видны издали (рис. 5—7). По-видимому, выбор высоких мест для погребения умерших имел не только религиозное значение, связанное с небом, с культом солнца, но и практическое значение, так как высокие холмы были более приметными.

Судя по расположению ряда могильников и их ориентировке (Олочинский, Вауловский, Тимофеевский, Волосово-Даниловский, Балановский и др.), холмы для них выбирались не только по высоте, но и по направлению с юго-запада на северо-восток. Этот факт не случаен, так как подтверждается подобным же расположением погребений в могильниках. Большинство могил верхневолжской группы также имеет ориентировку с юго-запада на северо-восток.

⁴ Общие сведения по многим могильникам не дают возможности составить более полную таблицу, но все же собранные нами материалы дают некоторое представление. По некоторым могильникам число погребений очень близко к действительности, а по некоторым оно предположительно, но основано на сведениях, собранных у населения.

Рис. 5. Вид на Никульщин-
ский могильник

Рис. 6. Вид на Волосово-
Даниловский могильник
с востока

Рис. 7. Вид на Мытищин-
ский могильник (карьерные
разработки)

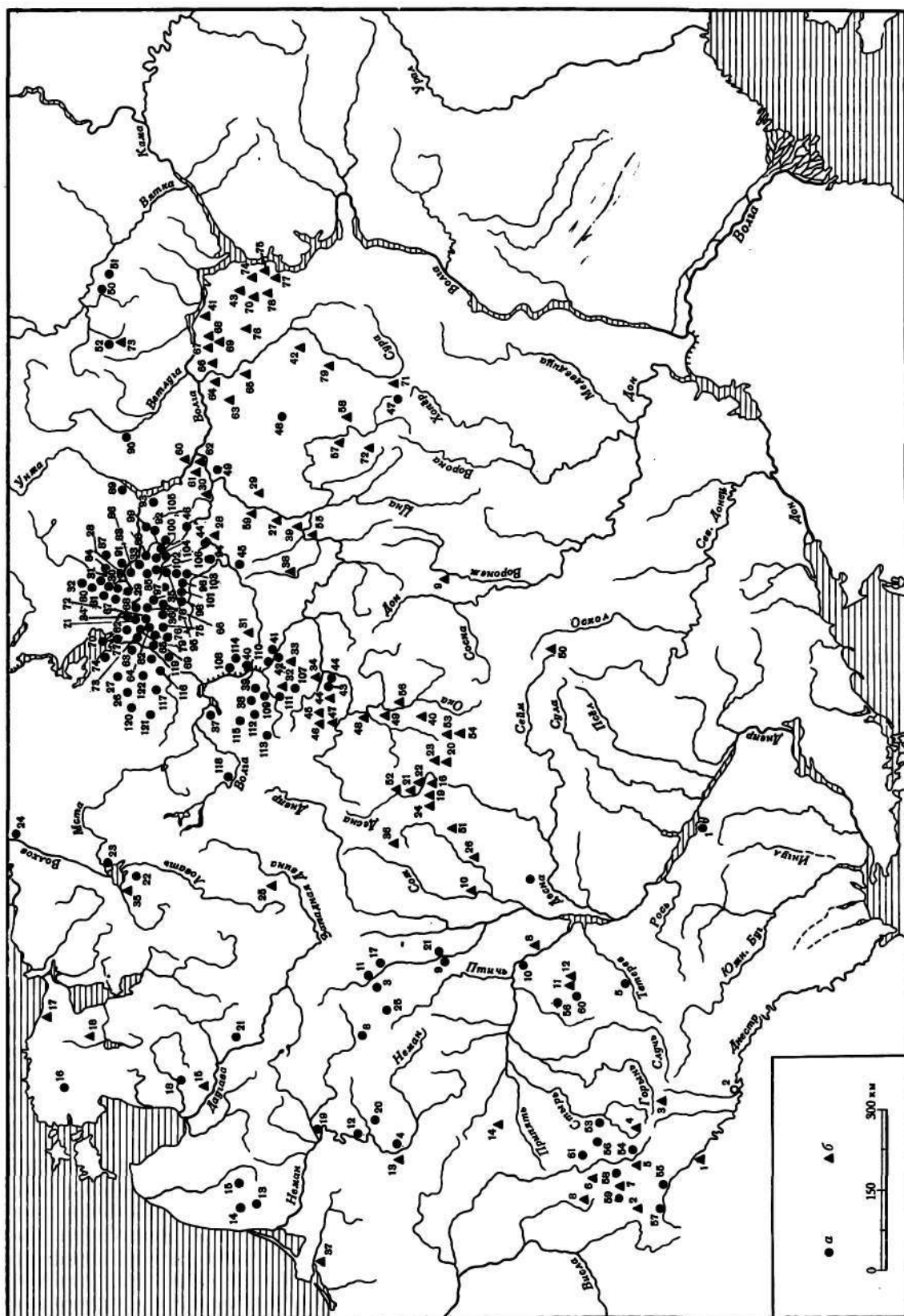

Рис. 8. Распространение фатьяновских длиннолопастных и коротколопастных каменных сверловых топоров-молотков на территории европейской части СССР

а — длиннолопастные топоры; б — коротколопастные топоры

а — длиннолопастные топоры: 1 — г. Чигирин Киевской обл.; 2 — с. Хотин Камениц-Подольской обл.; 3 — Борисовский р-н Минской обл.; 4 — Гродненская обл.; 5 — г. Житомир; 6 — 7 — Болгуны Вольнской обл.; 8 — с. Гноево БССР; 9 — г. Бобруйск Минской обл.; 10 — г. Мозырь Гомельской обл.; 11 — с. Великая Минской обл.; 12 — с. Немухайне Лит. ССР; 13 — с. Лекеме Лит. ССР; 14 — с. Нораяния Лит. ССР; 15 — с. Градучай Лит. ССР; 16 — с. Хагачи Эст. ССР; 17 — с. Велятчик; 18 — Латвия; 19 — г. Каунас Лит. ССР; 20 — Зап. Белорусия; 21 — г. Вобруйск Минской обл.; 22 — с. Чернышево Новгородской обл.; 23 — с. Броничи Новгородской обл.; 24 — с. Дубовичи Новгородской обл.; 25 — Мясная обл.; 26 — с. Подобино Калининской обл.; 27 — с. Желобия Калининской обл.; 28 — с. Уткино Ярославской обл.; 29 — с. Пошехово Ярославской обл. Неправославного р-на; 30 — с. Семеновское Среднего р-на; 31 — Волосово-Даниловский могильник; 32 — с. Пречистое Пречистенского р-на; 33 — Говядиновский могильник; 34 — г. Тулаев; 35 — с. Великое; 36 — с. Ушаково Ярославской обл.; 37 — Редкино Калининской обл.; 38 — с. Пятница Московской обл.; 39 — г. Истра Московской обл.; 40 — с. Пестово Московской обл.; 41 — с. Фаустово Московской обл.; 42 — с. Лунино Московской обл.; 43 — 44 — с. Новое Калужской обл.; 45 — г. Ковров Владимирской обл.; 46 — г. Нерль; 47 — Инсарский р-н Пензенской обл.; 48 — г. Лукьянов Горьковской обл.; 49 — Горбатовский р-н; 50 — с. Толмачи Кировской обл.; 51 — Уржумский р-н Кировской обл.; 52 — Яранский р-н Кировской обл.; 53 — с. Кропник Львовской обл.; 54 — с. Дашаев; 55 — с. Станин Львовской обл.; 56 — Обручевский р-н; 57 — г. Самбор Львовской обл.; 58 — Зминач Львовской обл.; 59 — г. Ярослав Львовской обл.; 60 — Волынь-Оруч; 61 — Бучакив Львовской обл.; 62 — Вауковский могильник Ярославской обл.; 63 — Рыболовский могильник; 64 — Голузинский могильник; 65 — Ильинский могильник; 66 — Корнишинский могильник; 67 — Толбушинский могильник; 68 — г. Норское; 69 — д. Дарцево Ростовского р-на Ярославской обл.; 70 — г. Рыбаск; 71 — Воронковский могильник; 72 — Никольский могильник; 73 — Наумовский могильник; 74 — д. Чотома бывш. Пошеховского у.; 75 — г. Ростов Ярославской обл.; 76 — Пужболовский могильник; 77 — д. Вакулино Рыбинского р-на; 78 — д. Романцево Гаврило-Ямского р-на; 79 — г. Углич; 80 — Грингорновский могильник; 81 — д. Павлишино; 82 — д. Родионово Угличского р-на; 83 — с. Вокнино Костромской обл. Костромского р-на; 84 — Болотовский могильник; 85 — с. Лыково; 86 — Сельцо Никольское; 87 — Денисовский могильник; 88 — д. Гомо-нига; 89 — с. Завратье; 90 — с. Варнаино Варнаинского р-на; 91 — д. Фатьянка (у. Костромь); 92 — Пестовский могильник; 93 — г. Пучеж; 94 — г. Шуя; 95 — Жарковский могильник; 96 — Кривцовский могильник; 97 — Тимофеевский мо-

гильник; 98 — с. Антушино; 99 — д. Борочакич; 100 — д. Пустоши Шуйского р-на; 101 — Жилинский могильник; 102 — с. Якаево Комсомольского р-на; 103 — д. Дубасово Тейковского района; 104 — д. Хромцево Фурмановского р-на; 105 — д. Мадаково Палехского р-на; 106 — Комсомольский р-н; 107 — д. Летви-ново Московский обл.; 108 — г. Дмитров; 109 — Истринский р-н; 110 — г. Москва; 111 — с. Лунино Звенигородского р-на; 112 — с. Михайловское Шаховского р-на; 113 — с. Поречье; 114 — с. Пестово; 115 — Новлянский могильник; 116 — г. Кашина Калининской обл.; 117 — Лозевский могильник; 118 — г. Ржев; 119 — г. Кала-зны; 120 — д. Борок Бежецкого р-на; 121 — д. Борни Бежецкого р-на; 122 — д. Корины Бежецкого р-на

б — коротколопастные топоры: 1 — г. Галич Станиславской обл.; 2 — с. Чер-нылава Львовской обл.; 3 — с. Черниховцы Тернопольской обл.; 4 — с. Берля Львовской обл.; 5 — с. Почепскнн Львовской обл.; 6 — Гусанн Львовской обл.; 7 — с. Ярослав Львовской обл.; 8 — Станн Львовской обл.; 9 — г. Липецк; 10 — с. Вабитовичи Могилевской обл.; 11 — 12 — г. Овруч Житомирской обл.; 13 — г. Гродно; 14 — с. Антополь Брестской обл.; 15 — Латв. ССР; 16 — г. Брянск; 17 — с. Сопе Эст. ССР; 18 — с. Кушля Эст. ССР; 19 — с. Везина Брянской обл.; 20 — Курьяно Брянской обл.; 21 — с. Жуково Брянской обл.; 22 — с. Бельниц Брянской обл.; 23 — с. Белье Берега Брянской обл.; 24 — с. Красное Брянской обл.; 25 — с. Вор Псковской обл.; 26 — Крестянский р-н Брянской обл.; 27 — Муромский р-н Владимирской обл.; 28 — Федотовский могильник; 29 — д. Малое Окудово Горьковской обл.; 30 — д. Миконно Горьковской обл.; 31 — Покровский р-н Владимирской обл.; 32 — с. Луяно Московкой обл.; 33 — с. Заборье Москов-ской обл.; 34 — г. Серпухов (р. Ока); 35 — с. Понгеш Новгородской обл. Старо-русского р-на; 36 — д. Костюевка Смоленской обл.; 37 — г. Калининград; 38 — с. Великое Рязанской обл.; 39 — г. Касимов Рязанской обл.; 40 — Болковский р-н Орловской обл.; 41 — Балаковский могильник; 42 — с. Оп-Пандо; 43 — с. Шам-Вулахча; 44 — с. Новое Калужской обл.; 45 — 46 — Михеевский могильник; 47 — Дегчинский могильник; 48 — с. Можково Калужской обл.; 49 — с. Погорелое Тульской обл.; 50 — с. Костенева Белгородской обл.; 51 — с. Загорье Брянской обл.; 52 — с. Людиново Калужской обл.; 53 — 54 — с. Жуково Орловской обл.; 55 — с. Курман Рязанской обл.; 56 — г. Велев Тульской обл.; 57 — с. Озмиевнн Пензенской обл.; 58 — с. Пушино Мордовской АССР; 59 — г. Муром Владимир-ской обл.; 60 — 62 — г. Горький (Сормово); 63 — с. Кременки; 64 — с. Делново Ульяновской обл.; 65 — с. Атия-Касы Чувашской АССР; 66 — с. Мочалин Улья-новской обл.; 67 — г. Цивильск Чувашской АССР; 68 — 69 — с. Верхний Байдуш Казанской обл.; 70 — с. Большая Тояка Казанской обл.; 71 — г. Пенза; 72 — с. Половна Пензенской обл. Наровчатского р-на; 73 — Яранский р-н Кировской обл.; 74 — с. Барышево Казанской обл.; 75 — Тетюши Казанской обл.; 76 — с. Большая Тоймба Казанской обл.; 77 — с. Красновидово Казанской обл. Тетюш-ского р-на; 78 — Эбальково Мордовской АССР; 79 — р. Сура Мордовской АССР

Как уже говорилось, все фатьяновские могильники относятся к типу грунтовых, что характерно также и для прибалтийских культур ладьевидных топоров. На Среднем Днепре существует смешанный тип: и грунтовые, и курганные могильники. Курганный обряд возникает здесь, вероятно, под влиянием южных (степных) культурных течений.

Курганные погребения появляются только на поздней стадии фатьяновской культуры. Они большей частью встречаются на Средней Волге, где могли появиться под влиянием срубной культуры.

Для московских памятников известны только два случая, упоминаемые К. Я. Виноградовым. Это небольшие насыпи на Буланинском и Истринском могильниках⁵. Если эти курганные насыпи существовали здесь, то они могли возникнуть только под влиянием среднеднепровской культуры. Кстати, обряд трупосожжения в Истринском могильнике, прослеженный К. Я. Виноградовым, также мог быть заимствован фатьяновцами от среднеднепровских племен. Курганные насыпи прослежены в Ивановской обл. в трех случаях: это Быстринский курган, раскопанный О. А. Кривцовой-Граковой⁶, Петряхин-

ские курганы, раскопанные Кудрявцевым⁷, и курганный насыпь на Княгининском могильнике⁸. Все эти памятники очень поздние, и курганные насыпи могут относиться не к фатьяновской культуре. Упоминаемый П. Н. Третьяковым Чижевский курган в Костромской обл.⁹ вряд ли является курганом, так как в Ярославской и Костромской областях очень часто местные жители называют курганами фатьяновские могильники, расположенные на холмах. Вопрос о грунтовых и курганных могильниках в культурах с боевыми топорами представляет интерес для выяснения этногенетических процессов, протекавших внутри этих культур. Характерно, что грунтовые могильники занимают в Восточной Европе северную часть территории распространения культур с боевыми топорами, а смешанные курганные и грунтовые — южную часть этой территории. Факт знаменателен, но пока его окончательное выяснение придется отложить до накопления дополнительных материалов, как ни заманчиво предположить, что первый обряд связан скорее с прабалтами, а второй — с праславянами.

⁵ А. А. Спицын. Медный век в Верхнем Поволжье. ЗОРСА РАО, т. V, вып. I. СПб., 1903.

⁶ Д. А. Крайнов. Отчет о раскопках Княгининского могильника в Ильинско-Хованском районе Ивановской области. «Отчет Верхневолжской экспедиции за 1962 г.» Архив ИА АН СССР.

⁷ П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М., 1966, стр. 92.

⁵ К. Я. Виноградов. Новые данные о памятниках фатьяновского типа. ПИДО, 1934, № 11—12, стр. 73, 76.

⁶ О. А. Кривцова-Гракова. Горкинский могильник. «Труды ГИМ», вып. VII, 1938, стр. 66.

Случайные находки

Случайные находки вещей фатьяновской культуры вне стоянок и могильников также являются важными памятниками этой культуры. Во-первых, они сами по себе отражают материальную культуру фатьяновцев, и, во-вторых, они фиксируют места расположения этих находок, которые наряду с могильниками определяют территорию распространения памятников фатьяновской культуры.

К случайным находкам относятся главным образом каменные сверленные топоры-молотки и их обломки, а также редкие находки кремневых клиновидных топоров и других орудий (ножей, наконечников стрел и дротиков московского типа, так называемых выпрямителей древков стрел, каменных булав, обломков посуды и пр.).

Основную массу случайных находок составляют каменные сверленные топоры-молотки и их обломки. Так же как и могильники, они располагаются неравномерно. Однако в их расположении наблюдаются те же закономерности, что и в расположении могильников, т. е. они концентри-

руются в тех же местах, где и могильники. Например, в Московской, Калужской и Рязанской областях случайные находки сверленных каменных топоров встречаются преимущественно по берегам крупных рек: Оке, Клязьме, Москве (см. рис. 3) и др. Очень часты находки топоров в реках, что свидетельствует о важности речных путей в передвижении фатьяновцев. В Ярославской, Ивановской, Горьковской областях и в Чувашской АССР каменные сверленные топоры встречаются не только вдоль рек, но и на водоразделах, что указывает на расселение фатьяновцев по всей территории. Наблюдается также увеличение числа находок и особенно числа обломков топоров в направлении с запада на восток и северо-восток, что совпадает с топографическими изменениями и в расположении могильников и изменениями числа погребений на них. Такое совпадение подтверждает наши предположения о направлении движения фатьяновских племен, росте плотности населения и относительной оседлости.

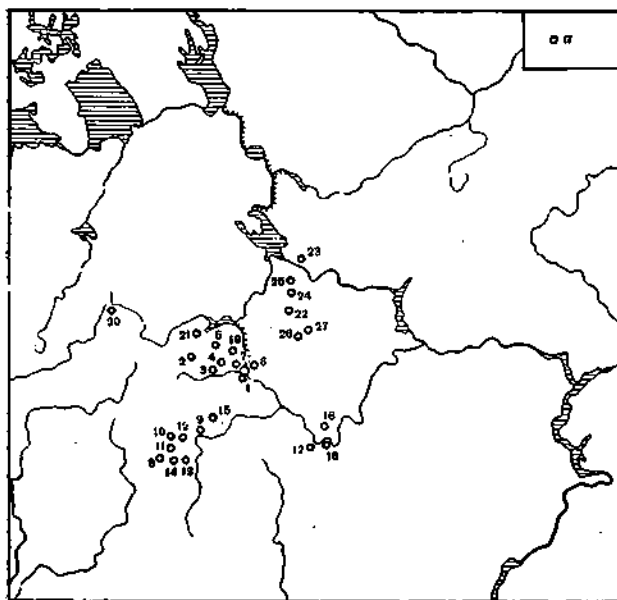

Рис. 9. Распространение длиннообушковых каменных сверленных топоров-молотков на территории фатьяновской культуры

а — длиннообушковые топоры.

1 — г. Москва (Свяцев Вражек); 2 — Волоколамский р-н; 3 — Звенигородский р-н; 4 — д. Трусово; 5 — с. Zubovo; 6 — г. Москва; 7 — г. Химки; 8 — с. Зимица Калужской обл.; 9 — г. Калуга; 10—12 — Калужская обл.; 13 — д. Коломенка (Калужск. обл.); 14 — с. Николаевка (Калужская обл.); 15 — с. Новое (Калужская обл.); 16 — с. Горницы (Рязанская обл.); 17 — с. Поркино (Рязанская обл.); 18 — с. Устрянь (Рязанская обл.); 19 — с. Икша (Московская обл.); 20 — оз. Овселуг (Калужская обл.); 21 — Тургиновский могильник; 22 — с. Поречье (Московская обл.); 23 — Холмогорский могильник; 24 — Никольский могильник; 25 — Наумовский могильник; 26 — Данильцевский могильник; 27 — д. Шумятино (Ивановская обл.).

По расположению случайных находок можно проследить распространение отдельных типов орудий на определенной территории и в определенном направлении, что позволяет безошибочно судить о путях передвижений племен или же об их связях. Например, находки обушковых коротколопастных топоров (рис. 8) очерчивают четко территорию распространения памятников определенной группы фатьяновских племен (южных). Найдены их по Десне, Оке, Мокше и Сви́яге (в Брянской, Калужской, Рязанской, Пензенской областях и на Средней Волге) рисуют передвижения фатьяновских племен из верховьев Оки и Десны на Среднюю Волгу. Принадлежность этих случайных находок именно этим племенам подтверждается и находками идентичных топоров в могильниках по этому же пути (Бежицкий, Михеевский, Детчинский, Наровчатский и пр.). Можно привести десятки и других примеров, когда на определенной территории локализируются определенные формы (типы) ка-

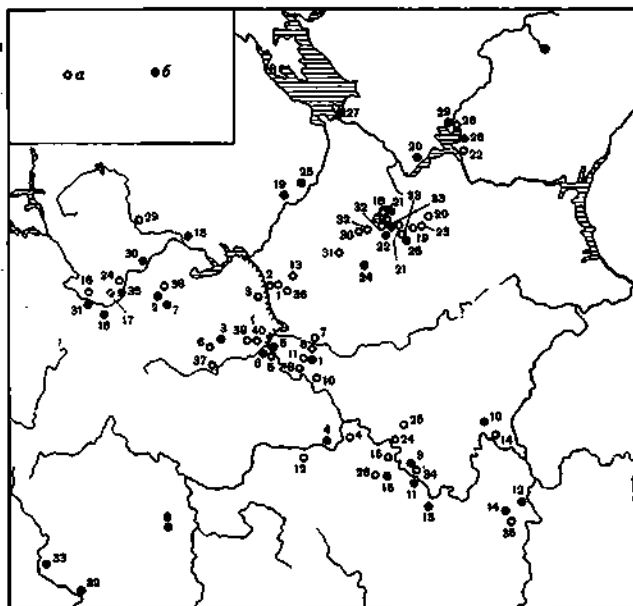

Рис. 10. Распространение ромбических топоров-молотков на территории фатьяновской культуры

а — ромбические узкообушковые топоры.

Московская обл.: 1 — с. Вороново; 2 — г. Дмитров; 3 — с. Сивьково; 4 — д. Плешки; 5 — г. Москва; 6 — Ново-Петровский р-н; 7—8 — Ногинский р-н; 9 — Верейский могильник; 10 — д. Кузнецово; 11 — ст. Малаховна; 12 — с. Колтово; 13 — с. Николо-Перевоза; 17 — д. Татищево; 18 — Минское шоссе; 19 — д. Головино; 40—41 — Истринский могильник.

Рязанская обл. 14 — г. Касимов; 15, 25, 26 — Рязанская обл.; 24 — р. Ока; 34 — р. Проня (Спасский р-н); 35 — г. Шацк; 36 — Рязанская обл.

Ярославская обл. 17 — с. Деболовское; 18 — с. Сулосль; 30 — Сарское городище; 31 — д. Рахманово; 32 — д. Борисовское; 33 — с. Угодичи.

Ивановская обл. 19 — Аньковский могильник; 20 — д. Милосское; 21 — д. Спарки; 23 — д. Никитинское; 27 — д. Чурилово.

Калининская обл. 13 — г. Ржев; 29 — г. Торжок. Костромская обл. 22 — г. Кострома; 28 — д. Вежи

б — ромбические усеченные топоры.

Московская обл. 1 — Ногинский р-н (Буреломна); 2 — с. Мовосеино; 3 — с. Никольское; 4, 9 — с. Спиридоново; 5 — г. Москва; 6 — около г. Москвы; 7 — с. Абушково.

Калужская обл. 8 — г. Козельск.

Рязанская обл. 9 — с. Горницы; 10 — с. Парахино; 11 — Спасский р-н; 12 — с. Старое Амесьево; 13 — с. Ухарь; 14 — с. Новоберезово; 15 — села Никольское и Деулюино.

Калининская обл. 16 — г. Zubov; 17 — с. Терешково; 18 — г. Калинин; 19 — г. Кашин; 30 — д. Пролетнево; 31 — г. Ржев; 34 — с. Колоховля; 35 — с. Новое.

Ярославская обл. 20 — с. Днево-Городище; 21 — д. Борисовское; 22 — д. Огарево; 23 — с. Угодичи; 24 — д. Старое Высоково; 25 — д. Плоски; 27 — г. Рыбинск.

Ивановская обл. 26 — с. Пенья.

Костромская обл. 23 — д. Волтоново; 29 — д. Вежи.

Брянская обл. 32 — г. Брянск; 33 — д. Макаровка

менных сверленных топоров-молотков. Благодаря концентрации их на одной территории можно выделять локальные или хронологические группы фатьяновских племен, а по отдельным экземплярам топоров этого типа вне этой территории

можно определять пути передвижений или связи племен. Например, для Московской обл. и частей Калининской, Ярославской, Ивановской и Рязанской областей характерными формами топоров являются длиннообушковые (рис. 9) и ромбические усеченные (рис. 10), а для Ярославской и Костромской областей и севера Калининской обл. — обушковые длиннолопастные топоры (рис. 8).

Случайные находки очерчивают и территорию распространения фатьяновской культуры. Неда-

ром В. А. Городцов только по находкам топоров совершенно правильно определил границы распространения фатьяновской культуры. Сейчас, когда нам удалось собрать благодаря изданию «Сводов» многочисленные сведения о случайных находках¹⁰, они становятся чрезвычайно важным историческим источником в изучении фатьяновской культуры.

¹⁰ Случайные находки топоров и других предметов опубликованы в «Сводах» по фатьяновской культуре: САИ, В1-19, 1963; САИ, В1-10, 1964.

Поселения

Вопрос о поселениях фатьяновской культуры до сих пор остается не решенным для ее значительной территории. Если на востоке (на Средней Волге) они уже получили свое признание и сейчас там известны десятки поселений, то на остальной территории они пока не найдены, если не считать находок фатьяновских вещей на стоянках. Отсутствие поселений объясняется исследователями по-разному. Одно время считали, что определенные неолитические стоянки являются фатьяновскими поселениями, а керамика могильников рассматривалась как ритуальная. Отсутствие поселений объяснялось также кочевым образом жизни фатьяновских племен, оставивших недолговременные поселения типа селищ. В какой-то степени для ранних фатьяновских памятников такое объяснение приемлемо. Некоторые исследователи полагали, что стоянки фатьяновцев надо искать в торфяниках, где часты находки фатьяновских вещей и даже погребений. Другие исследователи считали, что поселения известны нам, но мы их относим к другой культуре, так как не знаем фатьяновской кухонной посуды.

А. С. Уваров высказал мнение о наличии стоянки на Фатьяновском могильнике¹¹. Позднейшими раскопками это мнение было опровергнуто. О. Н. Бадер считает, что «поселения эти (фатьяновские) могли носить характер не стоянок, а селищ без обязательного соседства с рекой или озером»¹². Развивая далее эту теорию, он отводит фатьяновцам водоразделы, а поздненеолитическим племенам — озерные и речные долины. Некоторые ученые Запада объясняли отсутствие стоянок с большим культурным слоем тем, что считали фатьяновцев военными отрядами, переходившими с места на место и терроризировавшими местное население.

П. Н. Третьяков пришел к подобному же выводу. Базируясь на мнении А. Я. Брюсова о

враждебном отношении местных охотничье-рыболовецких племен к пришлым фатьяновцам¹³, П. Н. Третьяков высказывает предположение, что «эти отношения, возможно, и послужили причиной того, что не сохранилось никаких определенных следов фатьяновских поселений», которые «были, очевидно, относительно кратковременными; культурный слой в этих условиях не успевал накапливаться»¹⁴. «По этой же причине от фатьяновцев остались одиночные захоронения или совсем небольшие могильники», — писал далее П. Н. Третьяков¹⁵.

Данное утверждение не соответствует действительности. Сейчас известны фатьяновские могильники по 20—40 и свыше 100 погребений. Это свидетельствует об оседлости. Скорее всего надо искать иные объяснения. Вероятно, на территории Московской обл. отсутствие поселений объясняется быстрым прохождением фатьяновских племен по этой территории. На прилегающих территориях Ярославской и Ивановской областей поселения, возможно, были кратковременными, а на северо-востоке фатьяновской ойкумены, где встречаются крупные могильники, должны быть и места более длительного обитания фатьяновцев. Однако кратковременность поселений вряд ли можно объяснить враждебными отношениями с местным населением. Скорее всего причина заключается в хозяйственной деятельности фатьяновских племен (специфика лесного скотоводства и огневого земледелия).

Находки фатьяновских вещей на поздненеолитических поселениях и селищах с текстильной керамикой в какой-то степени решают вопрос о фатьяновских поселениях. Поэтому нельзя обойти их молчанием, так как они являются не ме-

¹¹ А. С. Уваров. Археология России. Каменный период, т. I. М., 1881.

¹² О. Н. Бадер. Лихачевский могильник. СА, 1932, № 2, стр. 36.

¹³ А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952, стр. 94; он же. Об экспансии культур с боевыми топорами в конце III тысячелетия до н. э. СА, 1961, № 3, стр. 33.

¹⁴ П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне на Днестре и Волге.

¹⁵ Там же.

нее важными фатьяновскими памятниками, чем случайные находки. Эти своеобразные места кратковременных фатьяновских поселений встречаются на всей территории, занятой фатьяновскими племенами, но не в одинаковой мере. Чем дальше на восток от Московской и Калининской областей, тем больше на стоянках становится фатьяновских вещей. Незначительное число вещей на этих стоянках объяснялось исследователями по-разному. Некоторые исследователи не считали их свидетельством кратковременности поселений; другие видели в них просто случайные вещи, утерянные фатьяновцами, а третьи считали их местными изделиями, подражавшими фатьяновским. Однако по мере поступления все новых и новых сведений о таких «поселениях» на них обратили внимание, тем более что подобные же явления стали фиксироваться на Среднем Днепре и в Прибалтике, где на поздне-неолитических стоянках часто обнаруживают шнуровую керамику, топоры и другие вещи, близкие фатьяновским.

На дюнных стоянках по Десне (Брянская обл.) очень часты находки шнуровой керамики, топоров, кремневых клиньев и др. В г. Бежице под Брянском известны такие стоянки, как Жмуровская, на которой найдены обломки шнуровой керамики и кремневые ножи истринского типа в слое с гребенчато-ямочной керамикой; на стоянке у «Стрельбища» обнаружены кремневые орудия, близкие фатьяновским формам; на стоянке у Ильюхина озера найдена фатьяновская керамика, кремневый полированный клин и кремневые орудия¹⁶. Под Брянском в пойме р. Десны на дюне Куракин Бор наряду с гребенчато-ямочной керамикой и сетчатой найдены обломки шнуровой керамики, черешковые наколенники дротиков, близкие фатьяновским, каменные сверленные топоры и сосуды фатьяновского типа, среди которых имеется чашечка, идентичная чашке из Истринского могильника. Возможно, здесь, кроме поселения, был и могильник¹⁷. По рекам Навле и Ревне также много стоянок с вещами, близкими фатьяновским, как, например: Дунская стоянка, где найдены кремневые полированные клиновидные топоры фатьяновского типа и другие вещи; стоянка у с. Глиняное, на которой обнаружены коротколопастный сверленный каменный топор, обломки круглодонных сосудов, ножи кремневые и точильные камни; стоянка у д. Дядьковичи, где вместе с неолитическими вещами найдены и фатьяновские. Такие стоянки часты на Десне.

¹⁶ Д. А. Крайнов. Вауловский могильник. «Труды ГИМ», вып. XII, М., 1941, стр. 142.

¹⁷ Дюна исследовалась мною в 1932—1933 гг., а до этого на ней проводили работы Т. С. Пассек и В. А. Латынина.

Вокруг этих стоянок и на них имеются и могильники, и отдельные погребения (Брасовский, Бежицкий, Брянский, Куракин Бор и др.). В г. Бежице на неолитический стоянке найдено погребение человека в скорченном положении на глубине 1 м вместе с обушковым коротколопастным каменным сверленным топором, близким топорам Михеевского и Детчинского могильников Калужской обл., кремневым клиновидным топором, обломками круглодонной посуды и кремневыми ножами¹⁸.

По Оке (Рязанская обл.) и Мокше (Пензенская обл.) известны только случайные находки керамики балановского типа в стоянках с текстильной керамикой, как, например: на берегу оз. Козарь близ с. Алеканово, на дюне близ д. Сумбуловой¹⁹, у с. Коренец²⁰, близ с. Владычино в местности Черная гора²¹, у с. Куземкино Рязанской обл.²², на Теньгушевском городище²³, на дюне Озименки²⁴, на Пензенской стоянке²⁵.

Среди этих находок встречаются и более ранние обломки сосудов, как, например, в Велеве, Куземках, Фефелове, Рязани, Озименках, на Пензенской стоянке и в других местах, отображающие окский путь движения племен. Он подтверждается и находками одиночных погребений в Рязани, Наровчате и в других местах.

Что касается обломков поздних сосудов с балановским широким заштрихованным зигзагом, то эти находки могут указывать или на движение поздних племен с текстильной керамикой, впитавших в себя балановские поздние компоненты, или они присущи всем поздне-фатьяновским племенам.

На стоянке около оз. Городолобль в Вышневолоцком р-не Калининской обл. найдены каменные сверленные фатьяновские топоры-молотки, черешковые каменные топоры лепельского типа и кремневые орудия вместе с ямочно-гребенчатой и текстильной керамикой²⁶. Около д. Камушки на берегу оз. Пудоро Л. Я. Крижевской на стоянке № 1 была обнаружена керамика

¹⁸ Д. А. Крайнов. Вауловский могильник, стр. 142.

¹⁹ В. А. Городцов. Отчет об археологических исследованиях в долине р. Оки в 1897 г. «Древности», т. 17, М., 1900.

²⁰ М. Е. Фосс. Древнейшая история европейской части СССР. МИА, 1952, № 29, стр. 186, рис. 98, 1.

²¹ Колл. ГИМ; И. К. Цветкова. Стоянка Черная Гора. КСИИМК, вып. 75, 1959.

²² Колл. В. И. Зубкова в Рязани.

²³ Е. И. Горюнова. Теньгушевское городище. «Зап. Мордовского науч.-иссл. ин-та», IX. Саранск, 1949.

²⁴ М. Е. Фосс. Поселение на дюне Озименки. КСИИМК, вып. 75, 1959.

²⁵ Колл. Пензенского музея.

²⁶ Колл. А. Х. Репмана из Вышневолоцкого р-на Калининской обл., переданная в 1962 г. в ГИМ.

четырёх типов: неолитическая, шесть обломков фатьяновских сосудов, обломки тонкостенных сосудов с веревочным орнаментом типа среднеднепровской культуры и сетчатая²⁷. В том же районе на стоянке Рябиновая Ремка на берегу оз. Соменец найдена фатьяновская керамика тонкостенная и лощеная²⁸. Особый интерес представляет стоянка у д. Красново Калининского р-на. В ней найдены обломки тонкостенной посуды с веревочным орнаментом и фатьяновским нарезным узором. Наряду с ними обнаружены кремневые орудия (наконечники стрел фатьяновского типа — черешковые, скребки и пр.), кабаньи клыки и керамика с сетчатым орнаментом²⁹. На дюнных и озерных стоянках Калининской обл. часто встречаются обломки тонкостенных сосудов с веревочным орнаментом, фатьяновские боевые топоры-молотки, а на городище Топорок — каменная литейная формочка или выпрямитель древков стрел. В Кимрском р-не при раскопках городища дьяковской культуры в нижнем слое обнаружены обломки поздних фатьяновских сосудов и кремневых орудий. В городище Отмиц Калининского р-на найдены в нижнем слое обломки глиняной посуды со шнуровым орнаментом и каменный сверленый топор³⁰.

В 1966 г. Верхневолжской экспедицией были раскопаны три поздне-неолитические стоянки у д. Большое Ронское на берегу оз. Селигер³¹. В верхних слоях этих стоянок обнаружено много обломков высокогорлых тонкостенных сосудов со шнуровым и нарезным орнаментом. Эта керамика найдена вместе с поздне-неолитической керамикой, орнаментированной гребенчатыми узорами, в основном елочными. Вместе с названной керамикой найдены наконечники дротиков с черешком, идентичные наконечникам дротиков из фатьяновских могильников Калининской обл.³² (Ошурковский, Тургиновский, Лотошинский и др.). Кроме того, обнаружены треугольные нако-

нечники стрел с прямым основанием и с выемкой в основании. Все эти находки типичны для днепро-деснинских памятников среднеднепровской культуры. По-видимому, на этих стоянках были поселения или фатьяновской культуры московско-клязьминской группы, или среднеднепровской культуры в ее днепро-деснинском варианте.

Создается впечатление, что в Калининской обл. нет значительных скоплений фатьяновских вещей на неолитических стоянках. Этот факт, возможно, свидетельствует о некоторой подвижности фатьяновских племен на данной территории.

На территории Московской обл. стоянки с фатьяновскими вещами редки. Наибольший интерес представляет стоянка Николо-Перевоз. На ней еще в 1934 г. Б. С. Жуковым³³ наряду с волосовской керамикой было найдено значительное число обломков глиняных фатьяновских сосудов с разнообразным орнаментом, в том числе и шнуровым. В 1958—1960 гг. раскопками на той же стоянке были обнаружены коллективное фатьяновское погребение с вещами и обломки сосудов вместе с волосовской керамикой³⁴. Здесь налицо фатьяновское поселение, о длительности которого пока судить трудно. Других мест, которые можно было бы назвать фатьяновскими поселениями в Московской обл., пока не зарегистрировано.

Более значительный интерес представляют находки фатьяновских вещей на неолитических стоянках и поселениях с так называемой текстильной керамикой в Ярославской обл. Эти находки можно отнести к поселениям. Особо следует отметить стоянки у с. Золоторучье и у д. Воронка. На стоянках у с. Золоторучье Угличского р-на³⁵ прослеживается стратиграфическая колонка культурных наслоений, начиная с конца палеолита и до русского средневековья. Колонка прекрасно увязывается с геологическими слоями. Это дает датировку культур, характеризующих древнейшую историю Верхнего Поволжья.

Среди наслоений стоянки Золоторучье I встречены и фатьяновские вещи: обломки глиняных тонкостенных сосудов с фатьяновским орнаментом, среди которых есть обломок со шнуровым орнаментом, сверленный топор, каменное грузило со сверлиной, кремневые ножи и фатьяновидная керамика (рис. 11, 21—26). На стоянке Золо-

²⁷ Л. Я. Крижевская. Отчет о командировке в Вышневолоцкий район в 1946 г. Архив ЛОИА АН СССР, Арх. К. № 66.

²⁸ ГИМ. Колл. А. Х. Ренмана.

²⁹ Колл. Калининского обл. музея и личные коллекции И. Ф. Иванова в г. Калинин.

³⁰ К. А. Смирнов. Отчет о раскопках Дьяковского городища в Кимрском районе Калининской области в 1968—1969 гг. Архив ИА АН СССР; М. А. Бухтеева. Отчет о раскопках городища Отмиц. «Отчет Верхневолжской экспедиции за 1968 г.» Архив ИА АН СССР.

³¹ Д. А. Крайнов. Раскопки неолитических стоянок у д. Большое Ронское Осташковского района Калининской области. «Отчет Верхневолжской экспедиции за 1966 г.» Архив ИА АН СССР.

³² О. Н. Бадер. Фатьяновские могильники бассейна р. Шопи. «Новое в советской археологии». М., 1965, стр. 122, рис. 2, 4. Колл. Калининского обл. музея из Ошурковского могильника.

³³ Колл. ГИМ. оп. № 1459 (из раскопок на стоянке Николо-Перевоз у д. Сущево в Талдомском р-не Московской обл. Б. С. Жукова в 1934 г.).

³⁴ В. М. Раушенбаз. Фатьяновское погребение на неолитической стоянке Николо-Перевоз. «Труды ГИМ», вып. XXXVII, М., 1960.

³⁵ Д. А. Крайнов. Дюнная стоянка Золоторучье I. КСИИМК, вып. 75, 1959, стр. 66; он же. Некоторые спорные вопросы древнейшей истории Волго-Окского междуречья. КСИИМК, вып. 97, 1964.

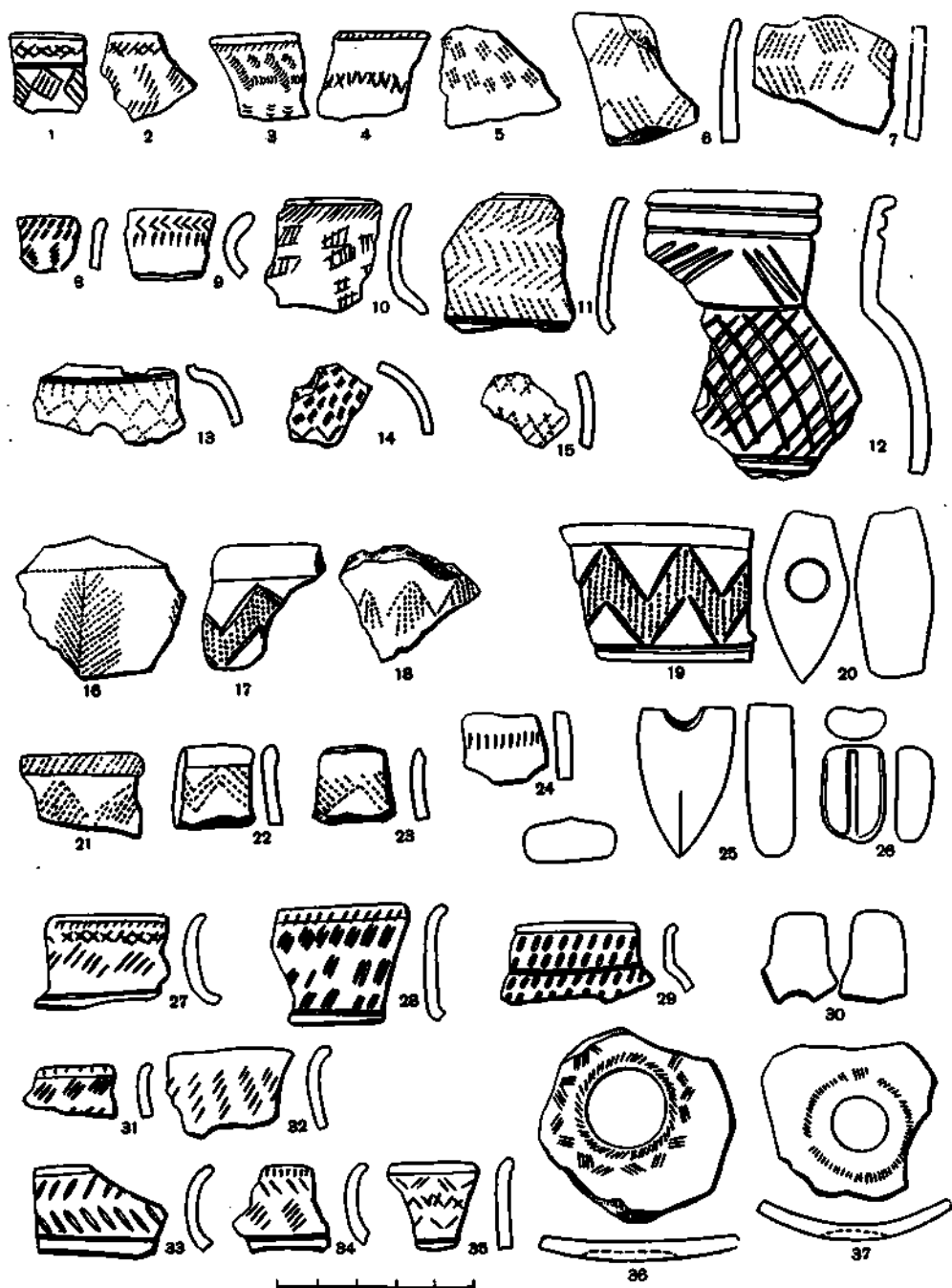

Рис. 11. Вещи из стоянок фатьяновской культуры

1-7 — Рождественский остров; 8-15 — Дикариха; 16-18 — Ватутинская; 19-20 — Польцо; 21-26 — Золоторучье I, II; 27-37 — Станок

торучье II найдены обломок ромбического каменного сверленного топора-молотка, обломок клиновидного кремневого топора, кремневые ножевидные пластинки и половинка так называемой литейной формы или выпрямителя стрел, подобная таким же вещам из Буньковского и

Истринского могильников³⁶. Такая же половинка формочки была обнаружена и на соседней стоянке Золоторучье III. Все эти фатьяновские ве-

³⁶ Д. А. Крайнов. Памятники фатьяновской культуры. САИ, В1-20, 1964, табл. XIII.

Рис. 12. Вещи из стоянок фатьяновской культуры

1—6 — Борань; 7—8 — Ворокса

щи найдены в погребенной почве вместе с поздненеолитическими вещами и керамикой, выше их обнаружена сетчатая (текстильная) керамика, дьяковская и славяно-мерянская. Стратиграфия дает возможность установить время бытования фатьяновского населения на этой стоянке. Недалеко от Золоторучья, под Угличем, имеются многочисленные находки сверленных топоров-молотков. Сравнительно недалеко расположен Рыболовский фатьяновский могильник (ниже по р. Волге) ³⁷.

На дюнной стоянке близ с. Вороксы Некрасовского р-на при раскопках обнаружена типичная фатьяновская керамика с разнообразным орнаментом (рис. 12, 7—8), характерным для Велюковосельского могильника ³⁸. Здесь же найдены кремневые орудия и отщепы и вместе с ними — тонкостенная посуда с мелкозубчатым орнаментом и текстильным. Это было поселение поздних фатьяновцев. Рядом на соседней дюне расположен небольшой Ворокский фатьяновский могильник. Эти находки важны для датировки конечных этапов фатьяновской культуры.

В Ростовском и Переяславском районах Ярославской обл. обнаружены фатьяновские вещи на следующих неолитических стоянках и более поздних поселениях конца бронзового века: Польцо ³⁹ (рис. 11, 19—20), Плещеево ⁴⁰, Вашутинской ⁴¹ (рис. 11, 16—18) и Дикариха ⁴² (рис. 11, 8—15) Переяславского р-на. На них най-

дены фатьяновская керамика нескольких типов, в том числе и балановского, черепковый каменный клиновидный топор, каменный сверленный топор-молоток и другие вещи. Особенно много фатьяновской керамики обнаружено Верхневолжской экспедицией на поселении и могильнике Дикариха (рис. 11, 8—15). Здесь фатьяновская керамика найдена совместно с ложно-текстильной поздняяковского времени. Орнамент ее близок орнаменту поздней фатьяновской и балановской керамики. Характерно, что в тесте имеется примесь песка, как и в фатьяновских сосудах.

На поселении Дикариха найдены обломки от 50 фатьяновских сосудов (по венчикам). Все сосуды круглодонные с хорошо профилированной прямой шейкой. Орнаментальные узоры (рис. 11) нанесены штампом и нарезкой. Многие мотивы орнамента идентичны мотивам на сосудах из могильников (елочка, группы линий, поставленных под углом друг к другу, ограниченные ромбом со штриховкой, зигзаг и др.). Встречаются донца с орнаментом вокруг ямки. Сосуды лощеные. Наряду с этими типичными фатьяновскими сосудами есть керамика, близкая фатьяновской, но с примесью раковин в тесте. Она, вероятно, является результатом смешения волосовской и фатьяновской керамики.

По-видимому, прав А. Л. Никитин, считая Дикариху поселением поздних фатьяновских племен. Оно датируется им второй половиной II тысячелетия до н. э. На стоянках Польцо и Вашутино также обнаружена поздняя фатьяновская керамика с балановидными чертами вместе с волосовской керамикой, т. е. здесь наблюдается такая же картина, как и всюду. В окрестностях этих стоянок найдены типичные фатьяновские топоры, и недалеко имеются фатьяновские могильники.

Значительный интерес представляет и стоянка на Городском Острове (Рождественском) на оз. Неро у г. Ростова Ярославской обл. На этой стоянке найдены обломки керамики с фатьянов-

³⁷ Д. А. Крайнов. Памятники фатьяновской культуры. Ярославско-Калининская группа. САИ, В1-20, 1964, стр. 50.

³⁸ Д. А. Крайнов. Отчет о работах Верхневолжской экспедиции за 1961 г. Архив ИА АН СССР, № 2335.

³⁹ А. Л. Никитин. Отчеты о работе Переяславского отряда Верхневолжской экспедиции за 1958, 1961 гг. Архив ИА АН СССР, № 1772, 2335.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ И. К. Цветкова. Новый памятник Волосовской культуры близ г. Переславля-Залеского. «Труды ГИМ», вып. 37.

⁴² А. Л. Никитин. Дикариха. МИА, 1963, № 110, стр. 208, 209, рис. 3; стр. 226.

ским орнаментом (рис. 11, 1—7) — по орнаментике она близка сосудам из Голузинского и Великосельского могильников, обломок черешкового каменного топора, кремневые орудия и керамика волосовского типа и текстильная⁴³. Эта стоянка, как и Дикариха, свидетельствует уже о значительных поселениях фатьяновской культуры. Попутно необходимо отметить, что на берегах оз. Неро обнаружено около 20 неолитических разновременных стоянок и на тех же местах, что важно, найдены типичные фатьяновские топоры-молотки (Ростов, Сулость, Угодичи, Борисовское, Твердино, Поречье, Деболовское и т. д.), черешковые клиновидные топоры (Ростов). В самом Ростове обнаружен топор с обушком, заканчивающимся изображением медвежьей головы. Недалеко от Ростова расположены и фатьяновские могильники (Пужбольский, Халдеевский, Ильинско-Зареченский, Голузинский, Осокинский, Коркинский и сравнительно недалеко группа Великосельских могильников: Великосельский, Романцевский, Пятницегорский, Мельничногорский и др.).

В Костромской низине фатьяновские слои на неолитических стоянках становятся более мощными. Особенно выделяются две стоянки, расположенные в бассейне р. Костромы, в нижнем ее течении, — Борань и Станок II.

Стоянка Борань, исследованная В. И. Смирновым и Н. Н. Гуриной, содержит три основных комплекса находок: волосовский, фатьяновский и сетчатую керамику. Стратиграфически они не разделяются, но по высотным показателям находок устанавливается последовательность в размещении керамики. Ранняя — волосовская — керамика залегает по преимуществу внизу, а фатьяновская и сетчатая — сверху. Такую последовательность установили В. И. Смирнов и А. А. Спицин. Н. Н. Гурина доказала правильность этого вывода. Она разделила фатьяновскую керамику, найденную на стоянке Борань, на три типа⁴⁴: 1) типично фатьяновскую, тонкостенную, с хорошо отмученным тестом и незаметной примесью, лощеную с ромбическим, зигзагообразным и другим орнаментом, круглодонную, иногда с характерными для фатьяновской керамики ямками на дне, т. е. такую же керамику, какая встречается и на фатьяновских могильниках верхневолжской группы (Волосово-Даниловский, Фатьяновский и другие могильники) (рис. 12, 1—6); 2) тонкостенную, круглодонную

с фатьяновскими узорами, но с растительной примесью, характерной для поздней волосовской керамики; 3) фатьяноидную, тонкостенную, в которой имеются и фатьяновские черты, и новые черты, получившиеся от смешения фатьяновской и волосовской керамики.

Наряду с фатьяновской керамикой на стоянке Борань найдены обломки боевых топоров-молотков и высверлина, полученная при обработке топора. Эта высверлина доказывает производство топоров на месте. Среди кремневых орудий также есть фатьяновские формы (наконечники стрел).

На стоянке Станок II в Костромском р-не фатьяновские находки обнаружены в большом числе, но в несколько ином сочетании. На этой стоянке встречена немногочисленная волосовская, фатьяновская, фатьяноидная и сетчатая керамика — последняя преобладает. Фатьяновская керамика, тонкостенная, без примесей, лощеная с ромбическим, елочным, нарезным и другими орнаментами, идентична керамике из фатьяновских могильников. Днища сосудов округлые, но встречаются и уплощенные с характерной для ярославских фатьяновских сосудов орнаментикой днищ (рис. 11, 27—37). По тесту эта керамика близка сетчатой. Фатьяноидная керамика носит волосовские черты и черты текстильной керамики⁴⁵.

На той же стоянке Станок II найдены обломок каменного сверленного топора-молотка, высверлина от топора, кремневые ножи и сланцевые топоры⁴⁶. Фатьяновская керамика и фатьяновские вещи найдены и на других стоянках Костромской низины (Станок I, оз. Святое). Недалеко от этих стоянок и поселений расположены и фатьяновские могильники: Говядиновский, Малышевский, Качалкинский, Волосово-Даниловский и др. Нельзя обойти молчанием и находки фатьяновских вещей на Федоровской неолитической стоянке (Чухломское озеро) и на стоянке Туровская близ г. Галича⁴⁷. На последней вместе с поздненеолитической керамикой найдены обломки фатьяновских сосудов и днища с орнаментом вокруг ямок. В окрестностях найдены и каменные сверленные топоры-молотки.

Всюду на указанной территории в слоях с волосовской и сетчатой керамикой встречаются фатьяновские вещи или скопления вещей. Надо отметить, что нигде они не встречены с ранней ямочно-гребенчатой керамикой так называемого льяловского или раннебалахнинского типов. Также надо отметить, что на всей терри-

⁴³ А. Л. Никитин. Стоянка Рождественский Остров. СА, 1964, № 2; Д. А. Крайнов. Отчет о работах Верхневолжской экспедиции за 1961 г. Архив ИА АН СССР, № 2335.

⁴⁴ Н. Н. Гурина. Неолитическое поселение Борань. МИА, 1960, № 79, стр. 203—204; она же. Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Костромском Поволжье. МИА, 1963, № 110, стр. 4—7.

⁴⁵ Н. Н. Гурина. Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Костромском Поволжье.

⁴⁶ Там же, стр. 125, рис. 31.

⁴⁷ Колл. Ярославского музея-заповедника из раскопок В. И. Смирнова на стоянке Туровская.

тории Волго-Окского междуречья фатьяновские случайные находки (керамика и каменные боевые топоры) и могильники расположены на тех же местах, что и неолитические стоянки.

Вряд ли можно согласиться с П. Н. Третьяковым, отнесшим находки фатьяновской керамики на стоянках Станок и Борань к балановским⁴⁸. Анализ керамики доказывает ее сходство с фатьяновской керамикой из могильников. Среди керамики этих поселений и могильников (Николо-Перевоз) есть действительно обломки сосудов с балановским зигзагом, но все они найдены в слоях с текстильной и поздняяковской керамикой. Эти вещи могли быть принесены со Средней Волги или Оки при движении не балановцев, а поздняяковцев, впитавших в себя балановский компонент, или же они присущи поздним фатьяновским памятникам. Что касается других поселений, то их следует отнести к позднефатьяновским.

На территории Ивановской обл. также обнаружены фатьяновские вещи на поздненеолитических стоянках в слоях с волосовской и текстильной керамикой, как правило, в стоянках Сахтыш I, II, IV, VIII, Толстуха и др.⁴⁹ Здесь найдены каменные сверленные топоры-молотки фатьяновского типа, высверлины, керамика с фатьяновским и балановским орнаментом, проныжки от ожерелий из зубов животных и птичьих трубчатых костей и др. Кроме того, недалеко обнаружен фатьяновский могильник, а вокруг озера неоднократно находили каменные сверленные топоры-молотки. Эти факты указывают, что на одних и тех же местах встречаются и поздне-неолитические, и фатьяновские вещи. Важнейшей задачей дальнейших исследований на таких поселениях является установление их одновременности или разновременности.

В Горьковской обл., в Чувашской АССР и по всей Средней Волге обнаружено большое количество фатьяновских поселений, не говоря уже

⁴⁸ П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге, стр. 91—94.

⁴⁹ Отчеты Верхневолжской экспедиции за 1962—1968 гг. Архив ИА АН СССР.

об отдельных находках фатьяновских вещей на стоянках. Такие поселения, как Оп-Пандо, Аш-на-Пандо, Галанкина Гора, Васильсурское, Кубашевское, Хула-Сюч, Буй I, Буй II и другие, являются общепризнанными поселениями фатьяновской культуры на Средней Волге.

Рассмотренные нами примеры приводят к необходимости пересмотра и переоценки вопроса о поселениях фатьяновской культуры. Постепенное увеличение находок фатьяновских вещей на поздне-неолитических стоянках и поселениях с текстильной керамикой в направлении с запада на восток нельзя обойти молчанием. Подобная закономерность рисует картину постепенного расселения и постепенного оседания фатьяновских племен в направлении с запада на восток.

По-видимому, следует признать существование фатьяновских поселений на таких поздне-неолитических стоянках в поселениях с текстильной керамикой, как Золоторучье I, II, III, Рождественский Остров, Красново, Ворокса, Вахутино, Дикариха, Польцо, Станок II, Борань, Федоровская, Туровская, Сахтыш, Дядьковичи, Жмуровская, Озименки и т. д., тем более что керамика из многих стоянок и могильников тождественна. Небольшое число подобных стоянок можно объяснить недостаточной исследованностью. Вероятно, следует ожидать новых открытий в этой области, так как многие из указанных стоянок найдены только в последние годы. Кроме того, на указанных стоянках встречается тонкостенная керамика бронзового века, культурная принадлежность которой не определена. Особенно много такой керамики на стоянках у оз. Сахтыш. Возможно, эта керамика с примесью песка, как и фатьяновская, относится к фатьяновской кухонной посуде. Примеров резкой разницы в посуде одной культуры много — даже на территории европейской части СССР.

Мы рассмотрели основные типы фатьяновских памятников. При этом выяснилось, что качественно и количественно они неодинаковы в разных областях территории распространения фатьяновской культуры.

Территория распространения фатьяновской культуры

Впервые территория распространения памятников фатьяновской культуры была определена В. А. Городцовым⁵⁰. На основании расположения могильников и главным образом случайных находок каменных сверленных топоров-молотков он включил в нее все Волго-Окское междуречье с прилегающими окрестностями, т. е.

Калининскую, Ярославскую, Костромскую, Горьковскую, Владимирскую, Ивановскую, Рязанскую, Тульскую, Орловскую, Калужскую, Смоленскую и Московскую области, указав также, что более или менее близкие культуры наблюдаются на Северном Кавказе и на Днепре.

В. А. Городцов очертит правильно всю основную область распространения фатьяновской культуры. Для нас важен факт включения в нее

⁵⁰ В. А. Городцов. Культуры бронзовой эпохи в Средней России. М., 1916, стр. 6.

Рязанской, Тульской, Орловской и Смоленской областей, т. е. территорий соприкосновения фатьяновской и среднеднепровской культуры⁵¹. В своих поздних записках⁵² В. А. Городцов включает и находки каменных сверленных топоров Новгородской обл. в зону распространения фатьяновской культуры.

В. А. Городцов в основном не учел только памятники Чувашской АССР и Пензенской обл., но он допускал распространение фатьяновских памятников далеко на восток, говоря об интенсивных сношениях фатьяновцев с ближайшей областью Волжско-Камской или областью «пермской культуры»⁵³ и, возможно, с Сибирью. Более поздние исследователи даже несколько сузили границы распространения фатьяновской культуры.

Фатьяновские племена во II тысячелетии до н. э. занимали почти всю центральную (лесную) часть европейской территории СССР. На западе они расселялись до Псковского озера, на востоке их границы доходили до Камы и Вятки. На севере памятники фатьяновской культуры встречаются далеко за Волгой — у южных границ Вологодской и Кировской областей, на юго-западе они известны по Десне и в верховьях Оки, а на юго-востоке фатьяновские памятники рассеяны по Суре, Свияге, Цивилю, Мокше и на Средней Волге (рис. 13). Границы распространения фатьяновской культуры на приложенной карте очерчены по находкам всех видов памятников этой культуры. Следует указать, что западные границы еще недостаточно выяснены, так как к западу от Ильмень-озера и до Псковского озера раскопки фатьяновских памятников не производились, а топоры, найденные здесь, носят смешанный характер — фатьяновский и прибалтийский (эстонский). Следует признать, что между ними была смешанная зона.

Что касается северных границ, то они очерчены по массовым находкам топоров и по могильникам. Здесь не принимались во внимание случайные находки фатьяновских топоров на берегах Белого озера и в Вологодской и Архангельской областях, указывающие или на связи с местными племенами, или на проникновение некоторых фатьяновских групп далеко на север. В фатьяновскую зону нами включены верховья Днепра, Десны и Оки. На Средней Волге памятники фатьяновской культуры спускаются ниже устья Камы.

⁵¹ Нам представляется, что название, данное этой культуре ранее В. А. Городцовым «приднепровская», более соответствует территории ее распространения, так как она наблюдается и на Верхнем Днепре, и на Среднем Днепре, и на части Нижнего Днепра.

⁵² Архив В. А. Городцова. ГИМ, Архив, ф. 90.

⁵³ В. А. Городцов. *Культуры бронзовой эпохи...*, стр. 49.

На этой огромной территории памятники фатьяновской культуры появились не сразу. Расселение фатьяновских племен началось с запада и юго-запада и шло в направлении востока и северо-востока. Сейчас трудно еще дать несколько разновременных карт, эта работа ждет будущих исследователей, но безусловно территория первых фатьяновцев была очень небольшой, и только позднее они заняли огромные пространства лесной и лесостепной полос Восточной Европы.

Все фатьяновские памятники объединяются в единую культуру по ряду общих признаков (обряд погребения, погребальный инвентарь, общность основ хозяйства, идеология и др.). Однако, несмотря на общие черты, связывающие все эти памятники в единое целое, они имеют локальные и хронологические различия.

Локализация сходных в культурном отношении фатьяновских памятников с идентичным обрядом погребения, погребальным инвентарем, антропологическим типом погребенных и т. д. на определенной географической территории, связанной той или иной речной системой, позволяет выделить несколько локальных и хронологических групп фатьяновских памятников с наименованиями их по речным системам, около которых наблюдается наибольшая концентрация памятников той или иной группы, а именно: двинско-ильменская, московско-клязьминская, окско-деснинская, верхневолжская, нижеокская, вятско-ветлужская и средневолжская (или сурско-свияжская).

Обширная территория, занятая фатьяновскими племенами, а также густота в расположении памятников приводят к выводу об относительной длительности существования культуры.

Фатьяновские племена, занявшие огромную территорию от Псковского озера до р. Вятки и от Десны до устьев Суры, Свияги и Цивили, селились на тех же местах, что и поздненеолитические абортены. Только позднее они расселяются по всей территории. Таким образом, внутри намеченных нами зон могут быть разновременные памятники.

Вопрос о культурно-историческом окружении племен фатьяновской культуры решается в зависимости от времени бытования тех или иных локальных фатьяновских групп. Если же брать общую картину, то фатьяновские племена расселились на территории, занятой поздними волосовскими племенами. Приходится признать или их одновременное существование на одной территории, так как памятники и тех, и других, как мы видели выше, размещаются на тех же местах, или фатьяновские племена сменили волосовские племена, впитали их. Сейчас решить этот вопрос трудно.

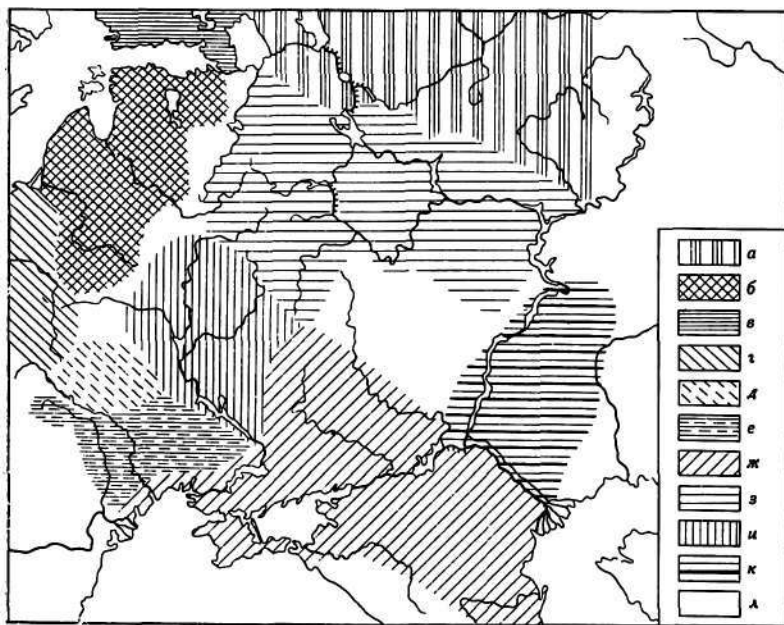

Рис. 13. Карта распространения фатьяновской культуры

а — северные культуры с ямочно-ребричатой керамикой; б — прибалтийская культура ладьевидных топоров; в — финская культура ладьевидных топоров; г-д — культура шаровидных амфор и шнуровой керамики; е — позднетрипольская культура; ж — катакомбная культура; з — фатьяновская культура; и — среднеднепровская культура; к — полтавская культура; л — неисследованные места

С запада фатьяновские племена соприкасались с балтийскими культурами ладьевидных топоров, с юго-запада — со среднеднепровскими родственными племенами. С юга, возможно, граничили с чуждыми им катакомбными поздними племенами, на востоке — с приуральскими и камскими племенами эпохи бронзы и позднее — с племенами срубной культуры. Не исключено, что у фатьяновцев были контакты и с андроновской культурой, о чем свидетельствует присутствие фатьяновского могильника у г. Бирска. На севере с ними соседствовали племена поздних пережиточных культур с ямочно-ребричатой керамикой. Появление фатьяновских памятников на территории, занятой волосовскими племенами, открывает широкие перспективы для решения вопросов взаимоотношений фатьяновских и местных племен. Памятники различных групп, выделенные нами, располагаются не равномерно по всей очерченной территории, а концентрируются в ряде районов данной территории.

В Калининской обл. фатьяновские памятники располагаются вдоль Волги и по ее притокам. Наибольшая концентрация их наблюдается в Бежецком, Краснохолмском, Ржевском, Зубцовском, Калининском, Кашинском, Калязинском и Кимрском районах. Такое распределение дает наглядное представление о движении фатьяновских племен по рекам Вазузе и Двине на Волгу. По-видимому, этим и объясняется наличие наибольшего числа памятников в Зубцовском и Ржевском районах и в соседней Смоленской

обл.⁵⁴ Движение фатьяновских племен на территории Калининской обл. шло не только по Волге на восток, но и по ее притокам на север (Бежецкий, Краснохолмский и Весьегонский районы) и на запад.

В Московской обл. памятники фатьяновской культуры встречаются везде, но в неодинаковом количестве. Наибольшая концентрация наблюдается вдоль больших рек и особенно в западных и северных районах области (Истринском, Рузском, Звенигородском, Волоколамском, Дмитровском, Загорском и др.). Особая концентрация наблюдается в узкой полосе вдоль Оки. Расположение московских фатьяновских памятников вдоль речных долин, вероятно, свидетельствует о подвижности племен московско-клязьминской группы. Такая же картина наблюдается и в зоне расположения днепро-деснинских памятников среднеднепровской культуры, что свидетельствует о родственности московских фатьяновских племен и днепро-деснинских.

В Ярославской обл. прослеживается значительно большее число памятников, чем в Калининской и Московской областях. Они встречаются во всех районах, но в разном количестве. Их наибольшая концентрация обнаружена в Тутаевском, Даниловском, Ярославском, Гаврилово-Ямском, Ростовском и Переславском районах. Здесь они располагаются гнездами, что, вероят-

⁵⁴ А. Н. Лявданский. Некоторые данные о каменном веке и культуре бронзовой эпохи в Смоленской губернии. «Науч. изв. Смоленского гос. ун-та», т. IV, вып. 3. Смоленск, 1927.

но, явилось следствием расселения отдельных родовых групп или племен.

Особый интерес представляет расселение фатьяновских племен далеко за Волгу к современным границам Вологодской обл. (Даниловский и Пречистенский районы). Следует отметить незначительное число фатьяновских памятников в Пошехонно-Володарском и Угличском районах. В последнем они встречены только около р. Волги. Такое распределение памятников объясняется, по-видимому, расселением фатьяновских племен только в те места, которые были пригодны для ведения их скотоводческо-земледельческого хозяйства.

В Ивановской обл. наибольшая концентрация памятников фатьяновской культуры наблюдается в Ильинско-Хованском и Комсомольском районах, т. е. в тех районах, которые примыкают к Ярославской обл. Необходимо указать, что эти памятники удалены от больших речных магистралей и встречаются они всюду на водоразделах, на берегах рек, озер и т. д.

В Костромской обл. наиболее насыщены фатьяновскими памятниками Костромской и Нерехтский районы.

Характерно, что большое скопление фатьяновских памятников наблюдается на современных открытых пространствах — безлесных (Гаврило-

во-Ямский, Ростовский, Некрасовский и Даниловский районы Ярославской обл.; Бежецкий и Кашинский районы Калининской обл.; Ильинско-Хованский, Аньковский и Приволжский районы Ивановской обл.; Нерехтский и Костромской районы Костромской обл. и т. д.).

Это обстоятельство привело А. Я. Брюсова к неправильному выводу о расселении фатьяновских племен на открытые — «степные» пространства⁵⁵. Названные «открытые пространства», по-видимому, не были «открытыми» в фатьяновское время. Они стали таковыми благодаря хозяйственной деятельности людей, населявших их. Начало вырубки лесов в этих местах было положено, вероятно, фатьяновцами. Здесь наблюдается как раз наибольшая концентрация фатьяновских памятников. Что же касается таких открытых пространств, как «суздальско-юрьевское ополье», то там фатьяновские памятники очень редки. Также следует упомянуть, что фатьяновские племена выбирали особые холмистые местности, окруженные озерами и болотами. Вероятно, это объясняется спецификой их хозяйства.

⁵⁵ А. Я. Брюсов. Об экспансии «культур с боевыми топорами». СА, 1961, № 3, стр. 20.

Глава вторая

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Археологические материалы фатьяновской культуры, добытые главным образом при раскопках могильников, позволяют судить не только о развитии орудий труда, посуды, оружия, украшений и т. д., но и служат основным историческим источником в решении таких вопросов, как хронология и периодизация фатьяновской культуры и ее происхождение.

Основными материалами являются: каменные сверленные топоры-молотки, различные кремневые орудия (клиновидные топоры, ножи, наконечники стрел и дротиков, остроконечники, скребки, проколки, скобели, резчики, отжимники, микропластинки, отщепы, нуклеусы, осколки и др.); каменные клиновидные топоры и долота, булавы, терочники (куранты), полировальные плиты, так называемые выпрямители древков стрел; костяные орудия, поделки и украшения (долота, кочедыки, ложила, шилья, булавки, рукоятки для орудий, мотыги, роговые изделия и др.; пронизки из зубов животных и птичьих трубчатых костей, а также подвески из костей животных, амулеты (медвежьи, собачьи и кабаньи клыки) и всевозможные глиняные изделия (топорики, ложки, шарики и пр.). Наряду с этим в могильниках встречены разнообразные металлические изделия: вислобушные топоры, копья, шилья, иглы, браслеты, перстни, колечки, трубчатые пронизки, очкообразные привески, височные привески и т. д.

Все эти вещи систематизированы в определенные типологические ряды и рассматриваются по группам не в статике, а в развитии. Рассмотрим эти материалы в указанном порядке.

Каменные сверленные топоры-молотки являются одним из важнейших исторических источников для изучения не только основного вида боевого оружия фатьяновских племен и орудий труда, но важны и для выяснения вопроса о происхождении фатьяновской культуры, передвижений фатьяновских племен, деления их на группы, вопросов хронологии и т. п.

Многие исследователи предпочитают керамику для определения культуры, выяснения культурной общности, этногенетических связей и пр.

Они считают топоры важным историческим источником, но не для изучения указанных общих вопросов. Однако детальное типологическое изучение топоров показывает, что многие формы их только на первый взгляд кажутся одинаковыми, а на самом деле они делятся на ряд своеобразных типов, распространяющихся только на определенной территории и присущих только одной какой-либо группе фатьяновских племен. При ближайшем рассмотрении топоров удалось доказать, например, их разницу и сходство у разных культур боевых топоров. Таким образом, топоры, так же как и керамика, имеют этнографическое значение и могут служить важными «документами» в решении этногенетических процессов.

Каменные сверленные топоры-молотки являются наиболее важной принадлежностью погребального инвентаря фатьяновцев. В Западной Европе они даже дали имя культурам, близким к фатьяновской (культуры с боевыми топорами). Почти в каждом мужском погребении встречается боевой каменный сверленный топор-молоток, необходимый воину. Анализ этих топоров показывает, что они различны не только по форме, но и по назначению. Среди них удается выделить и боевые, и рабочие топоры как по форме, так и по следам от работы ими. Топоры каждой культуры, так же как и керамика, специфичны. Как фатьяновская культура, так и различные культуры боевых топоров имеют свои излюбленные формы топоров, присущие только данной культуре. Недавно ученые считали боевые топоры характерной чертой определенного вида культур и по ним объединяли эти культуры в единую историко-культурную область. Однако сейчас выясняется, что боевые топоры «сходных» форм распространены и вне этих культур: на Балканском полуострове, Аппенинах, Кавказе, в Малой Азии и т. д. Данный факт заставляет несколько по-иному взглянуть и на культурно-историческую общность культур боевых топоров. Возможно, их сходство надо объяснять по-разному и не объединять их всех в одну историко-культурную область. Рассмотрение

топоров фатьяновской культуры показывает, что у различных фатьяновских племен имеются общие формы топоров, но наряду с ними каждой локальной группе памятников фатьяновской культуры присущи свои формы топоров. Эта разница объясняется не только хронологическими причинами, но и причинами этнографического порядка.

Кажущаяся близость топоров при детальном типологическом изучении позволяет выделить среди одного типа ряд подтипов, присущих только определенной группе памятников.

Впервые типология фатьяновских сверленных топоров-молотков была разработана В. А. Городцовым¹. Этой типологией исследователи пользуются до сих пор. Мы также в основном придерживаемся его терминологии в названии типов, но добавляем и несколько новых наименований. Для деления фатьяновских топоров на типы мы взяли не единый признак, а ряд признаков: очертания топора en face и в профиль, форма обушка, форма лезвия, лопасти, расположение сверлины, поперечное сечение топора, раздутость плечиков, размеры и пр. При делении на подтипы мы также использовали эти признаки и более мелкие. Только благодаря выделению разных признаков нам удалось разбить топоры на ряд новых типов, как, например: длиннолопастные, коротколопастные, ромбические усеченные, узкообушковые, ромбические, усеченно-конические и т. д. Такая разбивка и детальное изучение этих типов дают ценные факты для решения общих вопросов фатьяновской культуры.

А. Я. Брюсов, прибегнув «к единому признаку» — очертанию топора en face, создал несколько иную типологию, с которой мы не можем согласиться². Например, у него некоторые лопастные топоры попали в группу обушковых, а втульчатые — в группу ромбических³, что привело его к выводам, с нашей точки зрения, не соответствующим исторической действительности.

При помощи указанных признаков нами выделены следующие типы каменных сверленных топоров-молотков: клиновидные, молотковидные, короткообушковые, среднеобушковые (обушковые), длиннообушковые, обушковые грибовидные, втульчатые, обушковые усеченно-конические, ромбические молотковидные, ромбические усеченные, ромбические узкообушковые

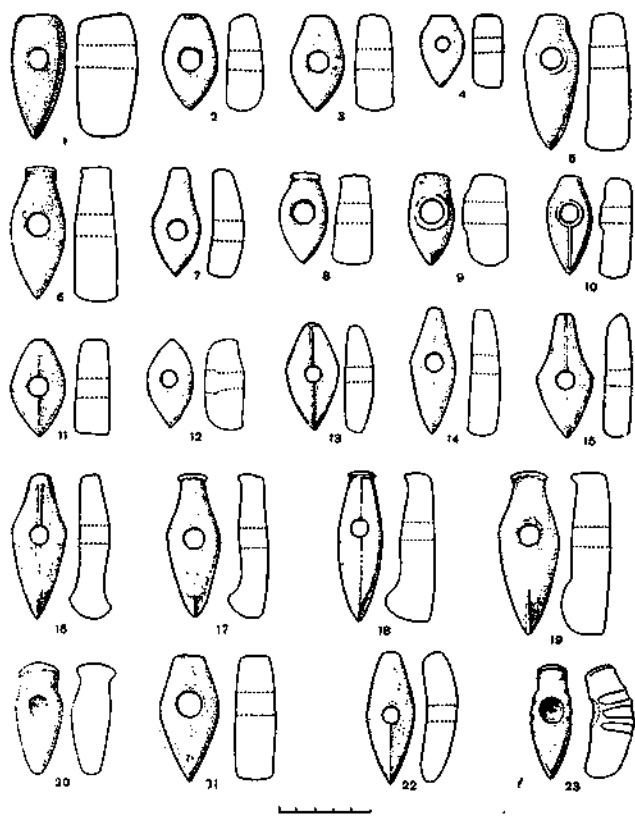

Рис. 14. Основные типы фатьяновских каменных сверленных топоров-молотков

1 — клиновидный; 2—3 — молотковидный; 4—5 — короткообушковый; 6 — среднеобушковый; 7 — длиннообушковый; 8 — обушковый грибовидный; 9—10 — втульчатый; 11—12 — ромбический молотковидный; 13—14 — ромбический усеченный; 15 — ромбический узкообушковый; 16 — ромбический лопастный; 17—18 — коротколопастный; 19 — длиннолопастный; 20 — пестиковидный; 21 — усеченно-конический; 22—23 — изогнутый

вые, ромбические лопастные, длиннолопастные, коротколопастные, пестиковидные и одиночные топоры, не входящие в эти типы (рис. 14). Как видно из самих названий типов, в основу их выделения положена не только общая форма топора en face, но и форма лезвия, обушка, лопасти, втулки и пр. Подтипы выделяются по мелким признакам. Их наименование остается тем же, но прибавляется порядковая цифра (рис. 15). При рассмотрении типов топоров нами опущены их описания, размеры и характерные черты, так как это увеличивает требуемый объем работы.

Клиновидные топоры (рис. 15, 1—3). К этому типу относятся наиболее примитивные из всех других проушных топоров-молотков. По форме обушка и общей форме их можно разделить на три подтипа: колунообразные с выпуклым срезом обушка (полуовальным) и расширяющимся лезвием (рис. 15, 1); клиновидные с упло-

¹ В. А. Городцов. Культуры бронзовой эпохи в Средней России. М., 1916, стр. 7—25.

² А. Я. Брюсов, М. П. Зимина. Каменные сверленные боевые топоры на территории европейской части СССР. САИ, В4-4, 1965.

³ Там же, стр. 59, 63.

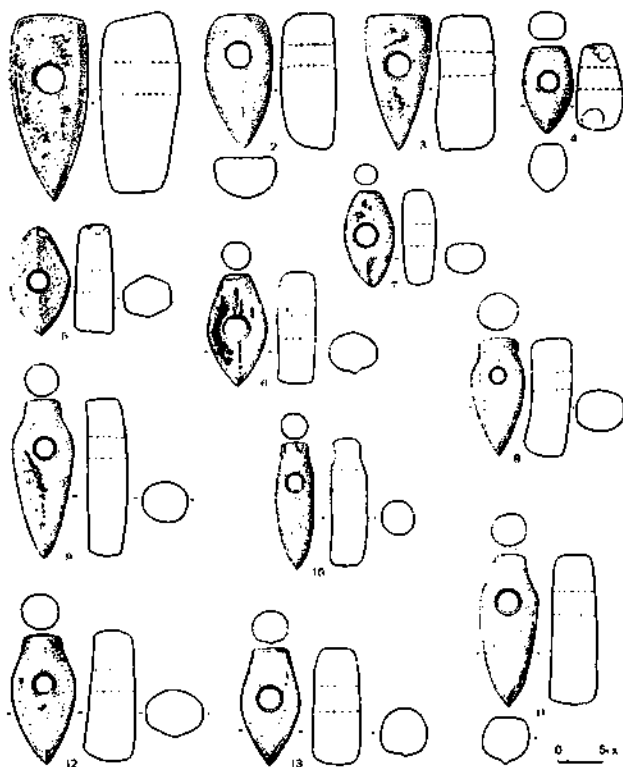

Рис. 15. Подтипы клиновидных, молотковидных и коротко-обушковых каменных сверленных топоров-молотков

1 — К₁; 2 — К₂; 3 — К₃; 4 — М₁; 5 — М₂; 6 — М₃; 7 — М₄; 8 — К₀; 9 — К₀; 10 — К₀; 11 — К₀; 12 — М₅; 13 — М₆

щенным обушком (рис. 15, 2) ⁴ и клиновидные треугольные (рис. 15, 3). Однако все они очень близки друг к другу и объединяются в один тип.

В пределах распространения фатьяновских памятников московско-клязьминской группы найдено несколько топоров. Характерно, что больше всего их на юге и юго-западе территории распространения памятников московско-клязьминской группы и именно по течению р. Оки, что является важным фактором в решении вопроса о происхождении фатьяновской культуры. Например, в Рязанской обл. найдено шесть экземпляров, в Ивановской обл. — три, в Юрьевском р-не Владимирской обл. на Клязьме — один и в Горьковской обл. — семь. На территории ярославско-калининской группы памятников фатьяновской культуры находки топоров этого типа единичны. В Среднем Поволжье, на территории балановских памятников найдено 54 экз ⁵, причем 17 — в бассейне верховьев рек Суры и

Мокши, 17 — в бассейне рек Свияги и Цивили, т. е. там, где обнаружены ранние балановские памятники. Ни один из них не найден в погребальном комплексе. Всюду они встречаются как случайные находки, тогда как все другие виды топоров обнаружены в погребениях. Этот факт, возможно, свидетельствует об их более ранней датировке.

Характерно, что клиновидные топоры треугольного подтипа чаще встречаются в верховьях правых притоков Припяти и в верховьях Днестра ⁶. Далее они найдены в Киевской и Днепропетровской областях ⁷. Значительное их число найдено в Орловской, Курской, Белгородской и Липецкой областях ⁸. Топоры, обнаруженные в Тульской, Брянской и Рязанской областях, а также на Мокше, Суре и Свияге, возможно, свидетельствуют о путях передвижения балановских племен (средиземноморского типа) на Среднюю Волгу. На территории Калининской, Ярославской, Костромской, Кировской областей и северной части Горьковской обл. подтип клиновидных треугольных топоров не встречается. Поэтому пути, намеченные нами, по-видимому, являются правильными.

Особенно много клиновидных топоров всех трех подтипов встречается в Литве ⁹, Латвии ¹⁰, Западной Белоруссии ¹¹, в Минской и Витебской областях ¹² и в Эстонии ¹³. Найдены они в Могилевской, Гомельской ¹⁴ и Смоленской областях ¹⁵. В Литве, например, только в Каунасском и Вильнюсском музеях хранится около 1500 клиновидных сверленных топоров и их обломков. В Латвии, в Историческом музее Риги, имеется около 500 топоров. Надо сказать, что все они в основном найдены ближе к Литве и Белоруссии. На севере Латвии и в Эстонии их число резко снижается, а в Эстонии их всего несколько десятков. Встречаются они и в Белорусском Полесье ¹⁶.

⁶ А. Я. Брюсов, М. И. Зимина. Каменные сверленные боевые топоры... стр. 55, табл. I.

⁷ В. Н. и Б. Н. Ханенко. Древности Приднепровья, вып. I. Киев, 1899, табл. II, 7, 12, 18.

⁸ Колл. Уманского музея, № 20; колл. Старооскольского музея, № 52, 1261; колл. Орловского музея, № 52; колл. Елецкого музея, № 819 и др.

⁹ Колл. Каунасского и Вильнюсского музеев.

¹⁰ Колл. Латвийского государственного исторического музея.

¹¹ Колл. Вильнюсского музея.

¹² Колл. ГИМ.

¹³ Колл. Института истории Академии наук Эст. ССР.

¹⁴ Колл. Эрмитажа и МАЭ.

¹⁵ Колл. Смоленского музея. См. также: А. И. Лавданский. Некоторые данные о каменном веке и культуре бронзово-эпохи в Смоленской губернии, табл. XIV, 23; XVI, 8.

¹⁶ Ю. В. Кузнецов. САИ, В1—18, 1962, табл. VII, VIII.

⁴ Рисунки топоров-молотков различных подтипов даны в таблицах «Сводов»: САИ, В1-19, 1969; САИ, В1-20, 1964.

⁵ А. Х. Халиков. Среднее Поволжье в эпоху камня и бронзы, т. II, 1966, Докт. дисс. Архив ИА АН СССР.

Всюду эти топоры находят не в комплексах, а как случайные находки или на поздне-неолитических стоянках.

Наличие огромного числа этих топоров в Южной Прибалтике, Западной Белоруссии и Прикарпатье заставляет предполагать, что именно здесь был центр их выделки, а отдельные находки вверх по Двине, в Верхнем и Среднем Поволжье, по Припяти, Днепру, Оке и Клязьме следуют, очевидно, рассматривать как ранние пути передвижений племен культуры боевых топоров.

Клиновидные топоры всех трех подтипов не встречаются ни в степной части Причерноморья, ни на Кавказе, ни на Нижней Волге, не встречаются они и к востоку от Средней Волги. Таким образом, находки этих топоров на Средней Волге могут быть связаны только с одним из центров их максимального распространения (Южная Прибалтика с Белоруссией, Средний Днепр и Прикарпатье). Отсутствие этих топоров в таких степных скотоводческих культурах, как ямная, катакомбная и раннесрубная, уже является отрицанием участия этих культур в создании культур боевых топоров и, в частности, фатьяновской культуры.

Можно согласиться с В. А. Городцовым¹⁷ и А. Я. Брюсовым¹⁸ в том, что клиновидный тип топора является древнейшим среди других типов. Об этом свидетельствуют и сравнительная простота формы этих топоров, и находки подобных форм на неолитических стоянках и в памятниках с воронковидными кубками, предшествовавших распространению культуры боевых топоров и относящихся к III тысячелетию до н. э. Поэтому возможно, что места наибольшей концентрации топоров данного типа являются исходными и для племен фатьяновской культуры.

Мы вопреки мнению А. Я. Брюсова¹⁹ считаем, что Понеманье и Западная Белоруссия являлись одной из древнейших территорий, откуда началось движение культур боевых топоров.

Здесь кроме клиновидных сверленных каменных топоров-молотков в огромном количестве найдены простейшие клиновидные и колунообразные каменные топоры без сверлины. Эти простейшие формы, несомненно, служили прототипами клиновидных сверленных топоров, возникших еще в раннем неолите. Изучение техники их производства и территории распространения дает ключ к пониманию вопроса о происхождении культур боевых топоров.

Молотковидные топоры (рис. 15, 4—7) выделены нами в особый тип скорее по сходству

с молотками, чем с топорами, а также по своим небольшим размерам и сверлине, расположенной в середине тулова. Однако внешняя форма большинства этих топоров различна. По ней и по характеру обушка молотковидные топоры делятся на пять подтипов: овально-обушковые, усеченно-ромбические, обушковые, усеченно-конические с узким срезом, усеченно-конические с широким срезом.

Овально-обушковые (рис. 15, 4) характеризуются овальной обушковой и острой лезвийной частью. Обух не выделяется; срез его выпуклый. Топоры эти встречены в пяти экземплярах: четыре — в Калининской обл. и один — во Владимирской. Аналогии им имеются в Белоруссии²⁰ и Прибалтике²¹. Этот вид топора мог возникнуть из клиновидных с овальным обушком.

Усеченно-ромбические (рис. 15, 5) характеризуются подромбической формой, конически усеченным узким обушком, небольшими размерами и расположением цилиндрической сверлины в центре молотка.

У большинства этих топоров по сравнению с их малыми размерами сверлины большие. Очевидно, они служили для работы, и поэтому для них требовались более толстые рукоятки. Всего топоров этого подтипа найдено 11 экз. Эти топоры встречаются равномерно на всей территории распространения основных памятников фатьяновской культуры.

Обушковые топоры молотковидные (рис. 15, 6) характеризуются небольшими размерами, сверлиной в середине топора и округлым средним обушком. Найдено их 21 экз. Эти топоры встречаются повсюду на территории распространения фатьяновской культуры, но в Московской обл. их больше, чем в других областях (7 экз.). Кроме случайных находок, они известны и в комплексах (погребение 2 Истринский могильник; погребение 1 Голузинский могильник; погребение 1 Чуркинский могильник и в др.). По-видимому, молотковидные обушковые топоры появляются вместе с другими обушковыми топорами и продолжают существовать в течение долгого времени.

Усеченно-конические топоры с узким срезом (рис. 15, 7) очень близки по форме к молоткам. Характеризуются усеченной обушковой частью. Срез узкий, плоский или выпуклый. Обушок не выражен. Он является плавным продолжением тулова, а форма последнего близка к подромбической. Их найдено 18 экз. Большая часть — в Горьковской обл. (8 экз.), остальные — в Рязанской, Ивановской, Костромской и Московской об-

¹⁷ В. А. Городцов. Культуры бронзовой эпохи в Средней России, стр. 9, 10.

¹⁸ А. Я. Брюсов и М. П. Зимица. Каменные сверленные боевые топоры..., стр. 23.

¹⁹ Там же, стр. 24.

²⁰ Минская обл. — ГИМ, № 30947, 78607; колл. Пянского краеведческого музея, № 2056 и др.

²¹ Колл. Рязанского исторического музея; колл. Вильнюсского и Каунасского исторических музеев.

ластях. Подобные топоры обнаружены также в Новгородской, Смоленской, Брянской, Могилевской и Минской областях.

Кроме случайных находок эти топоры найдены и в могильных комплексах: Чуркинском и Губцевском могильниках Горьковской обл.; в Шухомошском и Осиновогорском могильниках Ивановской обл., т. е. в поздних памятниках фатьяновской культуры. Один топор найден на дюне около оз. Святого в Костромском р-не.

Молотковидные усеченно-конические с широким срезом (рис. 15, 12) напоминают усеченно-конические топоры, но они значительно меньших размеров. Обухок не выражен, а является плавным, суживающимся продолжением плечиков. Их найдено 17 экз. Они встречаются на всей территории фатьяновской культуры равномерно, но больше всего их в Горьковской и Кировской областях. В могильных комплексах они известны из Ковровского и Фатьяновского могильников. В большом числе обнаружены в Казанской обл.

Всего молотковидных топоров всех подтипов найдено около 90 экз. Большая часть их открыта в Горьковской (16 экз.) и Кировской областях (24 экз.). Следует отметить факт тождества калининских топоров-молотков (рис. 15, 4) с топором из д. Малые Орлы Давид-Городовского р-на Брестской обл.²² В Прибалтике их мало²³. В небольшом числе они известны в Орловской, Брянской²⁴ и в Пензенской областях²⁵. Много молотковидных топоров встречено на Средней Волге (78 экз.)^{25а}. Найдены они в могильниках с поздними комплексами и не могут поэтому датироваться ранней стадией фатьяновской культуры (Истринском, Фатьяновском, Великосельском, Чуркинском, Котовском, Губцевском, Осиновогорском и других поздних могильниках фатьяновской культуры).

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что топоры, найденные на территории Кировской обл., отличаются небольшими размерами и менее изящными формами. Чем дальше на восток, тем меньше число типов. Формы топоров упрощаются, и сделаны они очень небрежно. Появляется множество рабочих топоров простых форм со следами выбоин и ударов. Очевидно, надобность в боевых топорах к вятско-вотужскому периоду развития фатьяновской культуры отпала. Они были заменены более эффек-

тивным металлическим оружием (копья, боевые вислообушковые топоры, ножи и др.). Дляковки металла и размельчения руды понадобились рабочие топоры-молотки и топоры-молоты. Они и преобладают в это время.

Короткообушковые топоры (рис. 15) выделены из обушковых по характерному короткому округлому обушку, суживающемуся от выпуклых плечиков. Обушки различны и по форме, и по размерам. На основании этих различий короткообушковые топоры разбиты нами на пять подтипов (рис. 15, 8—11).

Встречаются они по всей территории распространения фатьяновской культуры. Найдено их 100 экз. Большая часть из них обнаружена в Ивановской, Костромской и Горьковской областях. В Калининской и Московской областях их меньше. В последней они встречены в основном в Дмитровском и Истринском районах и по одному — в Серпуховском и Ногинском районах. Следует отметить, что короткообушковые топоры (близкие к булавовидным) с грибовидным обушком в подавляющем большинстве найдены в Ярославской, Костромской, Ивановской и Горьковской областях. В Московской и Ярославской областях эти топоры более архаичны и форма их не так ярко выражена. По-видимому, их следует считать более ранними.

Короткообушковые топоры встречены и в могильных комплексах. Поскольку вопрос об их датировке важен, то мы приведем сведения об этих находках. В Истринском могильнике найдены боевые топоры разных типов: среднеобушковые, короткообушковые, длиннообушковые, молотковидные, ромбические узкообушковые и длиннолопастные (поздний), что указывает на его позднее время. В Кузьминском могильнике найден топор типа Ко-II, в Никульдинском могильнике, в погребении 12, обнаружен топор типа Ко-5.

Карта распространения короткообушковых топоров (по А. Я. Брюсову) подтверждает их широкое распространение в Среднем Поволжье, а следовательно, и их более позднее время²⁶.

Нельзя согласиться с теми авторами, которые считают, что короткообушковые топоры фатьяновских могильников есть результат передвижений балановцев на атли-насинском этапе²⁷.

Вне пределов фатьяновской культуры короткообушковые топоры встречаются на территории среднеднепровской культуры: на Среднем Днепре и в верховьях Днепра²⁸, в Белоруссии²⁹, в

²² Ю. В. Кузнецов. САИ, В1-18, стр. 19, табл. X, 5.

²³ В Эстонии — 1 экз.; в Литве — 6; в Зап. Белоруссии — 4 экз.; в Латвии — 5 экз. Колл. Института истории АН Эст.ССР (Таллин), Каунасского и Вильнюсского музеев и Рижского исторического музея.

²⁴ Колл. ГИМ, № 55419. 82508.

²⁵ Б. Г. Тизонов. Памятники эпохи бронзы в Центральной черноземной полосе СССР. Рукопись.

^{25а} А. Я. Брюсов, М. П. Зимица. САИ, 1965, вып. В4-4, стр. 59, табл. 3.

²⁶ А. Я. Брюсов, М. П. Зимица. Каменные сверленные боевые топоры..., стр. 59, табл. 3.

²⁷ А. Х. Халиков. Среднее Поволжье в эпоху камня и бронзы, т. II, 1966. Докт. дисс. Архив ИА АН СССР.

²⁸ А. Я. Брюсов, М. П. Зимица. Каменные сверленные боевые топоры..., стр. 38, 59, табл. 3.

²⁹ Там же.

Прибалтике³⁰ и Прикарпатье³¹. На этих территориях число короткообушковых топоров значительно меньше, чем на территории, занятой фатьяновскими памятниками, а на последней значительно меньше, чем на территории распространения балановских памятников. По-видимому, развитие этих топоров шло в направлении с запада на восток. В Причерноморских степях, на Нижней Волге и на Северном Кавказе эти топоры не встречаются.

Среднеобушковые топоры (рис. 16) мы называли раньше обушковыми³², но, по-видимому, целесообразнее их назвать среднеобушковыми в противовес длиннообушковым и короткообушковым. Впервые этот тип выделил В. А. Городцов, дав ему название обушковый³³. А. Я. Брюсов оставил название обушкового типа, но объединил в этот тип все топоры обушковые, длиннообушковые, короткообушковые, обушковые плечиковые и др.³⁴ С этим еще можно было бы согласиться, но включение в этот тип топоров со втулкой и топоров с лопастью создает путаницу и неправильное представление об их распространении и развитии, а отсюда и о передвижении фатьяновских племен. Поэтому мы придерживаемся точки зрения В. А. Городцова в отношении обушкового типа, но условно называем его среднеобушковым.

Среднеобушковые (обушковые) топоры симметричны, изящны, но различны по форме и размерам — от большого массивного до очень малого. Их объединяет единый общий признак — хорошо выраженный обушок, большей частью цилиндрический, со слегка оформленной шейкой, а иногда и с выраженной головкой обушка.

Поскольку среднеобушковые топоры несколько разнятся по характеру обуха и по форме, то мы разделили их на пять подтипов (рис. 16, 1—5).

Среднеобушковые топоры — наиболее распространенные в фатьяновской культуре. Они встречаются по всей территории. Однако наибольшее расцвете эти топоры достигают в фатьяновских памятниках верхневолжской группы. Всего

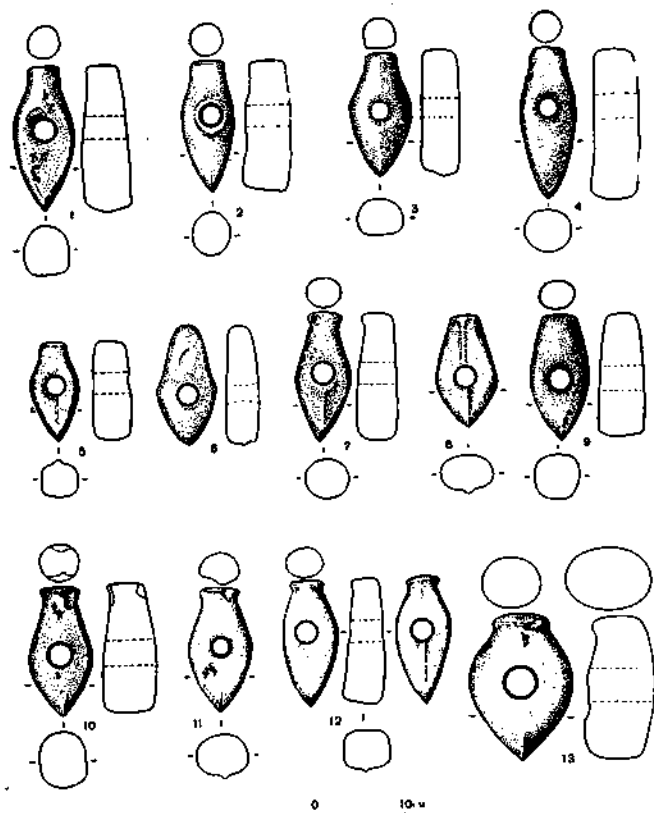

Рис. 16. Подтипы среднеобушковых, длиннообушковых и обушковых — грибовидных каменных сверленных топоров-молотков

1 — Со₁; 2 — Со₂; 3 — Со₃; 4 — Со₄; 5 — Со₅; 6 — До₁; 7 — До₂; 8 — До₃; 9 — До₄; 10 — Ог₁; 11 — Ог₂; 12 — Ог₃; 13 — Ог₄.

топоров этого типа найдено 65 экз. Надо отметить, что на территории московско-клязьминской группы этих топоров всего 9, среди которых есть все подтипы, за исключением узкообушных. В Калининской обл. известен только классический подтип среднеобушковых топоров (5), и найдены они в Калининском и Капшинском районах, примыкающих к Ярославской обл. Наибольшее число топоров этого типа обнаружено в Ярославской обл. (15) и Костромской (12). В Ивановской (5) и Владимирской (9) встречаются уже топоры изживающего среднеобушкового типа. Классических форм не встречено. В Горьковской обл. найдены только узкообушковые (7) небольшие топоры.

Таким образом, центром распространения среднеобушковых топоров является территория, занятая верхневолжской группой, что дает некоторые основания судить о времени бытования этих топоров. Они обнаружены не только как случайные находки, но и в могильных комплексах.

³⁰ Колл. Института истории АН Эст. ССР г. Таллин; колл. Рижского исторического музея; колл. Каунасского и Вильнюсского исторических музеев.

³¹ А. Я. Брюсов, М. П. Зимица. Каменные сверленные боевые топоры..., стр. 37, 38, 59, табл. 3.

³² Д. А. Крайнов. Памятники фатьяновской культуры. Московская группа, В1-19, 1963, стр. 28.

³³ В. А. Городцов. Культуры бронзовой эпохи в Средней России, стр. 12—14.

³⁴ А. Я. Брюсов и М. П. Зимица. Каменные сверленные боевые топоры..., стр. 24, 59, табл. 3; стр. 83, табл. 15; стр. 85, табл. 16.

Главная масса среднеобушковых топоров характерна для фатьяновских памятников верхневолжской группы. На территории среднеднепровской культуры, на Оке и на Средней Волге этот тип топора редок. Скорее всего фатьяновские среднеобушковые топоры связываются с прибалтийскими и белорусскими, что при учете других данных еще раз подчеркивает близость, возможно этническую, фатьяновских и прибалтийских памятников культур боевых топоров.

Длиннообушковые топоры (рис. 16). Для топоров этого типа характерны длинные обушки и короткие клинки.

Длиннообушковые топоры по характеру обушка делятся на четыре подтипа (рис. 16, 6—9). На территории распространения фатьяновской культуры этих топоров встречено 28 экз. В большинстве своем они найдены на юго-западе Московской обл., в Калужской, Калининской, Рязанской и Ивановской областях. На территории Ярославской обл. они встречаются в Ростовском р-не, Гаврилов-Ямском и Тутаевском, т. е. в районах, примыкающих к распространению памятников московско-клязьминской группы. Находки длиннообушковых топоров в Ивановской обл. (Змеевский могильник, погребение 2, Данильцевский могильник, Шумятино и Сахтыш) можно объяснить передвижением по Клязьме московско-клязьминских фатьяновских племен на восток, что подтверждается и другими данными. Передвижением фатьяновских племен по Оке объясняются и находки длиннообушковых топоров в Рязанской обл. (Спасский р-н).

На территории распространения балановских памятников подобные топоры не встречены. Более или менее близкие им формы найдены в 5 экз.³⁵ Таким образом, этот тип топора можно назвать юго-западным — московским. Они здесь известны и как случайные находки, и в могильных комплексах. Длиннообушковый топор найден на территории Истринского могильника³⁶. Небольшой длиннообушковый топор известен из погребения 3-а Никульдинского могильника³⁷. Он найден в детском погребении (мальчик) вместе с медным колечком со штифом и высокошейным неорнаментированным сосудом. Этот топор близок к топору из Стретовского кургана Среднеднепровской культуры, датируемого Т. С. Пассек началом II тысячелетия до н. э.³⁸ и И. И.

Артеменко — первой четвертью II тысячелетия до н. э.³⁹

Классический длиннообушковый топор найден в кургане 2 погребение 1 в урочище Сергеева Грива⁴⁰. Это погребение, относящееся к среднеднепровской культуре, датируется И. И. Артеменко второй четвертью II тысячелетия до н. э. Больше всего аналогий длиннообушковым топорам встречено в памятниках днепро-деснянской группы среднеднепровской культуры, что опять-таки сближает их с памятниками московско-клязьминской группы фатьяновской культуры, где найдена основная масса этих топоров. Длиннообушковый, с небольшой втулкой топор обнаружен в могильнике днепро-деснянской группы Куракин Бор⁴¹, что служит новым подтверждением связи этого памятника с московскими могильниками. Судя по находкам длиннообушковых топоров в комплексах среднеднепровской и московско-клязьминской группы фатьяновской культуры, его бытование можно датировать второй четвертью II тысячелетия до н. э. Концентрация этих топоров фиксируется на Среднем и Верхнем Днестре и в течении р. Мокшвы⁴². Они могли возникнуть на территории между Днестром и Неманом, так как основная масса находок этих топоров наблюдается к западу от Днестра. Много таких топоров найдено в Смоленской обл. (Смоленском, Дорогобужском, Рославльском и Понизовском районах)⁴³. В большинстве своем они тождественны топорам московско-клязьминской группы. Аналогичные топоры встречаются в Гомельской⁴⁴ и Могилевской областях⁴⁵, в Белорусском Полесье⁴⁶, Гродненской обл.⁴⁷, Литве (10 топоров)⁴⁸, Эстонии⁴⁹. Наблюдается полное тождество топоров Калужской и Московской областей со среднеднепровскими, полесскими, белорусскими и литовскими.

³⁵ И. И. Артеменко. Неолитические стоянки и курганы эпохи бронзы близ с. Ходосовичи Гомельской области БССР. Памятники каменного и бронзового века. М., 1964, стр. 66, рис. 24, 14.

⁴⁰ И. И. Артеменко. Среднеднепровская культура. СА. 1963, № 21 стр. 20, рис. 4; стр. 24.

⁴¹ Колл. Брянского обл. музея.

⁴² А. Я. Брюсов, М. Н. Зимица. Каменные сверленные боевые топоры... стр. 59, табл. 3.

⁴³ А. Н. Лявданский. Некоторые данные о каменном веке... табл. XII, 4; XIV, 19, XVII, 5, 7, 13, 29; XIX, 3, 6; XXII, 22, 25. См. также: «Материалы по изучению Смоленской области». Смоленск, 1957, рис. 67, 8.

⁴⁴ Колл. Гомельского обл. музея, № 5484, 41171.

⁴⁵ Колл. Могилевского обл. музея, № 1219.

⁴⁶ Ю. В. Кухаренко. САИ, VI—18, 1962, табл. IX, 5, 6; VIII, 3. Колл. Пинского музея, № 2165, 2048, 1. Полесский музей (Мозырь), № 617, 614.

⁴⁷ Колл. Гродненского гос. исторического музея, № 3473, 3476.

⁴⁸ Колл. Вильнюсского исторического музея; колл. Каунасского музея им. Червеля.

⁴⁹ Колл. Института истории АН Эст.ССР (Таллин).

³⁵ А. Х. Халиков. Среднее Поволжье в эпоху камня и бронзы, стр. 384.

³⁶ Д. А. Крайнов. Памятники фатьяновской культуры. Московская группа, табл. XIV, 3.

³⁷ Д. А. Крайнов. Никульдинский могильник. «Отчет Верхневолжской экспедиции за 1964 г.» Архив ИА АН СССР, № 2918.

³⁸ Т. С. Пассек. К вопросу о среднеднепровской культуре. КСИИМК, вып. XVI, стр. 26—38, рис. 10, 8.

Это тождество не случайно. Только связями его также объяснить нельзя. По-видимому, распространение длиннообушных топоров на указанной территории свидетельствует о какой-то культурной общности людей, оставивших памятники московско-клязьминской группы фатьяновской культуры, среднеднепровской культуры и культур боевых топоров Белоруссии и Прибалтики. Единичные находки длиннообушковых топоров в Ивановской и Рязанской областях и на Средней Волге, вероятно, указывают на пути передвижения фатьяновских племен.

Обушковые грибовидные (рис. 16). Этот тип топоров выделен нами в особый тип, так как они отличаются от всех обушковых характерной головкой обуха в виде грибной шляпки.

Топоры этого типа можно разбить на три подтипа (рис. 16, 10—13). Обушковые грибовидные топоры очень редки. На территории фатьяновской культуры они обнаружены в количестве 20 экз. Они найдены только в Калининской, Московской, Ярославской и Ивановской областях. На территории Среднего Поволжья эти топоры не встречены. Также не встречаются они и в памятниках среднеднепровской культуры. Вероятно, они развились из различных обушковых топоров только на территории фатьяновской культуры. Из пяти московских топоров четыре найдены в Волоколамском р-не. Один из них обнаружен в Абушковском могильнике с кремневым трапециевидным клином прямоугольного сечения⁵⁰. Абушковский могильник по находкам в нем черешкового наконечника дротика типа из Ошурковского могильника может датироваться, примерно, около середины II тысячелетия до н. э. Среднеобушковый грибовидный (О-2) топор с хордой найден в погребении 2 Тургиновского могильника⁵¹ с кремневым клиновидным топором прямоугольного сечения и кремневыми пластинчатыми ножами без ретуши, а также с сосудами с елочным орнаментом и валиком на днище. Находки в Тургиновском могильнике (погребение 1) черешкового наконечника дротика и большого ножа типа из Ошурковского могильника (погребение 2) также не противоречат указанной дате. Кроме того, обушковые грибо-

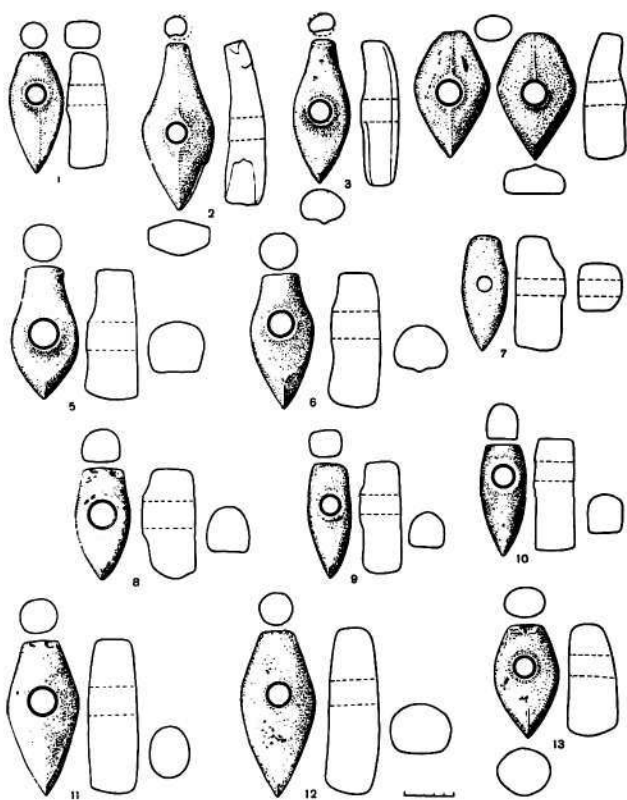

Рис. 17. Подтипы втульчатых и усеченно-конических каменных сверленных топоров-молотков

1 — Вт₁; 2 — Вт₂; 3 — Вт₃; 4 — Вт₄; 5 — Вт₅; 6 — Вт₆; 7 — Вт₇; 8—10 — Вт₈; 11 — Ук₁₁; 12 — Ук₂; 13 — Ук₃

видные топоры найдены и в могильниках верхневолжской группы — Наумовском⁵² и Фатьяновском⁵³. В последнем их было три экземпляра. Из приведенных фактов можно заключить, что топоры разбираемого типа, как и пестиковые, относятся к сравнительно позднему периоду развития фатьяновской культуры. Находки этих топоров в Костромской обл. (на правом берегу р. Волги д. Пантусово против Костромы), в Ивановской, в бассейне Нерли Клязьминской недалеко от Волги (Плѣс) и под Муромом Владимирской обл. свидетельствуют или о связях с этими территориями, или, скорее всего, о передвижениях фатьяновцев на восток.

Втульчатые (рис. 17, 1—10; 22, 14—16). Втульчатые фатьяновские топоры были выделены В. А. Городцовым в особый тип боевых топоров-молотков⁵⁴, но он учел только изящные простые и хордовые втульчатые топоры, а сейчас накопился новый материал и найдены иные формы втульчатых топоров. Казалось на первый взгляд, что этот тип топоров и не нужно выделять в особую группу, а просто отнести их

⁵⁰ В. А. Городцов. Личный архив. Архив ГИМ, № 194 «Абушковский могильник».

⁵¹ О. Н. Бадер. Фатьяновские могильники бассейна реки Шоши. «Новое в советской археологии». М., 1965, стр. 123, рис. 3, 3.

⁵² Д. А. Крайнов. Отчет Верхневолжской экспедиции за 1965 г.; Н. А. Кирьянова. Наумовский могильник. Архив ИА АН СССР.

⁵³ А. С. Уваров. Археология России. Каменный период, т. I. СПб., 1881.

⁵⁴ В. А. Городцов. Культура бронзовой эпохи в Средней России..., стр. 20.

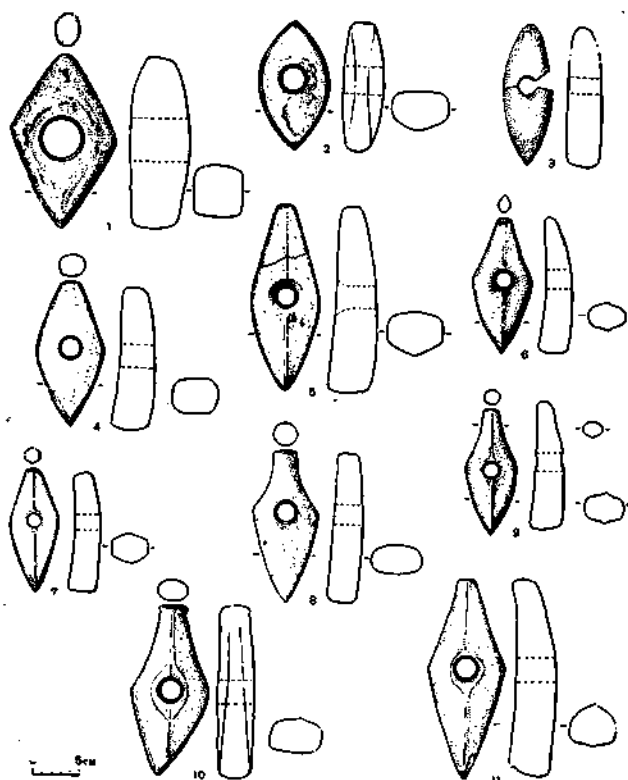

Рис. 18. Подтипы ромбических обоюдоострых, ромбических усеченных, ромбических узкообушковых каменных сверленных топоров-молотков

1 — Р0; 2 — Р0; 3 — Р0; 4 — Р1; 5 — Р2; 6—7 — Р3; 8 — Р4; 9 — Р5; 10 — Р6; 11 — Р7.

по схожести форм к различным типам, как, например, это сделал А. Я. Брюсов⁵⁵. Однако при типологизации нельзя было игнорировать такой важный признак, каким является втулка. Изучение втульчатых топоров показывает их определенный ареал и концентрацию в Прибалтике. Поэтому мы сочли необходимым выделить втульчатые топоры в одну группу по указанному признаку, а по форме и другим признакам разбивать их на подтипы.

Все втульчатые топоры объединяются наличием на их тыльной стороне или кольцевидного выступа вокруг сверлины, или втулки разного размера.

По форме они делятся на восемь подтипов втульчатые обушково-усеченные (рис. 17, 1) от-

личаются удлинением и некоторой узостью лобной и тыльной сторон; втульчатые ладьевидные, изящные, удлиненные (рис. 17, 2); втульчатые ромбические, удлиненные (рис. 17, 3); втульчатые ромбические, широкие и короткие (рис. 17, 4); втульчатые длиннообушковые (рис. 17, 5); втульчатые обушковые (рис. 17, 6); втульчатые короткообушковые (рис. 17, 7); втульчатые подклиновидные, короткие (рис. 17, 8—10).

Несмотря на значительное число выделенных подтипов, мы должны оговориться, что втульчатые топоры очень редки на территории фатьяновской культуры. Мы не будем поэтому останавливаться на характеристике каждого подтипа в отдельности, так как уже само название говорит об их форме: она различна, обушки также разные. Почти все втульчатые топоры, за исключением последнего подтипа и ладьевидных, имеют подпрямоугольное продольное сечение и прямую спинку, лобную часть, на которой иногда встречается хорда. Сверлины у этих топоров цилиндрические, с нарезам и без нарез. Втулки у всех фатьяновских топоров или небольшие, или средних размеров. Больших (высоких) втулок не встречается, а на некоторых топорах вместо втулки наблюдается небольшая припухлость или кольцевидное окружение сверлины.

На территории распространения фатьяновской культуры встречено всего 20 втульчатых топоров. Основная масса топоров со втулкой найдена на юго-западе Московской обл., в Калининской и Тульской областях. В Ярославской, Ивановской, Костромской и Горьковской областях они найдены в единичных экземплярах. Большая часть этих топоров является случайными находками. В могильных комплексах они обнаружены только в Истринском, Буньковском и Вауловском могильниках. В топорах последнего могильника втулка очень слабо выражена. Все упомянутые могильники являются более поздними по сравнению с другими. Об этом свидетельствуют втулки, слабо выраженные.

На территории Средней Волги, в зоне распространения балановских памятников, найден 31 втульчато-обушковый топор⁵⁶. Из них 29 встречено на правобережье Волги, в нижнем течении р. Свияги, т. е. в зоне распространения ранних балановских памятников. Однако эти топоры отличаются от фатьяновских. Только втульчатые топоры подтипа Вт-8 — короткие (подклиновидные) — имеют аналогии на Средней Волге — топор из Буньковского могильника. Кстати, такие топоры встречены в Тульской

⁵⁵ А. Я. Брюсов, М. П. Зимина. Каменные сверленные боевые топоры..., стр. 81—93, табл. 14—17, 19, 20. Мы выделяем подтипы только те, которые встречаются на территории распространения фатьяновской культуры. В Прибалтике, Финляндии и Скандинавии имеются и другие формы.

⁵⁶ А. Х. Халиков. Среднее Поволжье в эпоху камня и бронзы.

обл.⁵⁷, на юге Московской⁵⁸, в Рязанской⁵⁹, Пензенской⁶⁰ областях, т. е. в Окской речной системе. Они, вероятно, указывают на движение по Оке на Мокшу и Свиягу.

Ранние топоры с сильно выступающей втулкой не встречаются на территории распространения московско-клязьминской и верхневолжской групп фатьяновских памятников. А. А. Эуропеус⁶¹ полагает, что короткообушковые простые топоры с сильно выступающей втулкой являются одними из ранних типов топоров и могли проникнуть на восток только из Прибалтики или Белоруссии. С этим мнением можно согласиться. Наибольшей концентрацией втульчатые топоры разных форм достигают в Прибалтике — Латвии⁶², Эстонии⁶³, Литве⁶⁴ и в Белоруссии⁶⁵. Больше всего втульчатых топоров в Эстонии. Надо отметить, что топоры Латвии и Белоруссии простой формы (древний тип) встречаются в Эстонии и в простом виде, и в скрещенном с лопастным. В Финляндии наблюдается такая же картина, но простых форм меньше, а больше лопастных. В Швеции почти все лопастные.

Таким образом, втульчатые топоры имеют наибольшее распространение в Прибалтике и в Белоруссии. В. А. Городцов полагал, что втульчатые топоры проникли на территорию России с запада⁶⁶.

Появление втульчатых топоров на территории Средней Волги он считал также результатом проникновения их с запада и только через область фатьяновской культуры⁶⁷. С мнением В. А. Городцова можно согласиться, иначе мы не сможем объяснить существование абсолютно тождественных топоров на Средней Волге и в Прибалтике (Белоруссия, Латвия, Эстония, Финляндия). Небольшое число топоров на Средней Волге и отсутствие там исходных форм этих топоров заставляют согласиться и с В. А. Городцовым и с А. А. Эуропеусом⁶⁸ о

проникновении их на восток с запада. Небольшое число таких топоров найдено в Курской, Белгородской, севере Воронежской и в Пензенской областях⁶⁹, что создает цепочку, связывающую Среднюю Волгу с Прибалтикой и Белоруссией.

Втульчатые топоры известны и в днепродеснинских памятниках⁷⁰, в Киевской обл.⁷¹, в Брянской, Орловской⁷², Смоленской⁷³, в Гомельской областях и др.⁷⁴. Значительное число топоров с небольшой втулкой (ладьевидных и ромбических) в Приднепровье свидетельствует о влиянии втульчатых топоров Прибалтики и на эту территорию. Возможно, выступающая втулка на ромбических топорах московско-клязьминской группы памятников является результатом или дальнейшего развития топоров из ладьевидных и ромбических Приднепровья, или их влиянием. Эта взаимосвязь наблюдается не только со стороны изменения втулки, но и со стороны общей формы топоров, их продольного сечения, размеров и т. д.

Итак, втульчатые топоры позволяют проследить южный путь проникновения их из Белоруссии и Прибалтики в Поднепровье, отсюда на Оку и на Среднюю Волгу в район Свияги. Поэтому пути замечаются и отдельные находки топоров на севере Белгородской, Тамбовской и Воронежской областей. Их можно объяснить или связями с соседними катакомбными племенами, или проникновением на эту территорию протофатьяновских племен. Втульчатые топоры не встречаются ни в Причерноморских степях, ни на Кавказе, ни на Нижней Волге, ни на востоке от Средней Волги, следовательно, они могли проникнуть на Среднюю Волгу только извне — с запада, по прослеженным нами путям. Наличие на Свияге ранних втульчатых топоров, тождественных прибалтийским, белорусским и некоторым финским, заставляет предполагать раннее и, по-видимому, быстрое проникновение на восток протобалановцев — средневолжских фатьяновцев.

⁵⁷ Колл. Тульского обл. музея (экспозиция); колл. ГИМ, № 1221.

⁵⁸ Колл. Серпуховского музея, № 39; топор колл. ГИМ, № 78232; колл. Ногинского музея из Буньковского могильника, № 517.

⁵⁹ Колл. Рязанского обл. музея, № 336/1 (6565).

⁶⁰ В Пензенской обл. найдено пять топоров, из них два — в Наровчатке.

⁶¹ A. Ayrarää. Ober die streitatkulturen in Russland. ESA, Bd. VIII. Helsinki, 1933.

⁶² Колл. Рижского исторического музея.

⁶³ Колл. института истории АН ЭССР (Таллин).

⁶⁴ Колл. Вильнюсского исторического музея.

⁶⁵ Колл. Гродненского музея и Минского исторического музея.

⁶⁶ В. А. Городцов. Культуры бронзовой эпохи в Средней России, стр. 20.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Б. Г. Тихонов. Памятники эпохи бронзы Центральной черноземной полосы СССР. Колл. Белгородского музея, № 2824 (рукопись). См. также окрестности Коротояка Воронежской обл.

⁷⁰ В. В. Кротошкин. Новые исследования Бельнецких курганов, стр. 105, рис. 32, 2; К. М. Паликарнович. Дагыстарытныя стаянкі сярадняга Сожа. «Працы археалагічнай камісіі, т. II. Мінск, 1930, стр. 404, табл. 8, 8 (из урочища Сосновая Грива).

⁷¹ П. Ревякин. Каменные молотки, найденные в Киевской губернии. «Археологический вестник», т. I, 1868, стр. 25—30; В. А. Городцов. Культуры эпохи бронзы в Средней России, стр. 20.

⁷² Колл. Брянского обл. музея.

⁷³ А. Н. Левацкий. Некоторые данные о каменном веке..., табл. XVIII, 21, 36; XX, 21 (Рославльский и Краснинский р-ны).

⁷⁴ Колл. Гомельского музея.

По Верхней Волге наблюдается второй путь проникновения втульчатых топоров на восток.

Находки втульчатых топоров в Новгородской, Калининской, Костромской и Горьковской областях также связаны с Прибалтикой и, по-видимому, единичные находки в Ярославской, Ивановской, Костромской и Горьковской областях свидетельствуют о передвижениях ярославских фатьяновских племен вниз по Волге. Только влиянием Прибалтики можно объяснить находку коротколопастного втульчатого топора в Бежецком р-не Калининской обл. В Прибалтике их много, в Новгородской обл. они встречаются довольно часто, в Калининской — реже, меньше их в Ярославской обл. и дальше на восток.

Распространение втульчатых топоров в пределах определенных территорий, перечисленных выше, свидетельствует, вероятно, о связях между этими районами или о культурной общности населявших их племен, а возможно, и о путях передвижений племен и о сложных процессах их скрещиваний.

Обушковый усеченно-конический (рис. 17, 11—13). Топоры этого типа в большинстве своем имеют удлиненную форму с расширением тулова в середине. Для них характерен цилиндрический или овальный обух в форме усеченного конуса. Он не отделяется от тулова шейкой, а составляет его плавное продолжение, постепенно суживаясь к срезу обушка.

Топоры эти по форме и расположению сверлины можно разбить на 4 подтипа: ОУК-1, ОУК-2, ОУК-3, ОУК-4 (рис. 17, 11—13). Подтип 1 имеет симметричную подромбическую форму с усеченным верхом со сверлиной в центре топора (САИ, В1-20, т. XVI), 2-й также имеет ромбическую форму, но сверлина расположена выше середины. Обушковая часть их короче, а лезвийная длиннее (САИ, В1-20, т. XVI), подтип 3 близок к клиновидным топорам, и сверлина у него близка от среза обушка (САИ, В1-20, т. XVI), подтип 4 — с большим усечением обушка (САИ, В1-20, т. XVI). Размеры обушковых усеченно-конических топоров различны, но в основном это небольшие топоры, крупные экземпляры редки.

Эти топоры равномерно встречаются в Московской, Ивановской, Костромской и Горьковской областях, их насчитывается 52. Больше всего их найдено в Ярославской обл., а меньше — в Калининской и Владимирской областях. Большая часть является случайными находками, но несколько топоров встречены и в могильных комплексах: в погребении 1 Протасовского могильника с сосудом высокой формы, в Халдеевском могильнике — погребение 1 с сосудом шаровидной формы, в Вауловском могильнике — погребение 3 с высоко-

шейными сосудами, линзовидным кремневым клином, ожерельем из птичьих костей и зубов животных и медными вещами (подвеска, шильце, обломки браслета); в Тимофеевском могильнике в погребении 7 с высокошейными сосудами и костяным шилом; в Олочинском могильнике в погребениях 4 и 5. Подобные топоры были найдены и в Фатьяновском и в Велюковском могильниках. Таким образом, выясняется их приблизительное время — время ярославских могильников. Появившись на поздней фазе развития московских памятников, они продолжают существовать и в ранних верхневолжских памятниках (Халдеевский, Тимофеевский), и в поздних (Вауловский, Фатьяновский), в абсолютных цифрах их время — вторая четверть II тысячелетия до н. э.

Таких топоров много встречается в Кировской и Горьковской областях, и в значительном числе они известны на территории Средней Волги (51). По А. А. Халикову, они найдены в Заволжье (32), бассейне Суры (12) и к западу от нее (5) и два — в Балановском могильнике в могиле 46, погребение 80⁷⁵.

Находки топоров этого типа в Заволжье и в бассейне Суры указывают (по А. Х. Халикову) на их сравнительно позднее время. С этим мнением можно согласиться, но в то же время надо отметить, что находки их в большем числе на Средней Волге, чем на территории распространения других памятников фатьяновской культуры, позволяют в какой-то степени считать балановский могильник и место их находок более поздними, чем другие фатьяновские памятники. Находки обушковых усеченно-конических топоров известны в Смоленской обл.⁷⁶, в Белоруссии⁷⁷, на Среднем Днепре⁷⁸, в Воронежской обл.⁷⁹. Топоры этого типа встречены в погребальных комплексах в памятниках днепро-деснинской группы: в урочище Палик курган I погребение 1 и др.⁸⁰ Обнаружены эти топоры и на территории Эстонии (6), Латвии (5) и Литвы (14)⁸¹. Неболь-

⁷⁵ О. Н. Бадер. Балановский могильник, М., 1963, стр. 180, рис. 116, 4, 5.

⁷⁶ А. Н. Ляданский. Некоторые данные о каменном веке..., табл. XIX, 19, 34.

⁷⁷ Колл. Витебского музея; колл. ГИМ, № 25136; колл. Гомельского музея, № 5406; колл. Пинского музея, № 2053; ГИМ, № 2015 и др.

⁷⁸ В. Н. и В. И. Ханенко. Древности Приднепровья, табл. II, 8, 9.

⁷⁹ Колл. ГИМ, № 25549.

⁸⁰ И. И. Артеменко. Неолитические стоянки и курганы эпохи бронзы..., стр. 56, рис. 18, 12.

⁸¹ Колл. Института истории АН Эст.ССР, г. Таллин; колл. Исторического музея в Риге; колл. Каунасского и Вильнюсского музеев.

шое количество этих топоров в Приднепровье и в Прибалтике и сравнительно большое число их на территории Верхней и Средней Волги свидетельствуют о более позднем времени верхневолжских и средневолжских памятников.

Ромбические обоюдоострые молотковидные (рис. 18, 1—3). Топоры этого типа в фас имеют ромбическую широкую или узкую обоюдоострую форму со сверлиной в середине, что придает им молотковидную форму.

На территории фатьяновской культуры подобных топоров найдено 16. Чаще всего они встречаются как случайные находки в Московской и Владимирской областях. О времени их бытования судить трудно. Отдельные топоры были найдены на городищах с сетчатой керамикой. Поэтому можно сказать, что они доживают до конца бытования фатьяновской культуры. Интересно, что их находят в значительном числе в Суздальском р-не Владимирской обл.

Топоры данного типа не характерны для памятников Средней Волги. Четыре экземпляра их найдено на Суре, Мокше и Цне⁸². На западе они встречаются в Смоленской⁸³, Могилевской⁸⁴, Минской⁸⁵, Брестской⁸⁶ и других областях Белоруссии, а также в Прибалтике⁸⁷ и на Среднем Днепре⁸⁸. Местом происхождения этих топоров, по-видимому, следует считать запад или юго-запад европейской части СССР, где они чаще встречаются.

Ромбические усеченные (рис. 18, 4—7). Ромбический усеченный тип топора-молотка имеет ромбическую форму с усеченным обухом. Топоры этого типа уплощены, симметричны, изящны и имеют совершенные законченные формы. Они делятся на два подтипа: ромбический усеченный простой и хордовый. Найдены 21 топор и 14 обломков⁸⁹.

Эти топоры характерны для памятников московско-клязьминской группы. Чаще всего они встречаются в Московской, Рязанской и Калининской областях, в других областях они редки.

Топоры Горьковской и Кировской областей несколько отличаются от московских. У них

⁸² А. Я. Брюсов, М. П. Зимица. Каменные сверленные боевые топоры..., стр. 63, табл. 5.

⁸³ А. Н. Лянданский. Некоторые данные о каменном веке..., табл. XVI, 9.

⁸⁴ Колл. Могилевского обл. музея, № 4138.

⁸⁵ Колл. ГИМ, № 2015—2060; колл. Эрмитажа, № 165/1.

⁸⁶ Колл. Пинского музея, № 2055; см. также: Ю. В. Кушаренко. САИ, В1-18, 1962, табл. IX, 1, X, 3, 4.

⁸⁷ Институт истории АН Эст. ССР (Таллин); колл. каменных топоров (Приморский р-н).

⁸⁸ А. Я. Брюсов, М. П. Зимица. Каменные сверленные боевые топоры..., стр. 63, табл. 5.

⁸⁹ Обломки топоров внесены в серию этого типа на основании профиля, характера лезвия и поперечного сечения. Во всяком случае, они относятся к серии ромбических топоров с узким лезвием.

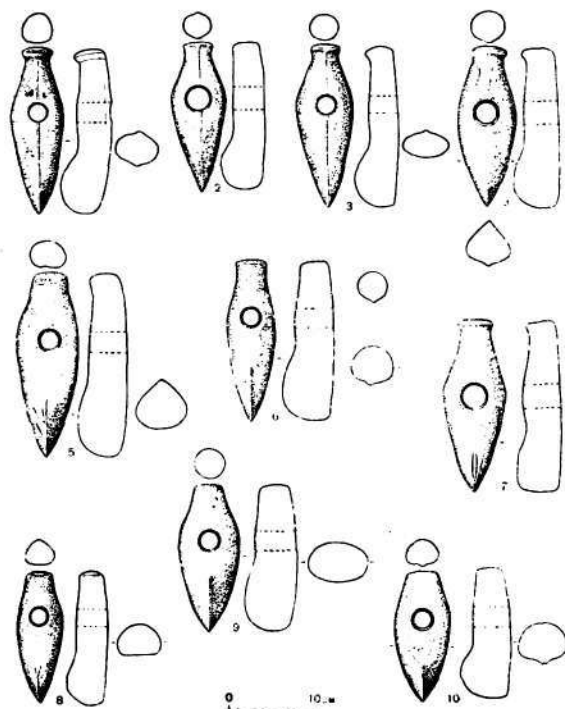

Рис. 19. Подтипы длиннолопастных каменных сверленных топоров-молотков

1—3 — Дл₁; 4—7 — Дл₂; 8—9 — Дл₃; 10 — Дл₄.

обуховая часть значительно короче лезвийной, тогда как у московских они почти одинаковы. Укороченная обуховая часть наблюдается и у подобных топоров Среднего Поволжья⁹⁰. В Московской, Калининской и Рязанской областях пропорции топоров одинаковы, иногда полностью тождественны. Что касается такой детали, как хорда, то она встречается всюду. В Калининской обл. топоры подобного типа с хордой редки, в Московской они преобладают, а в Ярославской, Горьковской и Кировской областях они все с хордами. Компактные находки ромбическо-усеченных топоров в Калининской, Московской и Рязанской областях позволяют считать данную территорию центром их распространения, а отдельные редкие находки на других местах фатьяновской территории являются периферийными, пропускающими из центра, указывая тем самым пути связей или передвижений московско-клязьминских племен (см. рис. 10). Находки тождественных топоров этого типа в Старицком и Новоторжском районах Калининской обл., в Москве и Коломенском р-не Московской

⁹⁰ А. Х. Халиков. Среднее Поволжье в эпоху камня и бронзы, т. II.

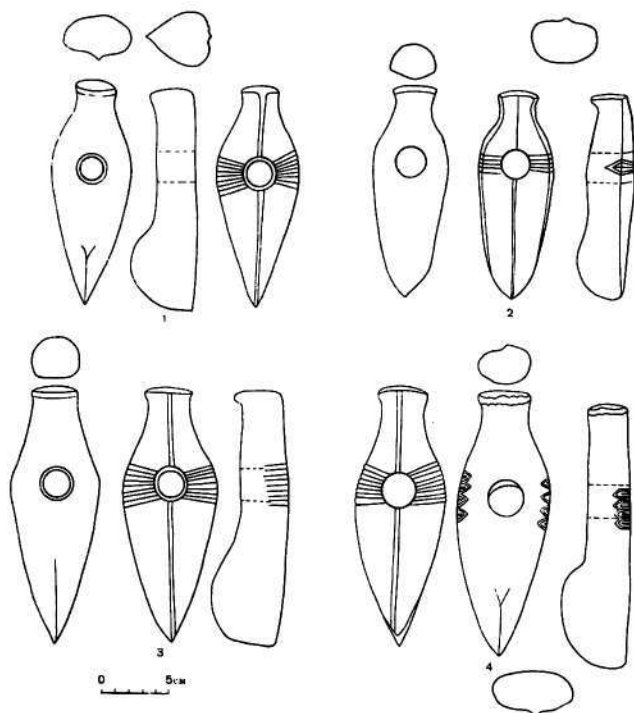

Рис. 20. Подтипы длиннолопастных каменных сверленных топоров-молотков с лучеобразными узорами

1 — Великосельский могильник; 2 — Фатьяновский могильник; 3 — Воронковский могильник; 4 — Голузинский могильник

обл., Ростовском р-не Ярославской обл. и Шацком и Касимовском районах Рязанской обл. (рис. 10) рисуют картину расселения московско-клязьминских племен.

Особенно важны находки в Ростовском р-не Ярославской обл. и в Касимовском р-не Рязанской обл. Первые через находки подобных же топоров в Ивановской обл., Горьковской и Кировской областях указывают на «клязьминский путь» (на восток), а касимовский топор вместе с другими рязанскими топорами того же типа свидетельствует об окско-моксанском передвижении на Свиягу и Среднюю Волгу, где также найдены близкие формы топоров. Однотипные топоры обнаружены в Смоленской обл.⁹¹ Сходные формы встречаются чаще на западе и юго-западе европейской части СССР⁹², в Прибалтике⁹³, а также и за пределами СССР.

⁹¹ А. Н. Лявданский. Некоторые данные о каменном веке..., табл. XIV, 21.

⁹² Колл. ГИМ, № 54733, 78607 (Брянская и Минская области); МАЭ, № 39, 96/7, 54746 (Волынская обл.); музей г. Орла, № 6033; музей г. Старый Оскол (Белгородская обл.); «Изв. ИМН Археологической комиссии», вып. 40, стр. 59, рис. 46.

⁹³ В. А. Городцов. Культуры бронзовой эпохи в Средней России, стр. 11, 12; А. Я. Брюсов, М. П. Зимица.

В. А. Городцов вслед за Монтелиусом считал, что этот тип топоров является одним из ранних, но существовал в Европе и во II тысячелетии до н. э.⁹⁴

Этот тип топора не мог возникнуть на востоке (в Среднем Поволжье и Прикамье), так как там нет более ранних, исходных ромбических форм, которые встречаются только к западу от Днепра и Верхней Волги. Однако на западе нет топоров, аналогичных московским. Там есть ромбические усеченные топоры более массивные и с широким срезом обушка. На лобной стороне, а иногда и на лобной и на тыльной встречаются хорды. Эти топоры менее изящны, но имеют ромбическую форму. Такие топоры встречаются в Новгородской обл.⁹⁵, Минской⁹⁶, Волынской⁹⁷, Витебской⁹⁸, Брянской⁹⁹ областях, в Латвии¹⁰⁰, Эстонии¹⁰¹, Литве¹⁰² и др.

Ромбические узкообушковые (рис. 18, 8—11). Топоры этого типа разнообразны, и их, пожалуй, можно разбить на два подтипа.

Рассмотрим подтип 1 (рис. 18, 8, 9). Эти топоры характеризуются удлинненным туловом ромбической формы, расширенными острыми или слегка округлыми плечиками и постепенно суживающимся узким обушком, с выпуклым, ровным или заостренным срезом.

Топоры 1-го подтипа, вероятно, являются дальнейшим развитием ромбических усеченно-хордовых топоров-молотков, так как они очень близки к ним и среди них есть переходные формы.

Всего этих топоров найдено 27. Центром (компактным) их распространения является Московская обл. (13 топоров) (Дмитровский, Истринский, Талдомский, Московский, Раменский и Серпуховский районы) и Ростовский р-н Ярославской обл. (5 топоров). В меньшем количестве они встречаются в Ильинско-Хованском и Комсомольском районах Ивановской обл., а также в Костромской (3), Рязанской (2) и Владимирской (4) областях (рис. 10).

Топоры ромбические узкообушковые, по-видимому, характерны в основном для москов-

Каменные сверленные боевые топоры..., стр. 25, табл. 5 (распространение топоров пятого типа).

⁹⁴ В. А. Городцов. Культуры бронзовой эпохи в Средней России, стр. 10—12.

⁹⁵ Колл. Эрмитажа, № 1236/2, 1236/1, 1236/3.

⁹⁶ Колл. ГИМ, 25136/1, 25136/2, оп. 312.

⁹⁷ Колл. МАЭ, № 3996/7.

⁹⁸ Витебская обл., краев. музей, № 639.

⁹⁹ Брянский обл. музей (4 топора).

¹⁰⁰ Гос. исторический музей в Риге.

¹⁰¹ Институт истории АН Эст.ССР (Таллин).

¹⁰² Вильнюсский и Каунасский музей. В Прибалтике нет топоров московского типа, но есть ромбические усеченные топоры с коротким обушком. Они могли являться прототипами ромбических топоров.

ско-клязьминской группы фатьяновских памятников, так как они компактной массой встречены в пределах основной территории, занимаемой этой группой, и найдены в могильных комплексах следующих могильников: Истринском (погребение 3), Верейском — в случайных находках (погребение не установлено) и Николо-Перевозском.

В Истринском могильнике этот топор найден с поздним комплексом вещей¹⁰³, а именно: линзовидным кремневым топором треугольной формы, черешковыми наконечниками стрел, сосудом с многозигзаговым решетчатым и другими орнаментами, медным колечком; о позднем времени свидетельствует и обряд погребения. Наконечник стрелы¹⁰⁴, найденный в этом погребении, близок по форме буньковскому наконечнику дротика из погребения 2¹⁰⁵, николо-перевозскому¹⁰⁶ и наконечнику дротика из Вашутинской стоянки¹⁰⁷. Наконец, близок он также и наконечнику дротика Стрелицкого могильника среднеднепровской культуры¹⁰⁸. Последний могильник дает нам абсолютную дату — середина II тысячелетия до н. э. — по пастовой бусине¹⁰⁹. Если же присовокупить сюда и близость обряда захоронения — трупосожжение, то дата еще более подтвердится. Находка второго топора на том же могильнике свидетельствует о том же времени этих топоров. Однотипный ромбический узкообушковый топор, найденный в Верейском могильнике, также подтверждает ту же дату. Верейский, Буньковский и Истринский могильники отнесены нами к самому позднему этапу развития памятников московско-клязьминской группы¹¹⁰. Что касается находки ромбического узкообушкового топора в могильнике Николо-Перевоз, то он, очевидно, по всему комплексу находок будет датироваться несколько позднее.

По-видимому, единичные находки этих топоров в Ивановской, Костромской, Владимирской и Рязанской областях следует рассматривать как пути, по которым двигались московско-клязьминские племена.

Тожественность топоров из Зарайского р-на

¹⁰³ Д. А. Крайнов. Памятники фатьяновской культуры. Московская группа, табл. III и стр. 41.

¹⁰⁴ Там же, табл. XXI, 9.

¹⁰⁵ Там же, табл. XXI, 22.

¹⁰⁶ В. М. Раушенбах. Фатьяновское погребение на неолитической стоянке Николо-Перевоз, стр. 35, рис. 4, 6.

¹⁰⁷ Н. К. Цветкова. Новый памятник волосовской культуры близ г. Переславля-Залесского. «Труды ГИМ», вып. 37, стр. 49, рис. 1, 1.

¹⁰⁸ И. И. Артеменко. Племена Верхнего и Среднего Поднепровья в эпоху бронзы. М., 1967, рис. 30, 26.

¹⁰⁹ Там же, стр. 91, рис. 54, 1—2.

¹¹⁰ Д. А. Крайнов. Памятники фатьяновской культуры. Московская группа, стр. 18.

Рязанской обл. и Дмитровского р-на Московской обл. является подтверждением нашего вывода (рис. 18, 1, 8). Подобные топоры не встречены на территории Среднего Поволжья, но близкие к ним формы есть в Горьковской, Казанской областях и Чувашской АССР.

На запад от Днепра и на юг эти топоры не встречаются. Близкими к ним по продольному профилю и ромбическим очертаниям лобной и тыльной сторон следует считать ладьевидные топоры типа смоленских и верхнеднепровских¹¹¹. Не исключена возможность развития их из больших ладьевидных топоров, распространенных в Поднепровье и дальше на запад. Форма некоторых ладьевидных топоров близка форме топоров разбираемого типа. На тех и на других имеется намек на втулку, которая могла прийти только из Белоруссии или Прибалтики, где наблюдается наибольшая густота находок втульчатых топоров.

Подтип 2 (рис. 18, 10, 11) — ромбический узкообушковый простой. Эти топоры близки к рассмотренному выше 1-му подтипу — ромбическим узкообушковым. Они в большей части менее изящны и не имеют хорды. Общий контур ромбический и подромбический. Их найдено 9 экз. Встречаются они в Новгородской, Калининской, Московской, Ярославской (Переславский р-н), Рязанской, Ивановской областях, значительное число их открыто на Средней Волге.

Много подобных узкообушковых топоров с массивной нижней частью найдено на территории Эстонии¹¹², где они датируются поздним временем. Эти топоры, так же как и узкообушковые московские, затачивались с двух боковых сторон, ниже сверлины к лезвию. Данный факт является важным признаком общности техники обработки и указывает на одновременность памятников.

К этому же типу топоров узкообушковых простых следует отнести и узкообушковые ромбические простые топоры очень больших размеров по сравнению с предыдущими. Они найдены в Ярославской (1), Ивановской (1), Костромской (1) и Калининской (1) областях. Топор из Ивановской обл. найден в Быстринском кургане Гаврилов-Посадского р-на и отличается от остальных меньшими размерами, что указывает и на более позднее время.

Обушковые длиннолопастные (рис. 19) топоры-молотки являются основной и характерной формой для верхневолжской группы фатьяновских памятников. Своей классической формы они достигли в поздних ярославских могильни-

¹¹¹ А. Н. Лавданский. Некоторые данные о каменном веке..., табл. XII, 25.

¹¹² Колл. Института истории АН Эст. ССР (Таллин).

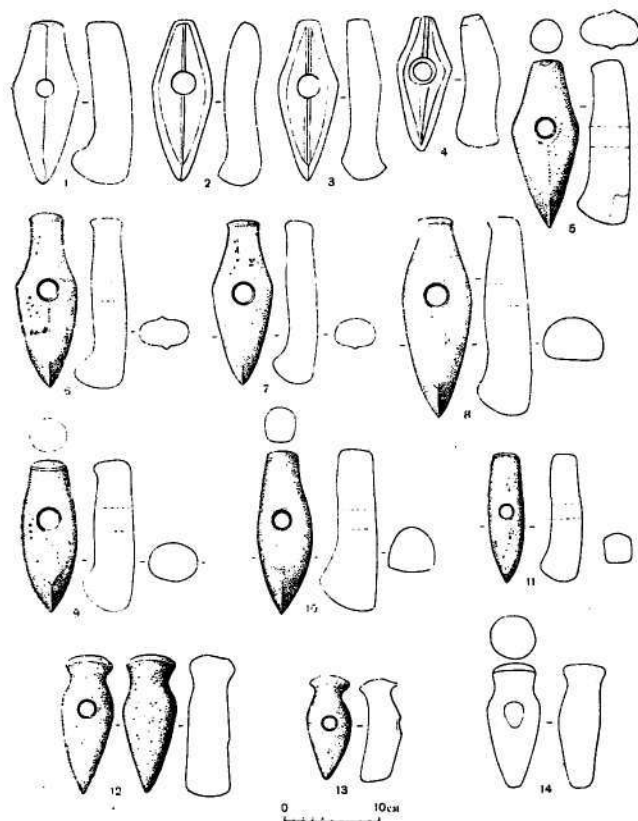

Рис. 21. Подтипы коротколопастных ромбических, коротколопастных и пестиковых каменных сверленных топоров-молотков

1—5 — Рл; 6 — Кл; 7—8 — Кл; 9 — Кл; 10 — Кл; 11 — Кл; 12—14 — пестиковые

ках (Великосельском, Фатьяновском и др.). Эти топоры разнообразны и по форме, и по характеру обушка, но объединяет их в один тип длинная лопасть. Она образуется с тыльной стороны на конце топора от схождения на острие боковых сторон. Однако некоторая разница в форме и обушке, а также характере наклона лобной стороны позволяет выделить несколько подтипов (рис. 19, 1—10).

Можно было бы выделить и еще несколько подтипов, но это не изменит нашего общего суждения о длиннолопастных топорах.

Подтип 1: обушковые длиннолопастные топоры с грибовидным или подгрибовидным обушком и хордами (рис. 19, 1—3). Эти топоры отличаются изяществом форм, значительной массивностью и удлинённостью. В строении топора наблюдается золотое сечение. Расстояние от обушка до сверлины составляет $\frac{1}{3}$, а остальные $\frac{2}{3}$ падают ниже, что придает топору законченность и строгость формы.

Тыльная сторона почти всегда округлая, на

конце имеет лопасть. Лобная сторона уплощена или слегка округлая. Она бывает прямая или выгнутая. Боковые стороны слегка выпуклы. Обушок — с хорошо выраженной шейкой и оформленной грибовидной головкой с нависанием в тыльной стороне.

Срез обушка слегка выпуклый, прямой или чаще скошенный к тыльной стороне. Форма среза округлая или полуовальная. Плечики разные: и широкие, и узкие, но они очень плавно переходят в тулово. Сверлины расположены всегда в середине самой широкой части плеч. Они цилиндрические с нарезками и гладкие. Размеры их более или менее одинаковые и с тыльной, и с лобной сторон, а разница, если и есть, то выражается в одной десятой сантиметра ^{113—115}. Большого наклона у сверлин не наблюдается, но он всегда есть. Топоры имеют овальное сечение, нарушаемое хордами. Последние, как правило, располагаются во всю длину по лобной стороне, но у этого типа топора часты хорды и с двух сторон. Лезвие всегда округлое, скошено внутрь к лопасти, в которую оно переходит очень плавно. Длинные лопасти бывают высокие или низкие, ярко выраженные или образуют небольшую приподнятость. Кроме того, они отличаются и по округлости.

Особым изяществом и симметрией форм, а также украшениями отличаются четыре топора из Великосельского, Фатьяновского, Воронковского и Голузинского могильников (рис. 20, 1—4). На этих топорах, кроме хорд на лобной стороне, образованных двумя прочерченными линиями, от сверлины в обе стороны отходят лучеобразные узоры, состоящие каждый из девяти парных прочерченных линий, а на топоре из Фатьяновского могильника — пяти. Эти линии заходят на боковые стороны. На топоре из Голузинского могильника они заканчиваются зигзагом, замыкающим крайние линии, а на топоре из Фатьяновского могильника — двумя треугольниками. Такие топоры могли принадлежать только вождям. Нарезным орнаментом украшались и булавы, найденные в Костромской обл., и топоры (Тимофеевский могильник и случайная находка в Горьковской обл.).

Эти топоры найдены в разных местах свыше 20 экз. Большая часть обнаружена в Ярославской (12), Калининской (6), Московской (3) и Костромской (1) областях. Московские и кали-

^{113—115} Обращает на себя внимание то обстоятельство, что у всех крупных лопастных топоров-молотков (особенно сделанных из черного диабазы) сверлины небольшие по сравнению с другими топорами. В эти сверлины можно было вставлять очень тонкую рукоятку. В связи с этим встает вопрос об их употреблении. Не являлись ли они символом власти? Иногда эти топоры очень большие и тяжелые.

нинские топоры более прямоспинны, чем ярославские (изогнутые). Центром распространения этих топоров является Ярославская и север Калининской областей. Московские также найдены у границ Калининской обл., а костромские — близко от Ярославля (рис. 8).

Компактное нахождение подобных топоров на определенной территории указывает, что центр их распространения был именно здесь. Этот вид топора типичен для классической поры развития фатьяновской культуры, и его никак нельзя сопоставлять с типом А по Глобу¹¹⁶, так как те топоры все коротколопастные и разницу между фатьяновскими лопастными и западноевропейскими лопастными заметил еще В. А. Гордцов.

Большая часть топоров указанного типа обнаружена с комплексами других вещей в следующих фатьяновских могильниках: Фатьяновском (4), Великосельском (2), Толбухинском (1), Мельничногорском (1), Волосово-Даниловском (1), Голузинском (2), Воронковском (1), Никульцинском (1), Говядиновском (1). В Калининской обл. они найдены в разрушенных карьерами холмах (могильниках) Бежецкого и Краснохолмского районов. Кроме того, установлено, что прекрасные длиннолопастные топоры с лучеобразным узором найдены в погребениях вождей (Воронковский могильник, погребение 3), а другие топоры этого же типа найдены в богатых захоронениях (Никульцинском могильнике 15 и пр.). Возможно, подобные топоры принадлежали или вождям, или прославленным воинам. Аналогии им мы укажем ниже, когда разберем все подтипы.

Обушковый длиннолопастный с грибовидным или ярко выраженным обушком (рис. 19, 4) топор можно было бы отнести к особому типу (рис. 19, 1), но он не имеет хорды, а формы его те же. Поэтому мы относим его к подтипу 2. Всего найдено 32 топора этого подтипа (рис. 19, 4—7). Основная масса их расположена компактно, как и топоры подтипа 1. В Калининской обл. найдено 19 топоров, в Ярославской — 7, в Московской — 4, а в остальных областях фатьяновской территории — по одному топору.

Среди этих топоров есть найденные в могильных комплексах (Истринский, погребение 6, Вауловский, погребение 7, Воронковский, погребение 6 и др.). Большинство остальных также обнаружено в разрушенных карьерами грунтовых могильниках. Подобные топоры очень редко встречаются как случайные находки. Их

не теряли, что также свидетельствует о принадлежности их вождям и прославленным воинам. Следует отметить, что московские топоры отличаются от ярославских большей прямоспинностью и другим поперечным сечением (Истринский могильник, погребение 6). Возможно, они более поздние. Обращает на себя внимание абсолютно тождественная форма трех топоров из Поречья Можайского р-на Московской обл., с. Новое Калужской обл. и из Кривцовского могильника (погребение 1) Ивановской обл. Они близки к прямоспинным. Лопасть срезана по прямой линии, и поперечное сечение прямоугольное. Эти топоры, судя по находке в Кривцовском погребении плоскодонного сосуда, относятся к более позднему времени, чем ярославские. Поскольку мы связываем развитие могильников Ильинско-Хованского р-на Ивановской обл. с московскими могильниками (см. главу о керамике), то здесь мы имеем новое подтверждение нашего вывода о движении московских фатьяновских племен в восточном направлении по клязьминско-окской речной системе.

Обушковый длиннолопастный подтип без хорды и с хорошо выраженным грибовидным обушком (рис. 19, 8, 9). Топоры этого подтипа не отличаются изяществом форм. Они более массивны и несколько укорочены. Их найдено 17 экз. Большинство обнаружено в Ярославской (11), Костромской (4), Ивановской (1) и Московской (1) областях, что вновь свидетельствует о ярославско-калининско-костромском распространении лопастных топоров.

Так же как и предыдущие подтипы, часть топоров найдена в могильных комплексах (Вауловский, погребение 6, Рыболовский, Ильинский, Пужбольский, Воронковский, Фатьяновский, Никульцинский и Болтоновский). Вероятно, эти топоры одновременны другим подтипам.

Подтип 4 (рис. 19, 10) близок к тому что разобранному подтипу 3 (рис. 19, 8, 9), но отличается меньшими размерами и частично изживанием лопасти. Почти все они короткообушковые и только один с грибовидным обушком (Фатьяновский могильник). Спинки несколько выгнуты, и только один топор из Фатьяновского могильника — с прямой спинкой. В поперечном разрезе или округлые, или полуовальные.

Всего топоров этого подтипа найдено 7. Они встречаются в Костромской (3), Ивановской (2), Владимирской (1), Ярославской (1) и Новгородской (1) областях и являются изживающим типом лопастного топора. Топор из Ярославской обл. имеет более длинную лопасть, срезанную как в топорах московских, и грибовидный обушок. Этот топор включен в данный подтип только по размерам.

¹¹⁶ P. V. Glob. Danske oldsager Nudivet of National museums ombedsm-under renetion of Therke mal hiasen Gvedendalske Bodhandel-Nordisch Zorlay, str. 332—337.

Из рассмотрения длиннолопастных обушковых топоров-молотков выяснилось, что центром их распространения является Калининская, Ярославская области, север Московской обл. и запад Костромской и Ивановской областей (см. рис. 8). Расцвет этих топоров и наибольшее число находок их падает на Ярославскую обл.

Этот тип топора следует считать одним из самых характерных топоров-молотков верхневолжской группы фатьяновских памятников. Его можно с полным правом назвать фатьяновским топором. На Средней Волге он почти не встречается, за исключением нескольких экземпляров, найденных в бассейне р. Свияги (4) и в Пензенской обл., но эти топоры скорее похожи на вырождающийся тип длиннолопастного топора. А. Х. Халиков объясняет их появление на Средней Волге воздействием фатьяновской культуры¹¹⁷. Следовательно, мы можем сделать вывод, что эти топоры чужды средневолжской группе фатьяновской культуры.

Кроме указанной территории (Ярославская, Калининская, Костромская, Ивановская, Калужская и Владимирская области) эти топоры встречаются в единичных экземплярах в Кировской и Рязанской областях¹¹⁸, Ленинградской (1)¹¹⁹ и Брянской (1)¹²⁰. В более значительном числе подобные топоры обнаружены в Белоруссии (9)¹²¹, Литве (8)¹²², в Западной¹²³ и Восточной¹²⁴ Украине, в Латвии (1)¹²⁵, Эстонии (2)¹²⁶ и в могильнике культуры Злота¹²⁷.

Таким образом, можно согласиться с В. А. Городцовым, что длиннолопастные топоры (лопастные по В. А. Городцову) присущи только фатьяновской (в старом понимании

культуры) культуре¹²⁸. По-видимому, находки их в Костромской, Ивановской, Владимирской и Рязанской областях надо рассматривать как результат продвижения верхневолжских и московско-клязьминских племен на восток. Что же касается топоров Белоруссии, то они могут указывать или на связи или, что более вероятно, на путь продвижения протофатьяновских племен с юго-запада на северо-восток. Об этом свидетельствуют следующие факты: находки заготовок длиннолопастных топоров (Каунас), несколько отличная от ярославских форма длиннолопастных топоров, близкая к форме топоров из ранних могильников (Воронковский, Никольский), находки топоров в грунтовых могильниках (Велятичи — Гомельская обл., Буда — Минская обл. и др.), одинаковая техника производства топоров и пр. Надо сказать, что длиннолопастные топоры Белоруссии и Калининской обл. близки. Характерный резкий изгиб лопасти создает у этих топоров клевцевидный острый конец лезвия. Они также более прямоспинны. Ярославские топоры отличаются большим изяществом и большей выгнутой спинки. Появляются лучеобразные украшения на топорах подобного типа (Голузинский, Воронковский, Великосельский и Фатьяновский). Эти топоры являются, вероятно, дальнейшей ступенью в развитии длиннолопастных топоров. Как боевое оружие они совершеннее по целеобразности формы.

Дальше на восток от Ярославля появляются длиннолопастные топоры изживающих форм. Они теряют свою изящность. Распространялись они по двум путям: Волге и Нерли с Клязьмой. В Окско-Клязьминском междуречье и по Десне их нет. Здесь господствует обушковый коротколопастный тип топора. Длиннолопастные топоры не выходят за границу леса, а коротколопастные встречаются главным образом в лесостепной части с небольшим заходом в лесную. Это может свидетельствовать или о какой-то этнографической особенности групп фатьяновцев, или об их разноплеменности. Время его распространения, вероятно, то же, что и коротколопастного топора. Нельзя согласиться с мнением А. Я. Брюсова, считающего, что данный лопастный тип топора распространился на запад из Волго-Окского района¹²⁹.

Исходя из рассмотрения карты распространения данного типа, мы должны признать, что топоры длиннолопастные возникли где-то на территории Белоруссии и оттуда вместе с продвижением протофатьяновских племен распро-

¹¹⁷ А. Х. Халиков. Среднее Поволжье в эпоху камня и бронзы, т. II.

¹¹⁸ Д. А. Крайнов. Памятники фатьяновской культуры. Московская группа, стр. 31, табл. XXIV.

¹¹⁹ Колл. Эрмитажа, № 185/1. Топор из д. Дубовичи Новоладжского р-на Ленинградской обл. См. находку 1916 г. Дар Н. И. Репникова, топор относится к типу А.

¹²⁰ Колл. Брянского обл. музея.

¹²¹ В Минской обл.—5, в Могилевской обл.—1, в Гомельской — 3 (колл. Могилевского, Гомельского, Минского музеев); колл. ГИМ, № 10526, 44797. См. также: В. А. Городцов. Культуры бронзово-железного века в Средней России, стр. 16.

¹²² Колл. Каунасского и Вильнюсского музеев.

¹²³ В. Н. и В. И. Ханенко. Древности Приднепровья, табл. 3, 55 (Волынская, Львовская, Станиславская, Подольская).

¹²⁴ А. С. Уваров. Каменный период, т. II, табл. 48, 2831 (Чигиринский р-н Киевской обл.).

¹²⁵ Рижский ист. музей (экспозиция).

¹²⁶ Таллинский ист. музей, Тартуский музей.

¹²⁷ Z. Krzak. Materiały do znajomości kultury Złockiej. Wieden, 1961, str. 104, tabl. 100.

¹²⁸ В. А. Городцов. Культуры бронзово-железного века в Средней России, стр. 16.

¹²⁹ А. Я. Брюсов, М. П. Зимица. Каменные сверленные боевые топоры..., стр. 25.

странились на северо-восток — на Верхнюю Волгу. Белорусские топоры очень большие, в среднем их размеры колеблются (в см): длина 20,5—24, наибольшая ширина — 6,4—7,1, высота 4,5—5; диаметр сверлины — 2,2—2,5; длина лезвия — 4—5, длина лопасти — 5,5—9, высота лопасти — 0,8—1,6.

Лопастей этих топоров приподняты, и они очень большие. Большинство этих топоров прямоспинные или слегка выгнутые. Надо отметить одну интересную деталь. Сверлины этих топоров имеют легкий наклон к тыльной стороне, тогда как у ярославских топоров этот наклон отсутствует. По-видимому, прямоспинные топоры, более ранние, требовали такого устройства сверлины в целях амортизации при ударе. Если бы сверлина была прямой, то рукоятка при ударе перелетела бы.

Ярославский топор имеет почти прямую сверлину, но зато спинка топора изогнута — это было крупным и более поздним техническим достижением.

Обушковые коротколопастные топоры (рис. 21) очень близки к длиннолопастным, и до нашей классификации их относили к одному типу. Однако они не только отличаются от длиннолопастных более короткой лопастью, выдающейся в виде носка, но имеют и другой ареал. Эти топоры так же, как и длиннолопастные, делятся на четыре подтипа.

Подтип 1 (рис. 21, 6, 11) представляет собой топоры удлиненные, изящные. Это одна из совершенных форм каменных сверленых топоров-молотков. Лобная сторона их уплощена и слегка изогнута, а у некоторых более или менее прямая. Тыльная сторона округлая, суживаясь к лезвию, образует лопасть. Эта лопасть короткая, форма различная: плавная с закруглением, в виде удлиненного носка (сапожковая) или небольшого носка и т. д. Плечики также разные — широкие округлые или узкие, плавно переходящие в тулово. На тыльных и лобных сторонах имеются хорды, иногда и с той, и с другой сторон. Обушок округлый, чаще с оформленной шейкой и грибовидной головкой, с нависанием ее к тыльной стороне. Срез обушка выпуклый и округлый, реже полуовальный. Поперечный разрез овальный или полуовальный, с заострением в местах расположения хорд. Сверлины цилиндрические с нарезками и гладкие расположены прямо или с небольшим наклоном к тыльной стороне. Лезвие округлое, плавно переходящее в лопасть, всегда скошено к тыльной стороне. Размеры топоров различны.

Подтип 2 (рис. 21, 7—8) отличается от топоров подтипа 1 отсутствием хорды, в среднем меньшими размерами, укорочением лопасти. Обушок такой же грибовидный, спинки и пря-

мые, и слегка изогнутые. Размеры этих топоров разные. Надо отметить, что только три топора близки к 1-му подтипу (Калужская обл., с. Людиново; Московской обл., Подольский р-н, с. Лукино и Ковровский р-н Владимирской обл.), а остальные являются как бы вырождающимися формами подтипа 2. Размеры и лопасть их меньше.

Подтип 3 (рис. 21, 9) значительно отличается от первых двух. Топоры не так изящны. Размеры разные. Топоры этого подтипа также имеют короткие разные лопасти.

Подтип 4 (рис. 21, 10—11) — обушковые топоры с приподнятым лезвием, что придает им клевцевидный вид. Это небольшие топоры-молотки разных форм, но все они имеют подобные короткой лопасти и сильно приподнятое и скошенное внутрь лезвие (к тыльной стороне).

Топоры подтипа 1 больше всего распространены в Московской (юг), Рязанской, Калужской, Горьковской, Владимирской и Великолукской областях (см. рис. 8). Их найдено 17 экз. Топоров подтипа 2 — девять. Они открыты главным образом во Владимирской обл. Топоры подтипа 3 обнаружены в основном в Московской и Владимирской областях. Их 15 экз. Топоров подтипа 4 найдено 6 экз. Они встречаются от Прибалтики до Владимирской обл. и указывают путь их распространения.

Если длиннолопастные топоры характерны для верхневолжской группы и северо-западных районов московско-клязьминской группы фатьяновских памятников, то *коротколопастные топоры* типа Окл-1 совсем не встречаются в верхневолжской группе и известны только на юго-западе, юге и востоке московско-клязьминской группы и в прилегающих районах к востоку и югу, а также в окско-деснинских памятниках.

Нам придется несколько подробнее рассмотреть вопрос об аналогиях коротколопастным топорам и их распространении, так как этот тип топора как никакой другой дает представление о путях движения восточных фатьяновских племен. В этой связи особый интерес представляют находки коротколопастных топоров в различных районах Брянской и Орловской областей¹³⁰, где они обнаружены (10 экз.) в пределах распространения памятников днепродеснинской группы среднеднепровской культуры и на юге территории московско-клязьминской группы фатьяновских памятников.

Подобные топоры встречаются и далеко на запад и северо-запад на территории европейской части СССР, а именно: в Смоленской¹³¹, Моги-

¹³⁰ Д. А. Крайнов. Памятники фатьяновской культуры. Московская группа, стр. 32.

¹³¹ А. Н. Лявданский. Некоторые данные о каменном веке..., табл. XVII, 28; XIX, 8, 15.

левской¹³², Великолукской¹³³, Новгородской¹³⁴, в Западной Белоруссии¹³⁵, в Прибалтике¹³⁶, где на территории Эстонии, Латвии, Литвы найдено около 15 экз., из которых к подтипу Окл-1 относятся только семь топоров. Эти топоры встречаются по Припяти и в Прикарпатье¹³⁷.

Коротколопастные топоры распространены и в восточных районах фатьяновской территории. Они известны по всему течению р. Оки, по Клязьме, в Горьковской, Кировской областях и, наконец, в Среднем Поволжье, где они найдены в значительном числе (около 20), главным образом 1-й и 2-й подтипы. Здесь эти топоры обнаружены в основном в бассейне рек Свияги (6), Цивиль (4), на Суре (5), в устье Оки (1) и в Пензенской обл. по р. Мокше. Известны глиняные модели, близкие к коротколопастным топорам из Балановского могильника. Дальше на восток эти топоры не встречаются, т. е. за пределы распространения фатьяновской территории они не заходят ни на востоке, ни на севере, ни на юге. Если длиннолопастный тип топора можно назвать верхневолжским, то коротколопастный — средневолжским. А. Х. Халиков отмечает, что он на территории Среднего Поволжья имеет очень строгую локализацию вокруг бассейна р. Свияги.

Таким образом, длиннолопастные топоры концентрируются в Ярославской и Калининской областях, а коротколопастные — в бассейне р. Свияги в Среднем Поволжье, а в остальных местах они встречаются в единичных экземплярах (рис. 8). Такое компактное распространение не может быть случайным.

Однако довольно много коротколопастных топоров найдено в Калужской и Брянской областях (по Десне). Дальше находки этих топоров тянутся, с одной стороны, по Оке на Мокшу и Свиягу, с другой — по московско-клязьминскому пути на Оку и на Среднюю Волгу. Отдельные находки топоров по этим путям свидетельствуют о передвижении фатьяновских племен в направлении с юго-запада на северо-восток.

Коротколопастные топоры широко распространены не только в европейской части СССР, но и в Западной Европе — в культурах боевых топоров. Они встречаются в Польше, и Сулимирский называет этот тип фатьяновским¹³⁸. Глоб

считает этот тип топоров европейским (тип А₁), характерным для ранней стадии культуры одиночных погребений в Ютландии, и относит его распространение ко времени между 2200—1700 годами до н. э. В Дании топоры этого типа встречаются довольно часто¹³⁹. Шведский археолог Форсандер также называет этот тип европейским и считает его ранним¹⁴⁰. Он сравнивает шведские топоры этого типа с топором из Тетюшского р-на Казанской обл., подчеркивая тем самым их сходство и единое происхождение¹⁴¹. Другой шведский ученый — Ольдеберг — выделяет этот тип топора, называя его континентальным, и также относит его распространение к раннему времени¹⁴². Коротколопастные топоры в Швеции встречаются¹⁴³ вместе с кривкообразными сосудами со шнуровым орнаментом по высокой шейке, что позволяет судить о какой-то родственности их с датской культурой одиночных погребений, среднеднепровской и другими культурами боевых топоров и шнуровой керамики, где встречаются подобные сосуды.

Следует заметить, что коротколопастных топоров типа А₁ по Глобу в Швеции найдено мало. Большая часть таких топоров имеет ярко выраженную втулку¹⁴⁴. Коротколопастные топоры со втулкой часты в Финляндии. Реже они встречаются в Эстонии и Прибалтике. По-видимому, уже в Прибалтике происходит «скрещивание» коротколопастного топора со втульчатый, и здесь, в Прибалтике, коротколопастный топор со втулкой, вероятно, получает свое первоначальное развитие и потом уже распространяется отсюда в Финляндию, а затем в Швецию. С этой стороны интерес представляют находки коротколопастных топоров с зарождающейся втулкой в Ленинградской и Калининской областях¹⁴⁵.

Таким образом, топоры коротколопастного типа распространены от Дании до Казани и от Швеции до Карпат. Можно считать установленным сходство и даже тождество ютландских топоров с приказанскими (Тетюши) и приднепровскими. Такое сходство и другие данные не могут быть конвергентным явлением. Широкое распространение коротколопастного топора, весьма вероятно, указывает на культурно-исто-

¹³² Колл. ГЭ, № 164/1 (д. Бабиновичи Оршанского р-на).

¹³³ Колл. ГЭ, № 449/1 (д. Бор — Девятского р-на, по-видимому, из могильника).

¹³⁴ Колл. ГЭ, № 1934/1 (с. Подгоща Старорусского р-на — из могильника).

¹³⁵ Гродненский музей (4 топора из д. Пески Волковыского р-на).

¹³⁶ Колл. гос. музеев Эстонии, Латвии и Литвы (Таллин, Рига, Каунас и Вильнюс).

¹³⁷ Колл. Львовского музея.

¹³⁸ T. Sulimski. Указ. соч., ч. II, стр. 319, рис. 82, 2.

¹³⁹ P. V. Glob. Указ. соч., стр. 332—337.

¹⁴⁰ J. E. Forssander. Die schwedische Bootaxkultur und ihre kontinentaleuropäischen Voraussetzungen. Lund, 1933, S. 124, tabl. 54, 1, 2.

¹⁴¹ Там же, стр. 57, табл. 28, 29.

¹⁴² A. Oldeberg. Studien über die Schwedische Bootkultur kungl vitterhets Historie och Antiquitets Akademien. Stockholm, 1952.

¹⁴³ J. E. Forssander. Указ. соч., стр. 124, табл. 54.

¹⁴⁴ Там же, стр. 58, табл. 28, 27.

¹⁴⁵ А. С. Уваров. Каменный период, т. II, табл. 37, 365, 367.

рическую или этническую общность племен, оставивших эти топоры. Трудно объяснить такое широкое распространение их только связями.

Большинство советских и западноевропейских ученых относят эти топоры к раннему времени. Возможно, в Ютландии и Швеции они будут представлять самый ранний тип топора, но в отношении общего развития форм боевых топоров этот тип топора не будет самым ранним. Возникновение изысканных форм лопастных топоров с хордами и нервюрами, по мнению многих ученых, объясняется подражанием металлическим топорам. С этим утверждением автор не согласен, но считает, что такая развитая форма боевого топора могла появиться только в процессе усиления экспансии культур с боевыми топорами.

В Польше топоры этого типа найдены в погребениях культуры Злота¹⁴⁶. На нашей территории они обнаружены с погребальными комплексами в могильниках Михеевского, Детчинского, Бежецкого, Белые Берега и др. Эти комплексы не являются начальными в истории развития культур боевых топоров. Начало распространения коротколопастных топоров на нашей территории может относиться не ранее как к первой четверти II тысячелетия до н. э., и заканчивать свое существование в пережиточных формах они могут около середины II тысячелетия до н. э.

Длиннолопастные топоры одновременны коротколопастным. Оба типа родственны и представляют собой этнографические особенности разных племен культур с боевыми топорами.

Ромбические лопастные топоры (рис. 21, 1—5). Топоры этого типа редки. Они выделяются особыми очертаниями лопастного лезвия и ромбической формой тулова. Эти топоры разнообразны, их объединяет общность ромбической формы, а лопастей их различны. Лезвие коротколопастное или округлое (секирообразное), как бы с двумя короткими лопастями (с внутренней стороны лопасть острая, а с лобной — округлая), что придает таким топорам особый секирообразный вид.

Топоров этого типа найдено 8 экз.; встречаются они только по Оке: в Калужской, Московской (Коломенском и Серпуховском районах), Рязанской и Пензенской областях.

Особо следует сказать о четырех топорах (Калужская обл., с. Кольцово, г. Коломна и пос. Батманово Московская обл. и с. Паново Наровчатского р-на Пензенской обл.). К ним близок и топор из с. Арасланово Свияжского р-на Казанской обл.¹⁴⁷ Все эти топоры тож-

дественны. Они изящны по форме. Употреблялись как боевое оружие. По изогнутости и клевцевидной лопасти напоминают изогнутые топоры Кавказа, Причерноморья, в какой-то степени топоры Бородинского клада и западноевропейские (особенно по сходству желобков на лобной стороне). Находка таких топоров на территории Калужской, Пензенской областей и на Средней Волге указывает, по нашему мнению, на движение восточных фатьяновских племен по Оке на Мокшу и Свиягу. Движение в этом направлении, а не в обратном подтверждается находками секирных и фасетированных топоров на Украине¹⁴⁸, Литве¹⁴⁹, Польше¹⁵⁰ и в других местах Западной Европы. Известно, что фасетированные топоры характерны для культуры шаровидных амфор и прикарпатской маршвитской культуры¹⁵¹.

Некоторое сходство с калужским, пензенским и араслановским топорами имеют топоры из Куйбышевской обл.¹⁵² Один из них — клевцевидный — В. А. Городцов относит к фатьяновской культуре¹⁵³, а другой¹⁵⁴ Ю. В. Сафронов сближает с кавказскими поздними топорами и топорами из Бородинского клада, датируя их XIV—XIII вв. до н. э.¹⁵⁵ Близкими араслановскому, пензенскому и калужскому топорам являются топоры из курганов у сел Большие Верхи и Надеждино-Куракино Пензенской обл.

Сходство этих топоров с лопастными заставляет предполагать их распространение не раньше XVI в. и не позднее XIII в. до н. э.

Пестиковые топоры (рис. 24). Пестиковый тип каменного сверленного топора-молотка был выделен впервые В. А. Городцовым¹⁵⁶. Он считал возможным отнести его к фатьяновским топорам¹⁵⁷, хотя в его время они почти не были известны на территории распространения фатьяновской культуры.

Пестиковые топоры характеризуются ярко выраженным пестиковым обухом с грибовидной головкой, наклоненной внутрь (рис. 24, 12—14). Все стороны выпуклы. Их найдено немного,

¹⁴⁶ Там же, стр. 85, табл. 88. Топор из Райгорода Черкасской обл. Украины (Киевский исторический музей, № 362).

¹⁴⁸ Колл. Вильнюсского гос. исторического музея.

¹⁴⁹ M. Soltikowska-Godłowska. Schnurkeramische Kultur im Schlesien. «Archaeologia Polona», t. VII, Warszawa, 1967, str. 201, tabl. 1.

¹⁵⁰ Там же.

¹⁵¹ А. Аугард. Указ. соч., стр. 77, табл. 81—82.

¹⁵² Там же, стр. 77, табл. 82; В. А. Городцов. Культуры бронзовой эпохи в Средней России, стр. 19, рис. 10.

¹⁵³ А. Аугард. Указ. соч., стр. 77, табл. 81.

¹⁵⁴ Ю. В. Сафронов. Доклад на секторе неолита и бронзы ИА АН СССР в 1966 г. Архив ИА АН СССР.

¹⁵⁵ В. А. Городцов. Культуры бронзовой эпохи в Средней России, стр. 21, 22.

¹⁵⁶ Там же.

¹⁴⁶ Z. Krzak. Указ. соч.

¹⁴⁷ А. Аугард. Указ. соч., стр. 16, рис. 5.

Рис. 22. Фатьяновские каменные сверленные топоры-молотки

1—2 — клиновидные (Липецкая обл.); 3—4 — молотковидные (Великосельский могильник); короткообушковые: 4 — Олочинский могильник, 5 — Фатьяновский могильник; 6 — Наумовский могильник; 7 — Тимофеевский могильник; среднеобушковые: 8 — Ярославская обл.; 9 — г. Загорск; длиннообушковые: 10 — Тургиновский могильник; 11 — Никульцинский могильник; 12 — Наумовский могильник; обушковые грибовидные: 13 — Тургиновский могильник; втульчатые: 14 — Вауловский могильник; 15 — с. Зимница; 16 — г. Москва

но все же они встречаются на всей территории распространения фатьяновской культуры.

Пестиковые топоры встречены в Костромской (2), Горьковской (3) областях и Чувашской АССР (4), в остальных районах — по одному экземпляру. Больше всего этих топоров найдено на Средней Волге (12 экз. и 5 обломков)¹⁵⁸. Все они обнаружены в Правобережье. Среди них есть топоры с начатками сверлины, что свидетельствует о местном производстве пестиковых топоров. Наибольшее количество пестиковых топоров найдено в восточной части фатьяновской ойкумены.

Вряд ли можно согласиться с ранней датой этих топоров, как это считают А. Я. Брюсов¹⁵⁹, А. Х. Халиков¹⁶⁰ и А. Эрупеус¹⁶¹. Во-первых, находки их в Печорском крае в погребении с абашевскими вещами¹⁶², в Вологодской и Архангельской областях свидетельствуют об их позднем времени. Во-вторых, обломок пестикового топора найден в стоянке подборнинского (Поздняковского) времени¹⁶³, и один обломок обнаружен в Богоявленской стоянке Угличского р-на вместе с сетчатой керамикой¹⁶⁴. Уже этого достаточно для вывода об их позднефатьяновском времени. Кроме того, грибовидное оформление головки топора появляется и в Западной Европе, и в Прибалтике в более позднее время¹⁶⁵.

Мы не можем согласиться с мнением, что эти топоры не относятся к фатьяновской культуре¹⁶⁶, так как пестиковый топор найден в фатьяновском могильнике в г. Ярославле вместе с фатьяновским кремневым клиновидным топором¹⁶⁷. Пестиковые топоры встречаются в Причерноморье и в лесостепной части СССР и на Северном Кавказе, но они и по размерам, и по форме иные, чем фатьяновские. Они также датируются около середины II тысячелетия до н. э. Фатьяновские пестиковые топоры скорее всего связаны с западом, чем с югом. Возможно, это боевые топоры, а может

быть, правы некоторые исследователи, относящие их к фаллическому культу.

Рассмотрев все основные типы каменных сверленных топоров-молотков, их формы и территорию распространения, мы видим, что они отличаются от топоров культуры шнуrowой керамики Западной Европы. Только один тип топора — коротколопастный — присущ всем культурам боевых топоров (тип А₁ по Глобу), а остальные имеют только частичное сходство, и сравнивать их с фатьяновскими нельзя. В фатьяновской культуре выработались свои формы топоров, как, например (рис. 23): длиннолопастные (рис. 23, 5—9), ромбические усеченные (рис. 23, 3), ромбические узкообушковые (рис. 23, 4), обушковые грибовидные (рис. 22, 15) и другие, которые в других культурах не встречаются. Анализ типологии топоров показал, что в различных группах памятников фатьяновской культуры имеются свои излюбленные формы топоров, как, например: в московско-клязьминской группе — ромбические усеченные и ромбические узкообушковые. Они картографируются очень четко и за пределы территории группы не выходят, а если встречаются отдельные экземпляры, то они при учете других данных дают яркую картину связей или передвижений фатьяновских племен. Так, например, коротколопастные, втульчатые и изогнутые топоры встречаются только в юго-западной, южной и восточной частях территории московско-клязьминской группы. Длиннолопастные топоры в основном распространяются в Калининской, Ярославской областях, на севере Московской, западе Ивановской и Костромской областей. Клиновидные топоры в огромном количестве встречаются в Прибалтике и в Западной Белоруссии, тогда как на территории распространения фатьяновской культуры они редки. По распространению типов топоров можно судить не только о связях отдельных фатьяновских групп или родственных племен культур боевых топоров Прибалтики, Приднестровья и Прикарпатья, но и о путях передвижения племен. Изучение фатьяновских топоров показывает, что чем дальше на восток от Ивановской, Костромской, Владимирской и Рязанской областей, тем чаще в топорах наблюдается тенденция к их «перерождению», «изживанию», а также измельчанию, что может быть объяснено только более поздним временем их распространения на восточной территории (Горьковской, Кировской и др. областей). В Горьковской, на востоке Костромской, в Ивановской, Кировской областях, в Чувашии и на Левобережье Средней Волги все меньше и меньше тех изящных и прекрасных форм каменных топоров-молот-

¹⁵⁸ А. Х. Халиков. Среднее Поволжье в эпоху камня и бронзы, т. II.

¹⁵⁹ А. Я. Брюсов, М. П. Зиминая. Каменные сверленные боевые топоры..., стр. 28.

¹⁶⁰ А. Х. Халиков. Среднее Поволжье в эпоху камня и бронзы, т. II.

¹⁶¹ А. Эрупеус. Указ. соч., стр. 13—15.

¹⁶² Буров. Памятники культуры Коми АССР. Сыктывкар, 1959, стр. 43, рис. 3; см. также журнал «Вопросы археологии Урала», вып. 1. Свердловск, 1961.

¹⁶³ O. Bahder. Kulturen der Bronzezeit in Zentralrussland. Helsinki, 1957, str. 35, tabl. 6.

¹⁶⁴ Колл. ГИМ (из раскопок М. В. Фехвер в 1955 г.).

¹⁶⁵ Колл. Института истории АН Эст.ССР (Таллин).

¹⁶⁶ А. Я. Брюсов, М. П. Зиминая. Каменные сверленные боевые топоры..., стр. 27.

¹⁶⁷ Колл. Ярославского музея-заповедника, № 7032.

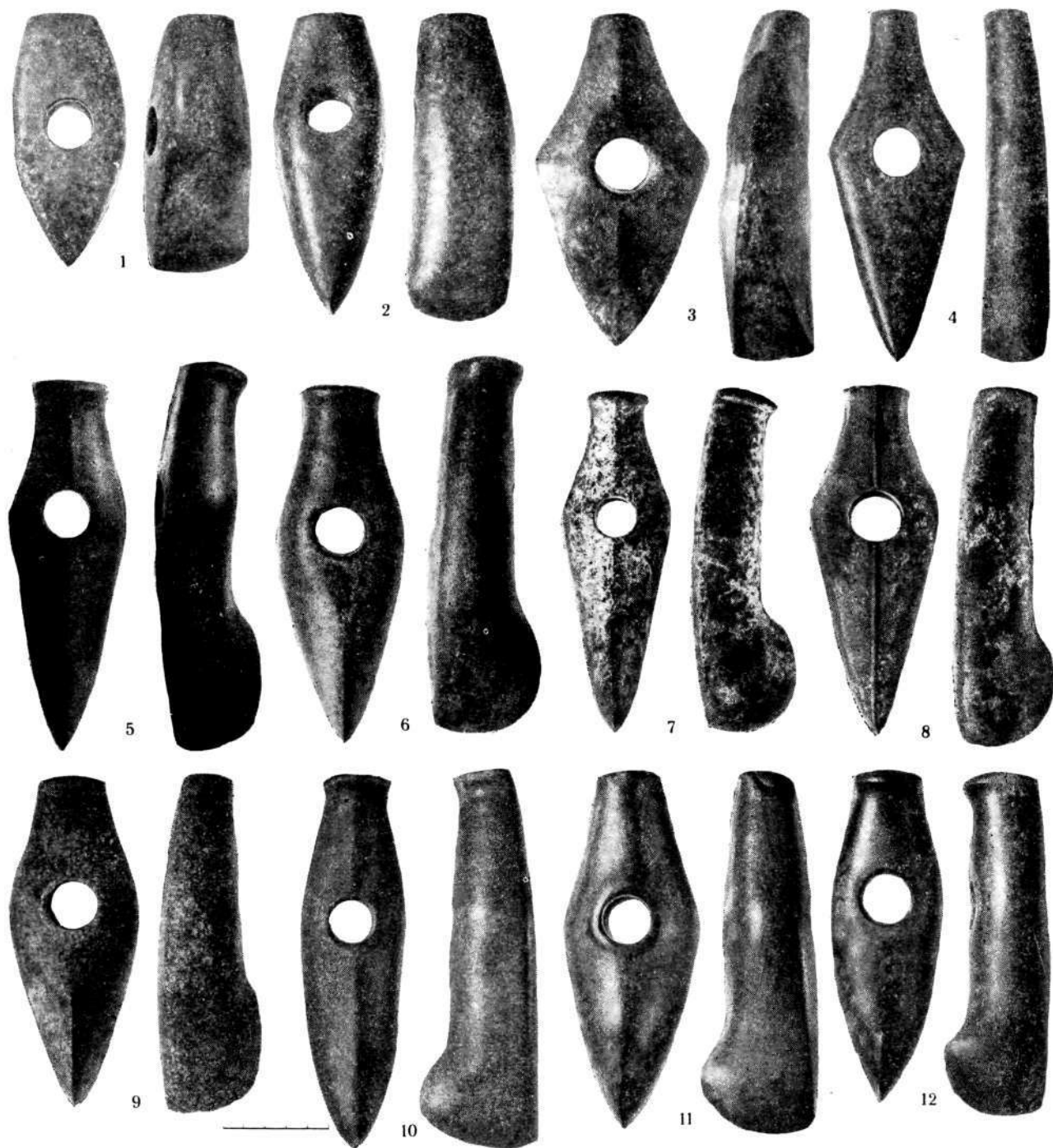

Рис. 23. Фатьяновские каменные сверленные топоры-молотки

Усеченно-конические: 1 — Волосово-Даниловский могильник; 2 — Тимофеевский могильник; ромбические усеченные: 3 — д. Борисовское; ромбические узкообушковые: 4 — ст. Малаховка; длиннолопастные: 5 — Волосово-Даниловский могильник; 6 — Наумовский могильник; 7 — Никульдинский могильник; 8 — Голузинский могильник; 9 — Наумовский могильник; коротколопастные: 10 — с. Курман; 11 — Московская обл.; 12 — д. Лукино

ков, какие наблюдались в Калининской, Московской, Ярославской, Калужской, Брянской и других областях. Это изживание изящных боевых топоров можно объяснить завоеванием территории и оседанием здесь, а также появлением нового более грозного металлического оружия (вислобушных топоров и медных копий). Отмечаемое измельчание топоров, особенно в Кировской обл., идет, по-видимому, за счет уменьшения числа боевых каменных топоров и увеличения рабочих топоров.

Если в московских памятниках боевые сверленные топоры встречаются, как закон, в каждой мужской могиле, а иногда и в женской, то в восточных фатьяновских памятниках эта картина резко изменяется, в некоторых могильниках они встречаются не в каждой могиле (Горинский, Скомороховский и др.). В Балановском могильнике топоры почти совсем исчезают. На 117 погребений найдено всего пять топоров-молотков¹⁶⁸. Что касается распространения тех или иных форм топоров во времени, то этот вопрос сейчас очень трудно разрешить окончательно. В могильных комплексах московско-клязьминской и верхневолжской групп встречаются топоры всех форм одновременно, что затрудняет решение вопроса, но по некоторым могильникам намечается закономерность встречаемости определенных типов топоров. Например, в поздних могильниках московско-клязьминской группы (Истринском, Вереysком, Николо-Перевозском, Буньковском и Ошурковском и др.) встречаются главным образом простые формы топоров (молотковидные, коротко-обушковые, обушковые и усеченно-обушковые). Распространение большого количества топоров этих типов на востоке с признаками вырождения приводит к выводу об их позднем времени.

Можно полагать, что наиболее древней формой были простые колунообразные и клиновидные сверленные топоры, возникшие из простого каменного клина. Подобные топоры встречены в памятниках III тысячелетия до н. э. на западе нашей страны. На их древность указывают В. А. Городцов¹⁶⁹, А. Я. Брюсов¹⁷⁰ и другие

исследователи. Клиновидный топор, появившись как рабочий, стал видоизменяться в боевой топор во время «экспансии» культур боевых топоров. Только передвижениями племен на чужую территорию и можно объяснить быстрое развитие разнообразных изящных форм боевых топоров-молотков, как, например: лопастные, разные, обушковые, изящные, ромбические, пестиковые, грибовидные и т. д. Сложные формы боевых топоров могли возникнуть только в процессе столкновения с враждебными племенами, когда необходимо стало более совершенное оружие.

Вряд ли можно согласиться с рядом исследователей, утверждающих, что многие изящные формы каменных боевых топоров-молотков с хордами возникли под влиянием металлических топоров. Скорее всего многие формы металлических топоров возникли как подражание каменным топорам (Ходосовичи; И. И. Артеменко). Что касается так называемых нервюр или хорд, то их возникновение никак нельзя связывать с «литейным швом». Они могли возникнуть вследствие техники изготовления топоров (ребро), а потом перешли в украшение.

По-видимому, развитие разнообразных форм боевых топоров и их совершенствование падают на расцвет фатьяновской культуры. Они были нужны как грозное боевое оружие при вторжении на чужую, враждебную территорию. Только когда фатьяновские племена продвинулись далеко на восток в Вятско-Ветлужское междуречье и на Среднюю Волгу и закрепились на этой территории, обжились здесь и стали оседлыми, каменные сверленные топоры начинают вырождаться. Как боевое оружие они отходят на второй план. Появляются в достаточном количестве металлические вислобушные топоры — более грозное оружие. Вероятно, этим и объясняется вырождение разнообразных форм каменных топоров.

Каменные топоры остаются в обиходе как рабочие топоры, применяемые для различных хозяйственных работ, в том числе и для измельчения медной руды. На многих топорах Вятско-Ветлужского междуречья имеются следы от ударов и на лезвии, и на обушке. Об этом же свидетельствует и увеличение к востоку находок обломков топоров. Особенно много их в Вятско-Ветлужском междуречье.

Кремневые орудия

Кремневые орудия фатьяновской культуры имеют однообразный характер по сравнению с кремневым инвентарем неолитических поселе-

ний. Вероятно, это обстоятельство объясняется только тем, что погребальный инвентарь не отображает действительного положения фатьянов-

¹⁶⁸ О. Н. Бадер. Балановский могильник, стр. 180—181.

¹⁶⁹ В. А. Городцов. Культуры бронзовой эпохи в Средней России, стр. 10.

¹⁷⁰ А. Я. Брюсов, М. П. Зимица. Каменные сверленные боевые топоры..., стр. 23—24.

ской кремневой индустрии. Каменные, кремневые и костяные орудия фатьяновцев поражают своим совершенством и высокой техникой выделки. Отсутствие мест поселений не позволяет восстановить полную картину производства орудий труда. В погребениях почти совсем нет нуклеусов и не отображена техника производства кремневых изделий, но из этого вряд ли можно сделать вывод о второстепенной роли кремневых орудий в хозяйстве фатьяновских племен. В основном в погребениях обнаружены только шесть видов орудий из кремня. Это — клиновидные топоры с заполировкой, наконечники дротиков и стрел, всевозможные ножи на пластинах, скребки на отщепах, пластинки и проколки. Повидимому, эти шесть видов кремневых орудий были наиболее важными в хозяйстве фатьяновцев. Они охватывают разнообразные работы, где нужно — рубить, резать, скрести, прокалывать, скоблить. Почти полное отсутствие охотничьего и рыболовческого инвентаря указывает на подсобное значение охоты и рыболовства. Отрицать их существование нельзя, так как в некоторых погребениях встречены кости диких животных и рыб.

Из кремневых орудий в погребениях чаще всего встречаются следующие типы: кремневые клиновидные топоры и тесла, наконечники дротиков, наконечники стрел, кремневые ножи всевозможных форм на пластинах и отщепах, остро-конечники, кремневые скребки, проколки, отщепы и осколки, нуклеусы карандашевидные, микропластинки, заготовки орудий. Как видно из перечня, почти все основные орудия присутствуют в могильниках.

Кремневые клиновидные топоры, так же как и каменные сверленные топоры-молотки, считаются одними из наиболее характерных орудий фатьяновской культуры. Значение клиновидных кремневых топоров в жизни фатьяновских племен подтверждается их присутствием почти в каждом погребении, как в мужском, так и в женском. В детских погребениях они встречаются реже, а если встречаются, то только игрушечные — маленькие. Следует особо отметить, что эти топоры характерны для всех культур с боевыми топорами, распространявшихся главным образом в лесной и лесостепной географических зонах. В степи они отсутствуют. Это объясняется тем, что топоры служили орудиями для обработки дерева и могли развиваться только в лесной зоне. Как мы увидим ниже, этот фактор является одним из главных аргументов против теории происхождения культур с боевыми топорами из степных — ямной и катакомбной. На первый взгляд, фатьяновские кремневые клинья представляют собой простые орудия одинаковой формы и одинакового назначе-

ния, но это далеко не так. При внимательном рассмотрении из них можно выделить орудия разнообразных форм и разного назначения — топоры, долота, тесла, клинья, стамески и т. д.

Клиновидные топоры, появившись в мезолите и неолите, в эпоху бронзы получают очень широкое распространение особенно в лесной зоне, а в культурах боевых топоров они были одними из главных орудий труда. Отсюда и возникает важность их тщательного изучения не только со стороны техники изготовления, формы, функционального назначения, но и со стороны распространения во времени и пространстве, определения культурной принадлежности, этнографических различий и т. д.

В связи с этим приобретает значение их типологизация. В. А. Городцов разделил фатьяновские клиновидные несверленные топоры на два типа: долотовидный и пальштабовидный¹⁷¹, отметив при этом, что в области распространения фатьяновской культуры топоры долотовидного типа встречены всюду и в значительном числе. Однако, писал он далее, долотовидные топоры не могут служить датирующим материалом, так как среди них трудно выделить ранние и поздние экземпляры, потому что фатьяновские долотовидные топоры не отличаются от ранних неолитических и повсюду имеют в общих чертах одинаковые примитивные формы¹⁷². Вместе с этим В. А. Городцов не исключал их разнообразие и считал необходимым их более детальное изучение¹⁷³. Мы впервые начали всестороннее изучение этих топоров, которое позволило разделить клиновидные кремневые топоры на несколько типов, отличающихся друг от друга по форме и другим признакам.

О. Монтелиус в основу деления клиновидных топоров Скандинавии взял только один признак, а именно форму обуха. Он выделил три типа: острообушковый, тонкообушковый и толстообушковый¹⁷⁴. Для нас вряд ли может быть принята такая классификация.

В основу своей периодизации мы берем не один признак, а несколько, так как только одна форма обуха недостаточна для выделения типов. Основными признаками являются: внешняя форма *en face* (прямоугольная, квадратная, трапециевидная, треугольная и пр.), толщина обуха (тонкообушный, среднеобушный, толстообушный), поперечное сечение (прямоугольное, овальное, липзовидное и пр.), ширина лезвия

¹⁷¹ В. А. Городцов. Культуры бронзовой эпохи в Средней России, стр. 24.

¹⁷² Там же.

¹⁷³ Там же.

¹⁷⁴ Г. Чайлд. У истоков европейской цивилизации, стр. 247—248, рис. 86.

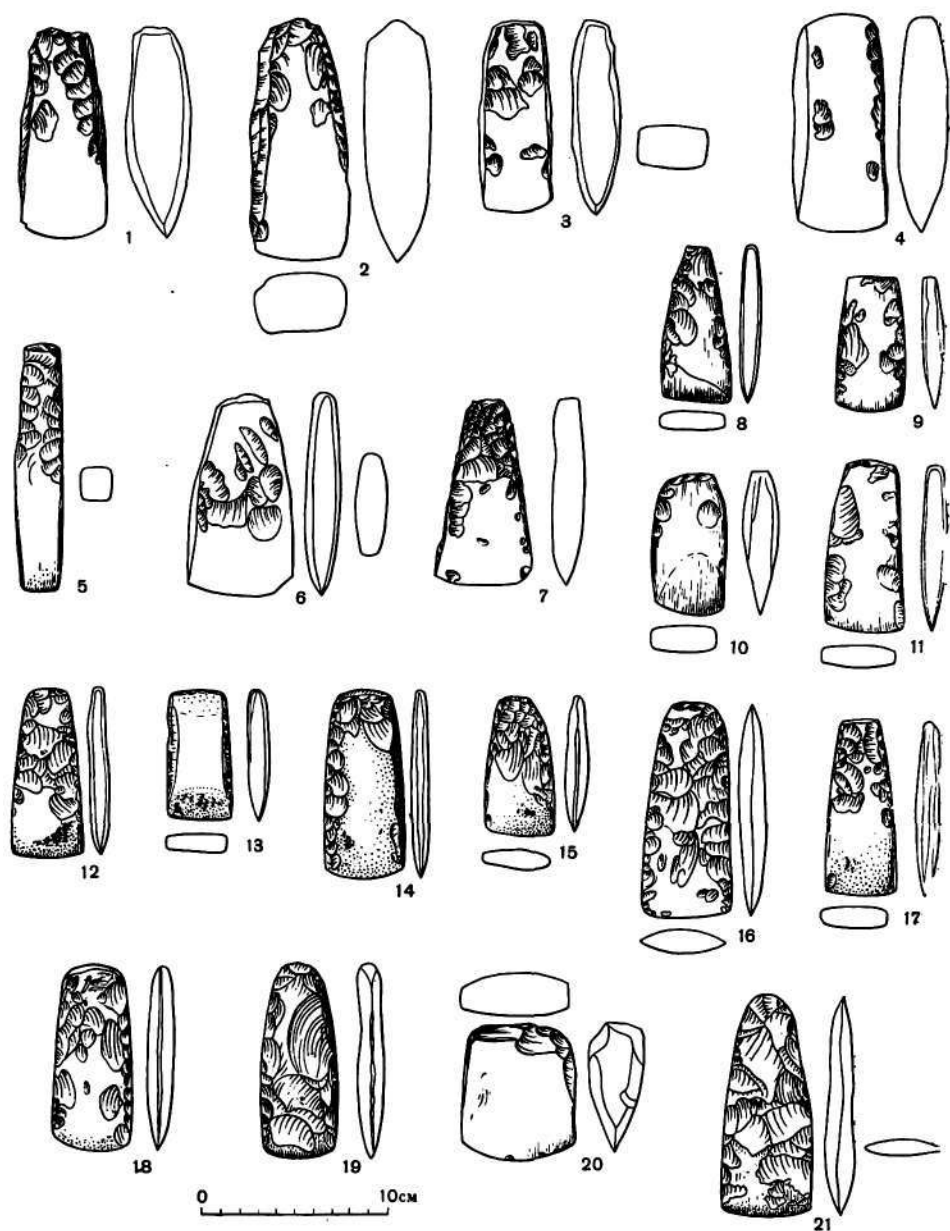

Рис. 24. Основные типы кремневых клиновидных топоров

1 — K₁; 2 — K₂; 3—4 — K₃; 5 — K₄; 6—7 — K₅; 8 — K₆; 9—10 — K₇; 11—12 — K₈; 13 — K₉; 14, 15, 17 — K₁₀; 16, 21 — K₁₁; 18 — K₁₂; 19 — K₁₃; 20 — K₁₄

(широколезвийный, среднелезвийный, узколезвийный), ширина обуха (широкообушковый, узкообушковый). Принимаются во внимание и другие признаки, как то: полная или частичная заполировка, следы оббивки по краям, вторичная заточка лезвия и др. Главными признаками при выделении и названии типа мы определили внешнюю форму, толщину обуха и поперечное сечение. Только совокупность всех этих призна-

ков и позволила нам произвести разбивку топоров на 14 основных типов (рис. 24).

Возможно, что мы увеличили число типов, но это вызвано тем, что каждый выделенный нами тип ложится в определенных временных и пространственных рамках, что в свою очередь имеет значение, как мы увидим ниже, для выяснения хронологии и периодизации фатьяновской культуры, а также и вопроса ее происхождения.

Рассмотрим каждый тип в отдельности.

Тип 1 — трапециевидный, широкий, толстообушковый, с прямоугольным сечением (рис. 24, 1). Топоры эти отличаются трапециевидной формой *en face*, широким и толстым обушком с прямым срезом. Сечение прямоугольное. Эти топоры очень редки. В основном они найдены на территории распространения памятников московско-клязьминской группы. Их единичные экземпляры встречены в Милославском могильнике Ивановской обл. и в Вязьниковском р-не Владимирской обл., что следует рассматривать как результат передвижения фатьяновских племен на восток.

В поздних памятниках верхневолжской и средневолжской групп подобные топоры не встречаются. Они, по-видимому, датируются ранним временем. Они обнаружены и в ранних могильниках верхневолжской группы (Голузинском, Милославском), датируемых нами второй четвертью II тысячелетия до н. э.

Сосредоточие их в Брянской, Орловской, Калужской, Московской и Смоленской областях свидетельствует о более ранней датировке фатьяновских памятников этой территории.

Наибольшая концентрация топоров подобного типа наблюдается в Белоруссии¹⁷⁵ и Литве¹⁷⁶. В коллекциях Каунасского и Вильнюсского музеев их насчитывается свыше сотни.

Необходимо заметить, что в Латвии встречено всего несколько топоров такого типа — и то в районах, прилегающих к Литве и Белоруссии. На территории Эстонии они не встречаются. На Волинии и в Прикарпатье обнаружены толстообушные клинья, но они отличаются несколько иной техникой обработки¹⁷⁷.

Тип 2 — трапециевидный, узкий, толстообушковый, с прямоугольным сечением (рис. 24, 2). Эти топоры отличаются от типа 1 менее широким обушком по сравнению с общим видом топора и меньшей шириной. Они встречаются только на территории распространения памятников московско-клязьминской и окско-деснинской групп — и то в их юго-западной и южной частях. Топоры этого типа найдены и в могильниках (Михеевском, Луцинском и др.) вместе со сверленными топорами коротколопастного типа.

На территории распространения верхневолж-

ских и средневолжских фатьяновских памятников эти топоры не встречаются. Они, так же как и топоры первого типа, концентрируются в Белоруссии, Литве, Прикарпатье и на территории распространения днепро-деснинских памятников среднеднепровской культуры¹⁷⁸.

Тип 3 — подпрямоугольный, широкий, толстообушковый, с прямоугольным сечением (рис. 24, 3, 4). Некоторые топоры прямоугольные *en face*, а некоторые слегка трапециевидны, близки к прямоугольным. Размеры топоров небольшие. Встречаются они также только на территории распространения памятников московско-клязьминской группы. В погребальных комплексах топоры этого типа найдены в Кузьминском (погребение № 3) и в Михеевском могильниках. Они распространяются на той же территории, как и предыдущие типы клиновидных топоров, т. е. на Десне, в Прикарпатье, в Литве и Белоруссии.

Тип 4 — прямоугольный, узкий (стамесковидный), толстообушковый и среднеобушковый, с прямоугольным сечением (рис. 24, 5). Это скорее не клинья, а долотца или стамески. Большая часть имеет заполировку только лезвия. На территории фатьяновской культуры они встречаются очень редко — и то только в Калужской и на юге Московской обл. Один экземпляр найден в Михеевском могильнике вместе со шнуровой керамикой и коротколопастным топором¹⁷⁹. Подобные стамесковидные клинья обнаружены в среднеднепровской культуре¹⁸⁰, в Белоруссии¹⁸¹, Литве¹⁸² и на юге Латвии¹⁸³. В большом числе они найдены в Прикарпатье¹⁸⁴. Кстати, здесь они открыты в культуре с волыно-подольскими амфорами и датируются концом III и началом II тысячелетия до н. э. Подобные стамесковидные клинья часто встречаются на территории культуры шаровидных амфор¹⁸⁵. Некоторые исследователи считают, что эти клинья относятся к культуре шаровидных амфор. Если это так, то по находкам подобных клиньев можно проследить передвижения племен культуры шаровидных амфор.

Тип 5 — трапециевидный, широкий, среднеобушковый, с прямоугольным сечением (рис. 24, 6, 7). Топоры этого типа имеют трапециевид-

¹⁷⁵ Колл. Пивского музея — 8 экз. См. также: Ю. В. Кухаренко. Указ. соч., табл. XI; колл. Гродненского музея.

¹⁷⁶ Колл. Каунасского и Вильнюсского музеев. Среди коллекций много топоров и из Западной Белоруссии.

¹⁷⁷ F. Matiejewsky. *Materiały starożytne z Powiatu Znińskiego. «Materiały Starożytne», t. III. Warszawa, 1962, tabl. VI, 1, 3; XXII, 15; J. Glossik. Wołyńsko-Podolskie Materiały z epoki kamienia wstępnego Muzeum archeologicznego. Warszawa, tabl. XXIII, 8, 6.*

¹⁷⁸ Вщиж-Белынец и Пагар; колл. ГИМ и Брянского обл. музея. Найдены в Гомельской обл.

¹⁷⁹ Д. А. Крайнов. Памятники фатьяновской культуры. Московская группа, табл. IV.

¹⁸⁰ Колл. Могилевского, Минского, Брянского музеев.

¹⁸¹ Колл. Каунасского музея.

¹⁸² Колл. Вильнюсского и Каунасского музеев.

¹⁸³ Колл. Рижского исторического музея.

¹⁸⁴ Колл. Львовского исторического музея, № А-1539; см. также: J. Glossik. Указ. соч., табл. IV, 3; VI, 3; X, 1; XV, 9; XVII, 1, 4; XXIII, 1, 3, 8 и др.

¹⁸⁵ M. Gimbutas. *The Prehistory of Eastern Europe. Cambridge, 1956, p. I, Bd. 20.*

ную форму en face и отличаются широким обушком средней толщины, размерами и формой. Одни имеют нормальные лезвия, а другие — расширенные. Однако, несмотря на различия, их можно разбить только на два подтипа: 5₁ и 5₂.

Подтип 5₁ — (рис. 24, 6). Почти все топоры имеют вторичную подправку лезвия. Некоторые из них имеют полную заполировку со вторичной заточкой лезвия, а часть заполирована только около лезвия. Изменение в заполировке клиновидных топоров и появление вторичной заточки свидетельствуют о более позднем бытовании этих топоров.

По сравнению с первыми четырьмя типами они имеют большее распространение, но также характерны для московско-клязьминской группы памятников и непосредственно развиваются из трапецевидных толстообушных. Больше всего их встречено в Московской обл., в основном в могильниках с погребальными комплексами. Эти топоры следует отнести ко времени расцвета московских памятников. В ярославских памятниках они обнаружены только в ранних могильниках: в Воронковском, Голузинском, Наумовском и Никульцинском, опять-таки в близких к московским памятникам. Среднеобушковые топоры средних и крупных размеров с хорошей шлифовкой встречены в значительном числе на Средней Волге в бассейне р. Свияги¹⁸⁶.

Эти топоры на Свияге локализируются на одной территории с коротколопастными сверленными топорами. Клиновидные топоры подтипа 5₁ — встречаются и на территории среднеднепровской культуры¹⁸⁷. Особо следует отметить находку клада в Орловской обл., состоящую из клиновидных топоров этого подтипа¹⁸⁸. Находки из Брасовского могильника, а также рязанские можно связать со свияжскими, что вновь подтверждает передвижение балановских племен по Оке и Мокше на Свиягу.

В Белоруссии¹⁸⁹, Литве¹⁹⁰, Латвии¹⁹¹, Новгородской обл.¹⁹² топоры этого типа встречаются в значительно меньшем числе, чем толстообушные. В Прикарпатье они тоже редки.

Подтип 5₂ — трапецевидный, широкий, среднеобушковый, широколезвийный, с прямоугольным сечением (рис. 24, 7).

¹⁸⁶ А. Х. Халиков. Балановские памятники в Татарии. КСИА, вып. 97, 1964, стр. 55—57, рис. 17, 2, 5, 6; 18.

¹⁸⁷ И. И. Артеменко. Неолитические стоянки и курганы эпохи бронзы... стр. 34, рис. 1, 13; стр. 40, рис. 5, 16; см. также колл. Брянского музея из Белых Берегов Брасовского могильника и из других мест.

¹⁸⁸ Б. Г. Тихонов. Новогеоргиевский клад клиновидных топоров. СА, 1963, № 2, стр. 242—246.

¹⁸⁹ Ю. В. Кухаренко. Указ. соч., табл. XI, 2, 4, 8; см. также: колл. Гродненского и Вильнюсского музеев.

¹⁹⁰ Колл. Каунасского и Вильнюсского музеев.

¹⁹¹ Колл. Рижского исторического музея.

¹⁹² Колл. Эрмитажа (из могильника у с. Вронницы).

От предыдущего подтипа он отличается расширенным лезвием. Самые большие топоры происходят с территории среднеднепровской культуры. Срезы обушков овальные, прямые и косые. Очень часто верхняя часть менее заполирована, чем нижняя. Они встречаются редко и главным образом по Десне. В Калужской области они найдены в Михеевском могильнике вместе с коротколопастными топорами. Обнаружены они и в памятниках среднеднепровской культуры¹⁹³, а также в культурах шнуровой керамики на территории ГДР.

Тип 6 — трапецевидные, узкие, среднеобушковые, с прямоугольным сечением (рис. 24, 8). Близки к подтипу 5₁, но имеют более узкую обушковую часть. Часто у них тщательно заполировано только лезвие, на котором видна вторичная заточка. На верхней части топоров и по бокам — следы выбоин от первичной обработки.

Топоры этого типа также немногочисленны. Они встречаются в основном на территории распространения памятников московско-клязьминской группы. Основная масса их обнаружена в могильниках Московской и Калининской областей. Отдельные экземпляры встречены в Ивановской, Рязанской и Брянской областях, а также и на Свияге¹⁹⁴. В Белоруссии и Прибалтике они крайне редки.

Тип 7 — подпрямоугольный, среднеобушковый и тонкообушковый, с прямоугольным сечением (рис. 24, 9, 10).

Размеры этих топоров различны. Они немногочисленны. Встречаются на территории московско-клязьминской, верхневолжской и средневолжской групп. Вероятно, появление их в могильниках верхневолжской группы (Вауловском, Воронковском и Голузинском) — доказательство их сравнительно позднего времени.

Тип 8 — трапецевидный, широкий и узкий тонкообушковый, с прямоугольным сечением (рис. 24, 11—12).

Эти топоры трапецевидной формы, и широкие, и узкие, мы объединили в один тип. Все они имеют тонкий, иногда острый обушок. Срез обушка или выпуклый, или прямой; широкий или узкий. Поперечное сечение прямоугольное. Размеры различны. Все лезвия этих топоров имеют вторичную заточку и очень хорошо заполированы. Этот тип топоров можно назвать ярославским. Он встречается на всей территории фатьяновской культуры.

¹⁹³ Колл. Болховского музея (с. Городище Болховского р-на Орловской обл.); А. А. Спицын. Новые сведения о медном веке в Средней и Северной России. ЗОРСА РАО, т. VII. СПб., 1905, стр. 75, рис. 9 (с. Дроново Брянской обл.).

¹⁹⁴ А. Х. Халиков. Балановские памятники в Татарии, стр. 56, рис. 17, 2, 3.

Подобные топоры найдены и в могильных комплексах (Протасовский могильник, Велюковосельский, Говядиновский, Воронковский, Фатьяновский, Никитинский, Тимофеевский, Жилкинский, Горкинский, Кривцовский, Ильинско-Хованский, Сушецкий и пр.). Поскольку данный тип топоров встречен почти во всех основных могильниках верхневолжской группы, то мы его относим к ярославскому классическому времени развития фатьяновской культуры. Топоры этого типа являются переходными к линзовидным топорам. Отмечается сходство клиньев Говядиновского, Тимофеевского и Вауловского могильников. Все они трапецевидные, узкие, тонкообушковые. Также следует отметить, что топоры Ивановской обл. меньше по размерам, чем ярославские и московские.

Тип 9 — подпрямоугольный, тонкообушковый, с прямоугольным сечением (рис. 24, 13).

Топоры близки к подпрямоугольным среднеобушковым, но размеры их меньше. Встречаются они редко. Самые меньшие по размерам — это топоры из Горкинского могильника Ивановской обл. и из Рязанской обл.

Тип 10 — прямоугольные, треугольные и трапецевидные, тонкообушковые и среднеобушковые, линзовидные и подлинзовидные (рис. 24, 14, 15, 17).

Эти топоры являются переходными формами к топорам с линзовидным сечением. Их формы *en face* различны. Поперечное сечение также разное: подлинзовидное, трапецевидное, полولينзовидное и пр. Встречаются они в поздних могильниках Калининской, Ярославской и Ивановской областей. В последней их больше всего. Подобные топоры найдены и в Балановском могильнике¹⁹⁵, но они здесь меньших размеров.

Тип 11 — трапецевидный, узкий и широкий, тонкообушковый, с линзовидным сечением (рис. 24, 16, 21). Среди них есть две формы: с узким верхним основанием и с широким. Самым характерным для них является линзовидное поперечное сечение. Размеры топоров различны. Они имеют более широкое распространение на территории фатьяновской культуры, чем другие. Наибольшее число этих топоров встречается в Московской, Ярославской, Калужской, Ивановской и Владимирской областях. Они найдены в поздних фатьяновских могильниках. Следует отметить, что у многих топоров этого типа боковые и часть широких сторон не заполированы. Фасетки (углубления) от оббивки остались. Особенно часто они встреча-

ются на клиньях из Дегчинского, Буньковского, Истринского и Верейского могильников. Топоры данных могильников имеют не только одинаковую обработку, но и одинаковые формы. Сходны с этими топорами и клинья из Тимофеевского могильника. Надо отметить, что чем дальше на восток от Московской обл., тем клинья становятся мельче. Это измельчение идет за счет появления небольших топориков в детских погребениях и за счет общего измельчения. Возможно, в могилы стали класть вместо настоящих топоров — вотивные, что свидетельствует о более позднем времени этих топоров. В Воронковском могильнике в детских погребениях (11, 13) найдены заготовки трапецевидных линзовидных топоров, что является безусловным признаком вотивности.

На территории распространения средневолжских памятников и в самом Балановском могильнике часто встречается этот тип клиновидного топора¹⁹⁶. Найдены подобные топоры и в памятниках среднеднепровской культуры¹⁹⁷, в большинстве своем также в поздних погребальных комплексах. Реже, чем на территории фатьяновской культуры, они встречаются в Прибалтике, Белоруссии и Прикарпатье. Повидимому, линзовидные топоры развиваются на поздней ступени культур с боевыми топорами.

Тип 12 — подпрямоугольный, тонкообушковый, с линзовидным сечением (рис. 24, 18). Эти топоры отличаются от предыдущих своей прямоугольной формой. У них обушок и лезвие почти одинаковы по размерам. Обушок топоров утолщен по сравнению с предыдущим типом. Сечение линзовидное, размеры разные.

Топоры этого типа встречены только в Фатьяновском могильнике и Змеевском. Вероятно, прямоугольная линзовидная форма является этнографической особенностью Фатьяновского могильника, как треугольно-линзовидная — Вауловского. Сейчас трудно решить, что это — хронологическое или этнографическое различие, зависевшее от каких-то особых навыков в выработке и привязывании к рукоятке этих орудий.

Тип 13 — треугольный, тонкообушковый, с линзовидным сечением (рис. 24, 19). Отличается своей треугольной формой *en face*, тонким обушком и линзовидным сечением. Топоры

¹⁹⁵ О. Н. Вадер. Балановский могильник, стр. 183, 184, рис. 118, 119.

¹⁹⁶ П. Д. Степанов. Ош-Пандо. Саранск, 1967, стр. 190, табл. IV, 10, 11; О. Н. Вадер. Балановский могильник, стр. 184, 185, рис. 118, 119.

¹⁹⁷ И. И. Артеменко. Неолитические стоянки и курганы эпохи бронзы..., стр. 46, рис. 10, 6; стр. 66, рис. 24, 11; стр. 69, рис. 26, 12; он же. Могильник эпохи бронзы в урочище Стрелица. «Новое в советской археологии», стр. 11, 14.

тонкие, со вторичной заточкой лезвия. Размеры различны. Топоры этого типа встречаются на всей территории фатьяновской культуры, но больше всего — в Ярославской обл. в Вауловском (6) и Фатьяновском (3) могильниках. В Калининской обл. они обнаружены в позднем Ошурковском могильнике. В Московской и Калужской областях они найдены только в поздних могильниках — Истринском, Буланинском и Детчинском. В среднеднепровских памятниках они встречаются также с поздними погребальными комплексами¹⁹⁸, найдены и на территории Чувашии в кургане Атли-Касы¹⁹⁹.

Судя по топорам этого типа, наблюдается общая тенденция не только уменьшения клиньев, но и утоньшения их на позднем этапе развития фатьяновской культуры.

Тип 14 — подквадратный, короткий (рис. 24, 20), выделен в отдельный тип, несмотря на различия у таких топоров в толщине обухов и сечения. Толстообушковые и среднеобушковые топоры в большинстве имеют прямоугольное сечение, а тонкообушковые — подлинзовидное и линзовидное сечения. Их размеры маленькие. Длина 6—8 см, форма почти квадратная.

Топоры с толстообушковым прямоугольным сечением (рис. 24, 20) найдены только в Московской обл., а в Ивановской и Горьковской областях встречаются только среднеобушковые и тонкообушковые с линзовидным и подлинзовидным сечением (рис. 25). Последние меньше размерами. Найдены они в поздних погребальных комплексах (Кривцовский и Чуркинский могильники).

Подобные топоры найдены и в Балановском могильнике, и в Таутовском на территории Средней Волги²⁰⁰. Их надо отнести ко времени изживания кремневых клиновидных топоров.

Из разбора типов клиновидных кремневых топоров фатьяновской культуры видна тенденция их развития от толстообушковых к среднеобушковым и тонкообушковым и от последних к линзовидным и коротким квадратным. По-видимому, развитие клиновидных кремневых топоров шло за счет изменения обуха, лезвия и размеров. Толстообушковые топоры всех форм концентрируются в Московской, Калужской, Брянской и Орловской областях. В значительно большем числе они встречаются в Литве, Белоруссии и Прикарпатье и почти не известны в памятниках верхневолжской и средневолжской группы.

Единичные экземпляры следует считать результатом продвижения московско-клязьминских фатьяновских племен.

Среднеобушковые топоры всех форм уже встречаются на всей территории фатьяновской культуры, включая Среднее Поволжье — район р. Свияги. Однако топоры этого типа господствуют в Московской обл. и на юге Ярославской обл., в памятниках, примыкающих к территории распространения московско-клязьминской группы. Тонкообушковые топоры разных форм концентрируются в основном в Ярославской и Ивановской областях.

Острообушковые, линзовидные топоры встречаются в поздних могильниках московско-клязьминской и в поздних могильниках верхневолжской групп. Много их в Ивановской и Горьковской областях. Господствуют они и в Балановском могильнике.

Кроме того, наблюдаются уменьшение размеров клиновидных топоров в направлении с запада на восток и потом исчезновение их и замена кельтами, что служит новым доказательством развития фатьяновской культуры в направлении с запада на восток.

Наблюдается и еще одна закономерность, подтверждающая наше положение. В ранних верхневолжских и московско-клязьминских памятниках кремневые клинья в детских погребениях — редкое явление, а в самых поздних верхневолжских и в Балановском могильнике — частое. Чем это объяснить? По-видимому, фатьяновские племена на поздней стадии, особенно на Средней Волге, перешли к оседлому мирному труду, и теперь дети должны были готовиться к трудовой жизни, а не к жизни «номада» война. Балановские топоры всегда наточены тщательно и чрезвычайно остро²⁰¹.

О большом значении этих орудий свидетельствуют и массовые находки клиновидных кремневых топоров в Литве, Белоруссии и Прикарпатье. В Литве они найдены в основном в виде ранних типов: острообушковых овальных и толстообушковых прямоугольных. Овальные острообушковые топоры являются дальнейшим развитием неолитических и мезолитических форм кремневых топоров. Потом они постепенно переходят в толстообушковые. На их боковых гранях появляются вначале узкие полоски — уплощенные, сделанные путем шлифовки, и потом они становятся шире. Дальнейшее развитие клиновидного кремневого топора идет за счет уменьшения толщины и развития лезвия с его вторичной заточкой. По-видимому, первоначальной функцией клиновидного топора было не рубить, а расщеплять. Он использо-

¹⁹⁸ И. И. Артеменко. Могильник эпохи бронзы в урочище Стрелица, стр. 62, рис. 21, 13; стр. 65, рис. 23, 11. Найдены топоры и во Вщиже. Колл. ГИМ.

¹⁹⁹ О. Н. Бадер. Балановский могильник, стр. 223, рис. 153, 5.

²⁰⁰ Там же, стр. 183, рис. 118, 3; стр. 221, рис. 151, 4.

²⁰¹ Там же, стр. 182.

Рис. 25. Кремневые клиновидные топоры

1, 3, 5, 6, 9, 11 — Волосово-Даниловский могильник; 2, 7, 13 — Тимофеевский могильник; 10 — Сущевский могильник; 12 — г. Можайск; 14 — Милославский могильник; 15—18 — Луцинский могильник

вался в качестве клина для расщепления деревьев на доски, горбыли и пр. и потом для рубки леса, домостроительства и других работ. Вероятно, этим объясняется измельчание топоров и дальнейшее развитие лезвия.

В Литве и Белоруссии найдено множество заготовок кремневых клиновидных топоров. Подобные заготовки встречены на поздненеолитических стоянках вместе со шнуровой керамикой и в шахтах по добыче кремния в Западной Белоруссии²⁰².

Эти шахты относятся ко времени развития культур боевых топоров. В них найдены каменные сверленные топоры-молотки и скорченное погребение. Большое число шахт указывает на массовое производство заготовок кремневых клиновидных топоров, на их широкий спрос, что возможно было только в период развития культур с боевыми топорами. Подобные шахты встречены на территории Польши, относимые исследователями к неолиту и к культурам боевых топоров²⁰³. Есть они и около могильника Злота и датируются тем же временем, что и могильник.

Надо отметить, что техника изготовления топоров в полесских памятниках иная, чем в Литве и Белоруссии. К этому же времени относятся клады кремневых клиновидных топоров (Прикарпатье, Орловская обл., Калужская и пр.). О ценности этих топоров свидетельствуют и факты массового нахождения топоров, на всей территории культур шнуровой керамики и боевых топоров, и обязательное присутствие почти в каждом погребении. Надо отметить, что в Литве и Западной Белоруссии основным кремневым материалом для выделки этих топоров был серо-белый кремнез, т. е. такой же кремнез, как и в шахтах. Почти все заготовки сделаны из такого же кремня. Основная масса ярославских фатьяновских клиновидных топоров также сделана из серого кремня.

Если сравнивать материалы верхневолжских могильников и московско-клязьминских, то намечаются довольно резкие различия. В верхневолжских могильниках преобладают серые тона кремня и очень редки красный, черный и розовый. В московско-клязьминской группе памятников преобладают красновато-коричневые, желтые, розовые и лиловые тона кремня. Кстати, такая же картина наблюдается в Калужской, Брянской, Орловской и Рязанской областях. На территории среднеднепровской куль-

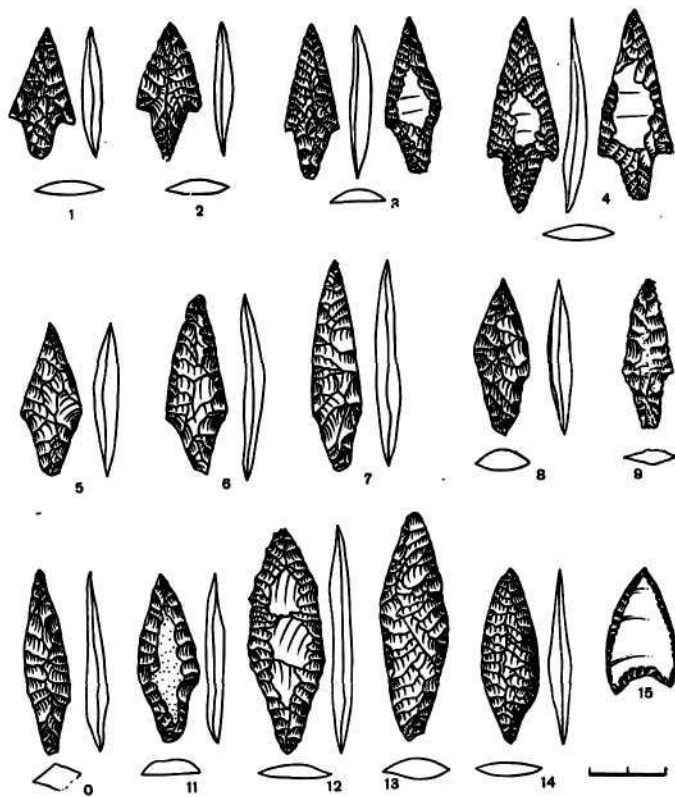

Рис. 26. Типы кремневых наконечников стрел

1—2 — Тч₁ — Истринский могильник; 3—4 — Тч₂ — Буньковский могильник; 5—7 — Тч₃ — Ошурковский могильник; 8, 10, 11 — Тургиновский могильник; 12 — Тч₄ — Детчинский могильник; 13 — Ивановогорский могильник; 14 — Московская обл.; 15 — Николо-Перевоз

туры встречаются те же тона кремня, но преобладает черный и темно-серый кремнез. В средневолжских памятниках кремнез различен, но следует отметить преобладание коричневого, красноватого и черного кремня, что указывает на связи их с московско-клязьминскими и днепро-деснинскими памятниками.

По Клязьме также встречаются топоры и кремнез, близкий к московским топорам, что служит дополнительным свидетельством движения племен на восток.

Итак, развитие кремневых клиновидных топоров подтверждает нашу точку зрения на происхождение и связи фатьяновской культуры с Приднепровьем и Понеманьем.

Кремневые наконечники стрел и дротиков (рис. 26) встречаются не во всех фатьяновских памятниках. Они характерны только для могильников московско-клязьминской группы и обнаружены в Ивановогорском, Детчинском, Истринском, Буньковском, Буланинском, Николо-Перевозском, Никульцинском, Ошурковском, Ханевском, Тургиновском и Абушковском мо-

²⁰² Н. И. Гурина. О шахтах Белоруссии. Доклад на сессии ИА АН СССР в Баку в 1965 г. Архив ИА АН СССР.

²⁰³ T. Zurowski. Krzemionki opatowskie pomnik starożytnego gornictwa. Nadwotka z Rocznika Suretok 2. Ziskiego, I, 1964.

гильниках²⁰⁴. Кроме того, наконечники стрел найдены в двух погребениях Волосово-Даниловского могильника (рис. 27, 4—8), но эти наконечники совершенно иные по форме и технике обработки, чем наконечники стрел из могильников московско-клязьминской группы.

Обращает на себя внимание тот факт, что все наконечники стрел и дротиков найдены только в мужских погребениях по несколько штук вместе, это, вероятно, свидетельствует о положении в могилу колчанов со стрелами. По-видимому, наконечники стрел и дротиков являлись одним из видов боевого оружия московско-клязьминских фатьяновских племен.

По своей форме наконечники стрел делятся на следующие типы: 1—треугольно-черешковый малый (рис. 26, 1—2); 2—треугольно-черешковый продолговатый (рис. 26, 3—4); 3—черешковый узкий (рис. 26, 5—7, 8, 10, 11); 4—листовидный продолговатый (рис. 26, 12, 13, 14); 5—треугольный (рис. 26, 15).

Все они в основном сделаны из пластинок или пластинчатых отщепов, за исключением двух листовидных наконечников листовидных в сечении из Ивановского и Детчинского могильников.

Кремень, из которого сделаны наконечники стрел, обнаруженные в могильниках московско-клязьминской группы, различен. По-видимому, кремень валунный. В одном и том же могильнике цвет кремня разный: светло-коричневый, коричневый, розовато-коричневый, розовый, темно-розовый, желтый, темно-желтый, серый, темно-серый, фиолетовый, серовато-лиловатый, красновато-розовый, черный. Все эти цвета кремня встречаются в одинаковом количестве, но все же преобладает кремень желтого и розоватого цветов²⁰⁵.

Вторичная обработка наконечников стрел, особенно из таких могильников, как Истринский и Буньковский, отличается применением прекрасной отжимной струйчато-фасеточной ретуши. Как правило, центр брюшка и спинки наконечников этих стрел остаются не обработанными ретушью. Это явление больше всего прослеживается на буньковских наконечниках стрел. Идентичная обработка подобных же наконечников стрел наблюдается и в могильниках днепро-деснинской группы (Белынец, Брасово в погребениях). Форма наконечников стрел из Буньковского и Истринского могиль-

ников отличается от формы наконечников стрел Ивановогорского и Детчинского могильников. В Детчинском могильнике наряду с черешковыми треугольными встречаются и иволистные формы наконечников стрел. В Ивановогорском все наконечники иволистные едва заметным, намечающимся черешком. В могильнике Николо-Перевоз кроме черешковых наконечников стрел найден треугольный наконечник с выемкой в основании.

Наконечники стрел из калининских могильников (Ошурковского, Тургиновского и др.) относятся к типу удлинненно-черешковых. Выше мы указывали, что наконечники стрел найдены не во всех могильниках московско-клязьминской группы, а только в тех, которые расположены ближе к памятникам днепро-деснинской группы. Это явление не случайное, а имеет под собой историческую основу. В памятниках днепро-деснинской группы (Брасово, Белынец, Мыс Очнинский, Кураки Бор и др.) найдены идентичные наконечники стрел не только по формам, но и по приемам техники обработки. Данный факт, несомненно, указывает на какую-то близость фатьяновских и днепро-деснинских памятников. Также надо отметить, что в указанных нами памятниках днепро-деснинской группы не найдены треугольные с выемкой в основании и треугольные наконечники стрел. Это также подчеркивает близость указанных выше памятников фатьяновской и среднеднепровской культур.

Наконечники стрел черешковой формы, подобные указанным выше, найдены и в других памятниках среднеднепровской культуры (Стрелица) — в верховьях Днепра, по Сожу, в Чигиринском, Черкасском и Каневском районах Киевской обл.²⁰⁶ и на территории Белоруссии и Прибалтики. Близкие наконечникам стрел из Ивановогорского могильника являются наконечники стрел из курганного могильника Ходосовичи²⁰⁷. Здесь же имеются формы черешковых стрел, идентичных детчинским. Близким ивановогорским наконечникам являются и наконечники стрел из курганного могильника Сергеева Грива²⁰⁸. Такое распространение идентичных наконечников стрел, сходных по форме и технике обработки, как и многие другие факты, отмечаемые нами при описании других фатьяновских материалов, свидетельствуют, с нашей точки зрения, не только о связях соседствующих культур, но имеют и более глубокие, возможно

²⁰⁴ Д. А. Крайнов. Памятники фатьяновской культуры. Московская группа, стр. 35, табл. XXI, II, III, IV.

²⁰⁵ О. Н. Бадер. Фатьяновские могильники бассейна р. Шоши. МИА, 1965, № 130, стр. 120—122, рис. 2, 1, 2, 4; Д. А. Крайнов. Отчет об археологических исследованиях Верхневолжской экспедиции 1965 г. Раскопки Ошурковского и Никольдинского могильников. Архив ИА АН СССР.

²⁰⁶ Б. И. и В. И. Ханенко. Древности Приднепровья, табл. III, 55.

²⁰⁷ И. И. Артеменко. Среднеднепровская культура, стр. 20, рис. 4—17.

²⁰⁸ И. И. Артеменко. Неолитические стоянки и курганы эпохи бронзы..., стр. 69, рис. 26, 8, 9.

генетические, связи, особенно памятники московско-клязьминской и днепро-деснинской групп.

Пока необъяснимым является факт отсутствия наконечников стрел в могильниках Ярославской, Ивановской и Костромской областей и севера Калининской обл. Сейчас уже нельзя объяснить их отсутствие недостаточной исследованностью, так как за последние годы проведены очень широкие работы и в Ярославской, и в Ивановской областях. Нам представляется, что объяснение этому следует искать либо в том, что упомянутые памятники относятся к разному времени, либо в том, что наконечники стрел на ярославской стадии развития фатьяновской культуры перестают играть важную роль в вооружении фатьяновцев, и поэтому они исчезают из обряда погребения, либо в том, что памятники московско-клязьминской и верхневолжской групп — разного происхождения. Только в позднем Волосово-Даниловском могильнике найдены наконечники стрел (рис. 39, 13 — 16). Это не оружие, а орудия охоты. В позднем средневолжском Балановском могильнике, в женских погребениях 34 и 66²⁰⁹ в единичных экземплярах также обнаружены наконечники стрел, что свидетельствует об их каком-то особом назначении. Эти находки (4 экз.) по форме и технике обработки напоминают наконечники стрел из Буньковского могильника. Изготовлены они из ножевидных пластинок коричневого и светло-серого кремня. Только один из них свидетельствует о совершенстве орудия, сделанного тончайшей ретушью, а остальные — более грубые²¹⁰. Во всяком случае, близость балановских наконечников стрел с московскими наряду с другими фактами указывает на связь той и другой групп фатьяновских памятников. Черепшковые наконечники стрел, близкие фатьяновским, встречаются и в более поздних памятниках поздняяковской культуры²¹¹, и в более ранних — в белевской неолитической культуре²¹². В поздних неолитических памятниках рязанской культуры эти стрелы встречаются спорадически²¹³. Следует отметить находки черепшковых наконечников стрел, близких фатьяновским и среднеднепровским, в волинской мегалитической культуре.

Наконечники дротиков реже встречаются

в могильниках фатьяновской культуры, но опять-таки они найдены только в могильниках московско-клязьминской группы, а именно: Буньковском, Абушковском, Тургиновском, Николо-Перевозском, Истринском, Ошурковском и Ханевском. Наконечник дротика из Ивановогорского могильника — небольшой (обломок), листовидной формы, возможно, это заготовка наконечника стрелы. Обработка двусторонняя, широкими сколами (неолитическая техника). Находки таких заготовок указывают на местное производство наконечников стрел и дротиков.

Наиболее распространенной формой является черепшковый наконечник дротика, имеющий подромбическую форму (рис. 27, 9). Черепшок у них довольно широкий, около рабочей части суживается к концу. Обработаны эти дротики хорошей ретушью. Такие наконечники дротиков найдены главным образом в калининских памятниках — Тургиновском, Ошурковском (рис. 27, 9) и Абушковском. Они часто встречаются на поздних неолитических стоянках Волго-Окского междуречья в слоях волосовской культуры (Сомино, Сахтыш, Сельцо и др.)²¹⁵. Они встречаются и на территории Смоленской²¹⁶, Брянской²¹⁷, Московской, Пинской и других областей лесной полосы европейской части СССР²¹⁸, на р. Оке²¹⁹.

Особый интерес представляет находка дротика с черепшком в погребении 3 Буньковского могильника (рис. 27, 10)²²⁰. Этот наконечник дротика сделан из уплощенного продолговатого отщепа. Обработка двусторонняя при помощи отжимной техники. Края пера обработаны дополнительно узкофасеточной отжимной заостряющей ретушью. Техника его выделки такая же, как и у наконечников стрел, встречаемых в том же могильнике.

Тождественные наконечники кремневых дротиков найдены в могильнике Николо-Перевоз²²¹ и на Вапугинской стоянке Переславского р-на Ярославской обл.²²² Надо указать, что все три

²¹⁵ Колл. Переславского музея Ярославской обл., № 2274; колл. Рыбинского краев. музея, № 227; Д. А. Крайнов. Вауловский могильник, «Труды ГИМ», вып. XII. М., 1941, стр. 117, 147, табл. IV, 7.

²¹⁶ Колл. Эрмитажа, № 118; ЗОРСА РАО, т. VII, вып. 1, стр. 19.

²¹⁷ Д. А. Крайнов. Вауловский могильник, стр. 142.

²¹⁸ Колл. Пинского краев. музея, № 1279; Ю. В. Кузнецов. Указ. соч., табл. XII, 7.

²¹⁹ Колл. Серпуховского музея, № 92. На стоянке около с. Бунырева и на стоянке Лужки, № 43.

²²⁰ Колл. Ногинского краев. музея Московской обл. — из раскопок Буньковского могильника.

²²¹ В. М. Раушенбах. Фатьяновское погребение на неолитической стоянке Николо-Перевоз, стр. 35, рис. 4, б.

²²² И. К. Цветкова. Новый памятник волосовской культуры близ г. Переславля-Залеского, стр. 49, рис. 1, 1.

²⁰⁹ О. Н. Бадер. Балановский могильник, стр. 182, 189, рис. 122, 1, 2, 3.

²¹⁰ Там же, стр. 182.

²¹¹ Стоянки Рязанской обл. — Коренец, Шумов, Борова и др.

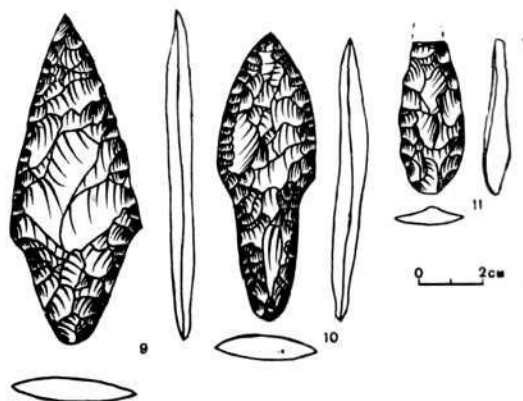
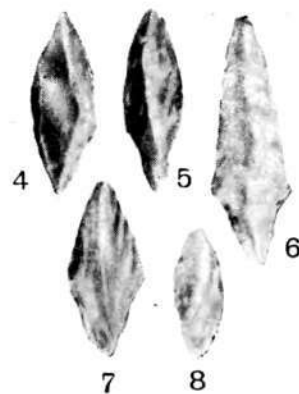
²¹² А. Я. Брюсов и Зимица. Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху, М., 1952, стр. 53, рис. 9, 11—13.

²¹³ Там же, стр. 60.

²¹⁴ Там же, стр. 222, рис. 61, 4.

Рис. 27. Кремневые наконечники дротиков и наконечники стрел
Наконечники дротиков: 1—2 — Ханевский могильник; 9 — Ошурковский могильник; 10 — Буньковский могильник; 11 — Истринский могильник; наконечники стрел: 3 — Ханевский могильник; 4, 5, 6, 7, 8 — Волосово-Даниловский могильник

памятника, где обнаружены эти дротики, относятся примерно к одному времени — около середины II тысячелетия до н. э. По форме к этим дротикам близок и наконечник стрелы из погребения 3 Истринского могильника²²³, что может свидетельствовать об одновременности Буньковского и Истринского могильников.

На территории распространения памятников днепро-деснинского типа имеются идентичные фатьяновским дротикам и буньковскому наконечнику дротика (в могильнике Стрелица²²⁴ урочище Узлужна²²⁵ и в Болховском р-не Орловской обл.)²²⁶. Эти находки свидетельствуют так же, как и наконечники стрел, о тесной связи московских памятников с днепро-деснинскими. Кроме того, они дают возможность установления датировки таких памятников, как Буньковский, Истринский и Николо-Перевозский могильники, временем могильника Стрели-

цы, датирующегося египетской пастовой бусиной началом второй половины II тысячелетия до н. э. Особняком стоят наконечники дротиков, найденные в Ханевском могильнике Можайского р-на Московской обл.²²⁷ (рис. 27, 1, 2), но они имеют некоторое сходство с буньковским.

Итак, рассмотрением наконечников стрел и дротиков, найденных в могильниках московско-клязьминской группы фатьяновской культуры, устанавливается факт, что они встречаются только в могильниках этой группы и почти отсутствуют в могильниках верхневолжской группы. Найденны они только в погребениях мужчин. Это свидетельствует о том, что они использовались или как боевое оружие, или как охотничье. Последнее также вероятно, так как у московских фатьяновских племен охота могла иметь еще достаточно большое значение.

Особую важность представляют находки наконечников стрел и дротиков в памятниках днепро-деснинской группы, идентичных москов-

²²³ Д. А. Крайнов. Памятники фатьяновской культуры. Московская группа, табл. XXI, 9.

²²⁴ И. И. Артеменко. Могильник эпохи бронзы в урочище Стрелица, стр. 111, рис. 1, 12.

²²⁵ К. М. Паликарновіч. Дагыстарычныя стаянкі сяродняга Сожг, стр. 415, табл. II, 9.

²²⁶ Колл. Орловского обл. музея, № 6826.

²²⁷ Н. А. Кирьянова. Ханевский могильник фатьяновской культуры. Отчет Верхневолжской экспедиции за 1970 г. Архив ИА АН СССР.

ским. Все эти находки очерчивают определенную территорию их распространения — это Гомельская, Смоленская, Брянская, Орловская, Тульская, часть Рязанской, Московская, часть Калининской и часть Ярославской областей, что соответствует распространению московско-клязьминской группы фатьяновских памятников, с одной стороны, и днепро-деснинских (типа Брасова, Бежецы, Куракина Бора, Белица, Стрелицы и др.) — с другой. Этот факт и другие данные невольно заставляют предположить очень близкое родство названных двух групп памятников, тем более что и ориентировка погребений этих групп близка друг к другу.

Кремневые ножи (рис. 28, 1—15, 20, 27) являются одним из основных видов фатьяновских орудий труда. Они сопровождают каждое фатьяновское погребение. Форма, качество и обработка их не везде одинаковы. Различные формы ножей также распространены на разных территориях.

Широкие ножи на пластинчатых отщепах довольно резко отличаются от других ножей и по форме, и по технике вторичной обработки. Они короткие и широкие (рис. 28, 1). Отлогая отжимная (иногда струйчатая) прекрасная ретушь нанесена по одному краю полностью, а по другому частично. По скошенному концу идут иногда тонкие резцовые сколы. На некоторых бывает выемка с брюшка для скобления. Эти ножи встречаются только в поздних могильниках московско-клязьминской группы. Подобные ножи с отжимной отлогой ретушью найдены и в могильниках среднеднепровской культуры (днепро-деснинская группа)²²⁸. Особенно они характерны для такого позднего могильника, как Стрелица²²⁹. Отжимная струйчатая ретушь не встречается в Волго-Окских неолитических стоянках. Она могла попасть к фатьяновцам только через среднеднепровскую культуру или через катакомбную, где она имела широкое распространение.

Длинные широкие ретушированные ножи (рис. 28, 2, 3, 4), сделанные на трехгранных или четырехгранных слегка изогнутых пластинках, имеют по краям и узкому скребковидному концу отлогую отжимную или крутую ретушь. Они встречены не только в могильниках московско-клязьминской группы, но и в верхневолжской группе. Они имеют сплошную, часто отжимную ретушь по краям и концу, а в верхневолжских могильниках на таких же ножах ретушь частичная и более грубая. Близкие к ним ножи-скребки найдены в Белинецком могильнике

среднеднепровской культуры²³⁰ и в Орловской обл.²³¹

Остроконечники на треугольных пластинках (рис. 28, 5, 6) имеют разные размеры. Сделаны они или на длинных широких треугольных пластинках, или на узких.

Остроконечники с широким основанием (рис. 28, 7, 8). Их стороны обработаны прекрасной краевой ретушью, у некоторых отжимной, а острый конец обработан ретушью со спинки, а иногда и с брюшка. Такие остроконечники с широким основанием найдены только в могильниках московско-клязьминской группы. Среди них особо выделяются своей обработкой два остроконечника из Детчинского могильника (рис. 28, 8).

Остроконечники небольшие с широким основанием (рис. 28, 9) близки первому подтипу, но их форма и техника обработки иные. Они сделаны не только на пластинках, но и на пластинчатых отщепах. Их края, а иногда и основание (скребковидное) обработаны простой, не отжимной ретушью. Они обнаружены в могильниках московско-клязьминской и верхневолжской групп. Однако следует указать, что в верхневолжской группе они чаще встречаются в могильниках, расположенных на их границе с территорией московско-клязьминской группы памятников.

Остроконечники на узких длинных пластинках (рис. 28, 10, 11). Крутая и мелкая ретушь нанесена по краям, острому концу, а иногда и по основанию. Эти остроконечники встречены только в Тимофеевском, Вауловском и Фатьяновском могильниках.

Узкие ножи с заостренным концом (рис. 28, 12) сделаны на узких трехгранных пластинках с острым концом. Ретушированы частично, большей частью легкой ретушью по одному скошенному краю. На противоположном крае иногда встречаются резцовые сколы (Истринский могильник). Обнаружены они в небольшом числе только в могильниках московско-клязьминской группы.

Узкие ножи с частичной ретушью по краям (рис. 28, 13). Длинные, узкие, с острым концом, трехгранные пластинки с легкой, прерывающейся ретушью по краям, а иногда и по острому концу. Обнаружены в могильниках московско-клязьминской группы.

Сюда же надо отнести и длинные трех- четырехгранные пластинки с острым концом без ретуши (рис. 28, 14). Найдены они также в могильниках московско-клязьминской группы.

²²⁸ И. И. Артеменко. Неолитические стоянки и курганы эпохи бронзы..., стр. 69, рис. 26, 15.

²²⁹ И. И. Артеменко. Отчет о раскопках Стрелицкого могильника. Архив ИА АН СССР.

²³⁰ В. В. Кропоткин. Белинецкие курганы и стоянка. КСИИМК, вып. X, 1952, стр. 61—65; колл. ГИМ, № 82508, оп. 827.

²³¹ Колл. ГИМ, № 80842, оп. 418/1.

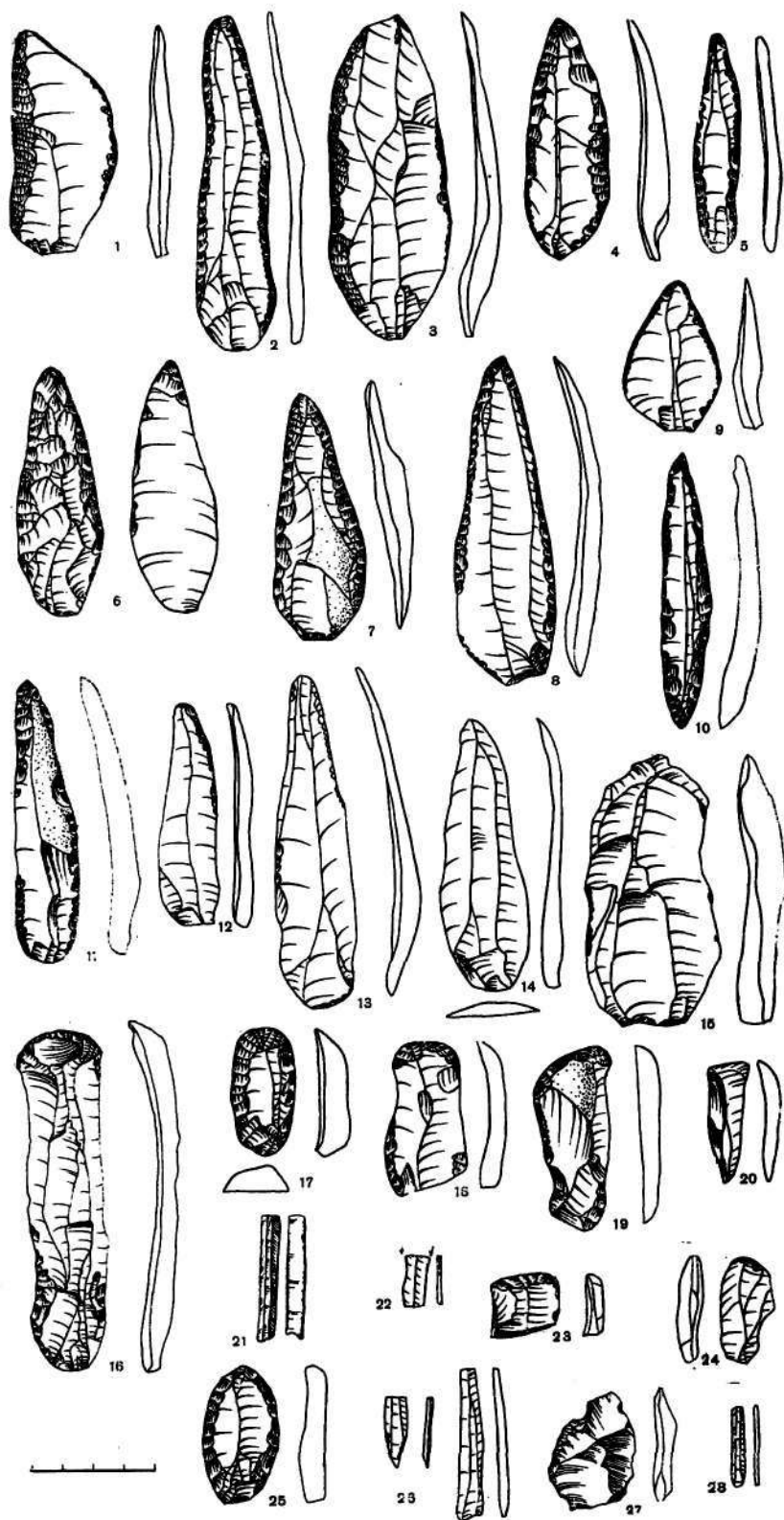

Рис. 28. Кремневые ножи, отщепы, скребки и микропластинки

Кремневые ножи и отщепы: 1, 3, 6, 12, 15 — Истринский могильник; 2, 14 — Кузьминский могильник; 4 — Тургиновский могильник; 5, 13, 20 — Воронковский могильник; 7, 8 — Дятловский могильник; 9 — Никульцинский могильник; 10, 11 — Тимофеевский могильник; 27 — Олонецкий могильник; 17 — Тургиновский могильник; 18, 19 — Протасовский могильник; 23 — Истринский могильник; 24 — Воронковский могильник; 25 — Тимофеевский могильник; микропластинки: 21 — Ханевский могильник; 22 — Воронковский могильник; 26 — Тургиновский могильник; 28 — Никульцинский могильник

Широкие ножи без ретуши (рис. 28, 15) на трех-четырёхгранных пластинах встречаются редко и только в могилах московско-клязьминской группы.

Широкие ножи на крупных (больших) пластинчатых отщепах с крупной ретушью по одному краю найдены только в двух могильниках Калининской области: Опшурковском и Тургиновском.

Ножи на коротких обломанных пластинках с ретушью по двум краям, по одному краю или с частичной ретушью по краям встречаются во всех могильниках фатьяновской культуры. Их длина от 5,5 до 8 см.

Ножи на трех-четырёхгранных узких пластинках без ретуши (рис. 28, 20) обнаружены только в могильниках верхневолжской группы. Их размеры различны. Длина от 6,4 до 14,5 см, наибольшая ширина от 1,6 до 2,7 см. Надо отметить, что наибольшей величины они достигают в Великосельском могильнике (рис. 29, 1, 2).

Ножи на обломанных пластинках и на обломках пластинок без ретуши (рис. 29, 3—9) найдены в основном в могильниках верхневолжской группы.

Кремневые отщепы, заменяющие ножи (рис. 29, 10, 11, 13), разной формы иногда с частичной ретушью встречены только в могильниках верхневолжской группы.

Скребки и скребковидные орудия составляют значительную часть кремневых орудий (рис. 28, 16—19, 23—25). Они разнообразны по форме. Есть округлые, прямые, скопленные (широкие и узкие). Сделаны они на конце или на боку продолговатых и коротких отщепов и на осколках разной величины. Найдены главным образом в могильниках московско-клязьминской группы, но встречаются и в других могильниках. Особой формой отличаются скребки Протасовского могильника, сделанные на концах пластинчатых отщепов (рис. 28, 18—19). Вообще скребки из фатьяновских могильников отличаются некоторой небрежностью в обработке и нечеткими формами. Возможно, данный факт объясняется изготовлением их специально для погребения. Подобные скребки встречаются и в погребениях днепродеснинских памятников среднеднепровской культуры²³².

Скобели на отщепах и сколах встречаются редко. Они найдены в основном в могильниках московско-клязьминской группы (рис. 28, 27).

Сверла и проколки на концах заостренных узких пластинок также редки. Они имеют ретушь по краям и острому концу. Длина проколов от 6 до 7,5 см, наибольшая ширина от 1,3 до 1,5 см.

²³² И. И. Артеменко. Неолитические стоянки и курганы эпохи бронзы..., стр. 40, рис. 5, 13.

Обнаружены в небольшом числе и только в могильниках верхневолжской группы. Сверла и проколки встречаются и в погребениях среднеднепровской культуры²³³.

Наряду с упомянутыми кремневыми орудиями в фатьяновских поселениях встречаются кремневые отщепы и осколки без следов обработки (рис. 29, 10, 11, 13). Иногда они встречаются по одному или по два отщепа, но чаще по несколько штук под сосудами и реже — отдельными кучками, положенными преднамеренно. По-видимому, когда они встречаются по одному или по два осколка, то могут заменять то или иное кремневое орудие, а когда они лежат кучками и чаще представляют один расколотый на мелкие части кусок кремня, то, возможно, указывают на основную специальность погребенного — мастера по обработке кремня. Что же касается находок кремней под сосудами и под костями, то их можно объяснять как символы огня. Осколки и куски кремней найдены в различных могильниках, некоторые из них с характерной оббивкой служили, по-видимому, огнивами. Трут из березового гриба и кремневые осколки были встречены вместе в Вауловском могильнике и в других.

Значительный интерес представляют находки микропластинок и карандашевидных нуклеусов (рис. 28, 21, 22, 26, 28). Микропластинка с резцовым сколом найдена в погребении 5 Воронковского могильника, другая микропластинка была обнаружена в погребении 9 Никульцинского могильника, в погребении 1 Голузинского могильника найден карандашевидный нуклеус (рис. 29, 12), и, наконец, в погребении Ханевского могильника найдены микропластинки. Этим находкам имеются аналогии в Стрелицком могильнике, где в погребении 95²³⁴ были обнаружены микропластинки со скопленным краем «мезолитического облика». Данные факты заставляют по-иному взглянуть и на находки микропластинок на территории Введенского²³⁵, Олочинского могильников²³⁶, на стоянке у оз. Святого под г. Костромой²³⁷ и на дюнах по р. Тезе в Ивановской обл.²³⁸ Эти находки, вероятно, придется отнести к фатьяновскому времени, тем более что в первых двух случаях они найдены на территориях фатьяновских могильников, а в двух других — на стоянках с фать-

²³³ Там же, стр. 65, рис. 23, 9.

²³⁴ Там же.

²³⁵ Д. А. Крайнов. Отчет о раскопках на Введенском холме Ярославской области в 1954 г. Архив ИА АН СССР.

²³⁶ Д. А. Крайнов. Памятники фатьяновской культуры. Московская группа, стр. 46.

²³⁷ Колл. Костромского музея.

²³⁸ М. П. Зимина. Отчет о разведках в Ивановской области за 1961 г. Архив ИА АН СССР.

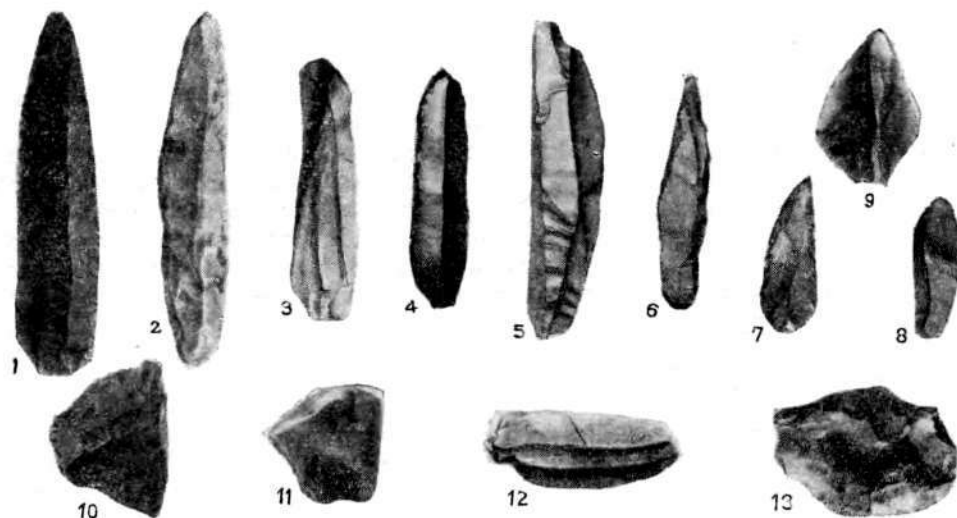

Рис. 29. Кремневые ножи и пуклеусы

Кремневые ножи: 1—3 — Волосово-Даниловский могильник; 4—9 — Никульцинский могильник; отщепы: 10—11 — Волосово-Даниловский могильник; пуклеусы: 12 — Голузинский могильник; 13 — Тимофеевский могильник

яновскими вещами (топорами и керамикой). Находки микропластинок и карандашевидных нуклеусов *in situ* в могильниках имеют перво-степенное значение для выяснения вопроса о существовании у фатьяновцев микроиндустрии, что в свою очередь дает возможность судить о времени этих памятников и в какой-то степени о происхождении фатьяновской культуры.

Наконец, в фатьяновских могильниках иногда встречаются куски кремня, положенные предна-меренно. Найден, кроме того, продолговатый кусок кремня со следами работы (Ивановогор-ский могильник). Он мог служить отжимни-ком. Найден и заготовки орудий (наконечни-ки дротиков и стрел).

Мы разобрали подробно разные категории кремневых орудий. Большинство исследователей объединяют эти находки под общим названием «ножевидные пластины и скребки». Однако при детальном изучении их выделяются, как мы видели, разнообразные и по форме, и по техни-ке выработки, и по функциональному назначе-нию орудия. На протяжении развития фатья-новской культуры изменяются форма и техника выработки кремневых орудий. Все орудия из крупных пластин и отщепов встречаются глав-ным образом в могильниках московско-клязь-минской группы. Такая же картина наблюдает-ся и в распространении различных остроконач-ников и скребков. На основании этого устанавливаются связи московских могильников с калининскими, южными ярославскими (Никуль-цинский, Воронковский) и с Ивановско-Влади-мирскими (Тимофеевский, Милославский, Ско-мороховский, Чуркинский, Ковровский и др.)

могильниками. Эти связи можно объяснить толь-ко близкими родственными связями населения, оставившего московские памятники и указанные памятники других групп. Вероятно, их появле-ние вне московско-клязьминской группы надо рассматривать как результат передвижения мо-сковских племен по клязьминской системе на восток. Отжимная — струйчатая (пологая) ре-тушь прослежена только на орудиях из могиль-ников московско-клязьминской и днепро-дес-нинской групп (Истринском, Верейском, Бунь-ковском и Детчинском). В памятниках моско-вско-клязьминской группы отмечается наличие значительного числа кремневых орудий с обра-боткой. Они встречаются здесь в каждом погребе-нии и часто по несколько штук; особенно много их в женских погребениях. В памятниках же верхневолжской группы кремневых изделий становится значительно меньше. В погребени-ях еще встречаются настоящие орудия с ре-тушью, но все чаще кладутся ножи из нерету-шированных пластинок и отщепов, а иногда вместо целых положены обломки орудий. Часто отщепы без обработки кладутся вместо ножей. Чем дальше на восток, тем уменьшается в по-гребениях число не только орудий, но и отщепов. В Горкинском и Скомороховском могильниках они встречаются в единичных экземплярах. Такое явление не может быть случайным, а вытекает, по-видимому, из определенных изменений в хо-зяйственной, социальной и духовной культуре фатьяновцев. С этой стороны представляет инте-рес характер кремневых изделий Балановского могильника. На 117 погребений найдено всего лишь шесть орудий — и то три из них в облом-

ках²³⁹ и несколько пластинок без ретуши. Остальные представляют собой бесформенные отщепы и осколки разных размеров без следов вторичной обработки. О. Н. Бадер считает, что все эти кремневые изделия, за исключением ретушированных, не были орудиями труда, а имели культовое значение²⁴⁰, т. е. их сделали специально для погребений в целях определенного ритуала, что уже является поздним признаком.

Таким образом, из рассмотрения кремневых орудий всех групп фатьяновской культуры можно сделать следующие выводы: на ранних стадиях ее развития в могилы кладут настоящие орудия труда, которыми можно работать, возможно, являвшиеся личной собственностью умершего; на более поздней стадии кладутся и орудия труда, и их замена — отщепы и пластинки без ретуши и, наконец, на самой поздней стадии в большинстве случаев кладут обломки пластинок и бесформенные отщепы, заменяющие орудия труда. Эти символы орудий имеют культовое значение.

Каменные орудия

Изделия из камня, за исключением каменных сверленных топоров, не многочисленны, но разнообразны по форме. Среди них встречаются топоры, терочники, полировальные плиты, булавы, выпрямители древков стрел и т. д.

Каменные шлифованные клиновидные топоры (рис. 30, 5). Они очень редки в фатьяновских могильниках. Как и сверленные топоры-молотки, они сделаны из разнообразных пород камня. Размеры их небольшие, но формы различны. В основном они трапециевидны с прямоугольным и линзовидным сечением. По форме эти топоры трудно отличить от неолитических топоров. Разнятся несколько техника обработки и сам материал. Большинство неолитических топоров изготовлено из сланца и других более мягких пород камня, тогда как фатьяновские клиновидные каменные топоры изготавливались из более твердых пород (диабаз, диорит, гранит и пр.). Вот по этим признакам их можно отличить от неолитических. О принадлежности каменных клиновидных топоров к фатьяновской культуре свидетельствуют их находки в могильниках (Фатьяновский могильник — 4 экз., рис. 30, 5, Никульщинский и Пужбольский могильники Ростовского р-на). Кроме того, в Ростовском р-не имеются случайные находки та-

По этим признакам устанавливается развитие фатьяновской культуры в направлении с запада на восток, а не наоборот. Это подтверждает и развитие обряда погребения, сопровождавшегося разными магическими действиями. Изучение кремневых орудий московско-клязьминской группы памятников устанавливает их большое сходство, а иногда и тождество с орудиями из днепро-деснинских памятников. Они сходны не только по размерам, форме, но и по технике обработки. В памятниках днепро-деснинской группы (Брасово, Бельнецкие курганы, Стрелица, Сергеева Грива, Ходосовичи и т. д.) встречаются одинаковой формы наконечники стрел и дротиков, широкие пластины с ретушью и без ретуши, скребки, сверла, ножи со скребковидным узким концом, длинные пластины с ретушью и без ретуши, орудия с резцовыми сколами, микропластинки и т. д.²⁴¹ Это сходство и тождество вряд ли можно объяснить только связями или пограничной смешанностью двух культур. Вероятнее всего, здесь родственные связи, а возможно, и общность происхождения.

ких топоров вместе со сверленными топорами²⁴².

В Быстринском кургане был найден каменный клиновидный топор с линзовидным сечением из серого камня с голубыми прожилками. Длина его 7,7 см²⁴³. В Ивановской обл. встречены и другие находки вместе с фатьяновскими и черепковскими топорами²⁴⁴. Случайные находки известны в Горьковской и Калужской областях.

Появление этих топоров в фатьяновских могильниках можно рассматривать как связь их с Прибалтикой, где подобные топоры встречены в огромном числе. Здесь они, вероятно, послужили основой для возникновения каменных сверленных топоров-молотков (клиновидных). Достаточно сказать, что эти топоры здесь исчисляются не десятками и сотнями, а тысячами²⁴⁵. Например, на стоянке Абора в Лубанской низменности они найдены вместе с кремневыми толстообушковыми топорами, обломками каменных сверленных топоров и шнуровой керамикой²⁴⁶. Много каменных клиновидных топоров

²⁴¹ И. И. Артеменко. Неолитические стоянки и курганы эпохи бронзы... стр. 31—37.

²⁴² С. Варница Ростовского р-на Ярославской обл. Колл. Ростовского музея.

²⁴³ Колл. Ивановского обл. музея.

²⁴⁴ С. Жажлево Кинешемского р-на. Колл. Кинешемского краев. музея, № 199.

²⁴⁵ Колл. Каунасского, Вильнюсского, Рижского музеев и колл. ГИМ.

²⁴⁶ Колл. Института истории АН Латв.ССР (на раскопках И. А. Лозе).

²³⁹ О. Н. Бадер. Балановский могильник, стр. 183, 186, рис. 120.

²⁴⁰ Там же, стр. 183.

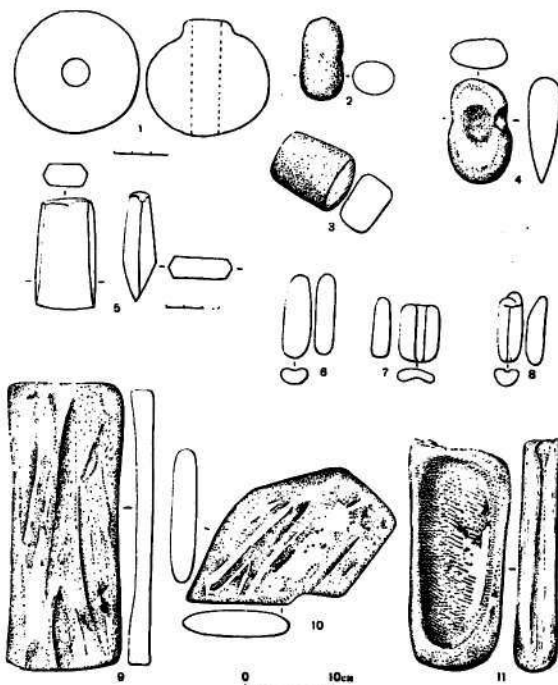

Рис. 10. Каменные орудия

Булава: 1 — Владимирская обл.; терочники: 2—3 — Фатьяновский могильник; мотыга: 4 — Вауловский могильник; клиновидный топор: 5 — Фатьяновский могильник; «выпрямители древков стрел» (?): 6, 8 — Буньковский могильник; 7 — Истринский могильник; полировальные плиты: 9 — Никульцинский могильник; 10 — Протасовский могильник; 11 — Фатьяновский могильник

встречено в Прикарпатье²⁴⁷, тогда как на территории фатьяновской культуры их мало.

Терочники-куранты (рис. 30, 2, 3; 31, 1, 2, 3) редки в фатьяновских могильниках. Изготавливались они из галек разной величины и формы. Очень часто эти естественные гальки даже не подвергались специальной обработке (полировке и оббивке). Форма их различна: округлая, овальная, цилиндрическая, пестиковая и пр. Овальные и округлые терочники-куранты найдены в Сущевском, Олочинском и Чуркинском могильниках. Размеры их различны, диаметры — от $4,9 \times 5,6$ до 7×8 см. На них видны следы стертости и ударов. На куранте из Олочинского могильника имеются две площадки с затертостью (рис. 31, 1). В Никульцинском и Таскаихском могильниках найдены продолговатые терочники из песчаника. Последний имеет аналогии в памятниках среднеднепровской культуры²⁴⁸. В Фатьяновском могильнике найдено четыре терочника: пестиковый, продолговатый, цилиндрический и обломок продолговатого терочника (рис. 30, 2, 3).

²⁴⁷ Колл. Львовского исторического музея.

²⁴⁸ В. В. Кротокий. Новые исследования Белецких курганов. КСИИМК, вып. 75, 1959, стр. 106, рис. 32, 7, 8.

Все они округлые или овальные, на всех — следы затертости. Длина — от 7,2 до 9,2 см, диаметр — от 4,8 до 00 см.

В Ивановской обл.²⁴⁹ найден конический с широким заглаженным основанием терочник-курант. Назначение этих терочников-курантов различно: они служили для растирания, лощения, заглаживания, размельчения (пестиковые и цилиндрические), разбивания и т. д. Больше терочников — цилиндрических, боченкообразных, пестиковых, прямоугольных и пр. — встречается в Кировской обл. в Яранском р-не²⁵⁰ вместе с каменными сверленными топорами фатьяновского типа. Возможно, что они использовались для размельчения медной руды из медистых песчаников. Найдены терочники и в Варнавинском р-не Горьковской обл.²⁵¹ Каменные лопила, песты и терки открыты и в Балановском могильнике²⁵², довольно часто каменные песты и ступки встречаются на Средней Волге²⁵³, где также имеются медистые песчаники, что подтверждает наш вывод о связи их с металлургией.

Полировальные плиты (рис. 30, 9, 10, 11 и 31, 6, 7) разных рамеров, форм и назначения сравнительно редко встречаются в фатьяновских могильниках. Почти все они изготовлены из красновато-розоватого песчаника.

По форме и назначению эти плиты можно разделить на несколько групп.

Корытообразные продолговатые полировальные плиты, сработанная часть которых расположена продольно вверх плиты. Низ обычно не имеет следов полирования, а бока часто использованы и для полирования, и для заточки орудий. На боках некоторых плит видны узкие канавки, конические в разрезе (рис. 30, 9, 10, 11). Размеры плит различны. Длина от 22,5 до 27 см, ширина от 8,8 до 13 см, толщина от 2,2 до 7 см. На всех имеются следы или длительного, или кратковременного использования плит для полирования каменных сверленных топоров-молотков и кремневых клиновидных топоров, а также для заточки лезвий кремневых, каменных и костяных орудий. Эти плиты найдены в Фатьяновском, Тимофеевском и Кривцовском могильниках, а также в могильниках Ивановской и Московской областей. К этой же группе относится и плита, найденная в Протасовском могильнике (погребение 7). Ее длина 25 см, наибольшая ширина 11,5 и толщина 3—4 см. Кроме корытообразного углубления, на краю той же

²⁴⁹ Колл. Ильинско-Хованского музея, № 34.

²⁵⁰ Колл. ГИМ, № 42685, оп. 408, 5—9.

²⁵¹ Колл. ГИМ, № 54746.

²⁵² О. Н. Бадер. Балановский могильник, стр. 177, 207, рис. 124, 3, 4, 5.

²⁵³ А. Я. Брюсов. Об экспансии культур с боевыми топорами. СА, 1961, № 3, стр. 23.

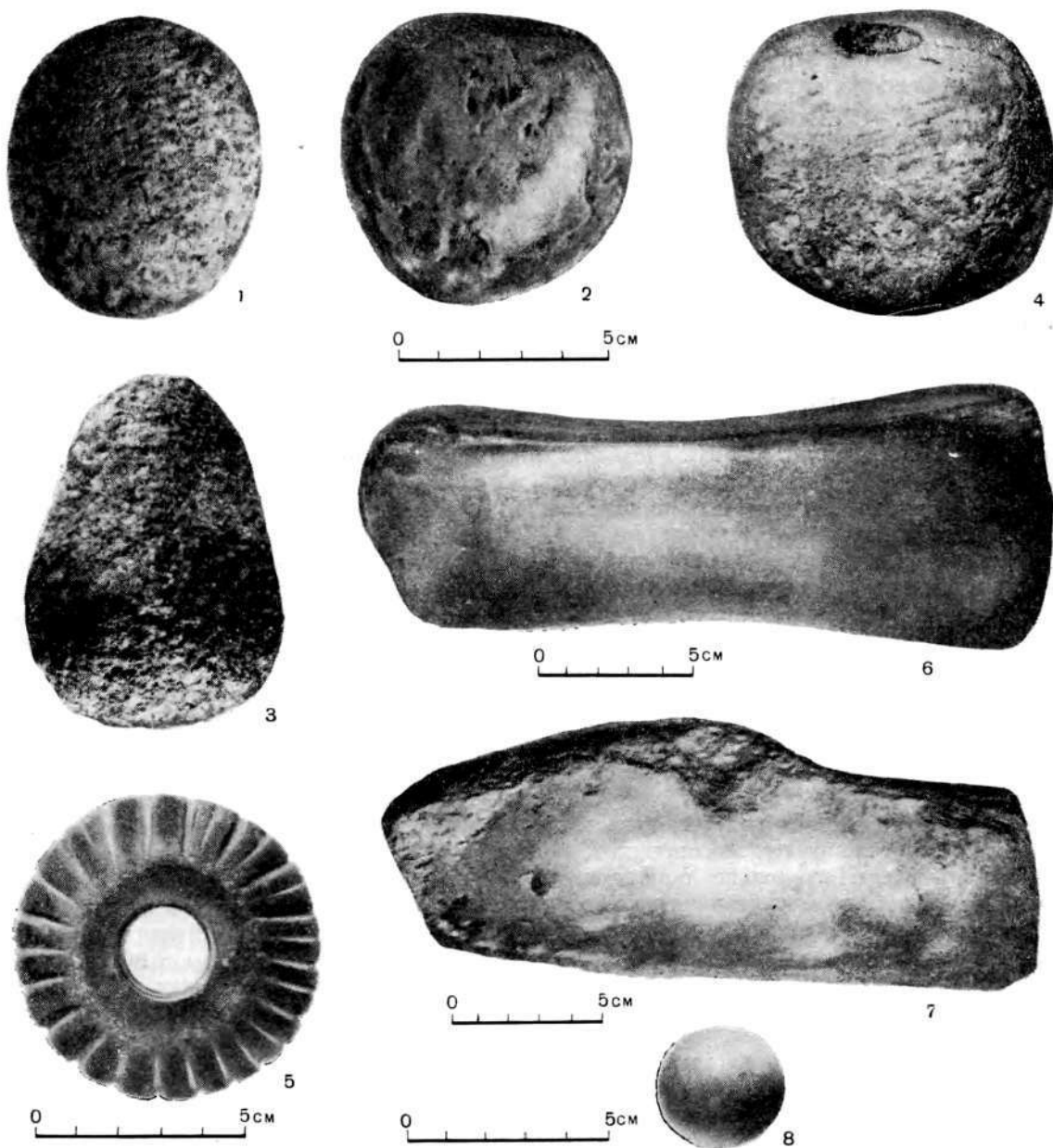

Рис. 31. Каменные орудия

Терочкины: 1—2 — Олочинский могильник; 3 — Тимофеевский могильник; булавы: 4 — Ханевский могильник; 5 — Костромская обл.; плиты: 6 — Ильинско-Хованский могильник; 7 — Тимофеевский могильник; метательный шар: 8 — п. Талицы Ярославская обл.

стороны имеется продольная широкая канавка, с коническим сечением для заточки лезвий топоров (рис. 30, 10).

Все шесть плит имеют почти одинаковые размеры.

Несколько особняком стоит большая плита из красноватого песчаника, найденная в Мельничногорском могильнике Ярославской обл. Длина ее 40 см, ширина 25, толщина 12 см. На одной

из ее широких сторон имеются два округлых углубления. Оба они получились от длительного полирования кремневых клиновидных топоров. На боках плиты видны канавки с коническим разрезом для заточки клиньев и топоров.

Самой большой плитой является плита, найденная в Аньковском могильнике Ивановской обл. Ее длина 32 см, ширина 12,2 см. Верхняя поверхность имеет три канавки (большую, сред-

нюю, малую) для заточки. Весь верх и две длинные боковые стороны заполированы.

Плиты небольшие, также из красного песчаника, для заточки топоров и других орудий и для полирования найдены и в других могильниках (Истринском, Кузьминском, Тимофеевском, Михеевском, Волосово-Даниловском, Никульцинском и др.). В Фатьяновском могильнике найдена узкая плита длиной в 17 см, шириной 5 см и толщиной 2 см. Она сделана из черного камня.

Таким образом, открыто 14 полировальных плит и плит для заточки топоров и других орудий на всей территории фатьяновской культуры. Почти все плиты найдены в богатых мужских погребениях. Пока непонятным является отсутствие полировальных плит в Балановском могильнике. Не исключена возможность, что в это время полирование орудий уже не имело большого значения.

Плиты, подобные группе первой, найдены и в могильниках среднеднепровской культуры²⁵⁴. В курганах близ с. Ходосовичи корытообразные большие плиты, сделанные из красноватого песчаника, найдены в богатых мужских погребениях. Плита из красного песчаника найдена в Бельнецких курганах²⁵⁵. В среднеднепровской культуре они редки²⁵⁶. По-видимому, плиты ценились и клались только с «именитыми мастерами» полировального дела.

На основании изучения полировальных плит, найденных в фатьяновских могильниках, можно сделать выводы не только о полировании и заточке орудий, но и о значении этого вида работ. Фатьяновцы, видимо, прекрасно знали хорошие свойства коричневатого-красноватого песчаника и только его употребляли для полировки и заточки орудий. Судя по одинаковым формам полировальных плит, корытообразных углублений и канавок для заточки лезвий, мы можем утверждать, что всюду на всей этой территории техника полирования и заточки была одинакова. Для заполировки на плиту подсыпался песок и производилась полировка, в одних случаях (корытообразные плиты) движение топором производилось продольно, а в других — по кругу, что хорошо заметно на полировальной плите из Мельничногорского могильника. О высокой технике полирования и заточки орудий свидетельствуют не только сами топоры, найденные в могильниках, но

и плиты. Комбинированные плиты (полировка и заточка) говорят о целесообразном усовершенствовании орудий производства.

По-видимому, полированием орудий занимались не все члены рода, а определенные лица, умудренные опытом, так как находки плит наблюдаются в редких погребениях — и только в мужских. Как правило, погребения с полировальными плитами сопровождались богатым инвентарем как в памятниках фатьяновской культуры, так и среднеднепровской. Возраст погребенных мужчин в ряде погребений (Тимофеевский могильник, погребения 1 и 5, Никульцинский могильник, погребение 15 и др.) был не ниже 45—60 лет.

В Аньковском могильнике Ивановской обл. в одном погребении вместе с полировальной комбинированной плитой были найдены два сверленных каменных топора-молотка, обломок каменного топора с незаконченной сверлиной и точильный камень. Этот набор орудий производства и орудий труда в одной могиле свидетельствует о человеке, занимавшемся, очевидно, изготовлением каменных топоров, их полированием, заточкой и сверлением. Следовательно, среди фатьяновцев наблюдаются специализация и мастерство некоторых членов рода.

Булавы (рис. 30, 1 и 31, 4, 5).

Каменные сверленные булавы встречаются очень редко на территории фатьяновской культуры. Известно всего девять булав. Форма и размеры их различны.

Шаровидные небольшие булавы, сделанные из разных пород камня, как и сверленные топоры-молотки, обнаружены в шести экземплярах, из которых два в обломках и два с незаконченной сверлиной. Некоторые булавы слегка сплюснуты и скорее овальные. Размеры их различны. Диаметр от 4 до 7,3 см, диаметр сверлины от 1 до 2,2 см. Сверлины цилиндрические, гладкие и с кольцевыми нарезками. У некоторых булав сверлины сделаны при помощи одностороннего сверления, при котором одно отверстие шире другого. Они найдены в Ивановской (2), Ярославской (2), Московской (1) и Калужской (1) областях. Четыре булавы являются случайными находками, и только две найдены в могильниках Фатьяновском и Никитинском. Оба могильника датируются поздним временем. Подобные булавы встречены в значительно большем числе в бассейнах рек Свияги и Цивили, на Средней Волге²⁵⁷. Найдены они и на

²⁵⁴ И. И. Артеменко. Неолитические стоянки и курганы эпохи бронзы..., стр. 40, рис. 5, 20; стр. 46, рис. 10, 9.

²⁵⁵ Раскопки В. А. Рыбакова. Курганы 3. Колл. ГИМ, № 82508, оп. 827.

²⁵⁶ А. Н. Лявданский. Некоторые данные о каменном веке..., табл. XVI, 2.

²⁵⁷ Национальный музей в Хельсинки. Из колл. Заусайлова, № 2004, 1555, 1552, 1554, 1551; А. Я. Брюсов. Об экспансии культур с боевыми топорами, стр. 23, 25.

территории средпеднепровской культуры²⁵⁸, в Смоленской обл.²⁵⁹ и в Прибалтике²⁶⁰. Следует отметить, что в Прибалтике их значительно больше, чем на Верхней и Средней Волге. Шаровидные булавы распространены очень широко. Они встречаются не только в памятниках раннего бронзового века, но и в памятниках поздней бронзы, как, например, булава из пестрого серпантинита с намекающимися выпуклостями на цилиндре — из Коренецкого курганного могильника²⁶¹.

Несколько особняком стоит булава из Федотовского могильника Ковровского р-на Владимирской обл. Она имеет грушевидную форму. Диаметр (по высоте) 6,2 см. Диаметр сверлины 2,2 и 2,3 см. Сверление двустороннее. Края сверлины имеют кольцообразную заполировку. Булава найдена вместе с прекрасным коротколопастным топором с грибовидным обухом. Оба предмета сделаны из темно-серого, почти черного камня²⁶². Тожественные по форме булавы открыты в бассейне р. Свияги в бывш. Казанской губ. и в Чебоксарском р-не²⁶³. Подобные булавы встречены в погребениях катакомбной культуры²⁶⁴ и на территории Северного Кавказа²⁶⁵.

Грушевидные булавы очень часто называют булавами катакомбного типа²⁶⁶ и связывают их происхождение с катакомбной культурой²⁶⁷.

Находки булавы в Ковровском могильнике с топором коротколопастным и находки таких же булавы и коротколопастных топоров на Свияге заставляют связывать владимирские фатьяновские памятники с восточными средневожскими. Вероятно, следует считать владимирские памятники более ранними, чем поздние средне-

вожские. Следует упомянуть еще одну находку булавы в Костромской обл. Эта булава — шаровидная, с продольными нарезками, сверлины цилиндрическая (рис. 31, 5). Судя по сведениям Костромского музея-заповедника, эта булава найдена на позднеэнеолитической стоянке Оганино, где были встречены и каменные сверленные топоры-молотки, так что эта булава может быть отнесена к фатьяновской культуре. Булава важна для нас при решении вопроса происхождения фатьяновской культуры. Тожественные булавы найдены на территории Литвы²⁶⁸. Эта тождественность служит доказательством не только связей, но, по-видимому, и родственных отношений. Подобные булавы встречены в Пинском р-не Брестской обл.²⁶⁹ Представляет интерес и булава, обнаруженная в погребении 6 Ханевского могильника (рис. 31, 4). Найдена она в погребении вождя²⁷⁰.

Вероятно, вначале булавы были боевым оружием и только потом стали применяться как символ власти. Судить о времени распространения булавы трудно. Они известны в могильниках раннего бронзового века (Мариупольском). Есть булавы в Михайловском поселении²⁷¹, относящиеся к среднему и верхнему слоям. Среди них встречаются простые шаровидные, близкие к фатьяновским и булавы с канелюрами, тождественные булавам, найденным в Литве²⁷². Булавы продолжают встречаться и в позднюю эпоху бронзы, и в железном веке²⁷³. Широкое распространение булавы затрудняет определение первоначальной территории их происхождения.

Выпрямители древков стрел, или литейные формочки (рис. 30, 6—8). В. А. Городцов называл их литейными формами²⁷⁴. В Буньковском могильнике (рис. 30, 6, 8) и в погребениях катакомбной культуры²⁷⁵ они найдены парами. При составлении их вместе получается цилиндрическая, несколько боченкообразная форма со сквозным отверстием диаметром около 0,7—0,9 см.

²⁶⁸ Колл. Вильнюсского музея.

²⁶⁹ Колл. Пинского краев. музея, № 4213.

²⁷⁰ Н. А. Кирьянова. Ханевский могильник фатьяновской культуры. Отчет Верхневолжской экспедиции за 1970 год. Архив ИА АН СССР.

²⁷¹ О. Ф. Лагодовская, О. Г. Шапошникова, М. Д. Макаревич. Михайловское поселение. Київ, 1962, стр. 139, рис. 39, 1, 2.

²⁷² Колл. Вильнюсского музея.

²⁷³ О. А. Крицкова-Гракова. Бессарабский клад. Памятники культуры, «Труды ГИМ», вып. I, 1949, стр. 23, табл. XVII, 1, 2, 3.

²⁷⁴ В. А. Городцов. Культуры бронзового века в Средней России, стр. 47—48.

²⁷⁵ В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Изюмском у. Харьковской губ. «Труды XII Археол. съезда», 1901, т. I.

²⁵⁸ В. Н. и В. И. Ханенко. Древности Приднепровья, табл. III; собрание Н. Я. Тарновского (бывш. Каневский у. Киевской губ.).

²⁵⁹ Колл. Эрмитажа, № 118/1, из д. Котикова Бельского р-на Смоленской обл. (ЗРОИ РАО, т. VII, вып. 1, стр. 119).

²⁶⁰ Колл. Каунасского, Вильнюсского и Рижского исторических музеев и колл. Института истории АН Эст. ССР (Таллин).

²⁶¹ Т. Б. Попова. Коренецкая стоянка и могильник, СА, 1965 № 1, стр. 165, 159, рис. 5, 2.

²⁶² О. С. Гадзюк. Фатьяновские памятники Владимирской области. КСИА, вып. 93, 1963, стр. 51, рис. 18, 1, 2, стр. 52.

²⁶³ Национальный музей Хельсинки, из колл. Заусайлова, № 950, 492, 1790 (по зарисовкам А. Я. Брюсова).

²⁶⁴ Т. Б. Попова. Племена катакомбной культуры. «Труды ГИМ», вып. 124, 1955, табл. VII, 4, 5, стр. 169, рис. 34; см. также «Очерки истории СССР». М., 1956, стр. 143, рис. 6.

²⁶⁵ Е. И. Крупнов. Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода. МИА, 1951, № 23, стр. 45, рис. 6, 9.

²⁶⁶ Т. Б. Попова. Племена катакомбной культуры.

²⁶⁷ Там же.

В погребениях фатьяновской культуры они найдены только в Буньковском²⁷⁶ и в Истринском могильнике²⁷⁷ (рис. 30, 7). На территории Волго-Окского междуречья они встречаются очень часто в позднелихитических стоянках и в поселениях с текстильной керамикой, как например: в Калининской обл. на городище Топорок²⁷⁸, в Калужской²⁷⁹, Ярославской²⁸⁰, Тульской, Рязанской²⁸¹ областях. Парные песчаниковые формочки с желобком посередине найдены в курганном погребении у с. Янковичи. Погребение относится к гатчинскому этапу среднелихитической культуры²⁸². Эта находка указывает на связь среднелихитических памятников с московско-клязьминскими фатьяновскими.

Все эти формочки изготовлены из коричневатого-красноватого песчаника.

О назначении этих формочек судить очень трудно, так как до сих пор не произведены анализы их на присутствие металла и не определено их функциональное назначение специальными лабораториями. Сейчас же исследователи придерживаются на этот счет разнообразных точек зрения. Многие считают их выпрямителями древков стрел²⁸³, формочками для шлифовки древков стрел²⁸⁴, для протягивания ремешков²⁸⁵, точильными камнями, литейными формами²⁸⁶ и т. д. Каждый исследователь приводит доводы в пользу своей точки зрения. Мы не можем согласиться с тем, что они служили выпрямителями древков стрел, так как желобки некоторых очень узки, около 0,5 см, что противоречит толщине древков стрел. Желобки других формочек неодинаковой ширины у основания и в середине. Кроме того, встречаются формочки с суживающимся желобком на конце. Доводы В. А. Городцова в пользу трактовки их как литейных форм для отливки медных прутиков заслуживают внимания. Однако не исключено и то, что они могли служить для шлифовки, тем более что они сделаны из песчаника.

О времени распространения этих формочек также трудно судить, так как они встречаются

в фатьяновских, катакомбных и среднелихитических памятниках и наряду с этим — в позднелихитических стоянках и на городищах с текстильной керамикой.

По-видимому, начало их появления можно датировать временем катакомбной культуры, а конец бытования отнести к началу I тысячелетия до н. э. Поскольку подобные формочки встречаются в фатьяновской, среднелихитической и катакомбной культурах, а также довольно широко известны в культурах боевых топоров Западной Европы, то время их расцвета следует отнести к первой половине II тысячелетия до н. э. Однако вряд ли можно привлекать их в качестве основных аргументов при датировке фатьяновской культуры²⁸⁷. В фатьяновских могильниках встречаются и другие каменные изделия, как, например, метательные шары (рис. 31, 8), мотыги (?) (рис. 30, 4) и др.

²⁷⁶ Д. А. Крайнов. Памятники фатьяновской культуры. Московская группа, табл. XX, 24, 25.

²⁷⁷ Там же, табл. XX, 28.

²⁷⁸ Ю. Г. Гендуке. Городище Топорок Тверской губ. Корчевского у. Оттиск из «Трудов обл. археол. съезда», стр. 11—12, табл. 5.

²⁷⁹ Колл. ГИМ, № 39323.

²⁸⁰ Д. А. Крайнов. Памятники фатьяновской культуры. Московская группа, стр. 40. Половинка «литейной формы» найдена вместе с фатьяновскими вещами в стоянке Золоторучье II.

²⁸¹ В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Изюмском у. Харьковской губ., стр. 47.

²⁸² Т. С. Пассек. К вопросу о среднелихитической культуре, стр. 43, 44, рис. 13, 7, 8.

²⁸³ А. Я. Брюсов. Об экспансии культур с боевыми топорами, стр. 23; О. А. Кривцова-Гракова. Хронология памятников фатьяновской культуры. КСИИМК, вып. XVI, 1947, стр. 33.

²⁸⁴ А. Я. Брюсов и М. П. Зимина. Очерки по истории племен европейской части СССР, стр. 20.

²⁸⁵ А. Добровольский. Дещо про знаряддя, які Городцов В. О. називає формочками для виливання мідяних прутків. «Антропологія», т. I. Київ, 1928.

²⁸⁶ В. А. Городцов. Культуры бронзової епохи в Східній Росії, стр. 47, 48.

²⁸⁷ О. А. Кривцова-Гракова. Хронология памятников фатьяновской культуры, стр. 33.

Костяные орудия

Судя по разнообразию и количеству изделий из кости (рис. 32, 1—18), у фатьяновских племен была сильно развита костяная индустрия и костяные орудия и поделки являлись одними из главных орудий домашнего обихода. Они встречаются в погребениях наряду с каменными и кремневыми орудиями. Если каменные сверленные топоры-молотки характеризуют военное дело, то кремневые орудия — хозяйство в широ-

ком смысле слова, а костяные поделки — различные виды домашних работ.

Ассортимент костяных орудий разнообразен. В погребениях встречаются: долота и стамески разнообразных форм и размеров; проколки, шилья, иглы, кинжалы, ложила, кочедыки, булавки, застёжки, наконечники стрел, обломки орудий, разные орудия (рис. 33, 1—16). Все они — из костей различных животных (круп-

ного рогатого скота, овцы, оленя, косули, медведя, лося, свиньи, собаки и т. д.).

Например, большинство крупных орудий в верхневолжских памятниках сделано из костей крупного рогатого скота, медведя и лося, почти все проколки — из метаподий овцы, шилья — из костей свиньи и овцы, а кинжалы — из костей медведя.

Костяные орудия одинаково встречаются и в памятниках московско-клязьминской, и верхневолжской групп, но, как мы увидим ниже, некоторая разница наблюдается в ассортименте орудий и материала, из которого они сделаны. Например, в московских памятниках совершенно нет орудий из костей крупного рогатого скота.

Среди костяных орудий есть женские, мужские и смешанные.

Проколки и шилья (рис. 33, 2—8). Эти орудия трудно отличить друг от друга, и поэтому мы объединяем их вместе, тем более что функция и тех и других одинакова. Судя по разной толщине и длине жальца и его заостренности, эти орудия служили для изготовления одежды, обуви, шивания ремней, сумок, колчанов и, возможно, употреблялись при разнообразных плетениях (корзин из корней и прутьев, лаптей и пр.). Проколки и шилья изготовлялись обычно из костей овцы и свиньи и значительно реже — из костей других животных (косули). По-видимому, кости домашних животных не выбрасывали, а собирали для костерезного дела. Длина проколки от 5,7 до 14,5 см. Проколки и шилья найдены в могильниках всех групп фатьяновских памятников. Однако следует сказать, что в могильниках верхневолжской группы их больше, чем в московско-клязьминской, а в погребениях Балановского могильника они очень редки²⁸⁸.

В фатьяновских могильниках шилья и проколки встречаются как в мужских, так и в женских погребениях. Лежат они в могилах, как правило, у ног погребенных, где всегда размещаются сосуды, пища и другие орудия домашнего хозяйства. Вероятно, они служили повседневным орудием, которым каждый умел владеть и которое было нужно каждому. Однако есть отдельные могилы, где такие шилья не встречаются. Этими могилами являются погребения вождей (Тимофеевский могильник, погребение 15, Вауловский могильник, погребение 7, Воронковский могильник, погребение 3, Никульщинский могильник, погребение 15 и т. д.). Вероятно, они не пользовались такими проколками.

²⁸⁸ О. Н. Бадер. Балановский могильник, стр. 187, рис. 121, 1, 2, 3.

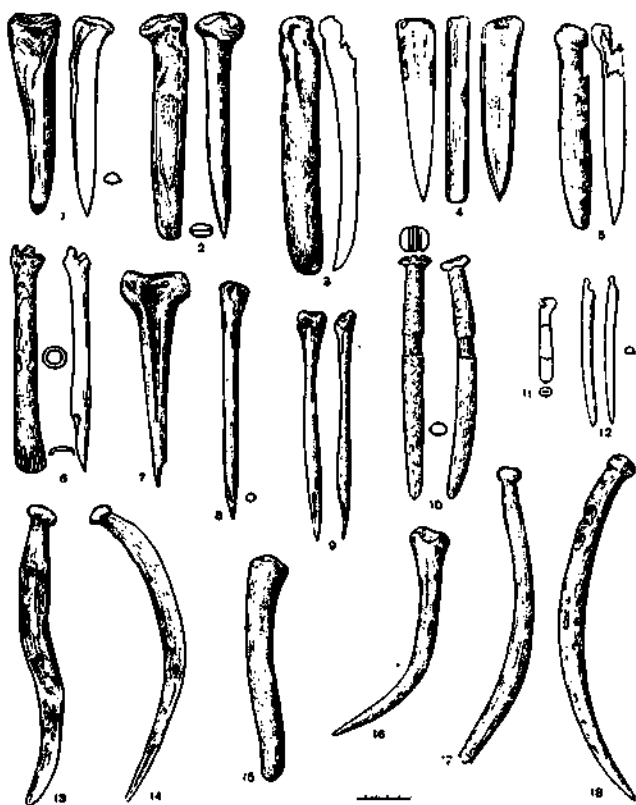

Рис. 32. Типы костяных орудий

Долота и стамески: 1 — Воронковский могильник; 2 — Голузинский могильник; 3, 5 — Великосельский могильник; 4 — Волосово-Даниловский могильник; 6 — Ивановогорский могильник; кинжалы: 7 — Вауловский могильник; 8 — Тимофеевский могильник; 9 — Милославский могильник; булавки: 10 — Никульщинский могильник; 11 — Кузьминский могильник; иглы: 12 — Ивановогорский могильник; лошала: 13 — Волосово-Даниловский могильник; 14 — Тимофеевский могильник; 15—16 — Милославский могильник; 17 — Волосово-Даниловский могильник; 18 — Воронковский могильник

Некоторые проколки украшались орнаментом. Так, на проколке из погребения 12 Тимофеевского могильника, на одной из широких сторон нанесено десять легких нарезок, идущих поперек орудия. Возможно, это и не орнамент, а какие-то специальные отметки, сделанные при работе этим орудием, своеобразные памятки, но, может быть, они означают возраст мальчика (число лет), похороненного в этой могиле. Две нарезки парных (4) и две по 3 (6).

Кроме таких шильев и проколки в погребениях найдены шилья и проколки без головок. Среди них есть разные формы, в том числе очень тонкие иглоподобные (Змеевский могильник, погребение 1, Булаинский могильник, Милославский могильник, погребение 1). Обломок шильца из Милославского могильника орнаментирован круговыми нарезками. Эти

Рис. 33. Костяные орудия

Мотыжки: 1 — Волосово-Даниловский могильник; шилья: 2—8 — Волосово-Даниловский могильник; долото: 9 — Волосово-Даниловский могильник; булавки: 10 — Никульдинский могильник; 11 — Воронковский могильник; 12 — Ханевский могильник; 13 — Болшевский могильник; кочедык: 14 — Волосово-Даниловский могильник; лоцила: 15 — Ханевский могильник; 16 — Воронковский могильник

орудия имеют те же функции, и поэтому мы разбираем их вместе. Возможно, эти пилы были в работе, поэтому их верх обломан, но не исключено и другое толкование.

В погребении 8 Волосово-Даниловского могильника найдено небольшое обоюдоострое пилце, напоминающее медные пилы. Частое нахождение пил в могилах свидетельствует о важности их в домашнем хозяйстве.

Иглы (рис. 32, 12) очень редки в Фатьяновских могильниках. Игла с просверленным ушком из кости животного найдена в женском погребении Ивановогорского могильника (№ 3). Длина ее 13 см, наибольшая ширина 1 см, диаметр ушка 0,5 см, диаметр рабочей части 0,3—0,5 см. Игла несколько изогнута, и рабочий конец сильно залощен от работы. Изогнутый тонкий костяной предмет найден в Воронковском могильнике в погребении 6. Возможно, это тоже игла.

Кинжалы (рис. 32, 7—8—9). Эти костяные орудия сравнительно с проколками — более длинные и массивные. Они также имеют заостренный конец. Длина их колеблется от 16,6 до 27,5 см. Большая часть их сделана из костей медведя. Найдено их немного. Все они, за исключением одного (Милославский могильник, погребение 1), найдены в мужских погребениях. Возможно, кинжалы из костей медведя являлись ритуальными (погребение 9 Вауловского могильника и погребение 6 Воронковского могильника).

Долота (рис. 32, 1—6 и 33, 9). Эти орудия сравнительно однообразны, так как сделаны из костей крупных животных (крупный рогатый скот, медведь, лось). Что касается лезвий, то они разнохарактерны (узкие, средние и широкие). Иногда лезвия заточены с двух сторон. Обычно долота залощены по всей поверхности, так как, видимо, ими работали без рукоятей, но рабочий конец залощен до блеска, что свидетельствует о частом употреблении этих орудий при жизни погребенного.

Длина долот от 12,6 до 22 см., ширина — от 0,6 до 1,7 см. Орудия с узким лезвием мы относим к стамескам. Всего найдено 12 долот. Все они обнаружены в мужских погребениях могильников Ярославской и Ивановской областей. Отмечается тождественность долот Халдеевского и Тимофеевского могильников. Вероятно, данный факт указывает на одновременность этих могильников.

Долота с широкими лезвиями, подобные змеевскому и халдеевскому, встречаются и в Балановском могильнике²⁸⁹. Обращает на

себя внимание тот факт, что в Балановском могильнике обнаружено несколько костяных орудий. Больше всего долот в верхнеолжских памятниках, а чем дальше на восток, тем их становится меньше. Также надо отметить отсутствие костяных орудий в среднеднепровской культуре. Костяными орудиями богаты памятники Прибалтики и неолитические памятники лесной полосы. Встречаются идентичные долота и в культурах шнуровой керамики на территории ГДР²⁹⁰.

Существование долот с разными лезвиями свидетельствует о разнообразии и тонкости деревообделочных работ. Поскольку эти долота и стамески встречаются только в мужских погребениях, то мы вправе заключить, что постройка жилищ, лодок производилась только мужчинами.

Стамески-долота (рис. 32, 6) представляют собой долотообразные орудия, сделанные из трубчатых костей крупных животных. Все лезвия зашлифованы от работы. По-видимому, этими стамесками работали по твердому материалу, так как на рабочем конце стамески из Ивановогорского могильника со спинки видны продольные параллельные нарезки и зазубрины на остром конце, соответствующие нарезкам. Эти стамески немногочисленны (4) и близки по форме. Они найдены в Ивановогорском, Михеевском, Мытищинском и Фатьяновском могильниках.

Долотовидные орудия очень близки по форме долотам первого типа. Сделаны они также из костей крупных животных, отличие — некоторая изогнутость (скошенность) рабочего конца. Рабочий конец широкий, сильно залощен. Длина от 14 до 23 см, ширина лезвия от 1,5 до 2,6 см. Эти орудия могли служить и долотами, и «подковырками», кочедыками при разных плетениях.

Их найдено всего семь экземпляров и только в двух могильниках — Великосельском и Тимофеевском. Оба могильника находятся недалеко друг от друга (в одной речной системе — Лахость, Которосль). Это сходство наряду с другими фактами подтверждает их одновременность. Особый интерес представляет долотовидное орудие из Великосельского могильника. Нижняя его половина орнаментирована глубокими черточками, расположенными наискось.

Кочедыки (рис. 33, 14) близки долотовидным орудиям. Рабочие концы и широкие, и узкие, слегка изогнутые, залощены от работы.

²⁸⁹ О. Н. Бадер. Балановский могильник, стр. 187, рис. 121, 5.

²⁹⁰ H. Behrens, F. Schlette. Die neolithischen Becherkulturen im Gebiet der DDR und ihre europäischen Beziehungen. Berlin, 1969, S. 180—181, tabl. 2, 3.

Рис. 34. Ожерелья из зубов животных и птичьих трубчатых костей
1, 3, 4 — Волосово-Даниловский могильник; 2 — Вауловский могильник

Длина этих орудий от 12,5 до 18 см. Они найдены в разных могильниках, всего их пять экземпляров. Вероятно, эти орудия служили для плетения.

Изогнутые орудия (лощила - кочедыки) (рис. 32, 13—18 и 33, 15—16). Среди них выделяются два типа. Одни сильно изогнутые, узкие и длинные, с широким залощенным долотовидным рабочим концом и грибовидной головкой (рис. 32, 13, 14, 17, 18). Длина их от 22 до 31 см, ширина лезвия от 0,8 до 1,8 см. Рабочие концы залощены с двух сторон. У некоторых на головке канавки. Разрез поперечный — линзовидный. Сделаны эти орудия из костей крупных животных (лось, олень). Их найдено всего шесть экземпляров и, за исключением одного, — все в могильниках верхневолжской группы: Воронковском (1), Волосово-Даниловском (2), Тимофеевском (1), Мытищинском (1) и Сущеvском (1).

Очень близки, даже тождественны между собой орудия из Воронковского, Тимофеевского и Волосово-Даниловского могильников. Другие орудия более короткие, широкие и менее изогнутые (рис. 33, 15). О назначении этих орудий судить трудно. Они могли быть и лощилами при выделке глиняной посуды, и кочедыками для плетения корзин, лаптей и т. д. Эти орудия найдены в мужских погребениях.

Роговые орудия (рис. 32, 15, 16). Близкими к лощилам являются роговые изогнутые ору-

дия, округлые в сечении. Они короче первых и массивнее. Их длина от 14,5 до 29 см. Орудия, сделанные из рога, не имеют головки, а из костей — имеют ее. Всего найдено семь экземпляров. Все обнаружены с погребальными комплексами в могильниках Калининской, Ярославской и Ивановской областей. Тсждественны находки из Великосельского, Волосово-Даниловского, Кривцовского и Ковровского могильников. Орудие из Лихачевского могильника тождественно орудю из Милославского могильника. Все эти орудия лежали в женских погребениях, за исключением Ковровского, найденного в мужском погребении. Опять-таки и эти находки сближают указанные выше могильники. Несколько особняком стоит так называемая мотыжка из рога, найденная в Волосово-Даниловском могильнике (рис. 33, 1).

Молоточкообразные булавки (32, 10—11; 33, 10—13) найдены только в трех могильниках — Ивановогорском, погребение 1, Воронковском, погребение 3 и в 1969 г. найдены еще две булавки — в Ханевском могильнике Можайского р-на Московской обл. К сожалению, нет точного описания ивановогорской находки, но, судя по рисунку, изданному К. Я. Виноградовым²⁹¹, она идентична булавке из Воронковского могильника (рис. 38, 13). Последняя имеет молоточко-

²⁹¹ К. Я. Виноградов. Три эпохи культуры у Ивановой Горы на р. Рузе. М., 1926, стр. 19, рис. 6.

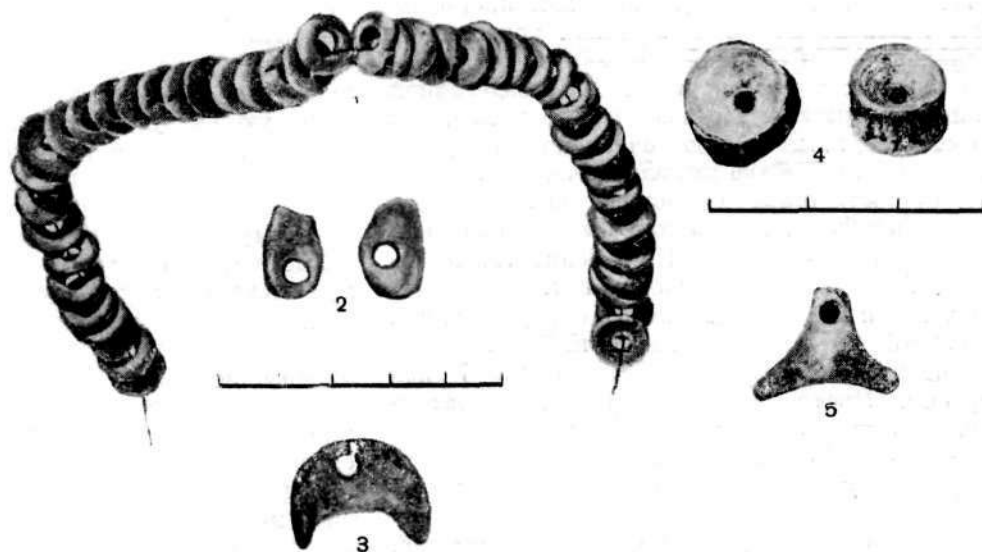

Рис. 35. Ожерелья из раковинных бусин и подвески из раковин и кости

1 — Никульцинский могильник; 2 — Тимофеевский могильник; 3 — Воронковский могильник; 4—5 — Волосово-Даниловский могильник

образную (жезловидную) головку с просверленным отверстием сверху, выходящим под углом на стержень булавки. Конец срезан и закруглен. Длина булавки 19,5 см, ширина головки 2,9 см и толщина 0,8 см. Она сделана из рога. Ханевские булавки близки булавкам из Воронковского могильника²⁹². Фатьяновские булавки типа воронковской отличаются от катакомбных булавок присутствием отверстия вверху молоточка. Вероятно, отверстие диктовалось необходимостью их специфического употребления и в этом — этнографическая особенность фатьяновских булавок.

Все булавки найдены в мужских богатых погребениях. Судя по месту расположения булавок, они могли служить креплением для плащей. Аналогичные булавки часто встречаются в погребениях ямной и катакомбной культур²⁹³. Они широко известны в культурах бронзового века Западной Европы и, в частности, в культурах шаровидных амфор и культурах боевых топоров²⁹⁴. Подобные же

булавки встречаются и в погребениях среднеднепровской культуры²⁹⁵. Широкое распространение этих булавок, вероятно, указывает на связи культур.

Датируются булавки по-разному, начиная с ямного времени и кончая позднекатакомбным, но, вероятно, их массовое распространение было в первой половине II тысячелетия до н. э.²⁹⁶

Поэтому вряд ли можно по ним датировать фатьяновские могильники. В совокупности с другими предметами можно отнести и Ивановогорский, и Воронковский могильники к началу второй четверти II тысячелетия до н. э.

Близким к этим булавкам является костяной предмет, найденный в погребении 4 Кузьминского могильника (рис. 32, 11). Головка его также молоточкообразна с отверстием в середине. Противоположный конец — тупой, с поперечной неглубокой нарезкой по диаметру сечения. Длина его 7,5 см, толщина 0,7 см, а у конца — 0,9 см. Сечение округлое и слегка сплюсненное. Найден он на берцовой кости.

В Никульцинском могильнике в погребении 15 была найдена булавка иной формы

²⁹² Н. А. Кирьянова. Ханевский могильник фатьяновской культуры. Отчет Верхневолжской экспедиции за 1970 г. Архив ИА АН СССР.

²⁹³ В. А. Городцов. Культуры бронзового века в Средней России, стр. 56, рис. 21; О. А. Кривцова-Гракова. Хронология памятников фатьяновской культуры, стр. 32.

²⁹⁴ В. А. Городцов. Культуры бронзового века в Средней России, стр. 57; М. Gimbutas. The Prehistory of Eastern Europe, p. 152, fig. 88.

²⁹⁵ И. И. Артеменко. Племена Верхнего и Среднего Поднепровья в эпоху бронзы, стр. 36, рис. 25, стр. 53.

²⁹⁶ В. А. Городцов. Культуры бронзового века в Средней России, стр. 57.

(рис. 32, 10; рис. 33, 10). Она напоминает большой кованый гвоздь с широкой уплощенной шляпкой, конец обломан, сделана из рога лося или оленя, сечение округлое. На гвоздевидной шляпке прорезаны два паза, а в средней части имеется круговая выемка, очевидно для привязывания. Эта булавка лежала за черепом погребенного мужчины. Возможно, она являлась также застёжкой плаща или была принадлежностью головного убора. Погребение также богатое. Аналогий этой булавке нет.

Костяная поделка (булавка) с двусторонней сверлиной на широком конце найдена в Воронковском могильнике в погребении 7 под черепом. Противоположный конец ее затуплен, длина 9,6 см, диаметр отверстия 0,8—0,9 см. Возможно, она относится к головному убору. В Болшевском могильнике в мужском погребении найдена большая булава особого типа, на широкой уплощенной головке — два отверстия (рис. 33, 13)²⁹⁷.

Таким образом, все булавки найдены или в могильниках Московской обл., или в ранних могильниках Ярославской обл., примыкающих к территории памятников московско-клязьминской группы.

Наконечники стрел. Костяные наконечники стрел разной формы встречены только в двух могильниках верхневолжской группы — в Тимофеевском и Волосово-Даниловском. В Тимофеевском могильнике они имеют вотивный характер, а в Волосово-Даниловском — формы, встречающиеся в более поздних неолитических поселениях Волго-Окского междуречья.

Украшения. Украшения и амулеты трудно отделить друг от друга, и поэтому мы будем рассматривать их вместе. Изготавливались они из разнообразного материала: костей птиц и животных, зубов животных, раковин речной беззубки, янтаря и меди. Поскольку предметы украшений очень часты в фатьяновских погребениях и составляют важную часть погребального инвентаря, мы вынуждены более подробно остановиться на разных видах украшений, тем более что некоторые предметы служили амулетами, изучение которых приоткрывает завесу над религиозными воззрениями фатьяновцев. Спорным моментом является и трактовка так называемых ожерелий, находимых в разных местах погребений.

Ожерелья из зубов животных, пронизок из птичьих трубчатых костей и раковинных пронизок (рис. 34 и 35).

В фатьяновских могильниках очень часты находки ожерелий из зубов животных, костей

птиц и раковин беззубки. Число пронизок ожерелий различно — от 10 до 250. Есть ожерелья, где основную часть составляют пронизки из птичьих трубчатых костей и меньшую — зубы различных животных (рис. 34, 1—4), но встречаются и смешанные ожерелья — из птичьих трубчатых костей, зубов животных и раковинных пронизок в виде «перламутровых пуговиц» с одним отверстием диаметром от 0,3 до 0,5 см. Для таких ожерелий использовались зубы главным образом трех видов животных: медведя, свиньи и собаки, но иногда и зубы хищников (куницы, лисицы, волка, рыси и др.).

Ожерелья только из птичьих костей и зубов животных встречены во многих могильниках московско-клязьминской и верхневолжской групп, в Балановском могильнике их нет. В Козловском могильнике на Средней Волге было найдено ожерелье из тонких птичьих трубчатых костей, лежащее под черепом и у правого плеча погребенного²⁹⁸.

Что касается раковинных пронизок в ожерельях, то они встречаются в смешанном виде чаще, чем в чистом — из одних раковин. В смешанном виде они известны в Кузьминском, Сущевском, Лихачевском, Буланинском, Никульцинском (рис. 35, 1) и Волосово-Даниловском могильниках, а в чистом виде — в Милославском и Вауловском могильниках.

Необходимо отметить, что почти во всех ожерельях пронизки из птичьих костей разной величины — от 0,5 до 6 см — нанизывались продольно, ритмически чередуясь с просверленными зубами животных и раковинными пронизками. Только в ожерельях из Великосельского могильника и из Тимофеевского (погребение 14) птичьих трубчатые пронизки нанизаны по-иному. В Великосельском могильнике полые косточки, нарезанные цилиндриками, располагались в ожерелье не продольно, как это следовало ожидать, а перпендикулярно, образуя широкую ленту; между группами цилиндров ритмически были размещены группы просверленных звериных зубов²⁹⁹. В Тимофеевском могильнике, в погребении 14 около лобной и теменной части черепа было найдено ожерелье из просверленных зубов свиньи, трубчатых пронизок из птичьих костей и продолговатых пронизок из раковин беззубки³⁰⁰. Трубчатые пронизки были расположены вертикально по отношению друг к другу, как и пронизки из Великосельского

²⁹⁸ А. Х. Халиков. Балановские памятники в Татарии, стр. 50, 51, рис. 15, 6, 7.

²⁹⁹ В. А. Городцов. Культуры бронзовой эпохи в Средней России, стр. 37, 38, рис. 17.

³⁰⁰ Д. А. Крайнов. Памятники фатьяновской культуры. Московская группа, стр. 31, 32.

²⁹⁷ Д. А. Крайнов. Отчет Верхневолжской экспедиции за 1970 г. Архив ИА АН СССР.

могильника. Такое расположение пронизок в двух, близко отстоящих друг от друга могильниках наряду с другими фактами свидетельствует не только об одновременности их, но и близком родстве великосельских и тимофеевских фатьяновцев.

Характерно, что недалеко от Тимофеевского могильника, в скорченном детском погребении на стоянке Сахтыш II³⁰¹ было найдено ожерелье из птичьих трубчатых цилиндров, расположенных так же, как и в ожерельях из Тимофеевского и Великосельского могильников, что свидетельствует о влиянии фатьяновского обряда на обряд погребения поздних волосовцев.

Иногда в ожерельях встречаются подвески из костей животных, как, например, подвеска в форме буквы «Г» с двумя отверстиями из погребения 5 Кузьминского могильника, подвеска из фаланги животного с отверстием из погребения 14 Никульцинского могильника и костяная подвеска в виде лунницы со сверлиной из погребения 8 Воронковского могильника (рис. 35, 3). Тожественные лунницы из кости также с одним отверстием найдены в стоянке Абора в Лубанской низменности³⁰² и на юге Прибалтики (рис. 72, 9, 10, 11), что связывает фатьяновские памятники Верхнего Поволжья и памятники со шнуровой керамикой Прибалтики. Подобные лунницы с двумя отверстиями найдены в памятниках Куршской Косы.

Нередки случаи находок в ожерельях трубчатых медных пронизок, близких по форме костяным трубчатым пронизкам. В Лихачевском и Волосово-Даниловском могильниках найдены пронизки из позвонков рыб³⁰³ (рис. 72, 4—5), а также подвески из костей животных (73, 2).

В основном эти ожерелья найдены около шеи, на лопатках, за черепом и в сосудах или около них, возле ног, главным образом в женских погребениях. В погребении 3 Вауловского могильника одно ожерелье было найдено на шее, а второе — в сосуде у ног³⁰⁴. По-видимому, все пронизки, лежащие у шеи, груди и спины, являются ожерельями и могут рассматриваться как украшения женщин. Вероятно, это относится и к ожерельям, найденным у ног и в сосудах.

Иногда так называемые ожерелья из зубов

животных, птичьих костей (цилиндров) и раковин находят не на шее и груди, а на других частях скелета и часто вокруг черепа, что позволяет говорить об употреблении пронизок для украшения одежды, обуви, головного убора, пояса и пр.

О. Н. Бадер, анализируя такие находки в погребениях Кузьминского могильника, впервые высказал предположение об использовании пронизок для украшения одежды³⁰⁵. Находки просверленных зубов животных часто встречаются в балановских погребениях у бедер и главным образом у колен: по два, четыре, пять и семь штук. О. Н. Бадер рассматривает их так же, как украшение одежды³⁰⁶. В верхневолжских могильниках уже в нескольких погребениях прослежены скопления пронизок за теменем и около черепа. В ряде случаев эти скопления располагались не в беспорядке, а рядами, иногда уходя на 10—15 см от черепа, как, например: в погребении 14 Тимофеевского могильника, в погребении 6 Никульцинского могильника, в погребениях 25, 26, 31 и других Волосово-Даниловского могильника³⁰⁷ и т. д. По-видимому, женщины носили высокие головные уборы, украшенные разнообразными пронизками из трубчатых птичьих костей, зубов животных и раковин (рис. 36).

Нередки случаи находок таких пронизок на кистях рук — их можно рассматривать как своеобразные браслеты. Пронизки, лежащие у тазовых костей, использовались, вероятно, как украшения пояса. Встречаются отдельные пронизки около бронзовых (медных) и других вещей с остатками тлена от ткани. Здесь, видимо, мы имеем дело с украшениями «футляров-сумок». Часто отдельные пронизки из зубов лежат у ног погребенного и в сосудах по несколько штук, часть которых — с незаконченными сверлинами. Их можно рассматривать как своеобразные запасы, а может быть, присутствие недосверленных зубов указывает на мастера по изготовлению ожерелий и украшений.

В погребении 5 Кузьминского могильника³⁰⁸ пронизки лежали на черепе, шее, ребрах, тазовых костях, под костями, в сосуде и пр. Вероятно, в этом случае вся одежда погребенной женщины была украшена пронизками из зубов, костей и птичьих трубчатых костей.

Подобная картина была прослежена нами и в волосовском погребении на стоянке Сахтыш VIII

³⁰¹ О. С. Газдяцкая, Д. А. Крайнов. Сахтышские неолитические стоянки. КСИА, вып. 100, 1966, стр. 38.

³⁰² Колл. Института истории АН Латв.ССР, из раскопок И. А. Лозе в Лубанской низменности. Вместе с подвесками встречены шнуровая керамика и обломки каменных сверленых топоров-молотков.

³⁰³ О. Н. Бадер. Лихачевский могильник. СА, 1937, № 2; Д. А. Крайнов. Отчет Верхневолжской экспедиции за 1967 г. Волосово-Даниловский могильник. Архив ИА АН СССР.

³⁰⁴ Д. А. Крайнов. Вауловский могильник, стр. 107.

³⁰⁵ О. Н. Бадер. Кузьминский могильник фатьяновского типа под Москвой. «Археол. сб. Гос. Эрмитажа», вып. 5, М., 1962.

³⁰⁶ О. Н. Бадер. Балановский могильник, стр. 190.

³⁰⁷ Отчеты Верхневолжской экспедиции ИА АН СССР за 1960—1965 гг. Архив ИА АН СССР.

³⁰⁸ О. Н. Бадер. Кузьминский могильник.

Рис. 36. Вид погребения с головными украшениями (погребение 44 Волосово-Даниловского могильника)

(погребения 4 и 5), где на костях кроме янтарных подвесок найдено свыше 100 пронизок из трубчатых птичьих костей в разных местах скелета³⁰⁹. Вероятно, во II тысячелетии в Волго-Окском междуречье так украшались одежды женщин не только у фатьяновских племен, но и у поздненеолитических. Не исключено влияние фатьяновцев на поздних волосовцев, тем более что оно прослеживается и по другим материалам.

Ожерелья из перечисленных выше пронизок встречаются как в московских, так и в ярославских могильниках, и в ранних, и в поздних. Абсолютно одинаковые украшения и положение их в определенных местах погребения — яркое доказательство родственности и московско-клязьминской, и верхневолжской групп памятников, а также ранних средневолжских памятников (Козловский могильник). Ожерелья из зубов и птичьих трубчатых костей встречаются в южных курганных захоронениях и в курганных погребениях под Киевом³¹⁰, очевидно, из погребений среднеднепровской культуры, Пронизки в виде цилиндров, но сделанные из

янтаря, встречаются в мегалитических погребениях Волыни вместе с шаровидными амфорами и в погребениях культуры шаровидных амфор в ФРГ³¹¹.

Выше мы писали, что иногда в ожерельях встречаются попеременно или отдельными скоплениями бусины из раковин беззубки (погребение 1 Кузьминского могильника, погребение 2 Сущевского могильника, погребение 1 Лихачевского могильника, погребение 1 Буланинского могильника, погребение 6 Никульщинского могильника, погребения 9, 26, 31 Волосово-Даниловского могильника и др.), но иногда в погребениях находят ожерелья только из раковинных бусин. В Вауловском могильнике в погребении 5 было найдено несколько бусин, лежащих на шейных позвонках мужского скелета, но особенно раковинные бусы в чистом виде прослеживались в погребении 4 Милославского могильника.

Около 100 бусин лежали в два ряда перед лицом погребенной девочки от носа до подбородка и около 50 бусин были найдены на ребрах женщины, несколько выше пояса и около локтя левой руки. Все бусы лежали плотно друг к другу, по-видимому, нанизанные на нитку. Диаметр этих бус от 0,7 до 1 см, толщина — 2,3 см. Сверху односторонние. Следует отметить, что около ног скелета женщины обнаружена кучка речных раковин (беззубки) в разложившемся

³⁰⁹ Д. А. Крайнов, Е. Н. Ерофеева. Отчеты о раскопках стоянки Сахтыш VIII в 1965 г. «Отчет Верхневолжской экспедиции за 1965 г.» Архив ИА АН СССР.

³¹⁰ В. А. Городцов. Культуры бронзовой эпохи в Средней России, стр. 38. Цилиндрики в южных курганах орнаментированы, а фатьяновские не орнаментированы.

³¹¹ M. Gimbutas. The Prehistory of Eastern Europe, p. 142, tabl. 79. II; p. 147, tabl. 84.

виде³¹². Вряд ли они были положены как запас материала для изготовления бус, так как находки раковин беззубки встречаются в фатьяновских погребениях разных могильников, в которых отсутствуют бусы из раковин. Подобные украшения вместе с просверленными зубами животных и отдельно очень часто встречаются в погребениях могильника Злоты³¹³.

Несмотря на находки раковин беззубки, в погребениях Балановского могильника не встречаются бусы из раковин, тогда как во всех других группах (московско-клязьминской и верхневолжской) они встречаются. Они могли существовать и в Балановском могильнике.

Наряду с круглыми пронизками в Кузьминском (погребение 5) и Милославском (погребение 4) могильниках найдены и продолговатые пронизки из раковин беззубки. Длина подвески из Кузьминского могильника 2,4 см, ширина — 0,7 см и толщина — 0,3 см (рис. 72, 1).

Амулеты из зубов животных. Выше мы упоминали о находках отдельных зубов разных животных со сверлинами и без сверлин вне связи с ожерельями и украшениями одежды. Положение их в погребениях представляет интерес для выяснения верований фатьяновцев. Прежде всего зубы эти относятся к определенным видам животных, чаще всего они принадлежат свинье, собаке и медведю, реже куннице, кабану, лисице.

Зубы первых трех видов животных часто встречаются лежащими у ног погребенных, около костных остатков пищи. Число их колеблется от одного до семи. Они найдены в погребениях 10 и 14 Тимофеевского могильника, в погребении 4 Милославского, в погребениях 8 и 12 — Воронковского могильника, в погребении 12 Никульцинского могильника, в погребении 3 Кривцовского могильника, в погребениях 8, 25, 26, 27, 31 Волосово-Даниловского могильника и т. д. Места их находок разные. В некоторых случаях их можно рассматривать как символы размножения тех животных, с костными остатками которых они положены в погребение. О. Н. Бадер придает им значение амулетов, но считает также, что их могли нашивать на одежду как украшения³¹⁴. Некоторые зубы свиньи (кабана), собаки и медведя безусловно служили амулетами. Такие зубы располагаются в погребениях по одному и в определенных местах.

Очень часты находки клыков свиньи и больших клыков кабана. Они обнаруживаются в

Рис. 37. Амулеты из клыков медведя и свиньи

1 — Вауловский могильник; 2 — Фатьяновский могильник; 3 — Фатьяновский могильник; 4, 5 — Тимофеевский могильник; 6 — Волосово-Даниловский могильник

определенных местах погребений: в сосудах, у ног погребенного (Вауловский могильник, погребение 3; Тимофеевский могильник, погребение 2; Фатьяновский могильник, Великосельский могильник, Волосово-Даниловский могильник, погребения 7, 8, 27, 30, 31). По-видимому, они имели символическое значение (рис. 37, 4—6). Иногда клыки свиньи или кабана встречаются лежащими около кистей рук (Вауловский могильник, погребение 9б, Тимофеевский могильник, погребение 6 и др.). Эти находки следует рассматривать как амулеты. Зубы собаки со сверлинами, особенно клыки, также встречаются в погребениях не только как украшения в ожерельях и нашивках на одежде, но и как обереги. В Тимофеевском могильнике, в погребении 1 — по одному зубу собаки найдено с двух сторон погребального сооружения. В Никульцинском могильнике, в погребении 12 два зуба без сверлины найдены около черепа, а три зуба — у плеча, в погребении 14 Тимофеевского могильника зубы собаки лежали около ног, у сосуда.

Амулеты из клыков медведя (рис. 37, 1—6). Медвежьи клыки со сверлиной очень часто встречаются почти во всех могильниках фатьяновской культуры. Один клык из Фатьяновского могильника оказался с медным колечком, а другой — с орнаментом в виде елочка (рис. 37, 2, 3). Медвежий клык из Вауловского могильника был имитацией медвежьего клыка с елочным узором (рис. 37, 1).

Подобные медвежьи клыки обнаружены и в Балановском могильнике (могила 46). Сверление на клыках — коническое, одностороннее, а иногда двустороннее. Диаметры сверлины 0,5 — 0,3 см. Сверление производилось, вероятно, кремневым сверлом.

Медвежьи клыки встречаются лежащими в разных местах могил, но больше всего их у кисти левой руки погребенного (Вауловский могильник, погребение 9 а; Воронковский могильник, погребения 4, 7; Голузинский могильник, погребение 2; Наумовский могильник, погребение 2; Никульцинский могильник, по-

³¹² Д. А. Крайнов. Памятники фатьяновской культуры. Московская группа. стр. 32; О. С. Гадяцкая. Милославский фатьяновский могильник. «Памятники каменного и бронзового веков Евразии». М., 1964. стр. 90—91.

³¹³ Л. Крзак. Указ. соч., стр. 30, рис. 27, 12; стр. 99, рис. 95.

³¹⁴ О. Н. Бадер. Балазовский могильник, стр. 190.

гребения 7, 15; Балановский могильник, погребение 80; Чурачикский могильник, погребение 2; Козловский могильник, погребение 2³¹⁵ и др.). Подобное расположение не может быть случайным. Оно, безусловно, относится к области верований фатьяновцев. Видимо, медведь был священным животным, и его клыки люди носили в качестве амулетов. В связи с общностью этого явления для всех групп фатьяновской культуры невольно напрашивается и другой вывод — об общности культуры как на Верхнем, так и на Среднем Поволжье и о близком родстве этих культур.

Представляет интерес нахождение в ряде случаев вместе с медвежьим клыком и кремневого ножа (Наумовский могильник, погребения 7, 15; Воронковский могильник, погребение 7; Чурачикский могильник, погребение 2 и др.). Данный факт, вероятно, имеет какое-то особое значение, пока неясное, но, по-видимому, оба предмета взаимосвязаны. Кстати, кремневые ножи, лежащие около руки или пояса, встречаются только в мужских погребениях, а в женских они всегда находятся около сосудов или в сосудах. Этим, вероятно, подчеркивается разница в ведении хозяйства. Женщины ведут домашнее хозяйство, а мужчины проводят время в походах (пастух, воин, охотник). Медвежьи клыки найдены только в мужских погребениях, а в детских — только с мальчиками. Это тоже показательный факт. Иногда медвежьи клыки встречаются около черепа погребенного (Скомороховский могильник, погребение 2 и Балановский могильник).

Медвежьи клыки как амулеты найдены и в Прибалтике. В Литве, например, легенды о превращении человека в медведя существовали до последнего времени. Ни в каких южных культурах медвежьи клыки не встречаются. Этот

культ развит только в лесной полосе. Существовал он и у волосовцев в Волго-Окском междуречье.

Янтарные подвески (рис. 73, 3—7). Янтарные украшения очень редки в фатьяновских могильниках. Они найдены в Истринском могильнике, в погребении 5, в Кузьминском могильнике, в погребении 5, Волосово-Даниловском могильнике, в погребениях 74 и 81. Янтарная бусина из Истринского могильника (рис. 35а, 3) имеет округлую уплощенную форму диаметром $2 \times 2,5$ см, толщиной 1 см, диаметр отверстия 0,3 см. Условия находки неизвестны. Подобная бусина из красноватого янтара встречена в волосовском слое стоянки Сахтыш I³¹⁶. Поделка из Кузьминского могильника, сделанная из желтоватого янтара, имеет удлиненную форму (рис. 73, 4). Один конец ее узкий, а другой широкий. На последнем просверлено сквозное отверстие. Длина его 3 см, наибольшая ширина 1,2 см, толщина 0,7 см. Поперечное сечение — полуовал.

Подобные продолговатые подвески найдены в могилах днепро-деснинской группы среднеднепровской культуры (Стрелица, Столпники и др.)³¹⁷. Продолговатые подвески известны и в погребениях культуры Злота³¹⁸. Янтарные подвески из Волосово-Даниловского могильника напоминают по форме зубы медведя (рис. 73, 5—7).

Находки янтарных подвесок в могильниках днепро-деснинской группы и московско-клязьминской группы сближают их, что наряду с другими фактами является новым доказательством одновременности существования и, видимо, родства людей, оставивших эти памятники.

Весьма вероятно, янтарь фатьяновцы получали от среднеднепровцев или прямо из Прибалтики.

³¹⁵ Обращает на себя внимание не только одинаковость расположения медвежьих клыков в Балановском и Козловском могильниках, но и присутствие рядом медных трубчатых пронизок, возможно, от украшения футляра. К сожалению, не выяснено местоположение клыка в Ивановогорском могильнике и клыков медведя в Волосово-Даниловском ввиду разрушенности погребений грабителями.

³¹⁶ Д. А. Крайнов. Раскопки стоянки Сахтыш. I. Отчет Верхневолжской экспедиции за 1962 г. Архив ИА АН СССР.

³¹⁷ И. И. Артеменко. Племена Верхнего и Среднего Поднепровья в эпоху бронзы, стр. 53, рис. 40; стр. 54, рис. 41.

³¹⁸ Z. Krzak. Указ. соч., стр. 112, рис. 109.

Керамика фатьяновской культуры

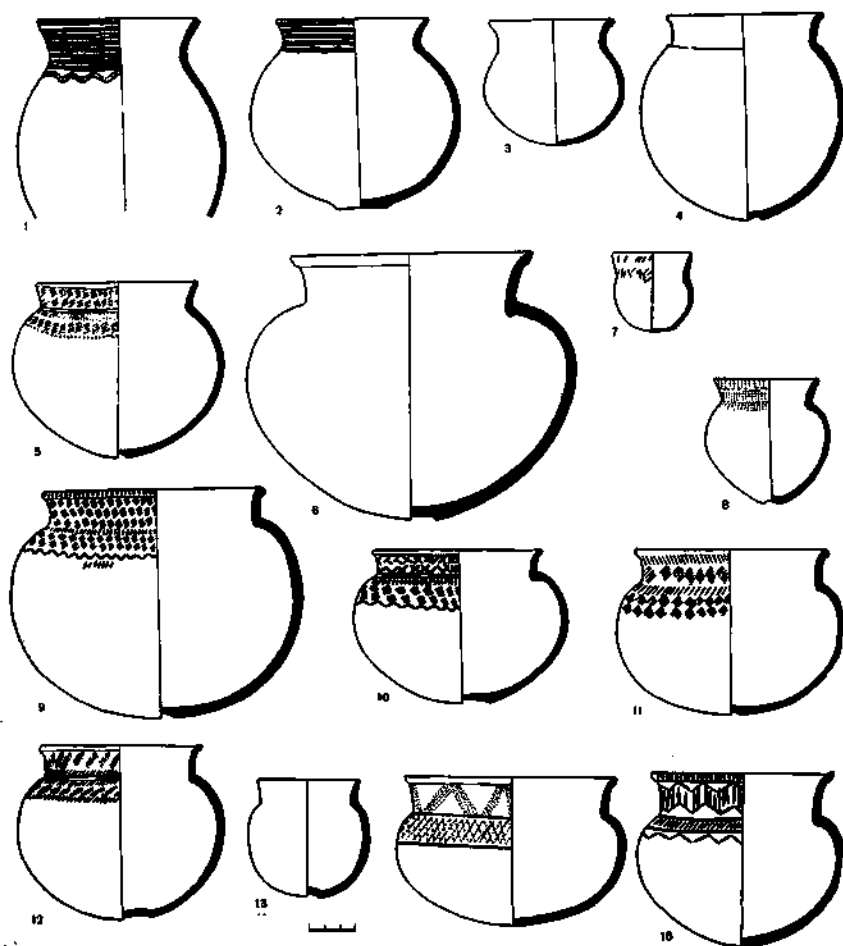
Впервые описание фатьяновской керамики дал В. А. Городцов. Он писал, что керамика фатьяновской культуры, «хотя не отличается ни особенным разнообразием форм, ни совершенством техники, ни изяществом орнамента, тем не менее имеет вполне сложившийся вы-

разительный характер»³¹⁹. В то время было открыто несколько могильников и сосуды исчисляли десятками. Поэтому В. А. Городцов и смог выделить только четыре основных типа

³¹⁹ В. А. Городцов. Культуры бронзовой эпохи Средней России, стр. 40.

Рис. 38. Основные типы и подтипы фатьяновских сосудов

Высокошейные сосуды: 1—3 — сосуды с эсовидным профилем; 4—8 — сосуды с «раструбной» шейкой; 9, 10, 11 — сосуды с прямой шейкой; 12—15 — высокошейные низкие сосуды с прямой и «раструбной» шейкой

сосудов: 1) шаровидный, 2) высокошейный, 3) цилиндрошейный и 4) чашевидный.

По существу эти типы и сейчас могут включить в себя все фатьяновские сосуды, но такое их деление не отобразит всего характера форм фатьяновской керамики, и, кроме того, следует все же придеживаться единообразного критерия в делении на типы.

О. А. Кривцова-Гракова не классифицировала фатьяновскую керамику по типам, но сделала попытку показать ее развитие с древнейших времен и до более позднего времени³²⁰. С некоторыми поправками с данным положением можно согласиться. Однако вряд ли можно считать правильным ее вывод о том, что фатьяновская керамика «с самого начала воспринимала и формы, и орнаментику посуды разнообразных культур, порой весьма отдаленных, расположенных на западе и северо-западе, на юге и юго-востоке»³²¹. С момента появления фатья-

новской культуры ее керамика имела определенные формы, возникшие на исходной протофатьяновской территории. В процессе развития появлялись новые формы и не только под влиянием извне или смешения с другими племенами, но и в силу собственного развития.

В основной схеме эволюции сосудов О. А. Кривцовой-Граковой не вызывает особых возражений, но требует значительного уточнения, так как все указанные ею формы сосудов встречаются во всех группах, но в разном количестве. Отбросив варианты основных типов сосудов она, по нашему мнению, допустила ошибку, приведшую ее к прямолинейной упрощенной трансформации в развитии фатьяновской культуры от одной группы к другой с прекращением существования предыдущей. Соглашаясь с общей тенденцией в развитии фатьяновской посуды от удлиненной формы к приземистой и от эсовидной шейки к прямой и цилиндрической, мы на основании изучения всех фатьяновских сосудов должны дать несколько иную картину развития посуды.

³²⁰ О. А. Кривцова-Гракова. Хронология памятников фатьяновской культуры. стр. 24, 25, рис. 7.

³²¹ Там же, стр. 25.

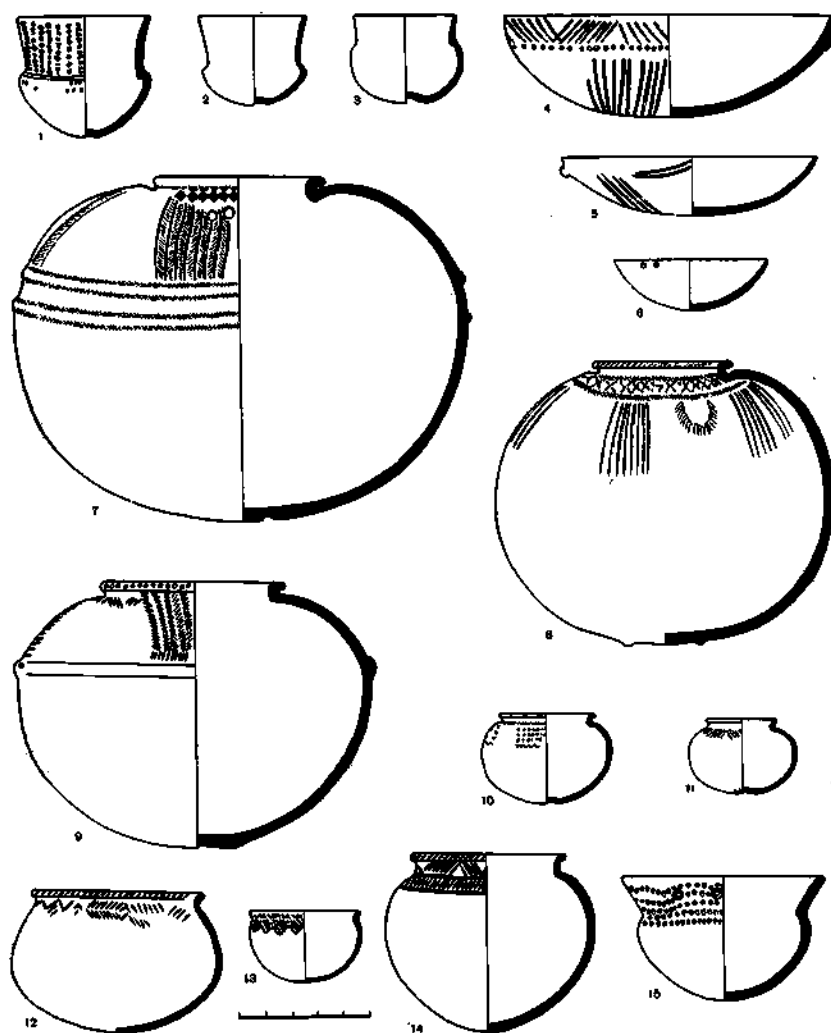

Рис. 39. Основные типы и подтипы фатьяновских сосудов

1, 2, 3 — длинношейные, 4—6 — бесшейные (чашевидные); 7, 8, 9, 10, 11 — низкошейные; разные сосуды (атипичные); 12, 14 — Буньковский могильник; 13 — Детчинский могильник; 15 — Ошурковский могильник

Если раньше количество сосудов фатьяновской культуры насчитывалось десятками, то теперь оно исчисляется сотнями. К настоящему времени мы имеем около 600 сосудов, не считая обломков сосудов из мест поселений. Около половины сосудов восстановлено, и можно судить об их форме и размерах.

В данной работе мы не будем рассматривать сосуды по могильникам, а дадим их общую характеристику по типам.

Создание типологии фатьяновских сосудов затруднительно, как и вообще создание всякой типологии. Как мы писали выше, В. А. Городцов выделил четыре типа фатьяновских сосудов по разным признакам — по форме сосудов и по форме шейки. Единый признак выделения типов фатьяновской посуды трудно установить, но все же можно.

В нашей работе «Памятники фатьяновской культуры. Московская группа», мы выделили

10 типов сосудов³²² для могильников московской группы. Теперь же, рассматривая сосуды всех групп, необходимо несколько изменить эту классификацию.

Сосуды фатьяновской культуры делятся на две основных категории: круглодонные и плоскодонные. В свою очередь круглодонные можно разделить на четыре основных типа (рис. 38, 39): 1) высокошейные; 2) длинношейные; 3) низкошейные; 4) бесшейные (чашевидные).

Таким образом, в делении фатьяновской посуды на основные типы будет выдержан единый принцип, тем более что он взят по одной из основных частей сосуда — шейке, которая на протяжении развития сосудов претерпевает коренные изменения больше всех других частей и по ней легко проследить развитие керамики.

³²² Д. А. Крайнов. Памятники фатьяновской культуры. Московская группа, стр. 19—22.

Что касается плоскодонных сосудов, то пока мы не можем выделить типы этих сосудов, так как их немного. Они еще не составляют рядов классификации. Каждый из выделенных типов можно разбить на подтипы. В основу деления на подтипы положены форма сосудов и их относительная высота, т. е. их удлиненность, бомбовидность, шаровидность, уплощенность и т. д.

Кроме этих основных типов, среди сосудов есть формы, не укладывающиеся в нашу классификацию, но они встречаются в единичных экземплярах. Описание их будет произведено ниже.

Рассмотрим типы и подтипы в указанном порядке.

Первый тип — высокошейный (рис. 38 и рис. 40, 14—17). Сосуды этого типа — самые распространенные среди фатьяновских сосудов. Они отличаются от остальных типов и по форме тулова, и по наклону шейки, и по профилю.

В-1 (рис. 38, 1, 2; рис. 40, 14—17) — высокошейный удлиненный (высокий) с эсовидным профилем. Эти сосуды довольно резко отличаются от остальных высокошейных сосудов. Их шейка, отогнутая наружу (в большей или меньшей степени), не отделена от плечиков. В разрезе она имеет вид изогнутой линии (эсовидной). Плечики покатые (не раздутые). Среди этого типа сосудов встречаются разнохарактерные формы с почти ровным туловом, с расширенным в середине туловом, с расширенным ко дну туловом, с суживающимся ко дну туловом и крышкообразной формы. Шейки также различны. Бывают сильно отогнутые наружу или почти прямые. Однако у них у всех шейка не оформлена и тулово удлиненное. В каждом могильнике отмечаются несколько специфические формы этих сосудов, но общий признак — эсовидная шейка — объединяет их. Следует отметить, что края шеек всех этих сосудов не имеют бортиков. Размеры их различны.

Большая часть сосудов — среднего размера. Крупных сосудов нет. Эти сосуды найдены во всех могильниках московско-клязьминской группы, за исключением Буньковского. В меньшем числе они встречаются в ранних верхневолжских могильниках (Олочинском, Голузинском, Милославском, Наумовском.)

Можно констатировать, что эта форма (тип) сосудов характерна для московско-клязьминской группы фатьяновских памятников, но встречается в небольшом числе и в ранних памятниках верхневолжской группы.

Следует отметить, что сосуды с эсовидным профилем и близких форм также характерны и для могильников днепро-деснинской группы среднеднепровской культуры, и для ранних памятников астонской культуры ладьевидных

топоров, и вообще для ранних памятников культуры боевых топоров и шнуровой керамики.

В-2 (рис. 38, 3 и рис. 40, 26) — высокошейный приземистый (низкий) с эсовидным профилем. Сосуды этого типа также имеют эсовидный профиль, но низкое тулово, более расширенные плечики и уже в большей степени оформленную шейку. Размеры их также различны. Найдены они в основном в Никульцинском, Верейском и Тимофеевском могильниках, т. е. в поздних московско-клязьминских и ранних верхневолжских могильниках. По одному экземпляру они встречаются в Фатьяновском и Волосово-Даниловском могильниках.

В основном это сосуды небольших размеров. Близкими к данному подтипу, но с еще более выраженной шейкой являются шесть сосудов небольших и средних размеров, найденные по одному экземпляру в Верейском, Истринском, Ахтырском, Олочинском и Тимофеевском могильниках (рис. 33, 8). Опять-таки эти приземистые высокошейные подэсовидные сосуды найдены в поздних московско-клязьминских могильниках и ранних верхневолжских.

В-3 — высокошейный удлиненный (высокий), с шейкой, отогнутой наружу (раструбом) (рис. 41, 13, 14, 20—24). Эти сосуды близки эсовидным, и, вероятно, являются дальнейшим развитием сосудов первого подтипа. Все они имеют высокую шейку, идущую раструбом (у одних больше, у других меньше). Надо отметить, что у московско-клязьминских сосудов раструбов больше, чем у ранних верхневолжских. Часть сосудов (более поздних) имеет частично оформленный край в виде бортика, чего не наблюдалось у эсовидных сосудов. Большинство сосудов характеризуется уже довольно широкими плечиками и туловом, суживающимся ко дну. Все сосуды удлинены. Размеры их различны.

Сосуды этого типа более многочисленны. Они встречаются в поздних могильниках московско-клязьминской группы, в ранних могильниках верхневолжской группы и поздних ивановских могильниках той же группы.

Распространение сосудов этого подтипа в ивановских могильниках и в ранних комплексах Коваловского и Балановского могильников средневолжской группы³²³ может свидетельствовать о передвижении московско-клязьминских и окско-деснинских племен на восток. Надо отметить, что почти все данные сосуды

³²³ Вероятно, наличие таких сосудов в средневолжских памятниках объясняется тем, что они связаны через Окский путь со Средним Днепром, где эти формы встречаются и, возможно, частичным проникновением московских племен по клязьминскому пути на восток.

Рис. 40. Подтипы фатьяновских сосудов

низкошейные: 1 — Н — 1а; 2, 3 — 1б; 3—5 — Н — 1в; 6—7 — 1г; 8, 9 — Н2; 10, 11, 12, 13 — Н3 (1—13 — из Волосово-Даниловского могильника); высокошейные: 14 — В1 — Ханевский могильник; 15 — В1 — Милославский могильник; 16—17 — В1 — Олочинский могильник; 18 — Д2 — Ильинско-Хованский могильник; 19 — Д1 — Воронковский могильник; 20 — Д1 — Волосово-Даниловский могильник; 21 — Д1 — Кривцовский могильник; 22 — Д3 — Карашский могильник; особые сосуды: 23 — Кривцовский могильник; 24 — Ошурковский могильник; 25, 26 — Тимофеевский могильник

Рис. 41. Подтипы высокошейных фатьяновских сосудов

1 — В — 4а; 2, 3 — В — 4б; 4 — В — 4в; 5, 6 — В — 4г; 7, 8 — В — 4д; 9—12 — В6; 13, 14, 20, 21, 22, 23, 24 — В3; 15, 16 — В5; 17 — В7б; 18 — В8; 19 — В — 7а;
1, 8, 14 — Тимофеевский могильник; 2 — Ильинско-Хованский могильник; 3, 4, 7, 12, 16, 17, 18, 19, 20 — Волосово-Даниловский могильник; 5, 11, 15 — Кривцовский могильник; 6, 24 — Болшевский могильник; 9 — Овинищинский могильник; 10, 22, 23 — Ханевский могильник; 13 — Никульщинский могильник; 21 — Воронковский могильник

имеют на дне ямки, и только четыре из них орнаментированы. Кольцевой налп только у сосуда из Олочинского могильника.

Вероятно, сосуды этого подтипа связаны своим происхождением с эсвидными сосудами, распространенными в памятниках московско-клязьминской группы, в среднеднепровской культуре и в прибалтийской культуре ладьевидных топоров.

В-4 — высокошейный, шаровидный, приземистый (низкий), с шейкой, отогнутой наружу раструбом. Эти сосуды многочисленны и неодинаковы по форме. Поэтому их пришлось разбить на несколько групп (рис. 41, 1—8).

В-4а (рис. 41, 1) — высокошейный, подшаровидный, приземистый, с раструбной шейкой. Шейка этого подтипа имеет меньший раструб и приближается к прямой. В некоторых случаях по краю шейки только начинает появляться бортик (отгиб венчика), эсвидности совсем нет, плечики расширены и тулово принимает почти шаровидную форму. Большая часть сосудов средних размеров.

Только два сосуда не имеют на дне ямок. У двенадцати сосудов ямки без орнамента, а у девяти — с орнаментом, два сосуда имеют вместо ямок кольцеобразные налпы. Эти сосуды, как и предыдущего подтипа, найдены в основном в ранних могильниках верхневолжской группы, примыкающих к границе распространения памятников московско-клязьминской группы, что также не противоречит нашей схеме развития керамики.

В-4б (рис. 41, 2, 3) — высокошейный, шаровидный, приземистый, с раструбной шейкой. Эти сосуды несколько удлинены, широкое шаровидное тулово постепенно суживается ко дну, напоминающая подяйцевидную форму, плечики широкие, и шейки поставлены к ним под углом. На некоторых шейках намечается оформление бортиков. На днищах всех имеются ямки. На пяти есть орнамент вокруг ямок. Размеры сосудов различны, они встречаются в могильниках Ивановской и Ярославской областей.

В-4в (рис. 41, 4) — высокошейный, шаровидный, приземистый, с раструбной шейкой. Эти сосуды отличаются еще большей приземистостью. Характеризуются они относительно высокой шейкой, расходящейся к горлу раструбом. Края шеек сосудов из более ранних могильников верхневолжской группы не оформлены особым бортиком, а у сосудов из поздних могильников той же группы оформлены. Шейки поставлены под углом к плечикам, последние расширены. Эти сосуды найдены в следующих могильниках: Никульгинском, Воронковском, Тимофеевском, Мытищинском и Волосово-Даниловском.

В-4г (рис. 41, 5, 6) — высокошейный, шаровидный, высокий, с раструбной шейкой. Эти сосуды составляют довольно многочисленную подгруппу. Венчики большинства их оканчиваются слабо выступающими бортиками³²⁴. Плечики расширены, тулово шаровидное и несколько уплощено у некоторых сосудов. Днища у части сосудов широкие, и эти сосуды производят впечатление приземистости, а у других днища суживаются, и сосуды кажутся более высокими и удлиненными. Первый случай наблюдается у сосудов из Протасовского и Тимофеевского могильников, а второй — у более поздних (Вауловский, Фатьяновский, Волосово-Даниловский и др.). На днищах сосудов из Карапского и Горкинского могильников нет ямок на дне (как и у большинства сосудов московско-клязьминской группы), а на других десяти сосудах есть, четыре из них без орнамента и шесть с орнаментом. Опять-таки сосуды с орнаментом на днищах относятся к более поздним могильникам. Большинство сосудов имеет средние размеры, но есть и несколько крупных.

В-4д (рис. 41, 7, 8) — высокошейный, приземистый, шаровидный, с раструбной шейкой. Эти сосуды разнохарактерны и составляют довольно значительную группу. Они имеют сравнительно невысокую шейку, у некоторых сосудов она почти низкая, но поставлена раструбом с оформлением края в виде бортика. Шейка расположена под углом к тулову. Плечики расширены. Тулово шаровидное, уплощенное (приземистое). Их размеры различны. На днищах сосудов есть ямки, три днища с орнаментом. Этот подтип сосуда характерен для Фатьяновского и Вауловского могильников.

В-4е — высокошейный, приземистый, шаровидный, с раструбной шейкой. К ним относятся два сосуда, найденные в Горкинском и Быстринском могильниках. В отличие от предыдущих они имеют более высокую шейку, поставленную под углом к тулову, расширенные плечики, уплощенное тулово и широкое дно. Ямка на дне — только у горкинского сосуда.

Следует отметить, что в поздних могильниках появляется значительное число мелких вотивных сосудов, сделанных специально для погребений.

В-5 — высокошейный, шаровидный, высокий, с раструбной шейкой (рис. 41, 15—16). Эти со-

³²⁴ Следует отметить, что если такие бортики совершенно отсутствуют на сосудах с эсвидным профилем и редки на высокошейных удлиненных сосудах с раструбной шейкой, то на последующих категориях высокошейных сосудов с раструбной шейкой они встречаются все чаще, а на высокошейных сосудах с прямой шейкой они господствуют и резко очерчены.

суды несколько выделяются своей шаровидной формой и большими размерами. Характеризуются они высокой шейкой, расходящейся раструбом. Края шеек оформлены нависающим бортиком. Шейки поставлены под углом. Плечи сосудов широкие. Тулово шаровидное, суживающееся ко дну. Всего сосудов четыре. Размеры их крупные. На днищах двух сосудов есть ямки без орнамента, на остальных нет. Сосуды найдены в Скомороховском, Волосово-Даниловском и Протасовском могильниках.

Следующие подтипы высокошейных сосудов составляют разнохарактерные формы с прямой шейкой. По-видимому, эти сосуды являются дальнейшим этапом развития фатьяновских сосудов.

В-6 — высокошейный, удлиненный (высокий), с прямой шейкой (рис. 41, 9—12). У многих сосудов прямая шейка оформлена бортиком, за исключением Протасовского сосуда, имеющего прямую шейку без бортика. Плечики сосудов покатые (узкие). Тулово удлиненное с расширенным или со слегка суживающимся дном. Днища или без ямок, или с ямками без орнамента. Размеры сосудов разные. Больше мелких, но есть средние и один крупный. Сосуды такого типа найдены: в Голузиновском (1), Сушевском (2), Истринском (1), Никульцинском (1), Протасовском (1), Кривцовском (1), Гулякинском (1), Чуркинском (1), Горкинском (1) и Тимофеевском (1) могильниках. Последний сосуд имеет несколько раструбную шейку.

В-7а — высокошейный, шаровидный, приземистый (уплощенный), с прямой не очень высокой шейкой (рис. 41, 19). Всего сосудов этого вида восемь. Они разнохарактерны, но все широкогорлые, приземистые. Два сосуда имеют подреповидную форму (буньковский и верейский), широкие плечики и уплощенное тулово, а другие — более узкие плечики и суженное дно. Шейки у всех прямые, с отогнутым, хорошо оформленным бортиком. Они соединяются с туловом под углом. На днищах сосудов имеются ямки без орнамента только в двух случаях, с орнаментом в одном случае, а остальные без орнамента. Сосуды эти позднего типа. Они найдены в следующих могильниках: Истринском, Буньковском, Верейском, Вауловском, Скомороховском, Волосово-Даниловском. () позднем времени этих сосудов свидетельствуют орнамент, примеси и присутствие на плечиках бортика.

Из группы данных сосудов несколько выделяются сосуды с прямой цилиндрической шейкой. Они отнесены нами к подтипу В-7б.

В-7б — высокошейный, приземистый, с высокой прямой шейкой (рис. 41, 17). Сосуды

характеризуются высокой прямой шейкой с нависающим бортиком, узкими или отлогими плечиками и приземистым шаровидным туловом. Размеры сосудов средние и маленькие. На днищах сосудов есть ямки и только на одном — с орнаментом.

Эти сосуды найдены в следующих могильниках: Фатьяновском, Волосово-Даниловском, Чижовском (Качалкинском) и Чуркинском. Следует указать, что чуркинские сосуды имеют несколько удлиненную форму и покатые плечики, продолжающие московско-клязьминскую традицию.

В-8 — высокошейный, шаровидный (высокий), с прямой шейкой (рис. 41, 18). Общими чертами этих разнохарактерных сосудов являются: прямая шейка с очень небольшим наклоном наружу, с нависающим бортиком (в разной степени), развитые плечики и шаровидное тулово. Некоторые сосуды несколько уплощены и имеют широкое дно, а другие — несколько покатые плечики и тулово, суживающееся ко дну. Некоторая разница есть и в наклоне шеек. Найдено всего 16 сосудов. У всех сосудов ямки без орнамента на дне и только у трех — с орнаментом. Сосуды найдены только в поздних могильниках верхневолжской группы.

Второй тип — длинношейный (рис. 39, 1, 2, 3, 40, 15, 20, 21).

В. А. Городцов выделил сосуды с удлиненной шейкой в особый тип, назвав его цилиндрошейным. В его время имелся только один такой сосуд в Фатьяновском могильнике. В настоящее время их больше. Они разнохарактерны и разделены нами на четыре подтипа.

Рассмотрим их в указанном выше порядке.

Д-1 (рис. 40, 15, 20, 21) — длинношейный, приземистый, имеет высокую шейку, расходящуюся вверх раструбом. Тулово с выраженными плечиками очень небольшое и низкое. На днищах таких сосудов имеются ямки с орнаментом (Добрищево) и без орнамента. Один сосуд не имеет ямки (Ошурково).

Эти сосуды найдены в Фатьяновском могильнике, Ошурковском, Добрищевском, Воронковском, Кривцовском и Волосово-Даниловском. Особенно близки между собой сосуды из Фатьяновского, Волосово-Даниловского и Добрищевского могильников.

Д-2 — длинношейный крышковидный (рис. 40, 18).

Эти сосуды близки, по-видимому, к высокошейным сосудам из Ивановогорского, Икшанского и Кузьминского могильников. Они по форме напоминают современные крынки. Таких сосудов найдено два: в Ильинско-Хованском могильнике и Говядиновском. Оба имеют эсвидный профиль, длинные (раструбом)

шейки и несколько разное тулово. У ильинско-хованского сосуда тулово низкое, с раздутой серединой и суживающимся дном, а у говядиновского — тулово выше и шире. Размеры сосудов небольшие. Близкий по форме сосуд найден в погребении 4 Олочинского могильника.

Д-3 — длинношейный, приземистый, кубковидный (низкий) (рис. 40, 22). Сосуды имеют высокую, несколько раструбом, прямую шейку и приземистое, полушаровидное тулово. Плечики выражены слабо. На днищах ямки (одни с орнаментом). Сосуды найдены в Протасовском (1) и Карашском могильниках.

К этому же подтипу можно отнести и так называемые небольшие сосудики, названные нами кубковидными. Они имеют прямую, довольно высокую шейку или шейку с небольшим раструбом, переходящую под углом в почти отлогие плечики; тулово короткое. Всего найдено шесть таких сосудов: в Никульцинском, Протасовском, Истринском, Ильинско-Хованском могильниках. Возможно, эти сосуды относятся к вотивным.

Перечисленные виды длинношейных сосудов, найденные в могильниках верхневолжской группы, представляют значительный интерес для решения вопроса о происхождении фатьяновской культуры и о расселении племен фатьяновской культуры.

Эти сосуды по своей форме близки к так называемым сосудам культуры колоколовидных кубков и к блоковидным сосудам среднеднепровской культуры. Подобные формы сосудов встречаются не только в среднеднепровской культуре, где имеются буквально тождественные по форме, но и в культурах боевых топоров Прибалтики, Дании, Швеции, Финляндии и пр.

В. А. Городцов связывал цилиндрические сосудики из Фатьяновского могильника со среднеднепровскими и западноевропейскими бокаловидными формами сосудов. Последнему фактору В. А. Городцов отводил особое место. Он считал, что фатьяновская керамика соприкасалась с «широким миром западноевропейской шнуровой керамики»³²⁵.

Связывая генетически фатьяновскую культуру с Кавказом, В. А. Городцов в то же время отводил особое место и связям фатьяновской культуры со шнуровыми культурами Запада и со среднеднепровской.

Одинаковые формы сосудов в фатьяновской, среднеднепровской и прибалтийской зонах распространения культур боевых топоров являются наряду с другими фактами неоспоримым

доказательством общности фатьяновской, прибалтийской и среднеднепровской культур.

Находки длинношейных (цилиндршейных), почти тождественных сосудов в могильниках днепро-деснянской группы и в фатьяновских могильниках, а также на поселении Ош-Пандо позволяют видеть в этом не только соседственную связь, но и родственность этих культур, а также дают право утверждать о проникновении этих форм сосудов на восток по Волге и Клязьме с Запада, а не со Среднего Поволжья.

Третий тип — низкошейный шаровидный (рис. 39, 40).

Низкошейные сосуды разнообразны и по своим размерам, и по форме. Однако они объединяются в один тип по следующим общим признакам: низкой шейке с развитым сильно или слабо отогнутым наружу венчиком, узким горлом по сравнению с туловом, широкими плечиками, шаровидностью, а иногда и реповидностью тулова, сравнительной толстостенностью, лошеностью внешней поверхности, несколько уплощенным дном с характерной ямкой, а у крупных сосудов — чаще с кольцеобразным налетом вокруг ямки. Однако наряду с этими общими признаками низкошейные сосуды отличаются друг от друга по форме, размерам и по отдельным мелким деталям.

Некоторые сосуды имеют по две небольшие ручки, расположенные несколько выше середины сосуда, часть сосудов без ручек, но с канавкой и двумя налестями, проходящими вокруг сосуда или по центру, или несколько выше, иногда канавки нет, а ее заменяет один налестный валик. Чаще всего и валики, и ручки, и канавки отсутствуют, а вместо них нанесен орнамент.

Всего в фатьяновских могильниках, за исключением Балаковского, найдено около 70 низкошейных сосудов «амфорной и амфоровидной формы»³²⁶. За исключением трех сосудов из Кузьминского могильника, все остальные обнаружены в могильниках Ярославской и Ивановской областей. Самое большое число сосудов амфорного вида найдено в Вауловском, Фатьяновском и Волосово-Даниловском могильниках. Здесь они составляют к общему числу сосудов значительный процент: в Вауловском — 25%, в Фатьяновском — около 20% и в Волосово-Даниловском — около 21%, т. е. в этих больших поздних ярославских могильниках они занимают почти четвертую часть всех сосудов.

Увеличение крупных низкошейных шаровидных сосудов в поздних памятниках верхневолжской группы может указывать на какие-то

³²⁵ В. А. Городцов. Культуры бронзовой эпохи в Средней России, стр. 43.

³²⁶ Все исследователи эти сосуды называют амфорами. Возможно, название и не подходит к ним, но, следуя традиции, мы оставляем это название.

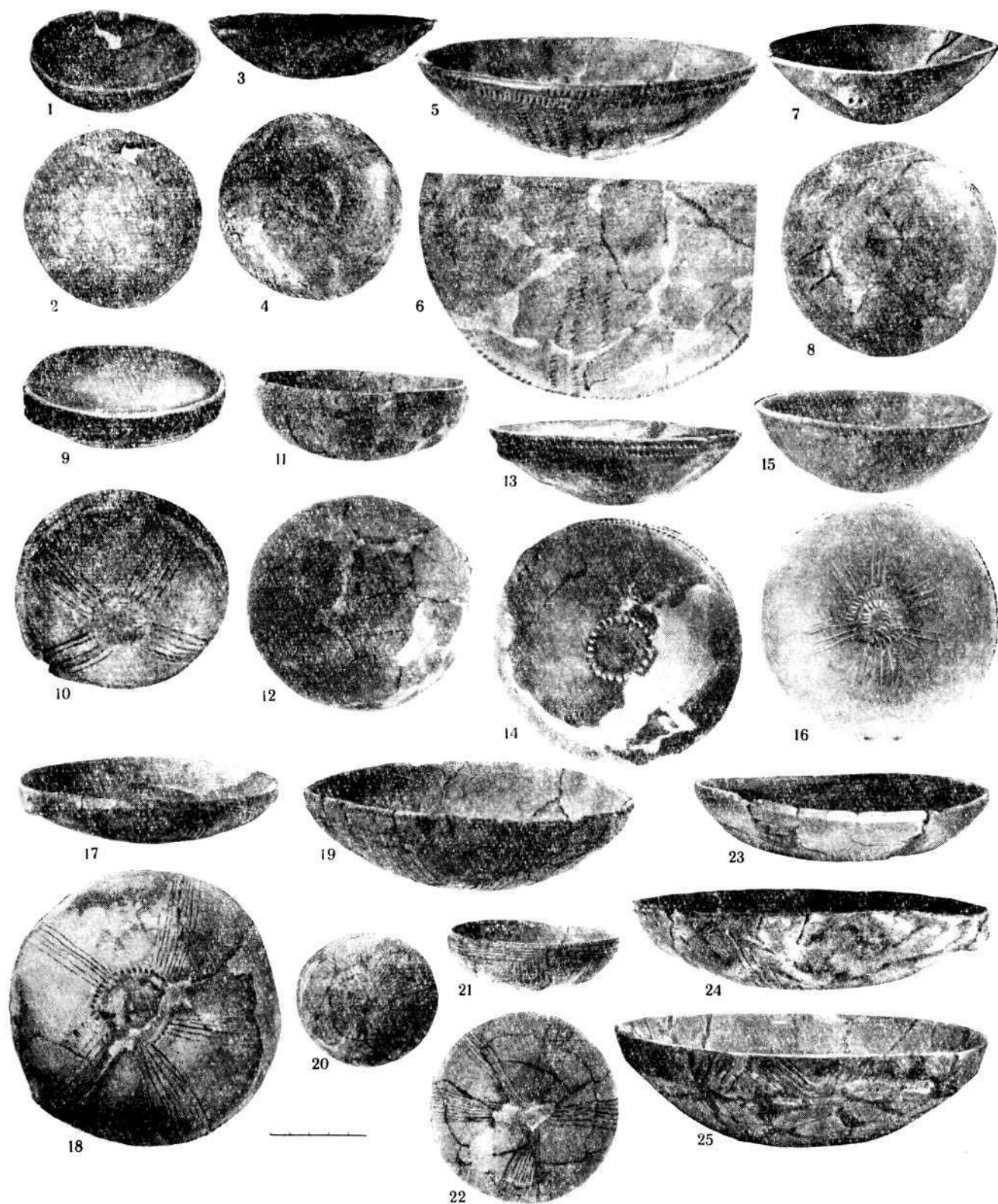

Рис. 42. Чашевидные бесшейные сосуды

Чашевидные неглубокие: 1, 15, 21 — Волосово-Даниловский могильник; 3 — Олочинский могильник; чашевидные неглубокие (бесшейные) с ручками: 7, 9, 11, 13, 17 — Волосово-Даниловский могильник; чашевидные тарелковидные (большие) с ручками: 24 — Кривцовский могильник; 25 — Никульдинский могильник; чашевидные тарелковидные (большие): 5, 19, 23 — Волосово-Даниловский могильник

крупные изменения в хозяйстве фатьяновцев. Эти сосуды найдены вместе с другими формами сосудов. Они встречаются и в мужских, и в женских погребениях, но следует указать, что в женских погребениях они ставятся в большем числе и чаще, чем в мужских погребениях. Надо также упомянуть, что толщина стенок низкошейных больших шаровидных сосудов отличается от толщины стенок остальной массы сосудов. У низкошейных шаровидных амфор толщина стенок колеблется от 0,5 до 1 см, а в среднем — от 0,5 до 0,7 см. В teste этих сосудов чаще, чем в других, встречаются дресва и песок, но есть сосуды звонкие, почти без примесей. Часть сосудов заложена, часть заглажена, а часть имеет шероховатую поверхность. Цвет желтый, красноватый и серо-желтый. Обжиг разный: есть хороший, есть и плохой.

Размеры сосудов различны. В среднем эти размеры колеблются (в см): диаметр горла от 9,5 до 15,5, высота сосуда от 12 до 30, наибольшая ширина от 16,4 до 37, толщина от 0,5 до 0,8—1 (ряды у венчика) и высота шейки от 0,7 до 2, в среднем — около 1 см. Самые маленькие низкошейные шаровидные сосудики найдены в Фатьяновском и Волосово-Даниловском могильниках.

Различная форма, отдельные детали и размеры низкошейных сосудов позволяют выделить несколько подтипов, названных выше.

Нш-1 — низкошейные шаровидные сосуды амфорного вида (рис. 39, 40).

Нш-1а — низкошейные шаровидные сосуды с ручками (рис. 39, 7; 40, 1).

Таких сосудов найдено немного в Волосово-Даниловском могильнике (1) и в Воронковском (1). Небольшие ручки у последнего сосуда расположены несколько выше его середины. Они представляют собой налепы размерами 2,5×1,5 см и высотой 0,7—0,8 см. Обе ручки имеют по сквозному отверстию диаметром 0,3—0,4 см. Вокруг сосуда идет налеп-валик шириной 1,2 см. Размеры (в см): диаметр горла 14,5; высота 21, высота шейки 0,8—0,9, наибольшая ширина 28, толщина 0,6—0,7. Сосуд орнаментирован лопастным узором. Сосуд из Волосово-Даниловского могильника находится в фрагментарном состоянии, ручки у этого сосуда несколько больших размеров, чем из Воронковского.

Нш-1б — низкошейные шаровидные сосуды с налепными валиками (рис. 40, 2—3). Они составляют большую часть всех низкошейных сосудов амфорного вида. Эти сосуды не имеют ручек, но в середине сосуда по всей его окружности идут по два налепных валика с бороздкой в середине или по одному валику без бороздки. Обычно по центру налепов нанесен орнамент

или в виде косых насечек штампа, или нарезной сетки, но есть и без орнамента. Такие сосуды найдены в Вауловском, Фатьяновском, Волосово-Даниловском, Холмогорском, Мытищинском и Горкинском могильниках.

Низкошейные шаровидные сосуды с налепными валиками имеют на днищах или ямки, или кольца.

Нш-1в — низкошейные шаровидные сосуды с орнаментом вместо налепов (рис. 40, 3—5). Такие сосуды встречаются реже. Они найдены в Фатьяновском, Волосово-Даниловском, Юрьево-Даниловском могильниках. Возможно, они имеются и в других могильниках, но по многочисленным обломкам шеек трудно судить обо всем сосуде.

На сосудах указанного типа на месте валиков идет орнамент, нанесенный или путем косых насечек в два ряда, или сетки в два ряда и баландовским зигзагом в центре, или двух бороздок с орнаментом в центре, или одной бороздки ниже центра. В остальном эти сосуды не отличаются от других и по форме, и по размерам.

Нш-1г — низкошейные шаровидные сосуды без налепов и орнамента в центре (рис. 40, 6—7). Они встречены в значительно большем числе в Вауловском, Фатьяновском, Волосово-Даниловском, Великосельском, Тимофеевском и Чуркинском могильниках. Эти сосуды отличаются меньшими размерами по сравнению с предыдущими подтипами. На их днищах также имеются или ямки, или налепные кольца. Как и все другие низкошейные сосуды амфорного вида, они имеют лопастный орнамент, нарезной и штампованный. К этому же подтипу следует отнести и три амфоры из Кузьминского могильника. Они также без налепных валиков, но с орнаментальным узором вокруг плечиков, а один с лопастным орнаментом. Эти амфоры отличаются формой шейки, идущей растробом, а не сплюсненно к тулову, как во всех ярославских и ивановских амфоровидных сосудах. Форма их тулова отличается от ярославских сосудов. Все низкошейные сосуды амфорного вида, за единичным исключением, орнаментированы так называемым сложным лопастным (фестонным, метопным, фигурным и пр.) узором. К этим же сосудам следует отнести и высокий низкошейный шаровидный сосуд из погребения 3 Кривцовского могильника. Он выделяется не только орнаментом (нет лопастей), но и формой шейки, более высокой и не сплюсненной к плечикам.

Нш-2 — низкошейные шаровидные сосуды (амфорки, рис. 40, 8—9) — выделены нами в отдельный подтип. Они представляют собой небольшие низкошейные сосуды или шаровидной высокой формы, или шаровидной уплощенной. Размеры их небольшие (в см): диаметр

горла от 7,7 до 12,2, высота сосуда от 7,3 до 13, наибольшая ширина от 10,7 до 19, высота шейки от 0,8 до 1,2, толщина от 0,4 до 1,7. Они также орнаментированы лопастным или смешанным узорами и встречаются только в Вауловском, Фатьяновском и Волосово-Даниловском могильниках. По-видимому, они, за некоторыми исключениями, являются вотивными сосудами и сделаны в подражание сосудам амфорного вида. Их нельзя считать вырождающимися амфорами. Они большей частью найдены в детских погребениях, но встречаются и во взрослых. Сама вотивность этих сосудов указывает на их позднее время. Наряду с этими небольшими амфорками в могильниках встречаются и низкошейные сосуды других форм, очевидно связанных с низкошейными сосудами амфорного типа, а часть сосудов имеет сходство с последними только по одному признаку — низкой шейке.

Нш-3 — низкошейные шаровидные сосуды низкие (уплощенные) (рис. 40, 10—13). Они характеризуются низкой шейкой, отогнутой наружу, шаровидным несколько уплощенным туловом, присутствием на днищах ямок с орнаментом и без орнамента или отсутствием ямок. Сосуды орнаментированы или однозональным, или двухзональным узором, но встречаются и неорнаментированные (в московско-клязьминских могильниках). Все сосуды имеют очень небольшие размеры. Найдено 25 таких сосудов в детских и мужских погребениях Олочинского, Тургиновского, Истринского, Буланьинского, Детчинского, Никульпинского, Вауловского, Горкинского, Наумовского, Мытищинского, Фатьяновского, Волосово-Даниловского и Велюковского могильников, т. е. в могильниках московско-клязьминской, окско-деснинской и верхневолжской групп.

Низкошейные сосуды из Истринского, Буланьинского, Олочинского, Детчинского и Никульпинского могильников выделяются несколько уплощенной формой, и днища их шире, чем у поздних верхневолжских сосудов. Кроме того, несколько отличаются и шейки. Они подзосовидны (в Олочинском и Истринском могильниках). Эти сосуды или без орнамента, или имеют несложный однозональный узор. На их венчиках нет косых насечек, как на ярославских сосудах. Днища с ямками или без ямок. Истринский сосуд несколько отличается: у него шейка, переходная к высокому шейкам (1,5 см), и она подзосовидная. Орнамент двухзональный, как на высокошейных сосудах позднего типа. Низкошейные сосуды поздних верхневолжских могильников также уплощены, но дно их уже, чем у предыдущих. Они орнаментированы по венчику и плечикам.

Сейчас трудно сказать, являются ли эти низкошейные сосуды производными от низкошейных шаровидных амфор или имеют самостоятельное развитие. Возможно, они — выродившиеся амфоры, но полной уверенности в этом нет, так как низкошейные сосуды могли возникнуть и самостоятельно.

В других культурах боевых топоров (Швеция, Финляндия) также существуют совместно высокошейные сосуды и низкошейные.

Нш-4 — низкошейные шаровидные низкие (чашевидные) сосуды (рис. 39, 13—14). Эти сосуды стоят несколько особняком, найдены они только в двух экземплярах в Буньковском (погребение 2) и Детчинском могильниках. Они почти не имеют шейки, а вместо нее — край сосуда отгибается наружу и заканчивается свисающим венчиком. Буньковский сосуд имеет расширенное ко дну тулово, что характерно для сосудов Кузьминского могильника и сосудов ряда могильников днепродеснинской группы среднеднепровской культуры. Ямки на дне нет. Орнамент расположен по венчику и плечикам. Детчинский сосудик, также не очень больших размеров, имеет чашевидную форму, расширяющуюся к середине и суживающуюся ко дну. Ямки на дне нет, что характерно для большинства сосудов днепродеснинских памятников и сосудов ранних московско-клязьминских могильников. Орнамент напоминает узоры днепродеснинских сосудов.

Сосуды, подобные Буньковскому и Детчинскому, встречаются в культурах шнуговой керамики и боевых топоров, но чаще всех их находят в Финляндии и Южной Швеции в культуре ладьевидных топоров. Там они теряют даже венчик и становятся глубокими чашками.

Очень редко в фатьяновских могильниках встречаются сосуды без шеек и венчиков. Такой сосуд найден в погребении 4 Вауловского могильника. Возможно, он сознательно поставлен в могилу незаконченным, чтобы подчеркнуть специальность гончара захороненной здесь женщины.

Этими сосудами заканчивается характеристика низкошейного типа. Весьма возможно, что наличие в верхневолжских могильниках значительного количества приземистых шаровидных сосудов с высокой шейкой объясняется влиянием низкошейных шаровидных сосудов.

Наряду с высокошейными, длинношейными и низкошейными сосудами в фатьяновских могильниках встречаются сосуды особого чашевидного типа без шейки.

Четвертый тип — бесшейный (чашевидный) (рис. 39, 42). Эти сосуды резко отличаются от остальной массы сосудов. Они имеют вид ча-

шек, блюдец, тарелок, неодинаковых по размерам и высоте.

По своим размерам и некоторым деталям эти сосуды разделены на несколько подтипов.

Подобные чашевидные сосуды как особый тип впервые были выделены В. А. Городцовым³²⁷, хотя в его время была известна всего лишь одна чашка из фатьяновского могильника. Сейчас в различных могильниках фатьяновской культуры их найдено 25 экз., исключая памятники средневожской группы, где они обнаружены только в Балановском могильнике (8 экз.).

В могильниках московско-клязьминской группы найдена только одна чашка (Истринский могильник), а в могильниках верхневожской группы они встречаются в большом числе, особенно в поздних памятниках. Почти всюду эти сосуды найдены в детских погребениях.

Бш-1 — бесшейные, чашевидные, неглубокие, небольшие сосуды (рис. 42, 1, 15, 21) представляют собой в основном круглодонные чашки (типа пилы), а некоторые напоминают блюдца. Размеры сосудов различны. На днищах чашек имеются характерные для фатьяновских сосудов ямки, но встречаются чашки и без ямок. У некоторых чашек на днищах вокруг ямки — кольцообразный налп, это наблюдается в могильниках верхневожской группы (Волосово-Даниловском). Чашка из Горкинского могильника (погребение 1) имеет два отверстия у края.

Бш-2 — бесшейные чашевидные с ручками небольшие сосуды (рис. 49, 7, 9, 11, 13, 17). Ручки имеются у двух чашек из Кривцовского могильника и нескольких чашек из Волосово-Даниловского могильника. Чашка из погребения 5 Кривцовского могильника приближается по размерам к Никульцинской тарелке. Ее ручка имеет длину 4 см, ширину 1 и высоту 1 см, диаметр отверстия 0,5 см. Ручка чашки-тарелки из погребения 2 того же могильника имеет длину 2 см, ширину 0,9 и высоту 0,5 см. В ручке два отверстия. Чашка из погребения 27 Волосово-Даниловского могильника также имеет ручку длиной 4 см, шириной 1 и высотой 0,7 см. Известны ручки у чашек и в Балановском могильнике³²⁸.

Бш-3 — бесшейные, тарелковидные, глубокие большие сосуды с ручками (рис. 42, 24, 25). Найдено четыре сосуда: в Никульцинском (1), Кривцовском (2) и в Волосово-Даниловском (1) могильниках. По размерам и форме они различны. Тарелка из Никульцинского могильника имеет бортик и большие размеры (диаметр

26,8 см, высота 8, толщина 0,6—0,7 см).

На одном боку ее помещается ручка шириной 3,7 см и толщиной 1 см. В ней имеется отверстие диаметром 0,5 см. Тарелка орнаментирована. Есть чашевидные крупные тарелки и без ручек (рис. 42, 5, 19, 23).

Для того чтобы впечатление от этих сосудов было полным, мы считаем необходимым остановиться здесь же и на орнаментике бесшейных чашевидных сосудов.

Большая часть фатьяновских чашек не орнаментирована. Чашки с орнаментом обнаружены в следующих могильниках: Никульцинском (4), Кривцовском (2), Олочинском (1), Фатьяновском (1), Волосово-Даниловском (3). Чашки с орнаментом встречаются и в Балановском могильнике. На чашках Олочинского (погребение 2) и Никульцинского (погребение 2) могильников по краю нанесен штампованный орнамент в виде косых насечек, а на чашке из Олочинского могильника косые насечки идут вокруг кольцообразного углубления на дне.

Сходный орнамент наблюдается на чашках и тарелках из погребений 4, 7, 12 Никульцинского могильника, погребения 5 Кривцовского и погребения 27 Волосово-Даниловского могильников. По краю их нанесен разный орнамент или в виде групп коротких или удлиненных нарезок, поставленных под углом друг к другу (погребение 7 Никульцинского могильника, погребение 5 Кривцовского могильника и погребение 27 Волосово-Даниловского могильника), или в виде косых насечек, образующих ромбическую сетку (Никульцинский могильник, погребение 12). У всех на тулове нанесены по четыре лучеобразных изображения из различного числа линий (от 5 до 12).

Подобные изображения на днищах чашек имеются в Балановском могильнике³²⁹, на сосудах гатинской группы памятников среднеднепровской культуры³³⁰ и на днищах сосудов культур шнуровой керамики на Западе³³¹. Подобные же лучи из продольных линий встречаются на амфорах (погребение 14 Тимофеевского могильника и погребение 1 Юрьевецкого могильника) в фатьяновских могильниках и на амфорах жуцевской, среднеднепровской, волыно-подольской культур и т. д. По-видимому, корни этой орнаментики кроются не в Балановском могильнике, а в орнаментике среднедне-

³²⁹ О. Н. Бадер. Балановский могильник, стр. 196, рис. 124; см. же. Балановская культура. СА, 1961, № 4, стр. 59, рис. 16, 1, 2.

³³⁰ Т. С. Пассек. К вопросу о среднеднепровской культуре, стр. 38, 39, рис. 11, 5, 7.

³³¹ О. Н. Бадер. Балановская культура, стр. 59, рис. 16, 5, 6; Waldemar Matthias. Kataloge zur mitteldeutschen Schnurkeramik, Teil III. Nordharzgebiet. Berlin, 1968, Taf. 2, 6, 27, 1, 28, 3; 42, 1.

³²⁷ В. А. Городцов. Культуры бронзовой эпохи в Средней России, стр. 43.

³²⁸ О. Н. Бадер. Балановский могильник, стр. 158, рис. 105, 5; О. С. Гадзюк. Фатьяновский могильник у д. Кривцово, 1964, стр. 133.

провской культуры и культурах шнуровой керамики и боевых топоров. Тем более что на тарелке из Никульдинского могильника этот лучевой орнамент также сопровождается ямчатыми вдавлениями, как и в среднеднепровской культуре и культурах шнуровой керамики.

По-видимому, лучевой узор ведет свое происхождение с Запада и в фатьяновскую культуру попал через среднеднепровскую или из исходной территории той или иной группы. В более позднее, балановское, время он приобретает более усложненный характер. В Чуркинском могильнике он близок к изображению на чаше из погребения 27 Волосово-Даниловского могильника.

Чашки, близкие по форме к фатьяновским, встречаются в культуре колоколообразных кубков с таким же перекрещивающимся орнаментом³³². Чашка с ручкой, но плоскодонная, с орнаментом в виде пасечек по ее краю, середине и вокруг дна, как и у фатьяновских чашек, найдена в датских одиночных погребениях³³³. Чашки с ручками круглодонные и плоскодонные с орнаментом и без орнамента встречены в польской группе памятников культуры шаровидных амфор³³⁴. Плоскодонные орнаментированные чашки без ручек найдены в погребениях культуры Злота³³⁵. Круглодонная чашка с ручками и лучевидным орнаментом встречена в памятниках культуры шнуровой керамики в ГДР³³⁶. Очень близкими этим плоскодонным чашкам являются чашки из стоянки Суемпы 2³³⁷. Чашки с ручками круглодонные найдены на Куршской косе, в так называемой жуцевской культуре³³⁸, и на территории распространения волыно-подольской мегалитической культуры³³⁹.

Итак, чашевидные сосуды, подобные фатьяновским, встречаются в различных культурах боевых топоров и шнуровой керамики, что, безусловно, указывает на их общность, хотя в разных культурах (этой общности) они отличаются и формой, и орнаментикой. Их наличие в могильниках московско-клязьминской группы, окско-деснинской, верхневолжской и средневожской свидетельствует о единстве или генетической близости отдельных фатьяновских групп. Находки в Куракином Бору около

г. Брянска³⁴⁰ точно такой же чашки, как в Истринском могильнике, наряду с другими факторами, упоминаемыми нами в разных главах данной работы, указывают на близость окско-деснинской и московско-клязьминской групп памятников.

Чашевидными сосудами заканчивается характеристика категории круглодонных фатьяновских сосудов.

В фатьяновских могильниках в отдельных экземплярах встречаются и другие формы сосудов, не укладывающиеся в охарактеризованные нами типы, но поскольку они найдены в единичных экземплярах, то мы не выделяем их в отдельные типы.

Например, в Буньковском могильнике найден высокошейный яйцевидный сосуд (рис. 38, 12), в Ошурковском и в Кривцовском могильниках найдены два сосуда колоколовидной формы, напоминающие колоколообразные сосуды из Абашевского могильника (рис. 39, 15).

В небольшом числе в фатьяновских могильниках обнаружены плоскодонные сосуды. Они найдены в Кривцовском, Николо-Перевозском, Чуркинском и Балановском могильниках, а также в костромских стоянках Борань и Станок II. Сосуд из разрушенного погребения Кривцовского могильника имеет небольшие размеры³⁴¹. Техника его изготовления и тесто ничем не отличаются от остальных сосудов, найденных в могильнике. Сосуд из Николо-Перевозского могильника представляет собой небольшой плоскодонный сосудик с поддончиком³⁴². В других могильниках он не имеет аналогий. В Чуркинском могильнике найден кубковидный плоскодонный сосуд. О форме сосудов из стоянок Борань, Станок II и Рождественский Остров судить трудно, так как от них сохранились только обломки.

В значительно большем числе плоскодонные сосуды обнаружены в Балановском могильнике³⁴³. О. А. Кривцова-Гракова считает, что плоскодонная посуда, появившаяся в Балановском могильнике, не связана генетически с фатьяновской, а ее формы были заимствованы из области срубной культуры, некоторые сосуда она считает прямым подражанием погребальным баночным горшочкам из курганов Среднего и Нижнего Поволжья³⁴⁴.

³⁴⁰ Д. А. Крайнов. Вауловский могильник.

³⁴¹ О. С. Гадзяцкая. Фатьяновский могильник у д. Кривцово, стр. 131, рис. 41, 1.

³⁴² В. М. Раушенбах. Фатьяновское погребение на неолитической стоянке Николо-Перевоз, стр. 33, рис. 3, 6.

³⁴³ О. Н. Бадер. Балановский могильник, стр. 206, рис. 141, 2; стр. 207, рис. 143, 4; О. А. Кривцова-Гракова. Хронология памятников фатьяновской культуры, стр. 31, рис. 9, 14, 15, 16.

³⁴⁴ О. А. Кривцова-Гракова. Хронология памятников фатьяновской культуры, стр. 30.

³³² Г. Чайлд. У истоков европейской цивилизации, стр. 300, рис. 107, 2.

³³³ P. V. Glob. Studier over den zyske Enkeltgravskultur Aarbger, Kobenhavn, 1944, str. 86, tabl. 50.

³³⁴ T. Wislanski. Genesis der kugellamphorkultur. «Archaeologia Polone», t. VII, Warszawa.

³³⁵ Z. Krzak. Указ. соч.

³³⁶ Waldemar Matthias. Указ. соч., табл. 27, 1.

³³⁷ Колл. Киевского Гос. исторического музея, № 4354.

³³⁸ M. Gimbutas. Указ. соч., стр. 148, рис. 85.

³³⁹ «Materiały Starożytności», t. VIII, Warszawa — Wrocław — Kraków, 1962, табл. XIII, 2, 6; XIV, 8, 7.

Можно согласиться с О. А. Кривцовой-Граковой, что плоскодонные сосуды появляются в фатьяновской культуре на позднем этапе ее развития. Возможно, она права в отношении заимствования плоскодонных сосудов балановцами от срубников, с которыми они были соседями, но появление их в фатьяновских могильниках на Верхней Волге и в бассейне Москвы-реки можно объяснить и влиянием среднеднепровской культуры, где имеются плоскодонные сосуды.

Вероятно, плоскодонные сосуды появляются только в позднее фатьяновское время не в связи с заимствованием их от какой-либо культуры, а в силу своего внутреннего развития. Появление плоскодонной посуды указывает на какую-

то оседлость в позднее фатьяновское время.

Господство в фатьяновской культуре круглодонных сосудов было, очевидно, обусловлено какими-то особенностями жизни фатьяновских племен, так как у всех родственных ей культур круглодонные и плоскодонные сосуды сосуществуют (среднеднепровская, прибалтийская и др.). Возможно, носители среднеднепровской культуры были более оседлыми, с более развитым скотоводческо-земледельческим хозяйством. Вероятно, плоскодонные сосуды существовали и у фатьяновцев, но их не было в могилах. Отсутствие поселений лишает пока нас возможности дать окончательное решение данного вопроса.

Резюме о развитии фатьяновской керамики

Можно согласиться с М. Е. Фосс, что керамика является основным материалом, по которому можно судить о культуре и этнических процессах в изучении древнейшей истории развития человеческого общества, однако нельзя при этом забывать и другие материалы, корректирующие наши выводы, сделанные на основании изучения керамики. Очень часто развитие керамики несколько отстает от развития основных орудий труда и особенно оружия. Керамика консервативна, но не настолько, чтобы не доверять ей. Как и все другие предметы материальной культуры, она претерпевает развитие. Изменяются формы сосудов, размеры их, количество, качество выделки, техника обработки, орнамента и т. д.

Поскольку фатьяновская керамика обнаружена в основном в могильниках, то нам приходится быть очень осторожными в выводах, так как мы наверняка не знаем так называемую кухонную посуду, а она может резко разниться от керамики, положенной в могилы. Еще В. А. Городцов обратил внимание на тот факт, что мы имеем из могильников только небольшие сосуды, за исключением шаровидных амфор³⁴⁵. Без крупных сосудов для варки пищи нельзя было обойтись. Мы должны допустить, что фатьяновцы варили пищу в крупных сосудах, но не в амфорах с их очень узким горлом³⁴⁶. Не исключено существование деревянных и берестяных сосудов, различных плетеных.

Фатьяновская посуда носит ярко выраженный специфический характер. Ее нельзя спутать с посудой других культур, даже близких

фатьяновской. Это своеобразие фатьяновской посуды продолжает сохраняться на всем протяжении развития культуры.

Поскольку фатьяновская культура своим происхождением связана с территорией междуречья Днепра и Вислы и поскольку в культурах боевых топоров Среднего Днепра, Прикарпатья и Прибалтики ранними формами сосудов являются удлиненные сосуды с эсвидным профилем, то следует согласиться с О. А. Кривцовой-Граковой, что ранней формой сосудов следует считать сосуды удлиненной формы с эсвидным профилем и высокошейные сосуды удлиненной формы и с шейками раструбом.

При изучении фатьяновской керамики мы не должны забывать кроме качественного изменения посуды и количественное изменение соотношения сосудов в погребениях ранних и поздних могильников. Количество сосудов в погребениях московско-клязьминской группы значительно меньше, чем в верхневолжских и средневолжских. Этот факт в какой-то степени может помочь в выяснении вопроса эволюции сосудов от ранних форм к поздним. Очень важно установить действительно ранние формы.

Исходя из положения происхождения фатьяновской культуры с территории междуречья Днепра и Вислы ее движения с запада в восточном направлении по Волжской речной системе, мы должны признать, что московско-клязьминская группа памятников и западнодвинская (Калининская обл.) относятся к более древнему времени, а следовательно, и формы их сосудов должны быть более ранними.

В погребениях могильников московско-клязьминской группы преобладают ранние сосуды с эсвидным профилем и близкие к ним удлиненные (бомбовидные) с раструбной шейкой. Они составляют самую большую группу и в ос-

³⁴⁵ В. А. Городцов, *Культуры бронзовой эпохи Средней России*, стр. 40.

³⁴⁶ Шаровидные высокошейные сосуды, вероятно, служили для хранения молочных продуктов.

новном обнаружены только в разных могильниках московско-клязьминской группы.

Сосуды могильников московско-клязьминской группы очень близки и по форме, и по орнаментике сосудам среднеднепровской культуры и особенно сосудам днепро-деснянской группы. Эту близость нельзя объяснить только соседственными связями. Скорее всего они связаны общим происхождением. Особый интерес представляют некоторые сосуды из Ханевского могильника. Они тождественны сосудам среднеднепровской культуры, но не привезены с другой территории (среднеднепровской), а сделаны фатьяновцами. Подобные факты тождественности и схожести форм нельзя объяснить простыми связями.

Присутствие среди сосудов московско-клязьминской группы приземистых сосудов объясняется, видимо, поздним временем могильников этой группы. Сосуды ранних могильников верхневолжской группы и сосуды из могильников Ивановской обл. уже значительно отличаются от сосудов московско-клязьминских памятников.

По сравнению с московско-клязьминскими могильниками в указанных памятниках увеличивается число погребений и число сосудов в каждом погребении. В процентном соотношении почти вдвое увеличивается число больших сосудов, средние остаются в том же числе, а маленькие увеличиваются в три раза. Вероятно, такое соотношение не может иметь случайный характер, а является отголоском тех хозяйственно-экономических и социальных сдвигов, которые произошли в фатьяновском обществе.

Отсутствие низкошейных сосудов амфорного типа почти во всех могильниках московско-клязьминской группы и в перечисленных пограничных могильниках еще не нашло должного объяснения. Отмечается отсутствие их и в могильниках Ивановской обл., за исключением так называемых северных (волжских) могильников (Тимофеевского, Горицкого, Мытищинского, Горкинского и Юрьевоцкого).

Если считать, что эти сосуды появились несколько раньше, чем могильники московско-клязьминской группы, то ярославские могильники будут датироваться раньше московских, что вряд ли будет правильным.

Надо отметить, что в ранних и в пограничных с московско-клязьминскими могильниками памятниках верхневолжской группы увеличивается число бесшейных чашевидных сосудов. Эти сосуды неодинаковы и по форме, и по размерам, и по орнаментации. Впервые появляются большие сосуды типа тарелок и увеличивается ассортимент посуды. Продолжают еще существовать эсвидные высокошейные сосуды, но их

меньше, чем в московско-клязьминской группе. Вдвое увеличивается число высокошейных удлиненных (бомбовидных) сосудов с раструбной шейкой.

В три раза увеличивается число высокошейных приземистых сосудов с раструбной шейкой, но эти сосуды менее приземисты, чем в поздних могильниках верхневолжской группы. Они приближаются к удлиненным. Часть из них — широкие шаровидные сосуды.

В два с половиной раза увеличивается число сосудов высокошейных, удлиненных, с более или менее прямой шейкой.

Высокошейные сосуды с прямой шейкой, но приземистые встречаются в несколько большем числе и опять-таки в той же группе могильников, но более поздних. Низкошейные шаровидные сосуды типа амфор увеличиваются в количестве. Сосуды становятся более приземистыми, и шейки их имеют тенденцию к постепенному выпрямлению. Встречается уже больше сосудов с оформленным бортиком.

Тесто, из которого изготавливаются сосуды, имеет почти те же примеси, что и в московско-клязьминской группе. Среди примесей еще значительное место занимает дрсва, но доминирует песок, т. е. сосуды становятся более тонкими и тесто хорошо отмучено. Лощеных сосудов больше. Штриховка, прослеживаемая в московско-клязьминских сосудах, уменьшается довольно резко (больше чем в половину).

Сосуды из более поздних могильников верхневолжской группы значительно отличаются и от сосудов московско-клязьминской группы, и от сосудов из перечисленных пограничных могильников, часть которых относится к более раннему времени, чем остальные могильники верхневолжской группы.

Число сосудов в поздних могильниках верхневолжской группы резко возрастает. Если в могильниках московско-клязьминской группы и в пограничных на каждое погребение приходилось по 1,5 — 2 сосуда, то в верхневолжской группе на каждое погребение уже приходится больше 3 сосудов. Если в московско-клязьминской группе и в пограничных больше 3—4 сосудов в погребениях не встречалось, то в поздних могильниках верхневолжской группы их найдено по 7—8 сосудов в каждой могиле. Увеличивается число крупных сосудов — появляется много низкошейных шаровидных сосудов амфорного вида; в поздних могильниках верхневолжской группы они кладутся в каждую могилу. Все это заставляет предполагать какие-то изменения в условиях существования. Возможно влияние дальнейшего развития скотоводства и земледелия. Особое внимание привлекает резкое увеличение числа

сосудов амфорного вида: оно увеличивается в таких могильниках, как в Волосово-Даниловском, Вауловском, Фатьяновском и Великосельском, т. е., по нашей классификации, в более поздних могильниках. Увеличение их числа, вероятно, также зависело от развития скотоводства. Видимо, потребность в них увеличилась в связи с производством молочных продуктов.

В поздних могильниках верхневолжской группы также резко увеличивается число низкошейных сосудов, которые, вероятно, являются производными от шаровидных амфор.

В поздних могильниках верхневолжской группы стало больше бесшейных чашевидных сосудов, но они найдены преимущественно в детских погребениях.

Резко увеличивается число высокошейных сосудов, которые становятся более шаровидными и приземистыми. Эсвидные сосуды почти исчезают. Уменьшается число удлинённых высокошейных сосудов с раструбной шейкой. Интересно, что эти сосуды чаще встречаются в могильниках Ивановской обл. (Горкинский, Змеевский, Добрищевский и Чуркинский), связанных, очевидно, с московско-клязьминскими памятниками, а в могильниках Ярославской обл. они известны по одному экземпляру. В два раза увеличивается число высокошейных удлинённых сосудов с прямой шейкой, в шесть раз — высокошейных приземистых сосудов с прямой шейкой, причем шейки все имеют оформленные бортики.

Техника выделки сосудов достигает совершенства в поздних могильниках — Великосельском, Фатьяновском, Волосово-Даниловском и др. Много сосудов лощеных. Штриховка очень редка по сравнению с сосудами московско-клязьминской группы.

В тесте низкошейных сосудов амфорного типа часто встречается дресва, а остальные сосуды или почти не имеют примесей и сделаны из хорошо отмученной глины, или имеют в основном примесь песка. Шамот редок и встречается у сосудов из Чуркинского, Волосово-Даниловского, Скомороховского и Фатьяновского могильников (шамот считается поздним признаком). На большинстве высокошейных сосудов края шеек оформлены особыми бортиками, отогнутыми наружу. Этот признак — поздний. Кстати, у большинства сосудов Балановского могильника такой бортик имеется, что подтверждает нашу концепцию о развитии сосудов от эсвидных к высокошейным раструбным удлинённым и от них — к удлинённым высокошейным с прямой шейкой и с бортиком.

Вернемся еще раз к сосудам амфорного типа, так как их появление в фатьяновской культуре

до сих пор не представляется ясным. Кроме того, их развитие трактуется по-разному. О. А. Кривцова-Гракова считает, что в Балановском могильнике они появляются в результате дальнейшего развития верхневолжских³⁴⁷, а П. М. Кожин³⁴⁸ придерживается противоположного взгляда и считает сосуды амфорного типа на Верхней Волге производными от балановских. Такую же точку зрения высказывает и П. П. Третьяков³⁴⁹.

Как мы писали выше, низкошейные шаровидные сосуды амфорного типа найдены не во всех могильниках фатьяновской культуры. Они отсутствуют во всех могильниках московско-клязьминской группы, за исключением Кузьминского могильника. В Ярославской, Ивановской и Костромской областях они найдены также не во всех могильниках, а только в более поздних, по нашей периодизации (Вауловском, Фатьяновском, Волосово-Даниловском, Холмовогорском, Великосельском, Говядиновском, Горкинском, Тимофеевском, Чуркинском, Мытищинском, Горидком и Юрьевском). Достойным внимания является тот факт, что большинство сосудов амфорного типа найдено именно в тех могильниках, которые связаны с Волгой. Все указанные могильники расположены по Волжской магистрали.

В Калининской обл. амфоры пока не встречены. В средневолжской группе сосуды амфорного типа найдены только в Балановском и Чурачском могильниках. П. Д. Степанов указывает, что на стоянке Ош-Пандо встречались обломки низкошейных сосудов, возможно амфор³⁵⁰. Самое большое число шаровидных сосудов амфорного типа найдено в Волосово-Даниловском, Вауловском, Фатьяновском и Балановском могильниках, т. е. в самых поздних, по нашей периодизации. Однако характер этих сосудов и их орнаментика не везде одинаковы. Амфоры Вауловского, Фатьяновского, Волосово-Даниловского, Горкинского, Воронковского и Великосельского могильников близки друг к другу и, по-видимому, составляют один круг их развития. Что касается амфор из Кузьминского могильника, то они имеют особые оттенки, присущие и другим сосудам того же могильника. Балановские амфоры отличаются от ярославско-ивановских и по форме, и по орнаментике, но все же они близки между собой.

О. А. Кривцова-Гракова, сравнивая фатьяновские низкошейные шаровидные сосуды с

³⁴⁷ О. А. Кривцова-Гракова. Хронология памятников фатьяновской культуры.

³⁴⁸ П. М. Кожин. Хронология шаровидных амфор фатьяновских могильников. СА, 1963, № 3.

³⁴⁹ П. П. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М., 1966, стр. 91.

³⁵⁰ П. Д. Степанов. Ош-Пандо, стр. 43, табл. VII, 3.

балановскими, пришла к выводу, что балановские амфоры развились из фатьяновских и относятся к более позднему времени. Если у фатьяновских амфор шейка еще довольно значительна по высоте, писала она, то у балановских она становится меньше и едва выступает над приподнятыми плечиками³⁵¹. Если учесть, что наиболее древние амфоры культуры шнуровой керамики имеют высокое горло, то концепция О. А. Кривцовой-Граковой приобретает некоторое основание. О. Н. Бадер не считает близкими балановские и фатьяновские амфоры. Он находит в них существенные различия³⁵². П. М. Кожин³⁵³ пытается построить хронологию Балановского могильника на основании его стратиграфии, а отсюда — хронологию в развитии амфор. Его концепция заслуживает внимания, но не все доказательства П. М. Кожина звучат убедительно. Его рассуждения о перемещении ручек с середины к горлу и образовании налепного кольца на дне сосудов в зависимости от подвешивания сосудов над костром или постановки их на подставку не являются доказательными. Кроме того, амфоры с ручками, без ручек и с орнаментом найдены в одних и тех же комплексах. Ранняя, по П. М. Кожину, форма амфоры с ручками найдена в позднем Чурачикском могильнике.

Возможно, П. М. Кожин правильно прослежена линия развития балановских амфор, но это не дает права утверждать происхождение верхневолжских памятников фатьяновской культуры со Средней Волги, даже если и допустить заимствование амфорных форм. В Ярославских могильниках есть также амфоры с ручками, что заставляет предполагать наличие у верхневолжских фатьяновцев и более древних амфор с ручками.

Если мы даже допустим, что ярославские амфоры произошли от балановских, как это считает и П. Н. Третьяков³⁵⁴, то нам надо объяснить происхождение самих балановских амфор. Однако этим вопросом никто еще по-настоящему не занимался, а он требует очень пристального внимания к себе.

В. А. Городцов, сравнивая фатьяновские шаровидные сосуды с сосудами из ст. Царской, пришел к выводу о связи фатьяновского типа шаровидных сосудов с кавказскими. По его мнению, в пользу этого свидетельствует не только сходство форм, но и единство, а иногда

и тождество орнамента³⁵⁵. О. А. Кривцова-Гракова согласилась с мыслями В. А. Городцова³⁵⁶.

О. Н. Бадер³⁵⁷ указывает, что амфоры Балановского могильника близки шаровидным амфорам из древних погребений Кавказа и памятникам культуры шаровидных амфор, но больше связывает балановские амфоры с амфорами из ст. Царской. К сожалению, он не развивает дальше этот вопрос.

Т. С. Пассек, описывая амфоры, найденные у с. Гришанцы и у с. Речицы, отнесла их к среднеднепровской культуре, указав на их сходство по форме и системе орнамента с тюрингско-моравскими шаровидными амфорами Средней Европы и позднетрипольскими³⁵⁸. Эти амфоры также близки к фатьяновским амфорам.

О сходстве фатьяновских шаровидных сосудов с сосудами Западной Европы упоминали многие исследователи (Г. Чайлд, А. Тальгрэн, А. Эуропеус и т. д.), но никто из них не пытался сравнивать их в широком аспекте.

Мы не ставим своей задачей рассмотрение вопроса происхождения и движения (миграций) культуры шаровидных амфор. Этот вопрос спорный.

Однако вряд ли можно согласиться, что происхождение фатьяновских шаровидных амфор связано с Кавказом, так как все другие данные противоречат этому.

Более близки фатьяновским шаровидным амфорам шаровидные сосуды культур волыно-подольской мегалитической, злотской, жуцевской и других культур с шаровидными амфорами Средней Европы. Сейчас большинство ученых признают, что фатьяновская культура входит в большую культурную общность так называемых культур с боевыми топорами. Наряду со сходством керамики отмечается и сходство, а иногда тождество различных вещей и погребального обряда указанных культур. Кроме того, всюду амфоры встречаются в сочетании с кубками (сосудами). Это прослеживается и в саксо-тюрингской культуре шаровидных амфор, в злотской культуре, жуцевской, волыно-подольской, среднеднепровской и фатьяновской.

Форма фатьяновских и балановских амфор только частично напоминает амфоры культуры шаровидных амфор. Фатьяновские и балановские амфоры с ручками ближе всего стоят к

³⁵¹ О. А. Кривцова-Гракова. Хронология памятников фатьяновской культуры, стр. 27.

³⁵² О. Н. Бадер. Балановская культура, стр. 50, рис. 9.

³⁵³ П. М. Кожин. Хронология шаровидных амфор..., стр. 25—27, рис. 4; стр. 30, рис. 6; стр. 36.

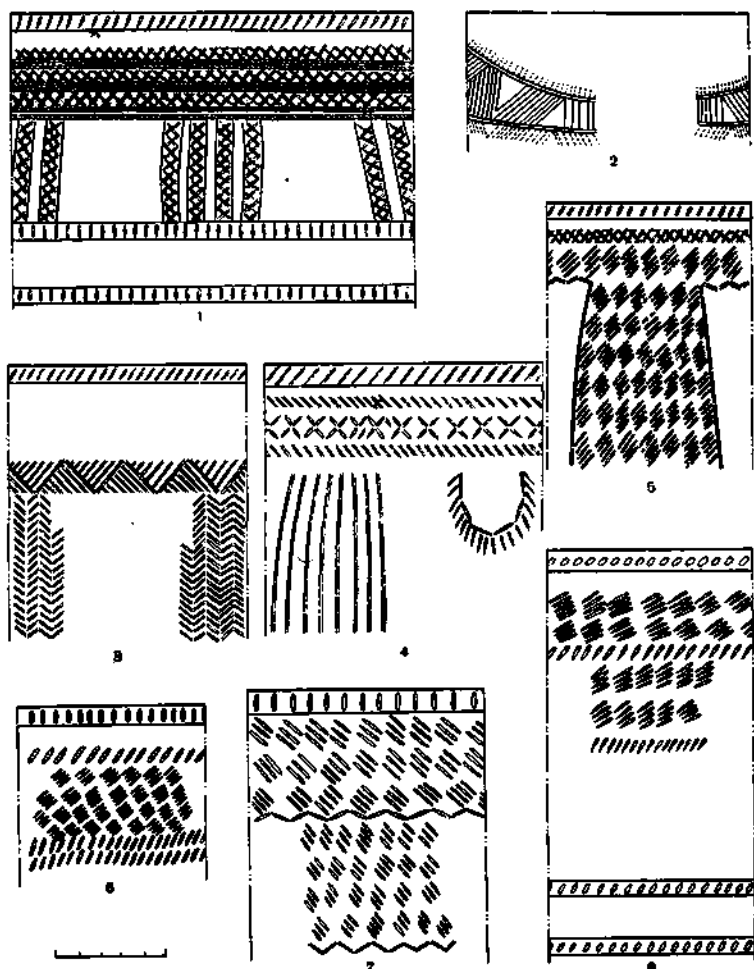
³⁵⁴ П. Н. Третьяков. Угро-финны, балты и славяне на Днепре и Верхней Волге, стр. 91.

³⁵⁵ В. А. Городцов. Культуры бронзовой эпохи Средней России, стр. 42.

³⁵⁶ О. А. Кривцова-Гракова. Хронология памятников фатьяновской культуры, стр. 23, 29.

³⁵⁷ О. Н. Бадер. Балановский могильник, стр. 250, рис. 160 и стр. 258.

³⁵⁸ Т. С. Пассек. К вопросу о среднеднепровской культуре, стр. 36, 37, 45, 46.

амфорам культур Злота, жуцевской и волинно-подольской мегалитической культуры. В перечисленных культурах амфоры также имеют узкое горло, широкое шаровидное тулово, ручки и сходный орнамент. Разница в большей высоте горла у западноевропейских амфор, большей величине ручек и, самое главное, в форме дна. Все фатьяновские амфоры имеют круглое дно или слегка уплощенное, а амфоры упомянутых культур все плоскодонные. По-видимому, плоскодонность одних и круглодонность других объясняется той спецификой, в которой жили фатьяновские племена и племена западных вариантов культур боевых топоров.

Надо отметить, что кавказские амфоры (ст. Царской), с которыми сравнивают фатьяновские амфоры, не имеют ручек. Трудно сейчас утверждать, какие амфоры древнее, с ручками или без ручек. Ранние саксо-тюрингские амфоры имеют ручки, но вместе с ними одновременно встречаются и амфоры без ручек. Такая же

картина наблюдается и в других культурах (злотской, волинской, жуцевской и пр.) с прибавлением местных особенностей. В связи с этим трудно определить, какие амфоры в фатьяновской культуре являются ранними, а какие поздними, так как они, очевидно, представляют собой пережиточные явления.

Наиболее близкими и по форме, и по орнаментике к фатьяновским низкошейным сосудам являются амфоры из культур злотской, волинно-подольской и жуцевской, а также некоторые амфоры из Дании, ФРГ и ГДР³⁵⁹. Также довольно близкими по форме и по орнаментике следует считать амфоры, найденные в Гришанцах и Речице на Среднем Днепре³⁶⁰. Судя по обломкам амфор, встреченных в Эстонии и

³⁵⁹ О. Н. Бадер. Балановский могильник, стр. 250, рис. 163.

³⁶⁰ Т. С. Пассек. К вопросу о среднечепельской культуре, стр. 36, рис. 10, 3; стр. 45, рис. 14, 4.

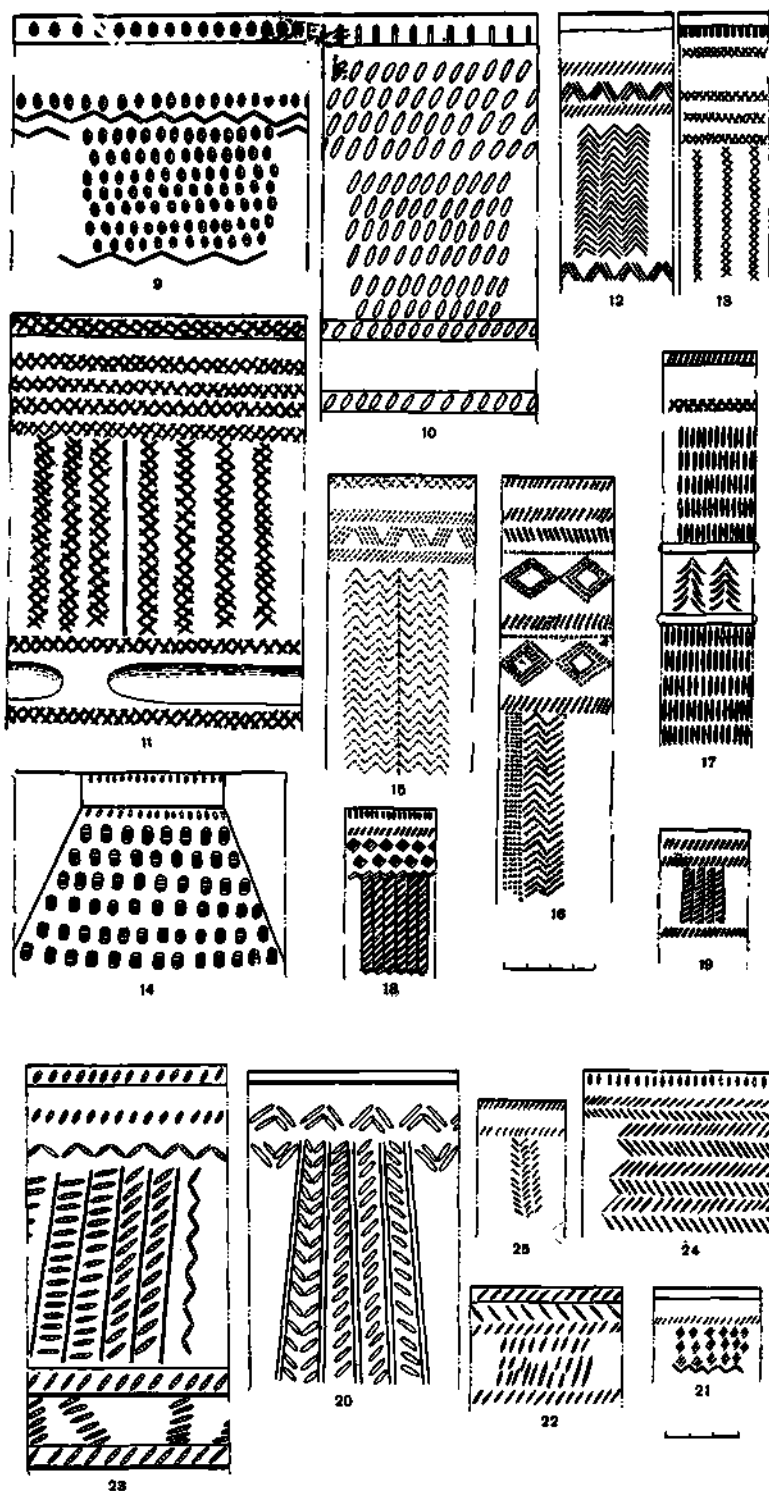

Рис. 43. Мотивы орнамента шаровидных сосудов (амфорного типа)

Фестоные лопастные узоры: 1 — Мытищинский могильник; 2—3 — Кузьминский могильник; 4 — Тимофеевский могильник; 5 — Великосельский могильник; 6—11 — Вауловский могильник; 12—20 — Волосово-Даниловский могильник; 21—25 — Фатьяновский могильник

Финляндии, следует думать, что и здесь распространялись формы амфор, близкие фатьяновским.

Из приведенного перечня явствует, что фатьяновские низкошейные шаровидные амфоры тесно связаны с западом (Прикарпатием и Прибалтикой), а не с югом или юго-востоком, где амфоры (Кавказ, Триполье и пр.) имеют иные формы. Возможно, в связи с развитием скотоводства и молочного хозяйства эти шаровидные сосуды появляются всюду конвергентно (катакомбная, северо-кавказская, культура шаровидных амфор, трипольская и пр.).

Необходимо отметить, что наиболее близкими прикарпатским, жуцевским и злотским амфорам являются амфоры с ручками и желобками из Балановского, Воронковского и Волосово-Даниловского могильников. Кстати, и орнамент на них ближе к западным амфорам, а орнамент на остальных, хотя и лопастный, но становится более местным и по мотивам, и технике нанесения, как и на сосудах других форм, а на более поздних низкошейных сосудах, производных от амфор, он перестает быть лопастным.

Некоторые балановские и фатьяновские амфоры имеют не только сходный, но и тождественный орнамент с указанными выше прикарпатскими и прибалтийскими амфорами. Этот орнамент похож не только своей общей композицией рисунка, но и многими мелкими деталями, что, безусловно, свидетельствует не только о связях, но и о генетической общности людей, оставивших эти амфоры и рисунки на них.

Балановские амфоры с ручками, узким горлом и шаровидным туловом, изданные О. Н. Бадером³⁶¹ и П. М. Кожин³⁶², почти тождественны не только по форме, но и по рисунку амфорам из Жуцево³⁶³, Злоты³⁶⁴, из ГДР и ФРГ³⁶⁵, из памятников волыно-подольской металлической культуры³⁶⁶ и из среднеднепровской культуры³⁶⁷. Близкими по орнаменту являются амфоры из Юрьевецкого и Тимофеев-

ского могильников, но они уже без ручек. Нанесение орнамента в виде лопастей, состоящих из вертикальных нарезных тонких линий (Балановский могильник, Тимофеевский, Юрьевецкий), идентично орнаменту на амфорах из Жуцево, Прикарпатья и Среднего Днепра.

Такие линии в виде лопастей, но с присутствием других мотивов встречаются на амфорах из Волосово-Даниловского могильника (погребение 19), (рис. 43, 12, 20), из Великосельского и Фатьяновского. На шаровидных сосудах из фатьяновских могильников (Вауловского, Волосово-Даниловского и др.) продольные линии встречаются и как разделители лопастного рисунка (во внутренней композиции лопасти). Рисунок в виде лопастей, состоящих из рядов прямых насечек на злотских амфорах, имеет почти тождественные лопасти на фатьяновских и балановских амфорах (Мытищинский, Вауловский, Фатьяновский, Волосово-Даниловский и Балановский могильники).

В фатьяновских, балановских и западноевропейских амфорах встречаются и отдельные идентичные и сходные мотивы в орнаментике, как например: 1) вертикальная елочка (Ваулово, Волосово-Даниловский, Кузьминский, Фатьяновский и Воронковский могильники, с одной стороны, и Жуцево, Ютландия, ст. Царская, Злота, Прикарпатье и т. д. с другой); 2) пояски из мелкоямчатых вдавлений, столь характерные для культур шнуrowой керамики и боевых топоров, встречаются и на фатьяновских сосудах (Воронковский, Балановский, Волосово-Даниловский, Никульчинский и др.); 3) зигзаги в качестве ограничителей лопастей и отпечатков на шейках встречаются и на тех, и на других амфорах (Волосово-Даниловский, Куршская коса, Прикарпатье, Жуцево и пр.). Имеются и другие общие мотивы: двойной зигзаг, ограниченные ромбы, насечки косые и вертикальные, насечки косые и вертикальные в лопасти, заштрихованные треугольники, горизонтальные елочки, группы линий, поставленных под углом друг к другу, и т. д.

Кроме того, можно отметить и такие детали, как бороздки по центру (или выше) сосуда с нанесением по краям узоров (Ваулово и Жуцево) в виде насечек, зигзага, сетки, а также другие примеры сходства шаровидных сосудов из фатьяновских могильников и культур шнуrowой керамики Запада.

Следует указать, что по форме и орнаментике наиболее близкое сходство отмечается у фатьяновских амфор с амфорами из Жуцево, Злоты и Прикарпатья, т. е. с теми, которые уже претерпели довольно сильные изменения по сравнению с классическими саксо-тюрингскими амфорами. Мы здесь не можем решить воп-

³⁶¹ О. Н. Бадер. Балановский могильник, стр. 193, рис. 125, а и б; стр. 199, рис. 128; стр. 250, рис. 163, 1, 7.

³⁶² П. М. Кожин. Хронология шаровидных амфор..., стр. 30, рис. 4.

³⁶³ L. Kilian. Haffküstenkultur und Ursprung der Balten. «Pradzieje Polske». W — II. Warszawa — Bonn, 1955, Tabl. 23, 22; Warszawa — Krakow, 1965, str. 106.

³⁶⁴ Z. Krzak. Указ. соч.; Г. Чайлд. У истоков европейской цивилизации, стр. 238, рис. 85.

³⁶⁵ О. Н. Бадер. Балановский могильник, стр. 250, рис. 163, 2 (по Килиану).

³⁶⁶ J. Glossik. Wolynsko-podolskie materialy z epoki kamiennej. «Materialy Starozytne», str. 182, tabl. II, 1 (орнамент шнуrowой, но форма и манера орнамента близки).

³⁶⁷ Т. С. Пассек. К вопросу о среднеднепровской культуре, стр. 36, рис. 10, 3.

роса о передвижениях культуры шаровидных амфор, и в нашу задачу не входит установление их исходной территории, но для нас важен факт установленной близости, а иногда и тождественности амфор Прикарпатья и Прибалтики с фатьяновскими. Этот факт является неоспоримым доказательством общности их происхождения.

Идентичность и сходство орнаментики амфор также явление не случайное. Мы знаем, что определенные орнаментальные мотивы и особенно композиции этих мотивов чрезвычайно живучи и отображают определенную символику, связанную с определенной идеологией, присущей какому-то определенному этносу. Орнаментика является основной отличительной чертой отдельных этнических групп. Форма сосудов также играет роль, но она изменяется быстрее, чем орнаментика.

Рассмотрение форм сосудов и их орнаментики приводит к следующим выводам о развитии фатьяновской керамики:

1. Наиболее древними из высокошейных сосудов являются высокошейные удлиненные сосуды с эсвидным профилем, обнаруженные в могильниках московско-клязьминской, окско-деснинской и ранних могильниках верхневолжской групп.

2. Развитие сосудов шло от высокошейных удлиненных сосудов с эсвидным профилем к высокошейным удлиненным с раструбной шейкой и от последних — к высокошейным удлиненным сосудам с прямой шейкой, а от них — к высокошейным удлиненным сосудам с цилиндрической шейкой и бортиком на венчике шейки.

3. Это развитие шло в направлении с запада на восток и северо-восток. Оно хорошо прослеживается от памятников московско-клязьминской группы к памятникам нижнеокским и средневолжским.

4. В развитии сосудов верхневолжской группы намечается та же линия, указанная в пункте втором, но она была более сложной и привела к господству приземистых шаровидных сосудов. Во-первых, сосуды из верхневолжских могильников продолжали свое развитие от эсвидных высокошейных, полученных из исходной территории через двинско-волжский путь, во-вторых, на них влияли через пограничную зону или путем проникновения групп населения московско-клязьминские памятники, в-третьих, сильное влияние оказали шаровидные амфоры, попавшие на Верхнюю Волгу, и, наконец, какое-то влияние оказывали и местные культуры.

5. Указанная линия развития сосудов в том же направлении подтверждается и развитием

орнаментики от наиболее ранних однозональных узоров к двухзональным и потом к трехзональным и многозональным.

6. Сосуды амфорного типа могли появиться одновременно и разными путями на Средней и Верхней Волге. В первом случае — через окско-деснинский путь, что подтверждается существованием на Десне амфор, близких балановским (Речица, Гришанцы), и существованием амфоровидных низкошейных сосудов в Детчинском могильнике. Средневолжские амфоры через указанный путь могут быть связаны по своему происхождению с прикарпатскими амфорами (волыно-подольскими, злотскими и др.).

На Верхней Волге они могли появиться через двинско-верхневолжский путь. Находки обломков амфор известны в Литве, Латвии, Эстонии и Финляндии. Некоторые из этих амфор и по форме, и по орнаментике, а также по наlepным валикам близки фатьяновским. Верхневолжские амфоры очень близки амфорам жуцевской культуры, и, по-видимому, их происхождение следует связывать с Южной Прибалтикой. Если же предположить, что верхневолжские амфоры были получены со Средней Волги, то ярославские фатьяновские могильники следует датировать более поздним временем, чем, например, Балановский могильник, что никак не увязывается с другими фактами.

7. Изучение развития фатьяновской керамики и ее орнаментики приводит к выводу, что исходной протофатьяновской территорией могло быть только междуречье Днепра и Вислы.

8. Анализ фатьяновской керамики позволил также выявить характерные ее черты для каждой группы памятников. В окско-деснинской и московско-клязьминской группах господствовали высокошейные удлиненные сосуды с эсвидным профилем со шнуровой и нарезной однозональной орнаментацией. В верхневолжской группе преобладали высокошейные удлиненные и приземистые сосуды с раструбной и потом прямой шейкой и двухзональным штампованным и нарезным орнаментом. Появляются также шаровидные низкошейные сосуды.

В средневолжской группе кроме ранних погребений господствуют высокошейные удлиненные и шаровидные сосуды с прямой и потом цилиндрической шейкой, с оформленным по венчику бортиком и с трехзональным штампованным и нарезным орнаментом и присутствием низкошейных шаровидных амфор.

Такое распределение керамики по группам позволило (см. ниже) дать новую периодизацию и хронологию памятников фатьяновской культуры.

Орнаментика сосудов фатьяновской культуры

Орнаментика на сосудах является одним из главных исторических источников для суждения о той или иной культуре, границах ее распространения, влияниях, связях и т. д. Орнаментика очень устойчива. Этнографические примеры в этой области показывают, что орнаментика на сосудах может служить главным отличительным признаком для выделения не только археологической культуры, но и помогает раскрытию этногенетических процессов, происходивших в далеком прошлом, процессов ассимиляции и смещения тех или иных культур и, наконец, она позволяет проследить дальнейшие судьбы культур.

Однако этим не исчерпывается значение орнамента. Она является важным историческим источником и в изучении духовной культуры людей, оставивших ее. Орнаментика — яркий показатель степени развития того или иного общества, его мироощущений, мышления, верований.

Орнаментика фатьяновской керамики имеет своеобразный и оригинальный характер. Можно согласиться с В. А. Городцовым, что она не отличается особым изяществом³⁶⁸, но все же ряд узоров на фатьяновских сосудах позволяет судить о довольно высоких художественных вкусах фатьяновцев. Орнаментальные узоры на фатьяновских сосудах состоят из отдельных элементов-мотивов, и не все они прослеживаются на всем протяжении развития фатьяновской культуры. Есть отдельные мотивы, чаще встречающиеся в московско-клязьминской группе памятников, свои излюбленные мотивы имеют и верхневолжские и средневолжские фатьяновские племена, но есть и общие для всех мотивы и элементы орнамента, а также способы ее нанесения на сосуды.

Рассмотрим первоначально основные элементы фатьяновского орнамента.

Поскольку в орнаменте сочетаются определенные знаки, линии, фигуры, присущие данной культуре, то мы должны проанализировать эти составные элементы, чтобы потом уже описать и внешнюю сторону орнаментальных узоров, и их внутреннюю сущность.

Орнаментальные элементы фатьяновской керамики. Мы не ставим своей задачей установление происхождения основных орнаментальных мотивов фатьяновской культуры. Мы можем указывать только на их сходство с орнаментальными мотивами других культур. Отдельные элементы орнамента, особенно простейшие, могут существовать вне зависимости от культур-

ных влияний, связей. Они могут возникать конвергентно. Поэтому в решении вопроса происхождения того или иного мотива надо быть очень осторожным. По-видимому, сравнивать можно только с теми культурами, которые связаны с данной культурой исторически или генетически, иначе сравнения могут увести нас в другую сторону и запутать вопрос.

Мы можем сказать, что почти все основные элементы фатьяновской орнамента уже сложились и существовали с момента становления фатьяновской культуры, но некоторые элементы возникают позднее с развитием культуры. Они появляются или под влиянием других культур, или в связи с новой волной родственных пришельцев, или возникают как результат внутреннего развития.

Основными элементами орнаментальных мотивов и узоров фатьяновской орнамента являются следующие: линии или бороздки, насечки коротких отрезков линий прямых или косых, поставленных в разные стороны; разные зигзаги (простые, двойные, тройные, балановского типа и т. д.); елочный горизонтальный или вертикальный узор, сетка решетчатая (ромбическая), разнообразные ромбы, ряды коротких или продолговатых вертикальных нарезок, образующих группы (так называемые фартуки); группы линий или отрезков, поставленных под углом друг к другу, треугольники со штриховкой внутри, ямчатые вдавления, зубчатые вдавления, элементы шнуровых отпечатков (линии, треугольники, отрезки и т. д.), налепы, сквозные отверстия, ручки, желобки, перемиčky и т. д.

Из этих основных элементов и состоят орнаментальные мотивы и их композиции в орнаменте фатьяновских сосудов. Эти элементы составляют и простые, и сложные многозональные, и лопастные узоры. Все эти элементы встречаются в разных сочетаниях. Иногда на одном сосуде орнаментальный узор состоит из нескольких различных элементов: одни встречаются чаще, другие реже. Некоторые элементы служили в качестве основной темы орнамента, а другие употреблялись как подсобные и служили разделителями орнаментальных зон, а иногда и основной канвой орнамента.

Рассмотрим в указанном выше порядке все основные элементы орнамента.

Бороздки (рис. 44), или *канавки*, встречаются чаще как разделительные линии орнаментальной зоны. Первоначально они появляются только в месте соединения шейки с плечиками, а затем и в других местах как разделители орнаментальных зон. По три или по четыре бороздки встречается на сосудах более поздних

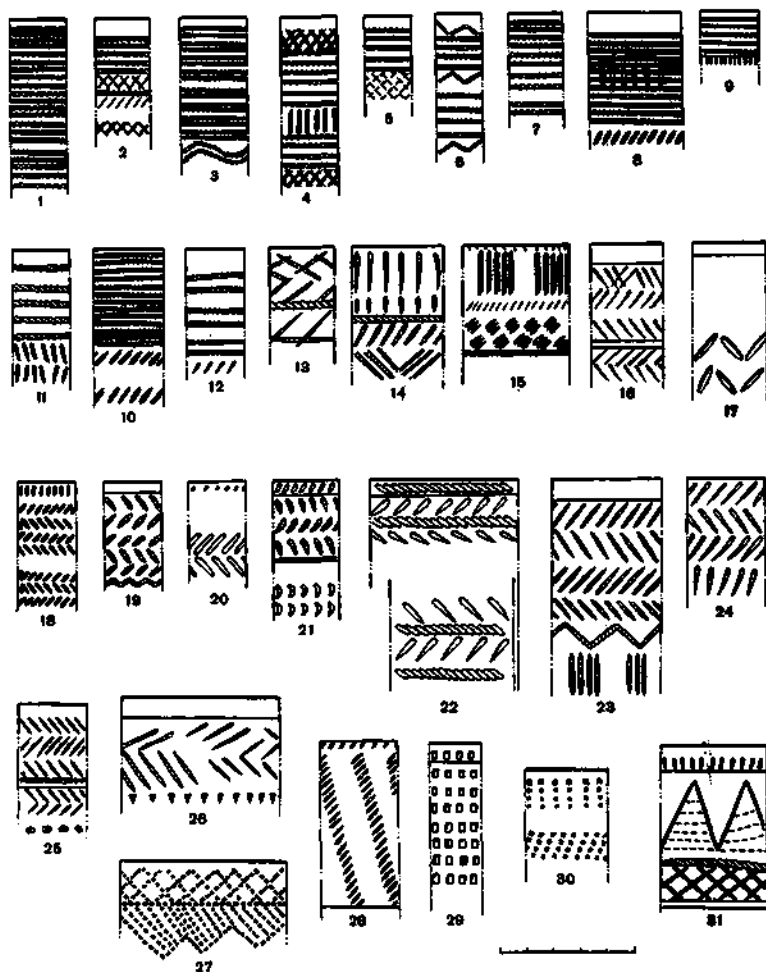
³⁶⁸ В. А. Городцов. Культуры бронзовой эпохи Средней России, стр. 40.

Рис. 44. Основные мотивы орнаментики
фатьяновских сосудов

Отпечатки шнура: 1—2 — Ивановогорский могильник; 3 — Давыдовский могильник; 4, 5, 6, 7 — Кузьминский могильник; 8 — Истринский могильник; 9 — Голузинский могильник; 10 — Икшавский могильник; 11, 14 — Олочинский могильник; 12 — Протасовский могильник; 13, 15 — Волосово-Даниловский могильник.

Елочный узор: 16 — Тимофеевский могильник; 17, 18, 19, 23 — Фатьяновский могильник; 20 — Волосово-Даниловский могильник; 21, 24 — Никульдинский могильник; 22, 26 — Детчинский могильник; 25 — Олочинский могильник.

Разные узоры: 27 — Волосово-Даниловский могильник; 28 — Халдеевский могильник; 29 — Ваудовский могильник; 30 — Детчинский могильник; 31 — Бужаровский могильник.

могильников, на сосудах из ранних могильников московско-клязьминской группы они не наблюдаются. Эти бороздки совершенно отсутствуют на низкошейных и чашевидных сосудах.

Подобные бороздки, разделяющие шейку и плечики, встречаются не только в трех основных группах фатьяновских памятников, но и на сосудах среднеднепровской культуры³⁶⁹, где наряду с одной бороздкой в некоторых памятниках, как, например, в курганах урочища Мошка (курган I), урочища Палик, найдены сосуды с тремя и больше бороздками, применяемыми также в качестве разделителей орнаментальных зон. Иногда вместо бороздок употребляется поясковый отпечаток шнура, что чаще наблюдается в среднеднепровской культуре, чем в московско-клязьминской группе фатьяновских памятников. В Михеевском, Детчинском, Ах-

тырском, Бужаровском, Никульдинском и Воронковском могильниках фатьяновской культуры встречаются иногда одиночные отпечатки шнура в качестве разделителя узора. На двух сосудах из Наумовского могильника по шейке идут пояски из 10 бороздок, видимо, они здесь заменяют шнуровой орнамент. Вероятно, бороздка, разделяющая шейку и плечики, первоначально имела техническое назначение для заглаживания шва на месте соединения шейки с плечиками, а потом перешла в орнаментальный узор как разделитель зон. Не исключено и другое толкование, а именно: бороздки позднее заменяют отпечаток шнура, доказательством чему служат сосуды из Наумовского могильника.

Нам важно то, что две — четыре линии встречаются только на сосудах из поздних могильников, в том числе и Балаховского на всех стадиях его развития (по П. М. Кожину), а это наряду с другими фактами помогает разоблачить в эволюции фатьяновской культуры.

³⁶⁹ И. И. Артеменко. Неолитические стоянки и курганы эпохи бронзы..., стр. 31—87.

Елочный узор (рис. 44, 16—26) характерен для фатьяновской культуры и для культур боевых топоров и шнуровой керамики, но он часто встречается и в других культурах бронзового века и эпохи неолита. Этот мотив очень широко распространен, но в фатьяновской культуре его можно наблюдать в особых сочетаниях, присущих только этой культуре.

Елочный узор разнообразен. Он бывает вертикальный и горизонтальный. Первый чаще наносится на шаровидные сосуды амфорного типа, а второй — на высокошейные. Как тот, так и другой бывают в различных сочетаниях, но встречаются и в чистом виде. Сосуды с елочным узором обнаружены не во всех памятниках фатьяновской культуры. Такие сосуды характерны для могильников Калининской обл. (Лпхачевский, Ошурковский, Тургиновский, Олочинский) и Ярославской (Фатьяновский, Тимофеевский, Воронковский, Наумовский, Горкинский и др.). В окско-деснинских могильниках, московско-клязьминских и ранних верхневолжских елочный узор или не встречается, или наблюдается главным образом в сочетаниях с другим орнаментом (Кузьминский, Протасовский, Детчинский, Истринский, Буньковский, Никульдинский, Воронковский и др.).

Елочный узор очень широко распространен и на сосудах среднеднепровской культуры на всех этапах ее развития³⁷⁰. В калининских памятниках фатьяновской культуры, в ярославско-павловских и в среднеднепровских памятниках есть идентичные елочные узоры не только по композиции рисунка, но и по манере нанесения его. На сосудах Прибалтики (Сопе и др.)³⁷¹, в Латвии на стоянках «Абора», Лубанской низменности³⁷² и др. елочный узор является главным мотивом орнаментики.

Сходство орнаментики сосудов прибалтийской культуры ладьевидных топоров со среднеднепровскими и фатьяновскими не может объясняться случайностью или только культурными связями. Сходство, часто тождественность орнамента и отдельных элементов его, а также манера нанесения орнамента — все это заставляет с уверенностью предполагать и культурное, и генетическое родство этих памятников.

³⁷⁰ Т. С. Пассек. К вопросу о среднеднепровской культуре, рис. 10, 11, 13; И. И. Артеменко. О памятниках раннего этапа среднеднепровской культуры. КСИИМК, вып. 93, 1963, стр. 40, рис. 13; стр. 44, рис. 15; он же. Неолитические стоянки и курганы эпохи бронзы...

³⁷¹ Л. Янитс. Поздненеолитические могильники в Эстонской ССР. КСИИМК, вып. 42, 1952, стр. 55, рис. 15, 5.

³⁷² И. А. Лозе. Раскопки стоянки Абора. Доклад на секции неолита и бронзы на пленуме ИА АН СССР в 1966 г.

Елочные узоры встречаются и в других культурах, но не в таких сочетаниях.

Решетчатый узор (рис. 44), или ромбическая сетка, образуемая пересекающимися нарезками или насечками штампа, встречается очень часто на сосудах всех групп памятников фатьяновской культуры. Этот узор чаще всего является нарезным и реже штампованным (мелкозубчатым штампом). В общей композиции рисунка узор не является самостоятельным, а служит разделителем орнамента. Обычно он начинает и завершает общий узор, или только начинает, или только завершает, но нередко встречается в середине орнамента или сверху, середине и внизу. Самостоятельно этот орнамент существует только в трех случаях (Вауловском, Кузьминском и Никульдинском могильниках).

В московско-клязьминских памятниках он встречается в середине узора только в Истринском и Ханевском могильниках, а в ярославских памятниках он встречается чаще.

В Балановском могильнике решетчатый узор выступает и как самостоятельный, и как бордюр к общему орнаменту, т. е. в таких же сочетаниях, как и на сосудах из фатьяновских могильников, но расположение его ближе, пожалуй, к расположению на сосудах московско-клязьминских могильников. Кстати, чаще всего этот орнамент встречается на ранних сосудах Балановского могильника (по Кожину П. М.). П. М. Кожин считает его основным для сосудов первого комплекса³⁷³. Неверно утверждение П. М. Кожина, что эти решетки характерны для Вауловского могильника. Здесь они составляют ничтожный процент по сравнению с другими мотивами орнаментики.

В поздних средневолжских памятниках решетки по способу нанесения становятся другими, более грубыми, толстыми и широкими. Решетка, или сетка, иногда напоминает ряд (поясок) изображений буквы Х, поставленных близко друг к другу. Решетка фатьяновского типа сходна только с ранней решеткой Балановского и Козловского могильников и решеткой на сосудах из поселения Галанкина Гора. Определенное сочетание этого элемента узора создает особый колоритный рисунок, свойственный только фатьяновской культуре. Кстати, этот мотив встречается и на металлических предметах (копье из Волосово-Даниловского могильника, браслетах из Мытищинского и Бирского могильников). Этот излюбленный фатьяновский мотив орнаментики может служить показателем однокультурности всех групп фатьяновских памятников.

³⁷³ П. М. Кожин. Хронология шаровидных амфор..., стр. 26, рис. 1, 1—3, 7, 9, 13, 17.

Решетка как элемент узора известна в различных культурах бронзового века: ямной, среднеднепровской, зауральских памятниках, но она имеет здесь иной характер и встречается в иных сочетаниях. Надо отметить, что в среднеднепровской культуре этот узор пока встречен только на двух сосудах³⁷⁴. В культурах шаровидных амфор и культурах боевых топоров Запада он также встречается.

По одному сходству элементов орнаментики в виде решетки трудно судить о происхождении данного узора. Решетка, подобная фатьяновской, встречается также и на стоянках с гребенчато-ямочной керамикой.

Ромбический узор (рис. 45, 1—30) является одним из любимых мотивов фатьяновцев. Однако следует различать простой ромбический узор и узор ярославского типа, ограниченные ромбы со штриховкой внутри и без штриховки, а также особый ромбический узор (крупный).

Рассмотрим простой ромбический узор ярославского типа. Он состоит из вдавлений штампа без окаймляющей рамки (вдавлений по сторонам ромба) (рис. 45, 1—27, 31—33). Такой ромбический узор чаще всего наносился короткими вдавлениями мелкозубчатого штампа (реже нарезкой), поставленными косо или вертикально. От последнего зависел и характер ромбов — или горизонтальный, или вертикальный. Кроме того, ромбы отличаются и разными размерами, они бывают узкие и широкие в зависимости от количества вдавлений. Подобный ромбический узор встречается в комбинации с другими мотивами. Он чаще всего располагается на шейке и плечиках, по два-три круговых ряда, разделенных другим узором.

Простой ромбический узор ярославского типа не встречается в могильниках московско-клязьминской группы³⁷⁵, а характерен только для могильников верхневолжской группы. В ранних могильниках верхневолжской группы количество сосудов с ромбическим узором составляет 2/4 экз. и основная масса падает на Воронковский (8), Никульщинский (6), Тимофеевский (5) и Голузинский (3) могильники. В Таскайском и Халдеевском могильниках с таким орнаментом по одному сосуду. Интересно, что этот узор совсем не встречается в некоторых могильниках Ивановской обл. (Милославском) или встречается по одному экземпля-

ру (Ильинско-Хованский и Кривцовский). Кстати, эти могильники по многим признакам близки московско-клязьминским.

В поздних памятниках верхневолжской группы число сосудов с таким орнаментом резко увеличивается — почти в четыре раза по сравнению с ранними могильниками. Особенно много сосудов с этим орнаментом в Волосово-Даниловском (34), Вауловском (13), Фатьяновском (8) и Горкинском (5) могильниках. В остальных памятниках сосуды с этим орнаментом встречаются редко — от одного до четырех. Этот орнамент с полным правом можно назвать ярославским. Данный узор встречается в поздних ярославских памятниках не только на высокошейных сосудах, но и на низкошейных амфорного типа, и его композиция на этих сосудах несколько отличается. Необходимо заметить, что подобный ромбический узор (ярославского типа) продолжает бытовать на территории Ярославской обл. и, пожалуй, на территории всего Верхнего Поволжья вплоть до нашего времени. Он прослежен на прялках и вальках XVI—XIX вв., на погребальных плитах XVI в., на наличниках и фронтонах крестьянских изб, в вышивках и кружевных вещах и т. д. Живучесть этого узора свидетельствует о глубоких культурных следах, оставленных фатьяновской культурой в Верхнем Поволжье.

В поздних фатьяновских памятниках (Воронка, Юрьевское, Борань, Станок и др.) ромбы становятся нарезными и вдавления на них тоньше. Такие же ромбы встречаются на сосудах из Сейминского поселения³⁷⁶. Этот новый характер ромбического узора (рис. 12, 7—8) позволит в дальнейшем уточнить хронологию поздних фатьяновских памятников.

Ромбический узор ярославского типа был, вероятно, заимствован фатьяновскими племенами от неолитических племен с гребенчато-ямочной керамикой. На неолитических стоянках Прибалтики и Валдая этот орнамент (в более грубом виде) встречается на неолитических сосудах. В неолитических стоянках Приднепровья ромб — также любимый орнамент и наносится всюду вдавлениями зубчатого штампа. Близкие фатьяновским ромбические узоры очень часты на сосудах амфорного типа в Западной Европе³⁷⁷.

Ромбы с окаймляющей рамкой или ромбы, ограниченные вдавлениями штампа с четырех сторон, разнохарактерны (рис. 45, 20). Более ранние имеют те же вдавления зубчатого штампа, что и простые ромбы, но ограниченные окаймляющими вдавлениями. Есть другие ром-

³⁷⁴ И. И. Артеменко. Среднеднепровская культура.

³⁷⁵ Отсутствие этого узора в московско-клязьминских могильниках, а также в среднеднепровских памятниках и в средневолжских (за редким исключением) заставляет предполагать связь этих памятников.

³⁷⁶ О. Н. Бадер. Балазовский могильник, стр. 238, рис. 159, 3.

³⁷⁷ М. Gimbutas. Указ. соч., стр. 143.

бы, — заштрихованные внутри, они более поздние и близки к так называемому балановскому зигзагу. Ограниченные ромбы наносятся путем нарезок и отпечатков мелкозубчатого штампа. Число сосудов с подобным орнаментом очень невелико.

В московско-клязьминской группе памятников имеется только два сосуда из Протасовского и Истринского могильников с ромбами, окаймленными рамками, нанесенными мелкозубчатым штампом. Этот мотив встречен на сосудах только в трех могильниках верхневолжской и нижеокской групп: Никульдинском (4), Волосово-Даниловском (7), Чуркинском (3), а в могильниках верхневолжской группы — Голузинском, Говядиновском, Наумовском, Фатьяновском и Овинищенском — он обнаружен по одному экземпляру. В Балановском могильнике и в других средневожских памятниках такой ромб (в более развитом виде) встречается очень часто, но имеет уже иную характерную позднюю штриховку. Его дальнейшая эволюция прослеживается в памятниках так называемой чирковско-сейминской культуры (по А. Х. Халикову).

В московско-клязьминских и верхневолжских могильниках этот ромбический узор еще близок к простому ромбическому узору ярославского типа. Вдавления мелкозубчатого штампа от трех до пяти наносятся также, но по краям ромб окаймляется с четырех сторон такими же вдавлениями (Голузинский, Никульдинский, Наумовский, Овинищенский могильники и др.). В Никульдинском и Голузинском могильниках и на поселении Рождественский Остров встречаются иные окаймления в виде галочек, которые не замыкают сплошь ромбический узор. По-видимому, их следует считать переходными. Иногда встречается двойное окаймление (Никульдинский). Но в поздних могильниках — Волосово-Даниловском, Говядиновском и Чуркинском — намечается более частая штриховка ромбов, близкая к «балановской штриховке». Данный факт может служить мостиком к развитию этого узора на памятниках Средней Волги.

В некоторых могильниках встречаются ограниченные ромбы с сетчатой (решетчатой) штриховкой (Никульдинский — 2), Волосово-Даниловский — 1, Тимофеевский — 1 и Великосельский — 1) (рис. 45). Они нанесены тонкими нарезками, и часто на этих же сосудах расположен решетчатый узор, ограничивающий ромбический (Никульдинский, Тимофеевский, Волосово-Даниловский). Подобные ромбы на территории распространения средневожских памятников не наблюдаются.

На шаровидных амфорах Западной Европы

такой орнамент встречается часто³⁷⁸. Он очень близок к ромбическому орнаменту на Волосово-Даниловской амфоре из погребения 26. Это обстоятельство и ряд других указывают на связь фатьяновских сосудов амфорного типа с Западом.

В Балановском могильнике³⁷⁹ ограниченные ромбы близки к подобным же ромбам на сосудах из Говядиновского, Чуркинского и Истринского могильников. Но они имеют лучшую и более частую штриховку — до 10 отпечатков штампа или нарезок, а в указанных памятниках — по 2—5 отпечатков. В поздних средневожских памятниках эти ограниченные ромбы видоизменяются дальше и становятся больше по размерам, как, например, на Кубашевском³⁸⁰ и Ош-Пандинском поселениях³⁸¹, Таутовском могильнике и др.

По А. Х. Халикову, подобные ромбы встречаются на всех этапах балановской культуры и продолжают бытовать в памятниках чирковско-сейминской культуры³⁸². Ромбы, ограниченные окаймляющими полосами и с внутренней штриховкой, встречены на стоянке Озименки на р. Мокше³⁸³, на Пензенской стоянке³⁸⁴ и в ряде мест на Оке (Козарь, Коренец и др.).

Анализ окаймленных или ограниченных ромбов дает яркую картину их эволюции в направлении с запада на восток, а не наоборот.

Отдельно надо остановиться на так называемых особых ромбических изображениях. Они представляют собой ромбы, окаймленные с четырех сторон и не заштрихованные внутри, а потом, за пределами первого ромба, наносятся новые окаймления — от двух до четырех (рис. 45, 28—30). Они напоминают букву Х из двух — четырех насечек с каждой стороны. Иногда нижняя или верхняя часть срезается в общем рисунке, тогда рисунок напоминает группы насечек, поставленных под углом друг к другу. Данный орнамент встречается как самостоятельный, но он всегда разделяется или косыми насечками, или решеткой и бороздкой. Нанесен такой узор чаще всего мелкозубчатым штампом, реже нарезкой.

Данный узор отсутствует на керамике из могильников московско-клязьминской группы. Он появляется в верхневолжских и потом

³⁷⁸ М. Gimbutas. Указ. соч., стр. 143, рис. 80.

³⁷⁹ О. А. Кривонова-Гракова. Хронология памятников фатьяновской культуры, стр. 24, рис. 27; О. Н. Бадер. Балановский могильник, стр. 198, рис. 1256 А, В.

³⁸⁰ Там же, стр. 218, рис. 150, 2, 3, 7.

³⁸¹ Там же, стр. 233.

³⁸² А. Х. Халиков, Е. А. Халикова. Васильсурское поселение эпохи бронзы, стр. 263, рис. 16.

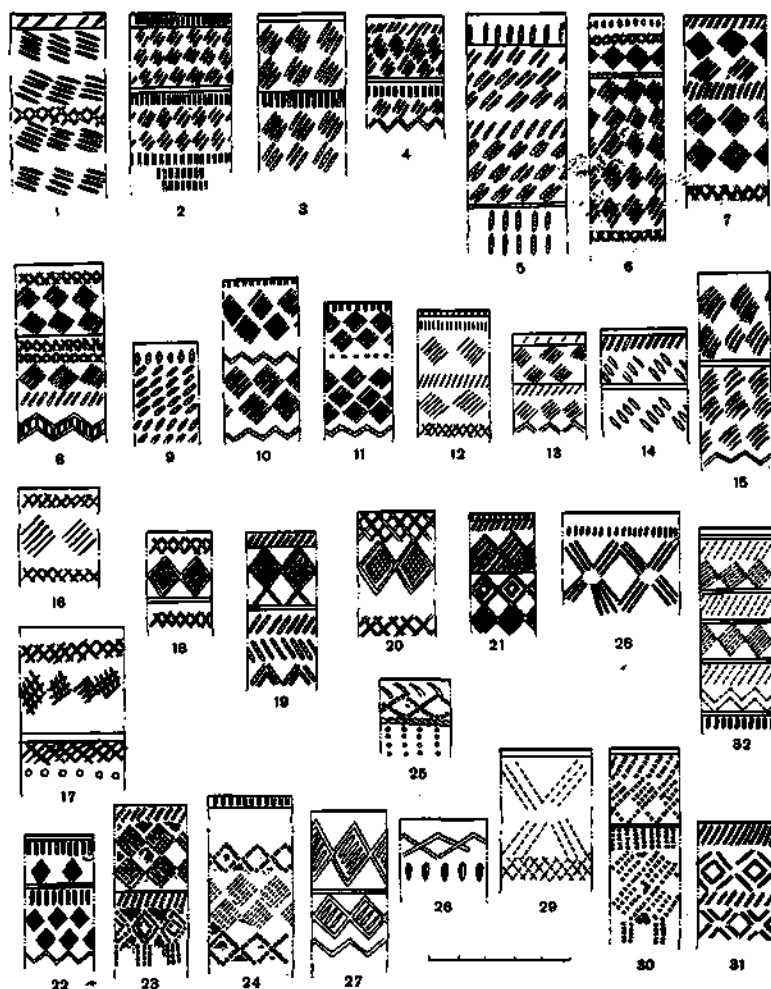
³⁸³ М. Е. Фосс. Поселения на дюне Озименки. КСИИМК, вып. 75, 1959, стр. 9, рис. 2.

³⁸⁴ Колл. Пензенского обл. музея.

Рис. 45. Ромбические узоры на фатьяновских сосудах

Ромбический узор: 1, 17 — Тимофеевский могильник; 2, 3, 4, 13, 19, 21, 22, 27, 34 — Никульцинский могильник; 5 — Вауловский могильник; 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 16, 23, 24, 25, 26, 31, 32 — Волосово-Даниловский могильник; 14, 18 — Голузинский могильник; 15 — Халдеевский могильник; 20 — Воронковский могильник.

Особый ромбический узор: 28, 29 — Великосельский могильник; 30 — Говядиновский могильник

в средневожских памятниках: Никульцинском (2), Воронковском (2), Ильинско-Хованском (1), Великосельском (2), Говядиновском (1), Волосово-Даниловском (2), Юрьевском (1), на поселении Рождественский Остров (2), в Балановском, Чурачикском и других могильниках.

Орнамент на сосудах Никульцинского и Воронковского могильников тождествен орнаменту на сосудах Великосельского и Говядиновского могильников и отчасти Юрьевского. Это, по-видимому, свидетельствует о связях, преемственности или об одновременности этих могильников и об одновременности Рождественской фатьяновской стоянки на оз. Неро. Орнамент сосуда из Ильинско-Хованского могильника³⁸⁵ больше похож уже на балановский и чурачикский орнаменты, представля-

ющие собой дальнейшее развитие воронковско-никульцинских мотивов.

Близкими к ним являются и орнаменты на низкошейном сосуде из Буньковского могильника и высокошейном из Халдеевского могильника, так называемые сложносигмовидные орнаменты.

«Особые ромбы» имеют аналогии (тип великосельский) на неолитических стоянках Прибалтики³⁸⁶, на стоянке Акали, относящейся к эпохе неолита и раннего металла³⁸⁷. Л. Янинтс сравнивает этот орнамент с фатьяновскими. Он датирует его временем позднего неолита, что, по его хронологии, относится к первой половине II тысячелетия до н. э.

Надо обратить внимание и на то обстоятельство, что среди керамики из стоянки Акали

³⁸⁵ Н. А. Кирьянова. Фатьяновский могильник у с. Ильинское-Хованское, стр. 123, рис. 37, 9.

³⁸⁶ Л. Янинтс. Поселение эпохи неолита и раннего металла в приустье р. Эймаги (Эст. ССР). Таллин, 1900, стр. 123, табл. XV, рис. 4, 7.

³⁸⁷ Там же, стр. 131.

очень много и других, близких к фатьяновским, узоров (простые ромбы, елочка, зигзаг, сигма и т. д.).

Подобные же ромбы встречены и на сосудах Куршской косы в Южной Прибалтике, выполненные веревочными оттисками³⁸⁸. Этот орнамент удивительно похож на узоры из Буньковского и Олочинского могильников. В памятниках Южной Прибалтики есть и другие узоры, близкие фатьяновским, как, например, ограниченные ромбы, но не штрихованные, решетка и др.³⁸⁹

Орнамент очень близкий «особым ромбам» (Никульдинскому, Говядинскому и Юрьевскому типу) имеется и на амфоре из культуры Злота. «Особые ромбы» встречены в поздне-волосовских слоях неолитических стоянок Ивановской обл., что указывает на влияние фатьяновской культуры на волосовские местные племена.

Таким образом, и этот орнамент имеет свои прототипы в прибалтийском неолите и сходство с орнаментикой посуды культуры шнуровой керамики.

Насечки (рис. 46, 21—24), или нарезки коротких линий (отрезки), поставленные прямо или косо в ту или другую стороны, — очень распространенный элемент фатьяновских орнаментальных узоров. Он существует и как самостоятельный узор, и как подсобный — в качестве разделителя орнамента.

В могильниках московско-клязьминской группы этот элемент встречается значительно реже, чем в верхневолжских памятниках. Он отмечен только на 20 сосудах. На сосудах с веревочным орнаментом он или совсем не встречается, или ставится (один или два ряда) только в конце шнурового узора, чаще всего на плечиках. Насечки поставлены косо.

Подобная картина наблюдается и на сосудах со шнуровым орнаментом в днепро-деснинской группе памятников. Это, конечно, не случайное явление, а общий, выработанный на какой-то стадии признак, указывающий, вероятно, на культурное родство. Только на одном из сосудов Кузьминского могильника ряд прямых насечек идет в середине узора.

В более поздних могильниках московско-клязьминской группы насечки появляются на венчике (Истринский, Буньковский, Кузьминский, Протасовский могильники), и потом эта традиция продолжает развиваться и в остальных фатьяновских памятниках верхневолжской и средневолжской групп.

В ранних верхневолжских могильниках на-

сечки наблюдаются и сверху венчика, и в середине, и в конце, а на сосудах с веревочным орнаментом они расположены так же, как и на московско-клязьминских сосудах.

На сосудах поздней стадии верхневолжской группы прямые и косые насечки увеличиваются в количественном отношении почти в четыре раза по сравнению с московско-клязьминской группой и в два раза по сравнению с ранней стадией той же группы. По-видимому, данный факт объясняется не простым увеличением числа сосудов, а какими-то иными причинами. Здесь насечки встречаются и как разделители орнаментальных зон, и как самостоятельные узоры, составленные из комбинационной расстановки насечек. Особенно часты последние узоры на амфорных сосудах (лопастные узоры). Насечки наносятся и на налепных валиках амфорных сосудов. На сосудах из Балановского могильника прослеживаются такое же расположение и такие же комбинации прямых или косых насечек³⁹⁰. На амфорах культуры Злота имеются, как и на фатьяновских и балановских амфорах, лопастные узоры, составленные из рядов прямых насечек³⁹¹. Они не только сходны по элементам орнамента, но и тождественны. По-видимому, такое совпадение можно объяснить более близкими отношениями, возможно генетическими.

Зигзаги бывают разные (рис. 46, 11—22) — простые, двойные, тройные и больше и зигзаг балановского типа. Рассмотрим все эти виды одного из основных фатьяновских мотивов орнаментики.

Простой зигзаг (рис. 26, 11—14), состоящий из насечек зубчатого штампа, поставленных под углом друг к другу, или представляющий сплошную зигзагообразную ломаную линию, почти не встречается в могильниках московско-клязьминской группы. Он обнаружен только на одном сосуде из Кузьминского могильника.

Кстати, он также редко встречается и на сосудах днепро-деснинской группы³⁹², что как-то связывает их. В других памятниках среднеднепровской культуры простой зигзаг нанесен на сосудах из курганов у с. Ходосовичи, с урочища Палик, с поселения Завалле и др.³⁹³ В фатьяновских могильниках ранней стадии верхневолжской группы он встречен в 20 случаях, а в поздних могильниках той же группы — в три

³⁸⁸ О. Н. Бадер. Балановский могильник; П. М. Кожин. Хронология шаровидных амфор...

³⁸⁹ Z. Krzak. Указ. соч.

³⁹⁰ Т. С. Пассек. К вопросу о среднеднепровской культуре, стр. 39, рис. 11, 6; стр. 40, рис. 12, 3.

³⁹¹ И. И. Артеменко. Неолитические стоянки и курганы эпохи бронзы..., стр. 34; рис. 1, 1; он же. Поселения среднеднепровской культуры на территории Верхнего Поднепровья. КСИИ, вып. 88, 1962, стр. 72, рис. 19, 9.

³⁸⁸ «Lietuvos Archeologijas Bruozai». Vilnius, 1961, str. 76, tabl. 42.

³⁸⁹ Там же, стр. 77, рис. 42.

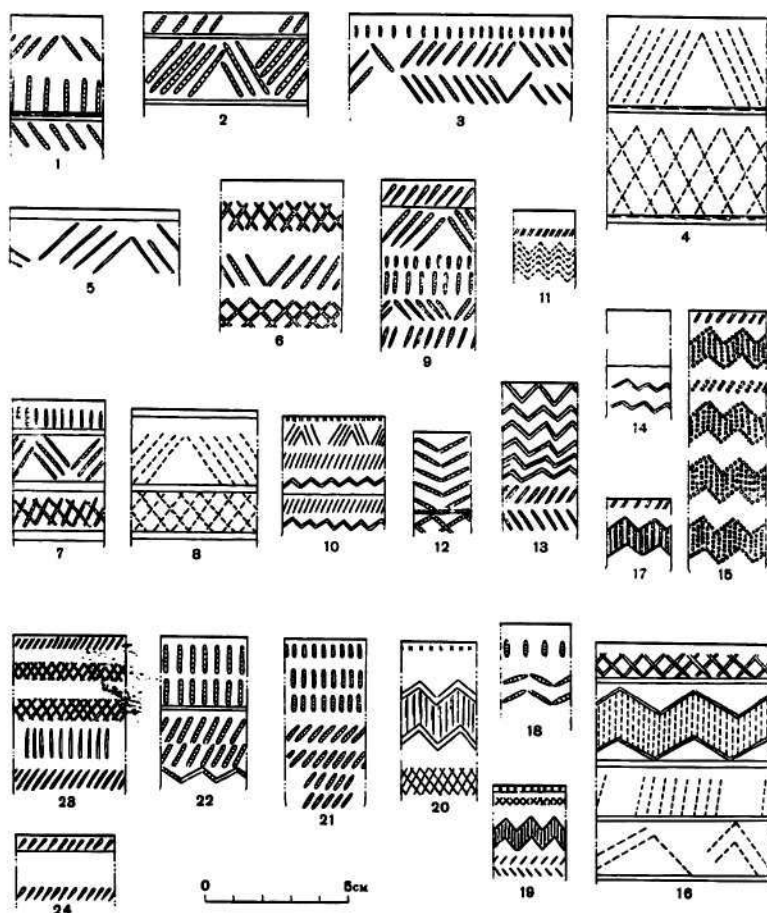
Рис. 46. Разные узоры на фатьяновских сосудах

Насечки под углом друг к другу: 1 — Олочинский могильник; 2, 3 — Буньковский могильник; 4 — Говядиновский могильник; 5 — Детчинский могильник; 6 — Протасовский могильник; 7, 8 — Истринский могильник; 9 — Фатьяновский могильник; 10 — Волосово-Даниловский могильник.

Простой зигзаг: 11, 12 — Волосово-Даниловский могильник; 13 — Протасовский могильник; 14 — Фатьяновский могильник.

«Балановский» зигзаг: 15, 17, 19, 20 — Волосово-Даниловский могильник; 16 — Буньковский могильник; 18 — Фатьяновский могильник.

Насечки прямые и косые: 21, 22, 23 — Вауловский могильник; 24 — Великосельский могильник.

с половиной раза больше. Простой зигзаг на сосудах Балановского могильника редок. Он встречается в Козловском могильнике³⁹⁴. Отсутствие его в Балановском могильнике можно объяснить разными причинами и, возможно, более поздним временем Балановского могильника по сравнению с другими фатьяновскими памятниками.

Простой зигзаг почти нигде не встречается в качестве самостоятельного орнамента — такие случаи редки. Он является или разделителем орнамента (Кузьминский, Козловский могильники), или, что чаще, заканчивает орнаментальный узор или ограничивает его (в лопастном орнаменте).

Простой зигзаг как элемент узора очень широко распространен в различных культурах, и искать его происхождение поэтому трудно. Однако мы можем констатировать, что этот мотив часто встречается в культурах шнуровой керамики Западной Европы³⁹⁵, в Прибалтике³⁹⁶ и

³⁹⁴ А. Х. Халиков. Балановские памятники в Татарии, стр. 51, рис. 15, 2, 3.

³⁹⁵ M. Gimbutas. Указ. соч.

³⁹⁶ И. А. Лозе. Коллекции из раскопок стоянки Абора. Фонды Института истории АН Латв. ССР.

других местах, где распространялись культуры боевых топоров, и почти везде этот мотив заканчивает основной узор или служит его разделителем. Наряду с другими данными этот факт становится доказательством связей или родства с культурами боевых топоров.

Двойной, тройной (и более) зигзаг (рис. 46, 13) встречается значительно реже на сосудах фатьяновской культуры. Двойной зигзаг не отмечен ни на одном сосуде из могильников московско-клязьминской группы, за исключением Буньковского могильника (сосуд балановского типа).

В ранних могильниках верхневолжской группы он также редок; встречается только в Никульцинском, Халдеевском и Ильинско-Хованском как завершитель орнамента. В поздних могильниках верхневолжской группы он наблюдается чаще (Великосельском, Фатьяновском, Волосово-Даниловском, Воронском, Горкинском и др.). Встречен он и в Чуркинском могильнике нижнеокской группы. Этот орнамент можно датировать более поздним временем.

В Балановском могильнике этот мотив отме-

чен на сосудах первого комплекса (по П. М. Кожину) и встречается на сосудах из Васильсурского поселения³⁹⁷.

Этот орнаментальный мотив известен на сосудах среднеднепровской культуры на гатинском этапе³⁹⁸. Двойной зигзаг встречается на шаровидных амфорах ГДР и в других культурах шнуровой керамики и боевых топоров³⁹⁹.

Тройной зигзаг отмечен на керамике в очень немногих могильниках — Буньковском, Истринском, Верейском, Кривцовском, Воронковском и Волосово-Даниловском, но чаще всего он наблюдается в Балановском могильнике на сосудах первого комплекса (по П. М. Кожину), что опять-таки сближает поздние московско-клязьминские могильники (через Кривцовский) с Балановским.

Среди фатьяновских сосудов есть сосуды с многозигзаговым орнаментом, покрывающим всю орнаментальную зону. Такие сосуды встречаются в немногих могильниках (Протасовском, Ильинско-Хованском и Тимофеевском). Сосуд с подобным орнаментом найден в Балановском могильнике — в комплексе первого типа⁴⁰⁰, но этот же мотив наблюдается и на сосудах более позднего времени в памятниках вятско-ветлужской группы (поселений Буй II)⁴⁰¹. Широко распространен многозигзаговый орнамент в культурах шнуровой керамики ГДР и ФРГ⁴⁰².

Особый интерес представляет так называемый балановский зигзаг (рис. 46, 15—20). Он состоит из широкой зигзагообразной полосы, заштрихованной внутри вертикальными насечками (или нарезками) мелкозубчатого штампа. Этот мотив считается характерным для орнаментики балановских сосудов. Действительно, он встречается и в могильниках, и в поселениях средневожской группы. Однако в настоящий момент вряд ли можно считать этот орнамент присущим только средневожским памятникам. Во-первых, сосуды с таким орнаментом найдены и в московско-клязьминских, и в средневожских могильниках. Кроме того, они обнаружены на территории Ярославской, Ивановской, Горьковской и Рязанской областей, в стоянках, относящихся или к поздневожскому, или к поздняяковскому времени⁴⁰³. Эти находки несколько разнятся

от находок в могильниках и, по-видимому, относятся к более позднему времени — времени изживания фатьяновской культуры. Керамика с балановским зигзагом обнаружена в Буньковском, Воронковском, Волосово-Даниловском и Скомороховском могильниках. В Буньковском могильнике сосуд с балановским зигзагом найден вместе с сосудами, не встречающимися на территории Среднего Поволжья, т. е. в зоне средневожской группы фатьяновских памятников. Наряду с этими зигзагами на сосудах присутствует типичный фатьяновский орнамент. В Воронковском могильнике балановский зигзаг встречен на сосуде фатьяновского типа из погребения 14. Сосуд несколько удлиннен, и зигзаг помещен в центре шейки, а выше и ниже нанесена сетка (решетка). Весь орнамент нарезной (прочерченный), что характерно для памятников московско-клязьминского типа, а в Балановском могильнике прочерченный (нарезной) орнамент редок.

В Волосово-Даниловском могильнике, который относится нами к позднефатьяновскому времени, найдено значительное число высокошейных и шаровидных сосудов с балановским зигзагом. Эти сосуды обнаружены в погребениях 7, 12, 13, 14, 15, 17 и др. В некоторых погребениях, как, например, в 7-м, почти все сосуды имеют балановидный орнамент. Сосуды с балановским зигзагом найдены в разных погребениях — мужских, женских и детских.

В Скомороховском могильнике Ивановской обл. балановский зигзаг обнаружен на двух сосудах из погребений 2 и 4. Надо отметить, что обряд погребения здесь фатьяновский.

Если в Воронковском могильнике балановский зигзаг нанесен на сосуде более ранней формы (высокошейном, вытянутом с расширяющейся раструбом шейкой), то в Волосово-Даниловском могильнике этот мотив уже встречается на разных сосудах и раннего, и позднего типов, а в Скомороховском балановский зигзаг нанесен на сосудах явно позднего типа.

Намечается как бы определенная эволюция в появлении этого зигзага в направлении с запада на восток.

В средневожских (балановских) памятниках наблюдается еще более резкое увеличение сосудов с этим зигзагом. Небезынтересен тот факт, что подобный зигзаг не встречается в балановских сосудах первого комплекса (по П. М. Кожину), т. е. на ранней стадии существования могильника. Балановский зигзаг появляется только в третий период существования керамических комплексов первого типа⁴⁰⁴. В связи с этим воз-

³⁹⁷ П. М. Кожин. Хронология шаровидных амфор...

³⁹⁸ Т. С. Пассек. К вопросу о среднеднепровской культуре, стр. 39, рис. 11, 6; стр. 40, рис. 12, 3.

³⁹⁹ М. Gimbutas. Указ. соч., стр. 143.

⁴⁰⁰ П. М. Кожин. Хронология шаровидных амфор..., стр. 27, рис. 1, 12; О. Н. Бадер. Балановский могильник, 3; стр. 202, рис. 133, 2; 134, 2; стр. 206, рис. 141.

⁴⁰¹ Там же, стр. 215, рис. 148.

⁴⁰² «Kataloge zur mitteldeutschen Schnurkeramik», taf. 16.

⁴⁰³ Д. А. Крайнов. Памятники фатьяновской культуры. Московская группа; он же. Памятники фатьяновской культуры. Ярославско-Калининская группа.

⁴⁰⁴ П. М. Кожин. Хронология шаровидных амфор...

никает вопрос: где впервые появляется данный мотив фатьяновской орнаментики?

Вряд ли можно согласиться с О. А. Кривцовой-Граковой в том, что зигзагообразный узор балановского типа имеет юго-восточное происхождение⁴⁰⁵. Такая точка зрения предполагала бы и юго-восточное происхождение всей балановской группы памятников, что маловероятно. Зигзаг, близкий к балановскому зигзагу, существует в культурах Зауралья и в андроновской культуре на ее позднем этапе развития, но там он, во-первых, несколько иного вида и, во-вторых, не встречается на территории, отстоящей близко от средневожских памятников. В Башкирии, где на р. Белой (г. Бирск) были найдены фатьяновское погребение и фатьяновские металлические вещи⁴⁰⁶, сосуды с таким орнаментом не встречаются. М. Е. Фосс выдвинула другое предположение, что интересующий нас узор был распространён не только у восточных фатьяновских племён, но он является общим для всей фатьяновской территории⁴⁰⁷. Первоначально мы отнеслись отрицательно к этому положению⁴⁰⁸, но сейчас в связи с новыми находками сосудов с балановским зигзагом не только на стоянках, но и в могильниках обширной территории Волго-Окского междуречья к данному положению следует отнестись более внимательно.

Присутствие керамики с так называемым балановским зигзагом на территории Московской, Ярославской, Ивановской, Рязанской, Горьковской и Пензенской областей и Среднего Поволжья можно объяснить по-разному. Во-первых, можно допустить проникновение балановских племён на указанную территорию с востока. Во-вторых, возможно проникновение керамики путем заимствований у родственных племён. В-третьих, сосуды с балановским орнаментом могли быть принесены женщинами, попадавшими при разных обстоятельствах к фатьяновцам⁴⁰⁹. В-четвертых, фатьяновцы получали металл с востока, устраивая туда «экспедиции»⁴¹⁰ за сырьём. При этом они могли занимать

новую орнаментку. Однако все эти объяснения вряд ли звучат убедительно.

Присутствие в типичных фатьяновских могильниках (Волосово-Даниловском и Воронковском) сосудов с балановским зигзагом вместе с посудой, обычной для фатьяновских могильников, вряд ли можно объяснить связями и обменом фатьяновцев с балановцами, а также военной добычей и т. п. Сосуды с балановским орнаментом обнаружены в мужских, женских и детских погребениях. «Чуждые» сосуды фатьяновцы не стали бы ставить в могилы. По технике выделки, обжигу, лощению и тесту они не отличаются от других сосудов с чисто фатьяновским орнаментом. Видимо, все эти сосуды надо рассматривать как фатьяновские.

Их появление в ярославских, ивановских, московских и других могильниках закономерно и знаменует собой переходный этап к более поздней стадии развития фатьяновской культуры. Этот вывод подтверждается и присутствием упомянутых выше других балановских признаков в обряде погребения. Кроме того, в раннем Козловском могильнике балановский зигзаг на сосудах не наблюдается, нет его и на сосудах раннего типа в самом Балановском могильнике⁴¹¹.

К этим доводам можно добавить и тот факт, что сосуды с балановским орнаментом и близким к нему двойным или тройным зигзагом встречаются только в поздних памятниках фатьяновской культуры (Буньковский, Воронковский, Волосово-Даниловский, Протасовский, Истринский, Верейский, Скомороховский, Кривцовский и др.).

Вероятнее всего, балановский зигзаг мог возникнуть или на территории Волго-Окского междуречья, или ближе к Прибалтике, где на неолитических стоянках в Лубанской низменности (стоянки Ича рядом со стоянкой Абора) найдены обломки сосудов со штрихованным зигзагом, близким балановскому зигзагу⁴¹². Он также встречен в Новгородской обл. на неолитических стоянках и на стоянке Усть-Рыбежна⁴¹³.

Широкие зигзаговые полосы со штриховкой известны и в культурах боевых топоров в Южной Прибалтике и в Швеции⁴¹⁴. Таким образом, с уверенностью говорить о юго-восточном проис-

⁴⁰⁵ О. А. Кривцова-Гракова. Хронология памятников фатьяновской культуры, стр. 35.

⁴⁰⁶ К. В. Сальникова. Отчет об исследовании могильника под г. Бирском в Башкирской АССР в 1965 г.

⁴⁰⁷ М. Е. Фосс. Древнейшая история Севера европейской части СССР в эпоху неолита. МИА, № 97, 1952, стр. 185.

⁴⁰⁸ Д. А. Крайнов. Памятники фатьяновской культуры. Московская группа, стр. 26.

⁴⁰⁹ Черепа из женских погребений Тимофеевского (14) и Милославского (4) могильников близки к средиземноморскому антропологическому типу Балановского могильника (Р. Я. Денисова).

⁴¹⁰ Фатьяновцы могли получать металл только с востока — из Вятско-Ветлужского междуречья или из Среднего Поволжья.

⁴¹¹ П. М. Кожин. Хронология шаровидных амфор...

⁴¹² Э. А. Лозе. Отчет о результатах раскопок неолитических стоянок в Лубанской низменности. Колл. Института истории АН Латв. ССР (Рига).

⁴¹³ Н. Н. Гурина. Древняя история Северо-Запада европейской части СССР. МИА, № 87.

⁴¹⁴ J. E. Forssander. Die schwedische Bootaxtkultur., S. 10; 4. Oldeberg. Studien über die Schwedische Bootaxtkultur..., 1952.

хождении этого орнамента, как это считает О. А. Кривцова-Гракова, вряд ли возможно.

Есть основание судить и о его местном происхождении. В Волосово-Даниловском могильнике найдены сосуды с различным орнаментом, в том числе и балановским (погребения 7, 13, 14 и 17). На некоторых сосудах нанесен ромбический орнамент так называемого балановского типа (по О. А. Кривцовой-Граковой) с вертикальной штриховкой, а на одном и том же сосуде нанесены те же ромбы, переходящие потом в балановский зигзаг. Кроме того, есть сосуды с типичным балановским зигзагом. Здесь как бы рисуется картина эволюции ограниченных ромбов со штриховкой в балановский зигзаг. Ромбы с вертикальной штриховкой на сосудах из Овинищенского могильника также дают картину перехода к зигзагу⁴¹⁵⁻⁴¹⁷.

Представляет интерес и появление обломков сосудов с поздним балановским зигзагом на стоянках Волго-Окского междуречья вместе с текстильной керамикой (поздняковской). Здесь, пожалуй, можно допустить, что поздняковцы в своем движении на Запад вовлекли и поздние средневожские племена фатьяновцев.

Короткие полосы, собранные в группы и поставленные под углом друг к другу (рис. 46, 1—10).

Этот узор относится к наиболее распространенным узорам фатьяновской орнаментики. Он состоит из нескольких нарезных или штампованных коротких полос, расположенных наклонно группами под углом друг к другу. Число наклонных полос различно и колеблется от трех до десяти. Этот орнамент встречается и самостоятельно и является мотивом общей композиции. Иногда он близок к тройному зигзагу. Встречается он на сосудах всех типов. На амфорах он служит подсобным узором, обычно заканчивающим основную орнаментальную композицию. Чаще всего он располагается по шейке сосуда. Его обычно сопровождает орнаментальный мотив решетки или же полосы косых или вертикальных насечек. Орнамент характерен для сосудов московско-клязьминских поздних могильников. Он встречен на 13 сосудах из следующих могильников: Протасовского (3), Истринского (3), Буньковского (3), Вереysкого (2), Кузьминского (1) и Сушевского (1).

Встречается этот орнамент и на сосудах из могильников верхневолжской группы, граничащих с московско-клязьминскими и расположенных в Ивановской обл.: Олочинском (2), Во-

ронковском (1), Никульцинском (1), Наумовском (1), Кривцовском (2), Скомороховском (1). В поздних могильниках верхневолжской группы он очень редок.

В Балановском могильнике и на других фатьяновских памятниках средневожской группы (Козловском, Чурачпском, Таутовском могильниках, на поселениях Ош-Пандо, Галанкиной Горе, Васильевском и др.), как на ранних, так и на поздних, этот орнамент распространен чрезвычайно широко и продолжает существовать до самого позднего времени, переходя на сосуды чирковско-сейминской культуры. В фатьяновских могильниках он наблюдается на ранней стадии и существует здесь еще в неразвитом виде, а в восточных фатьяновских памятниках он уже становится одним из главных орнаментальных мотивов. Отсюда неизбежно напрашивается вывод о появлении его на востоке с запада через Оку, Мокшу, Свиягу или через Клязьму, Оку и Волгу. Этот вывод подтверждается и другими данными.

Еще М. Е. Фосс обратила серьезное внимание на сходство данного узора с подобными же узорами среднеднепровской культуры⁴¹⁸. В подтверждение этого вывода мы можем привлечь значительно больше аналогий. Так, например, сходный по стилю, а иногда просто тождественный фатьяновскому узор нанесен на крышкообразном сосуде из Стретовки⁴¹⁹, на сосудах Гатчинской группы⁴²⁰, особо близок узор на яйцевидном сосуде из Ясковиц⁴²¹ и на сосудах из погребения 2 кургана СС из раскопок И. Я. Бранденбурга у с. Берковицы, бывшего Каневского у. Киевской губ.⁴²² Однотипен и узор на сосудах из Бельнецких курганов⁴²³. Разбираемый нами орнамент на сосудах московско-клязьминской группы напоминает узоры и на сосудах из Брасова, Столпников, из урочища Беседки, Кокауня, Сосновой Гривы и ряда других памятников среднеднепровской культуры⁴²⁴.

Таким образом, сравнительный анализ данного узора показывает не только сходство, но и тождество его с узорами среднеднепровской

⁴¹⁸ М. Е. Фосс. Древнейшая история..., стр. 183—185, рис. 97.

⁴¹⁹ Т. С. Пассек. К вопросу о среднеднепровской культуре, стр. 36, рис. 10, 4.

⁴²⁰ Там же, стр. 39, рис. 11, 2, 4, 5, 7; стр. 43, рис. 13, 1, 2, 3.

⁴²¹ Там же, стр. 40, рис. 12, 3.

⁴²² «Журнал раскопок Н. Я. Бранденбурга. 1888—1902 гг. Работы в губерниях Киевской, Полтавской, Харьковской и др.» СПб., 1908, стр. 99; И. И. Артеменко. Среднеднепровская культура, стр. 16, рис. 2, 4; стр. 34, рис. 7, 5.

⁴²³ И. И. Артеменко. Среднеднепровская культура, стр. 16, рис. 2, 28.

⁴²⁴ Т. С. Пассек. К вопросу о среднеднепровской культуре.

⁴¹⁵⁻⁴¹⁷ Д. А. Крайнов. Раскопки фатьяновских могильников в Калининской обл. в 1965 г. «Отчет Верхневолжской экспедиции за 1965 г. Архив ИА АН СССР.

культуры, что указывает на единое происхождение фатьяновских и среднеднепровских племен и родство их.

Этот узор встречается на амфорах, найденных в Львовской и Дрогобычской областях Западной Украины⁴²⁵. Он заканчивает общую композицию орнамента амфор и расположен внизу под орнаментом. Такая же картина наблюдается и на амфоре из Балаковского могильника⁴²⁶. Этот орнамент известен и в жуцевской культуре⁴²⁷, на сосудах с Куршской косы⁴²⁸, на обломках сосудов из литовских стоянок со шнуровой керамикой⁴²⁹, на сосудах культуры Злота⁴³⁰, в маршвицкой культуре⁴³¹, в культуре шаровидных амфор ГДР и ФРГ⁴³². Этот же узор встречается часто в Подольи и Волыни на сосудах из стоянок со шнуровой керамикой и поселений лужицкой культуры⁴³³.

Таким образом, анализируемый нами орнамент встречается и в культурах шаровидных амфор, шнуровой керамики и боевых топоров, и на сосудах среднеднепровской и фатьяновской культур, причем он продолжается и в позднее время на тех же территориях, где прослеживается развитие данных культур. Все это является неоспоримым свидетельством родства указанных культур и общности их происхождения.

Исследование области распространения данного узора показывает, что он встречается только в пределах территории культур с боевыми топорами. Он не имеет корней на юге, в степном Причерноморье, нет его на Кавказе и за Волгой. Появление его в фатьяновской культуре связано только или со Средним Днепром, или с исходной территорией культур с боевыми топорами, расположенной между Днепром и Вислой.

Характерно, что описываемый нами орнаментальный мотив на территории, занятой

фатьяновской культурой, остается бытовать у поздневолосовских племен⁴³⁴ и у племен поздняяковской культуры⁴³⁵. На территории распространения средневолосовских племен этот орнамент продолжает существовать на хула-сучском этапе развития этих памятников и в чирковско-сейминских памятниках⁴³⁶, а на территории среднеднепровской культуры — в культурах сосницкой и комаровской, в Прикарпатье — в лужицкой культуре. Данное явление представляет интерес со стороны изучения дальнейших судеб культур с боевыми топорами, оставивших следы и в последующих исторических этапах.

Орнаментальный мотив, состоящий из группы коротких или продолговатых полос, поставленных вертикально по нескольку штук (рис. 46, 16, 23), близок к только что разобранному мотиву. Он также является одним из основных узоров фатьяновских сосудов и располагается на них по-разному: 1) в конце композиции в виде «фартуков», составленных или из групп коротких полос, расположенных друг под другом, или из групп удлиненных полос; 2) иногда такой узор встречается на плечиках почти в середине сосуда; 3) нередко группы полос — от двух до четырех — наблюдаются под зигзагом, внизу композиции, в виде «кистей».

Подобный орнамент встречается на сосудах во всех группах фатьяновских памятников. В московско-клязьминской группе он известен только в двух могильниках: Буньковском и Истринском. В верхневолосовских встречается чаще: в Таскайском, Воронковском, Никульдинском и Наумовском могильниках, но особенно он распространен в более поздних могильниках этой группы — Вауловском, Фатьяновском, Великосельском, Горкинском, Волосово-Даниловском, Кривцовском, Скомороховском и Мытищинском. Встречен он и в Чуркинском могильнике нижеокоской группы. В Балазовском могильнике этот узор наблюдается еще чаще на сосудах и первого, и второго комплексов (по П. М. Кожину), но в поздних средневолосовских памятниках он редок.

Разновидность этого узора в виде «кистей», завершающих композицию, встречена в следующих могильниках: Никульдинском, Змеевском,

⁴²⁵ Амфоры из сел. Колоколин (А-4130), Коропут Рудецкого р-на Дрогобычской обл. (А-1494) и других в колл. Львовского исторического музея.

⁴²⁶ О. Н. Бадер. Балазовский могильник, стр. 199, рис. 128.

⁴²⁷ «Pradziege Polski», W — II. Warszawa, 1965, стр. 106, рис. 20, 10.

⁴²⁸ M. Gimbutas. Указ. соч., стр. 160, рис. 95; «Lietuvos Archeologia Bruzoai», str. 77, tabl. 42.

⁴²⁹ Колл. Вильнюсского музея. Дубичай стоянка.

⁴³⁰ L. Krzak. Указ. соч., стр. 26, рис. 24h; стр. 41, рис. 37c; T. Sulimski. Polska Pradziege. Crese II. London, 1957, str. 246, fig. 62.

⁴³¹ M. Soltkowska-Godlowska. Einige bemerkungen über die Schnurkultur im Schlesien. «Archeologia Polona», t. VII; «Pradziege Polski», W — II, str. 106, tabl. 23—20.

⁴³² F. Wislowski. Genesis der Kugelamphorenkultur. «Archeologia Polona», t. VII, str. 84, tabl. 3.

⁴³³ F. Maciejewski. Materiały Starożytne z powiatu Znińskiego, t. III, 1962, str. 303; t. V, str. 10; t. VIII, str. 4; t. IX, str. 9; t. XVIII, str. 2, 4.

⁴³⁴ Д. А. Крайнов. Отчет Верхневолосовской экспедиции о результатах работ по раскопкам неолитических стоянок на берегах оз. Сахтыш Ивановской обл. 1962—1966 гг. Архив ИА АН СССР.

⁴³⁵ А. Л. Никитин. Дикариха. МИА, № 110, 1963, стр. 209, рис. 3, 8, 11, 15, 211, рис. 4, 10, 215, рис. 7, 1; стр. 217, рис. 8, 16, 17, 19, 21.

⁴³⁶ А. Х. Халиков, Е. А. Халикова. Васильсурское поселение эпохи бронзы, стр. 256, рис. 13, 16; стр. 255, рис. 12, 6.

Горкинском, Кривцовском, Фатьяновском и Волосово-Даниловском. Эти узоры почти тождественны, и по ним можно судить о близости указанных могильников и генетической, и хронологической. В Балановском могильнике такой мотив не встречается. Почти тождественный узор встречен на сосудах из Польши (жуцевская культура), где под зигзагом (под углами) расположены «кисти» — по три насечки каждая, как и в фатьяновских могильниках⁴³⁷. Эта тождественность узора с фатьяновскими не может быть объяснена простыми связями, а, безусловно, указывает на генетическую связь.

Орнаментальный мотив из групп коротких или удлиненных полос встречается и на территории распространения среднеднепровской культуры, главным образом на сосудах гатинской группы⁴³⁸. Отмечается присутствие этого орнамента и в культурах шнуровой керамики и шаровидных амфор⁴³⁹ (в ГДР, Польше, Калининградской обл., Куршской косе, в Прикарпатье, в Михайловке и т. д.).

Опять-таки присутствие данного мотива и предыдущих орнаментальных мотивов в культурах боевых топоров указывает на их происхождение не на крайних полюсах (восток или запад) территории распространения, а где-то в центре ее.

Ямчатые вдавления. Орнаментальный мотив из мелкоямчатых вдавлений очень редок на сосудах фатьяновской культуры. Он встречается в качестве сопровождающего мотива, окаймляющего ту или иную композицию. Но более часто мелкоямчатые вдавления располагаются вокруг ямок на днищах сосудов. Ямки различны по технике нанесения.

Сосуды, на которых замечены мелкоямчатые вдавления, найдены в Олочинском могильнике (1), Никульцинском (3), Тимофеевском (3), Ильинско-Хованском (1), Вауловском (1), Говядиновском (1), Фатьяновском (1) и Волосово-Даниловском (2), т. е. почти во всех могильниках, за исключением могильников московско-клязьминской группы. Надо отметить, что и в днепровско-деснинских памятниках этот орнамент редок. Он обнаружен только на речичкой амфоре

и на сосудах из Столпников⁴⁴⁰. Следует отметить, что на сосудах из Столпников ямки окаймляют кроме основного орнамента и ямку на дне, что сближает его с фатьяновскими сосудами. Чаще этот узор встречается на сосудах так называемой гатинской группы среднеднепровской культуры⁴⁴¹. Так же как и на сосудах гатинских, ямчатый орнамент часто отмечается и на высокошейных и амфорных сосудах Балановского могильника⁴⁴². Довольно широкое распространение на балановских и гатинских сосудах мелкоямчатых вдавлений заставляет предполагать их близость, тем более что на Днепре, как и в Баланове, найдены амфоры (Речица) с мелкоямчатыми вдавлениями.

Мелкоямчатые вдавления характерны и для сосудов культур шнуровой керамики и боевых топоров⁴⁴³. Они встречаются на всех стадиях развития этих культур. В Эстонии и Финляндии в культурах ладьевидных топоров мелкоямчатый орнамент близок фатьяновскому (особенно верхневолжским памятникам)⁴⁴⁴. Общность этого орнаментального мотива указывает не только на взаимосвязи, а, вероятно, свидетельствует и о родстве этих культур, так как часты случаи полного тождества мотива и, кроме того, расположение вдавлений имеет свой определенный характер, присущий только этим культурам.

Отпечатки шнура (рис. 44, 1—15) являются одним из основных элементов орнаментики сосудов московско-клязьминской группы могильников. Они встречаются реже в окско-деснинских памятниках и ранних верхневолжских (пограничных с московско-клязьминскими), и их нет совсем в поздних верхневолжских⁴⁴⁵ и средневолжских памятниках, что, по-видимому, объясняется удаленностью сосудов с этим орнаментом от исходных территорий. В московско-клязьминской группе найдено свыше 20 сосудов с отпечатками тонкого и реже толстого шнура. Они распределяются по следующим могильникам: Кузьминскому (5), Ивановогорско-

⁴³⁷ L. Kiltan. Haffküstenkultur und Ursprung der Balten. Bonn, 1955, S. 119.

⁴³⁸ Т. С. Пассек. К вопросу о среднеднепровской культуре, стр. 36, рис. 10, 1, 2; стр. 37, рис. 11, 2, 4; стр. 43, рис. 13, 1, 2, 3; И. И. Артеменко. Неолитические стоянки и курганы эпохи бронзы..., стр. 46, рис. 10, 5.

⁴³⁹ Z. Krzak. Указ. соч., стр. 131, рис. 129, 5, 7, 54, 57, 78, 81; M. Gimbutas. Указ. соч., стр. 160, рис. 95 (Куршская коса), стр. 149, 147, 159; О. Ф. Лагодовская, О. Г. Шапошникова. Михайловские поселения, стр. 100, т. IX, 8.

⁴⁴⁰ Т. С. Пассек. К вопросу о среднеднепровской культуре, стр. 45, рис. 4, 5, 14; И. И. Артеменко. Неолитические стоянки и курганы эпохи бронзы..., стр. 35, рис. 2, 3.

⁴⁴¹ И. И. Артеменко. Неолитические стоянки и курганы эпохи бронзы..., стр. 36, рис. 10, 2, 3; стр. 39, рис. 11, 2, 4, 5, 7, 9; стр. 40, рис. 12, 1, 2, 4, 5; стр. 43, рис. 13, 1, 2, 3, 5, 6.

⁴⁴² Л. М. Кожин. Хронология шаровидных амфор..., стр. 27; 30, рис. 4 Г.

⁴⁴³ Z. Krzak. Указ. соч., стр. 37, рис. 32в; стр. 41, рис. 37в; стр. 51, рис. 48в; стр. 100; рис. 96в и др.; T. Wislanski. Указ. соч., стр. 83, рис. 2; стр. 85; рис. 3; стр. 87, рис. 4; M. Gimbutas. Указ. соч., стр. 143, рис. 12. Колл. Львовского музея, № 4132 и др.

⁴⁴⁴ Л. Янигс. Поздненеолитические могильники в Эстонской ССР, стр. 55, рис. 15, 1.

⁴⁴⁵ За исключением одного сосуда из погребения 3 Мытищинского могильника.

му (3), Тургиновскому (2), Протасовскому (1), Икшанскому (1), Давыдовскому (1), Ханевскому (5), Бужаровскому (1), Теряевскому (4), Ахтырскому (1) и Ковровскому (1). В оксодеснинской группе шнуровой орнамент встречен в Детчинском (1) и в Михеевском (1) могильниках.

Из верхневолжских могильников веревочный орнамент обнаружен на сосудах Никульдинского (2), Воронковского (1), Голузинского (1), Олочинского (1), Ошурковского (1) и Мытищинского (1) могильников. Встречаются сосуды только со шнуровым орнаментом, но чаще узор бывает комбинированным, т. е. отпечатки шнура сочетаются с другими разнообразными узорами (насечки, прямые и косые, елочка, зигзаг, решетка, зубчики, ромбы и пр.), нанесенными нарезками или чеканом зубчатого штампа.

Только шнуровым орнаментом украшены шесть сосудов из Ивановогорского, Ханевского, Давыдовского, Кузьминского, Ошурковского и Никульдинского могильников. Отпечатки шнура у этих сосудов располагаются поясками по шейке сосудов. Иногда эти пояски располагаются парами, а иногда идут друг за другом. Число поясков различно — от 3 до 23. Шнуровая орнаментика на ранних сосудах московско-клязьминской группы близка, а иногда и тождественна с орнаментикой сосудов раннего этапа среднеднепровской культуры⁴⁴⁶.

Парное расположение отпечатков шнура находит аналогии в стретовской группе среднеднепровской культуры⁴⁴⁷. Сосуд из Ивановогорского могильника и по форме, и по орнаментике аналогичен сосудам из Ясковиц⁴⁴⁸. Орнамент на давидковском и ханевском сосудах с отпечатками парных шнуровых поясков и зигзагообразными отпечатками шнура близок к отпечаткам на сосудах из верхнего слоя Михайловки⁴⁴⁹, на сосудах культуры Злоты⁴⁵⁰ и на сосудах культуры ладбевидных топоров Швеции⁴⁵¹. Орнамент из отпечатков шнура на сосудах из московских могильников почти тождествен орнаменту на сосудах из могильника Белые Берега среднеднепровской культуры⁴⁵² и схо-

ден со многими сосудами среднеднепровской культуры из раскопок Н. Е. Бранденбурга⁴⁵³. Имеются и другие аналогии шнуровой орнаментики московско-клязьминских и среднеднепровских сосудов.

Близость среднеднепровских шнуровых орнаментальных узоров с московско-клязьминскими, выражающаяся не только в сходстве, но и тождестве ряда узоров, подтверждает генетическую связь среднеднепровской и фатьяновской культур, а также связь их с культурами шнуровой керамики Прикарпатья, Прибалтики, Польши и ГДР, где также наблюдаются очень близкие узоры.

На сосудах московско-клязьминской группы шнур значительно тоньше, чем на сосудах среднеднепровской культуры. Кроме того, в московско-клязьминской группе памятников появляется комбинированный узор из отпечатков шнура, а также нарезной и чеканный орнамент, тогда как на ранних среднеднепровских сосудах⁴⁵⁴ нанесен либо нарезной, либо шнуровой орнамент. Связь ранних московско-клязьминских памятников с ранними среднеднепровскими памятниками указывает на их происхождение из одной исходной территории, и только потом, при усложнении этих культур они расходятся дальше и дальше. На сосудах днепродеснинской группы так же, как на сосудах московско-клязьминской группы, встречаются и шнуровой, и комбинированный узоры, что указывает на одновременность этих памятников. В пограничных с московскими верхневолжскими могильниками (Олочинском, Никульдинском, Воронковском, Бужаровском, Ахтырском и др.) зафиксирован уже или только комбинированный узор, или узор, где шнур служит разделителем орнамента. По нашему мнению, это более позднее время, указывающее на изживание шнурового орнамента. В Детчинском и Михеевском могильниках шнур также служит разделителем орнамента. Характерен факт изживания шнурового орнамента и в поздних памятниках московско-клязьминской и днепродеснинской групп.

Позднее по какой-то причине шнур исчезает, но в некоторых могильниках он заменяется бороздками (Наумовский могильник — два сосуда), которые, как и шнуровые пояски, идут по шейке (до восьми рядов поясков). Кстати, и сами сосуды с этим узором близки эсовидным сосудам московско-клязьминской группы. В Говядиновском могильнике такие же пояски идут

⁴⁴⁶ Т. С. Пассек. К вопросу о среднеднепровской культуре, стр. 36, рис. 10, 6; стр. 39, рис. 11, 6, 8, стр. 40, рис. 12, 6; И. И. Артеменко. О памятниках раннего этапа среднеднепровской культуры, стр. 40, рис. 13; стр. 44, рис. 15; стр. 46, рис. 16.

⁴⁴⁷ Т. С. Пассек. К вопросу о среднеднепровской культуре, стр. 36, рис. 10, 6.

⁴⁴⁸ Там же, стр. 39, рис. 11, 8; стр. 40, рис. 12, 6.

⁴⁴⁹ Колл. ИА АН УССР.

⁴⁵⁰ Z. Krzak. Указ. соч.

⁴⁵¹ A. Oldeberg. Studien über die Schwedische Bootaxtkultur..., tabl. 224.

⁴⁵² Колл. Брянского обл. музея.

⁴⁵³ Колл. ГЭ, № 202/1, 203/3 (из курганов у сел. Зеленки и Кагарлык). «Журнал раскопок Н. Е. Бранденбурга. 1888—1902 гг.», стр. 9, 18.

⁴⁵⁴ И. И. Артеменко. О памятниках раннего этапа среднеднепровской культуры.

по всему сосуду, но нанесены они зубчатым штампом. Эти факты, возможно, указывают на изживание шнура и замену его штампованным и нарезным орнаментами.

Анализ шнурового орнамента керамики московско-клязьминской группы позволяет наметить пути для выяснения генетической связи этой группы со среднеднепровской культурой. Наличие парного зигзагового шнурового орнамента, заканчивающего основной шнуровой орнамент, на давидковском и ханевском сосудах указывает на его связи с культурами Злоты (рис. 44) и Скандинавии, где он особенно часто прослеживается.

Присутствие шнурового орнамента на сосудах из могильников верхневолжской группы (Воронковском, Никульцинском и Олочинском) и далеко на востоке — в Ковровском и Мытищинском могильниках, а также на фатьяновских поселениях (Рождественский Остров, Ворокса, Золоторучье I, Николо-Перевоз и др.) заставляют предполагать постепенное изживание его по мере удаления от основных центров распространения. Находки же отпечатков шнура на сосудах из Ковровского и Мытищинского могильников свидетельствуют о передвижении части московско-клязьминских племен на восток.

Находки сосудов со шнуровым орнаментом в Калининской обл. (Ошурковский могильник, Бежецкий, Тургиновский, Олочинский, Ржевский и др.)⁴⁵⁵, возможно, указывают на пути передвижения части племен московско-клязьминской группы. По-видимому, шнуровой орнамент московских могильников надо связывать с памятниками среднеднепровской культуры.

Заштрихованные треугольники (рис. 43, 3). Такой орнамент очень редок на сосудах фатьяновской культуры. Он встречен в Кузьминском (2), в Детчинском (1) и Ханевском (1) могильниках. Очень близкие аналогии ему мы находим на сосудах среднеднепровской культуры⁴⁵⁶. Бельнецкий могильник, курган 16⁴⁵⁷, могильник Куракия Бор⁴⁵⁸, Брасовский могильник⁴⁵⁹, стоянка Очкин Мыс⁴⁶⁰, курганный могильник близ с. Ходосовичи, урочище Палик,

урочище Сергеева Грива и др.⁴⁶¹ Орнамент, нанесенный по плечикам детчинского, бельнецкого и куракинборского сосудов, тождествен. Разница заключается только в способе нанесения орнамента.

Узор из треугольников встречается и на сосудах ямной и катакомбной культур, как, например, в Михайловском поселении⁴⁶², в Смеле⁴⁶³, Ковалевке⁴⁶⁴ и в других местах, но эти узоры несколько отличаются от среднеднепровских по композиции и манере нанесения орнамента.

За пределами СССР треугольный узор в сочетании с отпечатками шнура по шейке встречается на сосудах различных культур шаровидных амфор⁴⁶⁵, культуры Злоты⁴⁶⁶ и культур боевых топоров. Близость треугольных узоров фатьяновских, среднеднепровских и культур шнуровой керамики и боевых топоров, безусловно, является свидетельством их культурной и, вероятно, этнической общности.

Лопастный (фестонный) узор (рис. 43, 1—25) является одним из основных узоров фатьяновской посуды. Он украшает шаровидные сосуды амфорного типа и очень редко встречается на других сосудах. Этот узор нельзя назвать элементом или мотивом орнаментики. Он скорее относится к сложному сочетанию элементов орнамента. Лопасты, или фестоны (метопы), спускаются с верха сосуда к середине широкими или узкими полосами, отделенными пространством, не заполненным орнаментом. Таких лопастей бывает от четырех до шести. Лопасты состоят из разных элементов орнамента. Есть лопасты из отпечатков елочного узора, продольных линий, ромбов, групп насечек, зигзагов, окаймленных другими мотивами. Обычно на шаровидных сосудах имеется кроме лопастного узора и другой орнамент, идущий по шейке, венчику и середине сосуда (ниже лопастей).

Лопастный орнамент типичен для верхневолжской и средневолжской групп фатьяновских памятников, но он встречается и в мо-

⁴⁵⁵ Д. А. Крайнов. Отчет о результатах раскопок Ошурковского могильника, 1965. Архив ИА АН СССР; он же. Олочинский и Таскалхский могильники. КСИА. вып. 106, 1969.

⁴⁵⁶ «Журнал раскопок Н. Е. Бранденбурга. 1888—1902 гг.», стр. 51, 99, 111.

⁴⁵⁷ В. В. Кропоткин. Новые исследования Бельнецких курганов. стр. 105, рис. 32, 5.

⁴⁵⁸ Ф. М. Заверняев. Отчет об археологических работах Брянского обл. музея за 1958 г. Архив ИА АН СССР.

⁴⁵⁹ Колл. МАЭ, № 3882.

⁴⁶⁰ М. В. Воеводский. Памятники каменного века на Десне. КСИИМК, XXVI, 1949, стр. 26, рис. 8.

⁴⁶¹ И. И. Артеменко. Неолитические стоянки и курганы эпохи бронзы..., стр. 34, рис. 1, 3, 6; стр. 35, рис. 2, 1; стр. 46, рис. 10, 5; стр. 58, рис. 18, 1, 3; стр. 65, рис. 23, 15; стр. 66, рис. 24, 13; стр. 69, рис. 26, 18, 19, 20.

⁴⁶² О. Ф. Лагодовська, О. Г. Шапошникова, М. Л. Макаревич. Михайлівське поселення, стр. 83, табл. V, 2.

⁴⁶³ Б. А. Гордцов. Результаты археологических исследований в Изюмском у. Харьковской губ., табл. III.

⁴⁶⁴ Там же.

⁴⁶⁵ «Juventaria Archaeologica. Corpus des Ensembles der Archäologie Deutschlands», Heft 6, Blatt D—51—60. Steinzeit. Grabfunde der Schnurkeramik und kugelformigen aus Sachen D56—2, 3. T. Wislanski. Указ. соч., стр. 83, табл. 2; стр. 87, табл. 4, стр. 93, табл. 7; «Predzieje Polska», str. 106, tabl. 23, 11.

⁴⁶⁶ T. Sulimirski. Указ. соч., стр. 274.

сковско-клязьминских могильниках (Кузьминском, погребение 5).

Лопастный узор появляется в могильниках, где встречается и шнуровой орнамент (Кузьминский и Воронковский могильники). Сейчас трудно установить, какой из лопастных узоров более ранний, а какой более поздний. Очевидно, придется считать ранним тот орнамент, который близок к исходному, а тот лопастный орнамент, который встречается только в фатьяновской культуре и в ней развился, надо отнести к более позднему.

Выше мы выясняли, что наиболее ранними в фатьяновских и балановских памятниках являются те шаровидные амфоры, на которых нанесен орнамент в виде продольных нарезных линий или вертикальной елочки с тем или иным окаймлением. Пожалуй, к ранним следует отнести зигзаговое окаймление по бокам лопасти, встречающееся на амфорах волыно-подольских и Южной Прибалтики. Кроме того, к ранним амфорам относятся те амфоры, на которых лопасти состоят из группы насечек, увеличивающихся в количестве к низу, и на которых имеются окаймления в виде мелких ямчатых вдавлений. Это предположение подтверждается тем, что все указанные мотивы существуют на исходной территории.

Очевидно, вопрос о прародине лопастных узоров должен решаться в связи с общим вопросом происхождения шаровидных амфор, на которых этот узор главным образом и располагается. Но следует указать, что фатьяновские лопастные узоры имеют больше сходства с жуцевской, злотской, с подобными же узорами на сосудах волыно-подольской культур шаровидных амфор, чем с лопастными узорами на амфорах Кавказа и катакомбной культуры.

Лопастный узор, безусловно, связывает фатьяновскую культуру с Прикарпатьем и Южной Прибалтикой, а не с Кавказом и Причерноморьем. Степное Причерноморье населяли культуры иного круга — ираноязычного.

Мы разобрали основные мотивы фатьяновской орнаментики, но наряду с ними на сосудах существуют и другие орнаментальные мотивы, как, например, отдельные зубчатые вдавления, особые штрихованные овальные вдавления, изображения в виде букв X и N, а также римской цифры V, широкие прямоугольные вдавления, точечные наколы, полукруглые, треугольные, червеобразные вдавления и др. Некоторые из них специфичны для отдельных могильников и редко встречаются в массовом порядке.

Для нас особый интерес представляют треугольные вдавления. Они встречаются редко

в следующих могильниках: Ошурковском (2), Никульцинском (2), Воронковском (1), Кривцовском (1), Фатьяновском (1) и Волосово-Даниловском (1).

Подобный орнамент наблюдается на обломках тонкостенных сосудов, встреченных на литовских поздненеолитических стоянках⁴⁶⁷, в Лубанской низменности вместе со шнуровой керамикой.

Этот орнаментальный мотив указывает на связи с Прибалтикой и Белоруссией, что является новым фактом, подтверждающим наши положения в вопросе происхождения фатьяновской культуры. Изображения в виде полукруга, червеобразные и т. д. встречаются в тех же стоянках. Изображения в виде букв X, N и цифры V имеют прямые аналогии в среднелитовской культуре и культурах боевых топоров.

Подробное рассмотрение орнаментальных мотивов на сосудах фатьяновской культуры и сравнение их с орнаментальными мотивами культур шнуровой керамики и боевых топоров показывает их близость, а иногда полное тождество. Они указывают, таким образом, на культурное или этническое родство тех и других. Кроме того, выясняется, что каждая фатьяновская группа имеет свои излюбленные мотивы орнаментики, придающие им определенную окраску, позволяющую выделить их как локальные или хронологические группы памятников.

Общие для всех групп мотивы следует, видимо, считать более ранними, а появляющиеся новые мотивы — более поздними. Одинаковые элементы орнамента свидетельствуют о родстве и генетической связи групп, как, например: решетки, лопасти, ромбы, елочка и т. д., а вновь появившиеся (ромбы ярославского типа, балановский зигзаг) относятся к проявлениям местного характера. Следует отметить, что часто в одном могильнике, но в разных погребениях отмечается неодинаковость орнаментальных мотивов, которую нельзя объяснить хронологической разницей между могилами. Очевидно, отдельные семьи данного родового коллектива, которому принадлежал этот могильник, имели свои излюбленные мотивы.

Среди фатьяновских сосудов есть значительный процент неорнаментированных. Они встречаются во всех группах памятников фатьяновской культуры, но не во всех могильниках, и не везде одинаково процентное соот-

⁴⁶⁷ Колл. Вильнюсского музея из стоянки Дубичай. Колл. из раскопок неолитических стоянок в Лубанской низменности (И. А. Лозе) в фондах Института истории АН Латв. ССР.

ношение орнаментированных и неорнаментированных сосудов. В памятниках московско-клязьминской группы встречено значительное количество неорнаментированных сосудов (около 20), что составляет свыше 30% всех сосудов, или третью часть их. Такое соотношение очень характерно для московско-клязьминской группы. Наибольшее число неорнаментированных сосудов падает на поздние могильники. Истринский (5), Кузьминский (4), Протасовский (3), Верейский (3), Сущевский (3), Николо-Перевозский (2), Булаинский (1). В Истринском могильнике их число превышает половину всех сосудов, в Кузьминском они составляют четвертую часть, в Протасовском — третью, а в Сущевском и Верейском — больше половины. 12 сосудов из них имеют следы заглаживания и штрихи, что характерно для керамики среднеднепровской культуры. В верхневолжских пограничных могильниках и в памятниках Ивановской обл. неорнаментированные сосуды составляют около 20%, или пятую часть всех сосудов. Они различны по форме, но встречается больше удлиненных сосудов, продолжающих традиции московских неорнаментированных сосудов.

В поздних могильниках той же группы количество неорнаментированных сосудов составляет только около 8%, или 13 часть всех сосудов. Соотношение неорнаментированных сосудов внутри каждого могильника примерно такое же, но они встречаются в основном в детских погребениях как вотивные сосуды.

В Балановском могильнике примерно такое же соотношение орнаментированных и неорнаментированных сосудов. Эти факты свидетельствуют или о хронологических различиях, или о каких-то других особенностях. Изучение зональности в расположении орнаментальных узоров на сосудах фатьяновской культуры показывает, что в различных группах памятников наблюдается и различное количество орнаментальных зон (от двух до трех). Анализ соотношения орнаментальных зон по отдельным группам (московско-клязьминской, верхневолжской, средневолжской и пр.) может дать ключ к хронологическому делению этих групп.

На сосудах московско-клязьминской группы соотношение однозональных к двухзональным составляет почти 2:1 (38 и 21). В таких могильниках, как Ивановогорский, Икшанский, Давыдовский, Ошурковский, Лихачевский, Протасовский и Кузьминский, сосуды с двухзональным орнаментом совсем не встречаются. Двухзональный орнамент наблюдается только в поздних могильниках московско-клязьминской группы: Истринском (4), Верейском (2), Буньковском (2), Николо-Перевозском (2),

Тургиновском (4), а в остальных (Сущевском, Ахтырском, Бужаровском, Детчинском) — по одному сосуду. Такое соотношение соответствует нашему хронологическому делению могильников данной группы, если считать, что однозональный узор является наиболее древним.

На сосудах из могильников верхневолжской группы, граничащих с московско-клязьминской, и в могильниках Ивановской обл. соотношение однозональных и двухзональных орнаментов изменяется и становится 1:2 (29 и 60). Это относится к таким могильникам, как Олочинский, Никульчинский, Воронковский, Тимофеевский и др. Что же касается могильников Наумовского и Кривцовского, то там почти нет однозонального орнамента. Особенно показателен Кривцовский могильник, относимый нами к позднему времени.

В поздних могильниках верхневолжской группы соотношение однозональных и двухзональных орнаментов резко изменяется; оно становится 1:4 (29 и 118). Внутри некоторых поздних могильников сосуды с однозональным узором почти не встречаются (Фатьяновский, Вауловский, Быстринский, Горкинский, Скомороховский, Чуркинский, Говядиновский и др.). Исключение составляет Волосово-Данпловский могильник, где соотношение равно 1:2 (18 и 36). Данный факт можно объяснить длительностью существования этого могильника.

Таким образом, в могильниках фатьяновской культуры наблюдается уменьшение количества сосудов с однозональным орнаментом и увеличение сосудов с двухзональным узором от московско-клязьминских к ранним и потом к поздним могильникам верхневолжской группы.

Трехзонального и сплошного орнамента на керамике в могильниках фатьяновской культуры почти нет, за исключением нескольких сосудов из Вауловского могильника, относимого нами к позднему времени. Таким образом, анализ распространения орнаментальных зон показывает, что для московско-клязьминских сосудов характерна однозональность. Орнамент наносится только по шейке. За редкими исключениями он заходит на плечики. Для ранних верхневолжских памятников характерным становится двухзональный орнамент, но наряду с ним продолжает существовать и однозональный.

Для поздних могильников той же группы более типичен двухзональный орнамент при очень небольшом числе сосудов с однозональным орнаментом и то только в наиболее ранних могильниках.

В Балановском могильнике положение из-

меняется. Здесь господствует двухзональный орнамент и появляется трехзональный, а некоторые сосуды украшены сплошь.

Приведенные данные рисуют картину увеличения числа зон орнаментального узора на фатьяновских сосудах в направлении с запада на восток и северо-восток. По-видимому, это явление не случайное. Вряд ли можно наметить линию развития в обратном направлении, так как здесь сразу же возникнут другие явления, противоречащие этой линии. Указанное положение подтверждается многочисленными фактами. Во-первых, орнаментика сосудов на ранних средневожских могильниках (Козловском и др.) однозональна и двухзональна. Во-вторых, в поздних общепризнанных памятниках средневожской группы наблюдается трехзональность и многозональность (Кубашевское поселение, Атликасинский курган, Кумак-Касы, Галанкина Гора, Ош-Пандо и пр.). В-третьих, на сосудах из Васильсурского поселения, относящихся к так называемому чирковско-сейминскому времени (по А. Х. Халикову), сосуды покрыты сплошным орнаментом. Если же, наконец, сравнить в этом отношении развитие среднеднепровской посуды и ее орнаментики, то там получается такая же картина. На ранней стадии встречаются сосуды без орнамента или с однозональным орнаментом, а на поздней стадии в киевском варианте (гатиинском) все сосуды покрыты многозональным или сплошным орнаментом, в днепро-деснинском варианте на поздней стадии также наблюдается многозональный или сплошной орнамент (Стрелица, Палик и др.)⁴⁶⁸. Такое же явление можно видеть и в культурах одиночных погребений в Дании и ладевидных топоров в Швеции⁴⁶⁹.

Повторяемость одних и тех же элементов в орнаментике на сосудах у родственных культур не может быть случайным явлением, а представляет собой закономерность, указывающую на общность в развитии культуры. Анализ орнаментальных зон и элементов орнамента позволяет выделить ранние и поздние фазы в развитии фатьяновской посуды.

У фатьяновских племен существовали различные способы нанесения узоров на сосуды.

1. Отпечатки шнура, по-видимому, наносились на мягкую глину после ее заглаживания. Употреблялся шнур различной толщины, но на ранних сосудах он был более тонкий.

2. Нарезной орнамент различной толщины

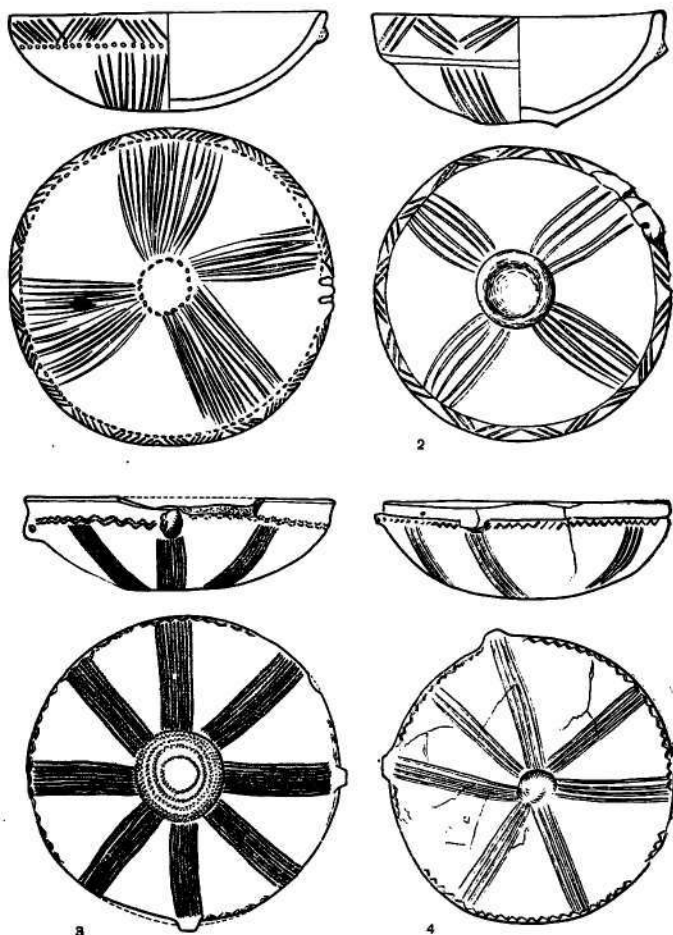

Рис. 47. Соларные изображения на динцах фатьяновских чашевидных сосудов и чашевидных сосудах культуры шаровидных амфор ГДР

1 — Никульцинский могильник; 2 — Волосово-Даниловский могильник; 3—4 — культура шаровидных амфор (ГДР)

и длины наносился острой палочкой, ножом или костяным инструментом.

3. Чеканный штампованный орнамент наносился короткими зубчатыми штампами, сделанными из кости, камня и вероятно, дерева. Штампами делались отпечатки прямоугольные, квадратные, овальные, полулунные, треугольные, червеобразные и т. д. Были в употреблении и незубчатые штампы.

4. Накольчатый орнамент встречается значительно реже других. Он наносился острой палочкой (костяной или деревянной) в виде точек, ямочек и др.

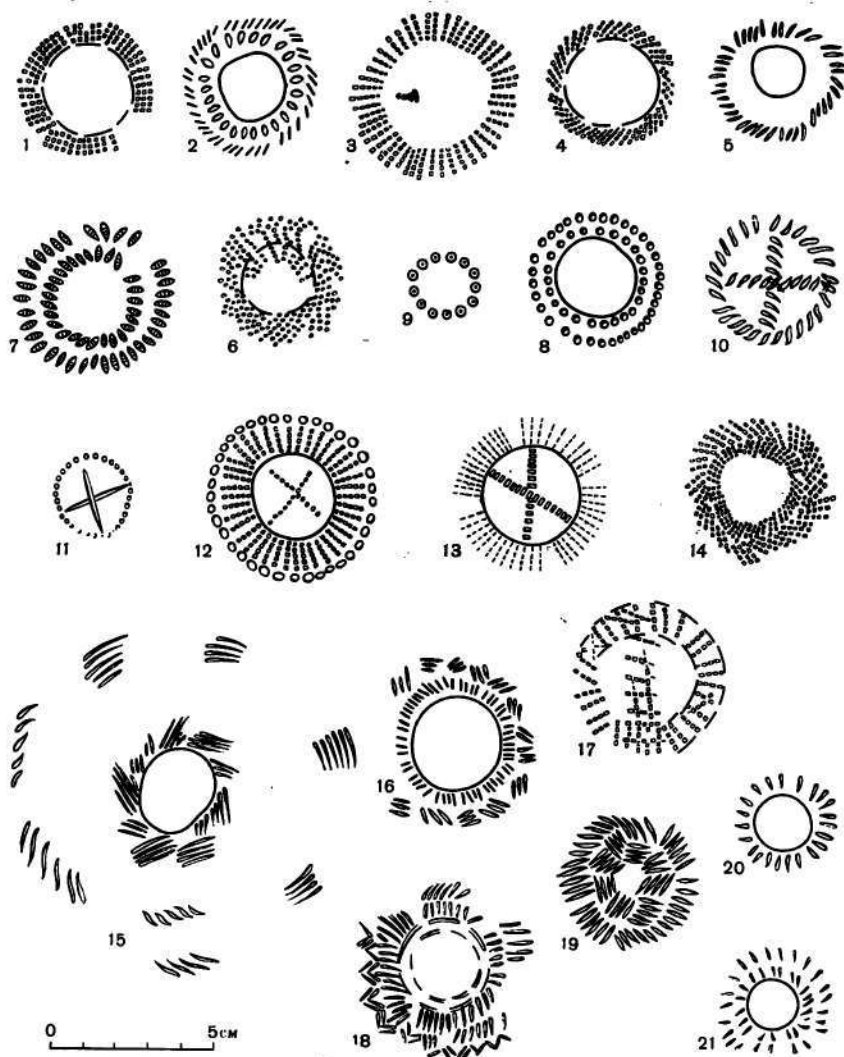
Все эти способы в нанесении орнамента, за исключением шнурового, существовали во всех группах памятников фатьяновской культуры. Однако соотношение тех или иных способов неодинаково, что также свидетельствует

⁴⁶⁸ И. И. Артеменко. Среднеднепровская культура, стр. 16, рис. 2.

⁴⁶⁹ Г. Чайлд. У истоков европейской цивилизации, стр. 231, рис. 82.

Рис. 48. Орнаментальные узоры на днах фатьяновских сосудов

1, 4, 8, 12, 14, 18 — Никульцинский могильник; 2 — Чуркинский могильник; 3, 6, 17 — Воронковский могильник; 4 — 27 — Наумовский могильник; 5 — Станок; 7, 11, 15, 19, 24, 29, 30, 34, 36 — Вауловский могильник; 9, 22, 26 — Олочинский могильник; 10 — Карашский могильник; 13 — Волосово-Даниловский могильник; 16 — Борань; 20 — Мытищинский могильник; 21 — Кузьминский могильник; 23, 32 — Фатьяновский могильник; 28, 33, 35 — Ильинско-Хованский могильник; 31 — Тимофеевский могильник

о различиях локальных или хронологических.

В московско-клязьминской и окско-деснянской группах господствовали нарезной (25) и шнуровой (18) способы, но существовал и чеканный (22). В ранних могильниках преобладает шнуровой орнамент, позднее развиваются шнуровой и нарезной, а в поздних памятниках шнуровой орнамент почти отсутствует и господствует чеканный, причем штамп употреблялся главным образом мелкозубчатый.

В верхневолжских пограничных могильниках и могильниках Ивановской обл. также существуют все способы. Нарезной и чеканный почти одинаковы, но чеканный несколько преобладает, кстати, опять-таки за счет более поздних могильников. Шнуровой орнамент очень редок.

В поздних (северных) могильниках верхневолжской группы шнуровой орнамент исчеза-

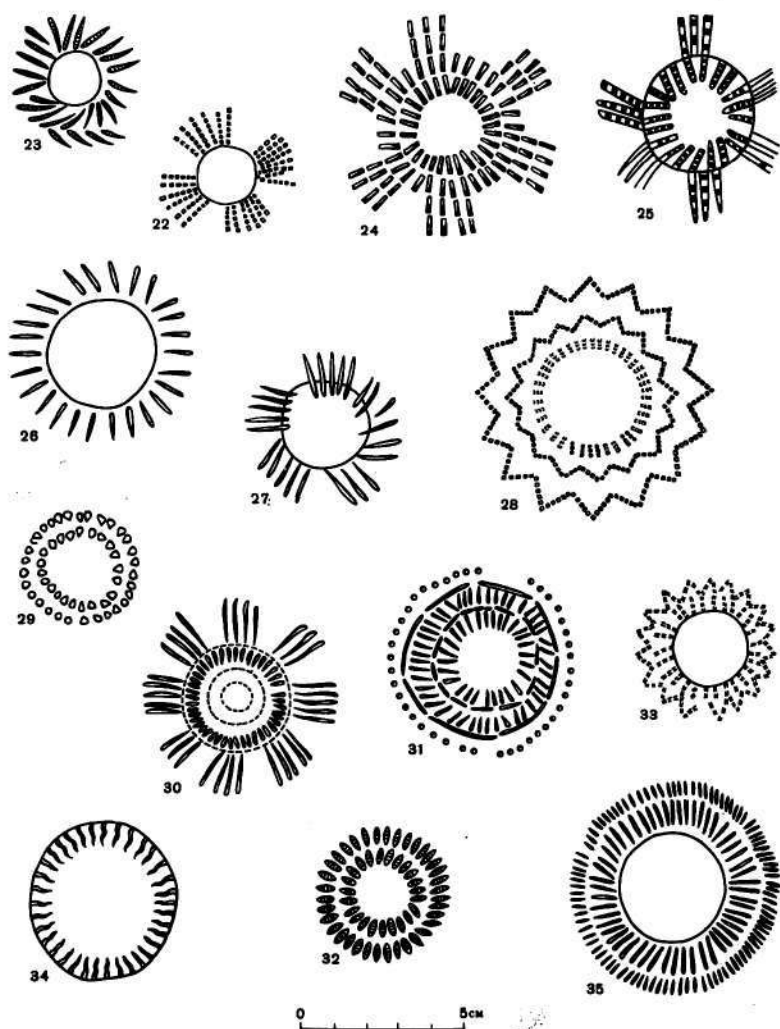
ет совершенно, а чеканный господствует при наличии нарезного. Соотношение между последними более чем 2:1 (167 и 80).

Накольчатый орнамент встречается только в могильниках верхневолжской группы.

Возможно, увеличение количества штампованных узоров в верхневолжской группе следует отнести за счет влияния местных неолитических племен или прибалтийских.

Существование в орнаментике фатьяновских сосудов всех четырех элементов в технике нанесения узоров указывает на смешение этих навыков где-то в более раннее время.

В культурах ладьевидных топоров Прибалтики существуют все способы нанесения орнамента, но в Латвии и Эстонии встречается больше нарезной орнамент, чем шнуровой. Этот факт интересен при выяснении вопроса происхождения верхневолжских памятников.

В Балановском могильнике шнуровой орнамент не встречается. Существует нарезной, чеканный и накольчатый. Нарезной бывает чаще на сосудах из первого комплекса (по П. М. Кожину), но штампованный орнамент господствует всюду. Таким образом, и здесь прослеживается та же тенденция увеличения штампованного орнамента в направлении с запада на восток.

В среднеднепровских памятниках наблюдается примерно та же картина. На сосудах ранней стадии господствует шнуровой орнамент, а на поздней — шнуровой и нарезной, но значительно реже встречается штампованный.

На исходной территории, между Днепром и Вислой, существуют все способы нанесения орнамента у родственной с фатьяновской культур, но господствуют шнуровой и нарезной способы.

Трудным вопросом фатьяновской культуры

является вопрос постепенного исчезновения шнурового орнамента в направлении к северо-востоку и востоку. Вряд ли можно объяснить этот факт только удаленностью от центров распространения шнуровой техники нанесения орнамента. Возможно, какую-то роль здесь играют образ жизни и хозяйство племен, не имеющих этого орнамента. Станным является и тот факт, что в волосовских стоянках и позднее, в слоях с текстильной керамикой, шнуровой орнамент существует.

Вопрос о происхождении шнурового орнамента не решен. Сейчас известно его широкое распространение, выходящее за пределы культур шнуровой керамики и боевых топоров. Шнуровой орнамент встречается и в более ранних культурах на Днепре, на Балканах, в Западной Европе, Прибалтике и т. д. Он известен и в неолитических стоянках. Весь вопрос, очевид-

но, должен стоять в плоскости характера этого орнамента. Искать же прародину его в настоящий момент трудно.

Для фатьяновской культуры устанавливается близость шнуровой орнаментики со среднеднепровской культурой и культурами боевых топоров.

Орнаментика днищ на фатьяновских сосудах (рис. 47 и 48). На днищах фатьяновских сосудов имеются ямки, а вокруг них очень часто нанесены разнообразные рисунки.

На сосудах московско-клязьминской группы памятников орнамент вокруг ямок встречается редко и сами ямки на днищах также редки. Ямки с узором встречены только в Ивановогорском (1), Ханевском (1) и Кузьминском (2) могильниках и представляют собой несложный узор в виде нарезок вокруг ямки, а в Ивановогорском — групп насечек, поставленных под углом друг к другу. В Ханевском могильнике узор сложнее — три круга насечек и внутри крест.

В среднеднепровской культуре такие насечки известны только на сосуде из могильника у с. Стопники⁴⁷⁰. Редкость орнаментального узора на днищах московско-клязьминской группы памятников и среднеднепровской культуры сближает их, как и другие признаки.

На днищах сосудов ранних памятников верхневолжской группы орнамент встречается часто. В могильниках западной части Ивановской обл. орнамент на днищах сосудов встречается реже.

Если на днищах сосудов московско-клязьминской группы было всего лишь 3—4 узора, то на ранних сосудах верхневолжской группы их уже свыше 30. Они разнообразны: есть сложные узоры, а есть простые. Узоры на днищах нанесены тем же способом, что и орнамент на сосуде. Очень часто на днищах помещается разработка той же композиции, что и на сосудах.

Узоры ранних ярославских и ивановских сосудов делятся на простые и сложные. К последним мы относим узоры, состоящие из нескольких мотивов орнаментики и особых «фигурных» рисунков.

К простым узорам (рис. 48) относятся: один ряд нарезок вокруг ямки (4), один ряд насечек штампа вокруг ямки (3), один ряд полулунных вдавлений вокруг ямки (3), один ряд елочного узора вокруг ямки (2), один ряд мелкоямчатых вдавлений вокруг ямки (3), один ряд насечек зубчатого штампа (1).

К сложным узорам (рис. 48) относятся изображения солнца в виде четырех или пяти лучей из насечек штампа или нарезок (Олочинский и

Наумовский могильники — 2), насечки или нарезки в один ряд и внутри изображения креста (4), насечки в два ряда вокруг ямчатых вдавлений (1), крестообразные изображения на днищах чашек в виде длинных прочерченных линий или бороздок (встречены в Никульдинском, Кривцовском и Волосово-Даниловском могильниках — 4). К сложному узору относятся и звездообразное изображение на сосудах из Ильинско-Хованского могильника, стоянки Станок II, поселения Буй I и др. Здесь вокруг ямки идет один ряд насечек зубчатого штампа, а потом зигзаг, создающий звездный узор. Ближним к этому узору является рисунок на сосуде из Никульдинского могильника. Вокруг ямки расположен круг нарезок с промежутками — в трех местах в виде лучей нанесена еще группа нарезок и половина всего изображения окружена двойным зигзагом, создающим звездчатость.

На сосуде из Воронковского могильника рисунок вокруг ямки напоминает печать (рис. 48, 17).

В поздних памятниках верхневолжской группы на сосудах имеется около 25 узоров. Они также различны: есть простые и сложные.

Сложные узоры (рис. 48) изображения солнца, кругов с крестами, звездчатые узоры и т. д.

Из рассмотрения разнообразных узоров на днищах сосудов выясняются интересные факты. На сосудах московско-клязьминских групп эти узоры немногочисленны и представляют собой только простые изображения. На сосудах же более поздних они становятся не только разнообразнее, но и сложнее по композиции рисунка, что, по-видимому, свидетельствует и об усложнении мышления и представлений фатьяновцев. Усложнение узоров не может быть объяснено просто любовью к искусству или случайностью, а, безусловно, является результатом усложнения жизни фатьяновских племен в хозяйственном и социально-идеологическом отношениях. Об этом свидетельствуют многочисленные факты и в обряде погребения, и в материальной культуре. Сходство, а иногда и тождество ряда узоров из разных фатьяновских могильников дают право судить об одновременности могильников, где встречаются одинаковые рисунки, и, возможно, о передвижениях. Например, близкими друг к другу являются звездчатые узоры, встреченные на сосудах из Никульдинского⁴⁷¹ и Ильинско-Хованского⁴⁷² могильников, на обломке сосуда из поселения Станок II⁴⁷³ и на

⁴⁷⁰ Д. А. Крайнов. Раскопки Никульдинского могильника. «Отчет Верхневолжской экспедиции за 1964—1965 гг.» Архив ИА АН СССР.

⁴⁷¹ Н. А. Кирьянова. Фатьяновский могильник у с. Ильинское-Хованское, стр. 123, рис. 37, 6.

⁴⁷² Н. Н. Гурина. Памятники эпохи бронзы и раннего железа. МИА, вып. 110, 1962, стр. 130, рис. 34, 15.

⁴⁷³ Т. С. Пассек. К вопросу о среднеднепровской культуре, стр. 45, рис. 14, 5.

обломке днища сосуда из поселения Буй I (на Вятке) ⁴⁷⁴. Эти факты доказывают, что ветлужско-вятские памятники скорее фатьяновские, чем балановские ⁴⁷⁵. Открытие нового фатьяновского могильника верхневолжского типа около г. Урени Горьковской обл. подтверждает нашу точку зрения о распространении верхневолжских памятников в междуречье Вятки и Ветлуги.

В Балановском могильнике встречаются не только сходные узоры на днищах, но и тождественные фатьяновским — круги насечек или нарезок вокруг ямки, круги мелкозубчатого штампа, круги зубчиков и изображения солнца в виде лучей (4—5) и др. ⁴⁷⁶ На днищах чашек также есть одинаковые изображения крестообразных узоров из длинных прочерченных линий. Пятилучевое изображение солнца встречено и на сосудах из поселения Галакина Гора ⁴⁷⁷. Сходство этих узоров, безусловно, указывает на близкое родство западных и восточных фатьяновских племен. Изображения на днищах сосудов солярных рисунков появляются в ранних верхневолжских памятниках и развиваются в поздних той же группы памятников (Вауловский, Мытищинский, Горицкий, Волосово-Даниловский могильники) и в средневолжских группах (Балановский могильник).

Орнаментация на днищах сосудов известна и в других культурах боевых топоров, например в Финляндии ⁴⁷⁸ и Швеции ⁴⁷⁹; в последней она иная, чем фатьяновская, но рисунки на днищах финских сосудов идентичны фатьяновским ⁴⁸⁰. Поскольку устанавливается существование сходных узоров вокруг ямок в фатьяновской и среднеднепровской культурах в Михайловке и

на сосудах финской культуры боевых топоров, то мы должны искать возникновение таких узоров там, откуда их могли получить указанные культуры.

Этим местом, по-видимому, следует считать Прибалтику.

В литовских стоянках на поздних неолитических остродонных сосудах вокруг сосковидного донного отростка имеются близкие фатьяновским узоры ⁴⁸¹. На одном из сосудов вокруг соска на дне идет круг из треугольных вдавлений. Другого узора на днище сосуда нет. Треугольные вдавления встречаются на фатьяновских сосудах (Ошурково). На другом днище вокруг соска идут нарезки, тождественные рисункам ранних фатьяновских узоров на днищах сосудов (Кузьминский). Дальше за пределами узора, вокруг него располагается елочный нарезной орнамент. В тесте обломка этого сосуда имеются дресва и песок. На третьем уже круглодонном донце по центру дна нанесен круг из точечных наколов, а внутри него — крест из таких же наколов. Этот обломок сосуда желтый, тонкостенный, с примесью песка. Донце является переходным от остродонных неолитических к круглодонным.

Тождественные орнаменты на многих днищах сосудов встречаются в могильниках московско-клязьминской и верхневолжской групп. Как объяснить это тождество? Можно предположить здесь влияние шнуровой керамики на поздненеолитическую. Однако в указанной стоянке нет сосудов и обломков со шнуровой керамикой и близким орнаментом. Орнаментика днищ неолитических сосудов известна с глубокой древности.

По-видимому, придется допустить, что в недрах неолита Литвы зарождаются мотивы орнаментики, близкие фатьяновским. Это обстоятельство и многие другие факты указывают на то, что территорию Литвы и Белоруссии можно считать протофатьяновской. Этот допуск закономерен, тем более что подобные же рисунки наблюдаются и на сосудах из финских памятников культуры ладьевидных топоров, которые связываются своим происхождением с Южной Прибалтикой.

⁴⁸¹ Колл. Вильнюсского музея из стоянки Дубичай, № 1062—1063.

⁴⁷⁴ О. Н. Бадер. Балановский могильник, стр. 201, рис. 156.

⁴⁷⁵ О. Н. Бадер. Балановский могильник, стр. 215, рис. 147.

⁴⁷⁶ Там же, стр. 205, рис. 138.

⁴⁷⁷ Там же, стр. 231.

⁴⁷⁸ T. E. Forsander. Die schwedische Bootaxtkultur..., 1933, str. 179, tabl. 86.

⁴⁷⁹ A. Oldeberg. Studien über die schwedische Bootaxtkultur, tabl. 222, 224.

⁴⁸⁰ F. Edgren. Studier över den Snörkeramiska Kulturens keramik i Finland. Suomen Muinaismuistovhdistyksen aikakauskirja finska fornminnes förenings tidskrift. Helsingfors, 1970, str. 27, fig. 6—7, str. 80, fig. 28, str. 96, fig. 44.

ОСНОВЫ ХОЗЯЙСТВА ФАТЬЯНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Широкое освещение вопросов хозяйства фатьяновской культуры затруднено отсутствием мест поселений, но не является уже таким безнадежным, как это рисовалось прежде. За последнее время добыт новый археологический материал, значительно расширивший наши знания о различных сторонах жизни фатьяновских племен. Находки в погребениях костей домашних и диких животных и их соотношение являются прямым доказательством скотоводческого хозяйства при существовании охотничьего как подсобного. Отдельные детали характера этого хозяйства выясняются путем анализа косвенных источников, как, например, изменений в топографическом расположении фатьяновских памятников на различных этапах их существования; изменений в обряде погребения и погребальном инвентаре и т. д. Разнообразные изделия из камня, кости, металла, глины характеризуют различные производства. Разность в инвентаре и его расположении в погребениях мужчин, женщин и детей позволяет уловить и различия их в процессе организации труда. Наконец, установление физико-географических условий территории, занятой фатьяновскими племенами, дает возможность более полно понять и характер скотоводческого хозяйства.

Первые исследователи считали фатьяновцев охотниками и относили существование их к каменному веку. Кости собаки, найденные в Фатьяновском могильнике, его исследователь А. С. Уваров¹ отнес к дикой, не прирученной еще человеком особи.

Впервые о возможности существования у племен фатьяновской культуры скотоводства и земледелия писал В. А. Городцов². Позднее появились работы П. Н. Третьякова, О. Н. Бадера, Д. А. Крайнова и другие, подтверждающие существование у фатьяновцев не только развитого скотоводства, но и земледелия. П. Н. Третья-

ков назвал фатьяновское скотоводство «кочевым», а в более поздних работах — «пастушеским».

Более подробно вопросов хозяйства фатьяновских племен касается О. Н. Бадер. Он впервые подводит остеологическую базу в обоснование существования скотоводства³, а также ставит вопрос о земледелии фатьяновцев, доказывая его существование ссылкой на различный характер топографического расположения фатьяновских и неолитических памятников⁴. Большинство последующих исследователей, касаясь вопросов хозяйства фатьяновских племен, ограничиваются уверенной констатацией факта существования у них развитого скотоводства и земледелия, не задумываясь над подкреплении своих положений фактическим материалом⁵. Однако вряд ли можно признать фактом наличие костных остатков крупного рогатого скота и лошади в Кузьминском могильнике, так как они обнаружены вне погребений⁶. Вызывает сомнение и достоверность находки костей коровы в Великосельском могильнике⁷. Следует признать несерьезным доказательством зернотерку из Говядиновского могильника, по всей вероятности, она относится к более позднему

³ О. Н. Бадер. К истории первобытного хозяйства на Оке и в Верхнем Поволжье в эпоху металла. ВДИ, 1939, № 2.

⁴ О. Н. Бадер. Балановский могильник. М., 1963, стр. 277, 278; он же. Балановская культура. СА, 1961, № 4, стр. 61, 62.

⁵ А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952, стр. 88—95; он же. Об экспансии культур с боевыми топорами. СА, 1961, № 3; А. Я. Брюсов, М. П. Зимина. Каменные сверленные боевые топоры на территории европейской части СССР. САИ, В4-4, 1966; М. Е. Фосс. Древнейшая история Севера европейской части СССР. М., 1952, стр. 183—193; В. И. Радоницас. История первобытного общества. т. II. Л., 1947, стр. 382—383; Г. Чайлд. У истоков европейской цивилизации. М., 1952.

⁶ О. Н. Бадер. К истории первобытного хозяйства... На месте могильника позднее существовало кладбище для скота.

⁷ А. А. Спицын. Архив ГАИМК, д. № 79, 1895 г.

¹ А. С. Уваров. Археология России. Каменный период, т. I. СПб., 1881.

² В. А. Городцов. Культуры бронзовой эпохи в Средней России. М., 1916, стр. 47.

слою, вскрытому на территории могильника⁸, и так называемую могилу из Вауловского могильника⁹ (рис. 30, 4).

Отсюда создается ложное понятие о характере стада фатьяновцев, о существовании у них всех видов домашних животных на всем протяжении развития культуры. Полноценным остеологическим и другим источником может быть признан только тот, который обнаружен в погребениях или в поселениях.

Сам вопрос о скотоводческом хозяйстве фатьяновцев рассматривался в статике, а не в развитии. Остался невыясненным и вопрос о характере скотоводства, а также о его удельном весе в общей системе фатьяновского хозяйства.

Остеологические останки, найденные в фатьяновских погребениях, разнообразны (табл. 2). Они состоят из костных останков положенных в могилы частей туш животных, костных остатков мясной пищи, обнаруженной в сосудах из ритуальных захоронений домашних животных, костных остатков трианы по умершему, костных орудий, сделанных из костей домашних животных, предметов украшений из костей и зубов домашних животных и пр.

Следует признать, что остеологические останки в фатьяновских могильниках в какой-то степени отражают действительность и, следовательно, могут служить историческим источником.

Положение в могилы туш определенных животных или частей их неоднократно повторяется в различных могильниках с соблюдением строго установленного и, следовательно, укоренившегося ритуала, что дает нам неоспоримое право судить об основной мясной пище фатьяновцев, а изменения в данном ритуале позволяют устанавливать изменения и в хозяйственной жизни фатьяновских племен. Появление костных остатков других животных и уменьшение прежних в могильниках указывают косвенно на изменения в составе стада. Однако необходимо всегда помнить о скрытом смысловом значении данных явлений в ритуале погребения. В этом отношении помощь могут оказать всевозможные косвенные источники, упомянутые выше. Количественное соотношение поделок из костей домашних животных — украшений, амулетов и др. — служит подтверждением значения того или другого животного в хозяйстве фатьяновцев.

Для восстановления характера скотоводческого хозяйства фатьяновцев не меньшее значение имеют и находки ритуальных захоронений домашних животных.

⁸ В. И. Смирнов. Говядиновский могильник. СА, IX, 1947.

⁹ Д. А. Крайнов. Вауловский могильник. «Труды ГИМ», вып. XII. М., 1941, стр. 147, табл. IV, 6.

Как видно из приведенной выше табл. 2, в фатьяновских могильниках обнаружены почти все виды домашних животных, а именно: собака, свинья, мелкий рогатый скот (овца, коза), крупный рогатый скот и лошадь. Однако отсюда нельзя делать общее заключение о существовании у фатьяновцев развитого скотоводства со всеми указанными животными в стаде. Оно будет статичным и неверным. Сама табл. 2 соотношения встречаемости домашних животных в фатьяновских могильниках дает разницу в составе стада в могильниках, относящихся к разным этапам культуры. Следовательно, мы должны рассматривать этот вопрос не в статике, а в развитии.

В памятниках московско-клязьминской группы костные остатки редки. В ранних московских могильниках (Ивановогорском)¹⁰ встречены только кости свиньи. Здесь в каждом погребении (и мужском, и женском) с погребенным клалась часть туши свиньи. Подобная картина наблюдается и в других могильниках этой группы. В более поздних могильниках московско-клязьминской группы (Булаинском, Сущевском, Кузьминском и др.) и в ранних могильниках верхневолжской группы (Никульдинском, Голузиновском и др.) наряду с остатками костей свиньи появляются и кости овцы-козы¹¹, части туш которых так же, как и свиньи, стали класть в могилы. Кроме этого, в могилах появляются и поделки из костей овцы-козы. Данный факт свидетельствует о каких-то изменениях в скотоводческом хозяйстве фатьяновцев.

В ярославско-ивановских памятниках, относимых нами к более позднему времени, все чаще наряду со свиньей встречается овца-коза. Например, в Тимофеевском могильнике костные остатки овцы-козы и поделки из костей их превышают костные остатки свиньи в два раза (см. табл. 2). В том же могильнике впервые появляются захоронения «пастухов» с собаками, что еще больше подчеркивает значение в скотоводстве фатьяновцев (данного периода) овцы-козы. В поздних ярославских могильниках встречается еще больше захоронений пастухов с собаками (рис. 49) (Волосово-Даниловский, Болшневский и, возможно, Фатьяновский могильник) и ритуальных захоронений овцы-козы (Вауловский, Фатьяновский, Говяди-

¹⁰ В 1933 г. К. Я. Виноградовым были раскопаны три новых могильника с находками костей свиньи, по определению С. Н. Боголюбовского. Доклад К. Я. Виноградова на заседании фатьяновской комиссии, МОГАИМК.

¹¹ Мы употребляем термин «овца-коза» потому, что кости этих животных трудно отличить друг от друга. По-видимому, эти оба вида существовали у фатьяновцев.

Таблица 2

Сравнительная таблица остеологических находок в фатьяновских могильниках

Могильники	Костяные остатки					Подделки и украшения из костей домашних животных					Подделки и украшения из костей диких животных										Ритуальные погребения						
	собака	свинья	овца, коза	корова	лошадь	собака	свинья	овца, коза	корова	лошадь	медведь	кабан	о. олень	косуля	св. олень	лось	куница	волк	лисица	рысь	бобр	хотья	судок	медведь	собака	овца, коза	
Ивановогорский																											
Лихачевский																											
Кузьминский																											
Супеевский																											
Буланинский																											
Ханевский																											
Московско-Клязьминская группа																											
Опочинский																											
Голузинский																											
Никольский																											
Воронковский																											
Халдеевский																											
Наумовский																											
Милославский																											
Крицковский																											
Тимофеевский																											
Вауловский																											
Фатьяновский																											
Вологово-Даниловский																											
Говядиновский																											
Змеевский																											
Великосельский																											
Мытищинский																											
Скомороховский																											
Болшевский																											
Средневолжская группа																											
Балаковский																											
Ош-Пандо																											

Примечание. В остальных могильниках костные остатки или отсутствуют или не определены.

новский), свидетельствующих об усилении роли овцы-козы в животноводстве фатьяновцев.

Вместе с этим в поздних ярославско-калининских и ивановских памятниках отмечается и другое новое явление — начинают встречаться поделки из костей крупного рогатого скота и, наконец, кости коровы (табл. 2). Этот факт также не может быть случайным явлением. Он указывает на дальнейшее звено в развитии фатьяновского скотоводства.

Наконец, в более поздних памятниках, по нашей периодизации (Волосово-Даниловском, Балановском могильниках, Ошпандинском поселении и в других восточных памятниках), найдены костные остатки всех основных видов домашних животных (собака, свинья, овца-коза, корова и лошадь).

Если остеологические остатки в фатьяновских могильниках в какой-то степени отражают действительность, а, вероятно, это так, то перед нами картина развития фатьяновского скотоводства.

Теперь на основе твердой остеологической базы, являющейся важнейшим историческим источником, мы можем уверенно заявить, что основой хозяйства фатьяновцев было скотоводство, а точнее — специфическое лесное скотоводство, где главную роль в стаде занимала свинья. Но потом по мере развития усиливалась роль овцы-козы, затем коровы. Эта картина в какой-то степени подтверждает нашу точку зрения и на общее развитие фатьяновской культуры.

Таким образом, следует считать неправильной общую единую оценку фатьяновского скотоводства, принятую в литературе. Видовой состав стада был различен на разных стадиях развития фатьяновской культуры.

При оценке характера фатьяновского хозяйства мы не можем игнорировать физико-географическую среду, в которой развивалось это хозяйство. Характер фатьяновского скотоводства определялся не только уровнем социально-экономического уклада фатьяновских племен, но зависел в известной степени и от растительного покрова данной местности и климатических условий. Поскольку мы придерживаемся той точки зрения, что вся территория, занятая фатьяновскими племенами, представляла собой лесные пространства (смешанные леса), перемежающиеся небольшими открытыми местами, полянами, луговыми приречными и приозерными открытыми участками, то и характер фатьяновского скотоводства будет специфическим — лесным, отличным от степного и пристепного скотоводства. Фактические данные подтверждают это.

У племен московско-клязьминской группы на

поздней ступени возрастает значение овцы-козы. В более поздних могильниках наряду с частями туш свиньи в могилы стали класть и части туш овцы (Буланинский, Сущевский могильники). Находка в Сущевском могильнике ритуального захоронения овцы-козы¹² является ярким свидетельством возросшего значения овцы в животноводстве фатьяновцев.

Относительно существования у этих племен коровы и лошади мы не имеем данных. Только в 1970 г. в погребении 6 Ханевского могильника найдена одна кость, принадлежащая крупному рогатому скоту. Остеологические остатки коровы и лошади из Кузьминского могильника нельзя признать фатьяновскими¹³.

Таким образом, свинья у московско-клязьминских племен была главным домашним животным. По количеству костных остатков и ритуалу она занимает первое место. Развитие свиноводства у фатьяновцев на ранней ступени их развития — явление закономерное. У местных неолитических обитателей первыми домашними животными были свинья и собака¹⁴. По-видимому, свиноводство является наиболее древней стадией в развитии скотоводства в лесных северных условиях, где, кстати, водились и дикие кабаны. Этот характер хозяйства (свиноводство) был обусловлен не только уровнем развития фатьяновской экономики, но и наличием определенной растительной пищи, необходимой для содержания свиньи. Зависимость состава стада и характера растительности была очень тесной в фатьяновское время.

Размещение могильников московско-клязьминской группы по берегам крупных рек и их притокам и около приозерных низменностей было, вероятно, обусловлено не только их расселением вдоль естественных путей сообщения, но также и характером хозяйства, а именно свиноводством. Приречные долины с их листовыми лесами, дубовыми рощами, камышовыми заводами и приозерными низменностями, не промерзавшими глубоко даже в сильные морозы, были очень удобны для разведения свиней. Известно, что в центре распространения памятников московско-клязьминской группы (в Смоленской, Московской и юге Калининской областей) имеются крупные останцы реликтовых дубовых

¹² Д. А. Крайнов. Памятники фатьяновской культуры. Московская группа. САИ, В1-19, 1963, стр. 47.

¹³ О. Н. Бадер. К истории первобытного хозяйства..., стр. 113—114. Кости коровы и лошади из Кузьминского могильника относятся, вероятно, к кладбищу скота, которое существовало здесь на могильнике значительно позднее фатьяновского времени.

¹⁴ Д. А. Крайнов. Отчеты о результатах работ Верхневолжской экспедиции ИА АН СССР за 1962—1966 гг. Архив ИА АН СССР. Костные остатки из стоянок Сахтыш I и II определены В. И. Цалкиным.

рош, сохранившихся со времени так называемого атлантического климатического периода.

Исторически известно, что выпасы свиней не могут продолжаться долго на одном месте, так как очень быстро уничтожается растительность. Кларк приводит яркие, исторические документы о связи между свиноводством и определенным составом листового леса, а также о количестве свиней, способных прокормиться в том или ином районе¹⁵. Обезлесение в Англии многие историки ставят в зависимость от свиноводства¹⁶.

Уничтожение растительности и кормовых ресурсов приводило фатьяновские племена московско-клязьминской группы к переходу на новые места в поисках пастбищ, а они не везде были пригодными. Данное предположение подтверждается расположением фатьяновских могильников вдоль больших водоемов и около озер гнездами, а также небольшим количеством погребений, указывающих на отсутствие прочной оседлости и подвижности московских фатьяновских племен. Прав А. Я. Брюсов, утверждавший подвижность московских фатьяновских племен, но вряд ли он прав, когда объяснял эту подвижность только спешкой передвижения фатьяновцев, не ставя ее в зависимость от хозяйства¹⁷.

Дикий кабан также делает перекочевки в поисках пищи и в зависимости от времени года концентрируется в определенных местах, где легче добывать пищу. Эти перекочевки вызываются «наводнениями, пересыханием озер, неурожаями лесных кормов, выпадением глубоких снегов» (БСЭ, т. 19, второе издание, стр. 205).

Дикие свиньи (болотные) водились в большом количестве по всему Волго-Окскому междуречью в III—II тысячелетия до н. э. Вероятно, свиньи у фатьяновцев немногим отличались от своих диких собратьев и, очевидно, могли кормиться долгое время на подножном корму не только летом, но и зимой. Все же зимой их подкармливали собранными осенью желудями, отходами мясной пищи, рыбой и т. д.

Возможно, у московских фатьяновцев существовал не один вид свиньи. Среди костных остатков есть крупные виды и более мелкие. Более поздние археологические данные также свидетельствуют о двух популяциях¹⁸.

У верхневолжских фатьяновских племен на ранней стадии наряду с ведущим свиноводством

не меньшую роль начинает играть и овцеводство. В погребениях Никульщинского, Воронковского, Милославского, Тимофеевского и других могильников увеличиваются костные остатки овцы-козы. Туши или части туш овцы кладутся в погребения так же, как и части туш свиньи. Намного больше встречается в погребениях костных изделий из костей козы-овцы. Появляются ритуальные погребения овцы-козы и захоронения пастухов с собаками.

Например, в Милославском могильнике с погребенным уже кладут и часть туши свиньи и часть туши овцы-козы, а в Тимофеевском могильнике, который мы датруем более поздним временем, остеологические остатки овцы-козы превышают вдвое костные остатки свиньи. Судя по этим остаткам, овца, так же как и свинья, становится главной мясной пищей. Это подтверждается и захоронениями пастухов с собаками в погребениях 1 и 15 того же могильника, причем оба погребения отличаются более богатым инвентарем и расположены они в центральной части могильника, подчеркивающей более «высокое» положение погребенных. Кроме того, в том же могильнике большая часть костяных орудий сделана из костей овцы. В поздних верхневолжских могильниках обнаружены материалы, свидетельствующие о дальнейшем росте значения овцеводства. В Фатьяновском, Вауловском и Говядиновском могильниках найдены ритуальные захоронения овцы-козы. В Вауловском могильнике овца-коза была захоронена в отдельной могиле, в особом погребальном сооружении, с выполнением того же ритуала, что и в могилах людей¹⁹. Место вокруг могилы «утоптанно», что указывает на неоднократные обрядовые действия.

Это ритуальное погребение служит доказательством большого значения данного животного в фатьяновском хозяйстве. Увеличение числа погребений пастухов с собаками в позднем Волосово-Даниловском могильнике²⁰ (рис. 49), а также увеличение числа зубов и клыков собак в украшениях одежды, ожерельях, употребление их в качестве амулетов и оберегов также подкрепляют нашу точку зрения на коренные сдвиги в скотоводческом хозяйстве фатьяновцев. Погребения собак подчеркивают не только значение собаки в фатьяновском хозяйстве, но и свидетельствуют о появлении пастухов, оберегателей стада. По-видимому, изменяются характер и формы скотоводства. Если свиней можно было выпускать на вольный выпас, то овец надо

¹⁵ Дж. Р. Д. Кларк. Доисторическая Европа. М., 1953, стр. 126.

¹⁶ Там же.

¹⁷ А. Я. Брюсов. Об экспансии культур с боевыми топорами, стр. 14—33.

¹⁸ Ю. А. Красно. Земледелие и животноводство в лесной полосе европейской части СССР во II тысячелетии до н. э. — первой половине I тысячелетия н. э. (Автореф.). М., 1968, стр. 18.

¹⁹ Д. А. Крайнов. Вауловский могильник, стр. 114—115.

²⁰ Д. А. Крайнов. Волосово-Даниловский могильник фатьяновской культуры. СА, 1964, № 4, стр. 81; он же. Отчеты Верхневолжской экспедиции за 1966—1970 гг. Архив ИА АН СССР.

было пасти ежедневно и оберегать их от хищных животных. Высокие и сильные собаки фатьяновцев (типа северной лайки)²¹ были, видимо, хорошими сторожами и помощниками пастухов.

В это же время наблюдаются и другие изменения в хозяйстве фатьяновцев. Впервые в поздних могильниках Ярославской, Ивановской и Калининской областей появляются костные остатки коровы (Олочинский, Волосово-Даниловский, Великосельский, Змеевский и др.). В Волосово-Даниловском могильнике в погребении 13 зубов коровы лежали около сосуда, а в погребении 15 четыре зуба найдены вверху над могилой вместе с обломками разбитого глиняного сосуда, рассматриваемого нами как остатки тризны, и несколько зубов в самой могиле, но костей коровы от частей туш в фатьяновских могилах мы не находили. Черепа крупного рогатого скота были найдены в карьерах при работах на Вауловском и Мансуровском могильниках Тутаевского р-на Ярославской обл.²² Возможно, черепа лежали или находились над могилами.

В связи с этими находками невольно встает вопрос: почему в могилы не клалось мясо коровы? Видимо, корова имела иное хозяйственное назначение, т. е. она содержалась не для мяса, а для молока. Это подтверждается резким увеличением числа сосудов в верхневолжских могильниках, появлением новых форм сосудов (амфоры, чашки, миски и пр.); нахождением в могилах пустых сосудов, в которых, возможно, была молочная пища; наличием большого числа сосудов в погребениях женщин, занимавшихся дойкой коров. В этнографии есть много подобных примеров. В Африке, в Индии и в других районах мира коровы используются только для молочного хозяйства; мясо коровы не употребляется в пищу. Это запрещается религиозными представлениями и обычаями.

Появление костей коровы в могильниках указывает на ее возросшее значение в хозяйстве. Таким образом, мы можем констатировать тот факт, что в более поздних могильниках верхневолжской группы появляются все основные виды домашних животных: собака, свинья, овца, корова и в самом позднем, Волосово-Даниловском, могильнике появляется лошадь.

По-видимому, произошли большие сдвиги в хозяйстве фатьяновцев. Изменяются не только видовой состав стада, но и роль отдельных видов животных. Наряду со свиньей начинают играть в хозяйстве большую роль и овца, и корова. Скотоводство становится твердой основой фатьяновского хозяйства. Об этих сдвигах свидетельствуют не только костные остатки, но и ряд других

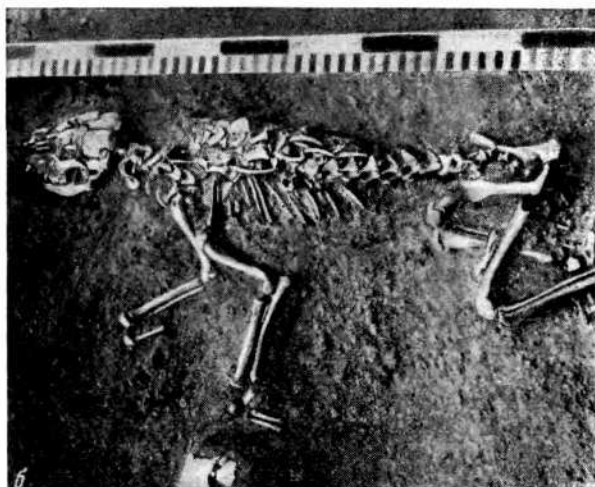
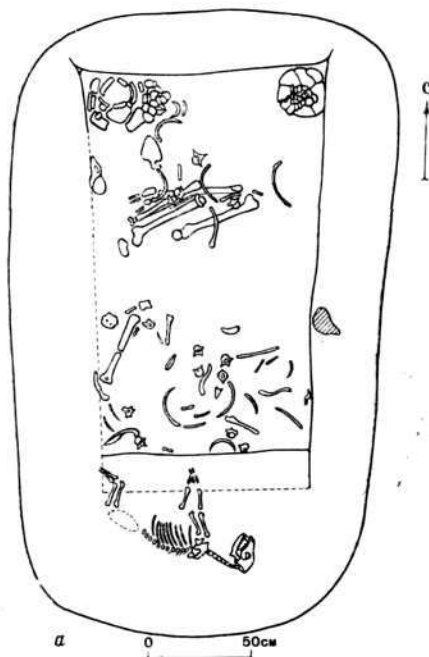

Рис. 49. Погребения фатьяновцев с собаками
а—б — Волосово-Даниловский могильник

фактов. Изменяется топографическое расположение могильников и случайных находок фатьяновских топоров. В отличие от московских памятников они располагаются и обнаруживаются уже вдали от крупных рек, на водоразделах. Увеличивается число погребений в могильниках. Если в московских могильниках было от двух до семи погребений, то в «переходных»²³

²³ «Переходными» могильниками мы называем те памятники, в которых имеются еще черты, характерные для московских памятников, но наряду с ними появляются новые. Название условное.

²¹ По определению В. И. Цалкина.

²² Д. А. Крайнов. Вауловский могильник, стр. 117.

от 10 до 25 и в поздних — от 25 до 125 погребений (Волосово-Даниловский могильник). Увеличивается число могильников в данной местности. Они располагаются гнездами (рис. 2) и недалеко друг от друга — в 1—5 км. Оба последних факта свидетельствуют не только о возросшей плотности населения, но и об известной оседлости фатьяновцев.

Могильники располагаются главным образом в холмистых местностях, где поблизости обязательно есть луговые низины, около останцев озер или болот. Вероятно, эти изменения в выборе мест поселений зависели от характера скотоводческого хозяйства фатьяновцев и возможного земледелия. Известно, что домашние овцы лучше всего чувствуют себя в холмистых и болотистых местностях²⁴. Они могут есть и листья, и траву. Также известно, что лесной ландшафт менее благоприятен для овец, чем для коров и свиней. С этой стороны интересен тот факт, что почти все места расположения ярославских, ивановских и северокалнинских могильников сейчас безлесны. Возможно, это обезлесение произошло уже в фатьяновское время в связи с выпасом скота, поедавшего молодую поросль, и с развитием земледелия. Кларк пишет, что «обычай кормить скот листьями и ветвями деревьев был широко распространен в древности и, вне всякого сомнения, восходит к доисторическим временам»²⁵. Уменьшение роли свиньи в стаде и повышение роли овец и коровы привели фатьяновцев к необходимости расчистки лесов в зонах заселения. О благоприятных условиях овцеводства в Ярославской обл. свидетельствует разведение здесь и в наше время романовских овец.

Сдвиги в скотоводческом хозяйстве подтверждают и крупные изменения в обряде погребения, а также анатомические изменения в строении скелетов захороненных людей, свидетельствующие об улучшении питания, и особенно культ медведя²⁶, который в данном случае мы можем связывать с развитием скотоводческого хозяйства верхневолжских, ярославских фатьяновских племен. Этнографические и исторические сведения из позднейшей истории славян, мерян и других народов, населявших Поволжье, повествуют о культе медведя — Велеса — Влаasia — покровителя скота, культе, получившем

особое развитие в Ростовско-Суздальской земле²⁷.

В Балановском могильнике и в поселениях восточных фатьяновских племен (Ош-Пандо, Чебаковское и др.), относимых нами к более позднему этапу в развитии фатьяновской культуры, появляются все основные виды домашних животных, включая и лошадей, что свидетельствует о дальнейших сдвигах в скотоводческом хозяйстве. Можно согласиться с О. Н. Бадером, что у восточных (балановских) племен была довольно прочная оседлость. Это подтверждается большими размерами Балановского могильника, длительными поселениями с жилищами, значительной мощностью культурных наслоений на них²⁸.

Характер скотоводства фатьяновцев типичен для лесной полосы европейской части СССР. Он резко отличен от характера степного скотоводства, где свинья играет ничтожную роль в стаде. В. И. Цалкин, исследуя животноводство в культурах эпохи поздней бронзы, дает его характеристику для разных районов европейской части СССР — для лесной и степной. Приведенные им цифры видового состава стада этих районов представляют веские доказательства различий степного и лесного скотоводства²⁹.

Несомненно то, что скотоводство в лесной зоне появляется только с приходом фатьяновских племен. Костные остатки неолитических стоянок на той же территории (Уницкая, Золоторучинская, Сахтыш I, II, VIII) показывают существование домашних собак и домашней свиньи у местного населения, жившего здесь до прихода фатьяновцев³⁰.

Только под влиянием фатьяновской культуры у местных (волосовских) племен появляются другие виды домашних животных (овца-коза, корова и, возможно, лошадь). В стоянках Сахтыш I, II, VIII кости мелкого и крупного рогатого скота появляются только в поздних волосовских слоях, где встречается и фатьяновская керамика. Что касается лошадей, то кости ее найдены в более верхних горизонтах³¹. Фатьяновская культура, тесно связанная своим происхождением с культурами боевых топоров, вероятно, принесла скотоводство в Волго-Ок-

²⁴ Г. Кларк. Доисторическая Европа, стр. 127.

²⁵ Там же, стр. 126.

²⁶ Ритуальные погребения медведя в Ваудовском и Холмогорском могильниках, амулеты из медвежьих клыков в мужских погребениях, ритуальные кинжалы из костей медведя, топор с медвежьей головой и т. д. Д. А. Крайнов. Памятники фатьяновской культуры. Ярославская группа. САИ, В1-20, 1963, стр. 33—35.

²⁷ Н. Н. Воронин. Медвежий культ в Верхнем Поволжье в XI в. Краеведческие записки. Ярославль, 1961.

²⁸ О. Н. Бадер. Балановский могильник, стр. 277.

²⁹ В. И. Цалкин. Некоторые итоги изучения костных остатков животных из раскопок археологических памятников позднего бронзового века. КСИА, вып. 101, 1964, стр. 24—30.

³⁰ Д. А. Крайнов. Отчеты Верхневолжской экспедиции за 1960, 1962, 1963—1966 гг. Архив ИА АН СССР.

³¹ Отчеты Верхневолжской экспедиции за 1962, 1963—1966 гг. (статьи о раскопках Сахтышских стоянок в Ивановской обл.).

ское междуречье с запада. Ю. А. Краснов отмечает, что в Литве, Латвии и Белоруссии состав стада с преобладанием свиньи близок к составу стада лесной полосы европейской части СССР³². Связи фатьяновской культуры именно с этим районом намечаются и по другим данным.

Фатьяновское скотоводство не могло прийти с юга (от ямной и катакомбной культур), так как там формы и характер скотоводства иные и состав стада не тот, этнически фатьяновцы ничего общего не имеют со степным населением. Мы не можем согласиться с А. Я. Брюсовым, утверждающим вторжение в лесную зону степного (прафатьяновского) населения со стадами под давлением срубных племен³³. Обосновывая свою теорию, А. Я. Брюсов считает, что это проникновение скотоводческих племен в лесную зону связано с занятием «открытых» (полустепных и луговых) пространств. Мы отрицаем данные положения и о приходе с юга, и о занятии «открытых» пространств. Кстати, на открытых черноземных землях Владимирской обл. чрезвычайно редки находки фатьяновских вещей и памятников.

С востоком также нельзя связывать происхождение фатьяновского скотоводства, так как в балановских памятниках существуют все виды домашних животных, а в ярославских и московских не все.

Отсутствие мест поселений затрудняет решение вопроса о формах скотоводческого хозяйства у фатьяновцев. Однако косвенные данные, добытые раскопками могильников, дают основания отрицать его кочевой характер и пастушеский в современном понимании этих терминов.

Для ранней стадии еще можно согласиться с П. Н. Третьяковым о частых переходах фатьяновцев с места на место, но вряд ли такие переходы можно назвать кочевым скотоводством³⁴. Это не кочевание, а перемена мест в силу оскудения пастбищ. Фатьяновское скотоводство нельзя назвать и пастушеским, оно скорее было придомным, стойловым скотоводством. Если на ранней стадии мог еще существовать вольный выпас свиней (долговременный) не только в летнее, но частично и в зимнее время³⁵ при соответствующем присмотре, то в более позднее время, с усилением роли овец и коров в стаде, у фатьяновцев появляются специальные

пастухи с собаками — мужчины, пользующиеся большим почетом в фатьяновском родовом обществе. Очевидно, выпасы скота происходили примерно так же, как это и сейчас делается в деревнях лесной полосы европейской части СССР. На день скот выгоняют, а вечером загоняют в стойла. Фатьяновцы, видимо, содержали скот в загонах, огороженных пряслом, тыном или завалами, из деревьев. Этнографические и исторические источники подобного содержания скота многочисленны.

Пастбищами служили приречные долины, приозерные низменности и «открытые» места (поляны). Летом корм был в изобилии. Овцы и коровы могли питаться травой, листьями, молодыми побегами растений. Труднее обстояло дело с зимними заготовками кормов. Вряд ли можно согласиться с круглогодичным выпасом скота, даже если принять во внимание хорошие условия суббореального времени, как это считают некоторые исследователи³⁶. Также нельзя согласиться и с отрицанием заготовок кормов для скота у фатьяновцев³⁷, ибо климатические условия II тысячелетия до н. э. не позволяли круглогодичный выпас скота³⁸. Значит, заготовка кормов была. На основании исторических и этнографических источников³⁹ мы можем предположить, что заготовка корма для овец и коров шла по двум направлениям: 1) заготовки веников, листьев и молодых веток и 2) заготовки травы.

«Обычай кормить скот листьями и ветвями деревьев был широко распространен в древности и, вне всякого сомнения, восходит к доисторическим временам»⁴⁰. Крестьяне Владимирской обл. заготавливали для каждой овцы до 150 веников (крупных) из веток березы и осины. В середине века коров также кормили вениками. На каждую корову заготавливали до 1000 веников, каждый весом в 1 кг⁴¹. Вероятно, кроме веток и веников, у фатьяновцев велась заготовка сена, коры, мха и пр. Для прокорма свиней делали, вероятно, запасы желудей, вяленой рыбы и, возможно, речных моллюсков (беззубки). С этой стороны интересны факты частого нахождения раковин двустворки в погребениях вместе с костями свиньи и отдельно, а также присутствие в ожерельях вместе с зубами свиньи и пронизок из речных раковин⁴².

³² Ю. А. Краснов. Земледелие и животноводство в лесной полосе...

³³ П. Н. Третьяков. Из истории родового общества на территории СССР, стр. 163.

³⁴ А. Я. Брюсов. Об экспансии культур с боевыми топорами; А. Я. Брюсов, М. И. Зимина. Каменные сверленные боевые топоры..., стр. 14.

³⁵ П. Н. Третьяков. Из материалов Средневожской экспедиции, стр. 16.

³⁶ Наблюдения за дикими свиньями показывают, что на данной территории они и зимой добывают себе пищу из-под снега (желудки, корни и пр.).

³⁷ О. Н. Бадер, А. Я. Брюсов и др.

³⁸ Увлажнение и увеличение количества осадков создавали условия для глубоких снежных покровов.

³⁹ Г. Кларк. Доисторическая Европа, стр. 126.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же, стр. 132.

⁴² Крестьяне Владимирской обл. часто кормят свиней моллюсками речной раковины, приготовляя из них поило.

Пастбища скота и заготовка кормов на зиму, безусловно, вели к истощению лесных питательных ресурсов и к частичному обезлесению. Этим, очевидно, и можно объяснить разбросанность фатьяновских могильников, а следовательно, и мест их обитания на огромных пространствах от Прибалтики до Камы и от Вологды до Пензы. Пригодных мест для пастбищ было не так уж много. Широколиственные леса в основном были сосредоточены в поймах рек и по берегам озер, а водоразделы были заняты хвойными лесами. Характерно, что места наибольшего скопления фатьяновских могильников в настоящее время обезлесены. Не исключено, что процесс обезлесения этих районов начался с фатьяновского времени. Обезлесение Западной Европы связывают также с развитием скотоводства⁴³.

Значение домашних животных в хозяйстве фатьяновцев было, вероятно, очень велико. Их остеологические остатки во много раз превышают кости диких животных (табл. 2). Не дикие животные, а свиньи и овцы служили главной мясной пищей. Об этом красноречиво свидетельствует обряд погребения в могилы туш (или их частей) свиньи и овцы. 90% костяных поделок (орудий и украшений) делалось из костей домашних животных. Мясо клали в могилы, вероятно, в сыром виде, так как кости — хорошей сохранности и лежат обычно в нерасчлененном виде (в анатомическом порядке). Туши надо, по-видимому, рассматривать как запасы пищи, так как они обычно кладутся в ногах погребенных, рядом с сосудами и другими вещами. Возможно, части туш животных заменяют целых животных. Например, в Кузьминском могильнике, в погребении 4 у ног погребенного лежало только копытце свиньи, а в другом (погребении 3) была положена целая туша свиньи без головы, что, вероятно, имело какой-то особый смысл⁴⁴.

Костные остатки свиньи и овцы в сосудах встречены только пока в пяти могильниках: Кузьминском, Сущевском, Милославском, Тимофеевском и Олочинском. Кости очень плохой сохранности, вероятно, они были сварены. На первый взгляд непонятно, почему в сосудах погребения 4 Милославского могильника кости овцы и свиньи лежали вместе, а в погребении 15 Тимофеевского могильника вместе были кости овцы и молодой собаки. Здесь, видимо, опять-таки подчеркивалось значение овцы и свиньи в пище человека и значение собаки — охранительницы этих животных. Вряд ли собака шла в пищу. Это предположение подтверждается и другой находкой. В Тимофеевском могильнике

(погребение 10) был найден горшок с костями свиньи, а под горшком — четыре зуба собаки. В погребении 14 Тимофеевского могильника также около костей свиньи и куницы лежали зубы собаки, а около них — птичьи кости. Расшифровка данного факта, видимо, та же, но еще подчеркивается и охотничье назначение собаки (положением костей куницы). Что касается птичьих костей, то они символизируют пищу собаки. Это подтверждается их нахождением у ног захороненных собак в Тимофеевском и Волосово-Даниловском могильниках. Шерсть и шкуры овец использовали также для изготовления одежды, а кости овцы и свиньи шли на изготовление орудий домашнего обихода. Зубы свиньи и собаки составляют главную часть украшений в ожерельях, на одежде, головных уборах. Опять-таки этим подчеркивается значение этих животных в жизни фатьяновцев.

Таким образом, скотоводство следует считать основой хозяйства фатьяновцев, так как оно давало основные продукты питания.

Значительно труднее является вопрос о существовании земледелия в хозяйстве фатьяновцев. Еще В. А. Городцов допускал наличие у фатьяновцев земледелия на основании находок бронзовых серпов на территории распространения фатьяновской культуры⁴⁵. Однако доказать принадлежность их фатьяновцам трудно. С. П. Толстов считал фатьяновцев ранними земледельцами⁴⁶, но доказать это не смог. П. Н. Третьяков усматривал в материалах фатьяновских могильников следы земледелия. Однако его доказательства, как, например, ссылка на «зернотерку» из Говядиновского могильника, вряд ли можно признать весомыми⁴⁷.

Более подробную и первую разработку этого вопроса мы находим в одной из ранних работ О. Н. Бадера и в его более поздних трудах и статьях⁴⁸. Признав существование скотоводства у фатьяновцев, которое, по его мнению, было оседлым, он считает, что с ним было тесно связано и земледелие. Основным доказательством его существования у фатьяновцев, по его мнению, является новое топографическое размещение фатьяновских могильников на водоразделах, что свидетельствует якобы об освоении новых пространств, невозможном прежде при охотничье-рыболовческом хозяйстве. Констатация нового размещения совершенно правильна,

⁴⁵ В. А. Городцов. Культуры бронзовой эпохи в Средней России, стр. 47.

⁴⁶ С. П. Толстов. К проблеме оккультурации. «Этнография», № 1—2, 1930, стр. 63—87.

⁴⁷ П. Н. Третьяков. Из истории родового общества на территории СССР, стр. 128.

⁴⁸ О. Н. Бадер. К истории первобытного хозяйства...; он же. Лихачевский могильник; он же. Балановский могильник.

⁴³ Г. Кларк. Доисторическая Европа.

⁴⁴ О. Н. Бадер. Кузьминский могильник. Л., 1960.

но она наблюдается уже в развитой фатьяновской культуре, а не на ранних ее стадиях, как пишет автор. В московско-клязьминской группе памятников иное размещение. Фатьяновские памятники располагаются часто там же, где и неолитические поселения. Кроме того, подобное новое размещение могло быть и отображением изменений в скотоводческом хозяйстве, как мы писали выше. Однако для поздней стадии довод О. Н. Бадера может служить каким-то доказательством существования земледелия.

Далее, характеризуя хозяйство балановцев, О. Н. Бадер называет их земледельцы подсечным⁴⁹, опять-таки исходя только из расположения балановских могильников и поселений на высоких берегах и нередко вдали от крупных водоемов⁵⁰. В той же книге он называет балановское земледелие огневым на основе того же аргумента⁵¹. Вряд ли можно согласиться с существованием у фатьяновцев подсечного земледелия, которое является более поздним историческим достижением в развитии земледелия. Что касается огневого земледелия, то в ряде мест около фатьяновских могильников и мест находок фатьяновских вещей нами были обнаружены золисто-углистые слои на глубине 30—40 см от современной поверхности. Возможно, это следы древних пожаров фатьяновского времени. Однако без других данных утверждать присутствие огневого земледелия у фатьяновцев также затруднительно.

Факты, приведенные О. Н. Бадером, не являются прямыми доказательствами. «Зернотерка» из Говядиновского могильника вряд ли относится к фатьяновскому времени, а скорее к позднему слою, обнаруженному здесь⁵². «Мотыга» из Вауловского могильника не может служить земледельческим орудием⁵³. О. Н. Бадер считает косвенным доказательством и архаичное существование полбы на территории Чувашской АССР, связанной, по его мнению, с Кавказом. Принести ее сюда могли балановские племена⁵⁴. Ю. А. Краснов отрицает кавказское происхождение полбы в Среднем Поволжье, а связывает ее появление с западом (Прибалтикой) и юго-западом⁵⁵. С этим можно согласиться скорее, так как балановцы никак не связаны своим происхождением с Кавказом.

Большинство исследователей продолжает

считать фатьяновцев скотоводами и земледельцами, но никто из них не делал попытки критического рассмотрения фактического материала.

Мы не имеем в фатьяновских могильниках и поселениях прямых доказательств — земледельческих орудий. Фатьяновские кремневые клиновидные топоры вряд ли можно назвать земледельческими орудиями. Их обязательное присутствие почти в каждом погребении подчеркивает значение этого орудия в хозяйстве фатьяновцев, но они могли служить для разнообразных целей, не исключая вырубания лесов.

Мы, таким образом, не можем с полным основанием утверждать наличие земледелия у фатьяновцев, не имея точных исторических источников, но и не можем отрицать его, так как некоторые косвенные указания у нас есть.

Во-первых, скотоводству почти всегда сопутствует земледелие и особенно в лесных условиях при наличии всех видов домашних животных.

Во-вторых, новое расположение могильников верхневолжской группы и восточных (балановских) племен свидетельствует об освоении водоразделов, занятых лесами, а следовательно, и о каких-то крупных изменениях в хозяйстве, связанных с усложнением скотоводства и возможным развитием земледелия. Вероятно, в какой-то степени развитием земледелия можно объяснить и широкое распространение клиновидных кремневых топоров.

Кульٹ солнца, существовавший у фатьяновцев, также связывается с земледелием. Наличие достоверного земледелия на данной территории в эпоху поздней бронзы, очевидно, тоже может быть косвенным доказательством. В поселении Дикариха⁵⁶ на сосудах найдены отпечатки зерен пшеницы и ячменя. На этом поселении была обнаружена и поздняя фатьяновская керамика. Поэтому можно допустить, что и у поздних фатьяновцев могло существовать земледелие. Наконец, на сосуде из Халдеевского могильника⁵⁷ имеется отпечаток, напоминающий отпечатки ячменя⁵⁸. Если бы данный факт был подтвержден специалистами, то он был бы полноценным доказательством в пользу земледелия у фатьяновцев.

Пожалуй, следует указать, что и в Прибалтике, и в Белоруссии, и на Среднем Днепре есть данные, свидетельствующие о существовании земледелия у среднеднепровцев, прибалтийских культур ладьевидных топоров и в куль-

⁴⁹ О. Н. Бадер. Балановский могильник, стр. 285.

⁵⁰ Там же, стр. 279.

⁵¹ Там же.

⁵² В. И. Смирнов. Говядиновский могильник.

⁵³ Д. А. Крайнов. Вауловский могильник, стр. 147, табл. IV, в.

⁵⁴ О. Н. Бадер. Балановский могильник, стр. 285.

⁵⁵ Ю. А. Краснов. К истории раннего земледелия в лесной полосе европейской части СССР. СА, 1965, № 2, стр. 64—66.

⁵⁶ А. Л. Никитин. Дикариха. МИА, 1963, № 110, стр. 226.

⁵⁷ Колл. Ростовского музея-заповедника из разрушенного погребения Халдеевского могильника.

⁵⁸ Специалисты не считают этот отпечаток вполне доказанным отпечатком зерна.

турах шнуровой керамики в Прикарпатье, т. е. в тех культурах, с которыми фатьяновская культура связана общностью происхождения. И если считать, что фатьяновская культура могла прийти с запада или юго-запада, то можно допустить, что и земледелие она могла принести оттуда же.

Таковы наши скудные сведения о данном вопросе. Пока мы можем признать основой хозяйства фатьяновцев скотоводство и только предположить существование у них и земледелия.

Наряду со скотоводством и возможным земледелием у фатьяновцев, по-видимому, значительное место занимала охота, но она перестала быть основным видом хозяйства. Наличие в могильниках костей диких животных подтверждает ее существование на всех стадиях развития фатьяновской культуры (табл. 2). Костные остатки диких животных состоят из костяных изделий и зубов в ожерельях и в украшениях одежды. Они относятся к разнообразным видам диких животных, как-то: медведь, кабан, северный олень, косуля, благородный олень, лось, лисица, куница, волк, рысь, бобр и барсук. Все эти виды относятся к лесной фауне.

Лесные виды диких животных, найденные в фатьяновских погребениях, подтверждают нашу точку зрения о лесном характере территории фатьяновцев. Медведь, лось, северный олень, рысь — представители леса и не могут жить в степи и в полустепи. Следует отметить, что все виды эти встречаются и в неолитических стоянках данной территории. В фатьяновских могильниках невозможно провести соотношения по числу костных остатков и особей диких животных, так как основную массу составляют зубы и клыки медведя и кабана. Их массовое появление связано, видимо, с развитием культа медведя — царя лесных зверей, покровителя скота — и значения кабаньего мяса в питании фатьяновцев, что подтверждается и находками амулетов из медвежьих и кабаньих клыков. Дикое кабанье, кроме того, являлись базой для развития свиноводства⁵⁹.

На третьем месте идут кости северного оленя, это в основном изделия из рогов.

На четвертом месте — кости рыси, куницы и лисицы. Это главным образом зубы. Куница и лисица встречаются чаще в женских погребениях. Кости волка (зубы) найдены в меньшем количестве.

Значительно реже встречаются костные остатки косули, благородного оленя и лося. Последний обнаружен только в Волосово-Дани-

ловском могильнике. Однако часть крупных неопределимых костяных поделок из могильников (особенно роговых) может относиться к лосям. Кости бобра обнаружены только один раз — в Балановском могильнике.

Остеологический состав диких животных позволяет судить о двояком характере промысловой охоты: и для мяса (кабан, северный олень, косуля, лось), и для добычи шкур (лисица, куница, рысь). Охота же на волка и медведя имела иной характер. В первом случае охота на вредного хищника, уничтожавшего овец, а во втором, вероятно, и ритуальная охота.

В фатьяновских погребениях в ожерельях найдено много разрубленных птичьих костей, к сожалению неопределимых. Что это: кости домашних птиц или диких — сказать трудно. В погребениях также редки и орудия охоты. Их отсутствие в погребениях может служить доказательством ее второстепенного значения.

В поздних ярославских могильниках (Тимофеевском, Фатьяновском, Волосово-Даниловском) появляются костяные и кремневые наконечники стрел, по форме близкие к местным поздненеолитическим. Кстати, в Волосово-Даниловском могильнике в 1963 г. найдено мужское погребение с собакой, а из инвентаря имелись наконечники стрел. Вероятно, собаки были не только охранителями фатьяновских стад, но имели большое значение и при охоте, особенно на таких зверей, как куница, лисица, рысь, медведь, кабан и др.

Значительным подспорьем к основным видам хозяйства, по-видимому, были рыболовство и собирательство. Относительно существования рыболовства мы имеем бесспорные доказательства — находки позвонков рыбы в ожерельях в погребениях 2 Лихачевского⁶⁰ и Волосово-Даниловского могильников. Отсутствие рыболовческих орудий в погребениях объясняется второстепенным значением рыболовства.

О значении собирательства у фатьяновцев мы можем судить только ссылкой на этнографические параллели. Собирать фатьяновцы могли орехи, съедобные моллюски, сухопутные раковины, грибы, ягоды, желуди, съедобные корни и травы, дикий мед. Скорлупа лесного ореха найдена в Кузьминском могильнике⁶¹. Раковины улиток обнаружены в Балановском могильнике⁶².

⁵⁹ Н. Е. Макаренко. Поездка в 1903 г. по верхнему течению р. Волги. ИАК, вып. 6. СПб., стр. 79; он же. Результаты археологических экспедиций в Тверской и Ярославской губерниях. «Труды II обл. археол. съезда 1903 г.» Тверь, 1906, стр. 63—72; О. Н. Бадер. Лихачевский могильник; Д. А. Крайнов. Раскопки Волосово-Даниловского могильника. Отчет ВВАЭ за 1968 г. Архив ИА АН СССР.

⁶¹ О. Н. Бадер. К истории первобытного хозяйства...

⁶² О. Н. Бадер. Балановский могильник, стр. 279.

⁵⁹ В этнографической литературе имеется много указаний на выкармливание молодняка диких свиней у народов Азии и Африки.

Рассмотрение основ хозяйства показывает, что оно было комплексным, но ведущей отраслью его следует считать скотоводство.

Кроме своей основной хозяйственной деятельности по добыванию средств существования

фатьяновцы, очевидно, тратили значительную часть времени на производство орудий труда, оружия, украшений, изготовление сосудов, металлургию и др.

Производство каменных орудий труда и оружия

Несмотря на существование металлических изделий, каменные и кремневые орудия продолжают играть первую роль в хозяйстве и жизни фатьяновских племен на всех этапах их развития.

Когда-то считалось, что выработкой каменных сверленых топоров-молотков занимались только в определенных центрах (Прикарпатье, Скандинавия, Кавказ, Прибалтика и др.), где встречаются выходы диабазов, диорита, гранита и других материалов, из которых они производились. Дальнейшими исследованиями определены и другие места массовых скоплений топоров на территории восточной Европы. Основными скоплениями являются районы Верхнего Поволжья, Московско-Клязьминский, районы Среднего Поволжья и Вятско-Ветлужское междуречье. Количество топоров в этих районах исчисляется в тысячах экземпляров. Степная часть Восточной Европы насчитывает их гораздо меньше, и эти топоры иные по форме и материалу. У фатьяновцев было собственное производство их. Это подтверждается находками каменных заготовок (болванок) на территории Калининской (г. Калезин)⁶³, Ярославской (Рыбинский р-н)⁶⁴ и Горьковской областей⁶⁵.

Особый интерес с этой стороны представляет погребение мастера по изготовлению каменных топоров-молотков из Аньковского могильника Ивановской обл.⁶⁶ Здесь в одной могиле найдены два короткообушковых каменных топора-молотка, один обломок каменного топора-молотка с двусторонним незаконченным сверлением, обломок каменного предмета и полировальная плита. Данное погребение является доказательством не только местного производства топоров, но и указывает на специализацию отдельных мастеров. Кроме того, в разных местах Волго-Окского междуречья найдены топоры с неза-

конченными сверликами⁶⁷. Также следует отметить и находки на поздненеолитических стоянках высверлин иногда вместе с фатьяновскими топорами⁶⁸. К этой цепи фактов следует прибавить и сломанные топоры со вторичной сверлиной, обнаруженные в значительном числе в могильниках и случайно⁶⁹.

Сырьем для выработки каменных топоров и других изделий из камня (булав, клиньев, терочников и пр.) служили местные валуны. К такому выводу еще давно пришел А. С. Уваров, исследуя породы каменных топоров фатьяновского могильника⁷⁰. Валун в большом количестве рассеян по лесной части Восточной Европы. Иногда около скоплений валунов находят фатьяновские топоры. Например, два топора были найдены в каменном карьере у д. Константиново Аньковского р-на Ивановской обл.⁷¹ и один топор был обнаружен среди валунов у с. Фроловского Калезинского р-на Калининской обл.⁷² Петрографическое изучение фатьяновских каменных топоров-молотков показывает, что большинство их сделано из кристаллических пород камня (диабаз, диорита, гранита). Свыше половины прибалтийских и приднепровских топоров изготовлено из диабаз, по-видимому, из той же породы камня сделана и большая часть фатьяновских топоров. Эта порода камня имеет самую большую вязкость, она не так ломка. Очевидно, люди заметили это качество давно и предпочитали диабаз другим породам.

⁶⁷ Д. А. Крайнов. Памятники фатьяновской культуры. Московская группа, табл. XVI, 7; он же. Памятники фатьяновской культуры. Ярославско-Калининская группа, табл. XIV, 5; табл. XVI, 1; табл. XXII, 17, 21, 24, 27, 28.

⁶⁸ Там же, табл. XII. Стоянка Борань; В. А. Городцов. Культуры бронзово-железного века в Средней России, стр. 8; Д. А. Крайнов. Результаты работ Верхневолжской экспедиции за 1966 г. Раскопки стоянки Сахтыш II (отчет О. С. Гадзюцкой). Архив ИА АН СССР, Р-1, № 2918.

⁶⁹ Д. А. Крайнов. Памятники фатьяновской культуры. Московская группа; он же. Памятники фатьяновской культуры. Ярославско-Калининская группа.

⁷⁰ А. С. Уваров. Археология России. Каменный период, т. I.

⁷¹ Д. А. Крайнов. Памятники фатьяновской культуры. Ярославско-Калининская группа, стр. 59.

⁷² Там же, стр. 45.

⁶³ Д. А. Крайнов. Памятники фатьяновской культуры. Ярославско-Калининская группа, стр. 45.

⁶⁴ Там же, стр. 53.

⁶⁵ Колл. Горьковского обл. музея.

⁶⁶ Д. А. Крайнов. Памятники фатьяновской культуры. Ярославско-Калининская группа, стр. 59.

Технику выработки каменных сверленых топоров-молотков, булав фатьяновцы довели до совершенства, о чем свидетельствуют прекрасные ромбические, коротколопастные и длиннолопастные топоры-молотки, в которых проявилось не только знание техники обработки камня, учета эффективности оружия, но и художественный вкус, как, например, в длиннолопастных топорах с нарезками из Фатьяновского, Великосельского, Голузиновского, Воронковского, Тимофеевского могильников и др. Производство топоров было делом трудоемким и не простым. При малейшем неверном ударе топор мог разбиться. По-видимому, выработка топора проходила ряд стадий.

Первоначально делалась заготовка из куска камня, специально отбитого от валуна. Затем оббивкой этой заготовке придавались контуры задуманной формы будущего топора. После первоначальной оббивки путем так называемой точечной обработки, наносимой при помощи контрударника, топору придавалась его окончательная форма. Только после такой обработки производилось сверление. Почти 95% всех фатьяновских сверленых топоров и булав имеют цилиндрическую сверлину с нарезками внутри, получившимися от сверления полым сверлом. Наличие высверлин, недосверленных топоров, а также изучение сверлин дает яркое представление о технике сверления полым сверлом (из кости) с подсыпкой кварцевого песка. Техника такого сверления была доведена у фатьяновцев также до совершенства. Сверление производилось или с одной стороны до конца или с двух сторон, что хорошо заметно по самим сверлинам. Нередко до конца не сверлили, а выбивали, по-видимому особыми инструментами, оставшуюся тонкую часть. Вероятно, у фатьяновцев существовали «сверлильные станки» с применением лука с тетивой⁷³. Среди фатьяновских топоров и булав имеется небольшое число топоров с коническими сверлинами, как, например, топор с медвежьей головой из Ростова-Ярославского⁷⁴, грузила (булавы) из Звенигородского р-на Московской обл. и др.⁷⁵ Коническое сверление в фатьяновское время применялось, вероятно, при изготовлении вещей, которыми не пользовались при работе⁷⁶. Коническое сверло было обнаружено в

Стрелищком могильнике среднеднепровской культуры⁷⁷.

Следует отметить, что фатьяновцы при совершенствовании боевых качеств топора шли в двух направлениях: 1) изменения изгиба топора, что при прямой сверлине и прямом скреплении топора с рукояткой давало амортизацию при ударе; 2) изменения наклона сверлины. С лобной стороны сверлина располагается ближе к краю среза обуха, а с тыльной — дальше. Рукоятка при такой сверлине скреплялась с топором под определенным углом, что также приводило к амортизации и большой эффективности оружия или оружия.

После сверления топоры полировались на особых полировальных плитах. Качество полировки различно. По-видимому, оно зависело от породы камня, от функционального назначения орудия или оружия и в какой-то степени от того, кому принадлежало данное оружие. Прекрасные топоры, отполированные до блеска, встречаются в основном в богатых погребениях. Производству боевого оружия из камня (топоры, булавы, метательные шары и пр.) фатьяновцы уделяли большое внимание. Боевые топоры сопровождают каждого погребенного мужчину. Наибольшего расцвета фатьяновские топоры достигают в верхневолжских памятниках. Здесь появляются длиннолопастные топоры, сделанные из черного диабазы, с нервюрами и нарезными лучевыми насечками около сверлины. Техника нанесения нервюр (хорд) различна. Они бывают треугольные и полуовальные в разрезе, иногда они отделяются бороздками (канавками) по краям⁷⁸.

Чем дальше на восток от ярославско-московских памятников, тем небрежнее становятся топоры и по своей форме, и по выработке. Изжируются прекрасные формы длиннолопастных, коротколопастных, ромбических и других форм топоров. Остаются в основном более простые формы рабочих топоров. Если в московско-клязьминской и верхневолжской группах фатьяновских памятников каждое мужское погребение сопровождалось боевым топором, то в Балановском могильнике они встречаются в редких могилах. Очевидно, каменные боевые топоры-молотки на балановском этапе развития перестают играть роль главного ударного боевого оружия, ими становятся медные вислобушные топоры и медные копыя, являющиеся более эффективным видом оружия.

⁷³ Остатки подобных «сверлильных станков» найдены в швейцарских свайных постройках: В. И. Равдоникас. История первобытного общества, стр. 194, рис. 48.

⁷⁴ Д. А. Крайнов. Памятники фатьяновской культуры. Ярославская группа, стр. 24, рис. 11.

⁷⁵ Д. А. Крайнов. Памятники фатьяновской культуры. Московская группа, табл. XX, 29, 30.

⁷⁶ Рабочие топоры и боевые имеют в основном цилиндрические сверлины.

⁷⁷ И. И. Артеменко. Отчет Среднеднепровского отряда за 1964 г. Архив ИА АН СССР.

⁷⁸ Нельзя согласиться с авторами, утверждающими, что топоры с хордами и нервюрами являются подражанием металлическим топорам.

Кроме каменных боевых топоров производились и другие каменные орудия, как, например: каменные сверленные рабочие топоры, каменные клиновидные топоры и каменные долота, булавы, метательные камни, терочники, песты, так называемые выпрямители древков стрел, грузила и пр. Принципы производства этих орудий те же, но наблюдается меньшая тщательность в их вторичной отделке (отполировке).

Количество рабочих сверленных топоров увеличивается в направлении к востоку и особенно много их — в Вятско-Ветлужском междуречье. Они отличаются более простыми формами и следами ударов на лезвии и обухе. Вероятно, эти топоры служили для раскалывания деревьев на горбыли и доски, для металлургического производства, для строительства домов и пр.

Редкостные находки каменных клиновидных топоров⁷⁹ указывают на их ничтожное применение в хозяйстве фатьяновцев а, следовательно, и на небольшое количественное производство этих орудий. Они являются анахронизмом, сохранившимся от прежних связей с Прибалтикой и Белоруссией, где эти топоры встречаются в тысячах экземпляров. В фатьяновской культуре они почти полностью заменяются более острыми и более прочными кремневыми клиновидными топорами.

⁷⁹ Они обнаружены только в могильниках Ростовского и Давыдовского районов Ярославской обл.

Булавы очень редки в фатьяновских могильниках. Однако нельзя полностью объяснить их присутствие импортом и отрицать их производство. Находки недосверленных булав на территории Ивановской и Московской областей⁸⁰ являются доказательством их местного производства. Метательные камни также редки. В могильниках они встречаются в единичных экземплярах и в небольшом числе известны среди случайных находок⁸¹. Тщательность их отшлифовки и правильная одинаковая шаровидная форма позволяют считать их боевым метательным оружием (болас). Производство терочников и пестов было несложным. Для их изготовления использовались галька и камни, требовавшие небольшой подправки. Терочники служили для растирания, возможно, зерен, краски, а песты — для измельчения руды. Вероятно, у них были и другие функции.

Фатьяновцы вырабатывали из песчаника и выпрямители древков стрел. Истинное назначение этих орудий до сих пор не выяснено, но, возможно, они были литейными формами. Выпрямители древков стрел имели очень широкое распространение не только в катакомбной культуре и культурах боевых топоров, но и в других культурах эпохи бронзы.

⁸⁰ Д. А. Крайнов. Памятники фатьяновской культуры. Московская группа; он же. Памятники фатьяновской культуры. Ярославско-Калининская группа.

⁸¹ Там же, табл. XXIII, 35.

Производство кремневых орудий

Изучение кремневого инвентаря показало, что фатьяновцы имели широкий ассортимент разнообразных кремневых орудий, применяемых в различных отраслях хозяйства. Кремневая индустрия наряду с каменной была на первом месте по сравнению с другими видами производства орудий труда. Изучение способов обработки кремня открывает не только высокую технику изготовления орудий, но и разнообразие технических приемов у фатьяновцев.

Кремневые клиновидные топоры можно считать шедеврами кремневой индустрии фатьяновцев. Высокая техника их полировки и заточки зависела, очевидно, от большой значимости этого орудия в хозяйстве фатьяновцев, что подтверждается присутствием их почти в каждом (мужском, женском и детском) погребении. Важность кремневых клиновидных топоров подчеркивается и появлением в Западной Белоруссии, Польше и других местах осо-

рых шахт по добыче кремня и массового производства заготовок кремневых клиновидных топоров. Отсюда они расходились по широкой территории Понеманья, Поднепровья и, вероятно, отчасти на Верхнюю Волгу. К этому же времени приурочиваются «клады» этих топоров, найденные на Волини, Десне и в других местах. Широкое и массовое производство и распространение этих орудий в культурах боевых топоров можно объяснить не только крупными изменениями в хозяйстве этих культур, но, вероятно, и освоением новых пространств в лесистых местностях. К этому времени приурочиваются широкие экспансии данных культур в различных направлениях. Разнообразие форм и техники выработки кремневых клиновидных топоров является, по-видимому, этнографическими особенностями отдельных групп большой историко-культурной общности культур с боевыми топорами. Например, шведские топоры

резко отличаются от остальных своими размерами. Прикарпатские — близки среднеднепровским. Польские топоры отличаются особой техникой сколов пластинками. Прибалтийские и белорусские топоры близки фатьяновским, а внутри отдельных фатьяновских групп наблюдаются также изменения форм топоров. Эти различия и общие черты дают возможность судить о передвижениях племен. Появление, например, узких кремневых долот⁸² на Днепре, Десне и Белоруссии можно связывать только с расселением или влиянием культуры шаровидных амфор. Материал, из которого делались кремневые топоры, различен. Он зависел от местных выходов кремня. Фатьяновские топоры сделаны из различных пород кремня. В московских памятниках преобладают топоры и другие кремневые орудия, сделанные из красновато-коричневого, розоватого, лилового и желтоватого тонов кремня.

Примерно такая же картина в Калужской, Брянской, Орловской и Рязанской областях. У среднеднепровских племен преобладает кремнь черный и темно-серый, но существуют «московские тона». Топоры ярославских памятников сделаны в основном из кремня серых тонов. Топоры ивановских могильников, расположенных в Клязьминской речной системе, выточены из кремня, близкого по цвету московским топорам. Топоры из Балановского могильника сделаны из кремня коричневых, черных, красноватых и других тонов, близких, с одной стороны, среднеднепровским, а с другой — московским топорам. В Литве и Западной Белоруссии преобладают белые и серые тона кремня.

Изучение материала, из которого делались топоры, также дает возможность судить о движении протофатьяновских племен в направлении с запада на восток.

Заготовки кремневых клиновидных топоров из западнобелорусских шахт показывают, что изготавливались они из отколотых, разбитых кусков кремня. Затем, видимо, производилась оббивка путем скалывания краев и обработка поверхности топоров сколами — контрударной техникой. Иногда на лезвиях заметны продольные узкие и длинные сколы, сделанные путем отжима. Только после тщательной обработки всей поверхности производилось полирование топоров на особых полировальных плитах из красноватого песчаника. Эти плиты обнаружены в могильниках московско-клязьминской и верхневолжской групп и только в мужских могилах. Полирование, очевидно, было делом мужчин. Следует отметить, что подобные же

плиты и также из красноватого песчаника найдены и в памятниках среднеднепровской культуры. Размеры и формы полировальных плит различны. Наибольшей величины и усложненности конструкций они достигают в ярославско-ивановских памятниках, где встречаются комбинированные плиты для полирования и заточки топоров. Отсутствие полировальных плит в Балановском могильнике может указывать на отмирание техники полирования в связи с более широким распространением металлических орудий.

Плиты с корытообразными и плиты с округлыми углублениями свидетельствуют о разных приемах полирования. В ярославских и ивановских памятниках обнаружены комбинированные плиты. В более ранних памятниках фатьяновской культуры первоначально полировалось все орудие, но позднее особое внимание уделялось полировке лезвия и его особой заточке. Лезвия у таких топоров достигают большой тонкости и блеска.

Рабочие функции фатьяновских клиновидных топоров были различны — в зависимости от их формы и особенно лезвий (топор, тесло, долото, стамеска и пр.). Ими можно было рубить, тесать, строгать, долбить, раскалывать и пр. Отсюда и применение топоров в хозяйстве было разнообразным: рубка леса, очистка его от ветвей и ошкуривка, приготовление горбылей и досок, постройка жилищ, лодок, плотов, изгородей и т. д. Обязательное присутствие клиновидных топоров во всех погребениях — и мужских, и женских, и даже детских — свидетельствует не только об их значении и широком применении в хозяйстве, но и о работе ими всех членов родового коллектива вне зависимости от пола и возраста, за исключением вождей, в могилах которых клиновидные топоры почти не встречаются.

Разнообразные формы других кремневых орудий (ножи, скребки, проколки, наконечники стрел и дротиков, резчики, микропластинки и др.) характеризуют широкое и господствующее положение кремневых изделий в быту и хозяйстве фатьяновцев. Вотивные кремневые вещи, заменяющие орудия, и небрежно сделанные изделия, часто встречающиеся в фатьяновских, особенно поздних, погребениях, не могут служить критерием упадка кремневой индустрии. Она продолжает господствовать в производстве орудий труда. Наряду со старой техникой скалывания и оббивания кремня, широко применяется и техника отжима. Вторичная обработка многих орудий путем нанесения отжимной ретуши (плоской, струйчатой, фасеточной) достигает совершенства. Кстати, такая же техника наблюдается и в кремневом инвентаре средне-

⁸² Д. А. Крайнов. Памятники фатьяновской культуры. Московская группа, табл. XIX, 42.

днепровских памятников⁸³. Следует отметить особую технику выработки наконечников стрел в памятниках московско-клязьминской группы (рис. 26, 1—11). Большая часть их изготовлена на пластинках или пластинчатых отщепах, причем центральная часть орудия, особенно с брюшка, остается необработанной, а лучшей ретушью и отделкой отличаются рабочий конец орудия и черешок. Эти факты указывают на живучесть мезолитических традиций, которые исчезают на более поздней стадии фатьяновской культуры. В Волосово-Даниловском могильнике наконечники стрел уже производятся чаще на сколах с обработкой всей поверхности орудия (рис. 27, 4—8). В могильниках московско-клязьминской группы встречается редко и техника резцовых сколов. О наличии микролитической техники отщепления пластинок говорят находки карандашевидных нуклеусов и микропластинок на некоторых фатьяновских могильниках⁸⁴.

Различия в технике выработки орудий и их вторичной обработки зависели и от этнографи-

⁸³ И. И. Артеменко. Неолитические стоянки и курганы эпохи бронзы близ с. Ходосовичи Гомельской обл. БССР. «Памятники каменного и бронзового веков». М., 1964, стр. 35, рис. 2, 2; стр. 40, рис. 5, 1—10; стр. 47, рис. 11, 1—27 и др.

⁸⁴ Никульский, Голузинский, Воронковский, Введенский, Олочинский, Ханевский и другие могильники.

ческих особенностей той или иной локальной группы и, безусловно, от хронологической разницы. Чем дальше на восток, тем заметнее упадок кремневой индустрии и, в частности, изживание струйчатой и отжимной техники.

Для изготовления кремневых орудий фатьяновцы использовали разный кремнь — валунный и меловой (очень редко). Встречаются кремневые изделия различных цветов: желтого, коричневого, красноватого, розового, лилового, черного, голубого, белого, серого и пр. Отмечается, что только в московско-калининских могильниках найдены изделия из кремня черного цвета, что чаще наблюдается в днепродеснинских памятниках среднеднепровской культуры. Соотношение цвета кремня у этих орудий в различных группах памятников такое же, что и у кремневых топоров.

Особых шахт или мест разработок кремневых залежей на территории распространения фатьяновской культуры не найдено. Валунный кремнь встречается всюду и особенно по берегам рек (Волги, Оки, Клязьмы и их притоков). Находки около выходов валунов обломков фатьяновских каменных сверленных топоров⁸⁵ могут служить свидетельством использования фатьяновцами валунного кремня.

⁸⁵ Д. А. Крайнов. Отчет Верхневолжской экспедиции за 1965 г. Разведочные работы в Калининской обл. Архив ИА АН СССР.

Гончарное дело

Изучение фатьяновской керамики привело нас к выводу о неодинаковости форм, орнамента, примесей и техники выделки посуды у разных локальных групп. В процессе развития культуры и в связи с новыми требованиями хозяйства фатьяновская посуда постоянно изменяется и совершенствуется.

Сосуды московско-клязьминской группы отличаются некоторым однообразием форм, эвонидностью профиля, небольшими размерами, почти полным отсутствием чашек и сосудов амфорных форм, более темным цветом, большим числом неорнаментированных сосудов, своеобразными орнаментальными узорами (шнур, нарезки и штамп) и однозональностью их. Очень редок орнамент вокруг ямки на дне. Сосуды тонкостенны и в большей части залощены. Основная примесь в тесте — дрсва и песок. Обжиг разный. Характерной чертой являются и следы штриховки на внутренней, а иногда и на внешней сторонах сосуда, в виде тонких полосок, расположенных в разных направлениях. Вероятно, она является

результатом какого-то технического приема, применяемого при отделке посуды.

Сосуды могильников верхневолжской группы, относимые нами к более позднему времени, характеризуются большим разнообразием форм. Здесь много сосудов амфорного типа. Увеличивается количество чашевидных форм (чашки, миски, тарелки). Редко встречаются сосуды с эвонидным профилем. Шейка становится более прямой и расположена под углом к тулову. Общее число сосудов увеличивается больше чем в два раза, и размеры сосудов становятся больше. Орнаментальные мотивы разнообразны и состоят из более сложных узоров, нанесенных в основном штампом. Отпечатки шнура не встречаются. Глина разнообразна, хорошо отмучена. Примесей мало. Встречаются песок и редко — дрсва в амфорных сосудах. Лощение применяется на большинстве сосудов, но есть и сосуды темные с шероховатой поверхностью. Штриховка встречается, но редко. Обжиг различен. Иногда сосуды покрываются антобом. В позд-

них могильниках появляются плоскодонные сосуды.

Сосуды из Балановского могильника достигают еще большего совершенства и в формовке, и в обработке поверхности сосудов (заложенность). Изменяются формы. Шейка становится прямой и по краю имеет особый бортик. Увеличивается число плоскодонных сосудов. Орнаментальные мотивы разнообразны, почти все нанесены при помощи штампов. Большая часть керамики сделана из хорошо отмученной местной глины с примесью песка, но часть сосудов имеет примесь шамота⁸⁶, что является поздним признаком.

Различия в форме и орнаментике сосудов всех трех основных групп (московско-клязьминской, средневожской и верхневожской), по-видимому, отображают или племенные (этнические) различия или хронологические, а одинаковые признаки, встречающиеся во всех группах, свидетельствуют не только об общности культуры, но и о сложной взаимосвязанности и перемещениях отдельных групп этой культуры.

Сосуды некоторых фатьяновских групп производились на месте из местной глины, залежи которой встречаются всюду на территории распространения фатьяновской культуры. Относительно добывания и подготовки глины мы не имеем прямых сведений.

В позднее историческое время на территории Костромской обл. для добычи глины копали ямы, потом сбивали глину особыми деревянными молотами в комья. Зимой эти комья промораживали. Иногда в комьях смешивали глину разных сортов⁸⁷. В жилище волосовского времени (одновременном фатьяновскому могильнику) на стоянке Сахтыш I в Тейковском р-не Ивановской обл. найдены также комья заготовки глины⁸⁸. Возможно, что и фатьяновцы делали подобные же заготовки. Судя по хорошо отмученной глине, фатьяновцы очень тщательно ее промешивали (месили), вероятно в деревянных сооружениях, вкопанных в ямы, или в корытах. Процесс обработки глины длился до ее пластичности. В глину добавляли разные примеси: песок, дрсву, кварц, слюду, растительные примеси, шамот и др.

Большая часть фатьяновских сосудов сделана из хорошо отмученной глины с примесью песка. Дрсва встречается чаще в сосудах из московских могильников, а в могильниках верхневож-

ской группы — главным образом в толстостенных шаровидных сосудах амфорного типа. Дрсва, а потом и песок, заменяющий ее, применялись для придания большей прочности сосудам.

Относительно техники выделки фатьяновских сосудов существуют различные точки зрения. В. А. Городцов считал, что сосуды лепились от руки при помощи ленточной техники на особых «узелках», проведенные им опыты во ВХУТЕМАС'е дали хорошие результаты⁸⁹.

О. А. Кривцова-Гракова также полагала, что лепка сосудов производилась ленточной техникой. Изученные ею сосуды из Горкинского могильника имели характерные изломы по стыкам лент. Ширина и число лент зависели от величины горшка — от 2,5 до 7,5 см. По ее мнению, вначале лепилось днище в виде чашки, а затем к нему постепенно прилеплялись ленты и последней из них прикрывалась (примазывалась) шейка⁹⁰. Наличие ямки на дне она объясняла тем, что мастер при вращении дна чаши придерживал его пальцем⁹¹. Затем сосуды подвергались лощению, а внутри сглаживались замывкой.

На основании изучения сосудов из Вауловского могильника мы также пришли к выводу о ленточной технике лепки фатьяновских сосудов. Что касается ямок на дне, то они делались для удаления выпуклости, получавшейся от начального закручивания ленты. Вряд ли можно объяснять наличие ямок желанием придать устойчивость сосуду, так как ямки иногда бывают не в центре сосуда, а несколько сбоку⁹². Кроме того, сами ямки различны: то это углубление, то только края ямки углублены, а центр выпуклый, то вместо ямки — маленькая плоскость, встречаются ямки с кольцевыми наложениями.

О. Н. Бадер, изучавший балановскую керамику, придерживается того же взгляда на технику лепки. На многих балановских сосудах им прослежена жгутовая ленточная лепка⁹³.

П. М. Кожин имеет иную точку зрения. Он выделяет две группы, отличающиеся по технике изготовления фатьяновских сосудов:

1. Балановско-ярославскую группу, где применялась ленточная техника лепки сосудов из отдельных частей (дно, миска, центральный цилиндр и шейка) и дальше шла формовка при помощи деревянных наковаленки и лопатки.

2. Атликасинско-московскую группу, где су-

⁸⁶ О. Н. Бадер. Балановский могильник, стр. 195.

⁸⁷ Л. С. Китицына. Прimitивные формы гончарства Костромской области. СА, 1964, № 3.

⁸⁸ Д. А. Крайнов. Отчет о раскопках стоянки Сахтыш I за 1964—1965 гг. Отчеты Верхневожской экспедиции за 1964—1965 гг. Архив ИА АН СССР. Р-И, № 2918 и № 3125.

⁸⁹ В. А. Городцов. Лекции во ВХУТЕМАС'е.

⁹⁰ О. А. Кривцова-Гракова. Горкинский могильник. «Труды ГИМ», вып. VIII. М., 1938, стр. 60.

⁹¹ Там же.

⁹² Д. А. Крайнов. Вауловский могильник, стр. 132.

⁹³ О. Н. Бадер. Балановский могильник, стр. 195.

ществовала ленточно-кольцевая налепная техника, а формовка была подсобным явлением. Эти различия в технике выделки сосудов он считает этническими признаками⁹⁴.

Вряд ли можно согласиться и с делением техники выделки на две группы, и с выводом об этнических различиях. Во-первых, они основаны на визуальном наблюдении без применения современных технических средств; во-вторых, из московских и ярославских сосудов осмотру подверглась лишь незначительная часть их, в-третьих, ни в одном погребении не встречены орудия формовки (наковаленка и лопаточка), в-четвертых, метод применения лопаточки и наковаленки, а также лепки не может служить этническим признаком в силу своей широкой распространенности и за пределами фатьяновской культуры. Наконец, выводам П. М. Кожина противоречат все другие фактические данные, свидетельствующие о более ранней дате московских памятников и о более поздней — атлантикских.

Наши наблюдения над фатьяновскими сосудами приводят нас к выводу, что они лепились от руки разными методами: кольцевой ленточной техникой, ленточно-спиральной и комбинированной.

Большинство сосудов раскалываются (распадаются) по тонким спаям. Как правило, часто первым отпадает донышко в виде чашки или миски, затем шейка. Тулово также распадается на несколько частей. Шейка, вероятно, прикреплялась к сосуду после того, как он немного подсохнет. Она вставлялась и замазывалась изнутри. Ленточная кольцевая техника, а также ленточная спиральная широко известны у разных народов⁹⁵.

В Костромской обл. до сих пор сохранились в народе оба вида лепки (кольцевой налеп и спиральной налеп). Вероятно, они существовали с глубокой древности. В основном производились при помощи рук формовка и лепка⁹⁶. Следы пальцев замечены О. А. Кривцовой-Граковой на сосудах из Горкинского могильника⁹⁷, А. С. Уваровым — на многих сосудах Фатьяновского могильника⁹⁸, имеются они и на сосудах из других могильников.

После лепки начиналось заглаживание швов и всей поверхности как внутри, так и снаружи.

Следы заглаживания очень хорошо прослеживаются. Орудиями для заглаживания могли служить костяные лощила (рис. 32, 14—18; 33, 15, 16), найденные во многих могильниках. Еще А. С. Уваров посчитал их орудиями для заглаживания швов⁹⁹. Внутренняя очистка стенок могла производиться деревянной дощечкой, от которой остаются следы на стенках в виде штриховки. Вероятно, в то же время снималась лишняя глина и сосуду придавалась определенная толщина. Затем, возможно, сосуд обжимался и выпрямлялся, удалялась кривизна. После этого на еще сырой сосуд наносился орнамент, а потом производилось лощение сосуда. На многих сосудах орнамент бывает затерт при лощении. Возможно, сосуд до лощения немного подсушивался. Лощить могли каменными или другими инструментами.

Обжиг сосудов, вероятно, производился на кострах, так как большинство фатьяновских сосудов имеют средний обжиг, а иногда плохой. Хороший обжиг наблюдается в основном на небольших и тонкостенных сосудах. О степени обжига можно судить по излому сосуда. Большинство фатьяновских сосудов имеет в середине излома черепка темную полосу — недостаточно обожженную глину. Чем толще эта полоска и чем тоньше наружная желтая полоска, тем обжиг хуже. Такую темную полосу имеют обычно сосуды, обожженные не в горне или в особой печи, а на открытом костре. Для нормального обжига нужна температура 700—900°, а в костре ее нельзя получить. Костровый обжиг доказывается и наличием темных пятен в различных частях сосудов.

Посуду, видимо, делали женщины, о чем свидетельствуют многочисленные этнографические примеры и некоторые археологические данные. В женском погребении 4 Вауловского могильника наряду с другими сосудами был обнаружен незаконченный сосуд и, кроме того, несколько сосудов, найденных в могиле, стояли вверх, на настиле. Здесь была похоронена женщина-гончар¹⁰⁰.

В женском погребении 23 Балановского могильника находилось каменное лощило¹⁰¹. Большая часть костяных орудий для заглаживания найдена в женских погребениях. Следует отметить и то, что в женских погребениях всегда ставится больше сосудов, чем в мужских, хотя это можно объяснять и другими причинами.

Сосуды, найденные в фатьяновских могильниках, имели различное хозяйственное назначение, но в основном они использовались для

⁹⁴ П. М. Кожин. О технике выделки фатьяновской керамики. КСИИ, вып. 101, 1964, стр. 53—59.

⁹⁵ В Индонезии у папуасов, у индейцев Южной Америки, у многих племен в Африке и т. д.

⁹⁶ Л. С. Кигичина. Прямые формы гончарства Костромской области, стр. 154.

⁹⁷ О. А. Кривцова-Гракова. Горкинский могильник, стр. 61.

⁹⁸ А. С. Уваров. Археология России. Каменный период, т. I, стр. 409—412.

⁹⁹ Там же, стр. 409.

¹⁰⁰ Д. А. Крайнов. Вауловский могильник, стр. 109.

¹⁰¹ О. Н. Бадер. Балановский могильник, стр. 195; стр. 207, рис. 142, 3.

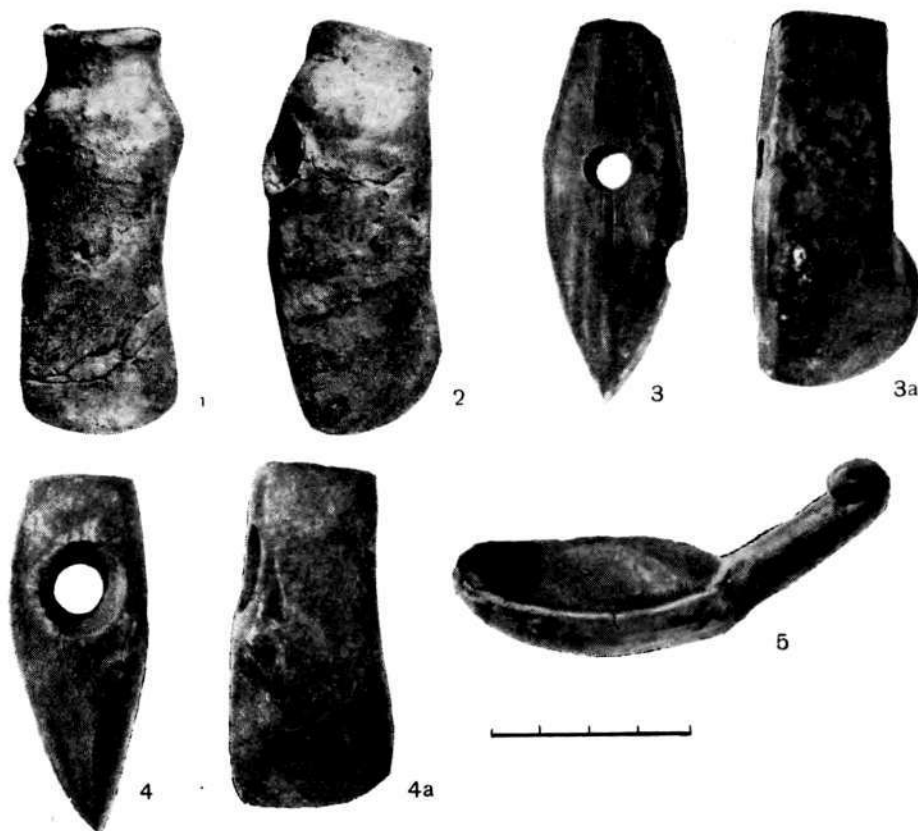

Рис. 50. Детские глиняные и каменные топоры и глиняная ложка

1—2 — глиняные топоры из Волосово-Даниловского могильника; 3—4 — каменные топоры из Волосово-Даниловского могильника; 5 — ложка глиняная из Волосово-Даниловского могильника

ведения домашнего хозяйства, которым, вне всякого сомнения, занималась женщина. Это подтверждается присутствием в женских погребениях не только значительно большего количества сосудов, чем в мужских, но и сосудов разнообразной формы. В мужских погребениях сосудов ставилось меньше. В них, очевидно, была пища. В женских погребениях ставились сосуды с пищей, сосуды, необходимые для ведения хозяйства, и сосуды для хранения вещей домашнего обихода.

Среди сосудов встречаются темные и темно-серые, закопченные шероховатые сосуды, в которых иногда находят костные остатки от мясной вареной пищи. Часты сосуды со следами затеков пролившейся жидкости и нагаром на внутренних стенках. Заполнение некоторых сосудов имеет коричневатобурый цвет, вероятно, от разложения органических веществ, бывших в сосуде. Указанные факты приводят нас к выводу, что эта часть сосудов служила для варки пищи. Небольшие кубовидные сосуды могли служить для питья. Крупные амфорные сосуды

и некоторые крупные высокошейные, очевидно, употреблялись для молочных продуктов. Для кормления детей существовала особая посуда — чашки, так как они найдены только в детских погребениях. В Никульцинском могильнике найдены крупные тарелки, что указывает на их использование в домашнем обиходе. Некоторые сосуды служили и своеобразными ларцами для хранения мелких вещей домашнего обихода. Во многих, только женских, погребениях найдены сосуды, внутри которых лежали бронзовые шилья, ожерелья, костяные проколки, кремневые ножи и пр.

Многие, небрежно сделанные небольшие сосуды были, очевидно, votivnymi и приготавливались специально для погребений, а в быту не употреблялись. Такие сосуды часто являются копиями больших сосудов. Количество этих сосудов увеличивается в поздних фатьяновских могильниках. Круглодонность фатьяновских сосудов можно объяснить тем, что фатьяновцы еще не имели печей, а готовили пищу в очагах и на кострах, не имели столов. Плоскодонные

сосуды появляются только в поздних могильниках (Кривцовский, Чуркинский, Балановский). Поскольку и на поселениях находят в основном круглодонную посуду, то наш вывод подтверждается. В памятниках среднеднепровской культуры в могилах встречаются и круглодонные, и плоскодонные сосуды, на поселениях — такая же картина. Очевидно, у фатьяновцев и среднеднепровцев была какая-то разница в хозяйстве и в условиях жизни, возможно, у среднеднепровских племен большее значение имело земледелие.

Кроме глиняных сосудов у фатьяновцев были и другие керамические изделия: глиняные черпаки и ложки, глиняные топоры, литейные формы, глиняные шарики, колесики, погремушки и т. д. Глиняные ложки и черпаки найдены главным образом в детских погребениях, в могильниках всех трех основных групп (Икшанском, Воронковском, Горкинском, Волосово-Даниловском и Балановском). Подобные ложки были широко распространены и в других культурах с боевыми топорами и шаровидными амфорами¹⁰² (рис. 50, 5). Их присутствие не только в детских, но и в погребениях взрослых

указывает на широкое употребление ложек в быту фатьяновцев, а это в свою очередь служит доказательством варки жидкой пищи.

Глиняные топоры делались из глины с теми же примесями, что и сосуды. Их форма подражает формам каменных сверленых боевых топоров. Такие топоры найдены только в поздних могильниках, по нашей классификации (Фатьяновском, Волосово-Даниловском, Горкинском и Балановском) (рис. 50, 1, 2) и только в детских погребениях. Их можно считать игрушками, но они, вероятно, имеют и votивное значение: клались в могилы как символы каменных сверленых топоров-молотков (рис. 50, 3, 4).

Обряд сопровождения детских погребений каменными топорами и их символами в поздних могильниках заставляет предполагать усиление столкновений фатьяновцев с враждебными племенами, а нахождение votивных вещей служит показателем поздней даты тех могильников, где они найдены.

Из глины делались и литейные формы, найденные в Волосово-Даниловском и Чурчикском могильниках. В Фатьяновском и Волосово-Даниловском могильниках найдены толстые куски обожженной глины от каких-то вещей и глиняные пряслица (Волосово-Даниловский могильник). Глина, видимо, широко применялась и в хозяйстве, и в быту фатьяновцев. В ряде могильников нами была прослежена обмазка глиной могил или погребальных сооружений (Голузинский, Скомороховский, Волосово-Даниловский, Вауловский и др.). Вполне возможно, что и свои жилища фатьяновцы обмазывали глиной.

Костерезное дело

Наряду с каменными и кремневыми орудиями значительное место в фатьяновских могильниках занимают и костяные изделия. Фатьяновцы при помощи кремневых резцов, ножей, скребков, скобелей и пр. производили изделия из кости и рога домашних и диких животных. Эти изделия разнообразны. Среди них есть орудия хозяйства, украшения, ритуальные изделия и т. д.

При характеристике костяных изделий, изложенной выше, мы подробно разбирали все эти вещи. По-видимому, особое значение костяные орудия имели в домашнем хозяйстве. Проколки, шилья, иглы служили для шитья обуви, одежды, берестяных коробов и пр. Занимались этим делом в основном женщины. Разнообразные кочедыки и другие орудия употреблялись для различных плетений (корзин, обуви

и пр.). Особые изогнутые костяные изделия, вероятно, использовались в керамическом производстве как лопатки. Всевозможные долота и долотовидные орудия из кости применялись для различных целей при домашнем хозяйстве. Очевидно, костяные наконечники стрел находили широкое применение при охоте на диких животных и птиц. Костяные кинжалы из костей медведя использовались при исполнении ритуальных обрядов. Особенно много из кости делалось украшений. Среди них реже всего встречаются молоточкообразные булавки (только в богатых погребениях). Их находят обычно около плеча погребенного, вероятно, они служили скреплением одежды. Очень часты амулеты из клыков медведя и кабана. Медвежьи клыки имеют сверлины, а иногда резьбу в виде елочного украшения на широкой поверхности. Производилось

¹⁰² О. А. Кривцова-Гракова. Горкинский могильник, стр. 61, 63; О. Н. Бадер. Балановский могильник, стр. 207, 208, рис. 143, 1, 5; О. С. Гадельная. Воронковский могильник. «Отчет Верхневолжской экспедиции за 1965 г.» Архив ИА АН СССР; Д. А. Крайнов. Волосово-Даниловский могильник. «Отчет Верхневолжской экспедиции за 1963 г.» Архив ИА АН СССР; он же. Памятники фатьяновской культуры. Московская группа; Н. Behrens, F. Schlette. Die neolithischen Becherkulturen im Gebiet der DDR und ihre europäischen Beziehungen. Berlin, 1969, S. 35, Tabl. 5, 6.

много провизок для ожерелий и украшений одежды из зубов и клыков животных и птичьих трубчатых костей. Следует отметить, что в основном на поделки шли зубы медведя, свиньи и собаки. Сверлины большей частью — одноконические и двухконические. Сверление, вероятно, производилось кремневыми сверлами-проколками, которые найдены в погребениях.

Очень часто встречаются роговые изделия в виде острий, мотыг, лоцил и пр. Некоторые из них могли служить для копания могильных ям и для добывания глины. Найдены и костяные рукоятки для кремневых орудий.

Сильная залощенность многих костяных изделий свидетельствует о положении в могилы настоящих орудий, бывших в употреблении. На некоторых изделиях наблюдаются круговые нарезки (орнамент) и елочные узоры, но они редки.

Надо отметить, что костяные орудия и подел-

ки встречаются и в московско-клязьминской, и в верхневолжской, и в средневолжской группах фатьяновских памятников. В первых двух — разница в основном в ассортименте орудий, а для памятников третьей группы отмечается небольшое число костяных изделий, но среди них есть новые вещи, как, например, костяной гребень в деревянной основе и астрогал быка со сверлиной¹⁰³. Уменьшение костяных изделий в Балановском могильнике, вероятно, следствие каких-то особых причин. Наличие большого числа костяных изделий характерно для лесных культур, а присутствие множества костяных изделий в памятниках верхне-волжской группы позволяет связывать их с Прибалтикой, где особенно сильно была развита костяная индустрия и в неолите и в эпоху бронзы.

¹⁰³ О. Н. Бадер. Балановский могильник, стр. 187, рис. 121.

Металлические изделия и металлургия фатьяновской культуры

Изделия из металла редки в могильниках фатьяновской культуры, хотя в некоторых памятниках они и занимают уже значительное место в погребальном инвентаре, как, например, в поздних могильниках верхневолжской и средневолжской (Балановской) групп. По-видимому, на поздней стадии развития фатьяновской культуры металл уже довольно прочно вошел в жизнь, так как даже в детских погребениях часты медные украшения и предметы.

Металлические вещи встречаются неравномерно и не во всех могильниках. В памятниках московско-клязьминской группы они очень редки, в верхневолжской группе памятников они встречаются чаще, и чем позднее памятники, тем больше в них металлических изделий (табл. 3).

Среди погребального инвентаря найдены разнообразные вещи из металла — это вислобушковые боевые топоры, втульчатые копыя, шилья, иглы, височные привески, очкообразные привески, провизки трубчатые, перстни и колечки, браслеты и гривны и др.

Медные вислобушные боевые топоры (рис. 51, 1—5) очень редки в погребениях. Найденные топоры имеют специфическую фатьяновскую форму, выявленную и хорошо описанную еще В. А. Городцовым¹⁰⁴ и А. А. Спицыным¹⁰⁵.

¹⁰⁴ В. А. Городцов. Культуры бронзовой эпохи в Средней России, стр. 25—36.

¹⁰⁵ А. А. Спицын. Археологические заметки. Карта распространения медных и бронзовых топоров. ТСА РАНИОН, вып. IV, 1928, стр. 483.

По классификации В. А. Городцова, фатьяновские медные топоры относятся к косо-вислобушному типу. Мы не будем останавливаться на разборе классификации медно-бронзовых проушных топоров, созданной В. А. Городцовым¹⁰⁶. Возможно, в какой-то степени прав Б. Г. Тихонов, во многом не соглашаясь с этой классификацией¹⁰⁷, но заслуга В. А. Городцова в этой области бесспорна. Он не только дал классификацию вислобушных топоров, но и наметил пути их развития, происхождения и проникновения в среду культур бронзового века Европы, а также определил приблизительно время их бытования.

При выделении фатьяновского топора с косым вислом обухом В. А. Городцов оперировал только одной достоверной находкой из Фатьяновского могильника и случайными находками¹⁰⁸. В настоящий момент этих топоров значительно больше, но все же они не столь многочисленны. В могильниках найдено всего 11 топоров и известно около 20 случайных находок, обнаруженных на территории распространения фатьяновской культуры.

Все эти топоры имеют особые черты, объединяющие их в единый фатьяновский тип. Эти характерные признаки, с нашей точки зрения,

¹⁰⁶ В. А. Городцов. Культуры бронзовой эпохи в Средней России, стр. 32.

¹⁰⁷ Б. Г. Тихонов. Металлические изделия эпохи бронзы. МИА, 1960, № 90, стр. 58—59.

¹⁰⁸ В. А. Городцов. Культуры бронзовой эпохи в Средней России, стр. 32.

правильно выделены В. А. Городцовым и дополнены Б. Г. Тихоновым¹⁰⁹. Топоры данного типа отличаются небольшими размерами — от 9 до 15 см в длину. Они имеют несколько дугообразно изогнутый клинок, обух свисает внутрь. Его лобная и тыльная стороны срезаны большей частью косо, но иногда и параллельно. На верху обуха — небольшое ребро. Проух (втулка) почти круглый¹¹⁰. По форме и некоторым другим признакам топоры, обнаруженные в могильниках, несколько отличаются друг от друга: одни короче, другие длиннее. Самыми маленькими топорами являются топоры из Губцевского, Балановского (погребение 101), Солнечногорского могильников и один из Фатьяновского, а самыми большими — топоры из Волосово-Даниловского и Горкинского могильников. Обухи также различны: один длиннее, другие короче, более или менее высокие. Втулки бывают круглые и овальные, с различными диаметрами проухов. Лезвия топоров, скошенные внутрь, слегка округлые по краям. Ширина их различна — от 2 до 4,2 см. Наиболее широколезвийными являются топоры (они короче и шире) из восточных могильников: Горкинского (4 см), Балановского (4,2 см) и Чурачикского. Топоры Фатьяновского, Вауловского и Волосово-Даниловского могильников имеют узкие лезвия. Возможно, развитие топора шло за счет расширения лезвия и выпрямления клинка¹¹¹. Более поздние камские топоры имеют еще менее изогнутый клинок. Сама эволюция топора показывает такое направление в его развитии. Топор из Галичского клада считается некоторыми исследователями переходной формой от фатьяновских к камским¹¹². Он также имеет прямой клинок, тем более, что этот топор датируется всеми исследователями временем позднее фатьяновского¹¹³.

Вислообушные топоры Подолии, Днепропетровщины и Венгрии близки друг к другу, и они также широкие. В. А. Городцов считал их более поздними, чем среднерусские и восточнорусские¹¹⁴.

Фатьяновские вислообушные топоры, выделяясь своей особой формой, имеют определенный ареал, не выходящий за рамки территории

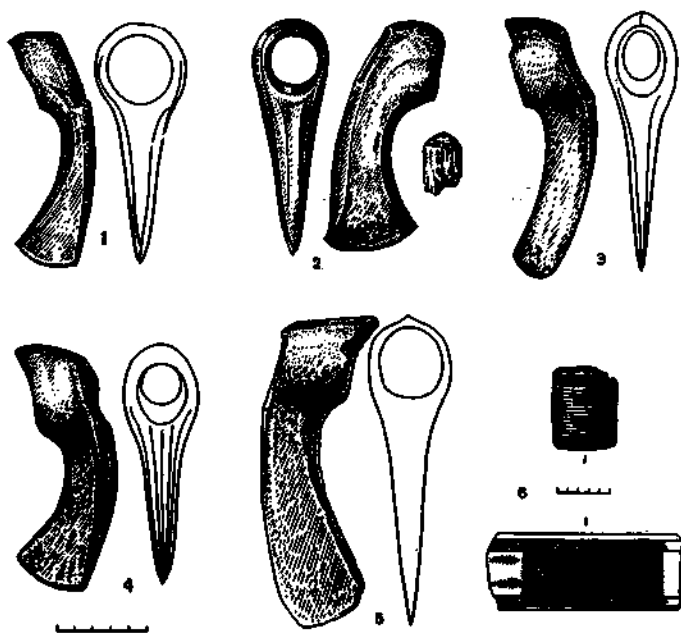

Рис. 51. Медные вислообушные топоры фатьяновской культуры

1 — Фатьяновский могильник; 2 — Солнечногорский могильник; 3—4 — Вауловский могильник; 5 — Волосово-Даниловский могильник; 6 — медный браслет из Мытищинского могильника

фатьяновской культуры. Они найдены в Среднем Поволжье, Нижнем Прикамье, Вятско-Ветлужском междуречье и на территории Верхнего Поволжья (Костромская, Владимирская, Ивановская и Ярославская области). Находка топора в Солнечногорском могильнике¹¹⁵ расширяет территорию их распространения далее на запад. Сходство всех этих топоров свидетельствует об общности культуры, как на Верхней, так и на Средней Волге и сравнительной их одновременности. Отдельные различия в топорах могут быть объяснены локальными или хронологическими причинами.

Что касается происхождения фатьяновских вислообушных топоров, то здесь в какой-то степени, может быть, прав В. А. Городцов, считавший, что форма этого топора могла быть заимствована с юга, где подобные топоры появляются раньше¹¹⁶. Это положение трудно оспаривать, но что касается путей проникновения, то они могут быть различны. На Среднюю Волгу топоры могли проникнуть только по Волге. Возможно, прав Б. Г. Тихонов, считая кавказскую новосвободненскую форму топора

¹⁰⁹ Б. Г. Тихонов. Металлические изделия эпохи бронзы, стр. 64.

¹¹⁰ О. С. Гадзьяцкая. Фатьяновский медный топор из г. Солнечногорска. СА, 1961, № 1, стр. 256.

¹¹¹ Б. Г. Тихонов. Металлические изделия эпохи бронзы, табл. XVI, 1, 2.

¹¹² Там же, стр. 60.

¹¹³ В. А. Городцов. Галичский клад и стоянка. ГСА РАНИОН, вып. IV, 1928, стр. 50; М. Е. Фосс. Новые памятники в районе галичской культуры. КСИИМК, вып. XVII, 1947, стр. 68.

¹¹⁴ В. А. Городцов. Культуры бронзовой эпохи в Средней России, стр. 29.

¹¹⁵ О. С. Гадзьяцкая. Фатьяновский медный топор из г. Солнечногорска, стр. 255—257.

¹¹⁶ В. А. Городцов. Культуры бронзовой эпохи в Средней России, стр. 25—29.

более ранней и более вероятной формой, эволюция которой могла привести к возникновению фатьяновских топоров¹¹⁷. Однако все фатьяновские топоры по химическому составу металла ничего общего не имеют с кавказскими¹¹⁸. Форма их специфична и характерна только для фатьяновской культуры. Поэтому не исключена возможность иных путей происхождения фатьяновских топоров.

Наиболее сложным вопросом является датировка медных вислообушных топоров. В. А. Городцов считал временем проникновения вислообушных топоров в Среднюю Россию в первую половину II тысячелетия до н. э.¹¹⁹, а конец их существования, по его мнению, совпадает с ранней порой железной эпохи. Фатьяновские топоры бытовали в первую половину II тысячелетия до н. э.¹²⁰

Б. Г. Тихонов относит появление фатьяновских топоров ко второй четверти II тысячелетия до н. э., а исчезновение — к середине II тысячелетия до н. э. Камские вислообушные топоры исчезают, по его мнению, к началу I тысячелетия до н. э.¹²¹ По существу оба исследователя придерживаются примерно одних и тех же дат. С ними можно согласиться, но относительно времени исчезновения их вопрос надо считать невыясненным. Судя по могильным комплексам, в которых найдены фатьяновские вислообушные топоры, мы можем датировать их появление ближе к середине II тысячелетия. В ранних могильниках эти топоры неизвестны. Если мы обратимся к другим культурам, где бытовали вислообушные топоры, то, например, в соседней с фатьяновской срубной культуре — время их бытования и расцвет также приходится на середину II тысячелетия¹²². В Средней Азии и на Кавказе они проявляются рано, но расцвет их относится к концу II тысячелетия до н. э.¹²³ В Венгрии они проникли около середины II тысячелетия до н. э.¹²⁴, и, наконец, в Прикамье и Приуралье их расцвет относится к середине II тысячелетия до н. э., а исчезают они к концу этого тысячелетия¹²⁵.

¹¹⁷ Б. Г. Тихонов. Металлические изделия эпохи бронзы, стр. 57—58, 61.

¹¹⁸ Е. Н. Черныш. История древнейшей металлургии Восточной Европы. М., 1966, стр. 75—76, 140, табл. XIV.

¹¹⁹ В. А. Городцов. Культуры бронзовой эпохи в Средней России, стр. 36.

¹²⁰ Там же, стр. 30.

¹²¹ Б. Г. Тихонов. Металлические изделия эпохи бронзы, стр. 62—64.

¹²² О. А. Кривонова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы, стр. 59—61.

¹²³ В. А. Городцов. Культуры бронзовой эпохи в Средней России, стр. 29.

¹²⁴ Там же, стр. 30.

¹²⁵ Б. Г. Тихонов. Металлические изделия эпохи бронзы.

По-видимому, время появления фатьяновских топоров следует считать не ранее 1700—1600 гг. до н. э., а исчезновение — около 1400—1300 гг. до н. э. Топоры из Вятско-Ветлужского междуречья могут происходить только из поздних фатьяновских памятников, тем более, что и топор из Галического клада считается исследователями близким к фатьяновским топорам, а он датируется поздним временем. Фатьяновские топоры являются боевым и очень ценным оружием.

О высокой ценности медных топоров свидетельствует не только их присутствие в богатых погребениях (вождей, военачальников и пр.), но и хранение их в особых футлярах из бересты, последние хорошо сохранились в Вауловском могильнике в погребениях 5 и 7¹²⁶. Футляр из кожи сохранился в Ходосовичах в кургане 10, погребение 2¹²⁷.

Медные копы (рис. 52) — еще более редкое оружие у фатьяновцев, чем вислообушные топоры, и появляются они, по-видимому, только на поздних этапах развития фатьяновской культуры. Найдены копы в трех местах: Волосово-Даниловском могильнике¹²⁸, Балановском могильнике¹²⁹ и на Оппавдинском фатьяновском поселении¹³⁰. Эти копы довольно резко отличаются друг от друга.

Особый интерес представляет находка медного наконечника перистого втульчатого копья в Волосово-Даниловском могильнике (рис. 52, 1, 2). Найден он был при карьерных работах, с остатками деревянного древка, к сожалению не сохранившегося. Длина копья 16,5 см, диаметр основания втулки 3,4×3,2 см. К концу копья втулка постепенно сходит на конус, перья узкие. Длина перьев 12 см, наибольшая ширина 0,7 см. По бокам основания втулки имеются два отверстия для гвоздей — одно округлое, а другое подквадратной (ромбической) формы. Край отверстия рваные. Почти по всей втулке с одной стороны идет щель. У основания она шире. Втулка наконечника копья орнаментирована нарезным елочным узором, одинаковым с обеих сторон. Ближе к основанию поперек втулки идут три пояса из трех продольных нарезных линий и поперечной косой штриховки.

¹²⁶ Д. А. Крайнов. Вауловский могильник, стр. 148, табл. V, 1, 3.

¹²⁷ И. И. Артеменко. Неолитические стоянки и курганы эпохи бронзы..., стр. 41, рис. 6.

¹²⁸ Д. А. Крайнов. Волосово-Даниловский могильник фатьяновской культуры. СА, 1964, № 4, стр. 70, рис. 2, 1; стр. 79.

¹²⁹ О. Н. Вадер. Балановский могильник, стр. 179, рис. 115, 1.

¹³⁰ П. Д. Степанов. Фатьяновские поселения на Средней Суре. КСИИМК, вып. XXXII, 1950, стр. 63, рис. 17.

Копье, по-видимому, кованое. Это копье является уникальным для фатьяновской культуры по своей форме, высокой технике выделки и обработки, по орнаментике и по большому проценту содержания в металле серебра (0,70%). Прямых аналогий копью нет. Близкие по форме копья встречаются на территории среднеднепровской культуры. Одно копье из погребения 1, курган 11 у с. Ходосовичи найдено в сопровождении других медных вещей (очкообразных привесок и медного втульчатого топора)¹³¹, а другое, более длинное, найдено вместе с медным вислообушным топором в Бежицком р-не Брянской обл. на левом берегу р. Десны¹³². Копья из Балановского могильника и из Ошпандинского поселения резко отличаются от перечисленных находок. О. А. Кривцова-Гракова датирует копье из Балановского могильника не раньше середины II тысячелетия до н. э.¹³³ Примерно той же даты придерживается и Б. Г. Тихонов¹³⁴. Нам представляется, что их дата будет несколько более поздняя. Что касается датировки волосово-даниловского копья, то его можно, примерно, отнести также к середине II тысячелетия до н. э. Копья в Прикамье получают широкое распространение в третьей четверти II тысячелетия до н. э.¹³⁵ (сейминская культура). Ближе всего к Волосово-Даниловскому копью стоит копье из Усть-Гайвонского могильника, датируемого О. Н. Бадером около начала XIV в. до н. э.¹³⁶ Втулка его также разомкнута почти на всю длину, и у ее основания также есть два противоположных отверстия для гвоздей.

Следует сказать, что в срубной культуре также встречаются копья, близкие по форме волосово-даниловскому¹³⁷. Вероятно, они одновременны.

В. А. Городцов считал, что втульчатые копья появляются в Европе в массовом порядке поздно, на переходе от бронзовой к железной эпохе¹³⁸.

Медные шилья (рис. 53, 14—15), найденные в фатьяновских погребениях, разнообразны и

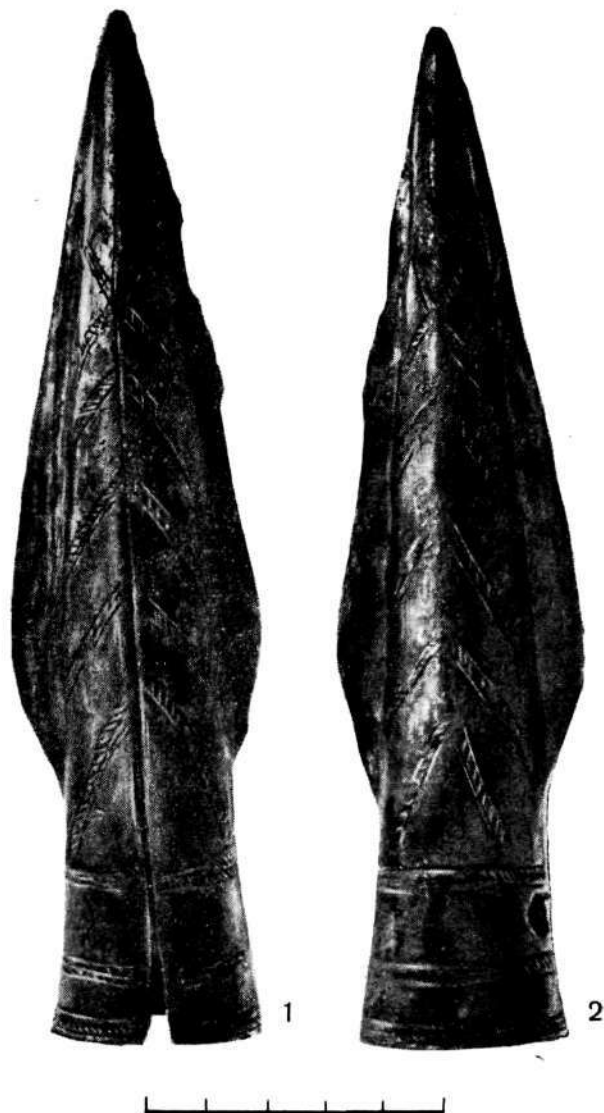

Рис. 52. Медные копья из Волосово-Даниловского могильника (1—2)

по форме, и по размерам. Они обнаружены только в могильниках верхневолжской и средневолжской групп (рис. 54, 14—15). Почти все шилья обоюдоострые: четырехгранные, многогранные и округлые в сечении. Длина их от 4 до 6,3 см, наибольшая ширина от 0,3 до 0,5 см. Длина шильев из Балановского могильника от 2,5 до 6,5 см, а одно шило длиной около 15 см¹³⁹. Следует отметить, что почти все шилья встречены в женских и детских погребениях, главным образом в сосудах и у ног погребенных, вместе с другими предметами домашнего обихода. Такая же картина наблюдается и в погребениях

¹³¹ И. П. Артеменко. Неолитические стоянки и курганы эпохи бронзы..., стр. 47, рис. 11, 32.

¹³² Колл. Брянского обл. музея.

¹³³ О. А. Кривцова-Гракова. Хронология памятников фатьяновской культуры. КСИМК, вып. XVI, 1947, стр. 33.

¹³⁴ Б. Г. Тихонов. Металлические изделия эпохи бронзы, стр. 31.

¹³⁵ О. Н. Бадер. Древнейшие металлурги Приуралья. М., 1964, стр. 143.

¹³⁶ Там же, стр. 148, рис. 120, 15.

¹³⁷ О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы, стр. 139, рис. 34.

¹³⁸ В. А. Городцов. Культуры бронзовой эпохи в Средней России, стр. 79.

¹³⁹ О. П. Бадер. Балановский могильник, стр. 189, рис. 122, 4—10.

бениях Балановского могильника¹⁴⁰. Вероятно, шилом пользовались главным образом женщины при шитье одежды, обуви, при плетении и пр. Медные (бронзовые) шилья встречаются почти во всех культурах бронзового века территории СССР (среднеднепровской¹⁴¹, катакомбной¹⁴², срубной¹⁴³ и др.). Они вряд ли могут служить датирующим материалом. Форма их у всех перечисленных культур близка, и где она первоначально возникла, судить трудно.

Кроме шильев у фатьяновцев, видимо, существовали и медные иглы. В Вауловском могильнике в погребении 6 найден обломок округлого тонкого медного стержня из проволоки. Длина его 2,1 см. Возможно, это обломок иглы. В Балановском могильнике (могила 15) обломок иглы найден в женском погребении¹⁴⁴.

Среди фатьяновских украшений особое место занимают медные проволочные привески, или височные кольца (рис. 53, 1—11; 54, 1—6, 10). Все они сделаны из округлой, а иногда из уплощенной проволоки различного диаметра — от 0,2 до 0,3 см. Эти привески представляют собой округлые колечки из спирально-завитой проволоки в 1,5—2—3 оборота. Диаметр колечек различен — от 1,2 до 2 см. Они бывают округлой и овальной формы.

Височные привески встречаются в погребениях всех групп памятников фатьяновской культуры. Однако они найдены везде не в одинаковом количестве. В московских памятниках они обнаружены только в двух могильниках: Кузьминском, погребения 2 и 5 и в Истринском, погребение 3 (рис. 54, 3, 4, 6). В верхневолжских памятниках они уже найдены в значительном количестве в Вауловском, Волосово-Даниловском, Мытищинском, Никульцинском, Воронковском, Наумовском, Милославском и Скомороховском могильниках (рис. 53, 6—9; 54, 5, 10). В первых двух могильниках они встречаются чаще, чем в других, а в Балановском могильнике височные привески находят еще чаще, чем в памятниках верхневолжских. Большое число металлических украшений Балановского могильника, вероятно, указывает на его более позднее время по сравнению с московскими и ярославскими памятниками.

Все привески, кроме истринской и змеевской, найдены в женских погребениях лежащими на черепе, у виска. Иногда они встречаются и на черепках девочек (4—5 лет), как, например, в Милославском могильнике, погребение 4 и в Лихачевском, погребение 2. В Балановском могильнике они также найдены в женских и детских погребениях¹⁴⁵. Только в Змеевском могильнике привеска была обнаружена в мужском погребении у правой височной кости¹⁴⁶.

В Скомороховском могильнике, погребение 2 одна привеска была обнаружена на правом виске, а возле левого ушного отверстия найдены две медные привески¹⁴⁷. Сейчас трудно решить, как употреблялись эти украшения — в качестве височных привесок или серег. Надо отметить, что эти привески отличаются друг от друга. Привески из Кузьминского могильника имеют расплюснутые концы, что сближает их с катакомбными серебряными привесками¹⁴⁸, и со среднеднепровскими.

Для нас важен факт близости привесок из московских могильников и среднеднепровских, так как он дополняет длинную цепь других фактов новым звеном, указывающим на их близость.

Колечко из Истринского могильника отличается по форме и по составу металла. Оно — округлое диаметром около 2 см. Вряд ли это колечко служило привеской. Если все металлические вещи из фатьяновских могильников имеют единый близкий химический состав металла, то колечко из Истринского могильника резко выделяется из них сравнительно высоким содержанием мышьяка в металле (0,14%). Е. Н. Черных пока не нашел объяснения данному факту¹⁴⁹. Нам представляется, что это можно объяснить близостью Истринского могильника по обряду погребения и погребальному инвентарю к днепро-деснинским памятникам среднеднепровской культуры, где медь содержит мышьяк. Медный ступчатый топор из курганного погребения у с. Ходосовичи также содержит 0,14% мышьяка¹⁵⁰.

¹⁴⁵ Там же, стр. 192, 193, рис. 123, 3, 4.

¹⁴⁶ А. Ф. Дубынин. Отчет о раскопках в Ивановской области. «Археологические исследования в РСФСР за 1934—1936 гг.» Л., 1946, стр. 88, 89, табл. XIII.

¹⁴⁷ О. С. Гадзюк. Фатьяновский могильник Балановского типа в Ивановской области. СА, 1963, № 1, стр. 286, 287, рис. 2, 1, 2.

¹⁴⁸ В. А. Городцов. Культуры бронзовой эпохи в Средней России, стр. 56, рис. 20.

¹⁴⁹ Е. Н. Черных. Спектральные исследования медных изделий из могильников Балановского и фатьяновского типов. В кн.: О. Н. Бадер. Балановский могильник, стр. 364—365.

¹⁵⁰ Н. И. Артеменко. Неолитические стоянки и курганы эпохи бронзы..., стр. 34, рис. 1, 7.

¹⁴⁰ О. Н. Бадер. Балановский могильник, стр. 183.

¹⁴¹ Н. И. Артеменко. Неолитические стоянки и курганы эпохи бронзы..., стр. 40, рис. 5, 18; стр. 56, рис. 18, 6.

¹⁴² В. А. Городцов. Культуры бронзовой эпохи в Средней России, стр. 56.

¹⁴³ О. А. Крицкова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы, стр. 55, рис. 12, 15—27.

¹⁴⁴ О. Н. Бадер. Балановский могильник, стр. 189, рис. 122.

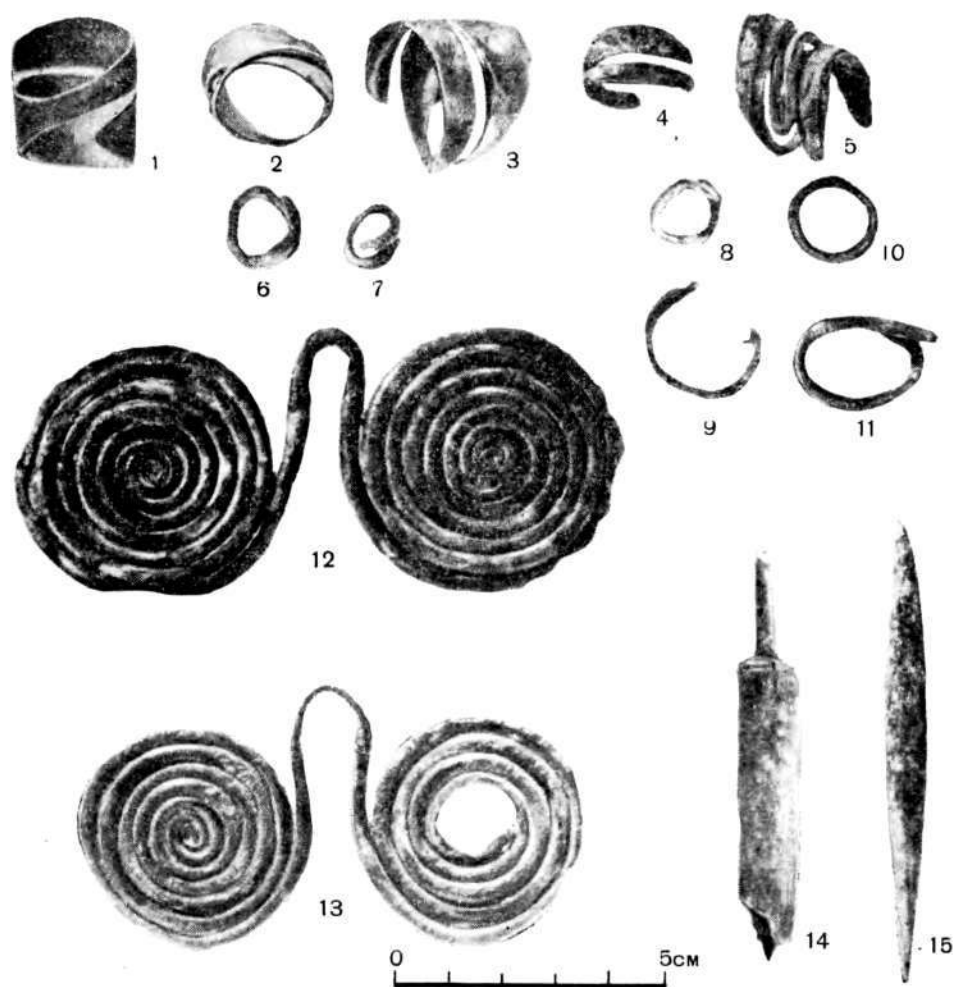

Рис. 53. Медные украшения и шилья

Широкие привески: 1, 2 — Никульцинский могильник; 3, 4, 5 — Волосово-Даниловский могильник.

Проводочные привески: 6, 7, 8, 9 — Волосово-Даниловский могильник; 10 — Милославский могильник; 11 — Скомороховский могильник.

Очковидные привески: 12 — Волосово-Даниловский могильник; 13 — Никульцинский могильник.

Шилья: 14, 15 — Волосово-Даниловский могильник

Привески из ярославских и ивановских могильников очень близки друг другу и разнятся только по величине. Почти все они завиты в спираль в 1,5 оборота, только привеска из Наумовского могильника имеет два оборота, а привеска из Быстринского — три оборота.

Привески из Скомороховского могильника в 1,5 оборота (рис. 53, 11) по форме близки к привескам из Балановского могильника¹⁵¹, что наряду с керамикой сближает Скомороховский могильник с Балановским.

Височные привески, близкие фатьяновским, найдены в курганном могильнике у с. Ходо-

совичи, относящемся к среднеднепровской культуре¹⁵².

Широкое распространение височных привесок из медной проволоки (фатьяновская, среднеднепровская, катакомбная, северокавказская и другие культуры), вероятно, нужно объяснять связями этих племен. Однако ни привески, ни шилья не могут служить аргументами при решении вопроса о происхождении той или иной культуры, где они встречаются.

Особые привески были обнаружены в Никульцинском и Волосово-Даниловском могильниках, в погребениях 6, 12, 82, 95. Они имеют вид

¹⁵¹ О. Н. Бадер. Балановский могильник, стр. 191, рис. 12.

¹⁵² И. И. Артеменко. Неолитические стоянки и курганы эпохи бронзы.... стр. 85.

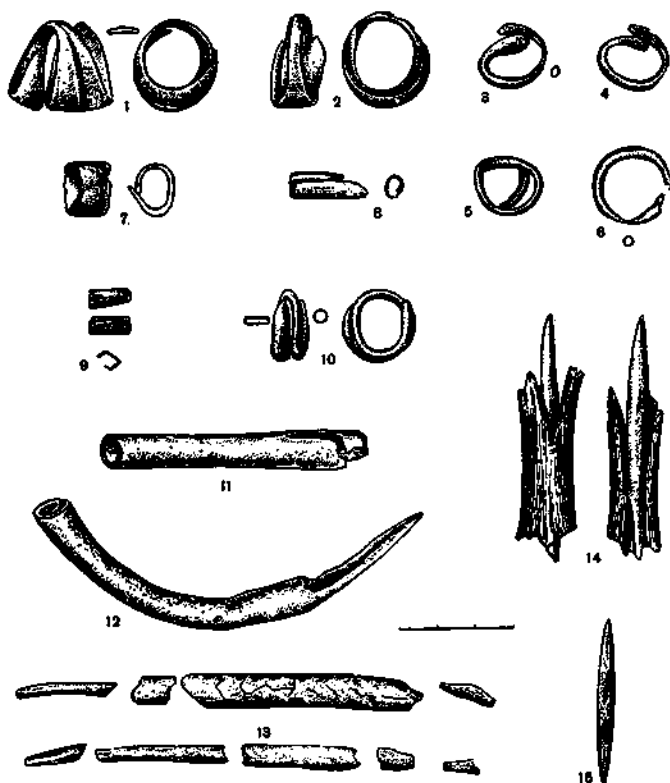

Рис. 54. Медные привески, браслеты и шилья

Широкие привески: 1—2 — Никольцинский могильник. Спиральные привески и колечки: 3—4 — Кузьминский могильник; 5 — Никольцинский могильник; 6 — Истринский могильник; 10 — Волосово-Даниловский могильник; 7 — пластинчатое колечко из Никольцинского могильника. Трубчатые проназки: 8 — Никольцинский могильник; 12 — обломок браслета из Волосово-Даниловского могильника; 13 — обломок браслета из Вауловского могильника; 14—15 — шилья из Вауловского могильника

широкого медного кольца, свернутого в спирали в 1,5 оборота (рис. 53, 1—2, 3—5; рис. 54, 1, 2) и сделаны из расплющенной проволоки. Центральная часть кольца представляет собой широкий щиток с ребром посередине. Диаметр этих привесок — около 2—2,5 см, ширина щитка — около 1,8 см. Край привесок острые, треугольные. Поскольку эти привески найдены около ушей, то их следует, вероятно, считать серьгами.

Подобные привески найдены К. В. Сальниковым в погребении под Бирском¹⁵³. Некоторые привески тождественны и по форме, и по размерам, а некоторые несколько отличны. Кроме широкого щитка они имеют длинную спираль. Следует отметить, что в погребении 12 Никольцинского могильника эти привески найдены с очковидной привеской, так же как и в

Бирске. Подобное совпадение не может быть случайным, и его можно объяснить только культурным или этническим родством людей, оставивших указанные памятники, тем более что и состав металла, определенный Е. Н. Чернышом, одинаковый.

Близкие аналогии никольцинским привескам имеются в погребениях Станиславской и Дорогобычской областей Западной Украины в культуре шаровидных амфор¹⁵⁴. Они также имеют широкий щиток с ребром и считаются серьгами. Подобная близость позволяет судить не только о связях фатьяновской культуры с Прикарпатьем, но и о более близком родстве. Несколько иную форму имеет ребристая привеска, широкая в середине и узкая на концах, найденная в Мытищинском могильнике в погребении 3¹⁵⁵. Аналогий этой привеске пока нет.

Очкообразные привески (рис. 53, 12—13) найдены только в трех фатьяновских памятниках — Никольцинском могильнике, в погребении 12, в Волосово-Даниловском, в погребении 74 и на урочище «Тещин язык» около с. Юрьева Островского р-на Костромской обл. В Никольцинском могильнике она обнаружена в погребении мальчика на шее под нижней челюстью. Вокруг нее остались волокна и темный тлен, возможно от одежды. Подвеска изготовлена из округлой проволоки толщиной 0,2—0,3 см. Каждая спираль очкообразной привески состоит из 6—7 рядов проволоки диаметром в 4 см (рис. 53, 13). Близка к ней и привеска из Волосово-Даниловского могильника (рис. 53, 12). Привеска из урочища «Тещин язык» близка им по форме и размерам.

1965 г. К. В. Сальников под Бирском нашел такую же очкообразную привеску вместе с другими бронзовыми и кремневыми вещами рядом со скорченным костяком, очевидно фатьяновцем¹⁵⁶. Фатьяновские очковидные привески отличаются от андроновских и абашевских привесок и размерами, и формой. У последних спираль загнута только в три оборота¹⁵⁷. Абашевские привески служили украшением головного убора, одежды и пр.

Более близкой к фатьяновским является очкообразная привеска из кургана 11 близ с. Ходосовичи, относящаяся к среднеднепровской культуре. Только она сделана не из круглой

¹⁵³ К. В. Сальников. Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967, стр. 25, рис. 2, 20—21, 25.

¹⁵⁴ Колл. Львовского исторического музея, № 1221, 1222 и пр.

¹⁵⁵ О. С. Гадзюк. Фатьяновские могильники в Костромской и Ивановской областях. КСИИ, вып. 115, 1968, стр. 77, рис. 21, 2.

¹⁵⁶ К. В. Сальников. Очерки древней истории Южного Урала, стр. 25, рис. 2, 24.

¹⁵⁷ П. П. Ефименко, П. Н. Третьяков. Абашевская культура в Поволжье. МИА, № 97, 1961, стр. 68, рис. 9, 12, 13; стр. 63, рис. 12, 7; стр. 66, рис. 15.

проволоки, а из уплощенной¹⁵⁸. Очковидные привески известны также и в курганах Львовской обл.¹⁵⁹, в погребениях дунайской культуры II периода¹⁶⁰, в мегалитических памятниках Дании¹⁶¹ и т. д. Очковидные привески существуют и в более позднее время. Возможно, форма очковидной привески заимствована фатьяновцами из Прикарпатья, где она встречается в более ранних памятниках.

К предметам украшений относятся и удлиненные *цилиндрические пронизки* (рис. 54, 8, 9, 11), согнутые из медных пластинок разной величины. Длина их колеблется от 3 до 10 см, а диаметр трубочки (цилиндрика) — от 0,5 см до 0,7 см. Они напоминают пронизки из птичьих трубчатых костей и, пожалуй, возникли как подражание костяным и янтарным пронизкам.

Все эти пронизки — гладкие, без насечек и орнамента. Они обнаружены только в могильниках верхневолжских и средневолжских (Никульцинском, Воронковском, Тимофеевском, Мытищинском, Волосово-Даниловском, Великосельском, Балановском и Козловском).

В погребениях они занимают разные места. Встречаются пронизки в ожерельях по 2—3 штуки (Никульцинский могильник, погребение 6, 12А и Балановский могильник); часто располагаются около пояса вместе с кремневым ножом и клыком медведя (Воронковский могильник, погребение 6, Балановский могильник). Наконец, они служили в качестве браслетов и украшения пояса. В Козловском могильнике они найдены на руках¹⁶², а в Воронковском могильнике в детском погребении 12 пять — шесть медных трубчатых пронизок лежали поперек могилы друг за другом, образуя ломаную линию, в области поясничных позвонков. Под ними сохранился темный тлен, вероятно от «материи». Видимо, эти пронизки служили украшением пояса. Большинство таких пронизок встречено в детских погребениях (Никульцинский могильник, погребение 12А, Волосово-Даниловский могильник, погребение 14, Воронковский могильник, погребение 12, Тимофеевский могильник, погребение 10). Такая же

картина наблюдается и в Балановском могильнике¹⁶³.

Подобные медные трубчатые пронизки обнаружены на территории Среднего Поднепровья¹⁶⁴ и в культуре Злота¹⁶⁵.

Перстни и колечки (рис. 54, 7). Наряду с привесками и пронизками в фатьяновских погребениях встречаются и разнообразные кольца, служившие украшениями рук, головных уборов, футляров и пр. Найдены они в незначительном числе в Вауловском, Мытищинском, Чуркинском, Никульцинском и Фатьяновском могильниках.

Находки в Вауловском могильнике представляют особый интерес. Здесь, в погребении 5 Б, в области женского черепа найдено медное колечко (с остатками дерева) со спаянными концами. Сделано оно из проволоки. На утолщенной части его имеются нарезки. Вероятно, это колечко было украшением какого-то деревянного предмета в головном уборе. В погребении 6 найдены обломки пластинчатого перстня, широкого в середине и узкого по краям. На широкой части перстня нанесен орнамент в виде ромбиков¹⁶⁶. Остатки перстня на фаланге пальца руки в виде окиси меди обнаружены в погребении Мытищинского могильника¹⁶⁷. В Никульцинском могильнике, в погребении 17, в области кисти руки на костях замечена окись меди, возможно от перстня. В этом же могильнике, в погребении 4А под нижней челюстью погребенного ребенка (мальчика) найдено широкое пластинчатое колечко диаметром около 1—1,3 см. Обломок подобного же колечка найден в Чуркинском могильнике. Наконец, в Фатьяновском могильнике было обнаружено медное колечко на привеске из медвежьего клыка. Все эти находки указывают на разнообразие фатьяновских украшений. Находка перстней как украшений пальцев служит доказательством их более раннего появления.

Браслеты и гривны (рис. 54, 12, 13; 51, 6). В фатьяновских погребениях обнаружены очень редкие находки браслетов и шейных гривн. Среди них особый интерес представляет широкий манжетовидный медный браслет со слегка заходящими друг на друга концами. Найден он на правой руке женского скелета в погребении 1 Мытищинского могильника (рис. 51, 6). Браслет представляет собой широкую согнутую

¹⁵⁸ И. И. Артеменко. Неолитические стоянки и курганы эпохи бронзы., стр. 45, 47, рис. 11, 28, 29.

¹⁵⁹ Колл. Львовского исторического музея (с. Почапы Золочевского р-на, погребение 1 (по рис. Т. С. Пассек).

¹⁶⁰ M. Gimbutas. The Prehistory of Eastern Europe, 1956, p. 116, 117, tabl. 64, 3; Г. Чайлд. У истоков европейской цивилизации, стр. 153, рис. 49.

¹⁶¹ M. Gimbutas. Указ. соч., стр. 116—117, рис. 64, 3; Г. Чайлд. У истоков европейской цивилизации, стр. 153, рис. 49; P. Lauring. D. L. Buggede Biget Dansk aldtids Historie det schæbergsk. København, 1959, стр. 99.

¹⁶² А. Х. Халиков. Балановские памятники в Татарии. КСИИ, вып. 97, 1964, стр. 51, рис. 15, 7; стр. 52.

¹⁶³ О. Н. Бадер. Балановский могильник, стр. 190—192, рис. 123, 1, 2.

¹⁶⁴ M. Gimbutas. Указ. соч., стр. 110, рис. 61, 8 (найден у Красного хутора).

¹⁶⁵ Z. Krzak. Materiały do znajomości Kultury Złockiej. Warszawa, str. 61, tabl. 57 (погребение 20).

¹⁶⁶ Д. А. Крайнов. Вауловский могильник, стр. 127.

¹⁶⁷ О. Н. Бадер. Мытищинский могильник. КСИИМ, вып. 75, 1959, стр. 145, 152.

в трубку медную пластину длиной 16,4 см, шириной 6,2 см, диаметры разных концов $5 \times 4,4$ см и $5,1 \times 4,3$ см. Толщина пластины 0,3 мм. Вся лицевая поверхность браслета орнаментирована. По краям идет нарезной бордюр, образующий сетчатый узор (решетчатый). С двух концов расположены по два елочных узора из нарезных линий, поставленных под углом друг к другу, в центре — 22 параллельных линии (бороздки). Орнаментика браслета является типичной для узоров фатьяновских сосудов. По словам Н. П. Милонова, исследовавшего Мытищинский могильник, такой же браслет имелся и в другом погребении этого могильника. В 1965 г. подобные браслеты были обнаружены в Бирском могильнике К. В. Сальниковым¹⁶⁸. Следует отметить, что орнаментика этих браслетов близка мытищинскому. Вряд ли можно согласиться с мнением некоторых ученых (О. А. Кривцова-Гракова, Т. С. Пассек, А. Я. Брюсов, О. Н. Бадер и др.), считающих мытищинский браслет унетичским (импортным). Во-первых, форма унетичских браслетов иная и они не имеют подобной орнаментики. Кроме того, браслет сделан из того же металла, что и другие фатьяновские вещи¹⁶⁹.

Эта уникальная находка подтверждает нашу точку зрения на существование собственной металлургии у фатьяновцев¹⁷⁰.

В Вауловском могильнике в погребении 3 нашее женского скелета были обнаружены остатки шейной гривны¹⁷¹, сделанной из тонкой медной пластинки с загнутыми внутрь краями. Ширина пластинки от 0,5 до 0,9 см (рис. 54, 3). Длину гривны определить не удалось из-за ее фрагментарности. Сохранившаяся часть была около 20 см. В погребении 5 Волосово-Даниловского могильника найден обломок гривны (браслета) в виде изогнутой скрученной трубочки¹⁷². Аналогом этой «гривны» может служить медная (бронзовая) изогнутая трубочка из погребения 20 могильника Злота¹⁷³. Все эти браслеты найдены в женских погребениях.

Следует упомянуть и об одной чрезвычайно интересной находке в Фатьяновском могильнике. И. С. Поляков нашел на глубине 1 арш. 6 вершков рядом с топором медный кружок размерами в две копейки. Анализ его, произве-

денный В. И. Виноградовым, показал, что кружок был сделан из железа и покрыт бронзой (железо — 59,67%, медь — 38,42% и олово — 1,90%).

Известно, что на территории Фатьяновского могильника ни более ранних, ни более поздних стоянок, селищ и могил не было, кроме погребений времени фатьяновской культуры. Вероятно, этот кружок относится ко времени фатьяновских погребений, а если это так, то дата могильников Фатьяновского и Волосово-Даниловского будет позднее времени начального появления железа.

Интересно отметить наличие на многих черепках из погребений Волосово-Даниловского могильника следов растворившихся медных вещей.

Мы рассмотрели все основные виды металлических вещей, встреченные в фатьяновских могильниках, но не коснулись описания ряда вещей из Балановского могильника, представляющих собой предметы украшений, — это спиральные кольца, медная трубочка с пятью спиральными кольцами, спиральное колечко, спирали пластинчатые и пр. Они хорошо описаны О. Н. Бадером¹⁷⁴. Общее впечатление от обзора таково, что ярославские медные вещи менее разнообразны и более архаичны на вид, чем балановские.

Малое число металлических изделий в московских могильниках, очевидно, зависело не только от удаленности их от металлургических центров, но, вероятно, и от их более раннего времени. Металлургия у фатьяновцев, видимо, начинает развиваться только с проникновением их на Среднюю Волгу, где имелись залежи медистых песчаников.

В 1935 г. на заседании фатьяновской комиссии МОГАИМК'а мною впервые было высказано мнение о существовании собственной металлургии у фатьяновцев и потом оно было обосновано в работе «Вауловский могильник»¹⁷⁵. Однако моя точка зрения встретила резкие возражения со стороны ряда исследователей, часть которых и поныне считает металлические украшения фатьяновцев унетичскими или южными (А. Я. Брюсов, О. Н. Бадер, О. А. Кривцова-Гракова и др.). Они связывали появление этих вещей с унетичским импортом¹⁷⁶.

¹⁶⁸ К. В. Сальников. Очерки древней истории Южного Урала, стр. 25, рис. 2, 15, 26, 27.

¹⁶⁹ Д. А. Крайнов. Вауловский могильник, стр. 123.

¹⁷⁰ Е. Н. Черных. Спектральные исследования медных изделий из могильников балановского и фатьяновского типов, стр. 366.

¹⁷¹ Д. А. Крайнов. Вауловский могильник, стр. 107, 126, т. XI, 9.

¹⁷² Д. А. Крайнов. Волосово-Даниловский могильник фатьяновской культуры, стр. 70, рис. 2, 4.

¹⁷³ Z. Krzak. Указ. соч., стр. 61.

¹⁷⁴ О. Н. Бадер. Балановский могильник, стр. 190—194, рис. 123.

¹⁷⁵ Д. А. Крайнов. Вауловский могильник, стр. 127—128.

¹⁷⁶ А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху; он же. Об экспансии культур с боевыми топорами, стр. 26; О. Н. Бадер. Мытищинский могильник; О. А. Кривцова-Гракова. Хронология памятников фатьяновской культуры, стр. 32.

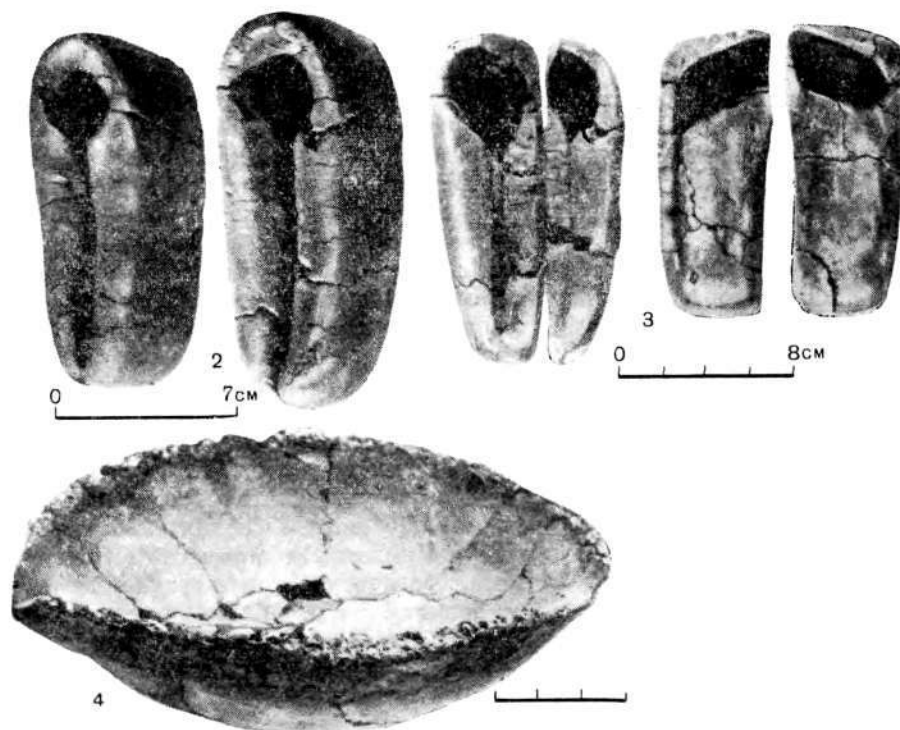
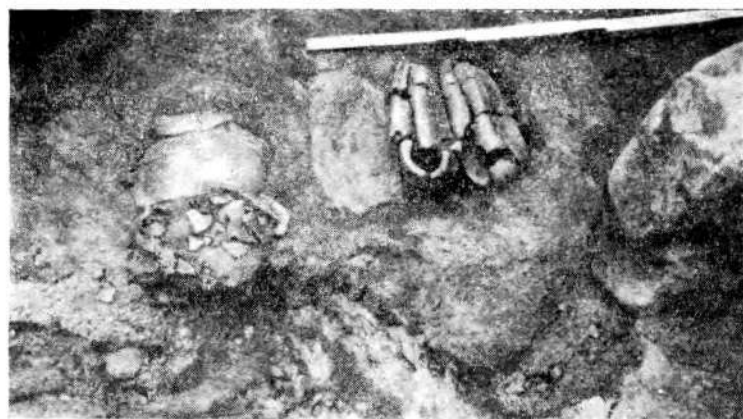

Рис. 55. Вещи из погребения металлурга (Волосово-Даниловский могильник, погребение 21)

1 — общий вид погребения 21 Волосово-Даниловского могильника; 2—3 — глиняные литейные формы; 4 — тигль

Недавно мы получили достоверное подтверждение нашего предположения, а именно находку погребения металлурга в Волосово-Даниловском могильнике¹⁷⁷ (рис. 55) и погребения литейщика в Чурачикском могильнике на Средней Волге¹⁷⁸.

Рассмотренные выше категории металлических вещей из фатьяновских могильников под-

тверждают наше положение о том, что металл уже довольно прочно вошел в быт фатьяновцев, хотя изделия из него еще не главенствуют в производстве. Сами названия вещей указывают, что ими охвачены только отдельные отрасли быта и хозяйства фатьяновцев. Основные орудия хозяйства и производства остаются каменными, кремневыми и костяными. Металлические изделия в первую очередь стали распространяться в виде боевого оружия и украшений. Вполне понятно, что оружие должно было быстрее совершенствоваться, чем орудия. Воз-

¹⁷⁷ Д. А. Крайнов. Металлургия у племен фатьяновской культуры. КСИА, вып. 127, 1971.

¹⁷⁸ Е. Ф. Каховский. Чурачикский курган в Чувашии. СА, 1963, № 3, стр. 176, рис. 6, 1, 2.

можно, поступательное и непрерывное движение фатьяновских племен на восток и объясняется частично их стремлением к местам залежей медистых песчаников (Среднее Поволжье и Поволжье). Сейчас уже вряд ли кто будет оспаривать существование «металлургии» или металлообработки у фатьяновцев.

В пределах распространения памятников фатьяновской культуры, на Средней Волге и Вятско-Ветлужском междуречье, известны залежи медистых песчаников, которыми могли пользоваться и фатьяновцы. Частые находки металлических изделий в фатьяновских могильниках, особые фатьяновские формы топоров, орнамента на металлических изделиях и, наконец, захоронения фатьяновских металлургов-литейщиков (Волосово-Даниловский и Чурачский могильники) убеждают нас в существовании у фатьяновцев собственного металлургического производства и уже в значительно развитой форме. Рассмотрим основные доказательства нашего положения.

Металлические изделия из фатьяновских могильников разнообразны. Среди них наряду с формами, встречающимися во многих культурах эпохи бронзы, есть предметы, свойственные только фатьяновской культуре. Само разнообразие форм уже указывает на довольно широкое внедрение металла в быт и хозяйство фатьяновцев. Появление собственных форм металлических изделий (топоры, копы, браслеты и пр.) подтверждает собственное металлургическое производство. Карта распространения медных топоров, составленная А. А. Спицыным¹⁷⁹, подтверждает нашу точку зрения. Она показывает, что на севере (в Поволжье и Прикамье) существовали свои древние металлургические центры, изделия которых резко отличаются от изделий южных металлургических центров. Фатьяновские топоры своеобразны и отличаются как от северокавказских, так и от волго-камских. Одинаковость форм фатьяновских топоров как на Верхней, так и на Средней Волге свидетельствует не только об общности верхневолжских и средневолжских памятников, но и о единообразии металлургического производства.

Одним из самых существенных и неоспоримых доказательств собственного фатьяновского металлургического производства является сходство и тождество орнамента на фатьяновских металлических вещах и керамике. Штриховой орнамент в виде косых нарезок на колечке из погребения 5 и ромбический узор на колечке из погребения 4 Вауловского могильника часто

встречаются на сосудах из фатьяновских могильников. Особенно же показательна в этом отношении орнамента мытищинского браслета. Здесь рисунок так же симметричен, как и рисунок на фатьяновских сосудах. Сходство орнамента на металлических изделиях и сосудах является прямым доказательством местного производства металлических изделий. Мы не можем представить себе, чтобы в это время какие-то племена (унетицкие и др.) делали вещи на экспорт с учетом вкусов фатьяновцев или последние, получая вещи, наносили на них орнамент.

Исследования Е. Н. Черныха в области изучения фатьяновского металла дали блестящее подтверждение существования местной фатьяновской металлургии. Химический состав металлических изделий фатьяновской культуры, определенный Е. Н. Черным¹⁸⁰, показывает, что все фатьяновские металлические изделия изготовлены из чистой меди с рядом микропримесей, перешедших в металл из исходных руд. Весь набор примесей позволяет утверждать общность фатьяновских вещей, включая и вещи из Балановского могильника. Они не отличаются друг от друга и качественно неразличимы.

Анализ показывает, что для тех и других обязательно присутствие серебра, никеля, железа и часто свинца. Марганец и олово встречаются редко. Для нас важно то, что химический состав металла подтверждает общность балановского и фатьяновского металла, наметившуюся и по сходству типов изделий. Однако сравнительный график количественного состава примесей в меди может указывать и на различные источники получения металла.

Например, на первый взгляд необъяснимым является высокий процент мышьяка в колечке из Истринского могильника¹⁸¹. Мы уже выше писали, что состав металла колечка из Истринского могильника близок составу металла из днепродеснинских памятников среднеднепровской культуры, где в металлических изделиях наблюдается такой же процент мышьяка (0,14%)¹⁸². Поскольку памятники московско-

¹⁷⁹ А. А. Спицын. Археологические заметки. Карта распространения медных и бронзовых топоров. ТСА РАНИОН, вып. IV, стр. 483.

¹⁸⁰ Е. Н. Черных. Спектральные исследования медных изделий из могильников балановского и фатьяновского типов, стр. 366; он же. История древнейшей металлургии Восточной Европы, стр. 140—142, табл. XIV; он же. Спектральный анализ металлических изделий из Никольского, Голузинского, Воронковского, Наумовского и Волосово-Даниловского могильников из раскопок Д. А. Крайнова (Рукопись).

¹⁸¹ Там же, стр. 364.

¹⁸² И. И. Артеменко. Неолитические стоянки и курганы эпохи бронзы..., стр. 85 (таблица химического состава металлических предметов).

клязьминской группы и, в частности, Истринский могильник тесно связаны с памятниками днепро-деснинской группы среднеднепровской культуры, то отсюда и можно объяснить происхождение истринского колечка. К сожалению, малочисленность металла в московских памятниках фатьяновской культуры не позволяет сделать более широкие выводы. Вряд ли эту малочисленность можно объяснить удаленностью этих памятников от металлургических центров, так как расположенные поблизости среднеднепровские памятники имеют сравнительно много металлических изделий. Вероятно, почти полное отсутствие металлических вещей в московских и калининских памятниках следует объяснить их более ранним временем. Такое же отсутствие металла наблюдается и в могильниках Эстонии.

Интересна также и разница в количественном составе примесей в ряде вещей фатьяновских могильников. Например, не во всех изделиях одинаковы примеси серебра, фосфора, свинца.

По процентному отношению примесей серебра, выявленному Е. Н. Черныхом, выделяются три группы:

1-я группа — с высоким процентом примеси серебра;

2-я — промежуточная группа — со средним процентом;

3-я группа — с меньшим процентом примесей серебра.

К 1-й группе относятся изделия из Волосово-Даниловского, Никульцинского и Голузинского могильников, где процент серебра выражается в цифре от 0,1 до 0,70.

Ко 2-й промежуточной группе относятся изделия из Вауловского, Воронковского, Губцевского, Фатьяновского, Мытищинского и Горкинского могильников, где процент серебра выражается цифрами от 0,2 до 0,10 %.

К 3-й группе относятся изделия из Солнечногорского, Великосельского, Тимофеевского, Милославского, Скомороховского и Балановского могильников, где процент примеси серебра выражается в цифрах от 0,2 до 0,009.

Намечается, таким образом, уменьшение количественного соотношения примесей серебра в направлении с запада на восток.

Вероятно, эта примесь объясняется разницей в исходных рудах той или иной группы. Возможно, ярославские фатьяновские племена добывали металл в одних местах (Вятско-Ветлужское междуречье), а балановские — в других (на Свияге).

Что касается примесей свинца, то здесь следует отметить наличие их в основном в металлических изделиях Балановского и Скомороховского могильников. Очень редка примесь свинца

в изделиях Никульцинского, Вороновского, Вауловского, Волосово-Даниловского и Великосельского могильников. Возможно, прав Е. Н. Черных, указавший на зависимость примесей свинца и серебра друг от друга, т. е. увеличение примеси свинца совпадает с уменьшением примесей серебра¹⁸³.

Примеси олова в изделиях встречаются редко: в Балановском, Губцевском, Волосово-Даниловском, Никульцинском и Голузинском могильниках. Примеси фосфора также редки и встречаются только в Балановском, Вауловском, Фатьяновском, Никульцинском, Волосово-Даниловском и Воронковском могильниках. Следует указать, что наиболее высокий процент фосфора (0,10—0,20 %) наблюдается в топорах Балановского, Вауловского и Фатьяновского могильников. Возможно, это явление не случайное и указанные топоры изготовлены из одних и тех же исходных руд.

Таким образом, анализ химического состава фатьяновского и балановского металла показывает единообразие его и резкое отличие от металла кавказского, что подтверждает наше мнение, высказанное в 30-х годах¹⁸⁴. Общность металла также приводит к выводу о едином рудном источнике получения его. Хотя вопрос об исходных рудах и не может быть окончательно решен, но все же некоторые предположения можно сделать. По-видимому, прав Е. Н. Черных, предполагая, что возможными исходными рудами фатьяновского металла являются медистые песчаники Среднего Поволжья¹⁸⁵. Сравнение химического состава руд из медистых песчаников Среднего Поволжья и фатьяновских металлических изделий привело Е. Н. Черныха к заключению о сходстве в наборах их примесей и местном характере фатьяновской металлургии¹⁸⁶.

Месторождения медистых песчаников известны сейчас во многих местах Среднего Поволжья, Прикамья, по р. Вятке, в Башкирии и на склонах Среднего и Южного Урала¹⁸⁷. Фатьяновцы могли пользоваться в основном только теми рудами, которые выходят на поверхность или расположены близко от нее. Б. Г. Тихонов, подробно разбирая вопрос о разработках месторождений меди во II—I тысячелетиях до н. э.,

¹⁸³ Там же, стр. 367.

¹⁸⁴ Д. А. Крайнов. Вауловский могильник, стр. 125—128.

¹⁸⁵ Е. Н. Черных. Химический состав и происхождение металла в культурах энеолита и ранней бронзы европейской части СССР. Архив ИА АН СССР.

¹⁸⁶ Е. Н. Черных. История древнейшей металлургии Восточной Европы, стр. 73—77.

¹⁸⁷ О. Н. Вадер. Древнейшие металлургии Приуралья. М., 1964, стр. 161; Б. Г. Тихонов. Металлические изделия эпохи бронзы, стр. 7—22.

доказал, что медистые песчаники могли быть первыми источниками добычи металла¹⁸⁸.

Сейчас невозможно решить вопрос относительно того, кто производил «горные разработки» и добычу руды — балановцы или фатьяновцы. Такие фатьяновские могильники, как Волосово-Даниловский, Вауловский и Фатьяновский, по насыщенности металлическими предметами близки к Балановскому могильнику. Можно согласиться с мнением Е. Н. Черныха, что распространение металла шло с востока на запад, но пока трудно согласиться, что только балановские племена производили добычу руды¹⁸⁹.

В этом отношении интересно отметить связи верхневолжских фатьяновских памятников (по формам топоров, керамики и пр.) с вятскими памятниками, что заставляет предполагать, что разработка медистых песчаников здесь могла производиться фатьяновцами. Кстати, находки в Вятско-Ветлужском междуречье большого количества каменных сверленных топоров-молотков (рабочего, а не боевого типа) со следами работы и обломков топоров, а также находки пестов и терочников могут свидетельствовать о дроблении руды. Поступательное движение фатьяновцев на восток также можно объяснить стремлением к залежам металла. Тождественность браслетов из Бирского могильника с мытищинскими и тождественность широких притковых привесок и очкообразных привесок Бирского могильника с никульцинскими вещами также могут свидетельствовать о далеких экскурсиях фатьяновцев в поисках металла. Не исключено, что фатьяновцы увозили руду со Средней Волги на Верхнюю и там ее перерабатывали. Песты для дробления руды найдены в собственно Фатьяновском могильнике, а литейные формы из Волосово-Даниловского могильника еще более подтверждают наше предположение. Однако может быть также, что фатьяновцы привозили или получали со Средней Волги и готовый металл в кусках. Кусок меди был обнаружен рабочими Карашского торфяника в болоте недалеко от Карашского фатьяновского могильника¹⁹⁰. Небезынтересно отметить совпадение древних фатьяновских памятников Средней Волги (Козловский могильник и находки коротколопастных топоров) и территории расположения медистых песчаников в междуречье Волги и Свияги. Первоначальное движение

восточных фатьяновских племен в этот район могло также быть продиктовано стремлением к рудным месторождениям. Не исключено и то положение, что первоначальное знакомство с металлом фатьяновцы получили на Западе, через среднеднепровскую культуру, где встречаются вещи, близкие по химическому составу с изделиями Прикарпатья¹⁹¹. Возможно, отсюда же были заимствованы фатьяновцами и первоначальные формы некоторых украшений. Однако этот вопрос пока решить трудно.

После исследований Е. Н. Черныха в области металла культур энеолита и бронзы европейской части СССР можно с уверенностью утверждать полное отсутствие связей фатьяновского металла с кавказским¹⁹². Кавказ, следовательно, не мог быть источником металла для фатьяновцев. Что касается изделий из металла ямной и катакомбной культур, то и здесь нет контактов с фатьяновским металлом. Уже одно это исключает вопрос происхождения фатьяновцев с южной территории (область Северного Кавказа и Степное Причерноморье).

Таким образом, фатьяновские племена, очевидно, на базе средневолжских медистых песчаников создают свою собственную металлургию, существовавшую продолжительное время. Очевидно, у них выработались не только специфические устойчивые формы орудий и изделий из металла, но и особые методы металлообработки. На территории фатьяновской культуры неоднократно были встречены песты, терочники, ступки и другие инструменты для дробления и растирания измельчения руды, особенно скопление их отмечается как раз в зоне распространения медистых песчаников. Фатьяновцы прекрасно освоили и литье металла, о чем свидетельствуют находки литейных форм в Чурачинском могильнике¹⁹³ и в Волосово-Даниловском¹⁹⁴.

В первом найдены под курганной насыпью два погребения: в одном (№ 1) с костями человека обнаружен медный вислообушный топор фатьяновского типа, а в другом (№ 2) найдены медный вислообушковый топор и две двусторчатые литейные глиняные формы с глиняной пробкой для формирования проуха и здесь же — медное четырехгранное шило. Формы лежали в сосуде. Медный вислообушный топор лежал перед лицом погребенного и был отлит в одной

¹⁸⁸ В. Г. Тихонов. Металлические изделия эпохи бронзы, стр. 12—22.

¹⁸⁹ Е. Н. Черных. Химический состав и происхождение металла в культурах энеолита и ранней бронзы европейской части СССР, стр. 104. Архив ИА АН СССР.

¹⁹⁰ Д. А. Крайнов. Новые памятники фатьяновской культуры. КСИА, вып. 84, 1961, стр. 39.

¹⁹¹ И. И. Артеменко. Неолитические стоянки и курганы эпохи бронзы..., стр. 85.

¹⁹² Е. Н. Черных. История древнейшей металлургии Восточной Европы.

¹⁹³ В. Ф. Казовский. Чурачинский курган в Чувашии. СА, 1963, № 3, стр. 175, 177, рис. 6, 1, 2, 6.

¹⁹⁴ Д. А. Крайнов. Отчет Верхневолжской экспедиции за 1964 г. Архив ИА АН СССР.

из этих форм. Следовательно, здесь захоронен литейщик.

В Волосово-Даниловском могильнике в 1964 г., в погребении 21 также обнаружено захоронение металлурга (рис. 55, 1), сопровождавшееся двумя глиняными двусторонними литейными формами для отливки вислообушных медных топоров, глиняным тиглем и четырьмя сосуда. Судя по разбитым костям и грудке камней среди костей, погребение было разрушено и разграблено еще в фатьяновские времена. Кстати, разрозненность костей наблюдается и в Чурачикском погребении. В. Ф. Каховский объясняет это обрядом расчленения, проникшим к фатьяновцам из срубной культуры¹⁹⁵.

Следует отметить, что могила 21, где был захоронен металлург, занимала место почти в центре Волосово-Даниловского могильника, она отличалась большими размерами. Центральное положение могилы и ее большие размеры указывают на почетное место металлургов в фатьяновском обществе.

Волосово-Даниловские литейные формы сделаны из глины (рис. 55, 2, 3). Одна форма большая, другая меньше. Они лежали рядом друг с другом (рис. 55, 1). Длина одной около 18 см, а другой — около 16 см. Они служили для отливки вислообушных топоров разных размеров. Летник формы не сделан отдельно, и металл, видимо, лили в щель (отверстие сверху), приподнимая лезвийную часть выше для ровности. Во втулку, видимо в отличие от чурачикской формы, вставляли не глиняную, а деревянную пашку, следы упора которой хорошо прослеживаются. Очевидно, при застывании получавшееся ребро топора скалывалось, и после этого готовый топор подвергался проковке. О последней можно судить по фатьяновским вислообушным топорам, на которых видны яркие следы проковки.

¹⁹⁵ В. Ф. Каховский. Чурачикский курган в Чувашии, стр. 175.

Перед литьем формы, видимо, обвязывали или проволокой, или еще чем — продольно и потом поперек. На одной форме есть рубцы, возможно от обвязывания, но не исключено, что формы при литье помещались в песок.

Вместе с литейными формами была найдена небольшая глиняная плошка, или чашка. Этот сосуд является уникальным. Диаметр его горла 15 см, высота сосуда 5,5 см. С одного бока имеется небольшой носик для слива (рис. 55, 4). На дне его обычная ямка. Его внутренняя и внешняя поверхность покрыта вторично тонким слоем глины (ангобом). Края сосуда оплавлены или оплакованы под действием очень сильного жара. Эта оплавка видна и дальше. Возможно, потом при совершении погребения сосуд был подновлен и обмазан тонким слоем глины.

Литейные формы и сосуд были подвергнуты анализу. Е. П. Черных полагает, что литейные формы Волосово-Даниловского могильника являются votivnymi и в них не производилась отливка топоров. Нам представляется, что окончательно этот вопрос можно решить только при более детальном исследовании литейных форм. Что касается сосуда-плошки, то в ней обнаружен металл — медь и различные примеси. Возможно, плошка служила тиглем.

Рассмотренное нами хозяйство и производственная деятельность фатьяновских племен дают представление о довольно развитой экономике фатьяновского общества, основой которого является производящее хозяйство, но и присваивающие виды хозяйства (охота, рыболовство, собирательство) имеют еще довольно большое подспорное значение. В производственной деятельности фатьяновцев работы распределялись не только по полу и возрасту, но намечается выделение особых специалистов — металлургов, гончаров, мастеров в изготовлении каменных и кремневых орудий и специалистов других отраслей фатьяновского хозяйства.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ И ИДЕОЛОГИЯ

Для понимания идеологии и общественного строя фатьяновских племен основным историческим источником является обряд погребения.

Если у местных неолитических обитателей (охотников и рыболовов) погребения людей совершались прямо на поселении около жилищ, то у фатьяновских скотоводческих племен «жилища мертвых» отделяются от жилищ живых. У них появляются кладбища на высоких холмах, возвышающихся над окружающей местностью, что свидетельствует о крупных изменениях в идеологии, возможно, отделении земной жизни от загробной, связанной, очевидно, с небом, обусловленных в свою очередь изменениями хозяйственно-экономического уклада общества.

Характер могильных ям и их ориентировка. Своих умерших фатьяновцы погребали в грунтовых могильных ямах, на холмах или на высоких береговых скатах рек. Однообразное устройство могил было общим для всех фатьяновских племен. Все они в продольном разрезе имеют форму челна, т. е. одну сторону отвесную, а другую отлогую (рис. 56, 1, 2), что, видимо, связано со спуском покойника в могилу. В некоторых могилах наблюдались ступеньки, сделанные в пологой части¹. Всюду форма могильных ям вверху в плане имеет вид овала с «рваными» краями, что объясняется несовершенством копательных инструментов и спецификой геологического строения холмов. Ниже стенки становятся отвесными, и форма ямы приобретает прямоугольный вид (часто с закругленными углами) (рис. 56, 3). Эта закономерность является общей для могильников всех групп. Размеры могильных ям различны (табл. 3). Как правило, вверху размеры ям больше, а внизу меньше. Глубокие могилы уменьшаются книзу чуть ли не в два раза. Вероятно, и этот фактор свидетель-

ствует о несовершенстве орудий для копки земли. Самые большие могилы достигали размеров 560×300 см, а самые маленькие — 150×90 см. Глубина могил колеблется от 10 до 270 см, но в большинстве она достаточно глубокая — от 100 до 150 см. Иногда разницу в размерах и глубине могил можно объяснить временем года, в которое копалась могила, степенью твердости или мягкости грунта, смывами почвы с вершины холма, где были могилы и пр. Однако только этим вряд ли можно объяснить такие факты, как разницу в размерах и глубине могил в одном и том же могильнике при одинаковой почве и общую закономерность в размерах и глубине могил у мужчин, женщин и детей.

Могилы вождей имеют наибольшие размеры и глубину, как, например, погребение 7 Вауловского могильника, погребение 3 Воронковского могильника, погребение 1 Тимофеевского могильника, погребение 6 Ханевского могильника и т. д. Могилы воинов, наиболее богатые вещами, имеют и большие размеры, и большую глубину, а могилы, бедные вещами, всегда меньше и мельче (погребение 4 Тимофеевского могильника и др.).

Женские могилы меньше размерами и мельче, чем мужские, и в них существуют традиции, зависящие от общественного положения погребенной. Детские могилы всегда меньше по размерам и мельче. Видимо, размеры, глубина могил и место их на могильниках зависели от общественного и возрастного положения погребенных, т. е., чем почетнее член рода и чем старше, тем больше размеры и глубина могил.

Нередки случаи обмазки дна и стенок могил глиной толщиной от 3 до 20 см. Такая обмазка прослежена в Кузьминском, Вауловском, Голузиновском, Волосово-Даниловском, Карашском, Скомороховском, Чуркинском и в других могильниках². Иногда глина обжигалась. По ко-

¹ Д. А. Крайнов. Памятники фатьяновской культуры. Ярославско-Калининская группа. САИ, В1-20, 1964, стр. 12—13.

² Там же, стр. 15; он же. Вауловский могильник. М., 1941, стр. 111, 115; О. Н. Бадер. Кузьминский могиль-

личеству вещей и по другим признакам — это наиболее богатые погребения. Обмазка могил и погребальных сооружений глиной отображает, по-видимому, навыки в строительстве жилищ на фатьяновских поселениях. В собственно Фатьяновском и в Волосово-Даниловском могильниках были найдены целые толстые куски обожженной глины.

Ориентировка могильных ям у всех фатьяновских племен имеет общие черты (рис. 57). Этими общими чертами являются наличие во всех группах всех видов ориентировки могильных ям³. Всюду одним из главных направлений в основном было направление с юго-запада на северо-восток. Однако в каждой группе памятников есть и свои особенности локального или хронологического порядка.

Рассмотрим направления могильных ям в основных группах, по которым имеются сведения.

1. В московско-клязьминских памятниках ориентировка могильных ям различна: запад-восток; юго-запад — северо-восток; северо-запад — юго-восток; юг — север, но преобладает направление с запада на восток и несколько в меньшем количестве встречается с юго-запада на северо-восток. Остальные направления крайне незначительны.

2. В окско-деснинских памятниках существует только одно направление: с запада на восток. Возможно, это явление объясняется малой исследованностью памятников, но все же этот факт в какой-то степени отображает действительность, тем более что и в других соседних днепро-деснинских и московско-клязьминских памятниках наблюдается близкая картина.

3. У фатьяновских племен верхневолжской группы выработалась довольно четкая ориентировка могильных ям. Из 142 определенных исследованных могил 96 ориентированы с юго-запада на северо-восток, 21 — с северо-запада на юго-восток, 17 — с запада на восток и 8 — с юга на север.

Основной ориентировкой могил верхневолжской группы является направление с юго-запада на северо-восток. Следует отметить, что направления с северо-запада на юго-восток и с юга на север наблюдаются в основном в могильниках Ивановской обл., связанных с клязьминской речной системой.

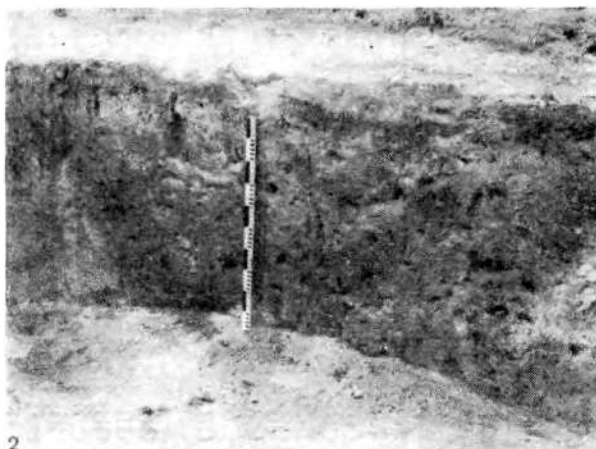
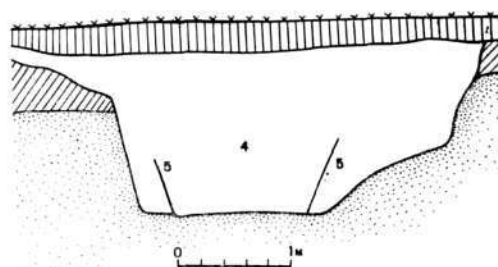

Рис. 56. Профили могильных ям фатьяновской культуры

1—2 — профиль погребения 3 Тимофеевского могильника; 3 — могильное patio 3 Воронковского могильника

ник фатьяновского типа под Москвой. «Археол. сборник ГЭ», вып. 5. Л., 1962, стр. 9, 11; О. С. Гадзьяцкая. Фатьяновский могильник балановского типа в Ивановской области. СА, 1963, № 1, стр. 285; А. А. Спицын. Медный век в Верхнем Поволжье. ЗОРСА РАО, т. V, вып. 1. СПб., 1903, стр. 99.

³ К сожалению, не для всех могильников даются точные сведения об ориентировках.

Почти все ямы с захоронениями мужчин ориентированы, за редкими исключениями, с юго-запада на северо-восток. Ямы же с женскими и детскими погребениями не всегда имеют такую ориентировку, и она более разнообразна. Могилы с западно-восточной ориентировкой

Таблица 3

Размеры погребальных ям и сооружений, ориентировка состава погребенных и количество вещей в погребенных фатьяновской культуры

Наименование могильников	№ инв. находки	Размеры ям		Размеры погребальных сооружений		Ориентировка ям	Половой и возрастной состав погребенных				Общее количество вещей	Количество сосудов	Средние топоры	Клиновидные топоры	Металлические изделия	
		Длина, ширина	Высота ям	Длина, ширина	Высота ям		мужчины	женщины	малыш	детская						
Верхневолжская группа																
Голузинский	1	разрушено	—	—	—	ЮЮЗ — ССВ	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—
	2	260×170	55	было	—	ЮВ — СЗ	м	—	—	—	6	2	1	—	—	—
	3	250×150	170	было	30	ЗЮЗ — ВСВ	м	—	—	—	3	1	1	—	—	—
	4	300×190	135	260×150	75	ЮЗ — СВ	м	—	—	—	5	1	1	1	—	—
	5	210×130	120	95×70	—	ЮЗ — СВ	—	—	р	—	2	1	2	—	—	—
Наумовский	1	разрушено	—	было	—	ЮЗ — СВ	м	—	—	—	2	1	1	—	—	1
	2	230×170	80	182×95	50	ЮЗ — СВ	м	—	—	—	7	1	1	—	—	—
Никольский	1	разрушено	60	—	—	ЮЗ — СВ	—	—	—	—	2	2	—	—	—	—
	2	разрушено	80	—	—	ЮЗ — СВ	—	—	—	—	2	2	—	—	—	—
	3а	250×150	50	140×100	20	ЮЗ — СВ	—	—	—	—	3	1	1	—	—	1
	3б	разрушено	65	90×90	20	ЮЗ — СВ	—	ж	—	—	3	3	—	—	—	—
	4	160×80	65	было	—	ЮЗ — СВ	—	—	р	—	4	3	—	—	—	—
	5	200×80	80	—	—	ЮЗ — СВ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	6	230×160	80	230×100	30	ЮЗ — СВ	—	ж	—	—	15	3	—	1	4	—
	7	250×120	90	175×95	40	ЮЗ — СВ	м	—	—	—	6	2	1	—	—	—
	8	300×200	100	200×70	20	ЮЗ — СВ	—	ж	—	—	8	3	1	1	—	2
	9	370×215	160	160×100	63	ЮЗ — СВ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	10	180×120	150	125×70	40	ЮЗ — СВ	—	—	—	—	14	2	1	—	—	3
	11	475×345	123	220×90	42	ЮЗ — СВ	—	—	—	—	8	1	—	—	—	2
	12а	450×355	170	210×110	42	ЮЗ — СВ	—	—	—	—	9	1	1	—	—	—
	12б	450×355	170	210×110	42	ЮЗ — СВ	—	—	—	—	9	1	1	—	—	—
	13	160×120	60	—	—	ЮЗ — СВ	—	—	—	—	1	1	—	—	—	—
	14	290×180	130	130×120	23	ЮЗ — СВ	—	ж	—	—	9	3	1	1	—	2
	15	290×220	172	190×120	37	ЮЗ — СВ	—	—	—	—	13	3	1	—	—	—
	16	разрушено	130	—	—	ЮЗ — СВ	—	—	—	—	1	1	1	—	—	—
17	—	135	210×110	20	ЮЗ — СВ	—	ж	—	—	4	1	—	—	—	—	
18	разрушено	150	—	—	ЮЗ — СВ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
Воронковский	1	разрушено	60	—	—	ЮЗ — СВ	—	—	—	—	3	2	1	—	—	—
	2	180×150	50	—	—	ЮЗ — СВ	—	—	—	—	2	2	1	—	—	—
	3	325×265	215	370×180	90	ЮЗ — СВ	—	—	—	—	8	3	1	1	—	—
	4	336×144	90	210×100	20	ЮЗ — СВ	—	—	—	—	5	1	1	—	—	—
	5а	—	55	—	—	ЮЗ — СВ	—	—	—	—	2	1	1	—	—	—
	5б	299×212	135	220×120	35	ЮЗ — СВ	—	—	—	—	5	1	1	1	—	—
	6	500×400	145	260×140	42	ЮЗ — СВ	—	—	—	—	15	2	1	1	—	2
	7	330×235	150	300×160	63	ЮЗ — СВ	—	—	—	—	13	1	1	1	—	—
	8	290×190	105	215×108	35	З — В	—	—	—	—	17	3	1	1	—	—
	9	310×230	80	135×70	40	ЮЗ — СВ	—	—	—	—	1	1	—	—	—	—
	10	265×260	70	—	—	ЮЗ — СВ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	11а	160×130	100	—	—	З — В	—	—	—	—	3	2	—	—	—	—
	11б	—	157	210×65	50	ЮЗ — СВ	—	—	—	—	4	2	—	1	—	6
	12	200×140	127	150×40	47	ЮЗ — СВ	—	—	—	—	8	1	1	1	—	—
13	240×140	134	185×95	24	З — В	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	
14	—	135	—	—	ЮЗ — СВ	—	—	—	—	3	1	—	1	—	—	

культура яма с углем и золой

Т а б л и ц а 3 (продолжение)

Наименование могильников	Формы и размеры	Размеры ям		Размеры погребель- ных сооружений		Ориентировка ям	Половой и возрастной состав погребенных				Общее коли- чество вещей	Количество сосудов	Серебряные топоиры	Клиновид- ные топоиры	Металличе- ские наконеч- ники
		Длина, ширина	Высо- та ям	Длина, ширина	Высо- та ям		муж- чины	жен- щины	малы- ш	девич- ка					
Вауловский	1	разрушено	120	—	—	ЮЗ — СВ	—	—	—	—	2	2	—	—	—
	2	разрушено	110	—	—	3 — В	ж?	—	—	Д	2	1	—	—	—
	3	—	120	170×130	50	ЮЗ — СВ	ж	—	—	—	12	3	—	—	—
	4	—	110	180×100	50	ЮЗ — СВ	ж	—	—	—	40	6	—	—	—
	5а	340×300	170	190×125	40	ЮЗ — СВ	ж	—	—	—	15	2	—	—	—
	5б	—	170	—	40	ЮЗ — СВ	ж	—	—	—	4	2	—	—	—
	6	260×180	185	179×95	40	ЮЗ — СВ	ж?	—	—	—	10	4	—	—	—
	7	350×250	225	280×224	108	ЮЗ — СВ	ж	—	—	—	7	2	—	—	—
	8	210×170	90	187×135	30	ЮЗ — СВ	ж	—	—	—	2	1	—	—	—
	9а	320×250	165	180×118	40	ЮЗ — СВ	ж	—	—	—	9	2	—	—	—
	9б	320×250	165	180×118	40	ЮЗ — СВ	ж	—	—	—	6	1	—	—	—
	10	245×150	125	90×90	50	ЮЗ — СВ	ж	—	—	—	4	1	—	—	—
Великосельский	11	300×260	148	200×129	30	ЮЗ — СВ	ж	—	—	—	—	—	—	—	—
	12	160×80	70	145×55	25	ЮЗ — СВ	ж	—	—	—	3	3	—	—	—
	13	—	200	—	—	3 — В	ж	—	—	Д	—	—	—	—	—
	1	разрушено	142	—	—	—	ж	—	—	—	3	—	—	—	—
	2	разрушено	112	—	—	—	ж	—	—	—	2	—	—	—	—
	3	—	112	—	—	—	ж	—	—	—	1	—	—	—	—
	4	—	178	—	—	3 — В	ж	—	—	—	5	—	—	—	—
	5	—	—	—	—	ЮВ — СЗ	ж	—	—	—	1	—	—	—	—
	1	360×280	125	—	—	Ю — С	ж	—	—	—	5	3	—	—	—
	1	разрушено	122	—	—	—	ж	—	—	—	4	1	—	—	—
	2	разрушено	122	220×220	10	ЮЗ — СВ	ж	—	—	—	3	2	—	—	—
Карашский	1	165×125	130	—	—	ЮЗ — СВ	ж	—	—	—	7	5	—	—	—
	2	200×165	140	190×150	20	ЮЗ — СВ	ж?	—	—	—	7	5	—	—	—
	3	240×180	140	—	—	ЮЗ — СВ	ж	—	—	—	7	5	—	—	—
	4	210×160	120	—	—	ЮЗ — СВ	ж	—	—	—	1	1	—	—	—
	5	290×260	140	—	—	ЮЗ — СВ	ж	—	—	—	9	5	—	—	—
	6	160×120	130	—	—	ЮЗ — СВ	ж	—	—	—	5	3	—	—	—
	7	230×150	120	190×95	—	ЮЗ — СВ	ж	—	—	—	10	8	—	—	—
	8	разрушено	70	разрушено	—	ЮЗ — СВ	ж	—	—	—	4	2	—	—	—
	9	разрушено	150	разрушено	—	ЮЗ — СВ	ж	—	—	—	6	3	—	—	—
	10	270×180	120	160×120	—	ЮЗ — СВ	ж	—	—	—	—	—	—	—	—
	11	240×160	100	—	—	ЮЗ — СВ	ж?	—	—	—	4	2	—	—	—
	12	300×230	180	—	—	ЮЗ — СВ	ж	—	—	—	5	4	—	—	—
	13	380×170	240	205×140	—	ЮЗ — СВ	ж	—	—	—	4	2	—	—	—
Халдеевский	14	260×150	135	160×110	—	ЮЗ — СВ	ж	—	—	—	5	4	—	—	—
	15	310×230	210	200×125	—	ЮЗ — СВ	ж	—	—	—	6	2	—	—	—
	16	195×170	100	115×97	—	ЮЗ — СВ	ж	—	—	—	4	1	—	—	—
	17	380×250	220	290×180	—	ЮЗ — СВ	ж	—	—	—	3	4	—	—	—
	18	—	120	—	—	ЮЗ — СВ	ж	—	—	—	4	4	—	—	—
	19	330×260	85	210×175	15	ЮЗ — СВ	ж	—	—	—	1	1	—	—	—
	20	195×115	50	—	—	ЮВ — СЗ	ж	—	—	—	7	5	—	—	—
Вологово-Даниловский	1	разрушено	125	—	—	Ю — С	ж	—	—	—	5	3	—	—	—
	1	разрушено	122	220×220	10	ЮЗ — СВ	ж	—	—	—	4	2	—	—	—
	2	разрушено	122	220×220	10	ЮЗ — СВ	ж	—	—	—	3	2	—	—	—
	1	165×125	130	—	—	ЮЗ — СВ	ж	—	—	—	7	5	—	—	—
	2	200×165	140	190×150	20	ЮЗ — СВ	ж?	—	—	—	7	5	—	—	—
	3	240×180	140	—	—	ЮЗ — СВ	ж	—	—	—	7	5	—	—	—
	4	210×160	120	—	—	ЮЗ — СВ	ж	—	—	—	1	1	—	—	—
	5	290×260	140	—	—	ЮЗ — СВ	ж	—	—	—	9	5	—	—	—
	6	160×120	130	—	—	ЮЗ — СВ	ж	—	—	—	5	3	—	—	—
	7	230×150	120	190×95	—	ЮЗ — СВ	ж	—	—	—	10	8	—	—	—
	8	разрушено	70	разрушено	—	ЮЗ — СВ	ж	—	—	—	4	2	—	—	—
	9	разрушено	150	разрушено	—	ЮЗ — СВ	ж	—	—	—	6	3	—	—	—
	10	270×180	120	160×120	—	ЮЗ — СВ	ж	—	—	—	—	—	—	—	—
	11	240×160	100	—	—	ЮЗ — СВ	ж?	—	—	—	4	2	—	—	—

Т а б л и ц а 3 (продолжение)

Наименование металлыков	Объем обработки в %	Размеры ям		Размеры погреба- ных сооружений		Ориентировка ям	Половой и возрастной состав погребенных				Общее коли- чество вещей	Количество сосудов	Серебряные топоры	Клиновы топоры	Металличе- ские наконеч- ники
		Длина, ширина	Высо- та ям	Длина, ширина	Высо- та ям		муж- чины	жен- щины	маль- чик	дево- чка					
Волосово-Давыдовский	21	280×230	80	220×150	40	ЮЗ—СВ	м	—	—	—	10	6	захоронение метал- лурга	—	—
	22	240×140	170	220×110	125	Ю—С	м	—	—	—	5	3	—	—	—
	23	180×120	110	150×100	15	ЮВ—СЗ	—	—	—	д	2	2	—	—	—
	24	245×220	175	210×120	37	ЮЗ—СВ	м	—	—	—	6	3	—	—	—
	24а	—	150	разрушено		З—В	—	ж	—	—	4	1	—	—	—
	25	195×120	50	—	—	ЮЗ—СВ	—	—	—	д	5	2	—	—	—
	26	240×185	155	215×120	50	ЮЗ—СВ	—	ж	—	—	4	3	—	—	1
	27	200×120	70	—	—	Ю—С	—	—	м	—	5	3	1	—	—
	28	290×200	120	160×120	40	Ю—С	—	—	—	д	5	2	—	—	—
	29	270×220	160	260×115	—	ЮЗ—СВ	—	ж	—	—	9	3	—	—	1
	30а	295×185	120	парное		ЮЗ—СВ	м	—	—	—	8	4	—	—	1
	30б	295×185	65	—	—	ЮЗ—СВ	—	—	—	—	3	2	—	—	1
	31	270×205	140	190×130	40	З—В	—	ж	—	—	8	3	—	—	—
	32	210×180	140	—	—	ЮЗ—СВ	—	—	—	—	разрушено		—	1	—
	33	180×110	150	—	—	ЮЗ—СВ	—	—	—	—	разрушено		—	—	—
	34	разрушено		—	—	ЮЗ—СВ	—	—	—	—	4	2	—	—	—
	35	200×130	120	—	—	ЮЗ—СВ	—	—	м	—	8	3	—	—	—
	36	230×170	115	—	—	ЮЗ—СВ	—	ж	—	—	9	3	—	—	1
	37	разрушено		—	—	ЮЗ—СВ	—	—	м	—	3	2	—	—	—
	37а	разрушено		—	—	Ю—С	—	—	—	д	2	2	—	—	—
	38	160×100	100	90×40	15	ЮВ—СЗ	—	—	—	—	15	4	—	—	—
	39	270×200	140	170×110	40	ЮВ—СЗ	—	—	—	д	14	5	—	—	1
	40	305×215	198	190×120	45	ЮЗ—СВ	м	ж?	—	—	6	4	1	—	—
	41	270×220	150	200×120	30	ЮЗ—СВ	м	—	—	—	9	4	—	—	—
Полуразрушено	42а	270×200	155	160×110	40	ЮЗ—СВ	м	ж	—	парное	4	1	—	—	—
	43	300×170	120	210×120	30	ЮЗ—СВ	—	ж	—	—	12	4	—	—	1
	44	280×180	120	165×100	40	ЮВ—СЗ	—	ж	—	—	10	1	—	—	3
	45	300×260	140	220×190	40	ЮЗ—СВ	м	—	—	—	2	2	—	—	—
	46	160×60	110	—	—	ЮЗ—СВ	—	—	р	—	3	1	—	—	—
	47	170×100	110	145×80	50	З—В	—	—	р	—	13	3	—	—	1
	48	280×230	180	230×165	60	ЮЗ—СВ	—	—	—	—	5	3	—	—	2
	49	180×150	120	150×120	20	ЮВ—СЗ	—	—	—	—	8	7	—	—	—
	50	200×180	115	160×120	15	ЮЗ—СВ	—	—	—	—	10	3	1	—	2
	51	440×300	140	265×165	70	ЮВ—СЗ	—	—	—	—	5	3	—	—	—
	52	300×230	155	215×120	45	ЮЗ—СВ	м	ж	—	—	14	7	—	—	2
	53	290×185	135	200×135	50	ЮЗ—СВ	—	—	—	—	7	3	—	—	3
	54	160×115	75	95×50	25	ЮВ—СЗ	—	—	—	д	12	3	—	—	—
	55	195×105	95	—	—	ЮЗ—СВ	—	—	р	—	3	—	—	—	—
	56	320×180	120	200×100	45	ЮЗ—СВ	м	—	—	—	7	3	—	—	2
	57	300×180	120	210×100	40	ЮЗ—СВ	м	—	—	—	8	5	—	—	2
	58	300×260	160	192×120	50	ЮЗ—СВ	м	—	—	—	4	2	—	—	1
	59	300×230	110	170×100	60	ЮЗ—СВ	м	—	—	—	5	1	—	—	—
	60	300×240	140	192×100	40	З—В	м	—	—	—	7	3	—	—	2

Таблица 3 (продолжение)

Наименование могильников	№ погребения	Размеры ям		Размеры погребальных сооружений		Ориентировка ям	Половой и возрастной состав погребенных				Общее количество вещей	Количество осколков	Сверхновые топоры	Клиновидные топоры	Металлические изделия
		Длина, ширина	Высота ям	Длина, ширина	Высота ям		мужчины	женщины	малыш	детская					
Полуразрушено	61	340×215	125	185×135	55	ЮВ-СЗ	м?	—	—	—	25	6	1	1	2
	62	210×145	150	160×115	—	ЮВ-СЗ	—	—	—	—	3	1	1	—	1
	63	220×160	160	200×120	35	ЮЗ-СВ	м	—	—	—	16	5	1	—	2
	64	160×100	80	—	—	ЮВ-СЗ	—	—	—	—	15	4	1	—	1
	65	250×120	118	120×80	20	ЮЗ-СВ	—	—	—	—	3	—	1	—	—
	66	350×220	185	175×115	55	ЮЗ-СВ	—	ж	—	—	5	2	—	—	2
	67	150×90	90	90×62	20	ЮЗ-СВ	—	ж	—	д	11	3	—	—	—
	68а	320×220	116	155×120	25	ЮЗ-СВ	—	ж	—	—	15	3	—	—	2
	68б	300×250	150	220×190	50	ЮЗ-СВ	м	—	—	—	3	2	—	—	—
	69	340×250	160	220×120	60	ЮЗ-СВ	м	—	—	—	9	4	—	—	1
Парное	70	320×250	107	190×110	40	ЮЗ-СВ	м	—	—	—	13	5	1	1	1
	71	Разрушено	—	детское	—	ЮВ-СЗ	—	—	—	—	—	1	—	—	—
	72	180×135	100	110×75	30	ЮЗ-СВ	—	—	—	—	9	4	1	1	2
	73	240×180	110	170×115	20	ЮЗ-СВ	—	—	—	—	18	4	2	1	4
	74	300×190	115	200×110	60	ЮВ-СЗ	—	ж	—	д	—	3	—	—	—
	75	160×100	40	—	—	ЮЗ-СВ	—	—	—	—	2	1	—	—	—
	76	250×185	120	160×110	20	ЮЗ-СВ	—	—	—	—	4	3	—	—	—
	77	—	85	70×40	—	ЮЗ-СВ	—	—	—	—	10	3	1	1	—
	78	110×80	110	—	—	—	—	—	—	—	5	3	—	—	—
	79	200×130	60	153×90	25	ЮВ-СЗ	—	ж	—	—	16	1	—	1	—
	80	100×85	50	—	—	ЮЗ-СВ	—	—	—	—	4	1	—	—	—
	81	260×165	165	135×105	50	ЮЗ-СВ	—	ж	—	—	9	3	—	—	3
	82	230×150	120	—	—	ЮЗ-СВ	—	ж	—	—	6	2	—	—	—
	83	240×145	120	—	—	3-В	—	—	—	—	9	5	1	1	—
	84	170×100	130	—	—	Ю-С	—	—	—	—	7	4	1	1	—
Волоосово-Даниловский	84а	255×165	150	187×93	60	Ю-С	м	—	—	—	2	2	—	—	—
	85	290×195	200	190×125	50	ЮЗ-СВ	м	—	—	—	3	3	—	—	1
	86	245×180	140	165×95	35	ЮВ-СЗ	—	—	—	—	7	3	—	—	—
	87	230×135	115	140×60	20	ЮЗ-СВ	м?	—	—	—	5	4	1	1	—
	88	200×110	120	126×90	60	ЮЗ-СВ	—	—	—	—	8	2	1	1	—
	89	175×100	125	—	—	ЮЗ-СВ	—	—	—	—	5	1	1	1	—
	90	225×165	114	126×90	60	ЮЗ-СВ	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	91	170×140	140	—	—	ЮЗ-СВ	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	92	175×140	150	175×90	45	ЮЗ-СВ	—	—	—	—	5	3	—	—	1
	93	315×220	200	186×100	30	ЮВ-СЗ	м	ж	—	—	8	2	3	1	—
	94	260×165	160	—	—	ЮВ-СЗ	—	—	—	—	13	4	—	—	3
	95	Разрушено	135	—	—	ЮВ-СЗ	—	ж	—	—	5	4	—	—	—
	96	265×175	110	175×85	30	ЮЗ-СВ	—	ж?	—	—	3	3	—	—	—
	97	320×245	240	260×170	80	Ю-С	м	—	—	—	11	6	—	1	—
	98	250×180	90	200×100	50	ЮВ-СЗ	—	—	—	—	4	1	—	—	1
	99	285×175	160	195×135	50	ЮЗ-СВ	—	ж?	—	—	9	7	—	—	—
	100	240×150	110	205×80	30	ЮЗ-СВ	—	—	—	—	4	1	1	—	—
	101	210×155	120	185×60	45	ЮЗ-СВ	м	—	—	—	4	1	—	—	—
	102	—	—	—	—	—	—	—	—	—	6	3	—	—	—

Т а б л и ц а 3 (продолжение)

Наименование могильников	Фотопортрет	Размеры ям		Размеры погребальных сооружений		Ориентировка ям	Половой и возрастной состав погребенных				Общее количество вещей	Количество сооружений	Средние топоры	Клиновидные топоры	Металлические наконечники
		Длина, ширина	Высота ям	Длина, ширина	Высота ям		мужчины	женщины	малыш	детская					
Волосово-Даниловский	103	180×150	140	140×85	40	ЮВ — СЗ	м	ж	—	—	4	3	—	—	—
	104	220×155	100	—	—	З — В	—	—	—	—	19	7	1	1	1
	105	120×100	148	—	—	ЮЗ — СВ	—	—	р	—	3	2	—	—	—
	106	280×180	165	200×120	30	ЮЗ — СВ	м	—	—	—	8	3	—	—	2
	107	—	160	210×110	100	ЮЗ — СВ	м	—	—	—	7	3	—	—	—
Горацкий	1	разрушено		185×125	50	ЮЗ — СВ	м	—	—	—	1	—	1	—	—
	2	280×180	205	—	—	ЮЗ — СВ	м	—	—	—	3	3	—	—	—
Тимошевский	1	380×280	135	210×80	50	ЮЗ — СВ	м	—	—	—	13	2	1	—	—
	2	320×300	100	200×100	20	З — В	—	—	—	—	5	2	—	—	—
	3	560×300	160	210×70	35	ЮЗ — СВ	м	ж	—	—	7	1	1	1	—
	4	350×280	70	—	—	ЮЗ — СВ	м	—	—	—	2	—	—	—	—
	5	300×200	97	220×100	30	ЮЗ — СВ	м	—	—	—	12	3	1	1	—
	6	380×240	82	140×80	15	ЮЗ — СВ	м	—	—	—	12	1	1	1	—
	7	260×160	90	154×70	15	ЮЗ — СВ	м	—	—	—	7	2	1	—	—
	8	200×100	135	—	—	ЮЗ — СВ	м	—	—	—	разрушено	—	—	—	—
	9	336×240	70	142×68	20	ЮЗ — СВ	—	—	р	д	8	1	—	—	2
	10	400×300	125	—	—	ЮЗ — СВ	—	—	пустая	—	—	—	—	—	—
Мытищинский	11	435×300	165	—	—	ЮВ — СЗ	—	—	—	—	4	1	—	—	—
	12	300×250	120	150×50	30	ЮВ — СЗ	—	—	м	—	5	1	1	1	—
	13	350×300	105	108×80	45	ЮВ — СЗ	м	—	—	—	5	2	—	—	—
Малославский	14	300×270	135	187×60	40	ЮВ — СЗ	—	ж	—	—	5	2	—	—	—
	15	400×270	185	200×90	25	ЮЗ — СВ	м	—	—	—	4	1	1	—	—
	16	170×120	100	—	—	ЮВ — СЗ	м	—	пустая	—	—	—	—	—	—
Ильинско-Хованский	17	разрушено		—	—	ЮВ — СЗ	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	1а	231×154	227	—	—	ЮЗ — СВ	м?	—	—	—	9	2	—	1	5
	1б	разрушено		178×120	30	ЮЗ — СВ	—	ж?	—	—	8	1	—	—	4
Малославский	3	250×220	170	—	—	З — В	м	—	—	—	9	4	1	—	4
	1	250×110	75	—	—	З — В	—	ж	—	—	5	1	—	—	—
	2	разрушено		детское	—	—	—	—	р	—	—	—	—	—	—
Ильинско-Хованский	3	разрушено		160×100	20	ЮВ — СЗ	м	—	—	д	11	2	—	1	2
	1	разрушено		—	—	ЮВ — СЗ	м	—	—	—	1	—	1	—	—
	2	150×80	60	—	—	ЮВ — СЗ	—	—	—	—	3	2	—	—	—
Кривцовский	3	210×140	155	—	—	ЮЗ — СВ	—	—	р	—	7	2	1	1	—
	4	250×145	150	230×110	20	ЮЗ — СВ	м	—	—	—	4	2	1	1	—
	5	пустая		—	—	ЮЗ — СВ	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Кривцовский	6	пустая		—	—	ЮЗ — СВ	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	7	пустая		—	—	ЮЗ — СВ	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	1	разрушено		90×57	95	ЮЗ — СВ	м	—	—	—	3	1	1	—	—
Кривцовский	2	160×180	150	160×90	40	ЮВ — СЗ	—	р	—	—	5	3	—	1	—
	3	200×150	150	200×100	60	ЮВ — СЗ	—	ж	—	—	13	3	—	1	—
	4	260×170	140	150×75	—	ЮЗ — СВ	м	—	—	—	6	1	1	1	1
Кривцовский	5	200×120	—	—	—	ЮЗ — СВ	—	—	р	—	2	2	—	—	—

Т а б л и ц а 3 (продолжение)

Наименование могильников	№ погребения	Размеры ям		Размеры погребальных сооружений		Ориентировка	Половой и возрастной состав погребенных				Общее количество вещей	Количество осколков	Среднее количество	Клиновидные топоры	Металлические наконечники
		Длина, ширина	Высота ям	Длина, ширина	Высота ям		мужчины	женщины	малыш	попечитель					
Дьяковский	1	150×95	80	—	—	ЮЗ—СВ	м	—	—	—	2	1	1	—	—
	1	разрушено	—	—	—	ЮВ—СЗ	—	ж?	—	—	32	3	—	—	—
	2	335×190	120	—	—	3—В	—	—	—	—	1	—	1	—	—
	2	разрушено	150	—	—	ЮЗ—СВ	—	—	—	—	4	2	—	—	—
Заборьевский	1	280×185	125	—	—	ЮЗ—СВ	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	2	240	140	—	—	ЮЗ—СВ	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Змеевский	1	150×125	90	—	—	ЮЗ—СВ	м	—	—	—	—	—	—	—	—
	2	разрушено	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Ковровский	1	разрушено	—	—	—	ЮЗ—СВ	м	—	—	—	1	—	1	—	—
	2	разрушено	—	—	—	ЮЗ—СВ	м	—	—	—	3	1	1	—	—
	3	145×90	165	—	—	ЮЗ—СВ	м	—	—	—	6	1	1	—	—
	4	172×	110	—	—	ЮЗ—СВ	м	—	—	—	5	3	1	—	—
Горинский	1	150×126	110	—	—	ЮЗ—СВ	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	2	135×125	55	—	—	ЮЗ—СВ	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	3	—	—	—	—	ЮЗ—СВ	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	4	—	—	—	—	ЮЗ—СВ	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	5	—	—	—	—	ЮЗ—СВ	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	6	190×127	107	—	—	ЮЗ—СВ	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	7	175×140	100	—	—	ЮЗ—СВ	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	8	120×100	122	—	—	ЮЗ—СВ	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	9	130×130	160	—	—	ЮЗ—СВ	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	10	210×130	110	—	—	ЮЗ—СВ	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	11	125×140	80	—	—	ЮЗ—СВ	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	12	370×370	210	—	—	ЮЗ—СВ	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	13	280×175	140	—	—	ЮЗ—СВ	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	14	250×180	80	—	—	ЮЗ—СВ	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	15	240×125	60	—	—	ЮЗ—СВ	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Скомороховский	1	разрушено	150	—	—	ЮЗ—СВ	м	—	—	—	4	2	1	—	—
	2	200×190	85	—	—	ЮЗ—СВ	м?	—	—	—	4	2	—	—	—
	3	230×120	90	—	—	ЮЗ—СВ	—	—	—	—	2	—	—	—	—
	4	200×200	—	170×125	20	ЮЗ—СВ	—	ж	—	—	6	2	—	—	—
	5	разрушено	—	—	—	—	—	ж?	—	—	7	1	1	—	—
Чуркинский	1	178×125	213	—	—	3—В	—	—	—	—	4	1	1	—	—
	2	287×95	211	—	—	ЮЗ—СВ	—	—	—	—	8	3	—	—	—
	3	160×82	166	—	—	ЮЗ—СВ	—	—	—	—	14	3	—	—	—
	4	275×175	85	—	—	ЮЗ—СВ	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Большевский II	а	275×175	85	—	—	ЮЗ—СВ	—	ж	—	—	6	—	—	—	—
	б	275×175	85	—	—	ЮЗ—СВ	—	ж	—	—	3	1	—	—	—
	в	275×175	85	—	—	ЮЗ—СВ	—	ж	—	—	2	—	—	—	—
	г	275×175	85	—	—	ЮЗ—СВ	—	ж	—	—	5	—	—	—	—
	д	245×144	100	—	—	ЮЗ—СВ	—	ж	—	—	7	—	—	—	—
	е	242×155	140	—	—	ЮЗ—СВ	—	ж	—	—	10	2	1	—	—
	ж	252×160	80	—	—	ЮЗ—СВ	—	ж	—	—	—	—	—	—	—
	з	—	—	—	—	ЮЗ—СВ	—	ж	—	—	—	—	—	—	—

Таблица 3 (продолжение)

Наименование могильников	№ погребения	Размеры ям		Размеры погребальных сооружений		Ориентированная ям	Половой и возрастной состав погребенных				Общее количество вещей	Количество осколков	Сверловые топоры	Клиновидные топоры	Металлические наконечники
		Длина, ширина	Высота ям	Длина, ширина	Высота ям		мужчины	женщины	малыш	дошкольник					
Большевский II	а	232×160	80	—	—	—	м	—	—	—	3	—	1	—	—
	б	232×160	80	—	—	—	—	ж	—	—	2	—	—	—	—
	в	232×160	80	—	—	—	—	ж	—	—	2	—	—	—	—
	г	232×160	80	—	—	—	—	—	м	—	1	—	—	—	—
Овинищенский	1	разрушено	—	210×100	—	ЮЗ — СВ	м	—	—	—	1	—	1	—	—
	2	270×180	150	—	—	ЮЗ — СВ	м	—	—	—	4	1	1	—	—
Олочинский	1	—	40	—	—	З — В	—	—	р	—	1	1	—	—	—
	2	150×90	55	145×90	30	ЮЗ — СВ	—	—	р	—	3	2	—	—	—
	3	200×100	30	200×100	20	ЮЗ — СВ	—	—	р	—	7	2	—	—	—
	4	170×124	60	130×80	30	ЮЗ — СВ	м	—	—	—	4	1	1	—	—
	5	210×170	80	170×62	20	ЮЗ — СВ	м	—	—	—	10	1	1	—	—
	6	200×105	65	—	—	ЮЗ — СВ	м	—	—	—	1	—	—	—	—
Тасканийский	1	—	60	разрушено	—	ЮЗ — СВ	м	—	—	—	1	—	1	—	—
	2	300×200	100	225×125	20	ЮЗ — СВ	м	—	—	—	1	2	1	—	—
Московско-Клязьминская группа															
Ошурковский	1	190×125	150	—	—	З — В	м	—	—	—	9	5	1	1	—
	2	—	—	280×275	—	ЮВ — СЗ	—	ж	—	—	12	5	—	—	—
	3	разрушено	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Тургеновский	1	разрушено	130	—	—	ЮЗ — СВ	м	—	—	—	19	2	1	1	—
	2	200×105	115	—	—	ЮЗ — СВ	м	—	—	—	5	1	1	1	—
	3	230×165	90	—	—	ЮЗ — СВ	м	—	—	—	6	1	1	—	—
	4	350×145	100	—	—	З — В	—	—	—	—	7	—	—	—	—
	5	310×120	100	—	—	ЮЗ — СВ	—	—	—	—	3	2	—	—	—
	6	270×150	100	—	—	ЮЗ — СВ	—	—	—	—	14	3	—	—	—
	7	330×200	110	—	—	ЮЗ — СВ	м	—	—	—	10	5	1	1	—
	8	200×160	75	—	—	ЮЗ — СВ	—	—	—	—	3	2	—	—	—
	9	180×110	75	—	—	ЮЗ — СВ	—	—	—	—	1	—	—	—	—
Лихачевский	1	—	178	—	—	З — В	м?	—	—	—	8	1	—	1	—
	2	—	107	—	—	З — В	—	—	р	—	6	1	1	1	—
Буланский	1	270×	185	—	—	ЮЗ — СВ	—	ж	—	—	8	2	—	2	—
	1	210×240	200	—	—	З — В	м	—	—	—	12	1	1	1	—
	2	263×230	175	—	—	З — В	м	—	—	—	6	1	1	1	—
Ивановогорский	3	220×180	170	—	—	Ю — С	—	ж	—	—	10	2	—	—	—
	1	260×220	100	—	—	ЮЗ — СВ	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	а	260×220	100	—	—	ЮЗ — СВ	м	—	—	—	9	3	1	1	—
Истринский	б	260×220	156	—	—	ЮЗ — СВ	м	—	—	—	9	3	1	2	—
	2	300×300	125	—	—	З — В	м	—	—	—	7	3	2	2	—
	3	350×350	120	—	—	З — В	м	—	—	—	18	5	1	1	—
	4	280×250	120	—	—	З — В	м	—	—	—	15	1	1	1	—
	5	разрушено	90	—	—	З — В	—	ж?	—	—	4	2	—	2	—
	6	400×300	210	—	—	З — В	м	—	—	—	14	2	3	3	—

Таблица 3 (окончание)

Наименование могильников	Возраст погребенных	Размеры ям		Размеры погребальных сооружений		Ориентировка ям	Половой и возрастной состав погребенных				Общее коли- чество вещей	Количество сосудов	Среднее топоров	Клиновое топоров	Металличе- ские изделия
		Длина, ширина	Высо- та ям	Длина, ширина	Высо- та ям		муж- чины	жен- щины	маль- чик	девич- ка					
Верейский	1	разрушено	200	—	—	ЮЗ — СВ	М	—	—	—	5	1	1	2	—
	2	разрушено	100	—	—	ЮЗ — СВ	—	ж?	—	—	4	4	—	—	—
	3	—	100	—	—	ЮЗ — СВ	—	ж?	—	—	7	4	—	1	—
Буньковский	1	—	45	—	—	ЮВ — СЗ	—	ж?	—	—	3	2	—	1	—
	2	365×155	60	—	—	ЮВ — СЗ	—	—	—	—	13	1	1	1	—
	а	365×155	60	—	—	ЮВ — СЗ	М	—	—	—	16	2	1	1	—
	б	365×155	60	—	—	ЮВ — СЗ	М	—	—	—	2	—	—	1	—
Сущевский	1	—	120	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	1	—
	2	парное	150	—	—	ЮЗ — СВ	—	—	—	—	10	2	—	1	—
	а	—	150	—	—	ЮЗ — СВ	—	ж	—	—	2	2	—	1	—
	б	—	150	разрушено	—	—	М	—	—	—	1	1	—	—	—
Кузьминский	1	разрушено	разрушено	—	—	—	—	—	—	—	2	1	—	—	—
	2	парное	79	—	—	Ю — С	—	ж	—	—	1	—	—	1	—
	3	парное	72	—	—	ЮЗ — СВ	М	ж	—	—	5	1	—	1	—
	4	179×96	160	—	—	ЮВ — СЗ	—	ж	—	—	12	3	—	2	—
Протасовский	1	разрушено	разрушено	—	—	ЮЗ — СВ	—	—	—	—	14	5	—	1	—
	2	—	108	—	—	ЮЗ — СВ	М	—	—	—	2	1	1	—	—
	3	200×80	96	—	—	ЮВ — СЗ	—	—	—	—	2	2	—	—	—
	4	—	100	—	—	Ю — С	—	—	—	—	6	2	—	—	—
Ханевский	1	—	145	—	—	3 — В	М	—	—	—	2	1	1	—	—
	2	—	101	—	—	3 — В	—	—	—	—	5	3	—	1	—
	3	—	90	—	—	ЮЗ — СВ	—	—	—	—	3	1	—	1	—
	4	220—100	98	—	—	ЮЗ — СВ	М	—	—	—	10	3	1	2	—
Оско-Деснянская группа	1	—	100	—	—	3 — В	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	2	270×140	135	196×86	54	ЮЮЗ — ССВ	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	3	270×120	120	—	—	ЮЮЗ — ССВ	—	—	—	—	8	1	1	1	—
	4	270×200	85	180×100	20	ЮЮЗ — ССВ	М	—	—	—	9	2	1	1	—
Детинский	1	240×130	90	—	—	ЮЗ — СВ	М	ж	—	—	3	1	1	2	—
	2	335×230	130	255×140	50	ЮЗ — СВ	М	—	—	—	5	2	1	1	—
	3	разрушено	разрушено	разрушено	—	—	М	—	—	—	9	2	1	2	—
	4	350×300	80	—	—	—	М	—	—	—	—	—	—	—	—
Михеевский	1	разрушено	разрушено	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	2	185×150	92	—	—	3 — В	М	—	—	—	15	4	2	3	—
	3	разрушено	разрушено	—	—	3 — В	М	—	—	—	4	1	1	—	—
	4	238×84	135	—	—	3 — В	М	—	—	—	3	1	—	1	—

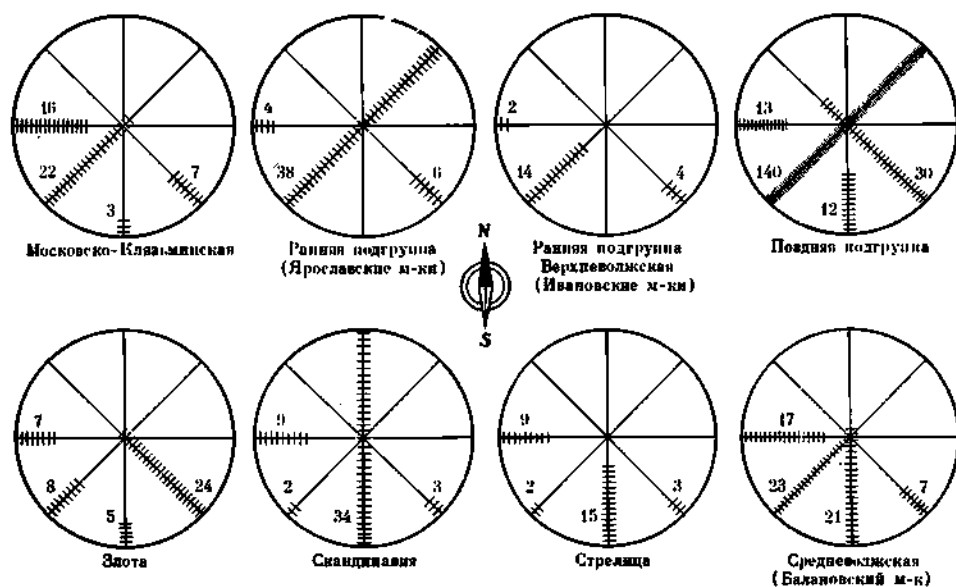

Рис. 57. Сравнительная диаграмма ориентировки могильных ям (фатьяновская культура, среднеднепровская культура и культура ладьевидных топоров в Скандинавии)

почти все относятся или к женским погребениям, или к детским. Кроме того, эта ориентировка характерна больше для памятников Калининской и Ивановской областей. Небольшое количество могил с такой ориентировкой в Ярославской обл. объясняется, видимо, влиянием московско-клязьминской группы.

4. В Балановском могильнике, по определенным могилам, основными ориентировками являются два направления: с юго-запада на северо-восток и с юга на север, но также в значительном количестве встречена и западно-восточная ориентировка. Очень редким является направление с северо-запада на юго-восток.

В ранних средневожских могильниках (Козловский и др.) ориентировка только с запада на восток, т. е. такая же, как и в окско-деснинских памятниках.

5. В нижнеокской группе ориентировка близка окско-деснинским и московско-клязьминским памятникам, и Чуркинскому могильнику.

В остальных группах ориентировки неизвестны.

Таким образом, у всех фатьяновских групп доминирующими общими направлениями будут запад-восток и юго-запад — северо-восток. Этот факт указывает на родственность фатьяновских племен. Очевидно, количественные указатели той или иной ориентировки и увеличение количества других направлений свидетельствуют о локальных особенностях или хронологической разности той или иной группы.

Преобладание в могильниках московско-клязьминской и окско-деснинской группы западно-восточной ориентировки представляет интерес не только со стороны выяснения обряда, существовавшего у этих племен, но и для выяснения вопросов происхождения этих племен и хронологии памятников. По ориентировке могильных ям и по коротко-лопастным топорам прекрасно увязываются окско-деснинская группа и ранние памятники средневожской группы.

Характерно, что на раннем этапе среднеднепровской культуры также господствует западно-восточное направление. Это обстоятельство является существенным доказательством родственной близости этих памятников. В верхневожской группе западно-восточная ориентировка наблюдается или в калининских, или в ивановских могильниках, расположенных в Клязьминской речной системе. Если учесть, что в Балановском могильнике западно-восточная ориентировка также является одной из доминирующих, то наши положения о передвижении московско-клязьминских племен на восток еще более подтверждаются данным фактом.

Нами отмечено, что в Балановском могильнике ориентировка юг — север также занимает одно из первых мест по количеству. Эта ориентировка крайне редко встречается и в московско-клязьминских, и в верхневожских памятниках, а в могильниках среднеднепровской культуры (Ходосовичи, Сосновая Грива, Стре-

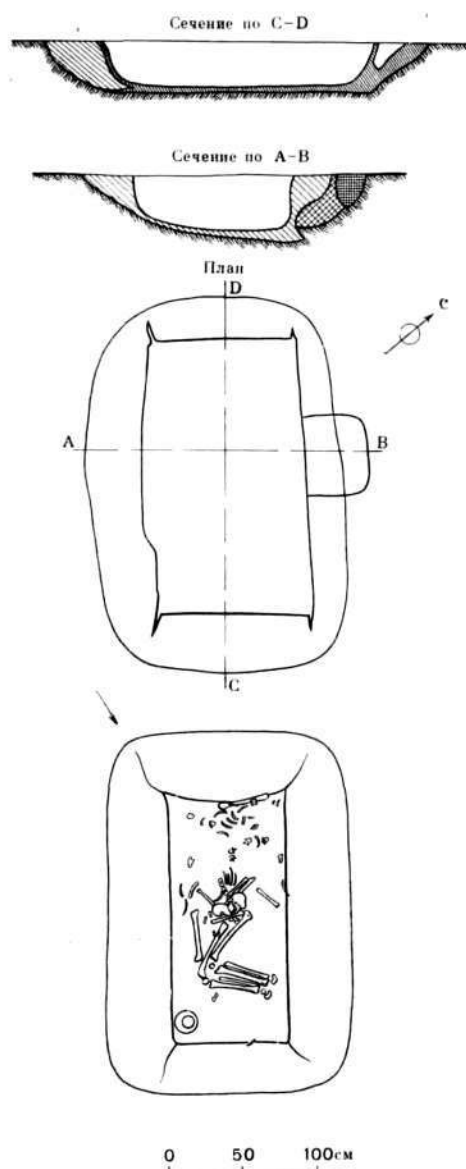

Рис. 58. Погребальные сооружения фатьяновских могильников (погребение 99 Волосово-Даниловского могильника; погребение 94а Волосово-Даниловского могильника)

лица и др.) она также занимает одно из доминирующих мест. Этот факт служит не только доказательством родственности балановцев и среднеднепровцев, но и указывает на общность их происхождения. Здесь следует упомянуть такую же ориентировку (юг — север) и в могильнике Злота, и в могильниках Скандинавии. Сейчас известно, что основную массу погребенных в могильнике в Злоте составляют средне-

Рис. 59. Погребальные сооружения фатьяновских могильников

а — могильное пятно погребения 6 Ханевского могильника; б — профиль могилы 6 Ханевского могильника; в — погребение 6 Ханевского могильника

земноморцы. В Балановском могильнике такая же картина. Что касается Скандинавии, то М. А. Акимов считает балановских среднеземноморцев близкими к погребенным в скандинавских могильниках. Возможно, ориентировка юг — север и относится к захоронениям среднеземноморцев.

На многих могильниках верхневолжской группы (Вауловском, Олочинском, Волосово-

Даниловском и др.) наблюдается вытянутость всех могил с юго-запада на северо-восток. Вероятно, это имеет какой-то особый смысл, возможно, указатель пути движения фатьяновцев⁴.

Погребальные сооружения являются важной деталью обряда погребений фатьяновцев (рис. 58, 59). Они впервые были открыты нами в 1933 г. в Вауловском могильнике⁵. Впоследствии мы проследили их во всех могильниках верхневолжской группы.

В Балановском могильнике прослежены такие же погребальные сооружения⁶. Появление их в Балановском могильнике связано, вероятно, с передвижениями на восток верхневолжских фатьяновских племен, так как в окско-деснинских и ранних средневолжских могильниках их нет. Трудно предположить их появление в Баланове самостоятельно потому, что они встречаются только к западу и северо-западу от верхневолжской территории. Подобные погребальные сооружения известны в Финляндии (рис. 60, 4, 5)⁷ и в Дании (рис. 60, 3)⁸. Они, по-видимому, имеют и в погребениях культуры ладьевидных топоров в Прибалтике⁹. Распространение их по северной половине территории, занятой культурами боевых топоров от Средней Волги до Дании, — факт примечательный и для определения исходной территории культур с боевыми топорами, и для решения их этногенеза.

Характерно, что погребальные сооружения не прослежены в московско-клязьминских¹⁰, днепро-деснинских, окско-деснинских и ранних средневолжских памятниках, что свидетельствует о некоторых различиях в обряде погребения фатьяновских племен.

Возможно, погребальные сооружения, рассматриваемые нами как «символы» жилищ на поселениях фатьяновцев, появляются только на поздней стадии развития в связи с оседанием

фатьяновских племен. Прочные жилища не нужны были московско-клязьминским племенам, так как они переходили с места на место.

При исследовании погребальных сооружений в Никульдинском, Воронковском в Волосово-Даниловском могильниках обнаружены новые детали в их устройстве. Во-первых, в ряде погребений Волосово-Даниловского могильника под углами погребальных сооружений прослеживались конические ямки, заполненные пепельно-золистой крепкой массой. Размеры этих ямок были вверху от 18 до 30 см в диаметре и глубиной в 25—35 см. Повторяемость этой новой детали погребальных сооружений свидетельствует о какой-то ритуальной особенности. Во-вторых, в тех же могильниках дно сооружения выходит за пределы его стенок на 15—25 см. Толщина тлена — такая же, как и пола внутри сооружения (0,6—1 см). В ряде сооружений края, выходящего наружу пола, приподняты. Вскладывая стенки сооружений спускались покато и плавно вниз, постепенно утолщаясь (рис. 58 и 59). Они соединялись с полом корытообразно, на месте соединения стенок и пола сильно заметно утолщение тлена сооружения.

В погребениях Никульдинского могильника прослежена хорошая конструкция устройства сооружения и углов. По полу всего сооружения как бы «горбом» вырастает основание стенок. Получается впечатление, что на основе пола (возможно, носилок), сделанного из более тяжелого материала, создавалось сооружение из более легкого материала (бересты, лозы, плетенки, луба, корней и пр.). Пол, вероятно, делался из жердей или деревянных плах. В Воронковском могильнике (погребение 3) прослежено огромное сооружение с приступками и перегородкой внутри. Его устройство несколько отличается от остальных не только размерами, но и конструкцией.

Изучение погребальных сооружений различных могильников верхневолжской и других групп памятников фатьяновской культуры выявило их однотипность. Все они имели вытянутую прямоугольную форму. Почти всюду на углах сооружений прослеживались своеобразные «отростки», рассматриваемые нами как детали сооружений. Эти «отростки» идут от верха и до низа сооружений (рис. 58, 1, 2 и 60, 1, 2), иногда перпендикулярно углу, а иногда продолжая длинную сторону сооружения (рис. 60, 2). Длина «отростков» различна — от 5 до 35 см. В углах толщина сооружения больше (5—10 см), чем стенок (1—4 см), иногда «отростки» отсутствуют, а углы закруглены¹¹.

⁴ Д. А. Крайнов. Памятники фатьяновской культуры. Ярославско-Калининская группа, стр. 16.

⁵ Д. А. Крайнов. Вауловский могильник, стр. 120—122.

⁶ О. Н. Вадеп. Балановский могильник. М., 1963.

⁷ A. Ayrappää. Kaunhava Pertulaumäen Kivikautinen Nautila. «Suomen Museo» XXXVIII—XXXIX. Helsinki, 1931—1932, str. 2—15; T. Edgren. Studier över den Snörkeramiska kulturens keramik i Finland. «Suomen muinaismuistoyh distyksen aikakauskirja finska fornminnes-föreningens tidskrift. 72». Helsingfors, 1970, P. 98, fig. 45, a—d.

⁸ P. V. Glob. Studier over den jiske Enkeltgravskultur. «Aarbögen for nordisch Oldkyndighed og Historie». København, 1944.

⁹ Л. Ю. Янус. Позднеэнеолитические могильники в Эстонской ССР. КСИИМК, вып. XII, 1952, стр. 53—60; судя по описанию могил в Сопе, Арду, там были погребальные сооружения, в которых авторы раскопок не разобрались.

¹⁰ Исключение составляет Кузьминский, Ханевский и Ошурковский могильники, где они обнаружены.

¹¹ Д. А. Крайнов. Памятники фатьяновской культуры. Ярославско-Калининская группа, стр. 18.

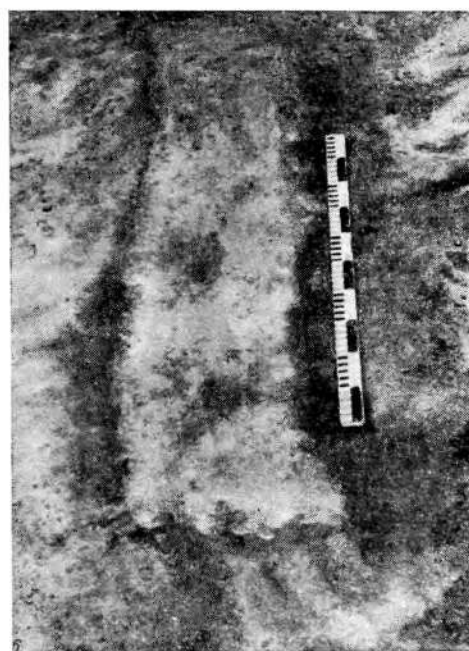
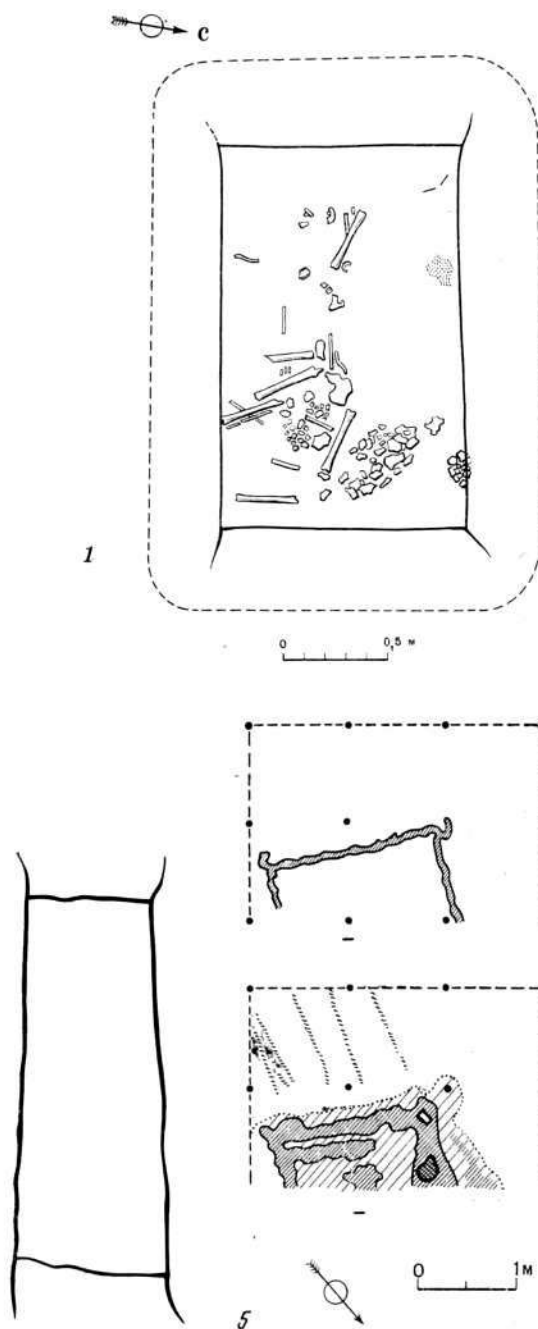

Рис. 60. Погребальные сооружения фатьяновской культуры и близких культур

1 — погребение 86 Волосово-Даниловского могильника; 2 — погребение 100 Волосово-Даниловского могильника; 3 — культура одиночных погребений Дании; 4 — контуры погребальной колоды из славянского погребения (Кривцовский могильник); 5—6 — контуры погребального сооружения и культуры ладьевидных топоров Финляндии

Таблица 4

Ориентировка погребений фатьяновской культуры

Наименование могильника	№ погребения	Ориентировка головы	Положение погребенного	Пол	Возраст	Указатель формы головы	Форма черепа
Буданинский	1	СВ	—	ж	—	—	—
Ивановогорский	1	З	ск. п. б.	м	—	—	—
	2	З	ск. п. б.	м	—	—	—
	3	СВ	ск. л. б.	ж	30—40 л.	—	д
Истринский	5	З	ск. п. б.	м	—	—	—
	6	З	ск. п. б.	м	—	—	—
Протасовский	7	ЮЗ	ск. п. б.	м	—	—	—
Кузьминский	1	Ю	парное	ж и реб.	—	—	—
	2	ЮЗ	парное	м. ж	—	—	—
	3	ЮВ	—	ж	—	—	—
	4	СВ	—	ж	—	—	—
	5	В	—	ж	—	—	—
Сущевский	2а	СВ	ск. л. б.	ж	парное	—	—
	2б	СВ	ск. л. б.	м			
Ханевский	2	ЮЗ	ск. л. б.	ж	20—25	61,00	д
	4	ЮЗ	ск. п. б.	м	18—20	67,9	д
	5	ЮЗ	ск. п. б.	м. ж	парное	—	—
	6	ЮЗ	на спине	м	18—20 л.	73,4	д
Лихачевский	1	З	ск. п. б.	ж?	—	—	—
	2	З	на спине	д?	—	—	—
Олочинский	1	В	ск. л. б.	д	4—6	—	д
	2	СВ	ск. л. б.	д	6—7	—	д
	3	ЮЗ	ск. п. б.	м	7—8	—	д
	4	СВ	ск. л. б.	м?	25—30	69,2	д
	5	СВ	ск. л. б.	м	16—18	—	д
Болшевский	1а	В	ск. л. б.	ж	—	—	—
	1б	В	ск. л. б.	ж			
	1в	З	ск. п. б.	ж			
	1г	З	ск. п. б.	ж			
	2	В	ск. л. б.	м	—	—	—
	3	СВ	ск. л. б.	м	40—50	65,9	д
	4а	ВСВ	ск. л. б.	м	45—55	73,9	д
	4б	ЮЗ	ск. п. б.	ж	20—25	70,9	д
	4в	ЮЗ	ск. п. б.	ж	25—30	72,7	д
	4г	ВСВ	ск. л. б.	м	8—10	—	д
Милославский	1	В	ск. л. б.	ж	20—25	64,8	д
	2а	ЮВ	ск. л. б.	ж	20—25	—	д
	2б	ЮВ	ск. л. б.	д	3—4	—	д
Тимофеевский	1	ЮЗ	ск. п. б.	м	30—35	75,4	мезокраний
	2	В	ск. л. б.	ж	20—25	62,9	д
	3	ЮЗ	ск. п. б.	м	25—30	68,6	д
	4	ЮЗ	на спине	м	35—55	69,2	д
	5	ЮЗ	ск. п. б.	м	30—40	62,5	д
	6	ЮЗ	ск. п. б.	м	18—20	58,0	д
	7	ЮЗ	ск. п. б.	м	18—20	62,6	д
	9	СВ	ск. л. б.	д	—	—	д
	10	СВ	ск. л. б.	д	12—13	74,4	д
	12	СЗ	ск. п. б.	м	12—13	65,3	д
	13	СВ	ск. п. б.	м	50—60	69,7	д
	14	ЮВ	ск. л. б.	ж	18—20	71,6	д
	15	ЮЗ	ск. п. б.	м	18—25	66,0	д
Ильинско-Хованский	2	ЮВ	ск. л. б.	д	—	—	д
	3	ЮЗ	ск. п. б.	м	—	—	—
	4	ЮЗ	ск. п. б.	м	—	—	—
Кривцовский	3	ЮВ	ск. л. б.	ж	—	—	—
	4	ЮЗ	ск. п. б.	м	—	—	—
	5	ЮЗ	ск. п. б.	м	—	—	—

Таблица 4 (продолжение)

Наименование могильника	№ погребения	Ориентировка головы	Положение погребенного	Пол	Возраст	Указатель формы головы	Форма черепа
Змеевский	2	ЮЗ	ск. п. б.	м	—	—	—
Ковровский	3	ЮЗ	ск. п. б.	м	—	—	—
	4	ЮЗ	ск. п. б.	м	—	—	—
Скомороховский	2	СВ	ск. п. б.	м	—	—	—
	3	ЮЗ	ск. п. б.	ж	20—30	—	—
	4	ЮЗ	ск. п. б.	ж	—	—	—
Халдеевский	1	ЮЗ	на спине	м	18—25	70,2	д
Наумовский	—	—	—	м	50—60	67,3	д
	2	СВ	ск. л. б.	м	18—20	63,4	д
Горицкий	2	ЮЗ	ск. п. б.	м	—	—	—
Мытищинский	3	В	ск. л. б.	ж?	18—20	—	д
Накульщинский	3а	ЮЗ	ск. п. б.	Мч	парное	—	—
	3б	СВ	ск. л. б.	ж			
	6	ЮВ	ск. л. б.	ж	18—20	—	д
	7	ЮЗ	ск. п. б.	м	25—30	—	—
	8	СВ	ск. л. б.	ж	—	—	—
	9	ЮЮВ	ск. п. б.	м	50—60	67,7	д
	11	ЮЗ	ск. п. б.	м	13—16	—	д
	12а	СВ	ск. л. б.	Д	—	—	парное
	12б	СВ	ск. л. б.	Мч			
	14	ЮЗ	ск. п. б.	ж?	—	—	—
	15	СВ	ск. л. б.	м	40—50	69,2	д
	16	СВ	ск. л. б.	м	30—40	—	д
Воронковский	3	ЮЗ	ск. п. б.	м	—	—	—
	4	ЮЗ	ск. п. б.	м	—	—	—
	5	ЮЗ	ск. п. б.	м	20—30	68,0	д
	6	ЮЗ	ск. п. б.	м	45—55	—	д
	7	ЮЗ	ск. п. б.	м	18—20	68,7	д
	8	ЮВ	ск. л. б.	ж	50—60	73,0	д
	12	З	ск. п. б.	Мч	—	—	—
	13	З	ск. п. б.	м	30—40	73,8	д
Голузинский	2	ЮВ	ск. п. б.	м	—	—	—
	3	З	ск. п. б.	м	25—30	66,0	д
	4	ЮЗ	ск. п. б.	м	20—30	68,7	д
	5	СВ	ск. л. б.	Д	—	—	—
Вауловский	3	В	ск. л. б.	ж	—	—	—
	4	В	ск. л. б.	ж	—	—	—
	5а	СВ	ск. л. б.	м	парное	—	—
	5б	СВ	ск. л. б.	ж			
	6	СВ	ск. л. б.	ж?	—	—	—
	7	ЮЗ	ск. п. б.	м	—	—	—
	9а	ЮЗ	ск. п. б.	м	парное	—	—
	9б	ЮЗ	ск. п. б.	ж			
Волосово-Даниловский	1	СВ	ск. л. б.	ж	25—30	70,4	д
	2	ЮЗ	ск. п. б.	м	—	—	д
	3	ЮЗ	ск. п. б.	м	40—50	70,9	д
	5а	СВ	ск. л. б.	ж	18—20	73,0	д
	5б	ЮЗ	ск. п. б.	м	20—30	73,2	—
	6	СВ	ск. л. б.	ж	—	—	—
	7	СВ	ск. л. б.	ж	—	—	—
	10	ЮЗ	ск. п. б.	м	—	—	—
	11	СВ	ск. л. б.	ж	—	—	—
	12	СВ	ск. л. б.	ж	25—30	70,8	—
	13	ЮЗ	ск. п. б.	м	—	—	—
	14	ЮЗ	ск. п. б.	Мч	—	—	—
	16	ЮЗ	ск. п. б.	Мч	—	—	—
	17	ЮЗ	ск. п. б.	м	—	—	—
	20	СЗ	ск. п. б.	Мч	—	—	—
	21	ЮЗ	ск. п. б.	м	—	—	—
	23	СВ	ск. л. б.	Д	—	—	—

Таблица 4 (окончание)

Наименование могильника	№ погребения	Ориентировка головы	Положение погребенного	Пол	Возраст	Указатель формы головы	Форма черепа
Волосово-Даниловский	24	ЮЗ	ск. п. б.	м	—	—	—
	24a	В	ск. л. б.	ж	30—40	73,9	д
	25	СВ	ск. л. б.	Д	—	—	—
	26	СВ	ск. л. б.	ж	—	—	—
	29	СВ	ск. л. б.	ж	—	—	—
	30	ЮЗ	ск. п. б.	м	30—40	—	»
	31	В	ск. л. б.	ж	—	—	—
	35	СВ	ск. л. б.	ж	—	—	»
	40	ЮЗ	ск. п. б.	м	30—40	—	—
	41	ЮЗ	ск. п. б.	м	—	—	»
	42	ЮЗ	ск. п. б.	м	20—40	73,3	—
	43	СВ	ск. л. б.	ж	—	—	—
	44	ЮВ	ск. л. б.	ж	—	—	—
	45	ЮЗ	ск. л. б.	м	35—45	70,0	»
	50	ЮЗ	ск. п. б.	м	—	—	—
	56	ЮЗ	ск. п. б.	м	25—30	77,4	мезокраний
	58	ЮЗ	ск. п. б.	м	25—30	73,4	д
	59	ЮЗ	ск. п. б.	м	18—20	73,1	»
	61	ЮВ	ск. л. б.	ж	—	—	—
	63	ЮЗ	ск. п. б.	м	—	—	—
	65	ЮЗ	ск. п. б.	Мч	—	—	—
	67	СВ	ск. л. б.	Д	—	—	—
	68b	ЮЗ	ск. л. б.	м	30—40	—	д
	69	ЮЗ	ск. п. б.	м	20—30	—	»
	70	СВ	ск. л. б.	Мч	—	—	—
	72	СВ	ск. л. б.	Мч	—	—	—
	73	СВ	ск. л. б.	Мч	—	—	—
	80	ЮВ	ск. л. б.	ж	—	—	—
	83	СВ	ск. л. б.	ж	—	—	—
	84	В	ск. л. б.	Мч	—	—	—
	84a	С	ск. п. б.	Мч	—	—	—
	85	Ю	ск. п. б.	м	—	—	—
	86	ЮЗ	ск. п. б.	м	—	—	—
	87	ЮВ	ск. л. б.	ж	—	—	—
	88	ЮЗ	ск. п. б.	м	—	—	—
	89	ЮЗ	ск. п. б.	Мч	—	—	—
	90	ЮЗ	ск. п. б.	м	—	—	—
	94	ЮЗ	ск. п. б.	м	—	—	—
	95	В	ск. п. б.	ж	—	—	—
	98	Ю	ск. п. б.	м	20—25	—	д
	99	ЮВ	ск. л. б.	ж	30—40	—	»
	101	ЮЗ	ск. п. б.	м	20—30	—	—
	104	В	ск. л. б.	ж	—	—	—
	106	ЮЗ	ск. п. б.	м	—	—	—
	107	ЮЗ	ск. п. б.	м	—	—	—

Примечание: д — долихокраний, ск. л. б. — скрещенно-левый бок, ск. п. б. — скрещенно-правый бок

Размеры погребальных сооружений различны (табл. 3). Наибольшая величина их равнялась 290×224 см, а наименьшая — 90×95 см. Высота колеблется от 15 до 108 см, средняя высота — от 30 до 40 см. Иногда сверху очень трудно уловить очертания погребальных сооружений, так как их цвет сливается с глинистой почвой, он бледноватый и только при крайне внимательном изучении его можно заметить. Этот факт заставляет думать, что во многих погребальных сооружениях высота была больше прослеженной нами высоты. Иногда тлен от погребального сооружения совершенно не про-

слеживается. Вероятно, сохранность тлена зависит от почвы и тех процессов, которые происходят в ней, уничтожая следы.

Размеры погребальных сооружений, очевидно, зависели в какой-то мере от общественного положения погребенного. В Вауловском, Воронковском и Тимофеевском могильниках в самых больших сооружениях захоронены вожди и знатные воины. Могила 4 Тимофеевского могильника, бедная вещами, не имела погребального сооружения. Погребальные сооружения детских захоронений были меньших размеров, чем погребальные сооружения

у взрослых. Такая же картина наблюдается и в Балановском могильнике¹². Тщательное изучение погребальных сооружений верхневолжских могильников утверждает нас во мнении, что все погребальные сооружения фатьяновцев делались из легкого материала (горбылей, расколотых плах, коры, луба, жердей, бересты и пр.). Вряд ли они представляли собой корзины или плетенки, так как тлен в углах и на дне сооружений был толстым и сплошным. Однако в Горицком могильнике Костромской обл. наблюдалось нечто вроде плетенки¹³. На дне некоторых погребений и особенно около медных предметов прослеживались остатки кусков дерева (погребения 5 и 7 Вауловского могильника, погребение 2 Олочинского могильника, погребение 4 Скомороховского могильника и др.). Кроме того, при рассмотрении темного тлена днищ погребальных сооружений была замечена характерная слоистость, присущая только дереву. Наконец, такое сооружение, как в погребении 7 Вауловского могильника размерами 290×224 см и высотой 108 см, не могло быть плетенкой. В Балановском могильнике в некоторых могилах в тлене погребальных сооружений были обнаружены кусочки дерева (могила 54 и могила 30)¹⁴. Погребальное сооружение, прослеженное в погребении 17 Волосово-Даниловского могильника, было сделано из толстых плах или досок (горбылей), так как толщина тлена в 3—4 см исключает толкование данного тлена как остатков бересты, луба, коры, плетенки, шкуры и пр. Вероятно, сооружения делались из разных материалов, но нельзя отрицать и более прочные материалы.

В Карашском, Кривцовском и Желобнянском могильниках верхневолжской группы были обнаружены (Верхневолжской экспедицией) поздние могилы (XV—XIX вв.). В этих могилах погребенные лежали вытянуто на спине, вероятно в колодах. При раскопках тлен от колод в плане имел точно такие же очертания, как и погребальные сооружения в фатьяновских могилах (рис. 60, 6), и даже прослеживались угловые «отростки». Толщина тлена стенок колоды 2—3 см, цвет такой же. Эти поздние данные подтверждают наше мнение об употреблении и дерева при устройстве фатьяновских погребальных сооружений.

По всей вероятности, погребальные сооружения были своеобразными срубам. В некоторых могилах Вауловского могильника на углах погребальных сооружений прослеживались

пятна от столбов, шедших до дна сооружения¹⁵. Возможно, между этими столбами закладывались жерди или горбыли. Дно устраивалось из грубых досок. В Никульцинском могильнике в погребении 15 при расчистке погребального сооружения было замечено, что цвет тлена стенка был первоначально черный, а потом на солнце резко побелел. Вероятно, стенки этого сооружения были обложены (облицованы) берестой, иначе нельзя объяснить побеление стенок. При расчистке пола сооружений в Никульцинском и Воронковском могильниках было замечено, что внизу в плане (на полу без стенок) конструкция погребения напоминала распластанную шкуру медведя. Не исключено, что такая конструкция связана с культом медведя. Покойника завертывали или в бересту, или в шкуру медведя, что подтверждается наблюдениями при расчистке скелетов и вещей. Верх погребальных сооружений накрывался легким настилом. Возможно, могилы какое-то время не закапывались. Существование настилов сверху доказываются характерными «воронками», прослеженными при раскопках могил (рис. 59). Особенно показателен профиль могилы 6 Ханевского могильника (рис. 59, 1, 2, 3), где ясно видно, как рухнуло перекрытие. Кроме того, само положение завалившихся скелетов, черепа могло произойти только в пустом пространстве, не заполненном землей, наконец, находки сосудов или их обломков на разной высоте в земле (воронке), рухнувшей в могилу.

Близкие фатьяновским погребальным сооружениям были обнаружены и сооружения в могильниках Финляндии, похожие по инвентарю и погребальному обряду фатьяновской культуры. Здесь наблюдалась при расчистке могил точно такая же картина, как в Вауловском и Тимофеевском могильниках. Темные полосы тлена также окаймляли края прямоугольных в плане сооружений (рис. 60, 4, 5)¹⁶. А. Эуропеус, раскопавший такой могильник близ станции Каухава, трактует эти темные полосы тлена как остатки шкуры, в которой лежали покойники¹⁷. Возможно, здесь были и шкуры, в которые завертывали умерших, но были и погребальные сооружения.

О таких погребальных сооружениях упоминает и П. Глоб. Судя по его рисунку (рис. 60, 3), погребальное сооружение имело в плане удлиненную форму прямоугольника и такие же, как в фатьяновских сооружениях, «отростки», идущие от углов вбок. Такое совпадение представляет собой значительный интерес для решения

¹² О. Н. Бадер. Балановский могильник, стр. 168.

¹³ О. С. Гадзяцкая. Фатьяновские могильники в Костромской и Ивановской областях. КСИА, вып. 115, 1969, стр. 72.

¹⁴ О. Н. Бадер. Балановский могильник, стр. 167—168.

¹⁵ Д. А. Крайнов. Вауловский могильник, стр. 120—121.

¹⁶ Там же, стр. 121, рис. 14.

¹⁷ А. Эуропеус. Указ. соч., стр. 1—15.

Рис. 61. Погребение на спине (Воронковский могильник, погребение 5)

вопроса об общности происхождения культур боевых топоров.

Положение и ориентировка погребенных.

Особо важное значение для получения представлений об идеологии и социальной структуре фатьяновского общества имеет анализ положения и ориентировки погребенных. Здесь каждая маленькая деталь может иметь глубокий смысл. Поэтому при изучении фатьяновских погребений мы обращаем внимание не только на положение покойника и его ориентировку, но и на положение рук, лица, на степень скорченности и пр.

У всех фатьяновских племен основным обрядом захоронения было трупоположение и очень редко трупосожжение. Почти всех мужчин, женщин и детей фатьяновцы хоронили в скорченном положении, на боку, за небольшими исключениями¹⁸. У фатьяновских племен, включая и средневожские, в основном выработался

четкий обряд погребения мужчин на правом, а женщин на левом боку, соответственно их полу погребались и дети. Однако есть, хотя и редкие, исключения. В Вауловском могильнике эта четкость нарушается только в двух парных захоронениях мужчины и женщины (погребения 5 и 9). В первом случае мужчина и женщина лежат на левом боку головой на северо-восток¹⁹, а во втором случае — на правом боку головой на юго-запад; в Олочинском могильнике в погребениях 4 и 5 мужчины лежат на левом боку головой на северо-восток²⁰; в Никульцинском могильнике часть мужских погребений ориентирована на северо-восток, парное погребение также ориентировано на северо-восток, как и в Вауловском могильнике²¹. Кстати, оба могильника близки и по орнаментике сосудов. Наконец, нарушение правил замечено в Скомоуховском могильнике, в погребении 4, где женщина лежит на правом боку головой на юго-запад²². В Болшевском могильнике Калининской

¹⁸ Исключение составляют восемь погребений, положенных на спине с подогнутыми или перекрещивающимися ногами (рис. 61, 62). Это погребения следующих могильников: Ханевского (№ 6), Тимофеевского (№ 4), Халдеевского (№ 1), Воронковского (№ 5), Лихачевского (№ 2), Великосельского (№ 1), Горкинского и погребения Фатьяновского могильника. Подобные погребения встречаются и у средневожских племен фатьяновской культуры. Впоследствии на территории лесной полосы они найдены в абашевской культуре.

¹⁹ Д. А. Крайнов. Вауловский могильник, стр. 109—110, 112—114.

²⁰ Д. А. Крайнов. Олочинский и Таскаинский могильники фатьяновской культуры. КСИА, вып. 106, 1966, стр. 57.

²¹ Д. А. Крайнов. Никульцинский могильник. Отчеты Верхневолжской экспедиции ИА АН СССР за 1964—1965 гг. Архив ИА АН СССР.

²² О. С. Гадзяцкая. Фатьяновский могильник балановского типа в Ивановской области.

обл., где мужчины лежат на левом боку головой на запад, северо-восток и восток — северо-восток²³.

По-видимому, эти исключения объясняются какой-то особенностью ритуала, вытекающей из общественного положения данного человека, а может быть, и теми сложными родовыми отношениями, которые имели место у фатьяновцев.

Необходимо отметить, что скорченность погребений различна. Женские погребения имеют большую скорченность, чем мужские. Наблюдается сильная скорченность двоякого рода: иногда берцовые кости и бедра лежат параллельно друг другу, иногда кости ног (берцовые и бедренные) прижаты друг к другу очень плотно, а колени подогнуты к животу, что встречается реже. Значительная скорченность погребенных женщин наблюдалась в Вауловском, Тимофеевском, Милославском, Великосельском и Кузьминском могильниках.

Сильная скорченность в захоронениях мужчин встречается, но значительно реже, и она не такая, как в погребениях 12 и 14 Тимофеевского могильника. По-видимому, сильная скорченность достигалась только путем связывания или пеленания.

Сейчас еще трудно объяснить эту деталь погребального ритуала, но надо отметить, что сильно скорченные погребения женщин и мужчин в Вауловском, Тимофеевском, Милославском и Великосельском могильниках наиболее богаты и по количеству вещей, и по устройству погребальных сооружений. Возможно, сильная скорченность погребенных связана с их особым общественным положением. Но может быть и другое объяснение, так как в Тимофеевском могильнике наиболее скорченные погребения 12 и 14 имеют иную ориентировку головы и могильных ям, а также находятся на окраине могильника. По черепам они близки балановскому средиземноморскому типу, и не исключено, что они были привезены со Средней Волги и принадлежали к другим племенам.

Наряду с труположением в фатьяновских могильниках наблюдается, правда очень редко, и трупосожжение. Последнее прослеживается пока только в трех могильниках: Истринском (К. Я. Виноградов), Ошурковском (Д. А. Крайнов) и Тургиновском (?) (О. С. Гадзяцкая). Этот обряд имеет место только в поздних фатьяновских могильниках московско-клязьминской группы. Очевидно, обряд трупосожжения пришел к фатьяновцам со Среднего Днепра, где в днепро-деснянских памятниках он наблюдается очень часто.

²³ Д. А. Крайнов. Большевыский могильник (в печати).

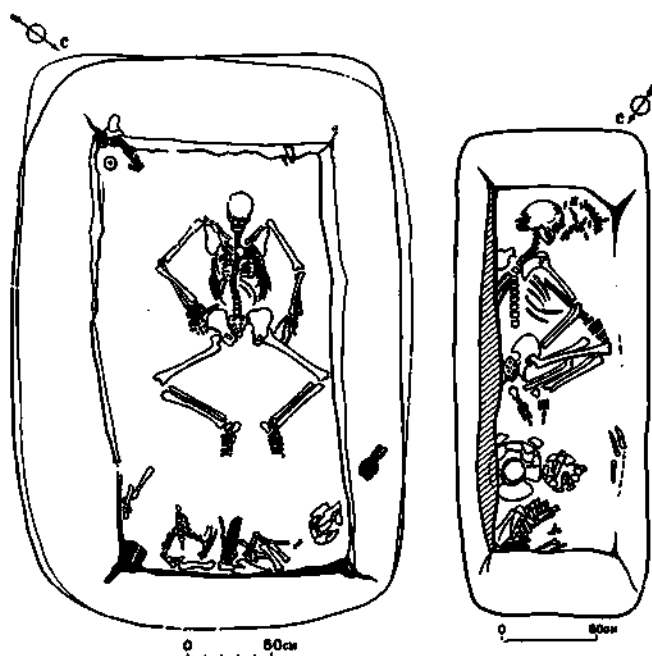

Рис. 62. Погребение на спине (Халевский могильник, погребение 6)

Рис. 63. Погребение женщины (Тимофеевский могильник, погребение 14)

Одной из главных и показательных деталей обряда погребения фатьяновцев является ориентировка головы и лица погребенных. К сожалению, не по всем памятникам можно собрать необходимые сведения. Нам поэтому приходится включать в табл. 4 только достоверные данные из раскопок последних лет.

В ориентировке головы, так же, как и в ориентировке могильных ям, устанавливается определенная общая закономерность для всех фатьяновских племен, т. е. всюду мужчины погребены головой в западном направлении: запад, юго-запад, северо-запад, а женщины — в восточном: восток, юго-восток, северо-восток. Эта закономерность является ярким свидетельством общности всех фатьяновских племен. Однако в отдельных группах памятников имеются свои особенности, объясняемые локальными и хронологическими различиями, а также, по-видимому, смешением фатьяновских племен между собой и смешением их с местными поздненеолитическими племенами.

В московско-клязьминской группе памятников мужчины в основном ориентированы головой на запад, а женщины — на восток. Наряду с такими направлениями в мужских погребениях встречаются юго-западная и северо-запад-

Рис. 64. Портрет женщины из погребения 14 Тимофеевского могильника (реконструкция Г. В. Лебединской)

ная ориентировка, а в женских юго-восточная и восточная. Надо отметить, что юго-западная ориентировка мужских погребений наблюдается в более поздних могильниках. Северное и южное направление головы погребенных в московско-клязьминских могильниках отсутствует. Северо-западная ориентировка прослежена только в Ковровском могильнике.

В верхневолжской группе намятников мужчины преимущественно кладутся головой на юго-запад, а женщины на северо-восток. Из 15 могильников верхневолжской группы ориентировка погребений выражается для мужчин в следующем цифровом соотношении: юго-запад — 32; запад — 4; северо-запад — 4; для женщин: северо-восток — 27; восток — 6; юго-восток — 6; юг — 1. Нами взяты известные погребения, по которым можно дать достоверные цифры. Почти все мужские захоронения ориентированы головой на юго-запад, за исключением парного погребения 5 из Вауловского могильника, погребения 13 из Тимофеевского могильника, погребений 4 и 5 из Олочинского могильника и погребений 25 и 16 из Никульцинского могильника, ориентированных головой на северо-

восток. Кроме того, есть несколько погребений, ориентированных головой на северо-запад. В некоторых погребениях не выяснен пол погребенных. Причины несколько необычного погребения двух мужчин из Олочинского могильника (45 и 20 лет) головой на северо-восток и на левом боку пока не выяснены нами. Указанные исключения несомненно не являются случайностью, а могут быть объяснены какими-то сложными взаимоотношениями внутри родовой общины или межродовыми отношениями. Следует также отметить особую точность юго-западной ориентировки вождей из Вауловского могильника (юго-запад — 215°). В этом также заложен какой-то особый смысл.

Женские погребения в основном ориентированы головой на северо-восток и частично на восток и юго-восток и только в парном захоронении 9 (Ваулово) — на юго-запад, т. е. в основном ориентировка женщин имеет восточное направление. Следует обратить внимание на то, что на юго-восток ориентированы погребение 14 из Тимофеевского могильника (рис. 63), парное погребение 4 из Милославского могильника, погребение 11 из Воронковского могильника и погребения 6 и 17 из Никульцинского могильника. Эти погребения и по вещам отличаются от остальных женских погребений и составляют какое-то исключение. Например, погребение 14 из Тимофеевского могильника (рис. 64), погребение 4 из Милославского и погребение из Никульцинского могильника близки по антропологическому типу к средиземноморцам Балановского могильника. Мужчины, женщины и дети из погребений Тимофеевского могильника (рис. 65—68) близки по антропологическому типу и отличаются от женщин из погребения 14.

Таким образом, основная ориентировка мужских погребений верхневолжской группы на юго-запад, а женских на северо-восток хорошо прослежена для Вауловского, Тимофеевского, Волосово-Даниловского и других могильников. Ориентировки погребенных в московско-клязьминских могильниках и верхневолжских разнятся. У средневолжских фатьяновских племен, так же как и в верхневолжской группе, большинство погребений ориентированы на юго-запад и запад, а женщины на северо-восток, но наряду с этим есть и другие разнообразные ориентировки²⁴. С московско-клязьминскими племенами эту группу сближает наличие значительного количества случаев западной ориентировки мужчин и другие ориентировки, что свидетельствует о связях данных групп. Балановский могильник дает в большом количестве южную ориентировку головы мужских погреб-

²⁴ О. Н. Бадер. Балановский могильник, стр. 169—172.

бений, что почти не наблюдается в других группах. О. Н. Бадер отмечает, что южная ориентировка мужчин встречается в наиболее богатых погребениях. Кстати, скелеты из этих погребений относятся к средиземноморскому антропологическому типу. Этот факт опять-таки увязывается с нашей концепцией происхождения средневожжских фатьяновских племен.

Наличие северной ориентировки мужских и женских погребений также является отличительной чертой Балановского могильника. Эта ориентировка, вероятно, указывает на смешение с местным населением, у которого данная ориентировка наблюдается чаще. Это обстоятельство можно проверить и по черепам. В Балановском могильнике встречаются метисные черепа.

Большая строгость в ритуале труположения наблюдается у верхневожжских племен фатьяновской культуры, чем у московско-клязьминских и средневожжских. По-видимому, это объясняется не только локальными и хронологическими различиями, но, вероятно, и другими причинами, например, смешением и пр. Строгая ориентировка погребений в верхневожжских могильниках соответствует и чистому антропологическому гармоническому типу верхневожжских фатьяновцев.

Ориентировка лица погребенных, вероятно, также несет в себе определенную информацию. Как правило, лицо погребенного обращено на юго-восток, юго-запад (17), юг (16), восток (8) и запад (1) и никогда на север. Преобладающей ориентировкой лица является юго-восточная и юго-западная. Все виды ориентировок лица у мужчин и женщин встречаются поровну. Нам представляется, что ориентировка лица давалась по солнцу и, по-видимому, зависела от положения солнца в момент погребения. Наличие культа солнца доказывается и другими данными²⁵. В Балановском могильнике ориентировка лица давалась во всех направлениях, но 72% погребенных имеют определенную ориентировку на восток, юго-восток и юг, причем у женщин преобладает юго-восток и юг, а у мужчин — восток и юго-восток. Таким образом, и здесь наблюдается сходство с другими фатьяновскими группами. Нам представляется, что присутствие в Балановском могильнике всех видов ориентировок лица идет за счет детских коллективных погребений, поэтому такие погребения следует исключить из общей диаграммы.

Расположение рук различно в погребениях верхневожжской группы и здесь нет той определенной закономерности, которая наблюдает-

ся в положении мужчин на левом, а женщин на правом боку. К сожалению, из-за плохой сохранности костей не всегда можно определить положение рук. Из 22 определимых случаев их положение распределяется следующим образом: 1) обе руки перед лицом (12); 2) одна рука у лица, а другая вытянута (3); 3) одна вытянута, а другая согнута (4); 4) вытянуты обе руки впереди скелета и кисти у колен (4); 5) обе руки вытянуты вдоль тела (1); 6) обе руки согнуты, кисти — в области живота (6). Все случаи встречаются и у мужчин, и у женщин, и у детей. Такая же картина наблюдается и в могильниках московско-клязьминской группы²⁶, и в Балановском могильнике²⁷. Однако в мужских погребениях руки большей частью лежат одинаково: одна несколько вытянута, а другая полусогнута, и кисть ее находится в области живота. Безусловно, положение рук имело какое-то ритуальное значение, но понять его можно только при дальнейшем накоплении фактов.

В фатьяновских могильниках наблюдаются не только одиночные погребения, но встречаются коллективные и парные. Коллективные погребения встречаются редко. В Балановском могильнике это главным образом дети²⁸, в Николо-Перевозском — убитые²⁹, в Болшевском — также убитые³⁰. Эти коллективные погребения могут иметь разные ориентировки и поэтому здесь надо учитывать особые обстоятельства смерти погребенных (эпидемия и гибель во время военных столкновений). Кроме того, в Балановском могильнике могли существовать и так называемые семейные могилы с разновременными захоронениями, что, по-видимому, является доказательством существования парных семей в фатьяновском родовом коллективе.

Особый интерес представляют парные погребения мужчины и женщины. Они встречены в могильниках всех групп фатьяновской культуры: в Вауловском погребения 5 и 6, в Сушеском погребение 2, в Волосово-Даниловском погребение 42, в Балановском погребения 15, 28. Наряду с этим найдены парные погребения двух детей, женщины и ребенка³¹. Все эти по-

²⁵ Д. А. Крайнов. Памятники фатьяновской культуры. Ярославско-Калининская группа, стр. 21.

²⁶ О. Н. Бадер. Кузьминский могильник... стр. 7—12; К. Я. Виноградов. Три этапа культуры у Ивановой Горы. М., 1929, стр. 18—20.

²⁷ О. Н. Бадер. Балановский могильник, стр. 170.

²⁸ Там же, стр. 84, 101—104, 111—112.

²⁹ В. М. Раушенбах. Фатьяновское погребение на неолитической стоянке Николо-Перевоз. «Труды ГИМ», вып. 37, 1960.

³⁰ Д. А. Крайнов. Болшевский могильник (в печати).

³¹ Д. А. Крайнов. Памятники фатьяновской культуры. Ярославско-Калининская группа, стр. 21—23.

Рис. 65. Портрет мужчины из погребения Тимофеевского могильника (реконструкция Г. В. Лебединской)

Рис. 66. Портрет мужчины из погребения Тимофеевского могильника (реконструкция Г. В. Лебединской)

гребения одновременны. Совместные погребения детей, а также матери и ребенка можно объяснить одновременной смертью, но гораздо труднее объяснить тем же парные погребения мужчины и женщины. В ряде случаев доказано, что они одновременны. В Сушевском могильнике женский скелет погребения 2 имеет на черепе следы пробойны, вероятно, насильственного умерщвления³². Кроме того, большая часть парных погребений мужчины и женщины оказываются наиболее богатыми и по количеству вещей, и по погребальному обряду (месту на могильнике и устройству погребальных сооружений), как, например, погребения 5 и 9 Вауловского могильника, принадлежащие, по нашему предположению, вождю и жрецу. Инвентарь, сопровождавший женские погребения, указывает на высокое положение погребенных, а не на рабское. Также следует сказать, что парные погребения мужчин и женщин встречаются только в поздних фатьяновских могильниках. Небезынтересен факт появления таких парных погребений и в других культурах эпохи бронзы (катакомбной, срубной, андроновской и пр.). О. Н. Бадер, разбирая вопрос о таких парных погребениях на Балановском могильнике, считает вероятным их одновременность и не исключает возможность ритуального убийства женщины³³. Если эти погребения не свидетельствуют об одновременной смерти, то их смысл может быть понят только как усиление патри-

архальных отношений и власти вождей. Этот вопрос требует специального рассмотрения.

Наблюдения во время раскопок могильников показывают, что покойников завертывали в бересту или шкуру³⁴, потом клали в заранее приготовленное погребальное сооружение, ставили инвентарь и накрывали верх сооружения легким настилом. Обычай завертывать покойников в бересту и устилание пола могилы берестой прослеживаются не только у фатьяновских племен³⁵, но и у племен полтавкинской культуры³⁶. Этот обычай наблюдается у волосовских племен³⁷ и позднее у финских и славянских племен на той же территории, где обитали и фатьяновские племена³⁸.

Положение погребального инвентаря. Погребальный инвентарь фатьяновских погребений состоит из каменных, кремневых, костяных, медных и глиняных изделий. Этот инвентарь и

³⁴ Д. А. Крайнов. Памятники фатьяновской культуры. Ярославско-Калининская группа, стр. 23.

³⁵ Там же; он же. Вауловский могильник, стр. 12; он же. Олочинский и Таскаихский могильники фатьяновской культуры; О. Н. Бадер. Балановский могильник, стр. 168.

³⁶ Н. Н. Качалова. К вопросу о памятниках полтавкинского типа. «Арх. сборник ГЭ», вып. 5.

³⁷ Д. А. Крайнов. Раскопки стоянки Сахтыш I. Отчет Верхневолжской экспедиции за 1964 г. Архив ИА АН СССР; А. Л. Никитин. Исследование берендеевских стоянок. Доклад на пленуме ИА АН СССР в 1966 г. Архив ИА АН СССР.

³⁸ И. А. Тихомиров. Кто насыпал Ярославские курганы? «Труды II Тверского археол. съезда, 1903». Тверь, 1906, стр. 182.

³² Там же, стр. 47.

³³ О. Н. Бадер. Балановский могильник, стр. 289—293.

Рис. 67. Портрет мальчика из погребения Тимофеевского могильника (реконструкция Г. В. Лебединской)

Рис. 68. Портрет девушки из погребения Тимофеевского могильника (реконструкция Г. В. Лебединской)

его расположение в погребениях служат одним из основных исторических источников для восстановления различных сторон жизни фатьяновских племен. Во-первых, сам инвентарь характеризует хозяйственный уклад и быт фатьяновцев, а также степень развития культуры, ее хронологию, периодизацию и пр. Во-вторых, разность количества и качества инвентаря в могилах позволяет судить о неодинаковом имущественном или общественном положении погребенных в фатьяновском родовом коллективе. В-третьих, строгая закономерность в расположении погребального инвентаря в могилах свидетельствует об установившихся идеологических и религиозных представлениях фатьяновцев, об обрядах, понятиях и пр. Наконец, надо отметить, что в фатьяновских погребениях определенного назначения вещи всегда занимают одно и то же место в погребениях. Также наблюдается разделение мужского и женского инвентаря, что позволяет при отсутствии скелета определить пол погребенного. Наличие в погребениях тех или иных вещей, костей животных, углей, красной краски и т. д. дает информацию идеологического, социального и экономического порядка.

Поскольку вопрос о положении погребального инвентаря подробно рассмотрен нами в «Сводах памятников фатьяновской культуры»³⁹,

то мы здесь коснемся этого вопроса кратко. Каменные боевые топоры-молотки являются одним из важнейших предметов оружия фатьяновцев. В ранних могильниках они встречаются во всех мужских погребениях и редко в женских и детских. В самых поздних (Волосово-Даниловском и Балановском) топоры найдены в детских и в некоторых мужских погребениях. Кладутся они по-разному и в разных местах. Однако повторяемость положений позволяет выявить определенную закономерность. Все топоры, лежащие перед лицом, сопровождают только самые богатые погребения. Особое положение этих могил подчеркивается определенным местом на могильнике, наибольшими размерами ям и погребальных сооружений, количеством углей. По возрасту все погребенные не моложе 30—60 лет (Вауловский могильник, погребения 5, 7, 9; Тимофеевский могильник, погребения 1, 3, 5; Олочинский могильник, погребение 4; Воронковский могильник, погребение 3; Никульцинский могильник, погребения 15 и др.). Очевидно, положение топора указывает на особое общественное положение воина или на его возраст и пр. Кроме того, следует отметить, что топоры в этих погребениях имеют более изящную форму и лучшее качество обработки.

Топоры, положенные за черепом, сопровождают менее богатые погребения и более молодых по возрасту людей (17—30 лет). Топоры у пояса встречены только в одном погребении Ковровского могильника (4). К сожалению, возраст погребенного не известен. Топоры-молот-

³⁹ Д. А. Крайнов. Памятники фатьяновской культуры. Московская группа. САИ, В1 — 19, 1963; он же. Памятники фатьяновской культуры. Ярославско-Калининская группа. 1964.

ки, положенные у ног погребенных, встречены пока только в двух случаях — в Вауловском могильнике, погребение 6 и в Тимофеевском могильнике, погребение 6. В первом случае пол и возраст не установлены, а во втором случае топор лежал у ног восемнадцатилетнего юноши.

Нам представляется, что подобное строгое расположение топоров отображает определенное общественное положение погребенных. Вероятно, перед лицом топоры клались только в могилах заслуженных пожилых воинов и вождей, за черепом — более молодым воинам, у пояса — воинам, только начавшим свои военные подвиги, а у ног — только что посвященным в воины юношам. Весьма вероятно, что у фатьяновцев существовали сложные церемонии (инициации) посвящения юноши в воины, подобные тем, какие до недавнего времени наблюдались у многих народов Океании, Южной Америки и Африки. Здесь необходимо отметить отсутствие топоров в могилах мальчиков Тимофеевского, Никульдинского, Воронковского, Голузинского и Олочинского могильников (12—13 лет) и только в самых поздних могильниках (Волосово-Даниловском, Фатьяновском, Горкинском и Балановском) в могилы мальчиков кладутся игрушечные топоры из камня и глины, что, вероятно, свидетельствует об усилении военных столкновений фатьяновцев с местными племенами. Этот факт косвенно подтверждается коллективными захоронениями убитых фатьяновцев на стоянке Николо-Перевоз⁴⁰, в Болшневском могильнике (две могилы по 4 человека с пробитыми черепами)⁴¹, волосовскими погребениями убитых на стоянке Сахтыш II и др.⁴²

В могильниках московско-клязьминской группы и ранних могильниках верхневолжской группы топоры в мужских погребениях отсутствуют только в пяти случаях — это в погребениях следующих могильников: 1 Халдеевского, 4 Тимофеевского, 2 Лихачевского, 13 Горкинского и 4 Кузьминского могильников. В первых четырех погребениях покойники лежали в необычайной для фатьяновцев позе — на спине; погребения отличаются бедностью погребального инвентаря.

Парное захоронение мужчин в погребении 4 Кузьминского могильника также отличается бедностью погребального инвентаря⁴³. Сейчас трудно правильно интерпретировать отсутствие

топоров в указанных погребениях. Малое количество топоров в Балановском могильнике можно, пожалуй, объяснить развитием более эффективного оружия из металла (вислообушные топоры, копья и пр.).

Боевые каменные топоры в женских погребениях встречаются как исключение. Известен пока только один случай в парном погребении 9 Вауловского могильника⁴⁴. Вероятно, этот факт объясняется каким-то особым положением погребенной.

Кремневые клиновидные топоры также являлись одним из важных орудий фатьяновцев. Они очень часты в погребениях и так же, как и боевые топоры-молотки, встречаются в определенных местах в погребениях, установленных, очевидно, ритуалом. Отмечается, что в одних могильниках (Вауловском) они найдены почти во всех погребениях, в других (Тимофеевском, Олочинском) — редки, а в некоторых (Скомороховском) — совсем отсутствуют. В фатьяновских могильниках московско-клязьминской группы в одной могиле встречаются по два и больше клиновидных топоров⁴⁵. Найдены они и в Балановском могильнике.

Кремневые клиновидные топоры кладутся с мужчинами и женщинами, а в детских погребениях они встречаются только в поздних могильниках и то в виде небольших топориков игрушечного вида (Волосово-Даниловском, Кривцовском, Балановском). Клиновидные топоры встречаются одинаково и в мужских, и в женских захоронениях. Располагаются они в основном у ног — около сосудов (9), у поясов (7), за черепом (4), за плечами (1) и перед лицом (2). Так же они лежат в московско-клязьминских могильниках и в Балановском.

В погребальном обряде фатьяновцев глиняные сосуды сопровождают все погребения за очень редкими исключениями. Они кладутся в определенных местах, твердо установленных ритуалом. Закономерность в расположении сосудов соблюдается всюду.

В верхневолжской группе фатьяновских могильников из 69 сосудов 52 стояли в ногах погребенных как у мужчин, так и у женщин, и у детей. Остальные 17 сосудов поставлены за черепом (9), перед лицом (2), в середине погребения (за поясницей — 3) и над погребениями (3).

У ног сосуды располагаются чаще по углам и в середине короткой стенки, иногда прямо у ног, около пяточных костей. Следует отметить, что в большинстве случаев в этих сосудах встре-

⁴⁰ В. М. Раушенбах. Фатьяновское погребение в неолитической стоянке Николо-Перевоз.

⁴¹ Д. А. Крайнов. Болшевский могильник.

⁴² О. С. Гадацкая, Д. А. Крайнов. Новые исследования неолитических памятников Верхнего Поволжья. КСИИ, вып. 100, 1965.

⁴³ О. Н. Вадер. Кузьминский могильник..., стр. 11.

⁴⁴ Д. А. Крайнов. Вауловский могильник, стр. 110.

⁴⁵ О. Н. Вадер. Кузьминский могильник..., стр. 9; Н. А. Кирьянова. Раскопки Ханевского могильника. «Археологические открытия 1970 г.» М., 1971.

чаются предметы хозяйственного обихода (костяные, кремневые, бронзовые орудия, ожерелья, раковины и пр.), а около этих сосудов расположены кости животных, что свидетельствует о назначении сосудов для пищи.

Сосуды за черепом стоят только в женских погребениях, исключение составляют мужские захоронения в Халдеевском и в Болшневском могильниках (могила 3). Перед лицом сосуда поставлены только в двух женских погребениях 4 и 6 Вауловского могильника. За поясницей сосуда встречены только в трех случаях: в женских погребениях 3 и 4 Вауловского могильника и в погребении юноши (6) из Тимофеевского могильника. Сосуды над погребениями найдены в трех случаях: в погребении 4 Вауловского могильника и в погребениях 1 и 5 Тимофеевского могильника. Все эти сосуды стояли над погребальными сооружениями и имели, по-видимому, отношение к тризне. Сосуды над погребениями встречаются только в богатых мужских могилах.

Итак, сосуды у ног в фатьяновских могильниках верхневолжской группы ставились и мужчинам, и женщинам. Другие же положения сосудов в могилах встречаются только в женских погребениях.

Такое же явление прослеживается и в могильниках московско-клязьминской группы. В Балановском могильнике глиняные сосуды также ставились во все могилы и в разном количестве. Расположены они «главным образом у ног и за спиной, реже у головы»⁴⁶.

Обычно сосуды ставятся на дно, иногда на бок, но изредка встречаются и вверх дном. Это наблюдается и в мужских, и в женских погребениях. Кремневые ножи и их заменители (отщепы, осколки и пр.) сопровождают все погребения в фатьяновских могильниках и наряду с сосудами и топорами имеют определенное расположение. Ножи присутствуют во всех погребениях, что указывает на их значение в быту и в хозяйстве. В мужских погребениях ножи кладутся у пояса или в руку, у женщин — у ног, в сосудах или около них, часто рядом с костями животных. Этим подчеркивается разность в использовании ножа мужчинами и женщинами. Первым он нужен при добывании пищи, при охоте, в походах, при пастбище скота, вторым — при приготовлении пищи, в быту и домашнем хозяйстве. Другое расположение ножей крайне редко (за черепом, перед лицом, у колен и пр.).

Качество изготовления ножей изменяется от ранних к поздним памятникам. В ранних могильниках ножи имеют хорошую вторичную

обработку, а в поздних их заменяют простые отщепы и пластинки без ретуши, сделанные специально для обряда погребения.

Наряду с ножами в могилы кладутся и другие кремневые изделия (скребки, острокопечники, наконечники стрел и дротиков, отщепы, осколки, огнива, микропластинки, нуклеусы), но они кладутся не во все могилы, как топоры, сосуды и ножи, а только тем людям, которые при жизни употребляли их в хозяйстве.

Наконечники стрел и дротиков найдены только в могильниках московско-клязьминской группы и окско-деснянской (Ивановогорском, Истринском, Буньковском, Тургиновском, Ошурковском, Детчинском). В верхневолжской группе они встречены только в Никульцинском могильнике и в самом позднем Волосово-Даниловском, а в средневолжской — только в Балановском. Точное положение их в погребениях выяснить не удалось. В московско-клязьминских погребениях и других они кладутся только с мужчинами и по несколько штук (возможно, в колчанах). Вероятно, лук и стрелы служили мужчинам и оружием, и орудием охоты.

Микропластинки и карандашевидные нуклеусы найдены в некоторых могильниках, в погребениях и в засыпке могил (Никульцинском, Воронковском, Голузинском, Олочинском и Введенском). Микропластинки встречены и в погребении Стрелицкого могильника среднеднепровской культуры. Вероятно, и у фатьяновцев существовала микроиндустрия.

В фатьяновских могилах разных групп часто встречаются осколки и отщепы. Они все без вторичной обработки. Их присутствие в могилах имеет в каждом случае свой смысл. Иногда они кладутся в поздних могильниках взамен ножа, иногда осколки и отщепы лежат в ногах погребенных отдельным скоплением. В этом случае они могут указывать на то, что погребенный занимался изготовлением орудий, наконец, очень часто кремневые осколки по одному и несколько штук находят под сосудах (Вауловский⁴⁷, Тимофеевский⁴⁸, Кузьминский⁴⁹, Чуркинский⁵⁰, Балановский⁵¹ и другие могильники). Очевидно, подобное положение осколков и отщепов надо рассматривать как символ огня. Иногда они встречаются по одному под черепом, перед лицом, у пяточной кости, у поясницы и у ног около костей животных. По-

⁴⁷ Д. А. Крайнов. Вауловский могильник, 1941, стр. 134.

⁴⁸ Д. А. Крайнов. Памятники фатьяновской культуры. Ярославско-Калининская группа, стр. 60—61.

⁴⁹ О. Н. Бадер. Кузьминский могильник..., стр. 12.

⁵⁰ А. А. Спицын. Медный век в Верхнем Поволжье, стр. 100.

⁵¹ О. Н. Бадер. Балановский могильник, стр. 174.

⁴⁶ О. Н. Бадер. Балановский могильник, стр. 173.

видимому, и здесь их надо рассматривать как символ огня, очистительной силы.

В погребениях встречаются и другие каменные орудия (полировальные плиты, каменные клиновидные топоры, мотыги, терочники-курранты, каменные метательные шары и пр.), положение которых позволяет выяснить взаимоотношения членов фатьяновского родового общества в трудовых процессах и быту.

Полировальные плиты редки и встречаются не во всех могильниках, но имеются во всех группах памятников⁵². Полировальные плиты из красного песчаника кладутся только в могилы мужчин, преимущественно около ног. Иногда около них лежат костяные и кремневые орудия. По-видимому, обработкой каменных орудий, полировкой и заточкой их ведали мужчины, но не все, а особые мастера. Подобные плиты из красного песчаника встречаются и в мужских погребениях среднеднепровской культуры⁵³.

Каменные клиновидные топоры и каменные мотыги редки в могильниках фатьяновской культуры⁵⁴, но их присутствие (Никульдинский, Пупбольский, Фатьяновский и Вауловский могильники) указывает на производство таких орудий у фатьяновцев. Каменные терочники также редки в фатьяновских погребениях. Они найдены только в Фатьяновском, Сущевском, Олочинском⁵⁵ и Балановском могильниках⁵⁶. Встречаются терочники и в погребениях среднеднепровской культуры⁵⁷. Они служили для разных целей, в том числе и для металлургического производства, что подтверждается их многочисленными находками в Костромской, Ивановской и Горьковской областях⁵⁸.

Каменные метательные шары редки. Они найдены в Тимофеевском могильнике в погребении 1 у ног мужчины и как случайные находки в Ярославской и Ивановской областях⁵⁹. В Балановском могильнике обнаружен маленький глиняный шарик, лежащий за черепом в детском погребении 21⁶⁰. Очевидно, у фатьяновских племен существовали пращи и метательные круглые камни как военное оружие.

⁵² Д. А. Крайнов. Памятники фатьяновской культуры, Ярославско-Калининская группа, стр. 29.

⁵³ И. И. Артеменко. Среднеднепровская культура. СА, 1960, № 2, стр. 20.

⁵⁴ Д. А. Крайнов. Памятники фатьяновской культуры, Ярославско-Калининская группа, стр. 29—30.

⁵⁵ Там же, стр. 30; он же. Памятники фатьяновской культуры. Московская группа, стр. 47.

⁵⁶ О. Н. Бадер. Балановский могильник, стр. 207, рис. 142.

⁵⁷ В. В. Кропоткин. Новые исследования белынецких курганов. КСИИМК, вып. 75, 1959, стр. 105, рис. 32.

⁵⁸ Д. А. Крайнов. Памятники фатьяновской культуры, Ярославско-Калининская группа, стр. 30.

⁵⁹ Колл. Ильинско-Хованского музея Ивановской обл.

⁶⁰ О. Н. Бадер. Балановский могильник, стр. 209.

Костяные орудия (долота, лоцила, кочедыки, кинжалы, проколки, шилья, мотыги из рога, наконечники стрел и др.) являются важной частью погребального инвентаря. Они встречаются в памятниках всех групп, но в разном количестве. Больше всего их в верхневолжских могильниках. Кладутся они в разных местах мужских, женских и детских погребений, но в основном располагаются около ног погребенных, в сосудах, около сосудов и очень редко около лба, у пояса и на груди. Долота, кинжалы и мотыги найдены только в мужских погребениях. Очевидно, все строительные работы выполнялись мужчинами.

Шилья, кочедыки, проколки, лоцила найдены во всех погребениях, но в количественном отношении они преобладают в женских. Очевидно, плетение, шитье одежды, изготовление глиняной посуды было делом рук женщин. Костяные наконечники стрел найдены только в двух могильниках в мужских погребениях (Тимофеевском и Волосово-Даниловском).

Из металлических изделий в фатьяновских могильниках встречаются вислообушные топоры, копья, шилья, иглы, браслеты, очковые подвески, колечки, перстни, пронизки, височные привески, т. е. в основном предметы украшения. В московских и калининских памятниках они встречаются крайне редко. Медные вислообушные топоры начинают попадаться в фатьяновских погребениях только в поздних могильниках. Надо отметить, что на территории распространения средневолжских фатьяновских племен медные вислообушные топоры встречаются как случайные находки чаще, чем на Верхней Волге.

Вислообушные топоры кладутся в могилы вождей и прославленных воинов как у верхневолжских, так и у средневолжских и среднеднепровских племен. В Вауловском и Балановском могильниках эти топоры сопровождают погребения мужчин, ориентированных головой на юго-запад.

Медные копья найдены только в поздних могильниках Волосово-Даниловском и Балановском. Они, как и вислообушные топоры, появляются у фатьяновцев в позднее время.

Медные шилья обнаружены в основном только в женских погребениях, почти все они найдены в сосудах или около них.

Все остальные металлические изделия относятся к украшениям и найдены исключительно в женских погребениях. Среди них уникальными являются: часть пластинчатой гривны из погребения 3 Вауловского могильника, она найдена около шеи погребенного; обломки перстня с ромбическим орнаментом в погребении 6 того же могильника найдены около руки. Колечко

с запаянными концами и с нарезками в уплощенной части лежало с кусочками дерева на черепе погребения 5 Вауловского могильника. Манжетовидный браслет из женского погребения Мытищинского могильника найден на правой руке погребенной женщины. Височные спиральные привески из медной проволоки в 1,5—2,5 оборота сопровождают женские погребения и кладутся на висках, очевидно, они были нужны для закрепления волос. В Балановском могильнике подобные привески найдены в большом количестве в женских погребениях и в детских (девочек)⁶¹. На поздней стадии развития фатьяновской культуры они были широко распространены, так как встречаются и в погребениях 3—4-летних девочек. В Никульцинском и Волосово-Даниловском могильниках⁶² найдены подвески с широкими концами со щитком, с ребром в центре. Близкими этим подвескам являются подвеска из Мытищинского могильника⁶³ и подвески из Северобирского могильника⁶⁴. Эти подвески также найдены в женских погребениях.

Трубчатые медные пронизки разных размеров сопровождают также погребения женщин и девочек и найдены в ожерельях, на поясах, головных уборах, украшениях «футляров», на руках. Очевидные подвески обнаружены также в женских погребениях, лежащими в основном на груди⁶⁵.

Медные колечки из проволоки встречены вместе с медвежьими клыками (Фатьяновский и Наумовский могильники). Многие украшения до нас не дошли, на костях, особенно в женских погребениях, часто наблюдается окис медь.

Среди погребального инвентаря значительное место занимают всевозможные украшения и амулеты из зубов и костей животных, птичьих костей, раковин и янтаря⁶⁶. Эти украшения встречались главным образом в погребениях женщин в качестве ожерелий, нашивок на головных

уборах, одежде, футлярах, поясах и пр. Ожерелья из зубов диких животных (рысь, волк, медведь, лисица, куница, кабан и др.), домашних животных (свинья, собака) и пронизок из птичьих трубчатых костей обнаружены в Лихачевском, Ивановогорском и Кузьминском могильниках московско-клязьминской группы и в Великосельском, Вауловском, Тимофеевском, Мытищинском, Никульцинском, Воронковском, Волосово-Даниловском и в других могильниках верхневолжской группы. Ожерелья найдены в женских погребениях, лежали они на груди, в области шеи и на лопатках. В погребении 3 Вауловского могильника одно ожерелье было на шее, а другое — в сосуде у ног. По количеству подвесок и пронизок они различны — от 10 до 180. Есть более богатые украшениями женские погребения, есть менее богатые, а есть женские погребения, где ожерелья отсутствуют. Обычно пронизки из птичьих трубчатых костей, костяные пронизки (из фаланг и пр.) и подвески из зубов нанизаны в симметричном порядке, чередуясь друг с другом. Свое развитие эти украшения получают в верхневолжских памятниках. В Балановском могильнике они не найдены. Там, очевидно, их заменяли медные украшения. Ожерелья с бусами из раковин обнаружены в Великосельском (погребение 1), Милославском (погребение 4), Волосово-Даниловском (погребения 5, 9, 31), Никульцинском (погребение 6), Кузьминском (погребения 1, 3, 5), Булаинском (погребение 1) и Сузевском (погребение 2) могильниках. Они располагаются на шее и груди. В погребении 4 Милославского могильника около 100 бусин лежали перед лбом девочки. В том же погребении на женском костяке они находились выше пояса и у локтя левой руки⁶⁷, а около ног была обнаружена кучка раковин речной беззубки. Такие раковины встречаются и в других могильниках: в Кузьминском, Горкинском, Болшневском, Волосово-Даниловском, Балабановском. Обычно они кладутся в женских погребениях или около черепа, или у ног около сосудов, или кремневых и костяных вещей. В одних случаях их надо рассматривать как остатки пищи, в других — как сырье для производства бус и пр.

Пронизки из раковин, птичьих трубчатых костей и подвески из зубов животных и костей служили и для украшения одежды, головных уборов, обуви (рис. 34 и 35), так как их в значительном количестве находят вокруг черепа и у лица, на поясе, на ногах, на руках. В некоторых погребениях Никульцинского и Волосово-Даниловского могильников довольно хорошо прослежено расположение пронизок, позволяю-

⁶¹ О. Н. Бадер. Балановский могильник, стр. 190—193, рис. 123, 3—7.

⁶² Д. А. Крайнов. Отчет о раскопках Никульцинского могильника за 1964 г. Архив ИА АН СССР, № 2918; он же. Отчеты о раскопках Волосово-Даниловского могильника за 1966—1969 гг. Отчеты Верхневолжской экспедиции 1966—1968 гг. Архив ИА АН СССР.

⁶³ О. С. Гадацкая. Фатьяновские могильники в Костромской и Ивановской областях, стр. 77, рис. 31, 2.

⁶⁴ К. В. Сальников. Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967, стр. 25, рис. 20, 25.

⁶⁵ Д. А. Крайнов. Отчеты Верхневолжской экспедиции за 1962—1968 гг. Архив ИА АН СССР; К. В. Сальников. Очерки древней истории Южного Урала, стр. 23, рис. 2, 24; И. И. Артеменко. Среднеднепровская культура.

⁶⁶ Д. А. Крайнов. Памятники фатьяновской культуры. Ярославско-Нагининская группа, стр. 31—32.

⁶⁷ Д. А. Крайнов. Отчет Верхневолжской экспедиции за 1968 г. Архив ИА АН СССР, № 2335.

щее судить об украшении головного убора. Особый интерес в этом отношении представляют пронизки из птичьих костей и подвесок в Великосельском и в Тимофеевском могильниках (погребение 14). В них пронизки из птичьих трубчатых костей были навязаны рядами не вдоль, а поперек (рис. 63)⁶⁸.

Подвески из зубов животных и отдельные зубы, принадлежащие в основном кабану или свинье, медведю, собаке и кунице, часто встречаются в женских, а иногда и в мужских погребениях в разных местах, их положение представляет интерес для выяснения верований и представлений фатьяновцев. Зубы указанных животных (от 1 до 7) иногда кладутся в ногах погребенных около костных остатков пищи (Тимофеевский могильник, погребения 10, 14; Милославский могильник, погребение 4 и др.). Возможно, в этих случаях их надо рассматривать как символы размножения тех животных, с костными остатками которых они положены в погребение. Иногда они встречаются в сосудах, у черепа, у бедра, около колен, часть их надо отнести к украшениям одежды, а часть, вероятно, является амулетами, особенно отдельные зубы и клыки собаки, кабана и медведя. Например, в погребении 1 Тимофеевского могильника зубы собаки лежали снаружи по четырем сторонам погребального сооружения как обереги⁶⁹. Отдельные клыки кабана встречаются в женских и мужских погребениях около ног (Вауловский могильник, погребение 3; Тимофеевский могильник, погребение 2; Волосово-Даниловский могильник и др.), около рук или на руке (Тимофеевский могильник, погребение 6; Олочинский могильник, погребение 3; Вауловский могильник, погребение 9 на левой кисти женщины и т. д.), около поясицы, у черепа. Повидимому, их следует рассматривать как амулеты. Медвежьи клыки со сверлинами, рассматриваемые нами как амулеты, кладутся только в погребения мужчин. Они обнаружены в Фатьяновском, Великосельском, Скомороховском, Никульцинском, Наумовском, Воронковском, Волосово-Даниловском, Болшевском, Ивановогорском, Кузьминском и других могильниках. Клыки медведя, иногда с медными колечками (Фатьяновский и Наумовский могильники), иногда с орнаментированным елочным узором (Великосельский, Вауловский), кладутся в основном в богатые мужские погребения, около

кистей рук, у пояса рядом с ножом или у черепа. Вероятно, медведь почитался у фатьяновцев как «царь зверей» и покровитель скота, поэтому мужчины и носили амулеты из его клыков. Одинаковое положение таких клыков во всех группах фатьяновских памятников свидетельствует об одинаковых верованиях и обрядах и о единстве культуры. Костные остатки животных, обнаруженные в погребениях фатьяновских могильников, свидетельствуют об укоренившемся обряде положения в могилы мясной пищи, которая кладется в определенных местах, установленных ритуалом. В мужских и женских погребениях части туш животных лежат в ногах, около сосудов или в углу недалеко от них. Положение их около черепа встречается редко (Тимофеевский могильник, погребение 6 и Болшевский могильник, погребение 1). Иногда кости животных встречаются в сосудах (Тимофеевский могильник, погребения 1, 14, 15; Милославский могильник, погребение 4; Олочинский могильник, погребение 4; Волосово-Даниловский могильник, в нескольких могилах и пр.).

Таким образом, анализ погребального обряда свидетельствует о том, что в могильниках москovo-клязьминской группы в основном находят костные остатки свиньи, а в могильниках верхневолжской группы — костные остатки овцы и свиньи. Только на поздней стадии в могильниках появляются кости крупного рогатого скота и лошади. Эти факты свидетельствуют о значении тех или иных животных в скотоводческом хозяйстве той или иной группы фатьяновских племен. О большом значении овцы-козы в скотоводческом хозяйстве верхневолжских фатьяновцев свидетельствуют и ритуальные захоронения овцы в Вауловском⁷⁰, Фатьяновском⁷¹, Говядиновском⁷² и Сушевском⁷³ могильниках. В Вауловском могильнике овца похоронена в специально вырытой могиле на окраине могильника, в таком же погребальном сооружении, в каких хоронили и людей. Твердость почвы под могилой указывает на неоднократные групповые ритуальные обряды⁷⁴.

Указанные погребения овцы-козы свидетельствуют о возросшем значении овцы в стаде верх-

⁶⁸ В. А. Городцов. Раскопки могильника на Черной Горе. М., 1898, стр. 5; он же. Культуры бронзовой эпохи в Средней России, стр. 37, рис. 17; Д. А. Крайнов. Памятники фатьяновской культуры. Ярославско-Калининская группа, стр. 61.

⁶⁹ Д. А. Крайнов. Памятники фатьяновской культуры. Ярославско-Калининская группа, стр. 61.

⁷⁰ Д. А. Крайнов. Вауловский могильник, стр. 114—115.

⁷¹ И. С. Поляков. Кладбище каменного века около д. Фатьяново (Антропологическая выставка), т. 3, ч. I. СПб., 1880, стр. 192.

⁷² В. И. Смирнов. Говядиновский могильник. СА, IX, 1947, стр. 217.

⁷³ Д. А. Крайнов. Памятники фатьяновской культуры. Москoвская группа, стр. 47.

⁷⁴ Д. А. Крайнов. Вауловский могильник, стр. 114, 115; он же. Памятники фатьяновской культуры. Ярославско-Калининская группа, стр. 33.

невожских фатьяновских племен. Вероятно, это подтверждается и появлением на поздней стадии развития фатьяновской культуры захоронений собак, а также клыков собак, положенных в могилы в качестве амулетов и оберегов. Захоронения собак обнаружены сейчас уже в трех могильниках: Тимофеевском (две собаки)⁷⁵, Волосово-Даниловском (12 собак)⁷⁶, Болшевском (одна собака). Все они сопровождали погребения мужчин (пастухов) и располагались за пределами погребальных сооружений в изголовьях или реже в ногах, иногда в особых небольших погребальных сооружениях. Нередко их находили вместе с птичьими костями. Очевидно, собакам клали пищу. Захоронения собак в анатомическом порядке, сопровождаемые пищей, имеют первостепенное значение для решения вопросов хозяйства фатьяновцев и для выяснения общественного положения мужчин, с которыми они погребены. Во-первых, это самые богатые погребения и по обряду захоронения, и по инвентарю, и по месту на могильнике. Очевидно, в них похоронены воины-пастухи. Собака, типа лайки, охраняла стада овец и свиней от хищных животных.

Ритуальные захоронения медведя в Вауловском и Холмогорском могильниках⁷⁷, частые находки в могильниках медвежьих клыков в качестве амулетов, кинжалов из медвежьей кости (погребение 9 Вауловского могильника), топора-молотка с медвежьей головой вместо обушка⁷⁸, найденного в Ростове-Ярославском, позволяют сделать вывод о наличии у фатьяновцев культа медведя, связанного со скотоводческим хозяйством⁷⁹. Пережитки медвежьего культа, сохранившиеся на территории распространения фатьяновской культуры вплоть до исторического времени, подтверждают наше заключение⁸⁰. Очевидно, у фатьяновцев существовали сложные религиозные представления, связанные с культом солнца, культом медведя, овцы и пр.

Определенную роль в обряде погребения играли уголь, зола и красная краска. Угли встре-

чаются над погребением, в засыпке погребений и в самих погребениях в разных местах — у черепа и у ног. Найдены они в виде кострищ, отдельных кусочков, отдельных угольков и скоплениями. Однако не во всех погребениях и не везде обряд погребения сопровождается угольками. Есть погребения, где их нет, но вместо них там, вероятно, клались кремневые осколки или краска, что подтверждается фактами. Например, в погребении 5 Вауловского могильника вместо угольков около черепа были положены кусочки красной охры, а под сосудом — пять кремневых осколков. Кусочки красной краски у черепа обнаружены в погребениях 4 и 13 того же могильника и у ног погребения 9. По-видимому, угли, кремневые осколки и краска играли в погребальном обряде фатьяновцев особую роль очистительной силы или являлись символом жизни. Следует отметить, что красная краска очень редко встречается в фатьяновских погребениях. Присутствие углей в обряде погребения прослеживается во всех могильниках фатьяновской культуры, но не во всех могилах. Надо указать, что над двумя погребениями вождей в Вауловском могильнике (7 и 9) с самого верха прослеживались мощные кострища. В погребении 7 сверху по всему пятну могильной ямы наблюдался углисто-волистый слой до 1 м, имеющий вид воронки⁸¹. Кострище меньшей величины было замечено и в погребении 9⁸². Над женским погребением 2 Тимофеевского могильника был обнаружен очаг, выложенный из камней⁸³. В Скомороховском могильнике над погребением 4 также было обнаружено большое кострище⁸⁴. В Кузьминском могильнике над погребением 5 О. Н. Бадером было прослежено большое кострище размером 1,20 × 1,40 м «котлообразной формы», располагавшееся сверху могильной ямы⁸⁵. Над погребениями Истринского могильника также были замечены подобные кострища⁸⁶. Кострища встречены в Тургиновском, Ошурковском, Волосово-Даниловском, Никульцинском, Воронковском и других могильниках⁸⁷. Кроме того, надо упомянуть и о кострищах вне могил. В Никульцинском, Болшевском, Волосово-Даниловском,

⁷⁵ Там же, стр. 59—61.

⁷⁶ Д. А. Крайнов. Волосово-Даниловский могильник фатьяновской культуры, стр. 81; он же. Раскопки Волосово-Даниловского могильника фатьяновской культуры. Отчеты Верхневолжской экспедиции за 1966—1969 гг. Архив ИА АН СССР.

⁷⁷ Д. А. Крайнов. Вауловский могильник, стр. 116; он же. Памятники фатьяновской культуры. Ярославско-Калининская группа, стр. 33—35.

⁷⁸ Там же, стр. 24, рис. 11.

⁷⁹ Подробно о медвежьем культе фатьяновцев см. в кн.: Д. А. Крайнов. Памятники фатьяновской культуры. Ярославско-Калининская группа; он же. Вауловский могильник.

⁸⁰ Н. Н. Воронин. Медвежий культ в Верхнем Поволжье в XI в. «Краеведческие записки». Ярославль, 1961.

⁸¹ Д. А. Крайнов. Вауловский могильник, стр. 111.

⁸² Там же, стр. 112.

⁸³ Д. А. Крайнов. Отчет о результатах работ Верхневолжской экспедиции за 1960 г. Архив ИА АН СССР, № 2215.

⁸⁴ О. С. Гадзаяцкая. Фатьяновский могильник балановского типа.

⁸⁵ О. Н. Бадер. Кузьминский могильник..., стр. 11.

⁸⁶ К. Я. Виноградов. Новые данные о памятниках фатьяновского типа. М., 1934; он же. Новые памятники фатьяновской культуры. М., 1937.

⁸⁷ Д. А. Крайнов. Отчеты Верхневолжской экспедиции за 1959—1970 гг. Архив ИА АН СССР.

Тургиновском, Воронковском и других могильниках обнаружены ритуальные кострища, ограждающие могильники, или на краях могильников (Воронковский, Болшневский). Первые, очевидно, горели вокруг могильников, и имели значение очищения, а вторые могли быть жертвенными.

Костры вокруг могильников, костры над могилами вождей и богатыми погребениями, угли в засыпке могил, угли около черепа и ног, как бы ограждающие погребенного, красная краска и кремни (символ огня) указывают на сложные религиозные верования у фатьяновцев и особые магические ритуальные обряды с применением огня как очистительной силы.

Погребальный инвентарь фатьяновских могил не исчерпывается перечисленными вещами. Изредка встречаются вар, смола, трут из березового гриба, огнива, глиняные шарики, глиняные ложки, глиняные колесики и пр. Все это дополняет наши сведения о жизни и быте фатьяновцев. Несомненный интерес представляют и «пустые» могилы, своеобразные кенотафы, наблюдаемые на некоторых фатьяновских могильниках (Тимофеевском, Ильинско-Хованском и Княгининском)⁸⁸. Размеры, форма и глубина могильных ям соответствует ямам с погребенными людьми. В некоторых могилах встречаются угли. Эти ямы выкопаны в честь убитых на стороне воинов. В более позднее время известны курганы, насыпанные в честь воинов, убитых на стороне.

Нельзя обойти молчанием и присутствие на Олочинском могильнике⁸⁹ сооружения из камней-валунов, сложенных в виде круга диаметром около 2 м, расположенного на самом высоком месте могильника. На некоторых могильниках около могил прослежены остатки деревянных столбов (Тимофеевском, Халдеевском, Княгининском, Болшневском и др.). Возможно, это остатки идолов или столбов, поставленных для отметки могилы, или для приношений и т. д.

Для суждения о социальном устройстве фатьяновского общества имеет значение и группировка погребений на могильниках. К сожалению, об этом мы можем судить только по данным нескольких могильников (Вауловский, Олочинский, Тимофеевский, Волосово-Даниловский, Никульцинский и Воронковский). Все указанные могильники, как и Балановский, вытянуты с юго-запада на северо-восток. Если сопоставить с этим и основную ориентировку большинства

могил верхневолжской группы — с юго-запада на северо-восток, то очевидно, это направление могил и могильников имело какой-то особый смысл и, может быть, в направлении юго-запада от территории распространения памятников верхневолжской группы и надо искать прародину фатьяновцев. Не исключено и другое смысловое значение данного факта.

Кроме того, на всех перечисленных могильниках наблюдаются особенности в расположении и группировках погребений — по возрасту, полу и общественному положению погребенных.

На Олочинском могильнике детские погребения группируются на краю холма, а мужские — ближе к центру. Детские погребения захоронены на глубине от 30 до 55 см, а мужские — от 60 до 80 см⁹⁰. На Вауловском могильнике более разнообразная группировка. Здесь могилы идут гнездами⁹¹. По краям могильника находятся ритуальные погребения овцы (северо-восток) и медведя (юго-запад). Погребения людей располагаются группами: первая группа — погребения 11 и 12 (мужское и женское), вторая — 1, 2, 3, 4 (3 и 4 — женские; 1, 2 — не выяснены). Через 10 м находится третья группа — погребения 5 (парное — мужчина и женщина) и погребения 8 (мужчина); четвертая группа — погребения 6 и 7 (женское и мужское). Через 6 м идет пятая группа — погребения 9 (парное — мужчина и женщина) и еще через 6 м — ритуальное погребение 10 (овцы). Эту группировку могил можно рассматривать с двух сторон. Во-первых, как захоронения отдельных семей одного рода и, во-вторых, как погребения людей, отличающихся разным положением в родовом коллективе. Очевидно, у фатьяновцев была парная семья и в каждой упомянутой группе женщина похоронена рядом с мужчиной (6, 7, 11, 12) или вместе в одной могиле (5 и 9). Странным является факт отсутствия рядом с ними детских погребений. Вероятно, они, так же как и в Олочинском и в Тимофеевском могильниках, находились на южной окраине могильника, разрушенного карьером.

Погребения 5 и 7 являются, очевидно, погребениями вождей. Их могилы больше и глубже, они сопровождалась медными вислообушными топорами в берестяных футлярах. Рядом с погребением 5 располагалось очень бедное вещами погребение 8, возможно, здесь положен раб. Погребения 9 — парное, богатое и относится, вероятно, к захоронению жреца с женой или наложницей. На Тимофеевском могильнике несколько иная группировка: первая группа — погребения 1 и 15 (мужские погребения с собаками)

⁸⁸ Д. А. Крайнов. Памятники фатьяновской культуры. Ярославско-Калининская группа, стр. 15, рис. 4; Н. А. Кирьянова. Ильинско-Хованский могильник. КСИИ, вып. 101, 1964.

⁸⁹ Д. А. Крайнов. Олочинский и Таскаихский могильники фатьяновской культуры.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ Д. А. Крайнов. Вауловский могильник.

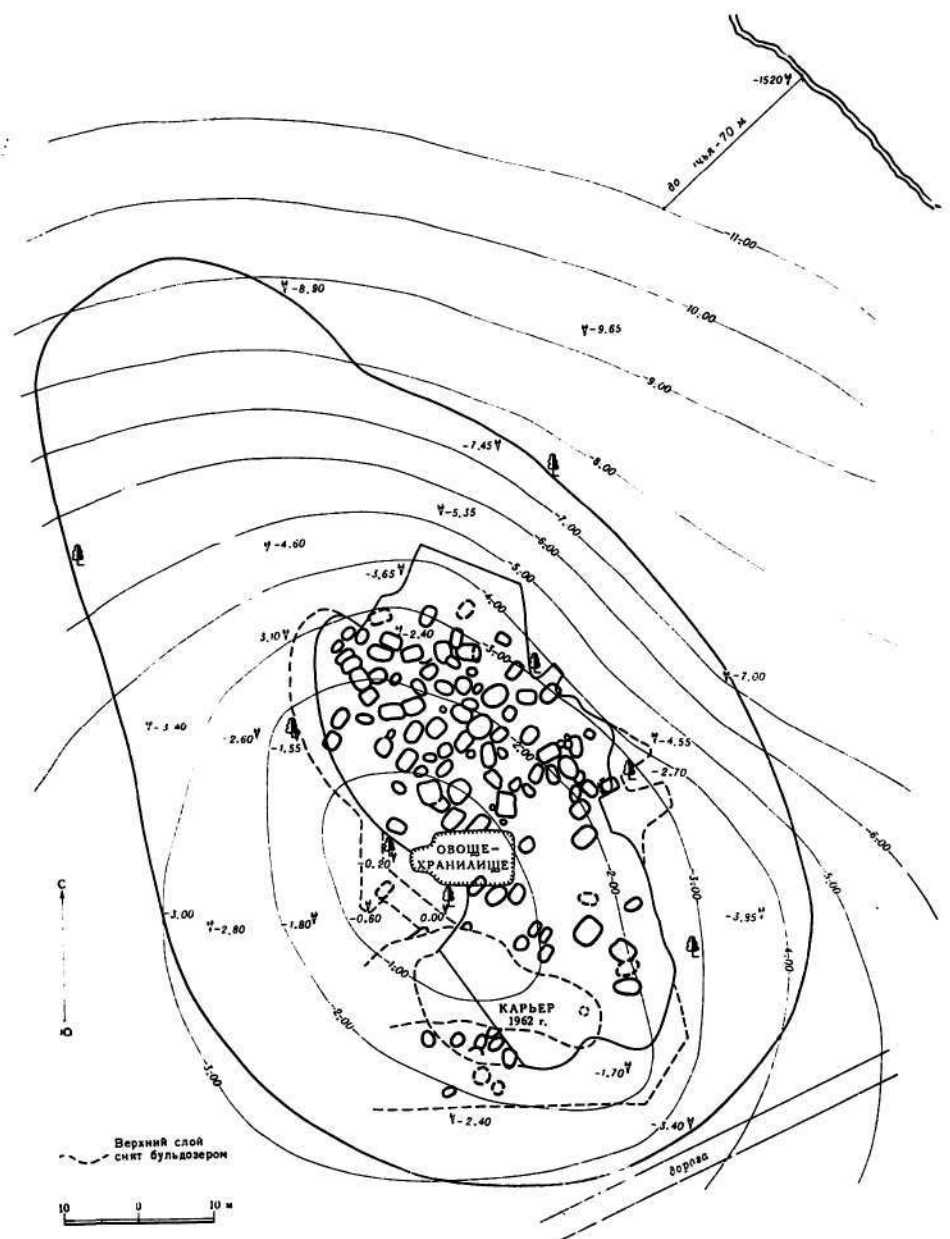

Рис. 69. Генеральный план Волосово-Даниловского могильника фатьяновской культуры

и рядом погребение 6 (юноша) и погребение 2 (женщины); вторая группа — погребение 5 (мужчина) и погребения, разрушенные карьером; третья группа — погребения 3, 4, 7 (мужчины); четвертая группа — погребения 9, 10, 12 (детские), пятая — погребение 13 (мужчина), погребения 11, 16 (пустые) и 14 (женские). Несколько могил разрушено ямами, карьером и овощехранилищем.

Обряд погребения, погребальный инвентарь и антропологический тип погребенных свидетельствует о кровном родстве их погребенных. Оно подчеркивается портретным сходством по-

гребенных⁹², за исключением женщины из погребения 14, захороненной на окраине могильника. По антропологическому типу она близка к восточнофатьяновскому — средиземноморскому. Особая ориентировка, сильная скорченность, инвентарь также подтверждают вывод о ее чужеродности. Очевидно, все другие погребения относятся к одной большой патриархальной семье. Члены этой семьи погребены в соответствующих местах по возрасту, общественному

⁹² По данным антрополога Г. В. Лебединской, восстановлены портреты погребенных по черепу.

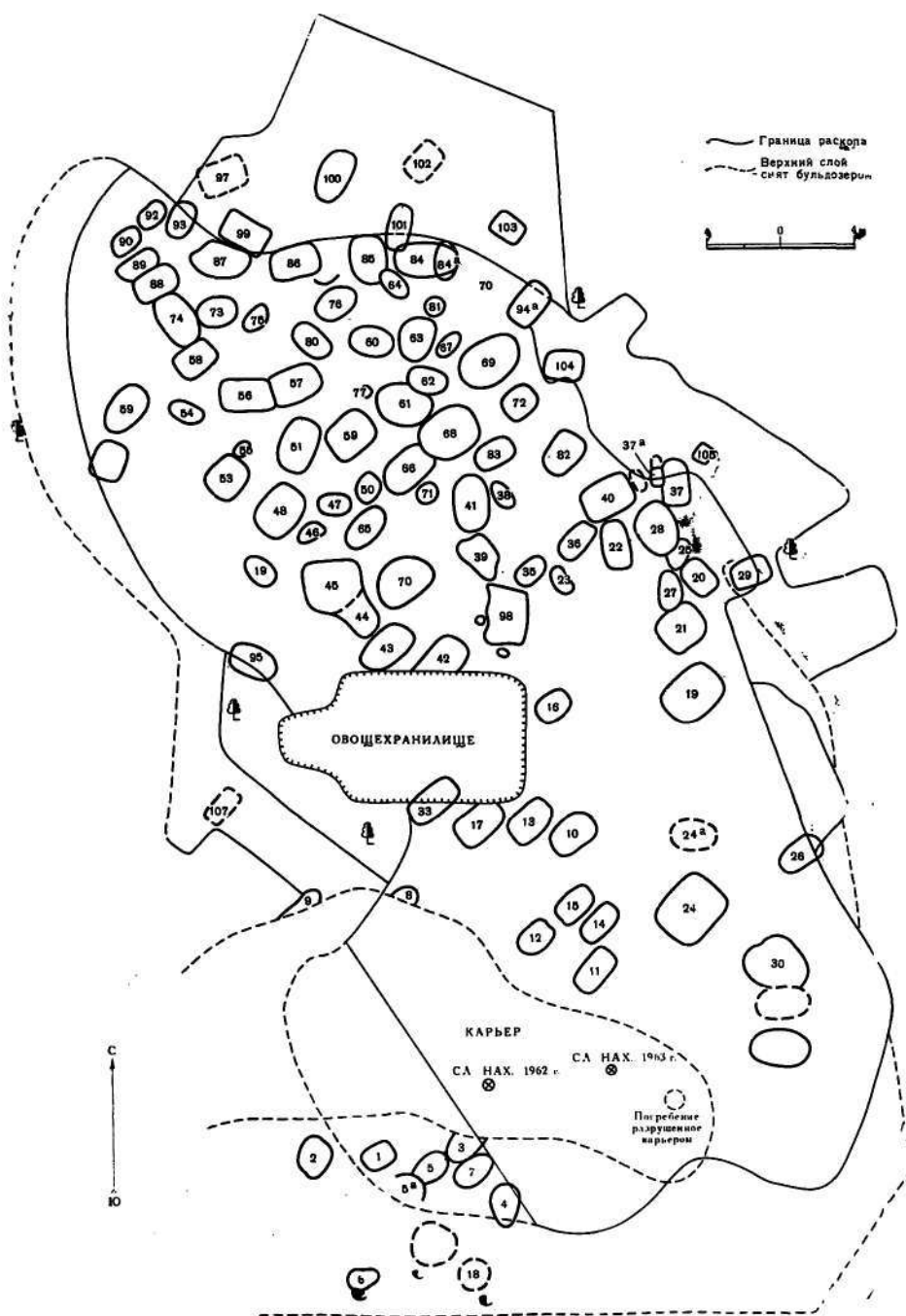

Рис. 70. План расположения могил Волосово-Даниловского могильника

положению и полу. На высокой части холма погребены воины (погребения 1, 15, 5, 3, 7, 6). В самом центре — глава семьи, вождь (погребение 1). Дети погребены на одном краю могильника, а женщины — на других краях могильника. В погребении 2, очевидно, лежала жена главы семьи, над ее могилой располагался очаг из камней, символизирующий домашний очаг.

Группировка могил на Воронковском и Ни-

кульцинском могильниках близка к Тимофеевскому.

Несколько иная группировка наблюдается на позднем Волосово-Даниловском — самом большом могильнике фатьяновской культуры (рис. 69). Очевидно, этот могильник являлся родовым кладбищем. На нем было не менее 125 могил (рис. 70). Здесь в каждой группе имеются погребения мужчины, женщины и де-

тей. Могилы многих погребений в группах врезаются одна в другую, что указывает на семейные погребения в одном месте. Очевидно, в общественном устройстве фатьяновского общества произошли какие-то изменения, так как дети и женщины хоронятся рядом. Однако и здесь выделяются могилы знатных воинов и пастухов своими размерами и количеством вещей. К сожалению, разрушенность могил и разграбленность лишают нас ценных фактов.

Судя по определенным костным остаткам (табл. 4), возраст погребенных различен. Наибольшая смертность у взрослых падает на 30—50 лет, а детей — от 2 до 5 лет. Женщины редко доживают до 40 лет, а мужчины живут дольше — до 50—60 лет. Погребения мужчин этого возраста — наиболее богатые — это могилы вождей и старейшин.

Разобранный нами погребальный обряд фатьяновцев является важным историческим источником для восстановления идеологических представлений, верований, обрядов и социально-экономической структуры фатьяновского общества.

Расположение могильников и могил на них, группировка могил, обряд погребения, разность в погребальном инвентаре и т. д. приводят нас к выводу о существовании родового строя у фатьяновцев. Могильники являются семейными и родовыми кладбищами, а гнезда могильников, расположенные недалеко друг от друга, очевидно, — могильниками племени. К группе родственных племен относятся памятники, близкие по обряду и вещам, расположенные компактными группами по рекам и в окрестностях их (московско-клязьминские, верхневолжские, окско-деснинские, сурско-свияжские и т. д.). Одинаковый обряд погребения, погребальный инвентарь и очень близкий антропологический тип в могильниках свидетельствуют об этническом родстве погребенных, а «портретное сходство» погребенных в одном могильнике (Тимофеевский) — о кровном родстве их.

Разница в устройстве (глубина, размеры) и расположении могил (в центре, на окраине), количестве и качестве погребального инвентаря, группировке могил по общественному положению, полу и возрасту служат указанием на дифференциацию внутри фатьяновской родовой общины и по общественному положению, и по половозрастному, и по семейному. Вероятно, родовая община состояла из отдельных больших парных семей, о чем свидетельствуют группировки могил на Волосово-Даниловском могильнике⁹³. Здесь в каждой группе есть мужские,

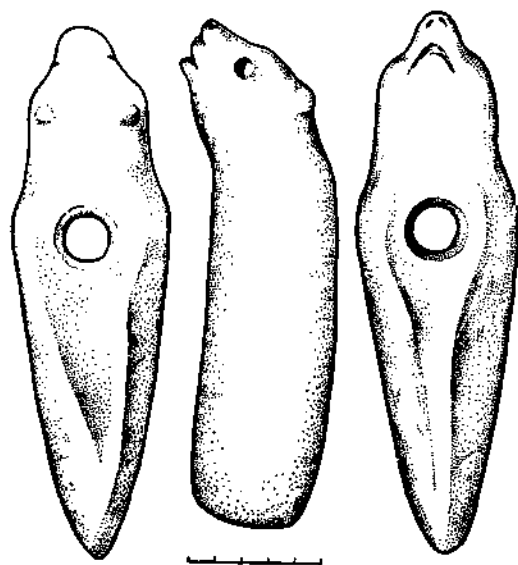

Рис. 71. Каменный сверленный топор с медвежьей головой

женские и детские погребения. Кстати, этот могильник один из поздних, а в ранних родовых кладбищах мужчины хоронились в одной стороне, женщины в другой, а дети хоронились отдельно.

Фатьяновский род, по всей видимости, может быть отнесен к стадии раннего патриархата, что подтверждается выделением могил вождей-мужчин, наличием одновременных парных погребений мужчины и женщины, последние иногда умерщвлялись насильственно; значительным количеством погребений мужчин-пастухов с собаками, подчиненным положением женщин (расположение на краю могильников); ведущей ролью мужчин в скотоводческом хозяйстве, появлением имущественного неравенства (разница в количестве и качестве инвентаря), ролью воинов-мужчин и т. д. Возможно, в позднефатьяновское время существовало и патриархальное рабство, на что указывают необычное погребение мужчины на спине с разбросанными ногами, без вещей и сосудов на небольшой глубине в Тимофеевском могильнике (погребение 4) и погребение (8) мужчины с рабочим молотом в Вауловском могильнике.

Мы предполагаем, что погребения 5 и 7 в Вауловском могильнике являются погребениями вождей, а погребение 9 — погребением жреца (волхва). Костер над могилой 7, огромная по размерам могильная яма, большое погребальное сооружение, точная юго-западная ориентировка, бронзовый вислообушный топор и прекрасный изящный длиннолопастный топор, положенные с погребенным, убеждают нас в том,

⁹³ Д. А. Крайнов. Отчет Верхневолжской экспедиции за 1986 г. Архив ИА АН СССР.

что это погребение вождя. Возможно, в погребении 6, также богатом инвентарем, захоронена родственница или жена этого вождя.

В погребении 5 также захоронен вождь и его жена (или рабыня). Загадочной остается северо-восточная ориентировка этого парного погребения и положение мужчины на левом боку. Остается предположить, что он относился к другому роду или занимал какое-то непонятное нам особое положение. Возможно, это начальник рода. У него в руках был только медный вислобушный топор — символ власти, не было каменного боевого топора, как в погребении 7. Рядом с ним захоронен, по-видимому, раб, с которым положена только одна каменная мотыга и разбитый глиняный сосуд. Обращает на себя внимание и другая весьма интересная деталь. В мужских захоронениях 5, 7 и 9 нет кремневых клиновидных рабочих топоров, не найдены они и в погребении вождя из Тимофеевского могильника, тогда как их часто встречаем в погребениях рядовых воинов и женщин. В парных погребениях 5 и 9 Вауловского могильника с женщинами положены кремневые клиновидные топоры. Этот факт раскрывает нам отношение разных членов рода к труду. Кремневый клиновидный топор является одним из важнейших орудий производства и домашнего хозяйства. Вся тяжесть ведения домашнего хозяйства и земледелия лежала, по-видимому, на женщинах, что подтверждается особым положением кремневого клина у лба погребенной женщины из Милославского могильника (погребение 4) и наличием двух клиновидных топоров в женском погребении (3) Кузьминского могильника. Отсутствие у вождей и жреца клиновидных топоров свидетельствует об их особом положении в родовом коллективе — распорядителей, руководителей и военачальников, оторвавшихся от труда. Погребения вождей выделяются на всех могильниках центральным расположением, размером могил и погребальными сооружениями и вещами (погребение 3 Воронковский могильник, погребение 1 Тимофеевский могильник, погребение 15 Никульдинский могильник, погребение 6 Ханевский могильник и т. д.).

Вторую группу фатьяновского родового коллектива занимают воины разных градаций. К третьей группе относятся женщины, к четвертой — дети.

Таким образом, анализ погребального обряда, положение погребального инвентаря и расположение погребенных на могильнике дают нам неоспоримые факты дифференциации фатьяновского родового коллектива.

По всему явствует, что у фатьяновских племен существовало строгое деление по полу, возрасту и общественному положению. Также чет-

ко выделяется верхушка родового коллектива — вожди. Для решения вопроса о принадлежности группы могил одной большой семье у нас еще недостаточно данных, так как по другим могильникам имеются разрозненные погребения и нет целостной картины. Об этом можно говорить только в отношении позднего этапа (расположение могил Волосово-Даниловского могильника).

Верхушка рода — вожди выделяются четко по своему центральному положению на могильниках (Вауловский, Тимофеевский, Воронковский, Никульдинский и др.), по большей глубине и большим размерам могил и погребальных сооружений, по высокому качеству боевых топоров (каменных и медных), по количеству вещей, кострищам над могилами, остатками тризны (сосуды над погребениями), по присутствию остатков столбов у могил, по возрасту (35—60 лет) и т. д.

Мужчины были в первую очередь воинами. Особое положение боевых топоров в ритуале свидетельствует о возрастных или иных градациях воинов, а на высокое положение воина указывает расположение их могил в центре могильника. О существовании возрастных или иных градаций свидетельствует разное положение боевых топоров. На походную жизнь мужчин указывают и ножи у пояса.

Об ином положении женщин свидетельствуют следующие факты: отсутствие их могил в центральной части могильников, особая ориентировка, сильная скорченность (возможно связывание), присутствие в погребальном инвентаре большого количества сосудов и других вещей домашнего обихода, наличие всевозможных украшений и т. д. Обряд погребения дает представление об особом положении женщины, обособленности ее от мужской половины рода.

Детские погребения концентрируются сначала отдельно, а потом рядом с женскими; часто дети похоронены со своей матерью, что говорит о роли женщины в воспитании детей. Погребения детей резко отличаются по погребальному инвентарю от взрослых. Вещи в них носят волевой характер. Однако инвентарь мальчиков разнится от инвентаря девочек так же, как у мужчин и женщин. Находки боевых топориков и их глиняных копий, а также кремневых клиньев и ножей в детских погребениях поздней стадии развития культуры указывают на усиление военных столкновений и на приучение детей к суровой жизни воина-пастуха с детства.

Судя по разнице погребального инвентаря у фатьяновцев существовало разделение труда между мужчинами и женщинами. Первые, кроме военного дела, были пастухами-скотоводами,

мастерами производства орудий труда из камня, кремня и кости, металлургами, строителями жилищ, поселений и т. д.

Женщины занимались ведением домашнего хозяйства, гончарным производством и, вероятно, участвовали в других хозяйственных работах. Редкие находки боевых топоров в женских погребениях указывают и на их участие, возможно в особых случаях, в военном деле. Этот факт, а также богатство многих женских погребений свидетельствуют, хотя и об особом, но высоком, не приниженом положении женщин в фатьяновском обществе и их большом значении в хозяйстве и, очевидно, в воспитании молодого поколения. Жизнь коллектива была, вероятно, строго регламентирована. Появление в позднем Волосово-Даниловском могильнике костных остатков всех основных видов домашних животных, включая крупный рогатый скот и лошадь, а также большого количества погребений мужчин с собаками, погребения металлурга, большого количества металлических изделий, большого количества сосудов (особенно «амфорного типа»), группировки могил по семейному, а не родовому признаку свидетельствуют о значительных сдвигах в идеологии и социально-экономической организации фатьяновского общества. Мужчина — глава семьи. Он хранитель основного богатства — скота. Его дети и жена хоронятся рядом с ним. Очевидно, семьи фатьяновцев составляли патриархальную родовую общину.

Появление погребений на высоких холмах, отделенных от поселений, тщательное устройство «жилищ мертвых», подобных жилищам живых, снабжение умерших самым необходимым инвентарем, каким он пользовался при жизни, и пищей — все это свидетельствует о дальнейшем развитии веры в загробную жизнь и близость ее к земной жизни.

Сложность погребального ритуала, сопровождаемого, очевидно, соответствующими магическими обрядами, связанными с применением огня как символа жизни или очистительной силы, с культом солнца (захоронение лицом к солнцу и наличие солярных изображений на сосудах; рис. 42, 47, 48), культом медведя (рис. 71), с жертвоприношениями ритуальных животных (овца-коза) и т. д., рисует картину откристаллизовавшихся своеобразных представлений об окружающем мире и о вере в загробную жизнь.

Появление захоронений жрецов (колдунов — волхвов) в поздних могильниках (погребение 9 Вауловского могильника), а также широкое распространение в погребальном обряде символов или тотемных вещей указывают на усложнение верований и постепенный отрыв земной

жизни от загробной, а возможно, и появление понятия о душе (анимизм).

Хозяйство, социально-экономический уклад, верования заставляют предполагать довольно высокую ступень культуры фатьяновского общества. Изящные формы топоров, сложные узоры на сосудах, украшения указывают на высокие художественные вкусы и сложное мышление фатьяновцев. Гармоничный антропологический тип фатьяновцев — северных индоевропейцев также подтверждает данное положение.

Антропологический состав фатьяновских племен верхневолжской группы однообразен, что указывает на единство культуры. Единичные и фрагментарные костные остатки из могильников московско-клязьминской группы не дают достаточного представления об антропологическом типе фатьяновцев данной группы. Но последние находки черепов в Ханевском могильнике подтверждают единство их с верхневолжскими.

Балановский антропологический тип носит смешанный характер с преобладанием средиземноморского краниологического варианта (М. С. Акимов, М. М. Герасимов и др.). Следует отметить, что вместе с ним в Балановском могильнике имеется и типичный фатьяновский антропологический тип, а также местные элементы неолитических обитателей. Смешанный характер антропологических и культурных остатков свидетельствует о более позднем времени Балановского могильника, а преобладание средиземноморского типа указывает на юго-западный путь в происхождении основной массы средневолжских племен. Нам представляется, что разница в антропологическом типе фатьяновцев и балановцев не дает права на выделение самостоятельной балановской культуры (О. Н. Бадер, А. Х. Халиков), так как в том же Балановском могильнике встречаются вместе разные антропологические типы (средиземноморцы, северные индоевропейцы, метисы и пр.), а погребальный обряд и инвентарь фатьяновцев и балановцев имеет больше сходства, чем различий. Последние можно отнести за счет разницы в хронологии и местных особенностей. Можно согласиться с выделением балановской культуры при условии отнесения других фатьяновских групп также к отдельным культурам (московско-клязьминская, верхневолжская, окско-деснинская, прибалтийская), а все эти культуры к одной фатьяновской историко-культурной общности.

По многочисленным краниологическим остаткам, собранным Верхневолжской экспедицией за последние годы и обработанным Р. Я. Денисовой и Г. В. Лебединской, удалось составить большую серию черепов и определить характер

антропологического типа верхневолжских фатьяновцев, отличающихся от средневолжских (табл. 3).

Этот тип характеризуется ярко выраженной долихокранией, большим высотным диаметром, среднешироким, средневысоким и резко профилированным лицом в горизонтальном направлении, выступающим носом, высоким переносьем и очень глубокой клыковой ямкой. Массивность на всех черепах выражена умеренно (Р. Я. Денисова).

Анализ краниологических материалов этой серии опровергает прежнее представление о верхневолжских фатьяновцах как о представителях протоевропеоидного типа (М. И. Акимов).

Среди фатьяновского населения Верхней Волги бытовал единый резко долихокраний гармоничный европеоидный тип, резко отличающийся от антропологического типа местного неолитического населения.

Возможно, сглаженность некоторых характерных особенностей антропологического типа фатьяновцев на поздних могильниках (Волосово-Даниловского, Фатьяновского и Великосельского) объясняется каким-то смешением с ме-

стным населением, как это еще более резко наблюдается в Николо-Перевозском могильнике, но не исключено и другое толкование этой разницы.

Верхневолжский долихокраний европеоидный тип фатьяновцев имеет широкие аналогии у представителей прибалтийских культур боевых топоров Эстонии (Г. Ф. Дебец, М. М. Герасимов, Р. Я. Денисова, К. Ю. Марк и др.), юго-восточной части Прибалтики и Калининградской обл. (Р. Я. Денисова). Некоторое сходство с верхневолжской серией имеют и краниологические серии из Средней Европы, но в них наблюдается некоторая сглаженность основных черт.

Следует отметить существование у фатьяновцев трепанации черепа (Никульцинский могильник), а также искусственной деформации черепа (Волосово-Даниловский могильник), наблюдаемой и в могильнике Каупе Калининградской обл. (Р. Я. Денисова).

Существование сходного обычая, близость погребального обряда и инвентаря являются дополнительным свидетельством родства и близости прибалтийских племен боевых топоров и верхневолжских фатьяновских племен.

ХРОНОЛОГИЯ И ПЕРИОДИЗАЦИЯ ПАМЯТНИКОВ ФАТЬЯНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Одним из сложных и спорных вопросов является вопрос о датировке фатьяновской культуры и хронологии основных этапов ее развития. Среди исследователей нет единого мнения о датировке фатьяновской культуры, но все считают, что свое развитие она получила во II тысячелетии до н. э. Расхождения касаются начала и конца фатьяновской культуры.

Один из первых исследователей фатьяновского могильника — А. С. Уваров отнес его к последней стадии каменного периода¹, но дальнейшими работами это положение было отвергнуто. А. А. Спицын и В. А. Городцов датировали его примерно одним и тем же временем.

А. А. Спицын на основании анализа металлических изделий и каменных орудий отнес фатьяновские могильники к расцвету медного века или даже к концу его². Несколько позднее он писал, что «чистая фатьяновская культура принесена на север каким-то южным племенем. Есть основания думать, что это случилось еще до прихода в Южную Россию иранцев»³.

В. А. Городцов относил фатьяновскую культуру к середине или даже к концу бронзовой эпохи⁴. Он писал, «что поздние даты по отношению к фатьяновской культуре оказываются более соответствующими»⁵. В другой своей работе В. А. Городцов датировал фатьяновскую культуру поздней порой палеометаллической эпохи, что, по его классификации, соответствует II тысячелетию до н. э.⁶

А. М. Таллгрэн на основании сравнения предметов из Фатьяновского могильника с предметами, найденными в культуре Троя-II, датировал

Фатьяновский могильник около начала II тысячелетия до н. э.⁷ Одно время он синхронизировал фатьяновскую культуру с Галичским кладом, относя последний ко времени перехода от камня к бронзе. Позднее он изменил датировку Галичского клада на более позднее время.

Г. Чайлд считал возможным датировать фатьяновские памятники московской группы временем катакомбной фазы причерноморской культуры, а могильники Верхней Волги — более поздним временем, соответствующим срубно-хвалынской причерноморской фазе⁸. Эта датировка близка к истине.

Более обстоятельную хронологию памятников фатьяновской культуры разработала О. А. Кривцова-Гракова. Основываясь на сравнениях фатьяновских материалов с материалами Северного Кавказа, ямной, катакомбной, срубной, андроновской и унетицкой культур, она определила общую дату фатьяновской культуры с конца III и до последней четверти II тысячелетия до н. э. Далее, разбив географически фатьяновские могильники на три группы: московскую, ярославскую и чувашскую, она на основании изучения изменений форм сосудов, орнаментики и других предметов отнесла их к различным стадиям фатьяновской культуры. Московские памятники О. А. Кривцова-Гракова датировала концом III тысячелетия и первой четвертью II тысячелетия до н. э., ярославские отнесла ко второй четверти II тысячелетия до н. э., а чувашские — к третьей и последней четвертям II тысячелетия до н. э.⁹ А. Я. Брюсов придерживался той же датировки¹⁰, но что касается ярославской и чувашской групп, то конец их су-

¹ А. С. Уваров. Археология России. Каменный период, т. I. М., 1881, стр. 396.

² А. А. Спицын. Медный век в Верхнем Поволжье. ЗОРСА РАО, т. V, вып. 1. СПб., 1903, стр. 79.

³ А. А. Спицын. Новые сведения о медном веке в Средней и Северной России. ЗОРСА РАО, т. VII, СПб., 1905, стр. 82.

⁴ В. А. Городцов. Культуры бронзовой эпохи в Средней России. М., 1916, стр. 6.

⁵ Там же, стр. 4.

⁶ В. А. Городцов. Панфиловская палеометаллическая стоянка.

⁷ А. М. Tallgren. Die kupfer und Bronzezeit in Nord und Ostrussland, Bd. I. Helsingfors, 1911, S. 211—212.

⁸ Г. Чайлд. У истоков европейской цивилизации. М., 1952, стр. 226.

⁹ О. А. Кривцова-Гракова. Хронология памятников фатьяновской культуры. КСИИМК, вып. XVI, 1947, стр. 23.

¹⁰ А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952, стр. 12; он же. Об экспансии культур с боевыми топорами. СА, 1961, № 3, стр. 22, 23.

ществования он относил приблизительно к середине II тысячелетия¹¹. В своих последних работах А. Я. Брюсов датировал чувашскую группу более ранним временем, чем О. А. Кривцова-Гракова.

М. Е. Фосс¹², В. М. Раушенбах¹³⁻¹⁴, И. К. Цветкова и ряд других исследователей также относят начало фатьяновской культуры к концу III тысячелетия, а ее распространение в Волго-Окском междуречье — к началу II тысячелетия до н. э.

О. Н. Бадер выделил из среды фатьяновской культуры средневолжские памятники в особую балазовскую культуру¹⁵. Начало ее он относит к концу III тысячелетия до н. э. и исчезновение — к концу II тысячелетия¹⁶.

Итак, твердой и единой хронологии фатьяновской культуры в представлениях исследователей нет. Большинство склонно считать, что фатьяновская культура существовала в первой половине II тысячелетия. Основные расхождения касаются начала и конца ее бытования¹⁷.

Нам представляется, что перечисленные выше авторы не имеют твердых оснований для отнесения начала фатьяновской культуры в Волго-Окском междуречье к концу III тысячелетия до н. э. Мы полагаем, что началом фатьяновской культуры следует считать первую четверть II тысячелетия до н. э. Чтобы решить этот спор, нам придется рассмотреть основные доводы защитников первого положения.

Одним из основных доводов О. А. Кривцовой-Граковой для ранней датировки является, по ее мнению, аналогичность керамики московских могильников с керамикой культуры одиночных погребений Дании, датируемой на Западе концом III тысячелетия.

Однако детальное рассмотрение керамики из московских могильников и датских погребений приводит нас к выводу об отсутствии сходства и в форме сосудов, и в орнаментике. Отдельные черты сходства в орнаментике не могут служить доводом, так как они могут относиться к различному времени. Кроме того, и одиночные погребения Дании не имеют прочной даты.

Также не может служить серьезным обосно-

ванием ранней даты и находка в Ивановогорском могильнике жезловидной молоточкообразной булавы, аналогичной, по мнению О. А. Кривцовой-Граковой, булавам древнейшей стадии катакомбной культуры. Сейчас известно, что жезловидные булавы катакомбного типа распространены чрезвычайно широко во времени и в пространстве. Их датировка колеблется от середины III тысячелетия до середины II тысячелетия. Булавы, подобные ивановогорской, найдены в памятниках среднеднепровской культуры, датируемых второй четвертью II тысячелетия до н. э.¹⁸ Кроме того, в Воронковском могильнике верхневолжской (ярославской) группы, которую О. А. Кривцова-Гракова датирует второй четвертью II тысячелетия до н. э., также найдена подобная булава (рис. 33, 13)¹⁹. Наконец, ссылка на так называемые выпрямители древков стрел также не может служить аргументом ранней даты, так как подобные орудия имели широкое распространение — от Дальнего Востока до Атлантического океана — и встречаются они в разновременных культурах²⁰. Выпрямители древков стрел, подобные фатьяновским и катакомбным, найдены в городищах с текстильной керамикой на Верхней Волге²¹.

Таким образом, вряд ли можно признать доводы О. А. Кривцовой-Граковой приемлемыми для обоснования ранней датировки возникновения фатьяновской культуры — концом III тысячелетия до н. э. А. Я. Брюсов, устанавливая ту же дату в одной из своих работ, ссылается на О. А. Кривцову-Гракову, а в другой работе базируется на радиоуглеродной дате западных культур с боевыми топорами, а также на стратиграфии михельсбергской культуры²². Его аргументы бездоказательны. Во-первых, сам радиоуглеродный метод несовершенен и часто дает противоречивые даты для одной и той же культуры. Во-вторых, эта дата относится к западным культурам, а не к фатьяновской, поэтому не может служить доводом. Есть более веские аналогии из прибалтийской культуры ладьевидных топоров, где по радиоуглероду памятники, близкие фатьяновским, датируются 1700—1600 гг. до н. э. По наслоениям михельсбергской культуры, с нашей точки зрения, также нельзя

¹¹ Там же, стр. 33.

¹² М. Е. Фосс. Древнейшая история Севера европейской части СССР. М., 1954, стр. 182.

¹³ В. М. Раушенбах. Неолитические стоянки Верхней Клязьмы. «Труды ГИМ», вып. XXII, 1959, стр. 12.

¹⁴ В. М. Раушенбах. Фатьяновское погребение на неолитической стоянке Николо-Перевоз. «Труды ГИМ», вып. XXXVII, 1960, стр. 36.

¹⁵ И. К. Цветкова. Волосовские неолитические племена. «Труды ГИМ», вып. XXII, 1953, стр. 49.

¹⁶ О. Н. Бадер. К вопросу о балазовской культуре. СЗ, 1950, № 1; он же. Балазовская культура. СА, 1961, № 4.

¹⁷ О. Н. Бадер. Балазовский могильник. М., 1963, стр. 268—276.

¹⁸ «Swiatowita», 1950, № 6, стр. 26, 27 (курган № 60 из Ясновки).

¹⁹ Д. А. Крайнов. Отчет Верхневолжской экспедиции за 1965 г. Воронковский могильник.

²⁰ Д. А. Крайнов. Памятники фатьяновской культуры. Ярославско-Калининская группа. САИ, В1-20, 1964, стр. 44—21.

²¹ Ю. Г. Гедуне. Городище Топорок Тверской губ. Корчевского у. «Труды II Тверского археол. съезда 1903». Тверь, 1906.

²² А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху, стр. 12, 91, 94.

обосновывать датировку фатьяновской культуры. Что же касается ссылки А. Я. Брюсова на раннюю датировку В. Милойичем молотчкообразных булавок (2200 ± 50)²³, то он сам себе противоречит, так как выше, в той же работе, он писал, что другие исследователи обычно датируют молотчкообразные булавки «началом II тысячелетия до н. э. или даже более поздним временем»²⁴. Э. Маевский²⁵ датирует их первой половиной II тысячелетия до н. э., А. Быдловский также придерживается этой даты²⁶.

Попытка А. Я. Брюсова удревнить катакомбную и срубную культуры с целью удревнения даты и фатьяновской культуры также не имеет под собой почвы²⁷. Отнесение А. Я. Брюсовым таких поздних фатьяновских памятников, как Буньковский и Николо-Перевозский могильники ко второй половине III тысячелетия²⁸ на основании бездоказательной передатировки воловской культуры IV тысячелетием до н. э., не может быть принято без веских фактических данных.

Несколько подробнее нам придется остановиться на обоснованиях хронологии так называемой балановской культуры (восточной группы памятников фатьяновской культуры.— Д. К.). Выше мы писали, что О. А. Кривцовой-Граковой памятники чувашской (балановской) группы датировались третьей четвертью II тысячелетия до н. э. О. А. Бадер, не соглашаясь с этой датировкой, создал новую хронологию. Рассматривая Балановский могильник как «большой, хронологически широкий, но единый комплекс»²⁹, он относит его к XIX—XV вв. до н. э. Основанием для такой датировки он считает следующие факты³⁰:

1) находку в Балановском могильнике костяных орнаментированных пластинок, известных на Западе в культурах шаровидных амфор и шнуровой керамики;

2) спиральное медное кольцо, «близкое унетицкой форме»;

3) «балановский» сосуд из Буньковского могильника, датированный Кривцовой-Граковой концом III — началом II тысячелетия до н. э.;

²³ А. Я. Брюсов. Об экспансии культур с боевыми топорами, стр. 24.

²⁴ Там же, стр. 24.

²⁵ «Swiatowit», 1950, N 6, str. 57—63.

²⁶ Там же, стр. 26, 27.

²⁷ А. Я. Брюсов, М. И. Зимица. Каменные сверленные боевые топоры на территории европейской части СССР. САИ, ВЧ-4, 1966, стр. 11—13.

²⁸ Там же, стр. 17. Николо-Перевозский могильник датируется автором раскопок В. М. Раушенбах третьей четвертью II тысячелетия; В. М. Раушенбах. Фатьяновское погребение на неолитической стоянке Николо-Перевоз, стр. 36.

²⁹ О. Н. Бадер. Балановский могильник, стр. 268.

³⁰ Там же, стр. 268—276.

4) близость балановских топоров топорам привольненского типа среднекубанского этапа северокавказской бронзы, относимых к XVII в. до н. э.;

5) близость медных балановских копий по технике выделки медным долотам привольненского этапа;

6) орнаментацию днщ балановских сосудов, близкую к орнаментации днщ среднеднепровской культуры и культур шнуровой керамики;

7) глиняные модели колес из Балановского могильника и др.

Эти факты могут подтвердить только общую датировку в пределах большого отрезка времени, но вряд ли их можно считать вескими доказательствами датировки начала Балановского могильника — рубежом XX в. до н. э.

Рассмотрим факты в указанном выше порядке:

1. Костяные пластинки, пряжки или запонки, как их иногда называют, близкие балановским, имеют очень широкое распространение в Западной Европе. Они найдены в Югославии, Чехии, Польше, Дании, Англии, ФРГ и в СССР. Датируются они разным временем, начиная с конца III тысячелетия и до середины II тысячелетия до н. э. Большинство их относится к эпохе бронзы (II тысячелетие). По своей форме эти пластинки различны. Наиболее близкими балановским являются пластинки из Югославии, относящиеся к люблянской культуре, датированной медным веком³¹, пластинки из могильника Вестербьерге на Готланде³², из подольских мезолитических погребений³³, пластинки из погребений с шаровидными амфорами в Польше (Косово около Плонска) и в погребениях жуцевской культуры³⁴. Последняя датируется первой половиной II тысячелетия до н. э. М. Гимбутас считает находки двух «пряжек» с орнаментом из мужских погребений в Каупе более поздними и датирует их этапом, следующим за культурой шаровидных амфор³⁵.

Балановские пластинки близки орнаментированной пластинке из клыка кабана из погребения 3 могильника Samborzec около Сандомира³⁶.

Поскольку дата таких пластинок растяги-

³¹ L. Hajek. Kostena industrie otomanske kulture z Barce. «Slovenska Archeologia kulture», VII-2. Bratislava, 1959, str. 00, tabl. 11, 1.

³² Там же, стр. 294, рис. 19, 4, 5.

³³ Г. Чайлд. У истоков европейской цивилизации, стр. 263, рис. 94.

³⁴ M. Gimbutas. The Prehistory of Eastern Europe. Part. I. Cambridge, 1956, str. 163.

³⁵ Там же, стр. 160.

³⁶ J. Kamienska, A. Kulezicka-Leciewiezowa. Quelques remarques sur la civilisation des vases campaniforme en Pologne. «Archeologia Polona», t. VII. Warszawa, 1964.

вается до середины II тысячелетия, то трудно по ним определить, к какому времени относятся балановские пластинки.

2. Спиральное медное кольцо, близкое унетицкой форме, вряд ли свидетельствует о XX в. до н. э. или несколько позднее времени, как пишет О. Н. Бадер³⁷. Унетицкая культура датируется с XVII в. до XIV в. до н. э.³⁸ Скорее кольцо ближе к середине II тысячелетия.

3. Как довод ранней датировки придется отвергнуть и ссылку на сосуд из Буньковского могильника, так как последний не может относиться к III тысячелетию. По находкам волосовской керамики на стоянке, разрушенной Буньковским могильником, он датируется не ранее конца первой четверти II тысячелетия и, по всей видимости, относится к 1600—1500 г. до н. э.

Таким образом, все три основных довода ранней датировки Балановского могильника не могут служить доказательством отнесения его к началу II тысячелетия до н. э.

4—5. Обоснования ранней даты на сравнениях с кавказскими материалами не могут быть приняты по следующим соображениям: во-первых, самим О. Н. Бадером отвергаются родственные связи Баланова с Кавказом, а, следовательно, сравнения с материалами из другой исторической среды могут внести только путаницу в решение вопроса; во-вторых, балановские формы глиняных топоришков не имеют ничего общего с топорами привольненского типа и, наконец, балановские медные копы только по технике выделки близки привольненским медным долотам и их нельзя сравнивать. На основании последних сравнений О. Н. Бадер датирует балановские топоры и копы XVII—XVI вв. до н. э.

6. Что касается сравнений орнаментики днщ балановских сосудов с орнаментацией среднеднепровских сосудов и сосудов культур шнуровой керамики, то и они дают дату не только конца первой и второй четверти II тысячелетия до н. э., а более позднюю³⁹.

Глиняные копии повозочных колес также не могут указывать на раннее время, так как подобные колеса встречены не только в «энеолитических» культурах (ямная), но и в памятниках бронзового века (Кавказ, Венгрия). В голландских торфяниках подобные колеса

встречаются в памятниках III и II тысячелетий до н. э.

Кроме того, такие же глиняные колесики, как и балановские, найдены в поселении Хонки-Сэт, датируемом XII—XI вв. до н. э.⁴⁰

Поздний этап Балановского могильника О. Н. Бадер устанавливает на основании сопоставлений с Кавказом, срубной культурой и абашевской. В этих и предыдущих сравнениях встречаются противоречия. Выше, устанавливая раннюю дату Балановского могильника, О. Н. Бадер сравнивал балановские медные копы с привольненскими долотами и датировал их XVII в. до н. э., а здесь те же копы он сравнивает с медными копами костромского этапа, датируемого третьей четвертью II тысячелетия до н. э. Плоскодонный сосудик срубного типа из Балановского могильника может датироваться и серединой II тысячелетия, и несколько позднее (XIV в.). Что касается отсутствия в Балановском могильнике абашевских черт, то это не может служить датирующим фактором, так как абашевская культура датируется исследователями разным временем (XV—XII вв. до н. э.).

Нам представляется, что поздняя дата Балановского могильника может заходить и в XIV в., как это вскользь признает и сам О. Н. Бадер. Тем более, что со срубной культурой балановцы могли столкнуться только в середине II тысячелетия, а возможно, и гораздо позднее.

На основании перечисленных доводов вряд ли можно датировать Балановский могильник XIX—XV вв. до н. э. и предполагать его существование в течение 400 лет.

Если могильник рассматривается О. Н. Бадером как «единый комплекс», а это правильно, то его дата должна строиться скорее по более поздним вещам, а не по ранним, найденным вместе. Кроме того, нужно доказать, что костяные пластинки, колесики, медные кольца и днща со специфическим орнаментом найдены в ранних погребениях, а более поздние вещи (плоскодонный сосуд, копы и пр.) — в поздних погребениях.

Вероятнее всего, нужно принять среднюю дату могильника — от XVI до XIV в. до н. э. Могильник мог существовать не более 200 лет, тем более, что большинство погребений — детские (коллективные). Смертность детей, видимо, была очень высокой.

Нельзя согласиться и с ранней датой так называемого козловского этапа балановской

³⁷ О. Н. Бадер. Балановский могильник, стр. 269.

³⁸ Г. Чайлд. У истоков европейской цивилизации, стр. 175—177.

³⁹ О. С. Гадзяцкая. Кривцовский могильник. КСИИ, вып. 101, 1964, стр. 131, рис. 41, 10; стр. 134; Д. А. Крайнов. Волосово-Даниловский могильник фатьяновской культуры. СА, 1964, № 4; И. И. Артеменко. Племена Верхнего и Среднего Поднепрорья в эпоху бронзы. М., 1967.

⁴⁰ П. Д. Степанов. Новые фатьяновские памятники на территории Чувашской АССР. СА, 1958, № 4, стр. 201; О. Н. Бадер. Балановский могильник, стр. 272.

культуры, относимого О. Н. Бадером к концу III тысячелетия до н. э. Эта дата была установлена А. Х. Халиковым⁴¹ на основании сравнений с московскими могильниками, датированными О. А. Кривцовой-Граковой концом III и первой четвертью II тысячелетия до н. э. Эта дата была отвергнута нами.

Мы должны признать, что не можем сейчас создать прочную абсолютную хронологию памятников фатьяновской культуры, так как не приведена в соответствующий порядок этнокарта Европы времен неолита и бронзы. Можно установить только приблизительную, относительную хронологию.

Основаниями такой хронологии могут служить следующие факторы:

- 1) стратиграфия неолитических поселений, в которых встречаются фатьяновские вещи;
- 2) стратиграфия фатьяновских поселений;
- 3) стратиграфия могильников;
- 4) сравнительный метод, применяемый не в общем масштабе, а в историческом аспекте;
- 5) пыльцевой метод;
- 6) радиоуглеродный метод (C^{14});
- 7) типологический метод в изучении развития предметов, бытовавших в данной культуре;
- 8) картографический метод;
- 9) ретроспективный метод.

На основании указанных факторов и методов мы и попытаемся создать хронологию памятников фатьяновской культуры.

Сейчас уже всеми исследователями признается, что фатьяновская культура и на Верхней, и на Средней Волге является пришлой. Также известно, что на данной территории в III—II тысячелетиях до н. э. жили неолитические племена так называемой ямочно-гребенчатой керамики (ляловская, балахнинская, белевская и рязанская, по А. Я. Брюсову) и во II тысячелетии до н. э. здесь же жили волосовские племена, относимые нами к бронзовому веку.

Раскопками многих многослойных неолитических стоянок (Сахтыш I, II, VIII, Уница, Сомино, Золоторучье, Толстуха, Балахнинская, Поляна, Борань, Станок, Федоровская и др.), расположенных в Волго-Окском междуречье по берегам озер, рек, речек и прочих водоемов, устанавливается примерно одинаковое чередование культур эпохи неолита.

1. Внизу расположен слой с ранней ямочно-гребенчатой керамикой (ляловского, балахнинского, рязанского типов).

2. Выше, наряду с ямочно-гребенчатой ке-

рамикой, появляется керамика волосовского типа — сначала с раковиной, а потом с растительными примесями.

3. Наверху встречается разнообразная керамика — ямочно-гребенчатая, волосовская, текстильная и пр.

По керамике, кремневому инвентарю и другим признакам прослеживается какая-то преемственность этих культур (ямочно-гребенчатой, волосовской и текстильной), но вместе с этим наблюдаются и пришлые компоненты, включающиеся потом в общую струю развития.

Подобная картина наблюдается на всей территории — от верховьев Волги и до Средней Волги. На Верхнем Днестре, Западной Двине и Прибалтике устанавливается близкая картина.

Ранняя стадия этих поселений датируется от IV до конца III тысячелетия до н. э.

Средняя волосовская стадия — с конца III тысячелетия и до последней четверти II тысячелетия⁴².

Верхняя — культура с текстильной керамикой — от конца II и до середины I тысячелетия до н. э.

На той же территории на какой-то стадии существования указанных культур появляются памятники фатьяновской культуры, могильники которой и так называемые случайные находки часто располагаются там же, где и неолитические стоянки. Картографирование неолитических и фатьяновских памятников показывает совпадение территории расселения и тех и других.

Отсюда возникает вопрос об одновременном существовании этих культур на одном и том же месте или о разновременности памятников, а также вопрос, на какой стадии развития этих культур появляется фатьяновская культура.

Ни на одной из стоянок, датированных III и началом II тысячелетий, не найдено ни одной вещи, относящейся к фатьяновской культуре. Все исследователи отрицают наличие фатьяновских вещей на ранних стоянках, так называемого ляловского, или балахнинского типа, но в то же время большинство их продолжает настаивать на дате «вторжения» фатьяновцев в Волго-Окское междуречье в конце III и начале II тысячелетия до н. э., объясняя это тем, что ляловцы ушли к моменту вторжения фатьяновцев в другие места (О. А. Кривцова-Гракова), что фатьяновцы не задерживались в Московской обл. и быстро

⁴¹ А. Х. Халиков. Балаховские памятники в Татарии. КСИА, вып. 97, стр. 50—58.

⁴² Вероятно, волосовскую культуру придется передатировать: начало ее отнести ко второй половине III тысячелетия до н. э., а конец — ко второй четверти II тысячелетия до н. э.

прошли (А. Я. Брюсов), замкнутостью и изолированностью племен и культур (М. Е. Фосс), враждебными отношениями (А. Я. Брюсов), существованием их в разных районах, но на одной территории (О. А. Кривцова-Гракова и О. Н. Бадер). Все пишут «о вторжении» фатьяновцев, а с кем они воевали, куда вторглись, не указывают. С льяловцами? Но их уже не было. С волосовцами? Но они появились позднее. Некоторые авторы, как, например, А. Я. Брюсов⁴³, пытаются поэтому отнести неолитические культуры и волосовскую к более раннему времени. Однако пылецевой анализ этих стоянок показывает верхний максимум ели, т. е. время суббореального периода (С. И. Тюремнов, Г. Н. Лисицына, М. И. Нейштадт и др.).

Отсутствие фатьяновских вещей на ранне-неолитических стоянках, существовавших здесь в III и начале II тысячелетия до н. э., является первым объективным фактором отрицания ранней даты вторжения — конца III и начала II тысячелетия до н. э. Если бы фатьяновцы вторглись в Волго-Окское междуречье в конце III тысячелетия до н. э., то мы бы обязательно нашли их следы на поселениях с ямочно-гребенчатой керамикой и ранневолосовской культуры, но их там нет. Следовательно, время «вторжения» было позднее, по всей вероятности, не ранее середины или конца первой четверти II тысячелетия до н. э. Для установления первоначальной даты вторжения фатьяновских племен на территорию Волго-Окского междуречья могут служить находки вещей фатьяновской культуры на так называемых поздне-неолитических стоянках.

В настоящий момент накопилось достаточно фактов, указывающих на то, что фатьяновские вещи впервые появляются на стоянках Волго-Окского междуречья в слоях с поздней волосовской керамикой. Сейчас можно указать десятки мест с находками вещей фатьяновской культуры в поздних волосовских слоях стоянок. На территории Московской обл. они были встречены в следующих местах:

На Торфяниковой стоянке «Кулиги» Павлово-Посадского р-на были найдены клиновидный кремневый топор, черешковый наконечник стрелы буньковского типа и обломок топора (кирки) с сверлиной вместе с керамикой, датированные В. А. Городцовым серединой II тысячелетия до н. э.⁴⁴ Анализы пыльцы

этой стоянки указывают на II тысячелетие до н. э.⁴⁵

На Буньковской стоянке, отнесенной В. М. Раушенбах ко второй четверти II тысячелетия до н. э., расположен Буньковский фатьяновский могильник⁴⁶.

На стоянке Николо-Перевоз в волосовском слое, датированном второй — третьей четвертью II тысячелетия⁴⁷, обнаружены коллективное фатьяновское погребение и отдельные вещи.

В Ярославской обл., где фатьяновские могильники встречаются чаще, находки также увеличиваются. Они прослеживаются на следующих стоянках:

На стоянке Золоторучье I Угличского р-на, которая может служить эталоном для датировки и последовательной смены культур после палеолита, так как она является многослойным памятником с хорошо изученными геологическими наложениями. Культурные остатки фатьяновской культуры залегают здесь на глубине от 30 до 50 см, в низу слоя погребенной почвы вместе с поздне-неолитическими вещами. Надо отметить, что как те, так и другие находились над неолитическим слоем с керамикой льяловского типа, что дает возможность датировать фатьяновские вещи временем не ранее середины или конца первой четверти II тысячелетия до н. э. Над фатьяновскими вещами залегают обломки сосудов с текстильным орнаментом, а еще выше — дьяковские, а над ними — славянские вещи XI—XIII вв. Из фатьяновских вещей здесь были найдены⁴⁸: обломки тонкостенных глиняных сосудов со штампованным, нарезным и веревочным орнаментами; каменный сверленный топор-молоток, по-видимому, выпавший из слоя и лежавший под берегом; каменное грузило с цилиндрической сверлиной (фатьяновской), также открытое под берегом; кремневые орудия.

На стоянке Золоторучье II Угличского р-на над слоем с ранней ямочно-гребенчатой керамикой были также найдены фатьяновские вещи: а) обломок ромбического, хордового топора-молотка; б) одна половинка выпрямителя

⁴³ А. Я. Брюсов, М. П. Зимин. Каменные сверленные боевые топоры...

⁴⁴ В. А. Городцов. Каменные орудия из Павлово-Посадского торфяника. «Московский краевед», вып. 1/9. М., 1929.

⁴⁵ С. И. Тюремнов. Археологические находки в торфяных залежах и датировка возраста торфяных отложений. «Труды Московского общества испытателей природы», т. III, 1960, стр. 293—294.

⁴⁶ В. М. Раушенбах. Неолитические стоянки Верхней Клязьмы, стр. 15—16.

⁴⁷ В. М. Раушенбах. Фатьяновское погребение на неолитической стоянке Николо-Перевоз, стр. 29—30.

⁴⁸ Д. А. Крайнов. Дюнная стоянка Золоторучье I. КСИИМК, вып. 75, 1959, стр. 66, 67; он же. Некоторые спорные вопросы древнейшей истории Волго-Окского междуречья. КСИИМК, вып. 97, 1964, стр. 18; он же. Памятники фатьяновской культуры. Ярославско-Калининская группа, стр. 57—58, табл. XIII.

древков стрел; в) обломок кремневого клиновидного топора; г) обломок обушка каменного сверленного топора-молотка и кремневые орудия.

Над фатьяновскими вещами залежали слои с текстильной керамикой, дьяковской и славяно-мерянской⁴⁹.

На стоянке Золоторучье III вместе с поздненеолитическими вещами найдена одна половинка выпрямителя древков стрел.

На Вашутинской стоянке Переславского р-на⁵⁰ в поздневолоховском слое обнаружены: наконечник стрелы, близкий по форме наконечнику стрелы из фатьяновского погребения на стоянке Николо-Перевоз; абашевские вещи и керамика. Стоянка датируется поздним этапом развития волоховской культуры. Недалеко от стоянки на берегах Вашутинского озера неоднократно были найдены фатьяновские топоры.

На стоянке Рождественский остров Ростовского р-на⁵¹ выявлена фатьяновская керамика вместе с керамикой поздневолоховской и поздндьяковской типа, треугольный наконечник стрелы с выемкой в основании и другие вещи. Ее можно датировать второй четвертью II тысячелетия⁵².

На Сарском городище под г. Ростовом, в нижнем слое с гребенчато-зубчатой керамикой (эпохи бронзы), были обнаружены: каменный клиновидный топор типа топора из Пужбольского могильника⁵³, черепковый каменный небольшой топор, обломок ромбического узкообушкового топора-молотка и длиннолопастный каменный сверленный топор-молоток. Эти вещи могут датироваться временем около середины II тысячелетия. По р. Саре найдены и другие фатьяновские каменные сверленные топоры.

На Воронинской стоянке Некрасовского р-на на дюне вместе с поздненеолитической и раннетекстильной керамикой найдены отдельные обломки фатьяновских сосудов с ромбическим орнаментом позднего типа. Стоянку

можно датировать концом бронзового века — XIV—XIII вв. до н. э.⁵⁴

На стоянке «Польцо» Переславского р-на в поздненеолитическом слое найдены следующие фатьяновские вещи: обушковый каменный сверленный топор-молоток, кремневый нож и наконечник дротика фатьяновского типа, обломок шейки тонкостенного глиняного сосуда балановского типа⁵⁵. Датировка, по-видимому, близка Вашутинской стоянке, т. е. третья четверть II тысячелетия до н. э.

На поселении и могильнике Дикариха Переславского р-на найдена в значительном количестве керамика фатьяновского типа вместе с текстильной и ямочно-гребенчатой керамикой, кремневыми ножами фатьяновского типа и другими находками. Датируются они временем второй половины II тысячелетия до н. э.⁵⁶ Рядом с поселением Дикариха обнаружены каменные сверленные топоры-молотки на Александровской горе⁵⁷.

На стоянках Костромской обл. — Борань, Станок, оз. Святое под г. Костромой — найдены фатьяновская керамика, каменные сверленные топоры-молотки, высверлины от топоров и другие вещи вместе с керамикой поздневолоховского типа и текстильной керамикой. Фатьяновская керамика залежала в определенных стратиграфических слоях⁵⁸.

Фатьяновская керамика была найдена в стоянке «Туровское» на Галичском озере и на стоянке Федоровской на Чухломском озере. Эти находки относятся к концу эпохи бронзы. Находки фатьяновских вещей наблюдались и на территории Ивановской обл.

На стоянках Сахтыш I и Сахтыш IV вместе с поздневолоховской керамикой найдена фатьяновская керамика и фатьяновские сверленные топоры-молотки, а также высверлины от топоров.

На многих волоховских стоянках Владимирской и Горьковской областей (Панфиловской, Волоховской, Малоокуловской и др.) найдены обломки фатьяновской керамики и каменные сверленные топоры-молотки.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ И. К. Цветкова. Новый памятник Волоховской культуры близ г. Переславля-Залесского, стр. 49, рис. 1, 1; стр. 51, рис. 2.

⁵¹ А. Л. Никитин. Рождественская стоянка на озере Неро. СА, 1965, № 1, стр. 260—261; Д. А. Крайнов. Памятники фатьяновской культуры. Ярославско-Калининская группа, табл. XIII.

⁵² Вокруг Ростова, по берегам озера Неро, имеется много фатьяновских могильников и мест случайных находок топоров-молотков на поздненеолитических стоянках.

⁵³ Д. А. Крайнов. Памятники фатьяновской культуры. Ярославско-Калининская группа, стр. 52; Е. И. Горюнова. Этническая история Волго-Окского междуречья. МИА, № 94, 1961, стр. 17, рис. 3, 2.

⁵⁴ Д. А. Крайнов. Памятники фатьяновской культуры. Ярославско-Калининская группа, табл. XII; Е. И. Горюнова. Этническая история Волго-Окского междуречья, стр. 17, рис. 3; стр. 95.

⁵⁵ А. Л. Никитин. Отчет о работах на стоянке Польцо Ярославской области, 1958. Архив ИА АН СССР, № 1772; Д. А. Крайнов. Памятники фатьяновской культуры. Ярославско-Калининская группа.

⁵⁶ А. Л. Никитин. Дикариха. МИА, № 110, 1963, стр. 208—210.

⁵⁷ Койл. Переславского историко-художественного музея; Д. А. Крайнов. Памятники фатьяновской культуры. Ярославско-Калининская группа, стр. 51.

⁵⁸ Н. Н. Гурина. Памятники эпохи бронзы и раннего железа. МИА, № 110, 1963.

На Окских стоянках вместе с поздненеолитической и позднелазской керамикой обнаружены обломки фатьяновских черепков, главным образом балановского типа (Коренец, Ибердус, Черная Гора, оз. Великое, Нарма, Козарь, Куземки, Фелово, Борок, у д. Сумбуловой, Лужки под Серпуховым и т. д.).

На территории Среднего Поволжья на стоянках позднелазской керамики также встречаются фатьяновские вещи.

Фатьяновские топоры, кремневые клинья, ножи и пр. нередко встречались и на городищах «Дьякова типа», на территории Волго-Окского междуречья.

В Брянской, Калужской и Смоленской областях также часто находят фатьяновские и среднелазские вещи на поздненеолитических стоянках, например: в окрестностях Брянска, Бежицы, Трубчевска (Куракин Бор, Стрельбище, Жмуровская, Ильюхино озеро) ⁵⁹. Встречаются они по рекам Навле и Ревне (Дунская, Глинская, Дядьковичи) ⁶⁰. Вокруг всех этих находок имеются и могильники фатьяновской культуры.

Такая же картина прослеживается и на поздненеолитических стоянках Прибалтики и Литвы. Там также шнуровая керамика и каменные сверленные топоры-молотки появляются на поздненеолитических стоянках конца первой четверти II тысячелетия до н. э.

Показательно в этом отношении неолитическое поселение Акали, где ярко видна последовательность расположения по глубинам керамики нарвского типа, ямочно-гребенчатой керамики с дрсвой, поздней ямочно-гребенчатой (пористой), шнуровой, текстильной и эпохи раннего железа. Шнуровая керамика отсутствует в слоях с керамикой ямочно-гребенчатого типа (типов льяловской и ранней ляховской культур) и появляется в слоях с поздней неолитической керамикой и ранней текстильной. Датируется эта шнуровая керамика первой четвертью II тысячелетия до н. э. ⁶¹.

Такая же картина смены культур наблюдается и в ряде других стоянок Прибалтики ⁶². В 1966 г. такое же чередование слоев наблюдалось Верхневолжской экспедицией и на стоянках Ронское I, II, III в Осташковском р-не Калининской обл. на берегу оз. Селигер. Здесь в одном слое с гребенчато-ямочной керамикой и керамикой волосовского типа найдена шнуровая

керамика и кремневые орудия фатьяновского типа, выше ее залегала текстильная керамика ⁶³.

Таким образом, по стратиграфии многочисленных поздненеолитических стоянок Волго-Окского междуречья устанавливается первое появление фатьяновских вещей в позднее волосовское время и окончательное исчезновение их в раннелазское время. По-видимому, этим отрезком и придется датировать существование фатьяновской культуры, т. е. с середины или конца первой четверти II тысячелетия и примерно до конца его (на востоке). Эта дата подтверждается и пыльцевыми спектрами, полученными из образцов культурных слоев волосовских стоянок.

В настоящее время известны десятки пыльцевых спектров с неолитических стоянок Волго-Окского междуречья ⁶⁴. Эти стоянки относятся и к ранней, и к поздней фазам неолита. По пыльцевым спектрам большинство их датируется временем верхнего максимума ели, что в относительных цифрах совпадает с концом III и со II тысячелетием до н. э. Например, по пыльцевым спектрам и условиям залегания нижний слой стоянки Сахтыш I можно датировать второй половиной III и началом II тысячелетия до н. э. Также датируются и нижние слои Бисеровской и Уницкой стоянок ⁶⁵.

Волосовский слой по пыльце и условиям залегания датируется началом II тысячелетия и первой половиной II тысячелетия до н. э.

Процесс торфообразования, прослеженный на стоянке Сахтыш I, соответствующий времени волосовского слоя, указывает на увлажнение климата и заболачивание, что совпадает со временем «максимума ели» на развитом этапе ⁶⁶. Верхние слои стоянок с наличием текстильной керамики относятся к концу II и началу I тысячелетия до н. э.

⁵⁹ Д. А. Крайнов. Отчет Верхневолжской экспедиции за 1966 г. Раскопки стоянок Ронское I, II, III. Архив ИА АН СССР.

⁶⁰ С. Н. Тюрин. Археологические находки в торфяных залежах и датировка возраста торфяных отложений. «Труды Московского общества испытателей природы», т. III, 1960, стр. 291—304; С. Н. Тюрин. История лесов и палеогеография СССР в голоцене. М., 1957; С. Н. Тюрин. Сохранность пыльцы в торфяных и озерных отложениях голоцена. К Первой международной палинологической конференции. Доклады советских палинологов, 1962; Г. Н. Лисицына. Результаты микропалеоботанического исследования образцов торфа Бисерова озера. КСИИ, вып. 75, 1959; она же. Пыльцевые анализы стоянок: Сахтыш I, Сахтыш II, Берендеево I, Уницкая, Карашская, Золоторучье II и др. Приложения к отчетам Верхневолжской экспедиции за 1959—1965 гг. Архив ИА АН СССР.

⁶¹ Г. Н. Лисицына. Результаты микропалеоботанического исследования...

⁶² И. К. Цвигкова. Волосовские неолитические племена, стр. 24—26.

⁵⁹ Колл. Брянского обл. музея; Д. А. Крайнов. Вауловский могильник.

⁶⁰ Там же, стр. 142.

⁶¹ Л. Ю. Янигс. Поселения эпохи неолита и раннего металла в приустье р. Эмайги. Таллин, 1959, стр. 32, 289—306.

⁶² Там же; И. А. Лозе. Раскопки стоянки Абора в Латвии Колл. Ин-та истории АН Латв.ССР.

Находки фатьяновских вещей на поздненеолитических стоянках Верхнего Поднепровья и Прибалтики косвенно подтверждают время вторжения фатьяновцев — конец первой или начало второй четверти II тысячелетия до н. э.

Необходимо отметить и некоторую дифференциацию в расположении фатьяновских вещей в волосовских слоях различных стоянок. Например, на стоянках р. Десны Калининской, Смоленской и Московской областей фатьяновские вещи появляются в более ранних поздненеолитических и волосовских горизонтах (Дядьковичи, Бежица, Глинское, Дунская, Бельнецкая, Красново и др.), на территории Ярославской, Костромской, Ивановской и Горьковской областей — в более поздних волосовских слоях, а на Средней Волге большинство фатьяновских вещей на поселениях залегает вместе с поздневолосовской и текстильной керамикой, т. е. в слоях, относящихся к третьей или к четвертой четверти II тысячелетия до н. э.

Таким образом, массовое появление фатьяновских вещей на неолитических стоянках в волосовское время неоспоримо свидетельствует о первом появлении фатьяновских племен в Волго-Окском междуречье только в данное время. Этими находками подтверждается вторжение воинственных скотоводческих племен на территорию, занятую рыболовско-охотничьими волосовскими племенами. Отсутствие собственно фатьяновских поселений стационарного порядка затрудняет выяснение абсолютной хронологии культуры. Те поселения, о которых говорилось выше, являются, видимо, только временными остановками фатьяновцев. Только на Средней Волге наблюдается появление постоянных поселений с довольно мощными культурными наслоениями, указывающими на оседлость.

Все эти поселения, а их теперь десятки, датируются авторами раскопок (А. Х. Халиковым, П. Д. Степановым, В. П. Денисовым, О. Н. Бадером и др.) от поздневолосовского времени и до времени бытования поселений с текстильной керамикой, т. е. они имеют амплитуду крайних лет от XV до IX в. до н. э. Всюду над фатьяновскими слоями залегают городищенские слои, а под ними — поздневолосовские и позднебалахнинские слои.

О. Н. Бадер датирует поселение Галанкина Гора XVI—XV вв. до н. э. и считает его одним из ранних балановских поселений, соответствующих балановскому этапу развития балановской культуры⁶⁷. Остальные относятся к атли-касинскому, оп-пандинскому и хула-сучскому этапам. Нам представляется, что все эти поселе-

ния отображают основные этапы развития фатьяновской культуры на Средней Волге и датируются XVI—IX вв. до н. э. Что касается козловского этапа, то он будет датироваться не ранее XVII в. до н. э.

Стратиграфия фатьяновских могильников не может служить обоснованием датировки культуры в целом. Попытки некоторых исследователей дать хронологию фатьяновской культуры на основе одного могильника не могут увенчаться успехом.

Из больших могильников пока имеются только два: Балановский и Волосово-Даниловский. Если даже мы и сможем выявить на них какие-то стратиграфические разности, то они дадут хронологическую шкалу, пригодную только для определения длительности существования данного могильника и, пожалуй, могут внести некоторые коррективы в построение периодизации культуры.

Только все могильники в совокупности и другие памятники могут служить обоснованием хронологической шкалы, так как развитие культуры можно проследить по массовому материалу.

Радиоуглеродный (C^{14}) современный метод, применяемый для выяснения абсолютной хронологии, за последнее время приобретает все большую популярность. Однако часто определения дат этим методом крайне разноречивы. По-видимому, необходимы не отдельные даты, а целые серии, тогда этот метод будет себя оправдывать.

Фатьяновская культура до сих пор не имеет радиоуглеродных анализов. Анализы проводились в близких культурах боевых топоров и дали следующие цифры: 2485 ± 320 , 2245 ± 120 ⁶⁸. Михельсбергская культура, над которой встречены вещи, близкие культуре боевых топоров, датируется радиоуглеродным методом 2745 ± 180 . Для Запада, таким образом, устанавливается дата — конец III тысячелетия до н. э.

Мне представляется, что для датировки фатьяновской культуры эти даты не могут быть привлечены в прямом смысле, а могут быть использованы только в косвенном, так как эти цифры относятся к так называемым культурам шнуровой керамики и шаровидных амфор. Если допустить, что эти культуры двигались в направлении с запада на восток, то фатьяновская культура будет значительно позднее и может датироваться в своей начальной стадии первой четвертью II тысячелетия до н. э.

Поскольку сейчас нет еще окончательного решения о первоначальной прародине культур

⁶⁷ О. Н. Бадер. Балановский могильник, стр. 230—231; 242.

⁶⁸ R. Pittioni. Die Bedeutung der Radiokarbonaten für die Urgeschichte. «Anzeiger der philosophisch-historische Klassen der Österreichischen Akademie der Wissenschaften», 1957, N 16, Wien, s. 246—247.

шнуровой керамики и боевых топоров, то эти даты ничего не дают для решения абсолютной хронологии фатьяновской культуры. Кроме того, данная датировка радиоуглеродным методом может быть принята только тогда, когда будет несколько рядов таких датировок по разным памятникам.

Существуют данные по датировкам тем же методом и по более близким памятникам фатьяновской культуры — это памятники Прибалтики.

Методом C^{14} определена стоянка Тамула в Эстонии⁶⁹. Она имеет два культурных слоя: нижний — поздненеолитический и верхний — со шнуровой керамикой времени культуры прибалтийских ладьевидных топоров. Эти даты следующие: 1) нижний слой — 4000 лет до н. э., т. е. конец третьего и начало II тысячелетия до н. э.; 2) верхний слой — 3600 ± 180 до н. э., т. е. около 1700—1600 лет до н. э. Однотипная стоянка Вальми датируется также. В ней тоже два слоя: 1) низ — ямочно-гребенчатая керамика, 2) верх — шнуровая.

Находки обломков шнуровой керамики из верхних слоев данных стоянок идентичны (подчеркнуто нами. — Д. К.) с находками керамики в могильниках Арду, Сопе, Саарема и др. Следовательно, могильники Эстонии, относящиеся к прибалтийской культуре ладьевидных (боевых) топоров, могут быть датированы временем от 1700 г. и быть ближе к нам.

Не меньший интерес для фатьяновской хронологии представляют и стоянки со шнуровой керамикой в Латвии, также определенные методом C^{14} . Это стоянка Лемница, для которой получены две разноречивые даты: 70 первая — 3970 ± 250 (по углю) — до нашего времени, т. е. 1700—1800 лет (до н. э.); вторая 3370 ± 200 — до нашего времени, т. е. около 1500 лет до н. э.

На стоянке Абора⁷¹, однотипной со стоянкой Лемница, найдены каменные топоры и керамика, близкие фатьяновским и керамике из могильников Сопе и Арду, что указывает на связь этих культур. Здесь небезынтересно отметить, что датировка стоянки Абора по методу C^{14} совпадает с датировкой по пылецевому спектру⁷². Шнуровая керамика и условия ее залегания в стоянке Абора сходны со шнуровой керамикой и условиями залегания стоянок Калининской обл. (Росское I, II, III).

Изучение методом C^{14} отложений р. Аять на южном берегу Ладожского озера для датировки

неолитической стоянки Усть-Рыбежная дает почти ту же картину. Здесь максимум широколиственных лесов продолжается до середины III тысячелетия, а максимум ели, начинающийся с середины III тысячелетия, достигает своего апогея во II тысячелетии до н. э. Исследование методом C^{14} торфяника между Ленинградом и Петрозаводском дает те же цифры. Подтверждается, что развитый максимум ели относится ко времени около середины II тысячелетия до н. э.

Таким образом, даты по C^{14} , взятые с нашей территории, не противоречат нашим датам появления фатьяновской культуры, которую мы связываем в какой-то степени с Прибалтикой.

Для решения вопроса об относительной хронологии фатьяновской культуры некоторые коррективы могут внести и методы картографирования культур Восточной Европы, развивавшихся здесь в III, II, I тысячелетиях до н. э. и в I, II тысячелетиях н. э., и так называемый ретроспективный метод.

Картографирование показывает, что территорию Волго-Окского междуречья с VIII по XIV в. н. э. занимали славяне с редкими «островками» остатков финно-угорских племен. Со II в. н. э. и до прихода славян эту территорию населяли различные племена финно-угорской ветви и балтийской.

До финнов, балтов и славян на территории лесной и части лесостепной полосы Восточной Европы существовали культуры городищенского типа (городицкая, ананьинская, дяковская, юхновская, смоленская и культуры Прибалтики). Все они сейчас датируются точно по скифским вещам, находящимся в этих памятниках. Началом дяковской и городицкой культур, по видимому, следует считать VIII—VII вв. до н. э.

Таким образом, у нас остается около 300 лет I тысячелетия и около 300—400 лет II тысячелетия до н. э. — до конца фатьяновской культуры. Если признать, что она закончилась на Верхней Волге около 1400 г. до н. э., то остается 700 лет для культур эпохи поздней бронзы и раннего железа.

Если же мы согласимся с А. Я. Брюсовым и другими исследователями и отодвинем фатьяновскую культуру в конец III тысячелетия и соответственно закончим ее около 1500 г., а также отодвинем абашевскую, сейминскую и поздняяковскую культуры вглубь, то получится hiatus между ними и культурами городищенского типа, которые ранее VIII—VII вв. не могут датироваться. Кстати, этот hiatus усмотрел еще А. А. Спицын. У финских археологов также получился hiatus между культурами эпохи бронзы и городищенскими из-за ранней датировки первой. Таким образом, рассмотрение культур

⁶⁹ Ю. Л. Янитс. Поселения эпохи неолита и раннего металла в приустье р. Эмайги, стр. 282—283.

⁷⁰ Колл. Института истории АН Латв. ССР.

⁷¹ И. А. Лозе. Раскопки стоянки Абора в Латвии.

⁷² Г. Н. Лисицына. Пыльцевой анализ стоянки Абора. Архив ИА АН СССР.

в историческом аспекте также приводит нас к отрицанию ранней датировки (конец III тысячелетия) и установлению более поздней даты, полученной изучением стратиграфии фатьяновских находок в стоянках, т. е. для московско-клязьминской и верхневолжской групп — 1700 — 1300 гг. и для средневолжской — 1600 — 1000 гг. до н. э. О более поздней дате существования балановского этапа фатьяновской культуры свидетельствует и тот факт, что только на Средней Волге и в Прикамье продолжают существовать фатьяновские поселения и могильники до начала II тысячелетия, тогда как на Верхней Волге они прекращают свое существование значительно раньше. На общее бытование фатьяновской культуры нельзя положить даже и 500 лет, так как нет поселений с мощными культурными слоями.

Для выяснения датировки фатьяновской культуры нельзя оставить в стороне и культуры, в окружении которых она развивалась. Культурное окружение фатьяновских племен в процессе их развития на ранних этапах одно, а на поздних — другое, для западных племен оно будет иным, чем для восточных. Для западных фатьяновских групп (двинско-ильменская, московско-клязьминская и др.) это будут культуры: среднеднепровская, позднекатакомбная и местная волосовская, или поздненеолитическая культура II тысячелетия до н. э., а в позднее время — поздняковская и абашевская культуры.

На Средней Волге окружение будет несколько иным. На ранней стадии — полтавкинская, волосовская, позднебалахнинская культуры, а на поздней — поздневолосовская, срубная, сейминская, галичская, поздняковская, абашевская и др.

Следует признать, что на верхневолжские фатьяновские племена сильное влияние оказывала одновременная им среднеднепровская культура и в какой-то степени через нее катакомбная культура, с которой у фатьяновцев не было прямых связей, а также культуры ладьевидных топоров Прибалтики. Некоторые из указанных культур имеют довольно прочную хронологию (срубная, андроновская, среднеднепровская и др.).

При датировке того или иного этапа фатьяновской культуры может помочь и сравнитель-

Рис. 72. Подвески и пронизки из янтаря, кости и раковин

1 — привеска из раковины; 2 — привеска костяная; 3 — привеска из янтаря из Истринского могильника; 4 — привеска из янтаря из Кузьминского могильника; 5, 6, 7 — привески из янтаря из Волосово-Даниловского могильника; 8 — привеска-луныца из Воронковского могильника; 9 — стоянка Абора (Прибалтика); 10—11 — с территории Польши и ГДР

ный метод, но сравнивать можно вещи только одновременных культур, с которыми у последних существовали исторические связи. Кроме того, сравниваемые вещи должны быть типологически идентичны или очень близки. Необходимо при этом учитывать близость вещей разновременных и разнокультурных, а также и конвергентность в возникновении вещей.

Сравнительный метод может применяться не в общем (мировом) масштабе, а только с одновременными культурами, связанными друг с другом исторически. Также надо учитывать и долгое бытование вещей, особенно это относится к орнаментальным мотивам и ритуальным вещам, консервативность которых хорошо известна. Наконец, даты, полученные путем сравнения вещей, должны быть подтверждены перекрестными датами, полученными при помощи радиоуглеродного метода, пыльцевых спектров, стратиграфии и т. д. Только всестороннее рассмотрение дат, полученных разными путями, может привести к более или менее правильному решению хронологии изучаемой культуры.

Периодизация и внутренняя хронология памятников фатьяновской культуры

Среди исследователей нет единого мнения о периодизации и внутренней хронологии памятников фатьяновской культуры. Разноречивые построения периодизации вызваны разными при-

чинами, как, например: разнообразием теорий о происхождении фатьяновской культуры, неясностью хронологии, отсутствием мест поселений, таинственным исчезновением фатьяновской

культуры и т. д. Уже первые ее исследователи — А. А. Спицын и В. А. Городцов — предполагали неоднородность и разновременность фатьяновских памятников⁷³. Однако они относили все могильники и Верхнего Поволжья, и Среднего Поволжья к одной культуре. Позднее А. Эуропеус на основании изучения каменных сверленных топоров-молотков выделяет на территории европейской части СССР три локальные зоны: западнорусскую, среднерусскую и восточнорусскую, но дальше этого деления он не идет⁷⁴. Впервые периодизацию и внутреннюю хронологию памятников фатьяновской культуры разработала О. А. Кривцова-Гракова⁷⁵.

На основании хронологического и географического принципов она разбила все памятники фатьяновской культуры на три группы: московскую, ярославскую и чувашскую, что же касается могильников, обнаруженных под Брянском, то О. А. Кривцова-Гракова высказала мнение, что они относятся не к фатьяновской, а к особой самостоятельной группе⁷⁶. Дав характеристику каждой группе и определив их время, она пришла к выводу, что в развитии фатьяновской культуры все время происходила трансформация от одной стадии к другой в соответствии с изменениями территории распространения. Все три группы она отнесла к одной культуре. Различия их облика О. А. Кривцова-Гракова объясняет хронологическими причинами.

Общая картина, нарисованная ею, схематична. Можно согласиться с выделением трех основных групп, но что касается их прямой трансформации одной в другую, то вряд ли она отвечает действительности. Все три группы отличаются друг от друга и, возможно, они не только разновременны, но и принадлежат разным племенам фатьяновской культуры. Внутри каждой группы могут быть и ранние, и поздние памятники, как это мы увидим ниже. Пожалуй, в какой-то степени О. А. Кривцова-Гракова правильно выделяет московские памятники как наиболее ранние, а чувашские — как наиболее поздние. В связи с новыми материалами, накопившимися за последние годы, нельзя согласиться с О. А. Кривцовой-Граковой и относительно границ распространения каждой группы.

В 1941 г. нами было предложено несколько

иное деление памятников фатьяновской культуры, а именно: московская, северная, восточная и южная (деснинская) группы⁷⁷. К московской и северной группам памятников нами были отнесены те же самые могильники, что и О. А. Кривцовой-Граковой к московской и ярославской, к восточной — Балановский, Курмышский и Атли-Касинский могильники, а к южной (Деснинской) — Брасовский, Бежицкий и др.

Относительно хронологии этих групп мы указывали, что внутри каждой из них имеются более древние и более поздние памятники и что нельзя датировать московскую группу концом III тысячелетия до н. э.⁷⁸

Позднее, в «Сводах памятников фатьяновской культуры», нами было с оговоркой принято деление фатьяновских памятников на три группы и высказано мнение о необходимости более дробного деления этих памятников и по иному принципу. А. Я. Брюсов поддержал нашу точку зрения на периодизацию фатьяновской культуры. Он также не отвергает существования трех основных групп, но не согласен с О. А. Кривцовой-Граковой относительно хронологического деления этой культуры и последовательного развития от московской к ярославской и от ярославской к чувашской⁷⁹.

О. Н. Бадер в своих ранних работах придерживался такого же трехчленного деления фатьяновской культуры, но не соглашался с О. А. Кривцовой-Граковой в вопросах происхождения восточных памятников и поздней хронологии их⁸⁰. В своих последующих работах⁸¹ О. Н. Бадером и А. Х. Халиковым⁸² была создана особая периодизация.

Считая, что восточные памятники фатьяновской культуры являются памятниками самостоятельной «балановской культуры», они предложили ее периодизацию, включающую пять этапов:

- 1) Коаловский — конец III и начало II тысячелетия до н. э.;
- 2) балановский — XIX — XV вв. до н. э.;
- 3) атли-Касинский — XV — XIV вв. до н. э.;
- 4) ошпандинский — XIV — XII вв. до н. э.;
- 5) хулашюцкий — XI — IX вв. до н. э.

⁷⁷ Д. А. Крайнов. Вауловский могильник, стр. 143.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ А. Я. Брюсов, М. Н. Зимица. Каменные сверленные боевые топоры..., стр. 8.

⁸⁰ О. Н. Бадер. Могильник Карабай.

⁸¹ О. Н. Бадер. К вопросу о балановской культуре. СЭ, 1950, № 1; он же. Балановская культура. СА, 1961, № 4; он же. Балановский могильник.

⁸² А. Х. Халиков. Периодизация памятников балановской культуры. Доклад на секции неолита и бронзы. Пленум ИИМК, 1959; А. Х. Халиков, Е. А. Халикова. Васильсурское поселение эпохи бронзы. МИА, № 110, 1963, стр. 262—268.

⁷³ А. А. Спицын. Медный век в Верхнем Поволжье; он же. Новые сведения о медном веке в Средней и Северной России; он же. Археологические заметки. ТСА РАНИОН, вып. IV, М., 1928; В. А. Городцов. Культуры бронзовой эпохи в Средней России.

⁷⁴ А. Аура. Über die Streitatzkulturen in Russland. Helsinki, 1933.

⁷⁵ О. А. Кривцова-Гракова. Горкинский могильник. «Труды ГИМ», вып. VIII, 1938; он же. Хронология памятников фатьяновской культуры.

⁷⁶ Там же, стр. 23.

А. Х. Халиков наметил даже основные черты каждого этапа и отнес к ним определенные памятники⁸³.

П. Д. Степанов, не соглашаясь с такой периодизацией и выделением самостоятельной балановской культуры, считает, что в восточных памятниках фатьяновской культуры можно выделить только два основных этапа: 1) балановско-опшандинский и хуласючский⁸⁴. Мы не будем решать, кто из этих исследователей прав и чья периодизация ближе к истине. Однако следует сказать о некоторых слабых сторонах в доказательствах А. Х. Халикова.

Периодизация балановских памятников в основном построена на стратиграфии Васильсурского поселения, исследованного А. Х. Халиковым⁸⁵, на типологическом выделении трех групп керамики на поселении Галанкина Гора⁸⁶ и на основе длительности существования Балановского могильника.

Судя по опубликованным данным⁸⁷, нам представляется, что в Васильсурском поселении нет трех четких культурных наслоений, соответствующих трем последовательным этапам: атл-Касинскому, опшандинскому и хуласючскому.

Материалы всех трех этапов встречаются и в верхних, и в нижних горизонтах культурного слоя. Вероятно, они отображают один этап. Типологическое выделение трех групп керамики на поселении Галанкина Гора, найденной в одних и тех же жилищах, также неубедительно.

Что касается материалов Балановского могильника, то О. Н. Бадер считает маловероятным построение его хронологической стратиграфии⁸⁸, а относительно времени козловского этапа он полагает, что вопрос этот еще недостаточен⁸⁹.

Кроме того, вряд ли можно так длительно растягивать развитие памятников восточного варианта фатьяновской культуры⁹⁰ — более, чем на 1000 лет (конец III и начало I тысячелетия до н. э.).

На основании вышеизложенного трудно согласиться с хронологией, периодизацией и выде-

⁸³ А. Х. Халиков. Периодизация памятников балановской культуры.

⁸⁴ П. Д. Степанов. Ош-Пандо. Саранск, 1967, стр. 62—69.

⁸⁵ А. Х. Халиков, Е. А. Халикова. Васильсурское поселение эпохи бронзы, стр. 239—268.

⁸⁶ О. Н. Бадер. Балановский могильник, стр. 230; А. Х. Халиков. Материалы к изучению истории поселения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы. «Труды Марийской археологической экспедиции», т. I. Йошкар-Ола, 1960, стр. 90—92.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ О. Н. Бадер. Балановский могильник, стр. 268.

⁸⁹ Там же, стр. 276.

⁹⁰ Мы отрицаем существование самостоятельной балановской культуры.

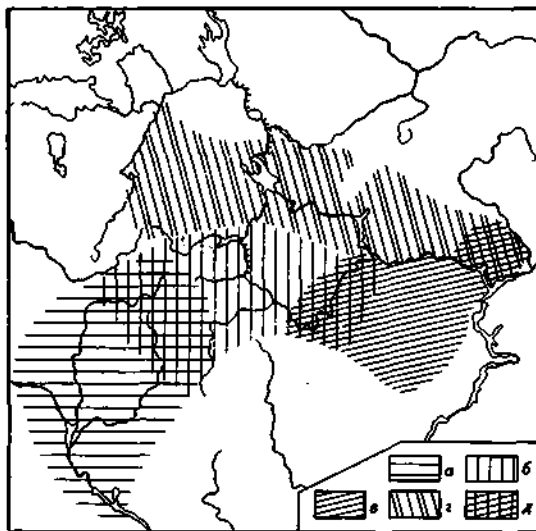

Рис. 73. Карта основных групп фатьяновской и среднеднепровской культур

а — среднеднепровская культура; б — московско-клязьминская группа; в — средневожская группа; г — верхневожская группа; д — смешанная зона

лением самостоятельной балановской культуры, разработанными О. Н. Бадером и А. Х. Халиковым. Выделение «балановской культуры» на основании разницы в антропологическом типе (фатьяновцев и балановцев) не может служить веским аргументом, так как иногда в одной и той же культуре встречаются разные антропологические типы.

В «Сводах археологических источников» мы высказали сомнение в правильности деления фатьяновской культуры на три группы: московскую, ярославскую и чувашскую⁹¹. Во-первых, сами названия условны, так как области распространения памятников каждой группы значительно шире этих географических понятий. Во-вторых, на указанных территориях выявились новые памятники, более поздние и более ранние, что изменяет характер каждой группы, и они предстают в ином свете, чем тот, который обрисовала О. А. Кривцова-Гракова. В-третьих, в каждой группе есть и ранние, и поздние памятники. Наконец, намечаются новые локальные группы памятников на западе и северо-западе.

Кроме того, в московской группе есть памятники, близкие к ярославским и к памятникам чувашской группы. В свою очередь в ярославской группе, на территории Калининской обл.,

⁹¹ Д. А. Крайнов. Памятники фатьяновской культуры. Московская группа; он же. Памятники фатьяновской культуры. Ярославско-Калининская группа. В них мы придерживались прежнего деления на группы с оговоркой, что оно принято нами временно.

в самой Ярославской обл., а также в Ивановской обл., существуют памятники, близкие московской группе, и памятники, близкие чувашской группе — так называемые промежуточно-пограничные памятники, или смешанные.

Таким образом, внутри групп, выделенных О. А. Кривцовой-Граковой, намечаются разнохарактерные и разновременные памятники, свидетельствующие или о локальных «подгруппах», или о хронологических этапах. В связи с этими соображениями нам придется пересмотреть традиционное деление фатьяновской культуры на три группы с тем, чтобы названия групп более соответствовали их характеру и географическому расположению. В «Сводах» мы оставили пока три основные группы (рис. 73).

При построении периодизации легко впасть в ошибку, приняв локальные варианты той же культуры за этапы. Поэтому фатьяновскую культуру нельзя рассматривать в статике как единое целое, сформировавшееся. Необходимо выделить главные критерии и основу периодизации.

Различия в керамике, каменных и кремневых орудиях, обряде погребения, антропологическом материале и т. д. должны рассматриваться с двух сторон, так как они могут быть или локальными, или хронологическими. Иногда нам кажется, что различия слишком велики и что мы относим данную группу к локальному варианту, а при более тщательном анализе выявляется, что это этап той же культуры. Люди могли при своем продвижении попасть в иные физико-географические условия и в иное культурно-историческое окружение, которые неизбежно придадут новую, отличную от прежней, окраску данному этапу.

Если же принять во внимание только различия, игнорируя черты сходства, то можно получить или локальный вариант данной культуры, или новую культуру, как, например, была выделена самостоятельная балановская культура.

Во избежание ошибок необходимо четко определить, что понимать под фатьяновской культурой. Мы из исторических и этнографических примеров знаем, что не всегда культура совпадает с определенным этническим массивом, но большей частью, вероятно, и культуру и этнос можно отождествлять.

Под фатьяновской культурой мы понимаем культуру эпохи бронзы, распространявшуюся на огромной территории от Прибалтики до Камы и от Вологды до Пензы, т. е. на лесной территории европейской части СССР (рис. 73). Эта культура отличается следующими общими признаками, присущими всем группам памятников.

1. Распространением на данной территории грунтовых могильников, расположенных на

береговых скатах рек или холмах моренного происхождения, с обрядом погребения людей в скорченном положении на правом или на левом боках, что на данной территории до появления фатьяновских племен не наблюдалось.

2. Одинаковым или близким обрядом погребения в могильниках ямах, имеющих в профиле вид челна, в особых погребальных сооружениях с одинаковой или близкой ориентировкой могильных ям.

3. Характерным специфическим погребальным инвентарем, состоящим из каменных боевых сверленных топоров-молотков различных форм, присущих в основном только фатьяновской культуре; кремневых клиновидных топоров разных форм, отличных от подобных же орудий других культур, близких фатьяновской; специфического кремневого инвентаря в виде пластинчатых ножей, черепковых наконечников стрел и дротиков и пр.; своеобразными костяными орудиями и украшениями из костей и зубов животных.

Наконец, особой круглодонной глиняной бонбонидной и шаровидной посудой, присущей данной культуре, с характерной орнаментикой: шнуровой, нарезной и штампованной.

4. Определенным расположением погребального инвентаря, одинаковым или близким во всех памятниках указанной территории. В связи с одинаковым обрядом погребения у фатьяновских племен были, вероятно, и одинаковые верования, и духовная культура.

5. Общими основами скотоводческого хозяйства с преобладанием в стаде свиньи, а также ведением этого хозяйства в лесных условиях, общих для всей культуры.

6. Все фатьяновские племена связаны, кроме указанных общих черт, и общим происхождением. По своему антропологическому типу они принадлежат к индоевропейцам и резко отличаются от степного индоиранского населения. По строению черепа все они долихокранны, но с некоторыми вариациями. Среди них есть потомки и средиземноморцев, и кроманьонцев. Вероятно, и язык фатьяновских племен был близким, так как у них были тесные внутриплеменные связи.

Мы, таким образом, исходим из того положения, что фатьяновская культура едина на всей указанной территории, а различия, иногда довольно значительные, объясняются или хронологическими причинами, или являются локальными особенностями той же группы.

О. А. Кривцова-Гракова в основу своей периодизации положила изменения керамических форм на протяжении развития фатьяновской культуры. Остальной погребальный инвентарь привлечен ею только отчасти.

Нам представляется, что для обоснования периодизации необходимо привлечь и другие факторы, как, например, изменения форм каменных сверленных боевых топоров, кремневых клиновидных топоров, кремневых орудий и других изделий; изменения в обряде погребения, сдвиги в хозяйстве и т. д. Только совокупность этих факторов может дать стройную систему и обоснование периодизации.

Мы согласны с тем положением, что керамика является одним из главных факторов в определении локальных и хронологических различий той или иной культуры и даже, в какой-то степени, этнической группы, но, учитывая ее некоторую консервативность, мы не можем обосновывать периодизацию только на керамике. Однако, и в нашей периодизации она играет главную роль. Керамика фатьяновской культуры только на первый взгляд производит впечатление однородной, что, пожалуй, определяет единство культуры. Какие бы мы сосуды ни взяли — московско-клязьминские, верхневолжские, средневолжские и т. д. — мы скажем, что они принадлежат одной культуре. Мы не спутаем их с сосудами другой культуры. Однако, при более пристальном изучении керамики выявляется неоднородность форм сосудов, их профилей, дниц, техники выделки, примесей в тесте, орнаментики и т. д.

На определенных территориях концентрируются и определенные формы сосудов. Например, удлиненные бомбовидные сосуды с эсвидным профилем концентрируются на московско-клязьминской территории, шаровидные сосуды с высоким, слегка растрескивающим горлом — на территории Верхней Волги, а сосуды с прямыми высокими шейками характерны для Средней Волги. Сосуды низкошейные амфорного типа распространяются вдоль Волги в ее верхнем и среднем течении. Особенно показательны изменения в орнаментике сосудов. Шнуровой орнамент присущ только памятникам московско-клязьминской группы, ромбический (особый) штампованный узор доминирует только в верхневолжской группе памятников, а широкий зигзаг с внутренней штриховкой является отличительной чертой средневолжских памятников, так называемых балановских. Наряду с этим во всех группах существуют общие мотивы орнаментики, количественное и качественное соотношение которых также различно в каждой группе памятников. Далее, для московско-клязьминских памятников характерен однозональный орнаментальный узор, в верхневолжских памятниках господствует двухзональный узор, а на Средней Волге — трехзональный. Кстати, это явление не случайное. Оно наблюдается и в других культурах с боевыми топорами, причем

однозональные узоры распространяются на ранних этапах развития этих культур, а двухзональные и трехзональные — на поздних этапах. Эта общая закономерность также нужна для установления периодизации. Важным признаком является и техника выделки керамики, но мы не можем полностью использовать этот фактор, так как фатьяновская керамика еще недостаточно исследована соответствующими специалистами.

Предварительное изучение примесей показывает, что в сосудах московско-клязьминской группы господствует примесь дресвы, а на Верхней и Средней Волге глина очень хорошо отмучена и имеет примеси песка, но в поздних памятниках появляется шалот.

Таким образом, изучение керамики, с точки зрения изменений ее форм, техники выделки и орнаментики, может служить одним из основных факторов периодизации фатьяновских памятников.

Не менее важным фактором являются и каменные сверленные боевые топоры-молотки. Только на первый взгляд они объединяются по ряду характерных признаков в одну группу фатьяновских топоров. Их более детальное изучение позволило нам выделить ряд типов, характерных для той или иной территории, а встречаемость тех или иных типов в определенных погребальных комплексах дает основу для хронологической периодизации фатьяновских топоров.

Изучение распространения этих топоров показало, что южная их граница проходит по Оке, Мокше и Свияге, с заходами отдельных находок фатьяновских топоров по притокам Оки к югу (в лесостепь). На востоке они встречаются в Нижнем Прикамье и Вятско-Ветлужском междуречье и дальше не заходят. На севере, за Волгой, топоры располагаются по границе распространения смешанных лесов и в тайгу заходят редко. На западе они сливаются с топорами культур с боевыми топорами.

Характерно, что в степи и в степных культурах — ямной, катакомбной и срубной — нет фатьяновских каменных сверленных топоров-молотков. «Степные топоры» ничего общего не имеют с фатьяновскими топорами.

Определенные типы фатьяновских топоров концентрируются на определенных территориях, очерчивая или локальный вариант фатьяновской культуры, или ее хронологический этап.

Также важным фактором в создании периодизации являются и определенные формы клиновидных кремневых топоров. Их типологизация выявила, что отдельным этапам развития фатьяновской культуры соответствуют различные

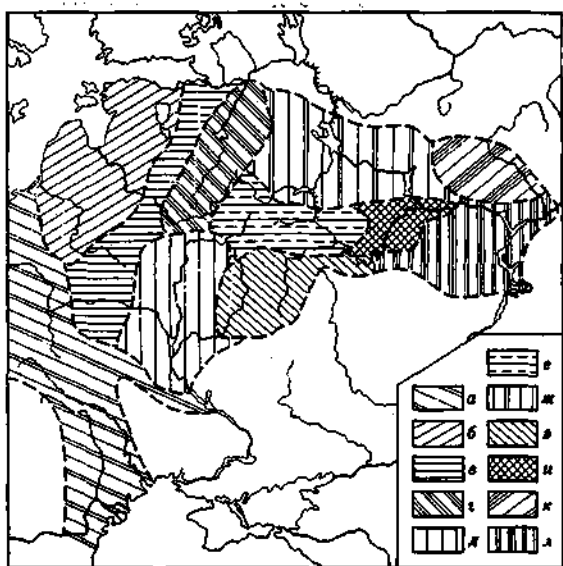

Рис. 74. Карта предполагаемых зон распространения групп фатьяновской культуры

а — культуры шаровидных амфор и шнуровой керамики; б — культуры ладьевидных топоров Прибалтики; в — ненаследованная зона; г — двинско-ильменская группа; д — средне-днепровская культура; е — московско-клязьминская группа; ж — верхневолжская группа; з — окско-деснинская группа; и — нижнеокская группа; к — вятско-ветлужская группа; л — балановская группа (средневолжская)

формы клиновидных топоров. Это же касается и других кремневых орудий, форма и техника выделки которых изменяются на протяжении развития фатьяновской культуры.

Основами периодизации может служить и количественное соотношение металлических вещей в могильниках. Чем больше металла, тем позднее могильник, но бывают исключения.

Изменения форм хозяйства и усложнение скотоводства также являются критерием развития культуры, а следовательно, и критерием периодизации.

Особенно яркими фактами, определяющими этапы культуры, являются изменения деталей обряда погребения, как, например, увеличение количества погребений на могильниках, появление погребальных сооружений, различия в ориентировке и положении погребенных, в положении инвентаря, появление votивных вещей, погребения животных, коллективные погребения и т. д.

Наконец, изменения в анатомическом строении скелетов захороненных также необходимо учитывать. Есть и еще более мелкие детали, принятые нами для обоснования нашей периодизации.

В нашей периодизации учтены и физико-

географические условия, в которые попадали фатьяновские племена. Эти физико-географические условия влияли на развитие культуры и часто обуславливали культурные различия отдельных локальных групп, так как физико-географические условия территории распространения фатьяновской культуры не везде были одинаковыми. Учитывается нами и историко-культурное окружение фатьяновских племен, которое также не было одинаковым на изучаемой территории и на хронологических этапах развития культуры.

Почти все фатьяновские племена расселялись по Волге и ее притокам. Это расселение и было возможно только благодаря хорошим речным путям.

На основе изложенных выше обоснований, а также учета распространения фатьяновских племен с юго-запада и запада по волго-окской магистрали мы считаем более целесообразным дать географические названия групп не по областям, а по речным путям, т. е. по местам наибольшего сосредоточения одинаковых памятников.

Мы предлагаем следующие названия групп: двинско-волховская (двинско-ильменская); московско-клязьминская; окско-деснинская; верхневолжская; нижнеокская; средневолжская; вятско-ветлужская; нижнекамская.

Возможно, ближе к Прибалтике выявятся и другие группы фатьяновских племен, но пока, у нас, кроме находок топоров, других данных нет.

Также необходимо оговориться и относительно верхнеднепровских и верхнедеснинских памятников, вернее, днепро-деснинской группы среднеднепровской культуры. Среди них есть очень близкие к памятникам московско-клязьминской и окско-деснинской группам памятников. Некоторые исследователи, как, например, А. Н. Лявданский, К. М. Поликарпович и другие, называли эти памятники западнофатьяновскими.

Этот спорный вопрос может быть решен только после детального обследования памятников этой пограничной зоны. Сейчас можно только сказать, что днепро-деснинские памятники очень близки указанным фатьяновским группам памятников и, вероятно, одновременны и родственны им.

Рассмотрим специфику выделенных нами групп (рис. 74).

Двинско-волховская (двинско-ильменская) группа. О ней мы можем сказать очень немного, так как настоящих исследований здесь не проводилось. К этой группе нами отнесены памятники и случайные находки, расположенные в верховьях Западной Двины с притоками и по

рекам Ловати, Волхову и Мсте с притоками. Каменные сверленные топоры-молотки, найденные на этой территории, показывают их близость, с одной стороны, прибалтийским ладьевидным топорам, с другой — фатьяновским верхневолжским и московско-клязьминским формам.

Наряду со случайными находками вокруг Ильменского озера найдены и могильники, как например, Бронницкий⁹². Подгощинский⁹³. Шелонский⁹⁴ и др. В них обнаружены не только каменные топоры, но и скелеты людей. В Бронницком могильнике был найден кремневый клиновидный топор белого цвета, близкий по материалу западнобелорусским топорам.

Вероятно, двинско-ильменская группа фатьяновских памятников будет датироваться временем эстонских памятников, датированных по С¹⁴ 1800—1500 лет до н. э. Она, по-видимому, носит смешанный характер, с одной стороны, прибалтийский, а с другой — фатьяновский, но отличается и от тех и от других по формам топоров.

Московско-клязьминская группа. Памятники этой, хронологически ранней фатьяновской группы расположены в основном по рекам Москве и Клязьме с притоками в пределах Московской обл., в верховьях Днепра на востоке Смоленской обл., в верховьях Волги на юго-западе Калининской обл., на юге Ярославской, западе Владимирской и в западной части Ивановской областей (рис. 3).

Основными памятниками московско-клязьминской группы являются следующие могильники: Ивановогорский, Давыдовский, Абушковский, Лотошинский, Икшанский, Лихачевский, Спас-Тушинский, Ханевский, Кузьминский, Сущевский, Истринский, Протасовский, Тургиновский, Ошурковский, Верейский, Новлянский, Буланинский, Бужаровский, Бунковский, Пятницкий, Николо-Перевоз.

Эти памятники, а также случайные находки на данной территории объединяются рядом общих признаков, характерных в основном только для данной группы:

1. Одинаковый характер физико-географических условий всей территории распространения этих памятников (речные и приозерные поймы, окруженные смешанными лесами).

2. Расположение памятников на прибрежных скатах и холмах довольно значительных водных артерий и их притоков.

3. Наличие в могильниках небольшого количества могил — от 1 до 10.

4. Специфическая форма овальных или овально-округлых могильных ям с одной скошенной отлогой стороной, а другой отвесной (в виде чашки).

5. Отсутствие погребальных сооружений, появляющихся только на поздней стадии развития этой группы.

7. Положение погребенных в скорченном состоянии на правом или левом боку и появление на поздней стадии обряда трупосожжения (Истринский, Ошурковский, Тургиновский могильники) и, возможно, курганных насыпей (Истринский, Буланинский могильники).

8. Общность ориентировки могильных ям и погребений с преимуществом западно-восточной ориентировки. В мужских погребениях преобладает западная ориентировка головы (запад, юго-запад, северо-запад), а у женщин — восточная (восток, северо-восток и юго-восток). Следует отметить, что юго-западное направление у мужских погребений наблюдается в более поздних могильниках данной группы, а западное — в более ранних. Точно так же восточное направление в женских погребениях более раннее, чем северо-восточное.

9. Близость погребального инвентаря и его положения в могилах (см. раздел «Обряд погребения»);

10. Наличие во всех могильниках сосудов с эсвидным профилем. Преобладание сосудов удлиненной бомбовидной формы с эсвидным профилем. Отсутствие сосудов амфорного типа, за исключением Кузьминского могильника⁹⁵, и отсутствие сосудов чашевидного типа, за исключением Истринского могильника.

Сравнительное единообразие форм сосудов и их небольшое количество в погребениях. Присутствие в значительной части сосудов примесей дров и закопченности, а также штриховки как снаружи, так и внутри, является редкостью для верхневолжской и средневолжской групп фатьяновской культуры (ярославской и чувашской, по О. А. Кривцовой-Граковой). Надо отметить почти полное отсутствие в могильниках московско-клязьминской группы вотивных сосудов.

11. Наличие большого количества неорнаментированных сосудов также характерно для могильников московско-клязьминской группы.

Орнаментальные узоры на сосудах московско-клязьминской группы имеют особый характер.

⁹² Колл. Гос. Эрмитажа.

⁹³ В. А. Городцов. Личный архив, ф. № 194. Папка «Бронзовая эпоха». Архив ГИМ, ф. 431.

⁹⁴ В. В. Александров. Отчет о состоянии и деятельности императорского Санкт-Петербургского университета за 1912 г. СПб., 1912, стр. 95.

⁹⁵ Характерно, что и в погребениях среднеднепровской культуры в основном отсутствуют сосуды амфорного типа, что наряду с другими близкими признаками роднит памятники московско-клязьминской группы со среднеднепровскими.

Среди них преобладают однозональные узоры при небольшом наличии двухзональных и отсутствии многозональных узоров. Излюбленными мотивами орнамента являются: отпечатки шнура; сочетание наклонных полос, расположенных под углом друг к другу или собранных в группы наклонно друг к другу; елочные узоры, ромбические узоры, решетки и др. Господствуют четыре мотива: поясковый шнуровой, наклонные полосы под углом друг к другу, решетки из перекрещивающихся линий (сетка) и елочный. Орнамент наносился отпечатками шнура, зубчатым штампом и чеканом в виде нарезок и насечек. Лопастный (фестонный) узор встречается в единичном случае (на шаровидном сосуде из Кузьминского могильника). Характерной чертой является и отсутствие на большей части сосудов орнамента вокруг ямок на дне, а в поздних могильниках на многих сосудах отсутствуют и ямки на днищах.

Особо следует отметить сходство, а иногда и полную тождественность в формах сосудов, технике их выделки и орнаментации с сосудами днепро-деснинской группы среднеднепровской культуры, что сильно сближает обе группы. Также нельзя не упомянуть о сходстве одного из основных мотивов орнамента московско-клязьминской группы (группы наклонных полос под углом друг к другу) с орнаментом на сосудах среднеднепровской культуры и средневолжской группы (балановской).

Кроме того, в поздних могильниках московско-клязьминской группы, а также на поздне-неолитических стоянках этого времени появляются сосуды с типичным зигзагообразным балановским орнаментом. Все это свидетельствует о связях этих групп.

12. Набор кремневых орудий также имеет свою специфику, отличную от других групп. Во-первых, в московско-клязьминских памятниках господствует кремнь фиолетово-розовых и красновато-коричневых оттенков. Во-вторых, почти во всех могильниках данной группы встречаются особого типа черешковые наконечники стрел, сделанные на пластинках, и часты находки черешковых наконечников дротиков. В других фатьяновских группах памятников они не встречаются, тогда как в днепро-деснинских имеются идентичные формы и наконечников стрел, и наконечников дротиков. Техника обработки и тех и других тождественна. В-третьих, для московско-клязьминской группы характерны и особой формы широкие кремневые ножи, и острокопечники. В-четвертых, отличает эту группу и особые приемы во второй обработке кремневых орудий, а именно: отжимная струйчатая техника ретуши и крупнофасеточная, а также особые приемы заостре-

ния орудий при помощи отжимной техники. Следует отметить и наличие на некоторых орудиях резовых сколов. Наконец, для ранней стадии данной группы характерны толстообушковые прямоугольные в сечении клиновидные кремневые топоры, для основной массы — среднеобушковые прямоугольные и для поздних могильников — линзовидные. Размеры их большие и средние, маленькие формы отсутствуют.

Не менее важной чертой кремневого инвентаря данной группы является и отсутствие votивных кремневых орудий.

13. Московско-клязьминская группа отличается от других групп и наличием своих излюбленных форм каменных сверленных топоров-молотков (ромбические усеченные, ромбические узкообушковые, длиннообушковые и обушковые грибовидные). Находки этих топоров в могильниках и в случайных местах резко очерчивают границы распространения данной группы, а единичные топоры этих форм, найденные за пределами данной территории, могут указывать или на пути передвижений московско-клязьминских племен, или на связи (рис. 10).

14. Характерной чертой данной группы является и почти полное отсутствие металлических изделий, что в какой-то степени свидетельствует о ранней датировке этой группы.

15. Находки отдельных янтарных украшений в могильниках московско-клязьминской группы связывают ее со среднеднепровской культурой и Прибалтикой, а почти полное отсутствие янтарных вещей в памятниках других групп свидетельствует, вероятно, об утере прежних связей или об изменениях в погребальном обряде.

16. Следует отметить и наличие в могильниках данной группы выпрямителей древков стрел, молотчкообразных костяных булавок и костяных игл, не встречающихся в могильниках других групп, за исключением пограничных памятников с верхневолжской группой.

17. Немногочисленный антропологический материал не позволяет отметить характерные черты данной группы, но все же следует сказать, что черепа из Ивановогорского, Кузьминского и Ханевского могильников несколько отличаются от черепов других групп, но в общем близки черепам из могильников верхневолжской группы.

18. Эту группу отличают и тесные связи со среднеднепровской культурой, возможно генетические, и через нее отголоски влияния ямнотаканомной культуры.

19. Есть свои особенности и в хозяйстве людей, оставивших эти памятники. Его основой было скотоводство с первостепенным значением в стаде свиньи.

20. Наконец, только в поздних памятниках

этой группы появляются коллективные погребения (Сущевский, Кузьминский, Ханевский), что более характерно для верхневолжской и особенно средневолжской групп. Все перечисленные нами отличительные черты придают особый колорит данной группе, отличающий ее от других групп.

Однако мы не можем отрывать эту группу памятников от верхневолжской и средневолжской и считать ее обособленной. Она, несмотря на свои, отмеченные выше, специфические черты, имеет и много общего с остальными группами. Нельзя отрицать факт ее тесной связи, возможно не только культурной, но и этнической, с памятниками днепро-деснянской группы среднеднепровской культуры.

Московско-клязьминская группа памятников в своем дальнейшем развитии в какой-то степени оказала влияние на развитие и верхневолжской, и средневолжской групп, но не путем прямой трансформации в первую и потом во вторую, а путем сложных переплетений, передвижений и взаимодействия.

Наиболее трудным вопросом является датировка памятников московско-клязьминской группы. Мы отрицаем для этой группы раннюю дату — конец III тысячелетия до н. э., но соглашались с О. А. Кривцовой-Граковой, что они являются наиболее ранними по сравнению с верхневолжскими и средневолжскими фатьяновскими памятниками. Наиболее ранней датой для начала московско-клязьминской группы следует считать конец первой четверти II тысячелетия до н. э. (1800—1750), а конец — середину третьей четверти II тысячелетия до н. э. (1440—1350).

Эти положения подтверждаются следующими фактами:

1. Датировкой прибалтийских памятников культуры ладьевидных топоров по C¹⁴ временем 1800—1700 лет до н. э. Эти памятники близки калининским могильникам московско-клязьминской группы.

2. Поздняя дата (1400) подтверждается находкой в Стрелицком могильнике среднеднепровской культуры египетской фаянсовой бусины, датируемой началом второй половины II тысячелетия до н. э.⁹⁶, а Стрелицкий могильник по кремневому инвентарю (наконечникам стрел и дротиков) и другим вещам близок к таким поздним могильникам, как Буньковский, Николо-Перевоз и др. В Ошуровском могильнике есть сосуды, близкие сосудам позднэпохской культуры.

3. Близостью московско-клязьминских памят-

ников с памятниками днепро-деснянской группы среднеднепровской культуры, датируемыми И. И. Артеменко второй четвертью и серединой II тысячелетия до н. э.⁹⁷ Если же взять датировку среднеднепровской культуры, по Т. С. Пассек, то и здесь она будет близка⁹⁸.

О культурной или генетической близости среднеднепровской культуры свидетельствуют многочисленные факты. Московско-клязьминские памятники, вероятно, являются одновременными памятниками развитой катакомбной культуры. Об этом свидетельствуют многочисленные одинаковые вещи, например: молоткообразные булавы, выпрямители древков стрел, височные медные кольца в полтора оборота, булавы, веревочный орнамент, подсыпка в могилы угля, находки кусков вара, краска, части туш животных в могилах и пр. Эти факты указывают на соседственные связи.

В. А. Городцов считал, что фатьяновская культура была одновременна катакомбной и встретились они, по его мнению, на территории Орловской обл. во II тысячелетии до н. э.⁹⁹

5. Сходство отдельных элементов орнаментики и на сосудах московско-клязьминской группы и на сосудах культур с шаровидными амфорами, датируемыми концом III и началом II тысячелетия до н. э., также подтверждает нашу начальную дату.

6. Важными доказательствами более ранней датировки являются также находки в могильниках данной группы памятников ранних форм кремневых клиновидных топоров; костей свиньи при отсутствии других видов животных; сосудов удлинённой формы с эсвидным профилем; западно-восточная ориентировка могил, расположение могильников на береговых скатах рек; наибольшее количество погребенных и т. д.

Таким образом, на основании указанных фактов для памятников московско-клязьминской группы устанавливается дата от 1750—1700 до 1400 г. до н. э.

Однако мы должны признать, что памятники московско-клязьминской группы не являются одновременными. Среди них есть и ранние, и поздние. Это не монолитная узколокальная ранняя группа могильников, как ее охарактеризовала О. А. Кривцова-Гракова¹⁰⁰, а разновременная и, возможно, в ее среде будут обнаружены отдельные локальные и хронологические подгруппы. Нельзя согласиться с О. Н. Бадером,

⁹⁷ И. И. Артеменко. Среднеднепровская культура. СА, 1963, № 2.

⁹⁸ Т. С. Пассек. К вопросу о среднеднепровской культуре. КСИИМК, вып. XVI, 1947, стр. 51.

⁹⁹ В. А. Городцов. Культуры бронзового эпохи в Средней России, стр. 50—58.

¹⁰⁰ О. А. Кривцова-Гракова. Хронология памятников фатьяновской культуры.

что подобное расширенное понимание московско-клязьминских памятников может завуалировать присущие им специфические черты¹⁰¹. Мы не можем не включить в состав этой группы и более поздние находки обломков посуды с орнаментом балановского типа, так как подобная керамика имеется в том же Буньковском и других могильниках. Поэтому, рассматривая данную группу не в статике, а в развитии, мы и намечаем ее хронологические этапы. Создание внутренней хронологии московско-клязьминской группы затруднено отсутствием данных по комплексам погребений многих ведущих памятников. Однако по некоторым особенностям обряда захоронения и погребального инвентаря могильники этой группы можно разбить на четыре основные подгруппы:

I — Ивановогорский, Давыдовский, Икшанский, Моносеинский, Лотошинский, Луцинский, Пореченский и др.

II — Лихачевский, Тургиновский, Абушковский, Ошурковский и др.

III — Протасовский, Кузьминский, Новлянский, Ханевский, Суцевский, Ковровский и др.

IV — Истринский, Верейский, Буньковский, Буланский, Пятницкий, Николо-Перевозский и др.

I подгруппа объединяется близостью расположения основной массы ее могильников и нахождением их на береговых скатах рек. Кроме того, наличием большого количества поясков из отпечатков шнура на высокошейных сосудах (23—15—16—12); сходством толстообушных кремневых клиновидных топоров и т. д.

Эти могильники мы считаем наиболее ранними среди московско-клязьминской группы и относим их к концу первой четверти II тысячелетия до н. э., что подтверждается:

присутствием в Ивановогорском могильнике молоточкообразной булавки катакомбного времени и времени позднего этапа среднеднепровской культуры¹⁰²;

ранними формами наконечников стрел и дротиков из Ивановогорского могильника, близкими неолитическим формам, и толстообушными клиновидными топорами;

сосудами с эсвидным профилем и шнуровым орнаментом, близкими сосудам ранней стадии позднего этапа среднеднепровской культуры¹⁰³; зигзагообразным парным отпечатком шнура на сосудах из Давыдовского могильника, идентичным отпечаткам на сосудах из Михайловского поселения, датируемого началом II тысячелетия до н. э.

летия до н. э.¹⁰⁴, и сосудах из могильника Злота, датируемого концом III и началом II тысячелетия до н. э.;

находками в погребениях костей свиньи без наличия других видов животных;

ориентировкой могил с запада на восток.

II подгруппа состоит из памятников, расположенных в южной части Калининской обл. С московско-клязьминской группой их объединяют многие общие черты. Во-первых, отсутствие погребальных сооружений, за исключением Ошурковского могильника. Во-вторых, присутствие на сосудах отпечатков шнура. В-третьих, наличие и в тех и в других кремневых наконечников стрел с черешком и наконечников дротиков. В-четвертых, близкие мотивы орнаментики на сосудах, сходные формы каменных сверленных топоров-молотков и кремневых клиновидных топоров. В-пятых, отсутствие шаровидных амфор и, наконец, одинаковая ориентировка погребений.

В то же время южнокалининская подгруппа могильников имеет и свои отличительные черты. К ним относятся: большое количество в погребениях кремневых орудий и осколков и редкие находки костяных поделок; господство в орнаментике сосудов елочных узоров; одинаковые формы кремневых широких ножей, наконечников стрел и дротиков.

В южной части Калининской обл., в верховьях Волги, по ее притокам и другим рекам открыто большое количество фатьяновских могильников, по формам длиннообушных и ромбически-усеченных топоров, близких друг другу и составляющих, видимо, одну подгруппу памятников. Изучение их только еще разворачивается и поэтому сейчас трудно выделить из их среды наиболее ранние могильники. Перечисленные выше могильники разновременны. Поскольку они близки памятникам днепродеснинской группы, с одной стороны, и памятникам московско-клязьминским, с другой, и по характерным елочным узорам к прибалтийским памятникам шнуровой керамики и ладьевидных топоров, с третьей, то их можно датировать сравнительно ранним временем, но позднее, чем памятники первой подгруппы. Тургиновский и Лихачевский могильники могут быть датированы второй четвертью II тысячелетия до н. э., а Ошурковский, самый поздний из них, по формам сосудов и обряду погребения близок к поздним могильникам московско-клязьминской группы и может быть датирован около середины II тысячелетия до н. э.

III подгруппа в основном является северной

¹⁰¹ О. Н. Бадер. Балановский могильник, стр. 56—57.

¹⁰² И. И. Артеменко. Среднеднепровская культура, стр. 20, рис. 4.

¹⁰³ Там же, стр. 16, рис. 2; Т. С. Пассек. К вопросу о среднеднепровской культуре, стр. 36, рис. 10, 6.

¹⁰⁴ О. Ф. Лагодовська, О. Г. Шапошникова, М. Л. Макаревич. Могильніські поселення. Київ, 1962.

по своему расположению. Она еще имеет много общих черт с I подгруппой, как, например: эсвидные удлиненные сосуды, частичную шнуровую орнаментацию; почти полное отсутствие орнамента вокруг ямок на днищах сосудов, кремневые клинья с прямоугольным сечением; могилы с западно-восточной ориентировкой и т. д. Имеются и общие черты с памятниками среднеднепровской культуры: разнообразные мотивы орнаментики (иксообразные насечки, группы линий под углом друг к другу, заштрихованные треугольники), близкие формы некоторых сосудов из Кузьминского и Протасовского могильников, янтарь и пр.

В Протасовском могильнике есть черты, близкие Истринскому и Балановскому могильникам. Наряду с этим в данной группе памятников появляются и новые элементы. Во-первых, расширяется ассортимент костяных орудий. Во-вторых, вместе с характерным для московско-клязьминской группы наличием костных остатков свиньи появляются и кости овцы-козы или поделки из них. В-третьих, изменяется основная ориентировка могил и погребений, приближающаяся к верхневолжской группе. В-четвертых, встречаются парные или коллективные захоронения; в Кузьминском могильнике появляются погребальные сооружения, сосуды амфорного типа и височные медные привески.

Эту подгруппу мы относили ранее к самой поздней фазе московской группы¹⁰⁵. Сейчас в свете новых данных эту подгруппу можно датировать второй четвертью II тысячелетия до н. э.

IV подгруппа характеризуется следующими общими признаками: отсутствием сосудов с веревочным орнаментом, наличием кремневых наконечников стрел буньковского типа, за исключением Верейского могильника, кремневых линзовидных топоров буньковского типа, широких ножей с фасетированной ретушью, прекрасной отжимной «струйчатой» ретушью в выработке кремневых орудий, отсутствием углублений-ямок на днищах сосудов и характерными мотивами орнаментики в виде наклонных полос, поставленных под углом друг к другу, ромбической сетки (решетки), двойного и тройного зигзагов. Наряду с этими «балановскими» элементами орнаментики в Буньковском могильнике появляется и двойной зигзаг — типичный балановский орнамент. Ко всему сказанному можно еще прибавить присутствие в могильниках низкошейных сосудов, одноцветность кремня, отсутствие костяных изделий.

¹⁰⁵ Д. А. Крайнов. Памятники фатьяновской культуры. Московская группа, стр. 18.

Эти могильники относятся к самому позднему этапу развития московско-клязьминской группы. Из них наиболее ранними являются Истринский, Суцевский и Верейский могильники, затем идет Буньковский и, наконец, Николо-Перевозский.

Эти могильники датируются по сходству черепшковых наконечников стрел, наконечников дротиков, выпрямителей древков стрел, линзовидных кремневых клиновидных топоров, мотивов орнаментики и другим признакам временем памятников позднего этапа развития среднеднепровской культуры, отнесенными И. И. Артеменко к середине II тысячелетия до н. э. (Стрелица)¹⁰⁶. Буньковский и Николо-Перевозский могильники, кроме того, датируются стратиграфически поздневолозовскими культурными слоями, обнаруженными на месте их расположения. Буньковскую волосовскую стоянку, на которой расположен Буньковский могильник, В. М. Раушенбах относит ко второй четверти II тысячелетия до н. э.¹⁰⁷ Кроме того, дата Буньковского могильника подтверждается сходством кремневого наконечника дротика с дротиком из Стрелицкого могильника среднеднепровской культуры, датируемого серединой II тысячелетия до н. э. египетской фаянсовой бусиной¹⁰⁸. Об этом же времени свидетельствует пыльцевой спектр стоянки Кулиги, где найдены наконечники стрел и клин, близкие буньковским¹⁰⁹.

Могильник Николо-Перевоз датируется В. М. Раушенбах по погребениям и вещам в волосовском слое второй — третьей четвертью II тысячелетия до н. э.¹¹⁰ Правильность этой датировки подтверждается и следующими фактами: наличием наконечников стрел и дротика, идентичных со Стрелицким могильником и Буньковским, присутствием в погребении ромбической узкообушковой формы топоров позднего типа, находкой плоскодонного сосудика, коллективностью захоронения, метисным характером черепов погребенных и т. д. Также следует указать, что поздневолозовские слои Уницкой и Сахтышских стоянок, однотипные Буньковской стоянке и Николо-Перевозской, датируются по пыльцевым спектрам около се-

¹⁰⁶ И. И. Артеменко. Среднеднепровская культура, стр. 20, рис. 4.

¹⁰⁷ В. М. Раушенбах. Неолитические стоянки Верхней Клязьмы, стр. 16.

¹⁰⁸ И. И. Артеменко. Племена Верхнего и Среднего Поднепровья в эпоху бронзы, стр. 90—91, рис. 54, 1, 2.

¹⁰⁹ С. Н. Тюрин. Археологические находки в торфяных залежах и датировка возраста торфяных отложений (анализ пыльцы из стоянки Кулиги).

¹¹⁰ В. М. Раушенбах. Фатьяновское погребение на неолитической стоянке Николо-Перевоз, стр. 36.

редине II тысячелетия до н. э. Вероятно, к этому же времени относятся и многочисленные находки обломков посуды с широким заштрихованным зигзагом Буньковского и Балановского типов (Польцо, Вашутино, Сахтыш и др.)¹¹¹.

Таким образом, поздние могильники Буньковский и Николо-Перевозский имеют твердую дату. Верейский могильник близок Буньковскому по форме и орнаментике сосудов и по сходству кремневых клиновидных топоров. Что касается Истринского могильника, то его дата будет несколько раньше. Он тесно связан с поздними памятниками днепро-деснинской группы по обряду погребения (трупосожжение и ориентировка), эсвидным сосудам, ятарным вещам, наконечникам стрел и особенно по медному колечку (привеске) с мышьяковистыми примесями. Есть в нем и элементы, близкие к верхневолжским памятникам, как, например, длиннолопастный топор и др. Надо отметить, что в Истринском могильнике присутствуют многие основные формы фатьяновских топоров-молотков, что является поздним признаком. Никак нельзя согласиться с П. М. Кожиним, что обряд трупосожжения, предполагаемый в Истринском могильнике, заимствован с востока и связан с атли-касинскими комплексами, как, например, погребения Чуркинского могильника и Синцовского кургана¹¹². По всему погребальному инвентарю и самому обряду трупосожжения Истринский могильник может быть связан только со среднеднепровской культурой (наконечники стрел, медная подвеска, одинаковая по химическому составу металла со среднеднепровскими металлическими вещами, и другие вещи). Истринский могильник старше Чуркинского и тем более очень позднего Синцовского кургана. Ошурковский могильник также относится к поздней фазе московско-клязьминской группы по обряду трупосожжения, по формам сосудов и пр. Он может быть датирован около середины II тысячелетия до н. э.

К московско-клязьминской группе памятников, возможно, следует отнести и Ковровский могильник¹¹³. Он близок с ними не только формами удлиненных с эсвидным профилем сосудов и веревочным орнаментом на шейке сосуда, но и формами каменных сверленных топоров-молотков. В районе Коврова найден типич-

ный узкообушковый ромбический топор-молоток, тождественный московско-клязьминским¹¹⁴.

По Клязьме фатьяновские племена двигались на восток. Только этим объясняется близость всех клязьминских памятников и нижеокских с московско-клязьминскими. Возможно, по притокам Клязьмы эти же племена заходили и на территорию Ивановской и Владимирской областей.

Для выяснения связей московско-клязьминской группы фатьяновских племен с востоком и передвижений необходимы раскопки фатьяновских памятников во Владимирской и Горьковской областях, а также в Московской обл., так как раскопки довоенного времени не дают точной картины могильных комплексов.

Окско-деснинская группа. В 1941 г. нами была выделена южная группа фатьяновских памятников, названная деснинской¹¹⁵. К ней мы отнесли Бежицкий и Брасовский могильники. Основанием для выделения деснинской группы послужили наши совместные работы с В. А. Гордцовым в Брянской обл. в 1928—1933 гг. В коллекциях Брянского музея хранились круглодонные сосуды из пойменной дюнной стоянки и могильника Куракин Бор¹¹⁶. Среди них были типичные фатьяновские сосуды, напоминающие сосуды из могильников московской группы, а также чашечка типа Горкинского могильника. При обследовании этой дюны в культурном слое была найдена разнообразная керамика: гребенчато-ямочная, шнуровая тонкостенная, обломки сосудов без орнамента фатьяновского типа, сетчатая и славянская. В то же время было обследовано место расположения Бежицкого могильника и нескольких стоянок в районе г. Бежицы. В грунтовом Бежицком могильнике были обнаружены вместе с костями человека коротколопастный каменный сверленный топор-молоток, кремневый клиновидный топор, кремневые ножи и обломки тонкостенной посуды¹¹⁷. На стоянках найдены вещи, близкие фатьяновским.

В 20-х и 30-х годах в бассейне Верхнего Днепра и Десны были открыты многочисленные места случайных находок и могильников. Сходство этих памятников с фатьяновскими дало

¹¹¹ Д. А. Крайнов. Памятники фатьяновской культуры. Ярославско-Калининская группа.

¹¹² П. М. Кожин. О западной границе фатьяновской культуры. «Новое в советской археологии», М., 1965, стр. 126.

¹¹³ А. Ф. Дубынин. Ковровский фатьяновский могильник. КСИИМК, вып. 53, 1954, стр. 50—54.

¹¹⁴ О. С. Гадзюцкая. Фатьяновские памятники Владимирской области. КСИИМК, вып. 93, 1963, стр. 50, рис. 17, 6.

¹¹⁵ Д. А. Крайнов. Вауловский могильник, стр. 143.

¹¹⁶ Т. С. Пассек, В. А. Латынин. Разведки в районе Брянска. ТСА РАНИОН, вып. IV.

¹¹⁷ Д. А. Крайнов. Вауловский могильник, стр. 142; Н. И. Лелянов. Сообщение Н. И. Лелянова о находке коротколопастного топора и кремневого клина на территории неолитической стоянки в г. Бежице. Архив АН СССР.

повод некоторым исследователям отнести их к особому варианту фатьяновской культуры¹¹⁸⁻¹¹⁹. Еще А. А. Спицын обратил внимание на близость Брасовского могильника к фатьяновским памятникам, а некоторые находки из Брянской и Смоленской областей он прямо отнес к памятникам фатьяновского типа, считая, что они расширяют район распространения фатьяновской культуры¹²⁰. В. А. Городцов включил по находкам топоров в фатьяновскую зону территории Орловской, Брянской и Смоленской областей¹²¹. Позднее Т. С. Пассек и Б. А. Латынин высказали мнение о близости фатьяновских памятников к таким памятникам Брянской обл., как могильники Брасовский, Речицкий, Куракин Бор, отнесенные ими к среднеднепровской культуре¹²². Выделив в среднеднепровской культуре особую группу днепровско-деснинских памятников, Т. С. Пассек высказала мнение о тесных связях ее с фатьяновской культурой¹²³. О. А. Кривцова-Гракова писала, что «совершенно обособленно стоят находки фатьяновских или близких к ним могильников под Брянском; к ним, по-видимому, принадлежит также Брасовский могильник, расположенный близ г. Севска»¹²⁴. Она посчитала эти памятники не вариантом фатьяновской культуры, а, возможно, особой «самостоятельной» культурой. Находки топоров и могильники Михеевский и Детчинский в Калужской обл. она отнесла к московской группе фатьяновской культуры. Позднее М. Е. Фосс считала возможным говорить о культурной и генетической общности среднеднепровской и фатьяновской культур¹²⁵. Об этом же писали А. Я. Брюсов, М. М. Герасимов, П. Н. Третьяков и другие исследователи. К настоящему времени на территории между Сожем и Десной обнаружено значительное количество памятников, близких, с одной стороны, к среднеднепровской, а с другой — к фатьяновской

культурам. Они выделены И. И. Артеменко¹²⁶ в особую днепро-деснинскую группу, отнесенную им к поздней фазе среднеднепровской культуры. Сейчас несомненным фактом следует считать тесную связь грунтовых могильников этой группы из верховий Днепра с памятниками московско-клязьминской группы. Пока мы не предприняем вопрос, что эта связь генетическая или иная (соседственная). Во всяком случае выделяются некоторые памятники Смоленской, Могилевской и других областей, которые можно отнести и к среднеднепровской, и к московско-клязьминской группе фатьяновской культуры. Что касается деснинских памятников и памятников верхнеокских, то они объединяются в одну подгруппу памятников, названную нами окско-деснинской. К этой подгруппе можно отнести с уверенностью Михеевский и Детчинский могильники, а также условно Брасовский, Бежицкий, возможно Вщиж, мыс Отчинский и другие памятники, расположенные по Десне, Сейму, Угре и Оке до г. Касимова (до Мокши). В зону их распространения войдут, вероятно, Орловская, Брянская, Тульская, Рязанская, Калужская и южная часть Московской областей. Эти памятники объединяются обрядом захоронения в грунтовых могильниках, ориентировкой могильных ям с запада на восток и особой формой коротколопастных топоров типа А (по Глобу и Форсандеру).

Коротколопастные топоры, выделенные нами из среды лопастных в отдельный тип¹²⁷, позволили установить, что они в основном распространялись по Десне, Оке, Мокше и Свияге. Концентрация этих находок в Калужской обл. по Десне и Оке, а также находки таких топоров в погребениях Михеевского, Детчинского, Бежицкого и других могильников и к западу от них заставляют связывать эту форму топоров с особой группой фатьяновских племен, продвигавшихся по Десне и Оке на восток. Эта группа очень близка московско-клязьминской, с одной стороны, и днепро-деснинской группе среднеднепровской культуры — с другой. С первой окско-деснинская группа связана длиннообушковыми и ромбическими формами сверленных топоров, найденных на территории распространения памятников данной группы¹²⁸, а также формами клиновидных топоров (толстообушковых и линзовидных), костяными орудиями, шнуровой орнаментикой сосудов и другими ор-

¹¹⁸ А. Н. Лявданский. Некоторые данные о каменном веке и культуре бронзовой эпохи в Смоленской губернии. «Науч. изв. Смоленского гос. ун-та», т. IV, вып. 3. Смоленск, 1937, стр. 219, 235, 236; он же; Археологические доследы у Сماعيلчыне. «Працы сакцы археологіі», т. III, Мінск, 1932.

¹¹⁹ К. М. Палікарновіч. Археалагічныя нататкі. «Працы сакцы археологіі», т. III, стр. 247.

¹²⁰ А. А. Спицын. Новые сведения о медном веке в Средней и Северной России, стр. 73—75.

¹²¹ В. А. Городцов. Культуры бронзовой эпохи в Средней России, стр. 6.

¹²² Т. С. Пассек, Б. А. Латынин. Разведки в районе Брянска, стр. 374—390.

¹²³ Т. С. Пассек. К вопросу о среднеднепровской культуре, стр. 35, 47, 51.

¹²⁴ О. А. Кривцова-Гракова. Хронология памятников фатьяновской культуры, стр. 22—23.

¹²⁵ М. Е. Фосс. Древнейшая история севера европейской части СССР. МИА, № 29, 1952, стр. 187.

¹²⁶ И. И. Артеменко. Среднеднепровская культура; он же. Племена Верхнего и Среднего Поднепровья в эпоху бронзы.

¹²⁷ Д. А. Крайнов. Памятники фатьяновской культуры. Московская группа, стр. 27, 31, 32, табл. XI. 1, 2.

¹²⁸ Там же, стр. 47—48.

наментальными узорами, западно-восточной ориентировкой могил и т. д. Со среднеднепровской культурой ее сближают широколезвийные клиновидные топоры, узкие кремневые долота прямоугольной формы, елочный и треугольный узоры и веревочный орнамент.

Следует отметить и близость этих памятников со средневожскими по формам идентичных коротколопастных, ромбических-лопастных и втульчатых сверленных топоров, каменных булав и некоторых мотивов орнамента (ромбическая решетка, ряд наклонных полос под углом друг к другу). Обряды погребений Брасовского и Козловского могильников также сходны. Нельзя обойти молчанием и связь памятников окско-деснянской группы с Западом (культура Злота и др.) по коротколопастным топорам, прямоугольным узким кремневыми долотовидным орудиям и широколезвийным клиновидным топорам. Эту связь подтверждают и амфорные сосуды (Речица и Гришанцы), найденные на территории распространения среднеднепровской культуры¹²⁹.

Хронологически памятники окско-деснянской группы близки к памятникам московско-клязьминской группы. Михеевский могильник старше других, а Детчинский по форме сосуда и кремневых линзовидных топоров стоит ближе к поздним памятникам, таким как Истринский могильник.

Выделение этой группы позволяет объяснить вопрос происхождения сурско-свияжских (средневожских) «балановских» фатьяновских племен.

Верхневожская группа. К памятникам этой группы мы относим могильники, поселения и случайные находки, расположенные вдоль обоих берегов Верхней Волги и ее притоков на территории северной половины Калининской и Ярославской областей, за исключением ее южной части (Переславского и части Ростовского районов), Ивановской и Костромской областей. На левом берегу Волги памятники этой группы доходят до Череповецкой и Вологодской областей и даже до Галичского озера, на востоке — до Горьковской обл. (рис. 4).

Основными могильниками этой группы являются: Таскаихский, Олочинский, Воронковский, Никульдинский, Голузинский, Пужбольский, Халдеевский, Карашский, Милославский, Ильинско-Хованский, Кривцовский, Краснохолмский, Желобнянский, Овинищенский, Болшневский, Лозьевский, Сукромнинский, Рыболовский, Вауловский, Холмогорский, Фатьяновский, Толбухинский, Волосово-Даниловский, Воронский, Наумовский, Великосельский, Мель-

ничногорский, Григорьевский, Никитинский, Тимофеевский, Горкинский, Мытищинский, Добрищевский, Аньковский, Данильцевский, Ядревский, Горицкий, Дьяковский, Змеевский, Скомороховский, Ясновский, Заборьевский и др.

Из мест поселений следует отметить следующие стоянки:

Золоторучье I, II, Рождественский Остров, Вокса, Борань, Станок, Дикариха, Сахтыш I, IV, Польдо, Вашутино, Толстуха и др.

Перечисленные памятники объединяются в одну группу по следующим признакам: 1) расположению могильников вдоль большой водной магистрали — Верхней Волги на высоких холмах моренного происхождения с обязательным присутствием около могильников болот, рек, ручьев или речек и расположению могильников гнездами; 2) общим обрядом погребения (вытянутость могильников с юго-запада на северо-восток); четкому расположению погребального инвентаря в соответствующих местах; с открытыми или закрытыми ритуалом; близкой ориентировкой могильных ям и погребений, с преимущественной ориентировкой могильных ям с юго-запада на северо-восток и господством западной (юго-западной, северо-западной и западной) ориентировки мужских погребений, а женских — восточной (северо-восточной, юго-восточной и восточной); положением мужчин на правом, а женщин — на левом боках и пр.; 3) увеличением числа погребенных в могильниках; на ранней стадии от 14 до 20 человек и на поздней — от 20 до 125; 4) появлением и развитием погребальных сооружений; 5) увеличением количества коллективных погребений; 6) одинаковым расположением погребального инвентаря в могилах; 7) увеличением количества и форм сосудов в погребениях (появление и развитие сосудов амфорного типа и чашевидных); 8) резким уменьшением удлиненных сосудов с эсвидным профилем и массовым появлением призматических шаровидных сосудов с почти прямой шейкой; 9) разнообразием орнаментальных мотивов и появлением новых (лопастные и ромбические узоры); 10) развитием двухзонального орнаментального узора и штампованной техники в нанесении орнамента; 11) широким распространением орнамента на днищах сосудов; 12) увеличением количества линзовидных форм кремневых клиновидных топоров и уменьшением их размеров; 13) отсутствием кремневых наконечников стрел буньковского типа; 14) широким распространением длиннолопастных форм каменных сверленных топоров-молотков и отсутствием основных московско-клязьминских форм (длиннообушковых и ромбических); 15) увеличением изделий из кости; 16) наличием в погребениях, кроме костей свиньи, костей других до-

¹²⁹ Т. С. Пассек. К вопросу о среднеднепровской культуре, стр. 36, рис. 10, 3; стр. 45, рис. 14, 4.

машинных животных (овцы, коровы и лошади); 17) появлением ритуальных захоронений животных (овцы-козы, собаки, медведя) и развитием медвежьего культа; 18) развитием металлургического производства, появлением на поздней стадии «балановских черт», увеличение которых идет постепенно в направлении с запада на восток; 19) появлением и постепенным увеличением количества votивных вещей; 20) единством долихокранного европеоидного антропологического типа погребенных; 21) массовым появлением фатьяновских вещей на позднеэнеолитических стоянках и др.

Внутри этой группы выделяются и ранние, и поздние памятники. Датировка памятников верхневолжской группы устанавливается на основании стратиграфии находок фатьяновских вещей на позднеэнеолитических стоянках Золоторучье I, II¹³⁰, Рождественском Острове¹³¹ (ранняя дата) и на поселениях Станок, Борань¹³², Воркса¹³³, Дикариха¹³⁴ (поздняя дата). Фатьяновский слой на стоянке Золоторучье I датируется первой половиной II тысячелетия до н. э., а слои с фатьяновскими вещами на стоянках Станок II и Борань относятся примерно к середине II тысячелетия до н. э. Ранние памятники верхневолжской группы увязываются с могильниками второй и третьей подгруппы московско-клязьминской группы, а также с поздним этапом среднеднепровской культуры. Самые поздние могильники датируются временем стоянок типа Галичской.

Таким образом, верхневолжские фатьяновские племена развивались примерно со второй четверти II тысячелетия до н. э. и до середины третьей четверти II тысячелетия до н. э. (1750—1400 л. до н. э.). Калининские памятники верхневолжской группы будут датироваться несколько раньше.

Верхневолжскую группу памятников благодаря разности культурного окружения, смещению с другими группами фатьяновской культуры, контактам с местным населением и продолжительности бытования можно разбить на ряд подгрупп:

I подгруппа: Олочинский, Таскаихский, Голузинский, Никульдинский, Воронковский, Пужбольский, Халдеевский, Наумовский, Введенский могильники.

¹³⁰ Д. А. Крайнов. Некоторые спорные вопросы древнейшей истории Волго-Окского междуречья.

¹³¹ А. Л. Никитин. Стоянка на Рождественском Острове. СА, 1964, № 2.

¹³² Н. И. Гурина. Энеолитическое поселение Борань. МИА, № 79, 1960; она же. Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Костромском Поволжье. МИА, № 110, 1963.

¹³³ Д. А. Крайнов. Отчет Верхневолжской экспедиции за 1960 г. Архив ИА АН СССР.

¹³⁴ А. Л. Никитин. Дикариха.

II подгруппа: Карашский, Милославский, Аньковский, Ядреевский, Данильцевский, Добрищевский, Ильинско-Хованский, Кривцовский, Гулянкинский могильники; поселение Золоторучье I.

III подгруппа: Вауловский, Холмогорский, Рыболовский, Фатьяновский, Никитинский. Волосово-Даниловский, Толбухинский, Воронковский. Болшневский, Говядиновский, Горицкий, Горкинский, Скомороховский, Великосельский, Тимофеевский, Мытищинский, Юрвецкий, Заборьевский, Ясновский, Дьяковский, Игодовский, Юрьевский могильники.

Из мест поселений следует отметить следующие стоянки: Борань, Станок, Воркса, Сахтыш I, IV, Рождественский Остров, Дикариха.

Что касается Калининских могильников Бежецкого р-на (Овинищенский, Краснохолмский, Желобнянский), то их сейчас трудно отнести в ту или иную подгруппу из-за недостаточной исследованности¹³⁵.

I подгруппа расположена к западу и к югу от г. Ярославля. Памятники этой подгруппы объединяются общностью обряда погребения на высоких моренных холмах в особых погребальных сооружениях. Основная ориентировка могильных ям — юго-запад — северо-восток. Ориентировка мужских погребений в основном юго-западная, а женских — северо-восточная и реже юго-восточная и восточная. Во всех могильниках, кроме Таскаихского, встречены удлиненные сосуды с раструбной высокой шейкой, а веревочный орнамент — везде, за исключением керамики Таскаихского и Халдеевского могильников. Штампованная и чеканная техника нанесения орнамента присутствует в одинаковых пропорциях. Двухзональное распределение узоров на сосудах преобладает над однозональным. Отмечается отсутствие наконечников стрел за исключением одного погребения из Никульдинского могильника (погребение 15). В могильниках Олочинском, Воронковском, Никульдинском, Голузинском и Введенском найдены микропластинки и подкарандашевидные нуклеусы, свидетельствующие о существовании микроиндустрии. Большинство клиновидных кремневых топоров имеет прямоугольное сечение. Топоры с линзовидным сечением редки. Каждое мужское погребение сопровождается каменным сверленным боевым топором. Господствующая форма топоров — среднеобушковая, а в богатых погребениях встречаются длиннолопастные топоры (Никульдинский, Воронков-

¹³⁵ В Бежицком и Краснохолмском районах Калининской обл. обнаружено много могильников, но детально обследованных памятников нет. Вероятно, они будут выделены в будущем в особую подгруппу верхневолжских памятников.

ский, Голузинский могильники). Увеличивается количество костяных орудий и украшений из костей и зубов животных. Наряду с костями свиньи появляются поделки из костей овцы и собаки. Кости коровы и лошади отсутствуют. Количество погребений на могильниках увеличивается до 20—25 могил. Основная часть могильников располагается не на больших реках, а на берегах речек, ручьев и болот. Характерной чертой является также расположение могильников гнездами (1,5—10 км друг от друга).

Памятники изучаемой подгруппы имеют двойственный характер. С одной стороны, они близки памятникам московско-клязьминской группы, так как находятся в пограничной зоне, а с другой — отличаются от нее новыми чертами, присущими верхневолжской группе.

С московско-клязьминской группой памятников ее объединяет наличие удлиненных сосудов с раструбной высокой шейкой, являющихся дальнейшим развитием сосудов московско-клязьминской группы (ранних ее этапов). На сосудах присутствует веревочный орнамент, но уже в качестве подсобного. Встречаются длинноручные сверленные топоры, присущие московско-клязьминской группе, наконечники стрел, молотчикообразные булавки и пр. В большинстве могильников — западно-восточная ориентировка могильных ям, характерная для московско-клязьминской группы могильников. Продолжают встречаться кости свиньи в погребениях. Есть и другие, более мелкие признаки, особенно в орнаментике сосудов, их лощении, примесях, обжиге и т. д., сближающие эту подгруппу памятников с московско-клязьминскими. Кстати, как раз до границы расположения этих памятников сверленные топоры имеют ромбические формы, характерные для московско-клязьминской группы памятников. Вероятно, чем больше московских черт в памятниках разбираемой подгруппы, тем они или теснее связаны с московскими, или хронологически древнее других верхневолжских памятников. Сейчас невозможно сказать, что мы здесь имеем: смешение двух локальных вариантов фатьяновской культуры (московско-клязьминских и верхневолжских), или эту близость можно объяснить только культурными связями в пограничных территориях.

Наряду с московско-клязьминскими чертами могильники разбираемой подгруппы имеют типичные черты верхневолжских памятников — это погребальные сооружения, господство ориентировки могил с юго-запада на северо-восток, появление едипичных сосудов амфорного типа и чашевидных сосудов; наличие простого ромбического орнамента, характерного узора верхне-

волжских сосудов; увеличение количества двухзональных узоров на сосудах, металлических изделиях, костяных орудиях и украшениях и др. Наряду с костями свиньи появляются и поделки из костей коровы (Олочинский могильник). Эти новые черты доминируют над московско-клязьминскими.

Данную группу могильников можно датировать второй четвертью II тысячелетия до н. э. Основными датировочными факторами являются:

1. Молотчикообразная костяная булавка из погребения 3 Воронковского могильника, идентичная булавке позднего этапа среднеднепровской культуры ¹³⁶.

2. Костяная полулунница с отверстием из Воронковского могильника, идентичная лунницам стоянки Абора ¹³⁷, датированной по С ¹⁴ около 1700—1600 л. до н. э.

3. Очковидная медная привеска из Никульцинского могильника близкая по форме очковидной привеске из могильника Ходосовичи среднеднепровской культуры, датированной И. И. Артеменко первой четвертью II тысячелетия до н. э.

4. Сосуд из погребения 1 Олочинского могильника, орнаментированный рядами оттисков перевитой веревочки и нарезками по плечикам в виде неправильного елочного узора ¹³⁸, по форме близок сосудам из Бельинца ¹³⁹ и Кузьминского могильника ¹⁴⁰, а по орнаментике — сосудам из Протасовского, Икпанского и Кузьминского могильников ¹⁴¹, датированных второй четвертью II тысячелетия до н. э.

5. Сосуды из того же могильника из погребений 4 и 5 ¹⁴² по форме близки сосудам поздней стадии среднеднепровской культуры, а сосуд из погребения 2 с елочным узором близок сосудам из Лихачевского и Тургиновского могильников.

6. Высокошейный сосуд из погребения 8 Воронковского могильника близок сосудам поздней стадии среднеднепровской культуры, а крестообразный орнамент на тарелке из погребения 7 идентичен орнаментам на днищах сосудов поздней стадии среднеднепровской культуры.

Можно привести еще десятки аналогий по вешам, сосудам и мотивам орнаментики с мос-

¹³⁶ И. И. Артеменко. Среднеднепровская культура.

¹³⁷ И. А. Лозе. Раскопки стоянки Абора в Латвии. Доклад на секции неолита и бронзы на пленуме ИА АН СССР, в 1965 г.

¹³⁸ И. И. Артеменко. Фатьяновский могильник на Олочинской горе. КСИА, вып. 93, 1963, стр. 56, рис. 49, 2; Д. А. Крайнов. Олочинский и Таскаихский могильники фатьяновской культуры. КСИА, вып. 106, 1966, стр. 60, рис. 24, 1.

¹³⁹ Бельнец. Курган 2. Колл. ГИМ.

¹⁴⁰ Д. А. Крайнов. Памятники фатьяновской культуры. Московская группа, табл. II.

¹⁴¹ Там же, табл. II, V.

¹⁴² Д. А. Крайнов. Олочинский и Таскаихский могильники фатьяновской культуры, стр. 60, рис. 24, 6, 7.

ковско-клязьминской группой и среднеднепровской культурой, подтверждающих нашу датировку могильников данной группы.

Находки близкой по орнаментике керамики в стоянках Золоторучье I и Рождественский остров подтверждают эту датировку. Таким образом, следует считать, что первая подгруппа могильников будет наиболее ранней в верхне-волжской группе памятников. Необходимо отметить, что в Наумовском могильнике, одном из поздних в этой подгруппе, имеются сосуды, по форме близкие к московско-клязьминским. Они эсвидны, удлинены, но вместо веревочного орнамента на них прочерченные пояски бороздок, имитирующие шнур. Данный факт интересен для решения вопроса о влиянии памятников московско-клязьминской группы на происхождение верхневолжской группы.

II подгруппа. Могильники этой подгруппы объединяются близостью расположения в западной части Ивановской обл. в Ильинско-Хованском р-не. Здесь найдено значительное количество случайных находок — каменных сверленных топоров-молотков. Они и могильники расположены гнездами, иногда очень близко друг от друга. Все могильники находятся на моренных холмах различной высоты недалеко от рек и болот (останцов озер). Эти могильники близки друг другу по обряду захоронения в особых могильных сооружениях. Господствующей ориентировкой могильных ям является направление с юго-запада на северо-восток, но наряду с этим значительное число могил ориентировано с северо-запада на юго-восток и небольшое количество — с северо-запада на восток (табл. 3).

Женщины лежат скорченно на левом боку, а мужчины — на правом. У первых преобладает восточная ориентировка погребений (северо-восток, восток, юго-восток), а у вторых — западная (юго-запад, запад, северо-запад). Во всех могильниках (за исключением погребения 14 Тимофеевского могильника) отсутствуют сосуды аморфного типа. Большинство сосудов имеет удлиненные формы и раструбную шейку, наряду с ними продолжают встречаться сосуды с эсвидным профилем. Так же, как у сосудов московско-клязьминской группы, часто встречается в тесте примесь дресвы. Значительно количество сосудов без орнамента, есть сосуды без ямок на дне. Орнаментация на сосудах различна: ромбические узоры, типичные для верхневолжской группы памятников, решетка (ромбическая сетка), характерная для московско-клязьминской и средневолжской групп, елочный узор и др. Очень часто встречаются бороздки на шейках сосудов, что характерно для позднего этапа московско-клязьминской группы. Количество орнаментированных ямок на днищах меньше

неорнаментированных. В поздних могильниках появляются плоскодонные сосуды. Отмечается множество костяных поделок и украшений. Очень мало металлических изделий.

Каменные сверленные топоры встречаются разных типов, но преобладают обушковые. Основная масса кремневых клиновидных топоров имеет прямоугольное сечение. Размеры их, по сравнению с московско-клязьминскими, меньше. В могильниках наряду с костями свиньи встречаются и кости овцы. Кости коровы и лошади отсутствуют. Антропологический тип погребенных одинаков с первой подгруппой памятников.

По своему характеру памятники этой подгруппы, так же как и первой, носят двойственный характер. С одной стороны, в них имеются черты московско-клязьминские, с другой стороны — верхневолжские и частично средневолжские.

С московско-клязьминской группой их роднят следующие общие признаки: сравнительно небольшое число погребенных на могильниках; встречаемость западно-восточной ориентировки могильных ям; сосуды с эсвидным профилем и удлиненные сосуды с раструбной шейкой; наличие цилиндрошейных сосудов (Добрищевский, Кривцовский и Ильинско-Хованский могильники), близких среднеднепровским формам; присутствие большого количества неорнаментированных сосудов; наличие сосудов без ямок; примесь дресвы в тесте; большое количество неорнаментированных ямок на днищах сосудов; толстообушные кремневые клиновидные топоры (Милославский могильник), длиннолопастный топор со срезанной лопастью из Кривцовского могильника, идентичный Истринскому длиннолопастному топору; наличие бусин из раковин и створок речной раковины в могилах; одинаковый обряд погребения частей туши свиньи; обязательное присутствие каменных сверленных топоров в мужских погребениях и отсутствие их в детских погребениях и др. Надо также указать, что на территории распространения памятников этой подгруппы встречаются случайные находки ромбических сверленных топоров московско-клязьминского типа (рис. 10).

С верхневолжскими памятниками их объединяет общий обряд погребения в особых погребальных сооружениях, господствующая ориентировка могильных ям с юго-запада на северо-восток, строгое положение мужчин на правом, а женщин на левом боку, наличие шаровидных сосудов приземистого типа и чашевидных сосудов. Основная орнаментика сосудов — штампованная, по основным мотивам близка верхневолжским памятникам.

Со средневолжскими памятниками (Балановским могильником) черты сходства наблюдаются в устройстве погребальных сооружений, в

ориентировке погребений, в орнаментике посуды, в появлении плоскодонных сосудов и пр.

Вероятно, описанные нами памятники относятся к какой-то локальной группе, возникшей, с одной стороны, под прямым влиянием московско-клязьминских племен в их продвижении на восток, а с другой — в эту группу влились и компоненты верхневолжских племен. Наконец, в этой же группе памятников заметны и балановидные черты, возникшие еще в четвертой подгруппе московско-клязьминских памятников.

Хронологически памятники разбираемой подгруппы неодинаковы. К наиболее ранним относятся Милославский и Карашский могильники, а к более поздним — Добрищевский, Ильинско-Хованский и самый поздний Кривцовский могильник. Первые датируются, примерно, серединой второй четверти II тысячелетия до н. э., а вторые — около середины II тысячелетия до н. э.

III подгруппа — самая многочисленная по количеству могильников и относится к так называемому классическому этапу фатьяновской культуры. В состав ее входят могильники, расположенные на севере Калининской обл., в Ярославской, Костромской областях и на севере Ивановской обл. Могильники этой подгруппы распространяются далеко на север по левому берегу р. Волги и по ее притокам и разветвлениям рек, ручейков, входящих в систему Верхнего Поволжья. Если в могильниках I подгруппы число погребений доходило до 20, то в этой подгруппе в некоторых могильниках, как, например, в Волосово-Даниловском их число равно примерно 125. Следует отметить, что чем севернее могильники, тем больше в них погребений. Вероятно, забегая вперед, можно сказать и по-другому, чем позднее могильники, тем число погребений в них больше. Могильники и случайные находки этой подгруппы располагаются всюду: и около больших рек, и около малых — на водоразделах, т. е. они охватывают территорию полностью. Однако надо сделать оговорку, что излюбленными местами являются холмистые территории (Бежецкий и Краснохолмский р-ны Калининской обл., Гаврилов-Ямский, Курбский, Тутаевский и Даниловский р-ны Ярославской обл.; Нерехтский, Костромской, Островский р-ны Костромской обл.). Могильники располагаются на высоких моренных холмах.

Все памятники этой подгруппы объединены общими признаками:

Расположением могильников на высоких холмах моренного происхождения с обязательным присутствием поблизости болот (прежних озер) и рек. Вытянутостью могильников с юго-запада на северо-восток.

Единым обрядом погребения в особых погре-

бальных сооружениях с полным господством ориентировки могил с юго-запада на северо-восток. Другие ориентировки встречаются редко. (Болшевский могильник.)

Строгим положением мужчин на правом боку головой на юго-запад, а женщин на левом боку головой на северо-восток (редко на юго-восток и восток).

Группировкам могил не по полу и возрасту, а, по-видимому, по семейному признаку.

Выделением наиболее богатых могил на особо почетное, самое высокое место холма.

Увеличением количества захоронений ритуальных животных (собак, медведя, овцы-козы).

Появлением в могильниках поделок из костей крупного рогатого скота, а также костей крупного рогатого скота и лошади (Волосово-Даниловский могильник).

Почти полным исчезновением сосудов с эсвидным профилем, небольшим количеством удлинненных сосудов с раструбным горлом и значительным числом приземистых высокошейных шаровидных сосудов с раструбным и прямым горлом (шейкой).

Массовым появлением сосудов амфорного типа, увеличением количества чашевидных сосудов в могилах.

Усложнением орнаментальных узоров и дальнейшим развитием двухзонального орнамента. Широким применением ромбического, лопастного, зигзагового, елочного и других узоров в орнаментике сосудов. Появлением на днищах сложных солярных изображений (кресты, круги, звезды и пр.). Широким применением штампованной техники в нанесении орнамента.

Улучшением техники выделки сосудов из хорошо отмученной глины и появлением новых примесей (шамот и др.).

Резким увеличением количества кремневых клиновидных топоров с линзовидным сечением.

Широким развитием длиннолопастных форм каменных сверленных топоров-молотков и вырождением этих форм в направлении с запада на восток.

Развитием металлургии и появлением в погребениях вождей медных вислообушных топоров и копий. Увеличением ассортимента металлических изделий и появлением захоронений металлургов.

Расширением ассортимента костяных орудий и украшений.

Увеличением количества амулетов из медвежьих клыков и развитием медвежьего культа.

Появлением в погребениях детей каменных сверленных боевых топоров (небольших) и votивных глиняных топоров. Развитием «балансирующих» признаков в поздних могильниках, особенно в области орнаментальных узоров.

Некоторыми изменениями в антропологическом типе погребенных.

Разграблением могил, наблюдающимся на самой поздней стадии развития фатьяновской культуры (Волосово-Даниловский, Фатьяновский, Мытищинский, Горицкий, Горкинский и др.).

Появлением в восточной части территории расселения данной группы балановских комплексов в могильниках (Ивановская обл. — Скопороховский могильник).

Широким расселением фатьяновских племен на восток (Костромская и Горьковская области и Вятско-Ветлужское междуречье).

Усилением столкновений с поздневолоховскими племенами.

Все перечисленные признаки свидетельствуют о более поздней стадии развития фатьяновской культуры.

Могильники данной подгруппы датируются серединой II тысячелетия, а некоторые памятники и позднее (Дикариха, Ворокса, Юрьевское, Туровское и др.), включая начало распространения текстильной керамики.

Основными датировочными материалами являются:

Стратиграфическое расположение фатьяновской керамики, идентичной керамике из могильников данной подгруппы, в стоянках Борань и Станок¹⁴³ с поздней волоховской керамикой.

А. А. Спицын, присутствовавший при раскопках стоянки Борань, установил на ней наличие четырех культурных слоев: двух неолитических, фатьяновского и дьяковского.

Фатьяновские вещи найдены вместе с поздней волоховской керамикой, имеющей в тесте растительную примесь. Подобная волоховская керамика с растительной примесью появляется в стоянке Сахтыш I только в верхних слоях, датированных второй четвертью (ближе к середине) II тысячелетия до н. э.¹⁴⁴ Кстати, фатьяновские вещи (керамика, топоры, высверлины и пр.) встречаются на стоянках Сахтыш I, II, IV также вместе с поздней волоховской керамикой. Такая же картина наблюдается и на федоровской неолитической стоянке¹⁴⁵.

Находки фатьяновской керамики на стоянках

Ворокса¹⁴⁶ и Туровское¹⁴⁷ вместе с текстильной керамикой и особой керамикой галичского типа датируются второй половиной II тысячелетия до н. э. Они дают самую позднюю дату бытования фатьяновской культуры на Верхней Волге (1400—1300 л. до н. э.).

Находка втульчатого орнаментированного медного копья в Волосово-Даниловском могильнике¹⁴⁸ может служить датировочным материалом. Близкое к нему копьё найдено в Усть-Гайвенском могильнике, датируемым О. Н. Бадером около начала XIV в. до н. э.¹⁴⁹ В срубной культуре встречаются копья, близкие по форме из Волосово-Даниловского могильника¹⁵⁰. Вероятно, они одновременны. В. А. Городцов писал, что втульчатые копья появляются в Европе поздно, на переходе от бронзовой к железной эпохе¹⁵¹. Можно еще добавить, что в Прикамье втульчатые копья получают широкое распространение в третьей четверти II тысячелетия до н. э.¹⁵²

«Медный кружок», найденный в собственно фатьяновском могильнике И. С. Поляковым, в основном состоит из железа (59,67%), частично из меди (38,42%) и олова (1,90%) и подтверждает позднюю дату.

Литейные формы для отливки медных вислобушных топоров, найденные в Волосово-Даниловском могильнике¹⁵³, близки к литейным формам из Чурачикского могильника, датируемого В. Ф. Каховским второй половиной II тысячелетия до н. э.¹⁵⁴

Датировочными материалами являются и медные вислобушные топоры, найденные в Вауловском, Фатьяновском, Волосово-Даниловском и Горкинском могильниках¹⁵⁵. В. А. Городцов считал, что вислобушные топоры доживают до ранней стадии железного века¹⁵⁶.

¹⁴³ Д. А. Крайнов. Отчет Верхневолжской экспедиции за 1961 г. Раскопки на стоянке «Ворокса». Архив ИА АН СССР.

¹⁴⁴ Колл. из раскопок стоянки «Туровское» в Ярославском музее-заповеднике.

¹⁴⁵ Д. А. Крайнов. Волосово-Даниловский могильник. О. Н. Бадер. Древнейшие металлурги Приуралья. М., 1964, стр. 148, рис. 120, 15.

¹⁴⁶ О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы, стр. 139, рис. 34.

¹⁴⁷ В. А. Городцов. Культуры бронзовой эпохи в Средней России, стр. 79.

¹⁴⁸ О. Н. Бадер. Древнейшие металлурги Приуралья, стр. 143.

¹⁴⁹ Д. А. Крайнов. Раскопки Волосово-Даниловского могильника в 1964 г. Отчет Верхневолжской экспедиции за 1964 г. Архив ИА АН СССР.

¹⁵⁰ В. Ф. Каховский. Чурачикский курган в Чувашии. СА, 1963, № 3, стр. 175, 177, рис. 6, 1, 2, 6.

¹⁵¹ Д. А. Крайнов. Памятники фатьяновской культуры. Ярославско-Калининская группа.

¹⁵² В. А. Городцов. Культуры бронзовой эпохи в Средней России, стр. 36.

¹⁴³ Н. И. Гурина. Неолитическое поселение Борань, стр. 236, 237; она же. Памятники эпохи бронзы и раннего железа.

¹⁴⁴ О. С. Гадацкая, Д. А. Крайнов. Новые исследования неолитических памятников Верхнего Поволжья, стр. 39.

¹⁴⁵ М. Е. Фосс. Керамика Федоровской стоянки. ТСА РАНИОН, вып. IV, стр. 505—548; И. Я. Гаврилова. Отчет о раскопках Федоровской стоянки в 1962 г. Архив ИА АН СССР.

В срубной культуре время бытования и расцвет вислобушских топоров относится к середине II тысячелетия до н. э.

Могильники третьей подгруппы неодновременны. Наиболее ранними следует считать Бежицкий¹⁵⁷ с находками шнуrowой керамики, Овинищенский с сосудом удлиненного типа¹⁵⁸, Краснохолмский, Желобинский, т. е. могильники северной части Калининской обл., связанные с двинско-ильменскими и белорусскими памятниками. Далее следует назвать Тимофеевский, Вауловский, Рыболовский, Холмогорский, Великосельский и Мельничногорский могильники. Более поздними были Говядиновский, Фатьяновский, Мытищинский, Змеевский, Горичский, Горкинский, Дьяковский и Волосово-Даниловский могильники, а самыми поздними в этой группе являются Скомороховский, Юрьевецкий и Быстринский могильники. Из всех могильников резко выделяется по своим балановским керамическим комплексам Скомороховский. Присутствие этого могильника, окруженного со всех сторон типичными фатьяновскими памятниками, на северо-востоке Ивановской обл. было бы странным, если признать его «чужеродный» балановский облик. Можно делать всяческие предположения, как, например, о продвижении балановцев на запад, о движении отдельных групп балановцев и т. д., но вряд ли они будут соответствовать действительности, так как тогда надо тем же объяснять и присутствие балановских сосудов в Буньковском могильнике, балановских сосудов в стоянках Верхней Волги (Польцо, Вапутино), сосудов с балановским орнаментом в Воронковском и Волосово-Даниловском могильниках и т. д. Можно еще допустить, что «балановские» вещи попали на территорию Верхней Волги в позднее время в связи с движением поздних племен, вероятно, впитавших в себя балановские (позднелатьяновские) компоненты, тем более что находки керамики с балановским орнаментом на территории Верхней Волги встречаются вместе с позднелатьяновской посудой (Дикариха, Сахтыш I и др.). Однако более раннее появление керамики с балановским орнаментом в таких могильниках, как Воронковский, Буньковский, Волосово-Даниловский, Вауловский и др., противоречит данному выводу.

М. Е. Фосс когда-то писала, что так называемый балановский узор (зигзаг заштрихованный) является общим не только для восточно-фатьяновских племен, но и для всей фатьянов-

ской культуры¹⁵⁹. Вероятно, нам следует признать, что данный орнамент появляется только на позднем этапе развития фатьяновской культуры и расцветает уже на территории Среднего Поволжья у средневожских фатьяновских племен, где он доживает до позднего времени и встречается в Хула-Сюцких памятниках, датруемых концом II тысячелетия и началом I тысячелетия до н. э. В главе II мы более подробно останавливаемся на возникновении зигзагового заштрихованного орнамента.

Вернемся теперь вновь к Скомороховскому могильнику. По обряду погребения он не отличается от других могильников III подгруппы. В нем встречены те же погребальные сооружения. Кстати, погребальное сооружение из могилы 4¹⁶⁰ идентично погребальному сооружению могилы 30 из Волосово-Даниловского могильника¹⁶¹. Кроме того, очень сходны и формы высоких шаровидных сосудов из погребения 4 с сосудом 2 из погребения 12 Волосово-Даниловского могильника¹⁶² и с сосудом из погребения 3 Кривцовского могильника¹⁶³.

Ориентировка могил близка к верхневожским могильникам. Все эти факты сближают Скомороховский могильник с фатьяновскими могильниками Верхней Волги и заставляют видеть в нем лишь поздний хронологический этап в развитии фатьяновской культуры. Это же подтверждается и присутствием керамики «балановского» типа почти на всей территории Волго-Окского междуречья, и открытием в Московской, Ивановской, Ярославской и Горьковской областях таких могильников, как Буньковский, Скомороховский, Кривцовский, Воронковский, Волосово-Даниловский, Горкинский, Чуркинский и др. Следует отметить, что увеличение количества балановских элементов в керамике идет в направлении к востоку. Находки глиняных топорилов в детских погребениях в Фатьяновском, Волосово-Даниловском, Горкиновском и Балановском могильниках косвенно подтверждают наше предположение и свидетельствуют еще раз об общности процесса развития культуры фатьяновских племен.

¹⁵⁹ М. Е. Фосс. Древнейшая история Севера европейской части СССР, стр. 185.

¹⁶⁰ О. С. Гадзюцкая. Фатьяновский могильник балановского типа в Ивановской области, стр. 285, рис. 1, III.

¹⁶¹ Д. А. Крайнов. Раскопки Волосово-Даниловского могильника в 1964 г. Архив ИА АН СССР.

¹⁶² О. С. Гадзюцкая. Фатьяновский могильник балановского типа в Ивановской области, стр. 287, рис. 2, 8; Д. А. Крайнов. Волосово-Даниловский могильник фатьяновской культуры, стр. 75, рис. 5, 2.

¹⁶³ О. С. Гадзюцкая. Фатьяновский могильник у д. Кривцово, стр. 131, рис. 41, 9.

¹⁵⁷ Д. А. Крайнов. Памятники фатьяновской культуры. Ярославско-Калининская группа.

¹⁵⁸ Отчет Верхневожской экспедиции за 1965 г. Архив ИА АН СССР.

К сожалению, фатьяновские памятники, расположенные в восточной части Костромской обл. и в Горьковской обл., почти не исследованы, и мы не можем поэтому выяснить многие вопросы дальнейших судеб фатьяновских племен. Только по многочисленным случайным находкам каменных сверленных топоров можно судить о дальнейшем продвижении фатьяновских племен на восток. Доказательствами продвижения являются вновь открытые могильники Уреньский в Горьковской обл. и Бирский в Башкирии.

К *нижнеокской группе памятников* относятся памятники, расположенные по Нижней Оке от Муром и вокруг г. Горького. Достоверно к этой группе мы относим пока только Чуркинский могильник¹⁶⁴. Можно согласиться с О. Н. Бадером в датировке его XIV—XV вв. до н. э. Этот могильник имеет очень много общих черт с поздними фатьяновскими могильниками и с Балановским могильником. По орнаментике и формам сосудов он близок к памятникам московско-клязьминской группы. Каменные сверленные топоры Горьковской обл. несут черты верхневолжских, московско-клязьминских и окско-деснинских топоров. С последней группой памятников связываются коротколопастные топоры, найденные в нижнем течении р. Оки (Муромский р-н) и под г. Горьким¹⁶⁵.

Вероятно, к памятникам *нижнеокской группы* также можно отнести и могильники Нагорное и Губцевский¹⁶⁶. По находкам сверленных топоров, медному вислообушному топору и кремневому клиновидному топору эти могильники датируются более ранним временем, чем Чуркинский.

Следует отметить, что на территории Горьковской обл. фатьяновские памятники имеют больше балановидных черт, чем в Ивановской и Владимирской, но здесь очень редко встречается типичный балановский орнамент в виде широкого заштрихованного зигзага. Исследование памятников Горьковской обл. только еще начинается, поэтому дать полную характеристику данной группы мы не можем. Однако следует заметить появление здесь селищ с фатьяновскими вещами и фатьяновских изделий на неолитических позднебалахнинских стоянках, что позволило Б. С. Жукову высказать мнение о влиянии фатьяновской культуры на

развитие поздних фаций неолитической культуры Волго-Окского междуречья¹⁶⁷.

Вероятно, в сложении *нижнеокской группы* фатьяновских памятников участвовали компоненты верхневолжские, московско-клязьминские, окско-деснинские и средневолжской группы, так как памятники этой группы находятся в пограничной зоне.

На основании анализа обряда погребения, каменных сверленных топоров и керамики мы пришли к заключению, что памятники *нижнеокской группы* являются дальнейшим, более поздним этапом в развитии фатьяновской культуры ее верхневолжской группы.

Памятники вятско-ветлужской группы обнаружены в междуречье рек Вятки и Ветлуги. К настоящему времени здесь известны не только многочисленные находки каменных сверленных топоров-молотков и кремневых клиновидных топоров¹⁶⁸, но также грунтовые и курганные могильники и поселения с фатьяновской керамикой¹⁶⁹. О. Н. Бадер¹⁷⁰ и А. Х. Халиков относят эти памятники к балановской культуре¹⁷¹. Однако следует указать, что среди них есть памятники, близкие позднефатьяновским, на что указывают сосуды и орнаменты на них из поселений Буй I и Буй II¹⁷². Кроме того, многие формы топоров, найденные в Вятско-Ветлужском междуречье, связаны своим происхождением с верхневолжскими памятниками фатьяновской культуры. А. А. Спицын, перечисляя места этих находок и могильники (например, Мосинский), прямо называет их фатьяновскими¹⁷³. В этой связи надо упомянуть и факт непрерывности находок фатьяновских сверленных топоров по всем левым притокам Волги (Кострома, Мера, Унжа, Ветлуга и пр.). Эта непрерывность указывает на продвижение фатьяновских племен на восток. Об этом же свидетельствуют и находки по р. Мере поздних фатьяновских могильников (Юрьевского и Игодов-

¹⁶⁴ А. А. Спицын. Новые сведения о медном веке в Средней и Северной России.

¹⁶⁵ О. Н. Бадер. Балановский могильник, стр. 239.

¹⁶⁶ О. С. Гадзаяцкая. Фатьяновские памятники Владимирской области, стр. 53.

¹⁶⁷ В. С. Жуков. Теория хронологических и территориальных модификаций некоторых неолитических культур Восточной Европы по данным изучения керамики. СЭ, 1929, № 1, стр. 70—72.

¹⁶⁸ А. А. Спицын. Новые сведения о медном веке в Средней и Северной России; А. Х. Халиков. Отчет о командировке в Финляндию. М., 1962, стр. 3.

¹⁶⁹ Недавно на Урени в Горьковской обл. обнаружен новый фатьяновский могильник, близкий верхневолжским по формам и орнаментике сосудов.

¹⁷⁰ О. Н. Бадер. Балановский могильник, стр. 211—218, рис. 145.

¹⁷¹ Там же, стр. 211—218; А. Х. Халиков, Е. А. Халикова. Васильсурское поселение эпохи бронзы.

¹⁷² В. П. Денисов. Новые археологические памятники на р. Вятке. СА, 1958, № 3, стр. 111.

¹⁷³ А. А. Спицын. Новые сведения о медном веке в Средней и Северной России, стр. 80.

ского)¹⁷⁴ и керамики на Галичском озере в стоянке Туровское¹⁷⁵ с типичными для верхневолжских памятников формами сверленных топоров, мотивами орнаментики и очковидными подвесками (Юрьевский могильник Судиславльского р-на Костромской обл. на р. Мере). Можно отметить также, что подобные очковидные привески никульдинского и юрьевского типов были найдены К. В. Сальниковым в погребении у г. Бирска. Это погребение дало не только идентичную фатьяновским очковидную привеску, но также широкие браслеты мытищинского типа и широкие с ребром (перстневидные) подвески, а также кремниевый клиновидный топор с линзовидным сечением и близкое к фатьяновскому обряду погребение¹⁷⁶. Анализ металла, произведенный Е. Н. Черныхом, показал общность его с фатьяновским.

Изучение каменных сверленных топоров-молотков из Вятско-Ветлужского междуречья показывает, что большая часть их относится к поздним типам (обушковым и молотковидным)¹⁷⁷. Ранние типы топоров отсутствуют здесь. Интересно, что тенденция к изживанию форм боевых топоров и их упрощению начинает прослеживаться с бассейна р. Унжи¹⁷⁸ — в направлении на восток. Большинство вятско-ветлужских топоров имеет на обушках и лезвии следы от ударов. Простота форм топоров и следы от работы ими заставляют предполагать, что основная масса топоров использовалась для работы, а не как боевое оружие. Увеличение в этих же местах количества обломков сверленных топоров подтверждает наше предположение. Отмечается и другой интересный факт. В коллекции В. И. Заусайлова¹⁷⁹ есть много пестов и терочников, найденных в прежней Вятской губ. Они относятся к позднему фатьяновскому времени и могли быть инструментами металлургов. Известно, что в Вятско-Ветлужском

междуречье имеются залежи медистых песчаников¹⁸⁰, а также найдены вислообушные медные топоры фатьяновского типа¹⁸¹. Вероятно, песты, терочники и некоторые формы сверленных топоров служили в качестве орудий металлургического производства. Возможно, верхневолжские фатьяновские племена пользовались вятско-ветлужскими медистыми песчаниками для добычи меди. Не исключено и то, что движение верхневолжских фатьяновских племен на позднем этапе на восток и было вызвано необходимостью овладеть территорией, где расположены медистые песчаники. Поскольку памятники вятско-ветлужской группы имеют двойственный характер — и фатьяновский, и балаковский, — то их следует считать смешанными и отнести ко второй половине II тысячелетия до н. э. (XIII—XIV вв.).

Краткой характеристикой этой группы мы закончим нашу периодизацию. Что касается памятников средневолжских (Сурско-Свияжских, Нижнекамских и пр.), то их описание не входит в задачу нашей работы. Здесь же уместно сказать, что мы считаем средневолжские памятники балаковского типа группой фатьяновской культуры, ее локальным вариантом.

Обряд погребения и основной погребальный инвентарь балаковских памятников типичны для фатьяновской культуры, а довольно резкие различия в формах и орнаментике посуды, в металлических изделиях, а также в антропологическом типе (преобладание в Балаковском могильнике средиземноморского типа) объясняются некоторой разницей в происхождении ядра памятников и смешением ряда племен фатьяновской культуры с местными племенами. Последнее подтверждается и смешанным антропологическим типом Балаковского могильника (средиземноморского индоевропейского, северного индоевропейского типов и местного населения), и присутствием окско-деснинских, москвовско-клязьминских и верхневолжских фатьяновских смешанных черт в погребальном обряде и инвентаре, а также элементами срубной культуры и местного населения. На Средней Волге фатьяновские племена в смешанном виде доживают до раннего железного века и являются заключительной фазой развития фатьяновской культуры.

¹⁷⁴ Д. А. Крайнов. Отчеты Верхневолжской экспедиции за 1961 и 1963 гг. Архив ИА АН СССР.

¹⁷⁵ Колл. из стоянки «Туровское» в Ярославском музее-заповеднике (раскопки В. И. Смирнова).

¹⁷⁶ К. В. Сальников. Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967, стр. 25, рис. 2, 15—17.

¹⁷⁷ А. Я. Брюсов, М. И. Зимица. Каменные сверленные боевые топоры..., стр. 57, табл. 2, и другие карты.

¹⁷⁸ Г. М. Липсон. Отчет об археологическом обследовании р. Унжи и некоторых ее притоков в мае 1964 г. Архив ИА АН СССР.

¹⁷⁹ Колл. хранится в Национальном музее Финляндии (Хельсинки), колл. каменных топоров и других вещей собрана В. И. Заусайловым в Среднем Поволжье (в Казанской и Вятской губ.).

¹⁸⁰ В. Г. Тихонов. Металлические изделия эпохи бронзы, стр. 7—22.

¹⁸¹ В. А. Гордцов. Культуры бронзовой эпохи в Средней России, стр. 32.

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ФАТЬЯНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Вопрос о происхождении фатьяновской культуры является одним из самых сложных и спорных вопросов данной проблемы. Он встал перед исследователями сразу же после открытия первого могильника у д. Фатьяново, так как обряд погребения на нем и погребальный инвентарь, особенно керамика, резко отличались от местных неолитических форм и не укладывались в рамки их развития. Существуют разнообразные, крайне разноречивые гипотезы и теории по этому вопросу. Каждая из них имеет свои положительные и отрицательные стороны. В процессе изучения происхождения фатьяновской культуры наметились две основные точки зрения:

1) фатьяновские племена возникли на местной неолитической основе как дальнейшая стадия развития неолитических племен;

2) фатьяновские племена являются пришлыми и не имеют ничего общего с местными неолитическими племенами.

В свою очередь по этим точкам зрения имеются разные толкования и решения вопроса.

Сейчас почти никто не придерживается первой точки зрения, но не так давно многие исследователи ратовали за автохтонное происхождение фатьяновской культуры. Нам вкратце придется коснуться этих положений, так как теории о местном происхождении фатьяновцев имели и положительные стороны.

Гипотеза об автохтонном происхождении фатьяновцев была распространена среди ученых в 30-е годы XX столетия. Приверженцы автохтонности фатьяновцев — Ю. В. Готье¹, Б. С. Жуков², О. Н. Бадер³, В. И. Равдоникас⁴,

П. Н. Третьяков⁵, Д. А. Крайнов⁶ и другие считали, что фатьяновская культура является прямым следствием развития так называемых неолитических культур в связи с их переходом от присваивающих форм хозяйства к производящим (животноводству и земледелию). Эти взгляды могли возникнуть не только под влиянием господствовавшей тогда теории о стадийном развитии человеческого общества и взглядов Н. Я. Марра, а и в силу того, что не были известны места поселений фатьяновцев. Поэтому многие считали, что в могильниках была ритуальная посуда (П. Н. Третьяков), а поселения открыты, но мы их, не зная фатьяновской керамики с поселений, относим к другой культуре. Теперь эти взгляды мы признаем неправильными, но они сыграли и положительную роль. Во-первых, было твердо установлено, что фатьяновцы были первыми скотоводами и, вероятно, земледельцами на территории лесной полосы Восточной Европы (О. Н. Бадер, П. Н. Третьяков, Д. А. Крайнов и др.). Во-вторых, попытки как-то увязать фатьяновские могильники с неолитическими стоянками привели к выявлению на неолитических стоянках вещей фатьяновской культуры, а иногда и целых комплексов, связанных с определенными стратиграфическими наслоениями (Д. А. Крайнов), что впоследствии дало возможность выяснить вопросы датировки фатьяновской культуры и ее взаимоотношений с местными позднелитическими культурами. Кроме того, синхронизация фатьяновской культуры с определенными слоями неолитических стоянок дала дополнительные факты, утверждающие, что фатьяновские племена жили только на лесной территории.

Что касается второй точки зрения, признающей фатьяновские племена пришлыми, то ее приверженцы разошлись не только во мнениях относительно исходной территории этих племен,

¹ Ю. В. Готье. Очерки по истории материальной культуры Восточной Европы, т. I. Л., 1925, стр. 110—113.

² Б. С. Жуков. Теория хронологических и территориальных модификаций некоторых неолитических культур Восточной Европы по данным изучения керамики. СЭ, 1929, № 1.

³ О. Н. Бадер. К истории первобытного хозяйства на Оке и в Верхнем Поволжье в эпоху металла. ВДИ, 1939, № 3, стр. 115.

⁴ В. И. Равдоникас. История первобытного общества, т. II. Л., 1947, стр. 383, 384.

⁵ П. Н. Третьяков. К истории доклассового общества Верхнего Поволжья. ИГАИМК, вып. 106, 1935, стр. 101, 102.

⁶ Д. А. Крайнов. Вауловский могильник. М., 1941, стр. 138—143.

но и в объяснении причин передвижений (экспансии), времени происхождения, путей передвижения племен и пр. Создалось большое количество теорий, с главнейшими из которых нам следует познакомиться подробнее, так как они позволят нам ярче оттенить нашу точку зрения. Эти теории связывают происхождение фатьяновской культуры с Кавказом, Западной Европой, Причерноморьем, среднеднепровской культурой и Прибалтикой. А. А. Спицын⁷ и В. А. Городцов⁸ считали фатьяновские племена пришлыми с Северного Кавказа или с юга (Причерноморья) на основании визуального сходства форм каменных топоров и особенно керамики северо-кавказской культуры и фатьяновской. По мнению В. А. Городцова, фатьяновскую керамику и лопастные сверленные топоры легче всего вести с Северного Кавказа, чем из других мест⁹. Он писал, что носителями фатьяновской культуры, по-видимому, были «колонисты северокавказской культуры»¹⁰.

Таким образом, уже А. А. Спицын и В. А. Городцов считали племена фатьяновской культуры пришлыми, а саму культуру — чужеродной среди местных культур эпохи неолита. Однако, считая исходной областью происхождения фатьяновской культуры Кавказ, они в то же время не отрицали и больших связей ее с юго-западом, т. е. с культурами шнуровой керамики и боевых топоров.

Некоторые из позднейших исследователей, хотя и не пишут прямо о происхождении фатьяновской культуры с Кавказа, но продолжают указывать на связи фатьяновских лопастных сверленных топоров, форм керамики и орнаментики с кавказскими¹¹⁻¹². М. Гимбутас считает Северный Кавказ и Причерноморье колыбелью культур шнуровой керамики и боевых то-

поров¹³. Некоторые из антропологов и археологов полагают возможным связывать средиземноморский тип балановцев с Закавказьем¹⁴. Возникновение фатьяновских вислобупных медных топоров ряд исследователей связывает с кавказским новосвободненским типом топора¹⁵. Таким образом, над многими исследователями все еще довлеют прежние взгляды на возникновение фатьяновской культуры. Никто не станет отрицать значения кавказского культурного влияния, но оно могло коснуться лесной полосы европейской части СССР только косвенно. Лопастные формы каменных сверленных топоров Кавказа ничего общего не имеют с фатьяновскими формами лопастных топоров, тем более что кавказские лопастные топоры относятся к более позднему времени (В. П. Марковин), когда уже фатьяновская культура не существовала. Что касается сосудов амфорного типа из дольменов станицы Царской, то близкая ей посуда встречается в Прикарпатье, в Западной Европе и в других местах, и она не может быть прототипом фатьяновской шарообразной посуды, так как, во-первых, плоскодонна и, во-вторых, резко отличается по технике выделки, а лопастный орнамент вообще характерен для сосудов амфорного типа и имеет широкое распространение.

Доводы о связях и близости фатьяновских металлических изделий с Кавказом получили свое веское отрицание в работах Е. Н. Черныха¹⁶, который на основании химического анализа доказал резкую разницу фатьяновского и кавказского металла (меди).

Скорченность погребений также не может служить доказательством близости, так как этот обряд имеет широкое глобальное распространение. Наконец, разница во многих деталях обряда погребения, погребального инвентаря и в антропологическом строении скелетов захороненных подтверждает высказанное выше отрицание кавказского происхождения фатьяновцев.

Несмотря на то что большинство специалистов пришло к единому мнению об индоевро-

⁷ А. А. Спицын. Медный век в Верхнем Поволжье, ЗОРСА РАО, т. V, вып. I. СПб., 1903, стр. 93.

⁸ В. А. Городцов. Культуры бронзовой эпохи в Средней России. М., 1916.

⁹ Наряду с этим В. А. Городцов часто упоминает о сходстве многих форм орудий, керамики, обряда погребения со среднеднепровской культурой, со скорченными костяками Южной России, с Польшей и Западной Европой. Некоторые формы топоров он прямо считал западными (В. А. Городцов. Культуры бронзовой эпохи в Средней России, стр. 46).

¹⁰ В. А. Городцов. Бронзовый век на территории СССР. БСЭ, т. 7. М., 1927, стр. 616—617.

¹¹ О. А. Кривонова-Гракова. Хронология памятников фатьяновской культуры. КСИИМК, вып. XVI, 1947, стр. 28.

¹² В. И. Раадоникас. История первобытного общества, стр. 383—384; С. В. Киселев. Бронзовый век. «История СССР с древнейших времен до наших дней», т. I—VI. М., 1966, стр. 137; О. Н. Бадер. Балановский могильник. М., 1963, стр. 303—321; А. Я. Брюсов. Восточная Европа в III тысячелетии до н. э. СА, 1965, № 2, стр. 52.

¹³ М. Gimbutas. The Prehistory of Eastern Europe. Cambridge, 1956, p. 141, tabl. 78.

¹⁴ Г. А. Трофимова. К вопросу об антропологических связях в эпоху фатьяновской культуры. СЭ, 1949, № 3; J. Dambski. Ludnosie kultury Fotianowskiej w swietle ladun antropologicznych. «Swiatowit», 1955, № 21, str. 139—160.

¹⁵ Ю. С. Гришин, Б. Г. Тихонов. Очерки производства в Приуралье и Южной Сибири в эпоху бронзы и раннего железа. МИА, № 90, 1960.

¹⁶ Е. Н. Черныш. Спектральные исследования медных изделий из могильников балановского и фатьяновского типов; О. Н. Бадер. Балановский могильник, стр. 368; он же. История древнейшей металлургии Восточной Европы. М., 1966, стр. 75, 76.

пейской основе племен культур с боевыми топорами, споры не утихли, а возобновились с большей силой в направлении поисков исходной территории этих культур, так как все считали, что культуры с боевыми топорами были пришлыми и чуждыми местным археологическим культурам. Не было единого мнения и о путях передвижений, и о причинах экспансии.

В отношении исходной области сейчас определились три основные территории:

1) Западная Европа (Север ФРГ и ГДР, Скандинавия);

2) Прикарпатье и Польша;

3) южнорусские степи.

Поскольку мы, как и большинство исследователей, относим фатьяновскую культуру к большой историко-культурной области культур с боевыми топорами, то нам придется, хотя бы кратко, коснуться этих основных теорий.

Некоторые исследователи, особенно на Западе, до сих пор считают, что исходной территорией культур с боевыми топорами является Западная Европа. Основоположником этой теории был Г. Коссина¹⁷, первоначально считавший, что ранняя культура боевых топоров возникла в Ютландии и отсюда продвинулась на восток (Балканский полуостров, Троя и Кавказ). Позднее Г. Коссина, отводя большую роль древним индогерманцам, пишет о их движении (походах) на восток. Он считал, что фатьяновская культура не могла произойти от культуры грубой неолитической керамики стоянок «Средней России», а появилась от восточногерманской культуры с круглыми (бомбовидными) горшками и сверленными топорами из твердого камня. Отсюда профатьяновская культура прошла в Привисленский край, Восточную Галицию, Волынь и затем в Приднепровье и уже оттуда в Среднерусскую равнину с ее первобытным населением. Подобные теории, основанные на взглядах расового превосходства германцев, не имеют под собой твердой научной основы, главной ошибкой Коссины является то, что он сравнивает не комплексы вещей и обряд погребения, а отдельные предметы. Шаровидные амфоры Средней и Северной Германии имеют мало сходных черт с фатьяновскими и по форме, и по орнаментике. Кроме того, фатьяновские топоры резко отличаются от топоров культуры шаровидных амфор и пнуровой керамики Средней Европы. Наиболее древние формы топоров происходят с территории Восточной, а не Средней Европы. На несостоятельность теории Г. Косси-

ны указывали и многие ученые Западной Европы.

Однако его точка зрения нашла своих последователей в лице шведского археолога Н. Оберга¹⁸, который на основании типологического анализа каменных сверленных топоров и сходства некоторых черт фатьяновской и саксотиунгской керамики рисует картину распространения северной культуры Средней Европы на восток и на области России. Нельзя согласиться с Обергом и относительно большей древности каменных сверленных топоров с четырехугольным сечением Средней Европы и Скандинавии. Как раз топоры с четырехугольным сечением, относимые Обергом к древнему времени, появились позднее топоров с округлым и овальным сечением, распространенных в Восточной Европе. Ярким примером могут служить топоры с четырехугольным поперечным сечением из Эстонии, относимые всеми специалистами к позднему времени. Положительным результатом его работы, с нашей точки зрения, является установление общности североевропейских культур пнуровой керамики и боевых топоров и выделение ее как большой историко-культурной области.

Для нас также представляют интерес выделенные им территории Волыни, Подолья, Литвы, Польша и Калининградской обл., где, по его мнению, встречаются топоры восточноевропейских типов, близких фатьяновским. Признание этого фактора подтверждает нашу точку зрения на происхождение фатьяновской культуры. Финский ученый А. М. Таллгрен, занимавшийся фатьяновской культурой¹⁹, так же как и Оберг, ведет ее из Центральной Европы²⁰. Другой финский ученый А. Европеус, так же как и Таллгрен, считает исходной территорией культур с боевыми топорами Среднюю Европу²¹. Однако, по его мнению, фатьяновская культура хотя и связана со средневропейской бомбовидной керамикой, имела свой

¹⁷ G. Kossina. Ursprung und Verbreitung der Urformen und urindogermanen, 1910, N 1—11; он же. Ursprung und Verbreitung der Germanen in vor- und frühgeschichtlicher Zeit. Leipzig, 1928.

¹⁸ N. Aberg. Das nordische Kulturgebiet im Mitteleuropa während der jüngeren Steinzeit. «Arbeiten utgittna med Understöd af Vilhelm Ekmans Universitetsfond» (Uppsala 22, 1). Leipzig, 1918, S. 105—107, 208—212.

¹⁹ A. M. Tallgren. Die Kupfer- und Bronzezeit in Nord und Ostrussland, Bd. 1. Helsingfors, 1911; он же. Fationowokulturen in Centralrussland. Finskt. Museum, 1924; он же. Fationowokultur Reallexikon der Vorgeschichte. Berlin, 1925; он же. Zur Chronologie der osteneuropäischen Bronzezeit. «Mitteilungen der antropol. Gesellschaft in Wien». Bronzezeit. Wien, 1931.

²⁰ A. M. Tallgren. Le Pontide préscythique apres L'introduction des metaux. ESA, Bd. II, 1926.

²¹ A. Ayrapää. Über die Streitaxtkulturen in Russland. Helsinki, 1933.

путь развития и создала особый восточный вариант культуры боевых топоров.

Отвергая происхождение фатьяновской культуры с территории Средней Европы мы, однако, должны отметить и некоторые положительные стороны работы А. Европеуса. Во-первых, с ним можно согласиться относительно времени движения культур с боевыми топорами, а именно: на поздней ступени развития шнуговой керамики, одновременной унетицкой культуре (т. е. в первой половине II тысячелетия до н. э.). Во-вторых, в какой-то степени он прав в делении боевых топоров в России на три зоны: западно-русскую, среднерусскую и восточно-русскую. А. Европеус правильно подметил основные формы топоров этих территорий. Наконец, представляет интерес и отнесение им к фатьяновской области днепро-деснинских памятников (Брасово, Речица и др.). Споры об их принадлежности к фатьяновской культуре продолжаются и сейчас.

К приверженцам теории Коссины можно, пожалуй, отнести и крупного шведского ученого Форссандера²². Он в противоположность Европеусу считал, что культура шаровидных амфор с погребальным обрядом в каменных ящиках с перегородкой пришла в Западную Европу с Кавказа, но сама культура боевых топоров Центральной и Северной Европы возникла из саксо-тюрингской культуры, поглотившей пришедшие ранее причерноморские элементы.

Мы не будем останавливаться на высказываниях других ученых, поддерживающих теорию движения культур боевых топоров и шнуговой керамики из Средней Европы. Сейчас эта теория отвергнута большинством исследователей. В противовес ей развиваются теории, по которым исходной территорией становятся Кавказ и Причерноморье.

Впервые эту точку зрения из зарубежных ученых высказал Мирес, заявивший, что саксо-тюрингская культура и культура одиночных погребений Дании имеют исходной территорией Причерноморье Восточной Европы²³. Эту точку зрения поддерживали польские археологи Л. Борковский²⁴ и Т. Сулимирский²⁵. Первый

считал, что яйцевидные сосуды из ранних курганных погребений степного Причерноморья могли явиться прототипами сосудов Центральной и Северной Европы. Второй развивает эту точку зрения дальше. Он считает, что исходную территорию населения, оставившего шнуговые саксо-тюрингские амфоры, распространявшие от Ютландии до Рейна, от Дуная до северо-восточных берегов Черного моря и до западного угла Эгейского моря, надо искать в степях Восточной Европы, занятой пастушескими народами.

Распространение этой культуры, по его мнению, совпадает с концом дольменного периода. Культуру боевых топоров со шнуговой керамикой и курганный обряд погребений Польши и Белоруссии он называет протофатьяновской, или польско-белорусской. Эти территории до прихода культуры боевых топоров были, по его мнению, заняты финским или угро-финским населением. Сулимирский не только устанавливает исходную территорию, но делает попытку объяснить причины движения (экспансии) культур боевых топоров, считая, что миграция в направлении северо-запада была вызвана сухим климатом суббореального периода. Однако Сулимирский все же не до конца оторвался от теорий Коссины. Находя саксо-тюрингского типа керамику в поздних курганах Украины он объяснял обратным движением переселенцев. Несмотря на свое несогласие с общей концепцией Т. Сулимирского, мы не можем не отметить некоторые положительные стороны его теории — выделение им территории между Днестром и Карпатами в качестве протофатьяновской.

В послевоенное время точка зрения восточного происхождения культур боевых топоров нашла большое количество последователей. На некоторых взглядах следует остановиться, так как мы не можем согласиться и с этой теорией.

Наиболее ярко она разработана у датского археолога П. Глоба²⁶. По его мнению, исходной территорией культур с боевыми топорами была область на юге Восточной Европы или на прилегающей области Азии, где на больших пространствах кочевал многочисленный народ. Во времена сухого, теплого суббореального климата люди были вынуждены переселяться в разных направлениях. Началось движение на север — в область Центральной России (фатьяновские племена), на северо-запад — в Финляндию, Швецию, Прибалтику, Среднюю и Центральную Европу и Ютландию. Положительной

²² J. E. Forssander. Die schwedische Bootskultur und ihre kontinental-europäischen Voraussetzungen. *Bo-relias*, 1958.

²³ Г. Чайлд. У истоков европейской цивилизации. М., 1952, стр. 242.

²⁴ L. Borkowski. Surowa ceramika na Ukrainie. *Obzor Prachistoricky*. Praha, 1930; *Pram. Arch.* 1933.

²⁵ T. Sulimski. Die schnurkeramischen Kulturen und das indoeuropäische problem. «La Pologne au VII congrès internat. des sciences historiques», vol. 1. Warszawa, 1933; *он же*. «Thuringian» amphore. «Proceedings of the Prehistoric society for 1955», new ser., vol. XXI, 1956.

²⁶ P. V. Glob. Studier över den jiske Enkeltgravskultur. «Aarbøger for nordisk Oldkyndighed og Historie». København, 1945.

чертой работы Глоба является широкая характеристика культуры одиночных погребений Дании и особенно типологический разбор каменных сверленных топоров-молотков. Однако нельзя согласиться с ним не только по поводу исходной территории, но и причин расселения. Археологические исследования юга СССР показывают, что в III тысячелетии до н. э. на нем не было перенаселения, и пастушеские племена продолжали существовать здесь непрерывно все II тысячелетие. Поэтому мы отвергаем «катастрофическое» иссушение степей, а следовательно, и причину передвижения.

Особо следует остановиться на точке зрения Г. Чайлда, так как он касается как культур боевых топоров, так и фатьяновской. Он не только расширил наши сведения о сходных чертах культур боевых топоров, но и разделил их на ряд местных культур²⁷:

1) степную Причерноморскую с вариантом в долинах Кубани и Терека, на Северном Кавказе; 2) среднерусскую фатьяновскую культуру на Оке и Верхней Волге; 3) культуру одиночных погребений в Ютландии с предшествующей ей культурой Вирринга; 4) шведско-финскую культуру ладьевидных топоров с предшествующими культурами; 5) культуры шнуровой керамики в Галиции и Польше; 6) саксо-тюрингскую, или классическую, культуру шнуровой керамики.

Далее Чайлд наряду с местными особенностями каждой группы отмечает и общие черты этих культур, что заставляет его прийти к выводу, «что все эти группы сформировались под воздействием какого-то общего импульса»²⁸. Скот и злаки, присущие этим культурам, могли возникнуть только из одного источника и этим источником, по его мнению, могли быть Причерноморские степи, по которым шло восточное влияние через Кавказ и Черное море²⁹.

Однако Чайлд отрицает распространение этих культур путем экспансий и завоеваний³⁰. Он считает, что культуры боевых топоров возникли из местных мезолитических культур, перешедших от присваивающего хозяина к производящему под влиянием извне, путем связей.

Относительно фатьяновской культуры он писал, что она «вела происхождение от старой лесной культуры и только приспособилась к использованию новых источников пищи и в соответствии с этим распространилась на новые бо-

лее удобные территории»³¹, а скотоводство и земледелие было занесено сюда извне — из Причерноморских степей.

Это положение не ново. Оно ранее выдвигалось советскими археологами. Например, Ю. В. Готье писал, что неолитическая фатьяновская культура возникла не благодаря приходу южного населения, а развилась под влиянием южнорусских бронзовых культур³². На Чайлда, очевидно, оказала влияние теория автохтонного развития фатьяновской культуры в связи с переходом к производящим формам хозяйства, распространенная у нас в 30-х годах (С. Н. Бадер, П. Н. Третьяков, В. И. Равдоникас, Е. Ю. Кричевский, Д. А. Крайнов и др.).

А. Я. Брюсов прав, называя гипотезу Г. Чайлда слиянием своеобразного автохтонизма со стадийным развитием человеческого общества³³. Возникновение и распространение культур с боевыми топорами на огромном пространстве вряд ли можно объяснить только «миграцией идей». С одной стороны, культуры боевых топоров, по Чайлду, возникли от одного общего комплекса позднемезолитических культур³⁴ и имеют много сходных черт, но не являются этническим единством. С другой стороны, он пишет, что культура боевых топоров дала начало многим европейским народам, говорившим на индоевропейских языках³⁵. Вряд ли можно отнести «Причерноморскую степную культуру» к культурам боевых топоров, как это делает Чайлд и другие исследователи.

Значительный интерес представляет и точка зрения М. Гимбутас как на происхождение культуры боевых топоров, так и фатьяновской культуры. Поддержав точку зрения Глоба, она пошла дальше. Если П. Глоб упоминает степные племена и не называет конкретной культуры, то М. Гимбутас, признавая исходной территорией происхождения культуры шаровидных амфор и культур боевых топоров Степное Причерноморье, прямо выводит их из поздней стадии ямной культуры, которая в свою очередь развивалась под влиянием культурных течений с Кавказа³⁶. Из южнорусских степей племена расселялись прежде всего на запад — в Центральную Европу и Южную Прибалтику, а потом на север и северо-восток³⁷. Это движение

²⁷ Г. Чайлд. У истоков европейской цивилизации, стр. 208.

²⁸ Там же, стр. 209.

²⁹ Там же, стр. 210.

³⁰ V. G. Childe. The Dawn of European Civilisation, London, 1957, p. 174.

³¹ Г. Чайлд. У истоков европейской цивилизации, стр. 227.

³² Ю. В. Готье. Очерки по истории материальной культуры Восточной Европы, стр. 110—111.

³³ А. Я. Брюсов. Об экспансии культур с боевыми топорами. СА, 1961, № 3, стр. 17—18.

³⁴ Г. Чайлд. У истоков европейской цивилизации, стр. 208.

³⁵ Там же, стр. 240—245.

³⁶ М. Gimbutas. Указ. соч.

³⁷ Там же, стр. 140, рис. 78.

М. Гимбутас связывает с появлением в Европе индоевропейских народов. Все население культуры боевых топоров, жившее на огромном пространстве, она объединяет в единое целое, но поскольку «иммигранты» попали в различные условия — и физико-географические, и культурные, то, естественно, они образовали местные варианты со своими отличительными чертами. М. Гимбутас считает, что фатьяновская культура не могла произойти на месте от дальнейшего развития неолитических племен, так как слишком велика разница и в орудиях труда и в хозяйстве. Она критикует теорию автохтонного происхождения, указывая ее авторов (П. Н. Третьякова, О. Н. Бадера, В. И. Равдоникаса и др.). Центральнорусскую культуру (фатьяновскую) она связывает с поздней культурой шаровидных амфор, в то же время фатьяновская культура, по ее мнению, испытывала сильное влияние культур юга России и Кавказа.

М. Гимбутас, рассматривая фатьяновскую культуру с ее обрядами, топорами, керамикой и производящим хозяйством, указывает на связь и разительное сходство ее с Восточной Прибалтикой, среднеднепровской культурой и Юго-Восточной Прибалтикой. Она жалеет, что плохо изучены памятники Белоруссии. Анализируя формы каменных сверленных боевых топоров, она пишет, что фатьяновские топоры по форме близки топорам Центральной Белоруссии, Восточной Прибалтики, Польши, Силезии и Западной Украины. На это же указывал и Глоб. Однако М. Гимбутас считает и топоры типа А (по Глобу) неотделимыми от фатьяновских лопастных, что, с нашей точки зрения, не является верным. Можно согласиться с М. Гимбутас, что формы топоров Эстонии и Финляндии более поздние по сравнению с другими. В целом теория М. Гимбутас является дальнейшим развитием взглядов Глоба и других исследователей, утверждавших, что Причерноморские степи — исходная территория фатьяновцев. М. Гимбутас права, отрицая и критикуя теории происхождения культур боевых топоров из саксо-тюрингской культуры, но вряд ли можно согласиться с ней в вопросе происхождения их из ямной культуры.

А. Я. Брюсов, разбирая работу и взгляды М. Гимбутас³⁸, правильно сказал, что у нее нет твердых фактов, указывающих на сходство ямной культуры и культур боевых топоров, что элементы сходства слишком общи, а различий больше. В этом, мне кажется, и ошибка других

авторов, поддерживающих данную точку зрения.

Мы более подробно остановились на теории Глоба — Гимбутас потому, что эта теория продолжает развиваться и сейчас и имеет значительное число последователей как у нас, так и в Западной Европе. Можно указать на работы Штурмса³⁹, Озоля⁴⁰ и др. Они также связывали происхождение культур боевых топоров и фатьяновской культуры со степным Причерноморьем. Штурмс называл ямно-катакомбную культуру базой формирования культур с боевыми топорами. Озольс, ученик Штурмса, полагает, что происхождение фатьяновской культуры надо искать в поздней древнеямной и в катакомбной культурах. Элементы древнеямной, катакомбной культур и чувашской фатьяновской группы Озольс видит в Бульковском могильнике⁴¹, считая памятники ярославской группы моложе московской. Озольс также усматривает в них сходство с ямной и катакомбной культурами⁴². Мы не можем согласиться с этим положением по соображениям, наложенным ниже.

Некоторые из наших ученых (О. Н. Бадер⁴³, А. Я. Брюсов⁴⁴, И. К. Свешников⁴⁵, С. В. Киселев⁴⁶, И. И. Артеменко⁴⁷, А. Х. Халиков⁴⁸) считали и продолжают считать ямную и катакомбную культуры основой формирования фатьяновской, среднеднепровской и других культур с боевыми топорами.

О. Н. Бадер писал, что «археологически исходной культурой (для «балановской культуры» — Д. К.) может считаться древнеямная культура, к чему в последнее время склоняются как советские, так и западноевропейские ис-

³⁹ E. Storms. Betrachtungen zum Ursprungs- und Herkunftsproblem der Becherkultur. SMYA, 58. Helsinki, 1957.

⁴⁰ J. Ozols. Ursprung und Herkunft der zentralrussischen Fatjanowokultur. «Berlin Beiträge zur For und Frechgeschichte von Otto Freldrich». 1962.

⁴¹ Там же, стр. 81.

⁴² Там же, стр. 82. Здесь Озольс делает ссылку на мою работу «Вауловский могильник», что в последнем прослежены катакомбные сооружения. В данном случае он неверно интерпретирует описанные мною факты.

⁴³ О. Н. Бадер. Балановский могильник.

⁴⁴ А. Я. Брюсов. Об экспансии культур с боевыми топорами, стр. 14—33; он же. Восточная Европа в III тысячелетии до н. э., стр. 47—56; А. Я. Брюсов, М. П. Зимина. Каменные сверленные боевые топоры...

⁴⁵ И. К. Свешников. Памятники племен бронзового века Прикарпатья и Западной Подолии. Автореф. канд. дисс. М., 1958, стр. 11.

⁴⁶ С. В. Киселев. Бронзовый век, стр. 137.

⁴⁷ И. И. Артеменко. Среднеднепровская культура. СА, 1963, № 2, стр. 33.

⁴⁸ А. Х. Халиков. Среднее Поволжье в эпоху камня и бронзы. Автореф. докт. дисс. М., 1966.

³⁸ А. Я. Брюсов. Рецензия на работу М. Гимбутас. СА, 1958, № 2, стр. 295; А. Я. Брюсов, М. П. Зимина. Каменные сверленные боевые топоры на территории европейской части СССР. САИ, В4-4, 1966, стр. 11.

следователи... С балановской культурой с наибольшей вероятностью будет генетически связана та, еще не выявленная часть ямного населения, которая будет обладать антропологическим типом, близким балановскому»⁴⁹. Мы не можем согласиться с данным положением по ряду соображений. Обряд погребения древнейших племен ничего общего не имеет с балановским и, следовательно, с фатьяновским. Погребальный инвентарь абсолютно разный, состав металла другой и, кроме того, если считать исходной территорией наши степи, то чем тогда объяснить тождество и близость балановских и западных (Злота, Прикарпатье и пр.) сосудов из культур боевых топоров и шаровидных амфор.

И. К. Свешников ставит вопрос о происхождении культуры шнуровой керамики «от культуры одного из племен степной полосы Юго-Восточной Европы, продвигнувшегося в конце неолита на северо-запад». Материалы из ранних погребений культуры шнуровой керамики Подолии и Волыни, по мнению И. К. Свешникова, свидетельствуют о тесных связях с культурами более восточных районов (древнейшей и среднеднепровской). В то же время автор указывает и на тесные связи их с племенами «Средней Европы», снабжавшими металлом население Западной Подолии и Волыни, что способствовало в свою очередь проникновению средневропейских элементов⁵⁰. И. К. Свешников сознает, что вопрос происхождения культуры шнуровой керамики еще неясен.

С. В. Киселев полагал, что «в сложении фатьяновской культуры приняли участие различные племена южного происхождения и наряду с ними племена Приднепровья, через которые проникли в Волго-Окское междуречье отдельные западноевропейские элементы»⁵¹. Считая фатьяновское население неоднородным и в культурно-историческом, и в антропологическом отношении, С. В. Киселев считал, что наиболее западные фатьяновские племена близки племенам среднеднепровской и прибалтийской культур⁵². Он писал и о близости фатьяновской культуры культуре неолитических племен днепро-донецкой культуры IV тысячелетия до н. э.⁵³ Балановскую группу памятников С. В. Киселев пытается как-то связать с южным и кавказским культурными течениями⁵⁴. Вряд ли можно согласиться с его последними поло-

жениями по мотивам, изложенным выше. Что касается близости с днепро-донецкой культурой, то осмотренная нами керамика из поселения Александрия⁵⁵ ничего общего не имеет с фатьяновской керамикой.

И. И. Артеменко полагает, что «среднеднепровская культура, относимая им к культурам шнуровой керамики и культурам боевых топоров»⁵⁶, имеет в своей основе ямную культуру, а в дальнейшем ее формирование шло, «вероятно, при взаимодействии среднеднепровской культуры с катакомбной и волинской мегалитической культурами, а также с киево-софийской группой памятников позднего триполья»⁵⁷. Возможно, какое-то влияние на формирование среднеднепровской культуры и оказали упомянутые И. И. Артеменко культуры, но вряд ли можно согласиться, что ямная культура была основным компонентом и что можно проследить генетическую преемственность ямной и среднеднепровской культур⁵⁸.

А. Х. Халиков связывает происхождение балановских племен с движением степных и лесостепных скотоводческо-земледельческих племен Евразии на рубеже III—II тысячелетия до н. э.⁵⁹

Наконец, следует остановиться на взглядах А. Я. Брюсова, который в своих поздних работах⁶⁰ отказался от прежней точки зрения на происхождение фатьяновской культуры⁶¹ и принял концепцию Глоба, развил ее и, дополнив новыми положениями, создал теорию о широкой экспансии культур с боевыми топорами из южнорусских степей. В отличие от Фогта⁶², А. Я. Брюсов считает процесс распространения этих культур на запад не быстрым и не одновременным, а длительным и неоднократным⁶³.

А. Я. Брюсов придерживается мнения, что в конце III тысячелетия до н. э. происходила

⁴⁹ О. Н. Бадер. Балановский могильник, стр. 312.

⁵⁰ И. К. Свешников. Памятники племен бронзового века Прикарпатья и Западной Подолии, стр. 10—11.

⁵¹ С. В. Киселев. Бронзовый век, стр. 137.

⁵² Там же.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Колл. ИА АН УССР (из раскопок Д. Я. Телегина).

⁵⁶ И. И. Артеменко. Среднеднепровская культура, стр. 35.

⁵⁷ Там же, стр. 32—33.

⁵⁸ И. И. Артеменко. Племена Верхнего и Среднего Приднепровья в эпоху бронзы, М., 1967, стр. 115.

⁵⁹ А. Х. Халиков. Среднее Поволжье в эпоху камня и бронзы, стр. 20.

⁶⁰ А. Я. Брюсов. Об экспансии культур с боевыми топорами; он же. Восточная Европа в III тысячелетии до н. э.; А. Я. Брюсов, М. П. Зимица. Каменные сверленные боевые топоры...

⁶¹ А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952.

⁶² E. Focht. Der Herkunft der michelsberger Kultur. AA, t. XXIV. København, 1953.

⁶³ А. Я. Брюсов, М. П. Зимица. Каменные сверленные боевые топоры..., стр. 9.

«колоссальная экспансия» культур с боевыми топорами. Она охватила огромное пространство от р. Вятки на востоке и до р. Рейна на западе, от Средней Скандинавии на севере до Швейцарии на юге. Повсюду эти культуры признаются пришлыми, а не местными. Исходной территорией культур с боевыми топорами было степное Причерноморье, населенное различными пастушескими племенами, в частности племенами катакомбной культуры. На основании находок вещей южнорусской катакомбной культуры и ее погребального обряда в ряде культур с боевыми топорами (фатьяновской в СССР, ладьевидных топоров в Швеции и Финляндии, одиночных погребений в Дании и т. д.) А. Я. Брюсов считает вероятным значительное участие племен катакомбной культуры в данной экспансии⁶⁴. В связи с этим он пытается удревить катакомбную культуру. В этом движении, по мнению А. Я. Брюсова, «принимали участие не одно какое-то узколокально ограниченное племя, а ряд родственных, но различных племен, увлекавших на своем пути части других южнорусских племен»⁶⁵. Этими причинами он объясняет различия у них форм и типов керамики, а по мере «оседания» этих культур боевых топоров на новых местах появлялись и новые связи, что создавало еще большую пестроту в типах керамики⁶⁶.

В другой своей, более поздней работе А. Я. Брюсов основную роль в образовании культур с боевыми топорами отводит племенам катакомбной культуры, часто называя их ямно-катакомбными⁶⁷. Иногда А. Я. Брюсов с самого начала движения называет «эмигрантов» племенами культуры с боевыми топорами. Рассматривая вопрос о причинах, вызвавших экспансию, А. Я. Брюсов, не соглашаясь с Глобом, считавшим основной причиной иссушение южнорусских степей в ксеротермический период, полагает, что основными причинами были: стремление различных скотоводов овладеть ценными пастбищами; давление избытка населения на производительные силы и отсюда вытеснение племен другими племенами с целью захвата пастбищ. Эти причины, по его мнению, и вызвали «экспансию племен, положивших начало культуре боевых топоров»⁶⁸. Толчком к движе-

нию катакомбных и других племен, по Брюсову, послужило движение срубных племен, дату которых он считает необходимым удревить. Срубные племена к середине II тысячелетия целиком вытеснили катакомбные племена из степей. Произошла смена населения⁶⁹.

Относя степные народы (или «многочисленный народ») к европеоидам, А. Я. Брюсов полагает, что это передвижение культуры боевых топоров следует связывать «с широкой экспансией индоевропейцев»⁷⁰. Он намечает и пути передвижения культур боевых топоров. В Западную Европу племена этой культуры могли проникнуть через Волынь и Галицию, а также по Днепру и через Западную Двину. Они продвинулись в Восточную Швейцарию, на территорию современных ГДР, ФРГ, Данию, Скандинавию и Финляндию. Эти пути были различны: по Днепру на территории современной БССР и, возможно, отсюда в Прибалтику. Одним из путей было движение по Десне к верховьям Оки и Дона на восток. Часть населения, по мнению А. Я. Брюсова, передвигалась вверх по Дону и его притокам на север в пределы Средней Волги и Вятско-Ветлужского междуречья.

А. Я. Брюсов относит фатьяновскую культуру к варианту культуры боевых топоров на территории СССР. Он связывает ее происхождение также со степными (катакомбными) племенами. Причем восточную (балановскую) группу ее ведет по Дону более южным путем в связи с несколько отличным антропологическим типом балановцев, а собственно фатьяновцев ярославской группы ведет с юга по Днепру и Десне на Верхнюю Волгу.

Что касается территории распространения московской группы памятников, то он рассматривает эту область не как основную территорию фатьяновцев, а как область, по которой происходило движение «племен с боевыми топорами». Для того чтобы как-то оправдать движение степных племен на север, А. Я. Брюсов делает попытку доказать, что эти племена двигались на открытые (полустепные) пространства в лесной территории. Ссылка А. Я. Брюсова на погребения Николо-Перовоза и Бунькова в качестве аргументов начального этапа передвижения фатьяновских племен на западе не может быть принята, так как и Буньковский, и Николо-Перовозский фатьяновские могильники датируются и по стратиграфии волосовских стоянок, на месте которых они расположены, и по погребальному

⁶⁴ А. Я. Брюсов. Об экспансии культур с боевыми топорами, стр. 25.

⁶⁵ Там же, стр. 28.

⁶⁶ Там же, стр. 28—29.

⁶⁷ А. Я. Брюсов, М. И. Зиминая. Каменные сверленные боевые топоры..., стр. 13; А. Я. Брюсов присоединяется к точке зрения О. А. Кривцовой-Граковой, что катакомбная культура является дальнейшим развитием ямной культуры (там же, стр. 12—13).

⁶⁸ Там же, стр. 10.

⁶⁹ Там же, стр. 13.

⁷⁰ А. Я. Брюсов. Об экспансии культур с боевыми топорами, стр. 15.

инвентарю не концом III и началом II тысячелетий до н. э., а значительно позднее.

Дальнейшую судьбу племен культур с боевыми топорами А. Я. Брюсов связывает с распадом этой группы на германцев, славян и балтов⁷¹.

Мы подробно остановились на теории А. Я. Брюсова потому, что она как бы завершает и углубляет взгляды значительной части исследователей, считающих исходной территорией культур с боевыми топорами южнорусские степи. Мы не можем согласиться не только с «колоссальной экспансией» культур с боевыми топорами, но и относительно исходной области этих культур.

Некоторые авторы не указывают конкретные южные племена (Глоб), другие упоминают позднейшие племена (Гимбутас), а А. Я. Брюсов, то говорит о племенах культуры боевых топоров, живших на юге, то указывает, что это катакомбные племена, а ниже называет их ямно-катакомбными, а также упоминает о каких-то других степных племенах, участвовавших в движении (экспансии). Ни ямные, ни катакомбные племена не могли дать начало культурам боевых топоров. Во-первых, они представляют совершенно другой антропологический тип, чем, например, фатьяновцы, и тем более их восточная ветвь — балановцы. Во-вторых, погребальные комплексы ямной и катакомбной культур ничего общего не имеют с погребальными комплексами культур с боевыми топорами. При всем желании нельзя вывести фатьяновскую керамику из катакомбной. Это же касается и других вещей. В ямной культуре почти нет каменных сверленных топоров-молотков, а редкие находки их не имеют сходства ни с фатьяновскими, ни с топорами других культур шнуровой керамики. В степную часть не заходят фатьяновские формы сверленных топоров. Кремневые клиновидные топоры, столь характерные для всех культур боевых топоров, совершенно не встречаются в погребальных комплексах ямных и катакомбных погребений. Металл, встречающийся в фатьяновской культуре, ничего общего не имеет ни с ямным, ни с катакомбным металлом по своему структурному и химическому составу⁷².

Обряд погребения также резко отличается от обряда погребения культур боевых топоров. В лесной полосе нигде нет катакомб и окрашенных костяков. Хозяйство, особенно ското-

водство, ямно-катакомбных племен и племен культур боевых топоров также резко различаются — иной состав стада, иные условия ведения хозяйства и т. д. Наконец, нельзя себе представить, чтобы сугубо степные племена, привыкшие вести пастушеское скотоводство, могли переместиться со своими стадами в лесную полосу, совершенно в другую физико-географическую среду, с другим климатом, другим снеговым покровом, где могли быть абсолютно другие формы ведения хозяйства⁷³.

Катакомбные вещи, находимые, по А. Я. Брюсову, в Приказанье, по р. Вятке и в Западной Европе (Польша, Дания и пр.), не могут служить доказательством передвижений катакомбных племен на такие огромные пространства. Их присутствие в тех или иных культурах скорее всего указывает на широкие связи. Если, например, мы находим египетские бусы на территории Европы, мы не говорим об экспансии египтян на эту территорию, а объясняем их появление связями и обменом.

Нельзя признать убедительными и причины экспансии, выдвигаемые А. Я. Брюсовым. Во-первых, по археологическим данным мы не имеем фактов, свидетельствующих о перенаселении степей. Даже в более позднее историческое время огромные степные пространства могли прокормить стада, превышающие во много раз стада ямно-катакомбных племен. Избытка населения в степях не было. Катакомбные племена продолжали в ряде мест Причерноморья, Предкавказья и Прикаспия бытовать до середины II тысячелетия. Во-вторых, срубные племена не могли вытеснить из степей племена культуры боевых топоров (ямно-катакомбные и другие, по А. Я. Брюсову) в конце третьего и начале II тысячелетия, так как их тогда не существовало, а население «полтавинской стадии» срубной культуры, занимавшее небольшую территорию, не могло оказать «давления» на всю степь и вынудить степные племена к «колоссальной экспансии». Таким образом, эти причины также несостоятельны, как и иссушение степей (Глоб).

Можно привести еще десятки возражений, отвергающих причерноморское, степное, происхождение культур боевых топоров, в том числе и фатьяновской.

В 50-х годах появилось много крупных работ, в которых развиваются взгляды о проник-

⁷¹ Там же, стр. 33.

⁷² Е. Н. Черныш. История древнейшей металлургии Восточной Европы. М., 1966, стр. 71; он же. Спектральные исследования медных изделий из могильников балановского и фатьяновского типов, стр. 318; О. И. Бадер. Балановский могильник.

⁷³ Никак нельзя согласиться с А. Я. Брюсовым, что фатьяновцы селились на больших открытых пространствах, будто бы существовавших в лесной полосе европейской части СССР. Археологические, палеоботанические, остеологические и другие данные показывают, что фатьяновцы селились на лесной территории.

новении фатьяновских племен в Московскую обл. и в Верховья Волги из района Поднепровья⁷⁴. Исходной областью фатьяновских племен эти исследователи считают район Десны и Днепра, но пути передвижения фатьяновских племен намечаются ими по-разному.

А. Я. Брюсов в своей более ранней фундаментальной работе о неолите⁷⁵ считал, что фатьяновские племена вторглись в Волго-Окское междуречье с юго-запада из зоны среднеднепровской культуры.

М. Е. Фосс более подробно разработала эту теорию⁷⁶. По ряду признаков, установленных ею, она считала, что фатьяновские племена принадлежали к этнической общности, существовавшей в среднем Поднепровье. На основе общности орнаментики посуды и других факторов она указывает генетические связи среднеднепровских и фатьяновских племен. Она намечает несколько путей передвижения фатьяновцев: 1) со Среднего Днепра по р. Десне и ее притокам в верховья Оки и потом по р. Оке и ее притокам на Суру; 2) из Среднего Поднепровья — по р. Днепру и его притокам, потом по притокам Волги и далее по р. Волге вниз.

Следует отметить, что М. Е. Фосс совершенно правильно считала промежуточными звеньями Брасовский, Михеевский и Детчинский могильники между среднеднепровской и восточным вариантом фатьяновской культуры (средняя часть Волги).

Причины передвижений племен М. Е. Фосс, так же как и многие другие, видит прежде всего в сухости климата (ксеротермического) и в распространении лесостепи дальше на север, что способствовало расселению и, наконец, увеличению пространства, необходимого для ведения скотоводства. Она считала, что сухость климата заставила неолитические племена передвигаться дальше на север, «поэтому

среднеднепровские племена могли так далеко проникать во вновь образовавшиеся степные и лесостепные пространства»⁷⁷. Мы не можем согласиться, что фатьяновцы проникали только в эти районы. Они расселились по всей лесной территории.

Далее М. Е. Фосс подробно останавливается на вопросах сосуществования фатьяновских и неолитических племен, слабом контакте между ними, времени существования фатьяновской культуры и ее ассимиляции местными племенами.

М. М. Герасимов также считает Среднее Поднепровье исходной территорией фатьяновской культуры, но он указывает, что фатьяновская культура не является чем-то единым⁷⁸, а представляет собой ряд культур, близких по своему происхождению и однородной основе материального производства. Эти культуры, в противовес О. А. Кривцовой-Граковой (московскую, ярославскую и чувашскую), он относит к одному времени. «Это, — писал он, — некие локальные изменения одновременно существовавших родственных, но не единых культур одного и того же исторического этапа ранней бронзы»⁷⁹. Он также намечает и пути передвижений фатьяновских племен: первый путь — с юго-запада, им шли московские и ярославские группы. Он связан со среднеднепровскими и деснинскими памятниками⁸⁰.

Другим путем, южным, шли балановцы, сохранившие степные черты и средиземноморский тип. Многие факты указывают на ее близость со среднеднепровской культурой. М. М. Герасимов считает территорию расселения средневожских племен степной, а не лесной. Степной путь, описанный М. М. Герасимовым, неясен, так как он одновременно связывает балановцев со среднеднепровской культурой.

П. Н. Третьяков, соглашаясь с О. А. Кривцовой-Граковой о существовании трех локальных фатьяновских групп (московской, ярославской и чувашской), возражает против их одновременности.

Он считает, что их истоки были едиными. Фатьяновские племена двигались с Верхнего Днепра и с Десны, но потом пошли по разным направлениям, смешиваясь с местным населением, и поэтому их облик стал различным (культурный и антропологический)⁸¹. По мнению П. Н. Третьякова, пастушеские племена (фатьянов-

⁷⁴ А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху, стр. 11, 12, 17, 88—95, 251—260; М. Е. Фосс. Древнейшая история Севера европейской части СССР. МИА, № 29, 1952, стр. 182—193; она же. Поселения на дне Озимени. КСИИМК, вып. 75, 1959, стр. 3—16; М. М. Герасимов. Восстановление лица по черепу. М., 1953, стр. 30—41; П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. М., 1953, стр. 30—41; он же. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М., 1966; В. И. Даниленко. К вопросу о месте киевотрипольской культуры в этногенетическом процессе. КСИА (АН УССР), вып. 2, 1953, стр. 81—83; он же. О ранних звеньях развития степных восточно-европейских культур шнуговой керамики. КСИА (АН УССР), вып. 4, 1955, стр. 126—128.

⁷⁵ А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху.

⁷⁶ М. Е. Фосс. Древнейшая история Севера европейской части СССР, стр. 182—193.

⁷⁷ Там же, стр. 187.

⁷⁸ М. М. Герасимов. Восстановление лица по черепу, стр. 479.

⁷⁹ Там же, стр. 480.

⁸⁰ Там же, стр. 482.

⁸¹ П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена, стр. 30—41.

цы), просуществовав в течение II тысячелетия до н. э. несколько столетий, бесследно исчезли. Эти племена он склонен относить к протославянам или протобалтославянам⁸².

В своем фундаментальном труде «Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге» П. Н. Третьяков несколько изменяет свою точку зрения. Он признает генетическую связь фатьяновских и среднеднепровских племен, но не считает возможным производить фатьяновскую культуру из сложившейся и развившейся среднеднепровской культуры. По его мнению, памятники ранней стадии среднеднепровской культуры близки ранним памятникам московской группы фатьяновских племен, вероятно, они имели общего предка⁸³. Ранние памятники Чувашии также близки древнейшей стадии среднеднепровской культуры⁸⁴. Мы можем согласиться с П. Н. Третьяковым относительно общего предка фатьяновских и среднеднепровских племен. По-видимому, это так. В дальнейшем судьбы фатьяновских и среднеднепровских племен разошлись. Однако вряд ли можно согласиться с П. Н. Третьяковым, что ярославская группа фатьяновских памятников (более поздняя) является результатом «смещения элементов культуры московского фатьяновского типа с балановскими элементами». Происхождение ярославской группы (верхневолжской) имеет более сложную подоплеку. Относительно средневолжских (балановских) племен П. Н. Третьяков встал на точку зрения О. Н. Бадера, утверждавшего, что «исходная область балановского населения находилась в пределах территории, которая, с одной стороны, входила в ареал древнего средиземноморского антропологического типа, с другой стороны, — в историко-культурную область с боевыми топорами и шаровидной шнуровой керамикой. Эта территория локализуется в Северном Причерноморье между Поднепровьем и Волгой»⁸⁵.

Однако П. Н. Третьяков считает необходимым сузить эту территорию, исключив степные местности и оставив только лесостепные и лесные области, примыкающие к Причерноморью и Поднепровью⁸⁶. Предков фатьяновцев надо искать, по мнению П. Н. Третьякова, на Среднем Днепре, а балановцев — южнее. Путь их на Волгу шел через лесостепные пространства, по верховьям Дона, минуя поречье Оки⁸⁷. Это при-

мерно тот же путь, что предлагают А. Я. Брюсов и М. М. Герасимов. Действительно, редкие находки каменных топоров фатьяновского типа встречаются по правым притокам Оки и в верховьях Дона, но они не указывают на путь передвижения. Путь на Среднюю Волгу мог проходить только по Оке с заходом по притокам на юг. Об этом свидетельствуют, как мы увидим ниже, компактные массы находок топоров и других вещей. П. Н. Третьяков отрицает возникновение балановской группы племен из слияния двух групп — московской и ярославской, так как антропологические данные, по его мнению, исключают такое решение вопроса⁸⁸. В связи с этим он отвергает также и генетическую близость фатьяновцев и балановцев⁸⁹.

Культурную близость он объясняет межплеменными связями. С этим никак нельзя согласиться по многим соображениям и особенно в силу исключительного тождества обряда погребения у фатьяновцев и балановцев.

Несколько иные взгляды высказывает В. Н. Даниленко. Он считает, что сильная экспансия степных племен привела в конечном итоге к ассимиляции всех поздне трипольских вариантов культуры, а также волюно-металлической культуры, что и послужило основой создания более раннего восточного фланга культуры шнуровой керамики. В дальнейшем этот процесс получил свое выражение в сложении днепродеснянской культуры⁹⁰. Потом уже на ее основе возникло московское ядро фатьяновской культуры⁹¹. В. Н. Даниленко полагает, что культура шнуровой керамики Средней Европы является более поздней. Его взгляды близки, с одной стороны, к взглядам Глоба, а с другой — к только что разобранным нами концепции.

Рассмотренные нами основные теории происхождения фатьяновской культуры и культур с боевыми топорами не могут быть приняты, так как большая часть их построена не на обширном привлечении фактического материала, а на общих сравнениях и умозаключениях. Однако, не соглашаясь с этими теориями, мы должны отметить, что в ходе дискуссии были решены многие побочные вопросы.

Одним из положительных факторов дискуссии является установление большой культурно-исто-

⁸² Там же.

⁸³ П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге, стр. 86.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ О. Н. Бадер. Балановская культура, стр. 65.

⁸⁶ П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и на Волге, стр. 90—91.

⁸⁷ Там же, стр. 91.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ В. Н. Даниленко. Сложение древнейшей культуры в освещении современных археологических данных. Тезисы доклада на секторе неолита и бронзы ИА АН СССР; см. же. О ранних звеньях развития степных восточно-европейских культур шнуровой керамики, стр. 126—128.

⁹¹ В. Н. Даниленко. К вопросу о месте киево-трипольской культуры в этногенетическом процессе, стр. 81—83.

рической общности культур с боевыми топорами.

Более или менее четко обозначились границы распространения этих культур: от Дании до Камы (на востоке), от Скандинавии до Карпат и от границ Вологодской обл. до Пензы. Общеизвестным считается включение и фатьяновской культуры в эту общность.

Всеми исследователями признается, что эта общность относится к индоевропейской семье народов, а некоторые идут дальше, признавая в ней неразложившуюся прабалто-славяно-германскую общность. Кроме того, устанавливается, что все культуры этой общности, в том числе и фатьяновская, не имеют местных корней и являются пришлыми.

Всюду их появление сопровождается боевыми каменными сверленными топорами, скорченными захоронениями и особой керамикой. Однако здесь следует сделать оговорку, что не все культуры, имеющие каменные сверленные боевые топоры, можно отнести к одной историко-культурной общности. Сейчас известны находки каменных сверленных топоров на Кавказе, в памятниках ямной и катакомбной культур, в трипольских памятниках, на Балканском полуострове, в Италии и в ряде других мест, не имеющих ничего общего с культурами боевых топоров. Шнуровая керамика также не может являться критерием, так как она тоже встречается всюду и на более ранней и на поздней стадиях развития культуры. Поэтому критерием отнесения той или иной культуры к указанной культурно-исторической общности культур с боевыми топорами должен быть ряд признаков, сближающих их.

Мы не можем согласиться с Г. Чайлдом о включении в эту общность ямной, катакомбной и северокавказской культур⁹². Наиболее близкими, с нашей точки зрения, являются фатьяновская культура, среднеднепровская, культуры шнуровой керамики Прикарпатья, Волыни, Подолья, верховьев Днестра, прибалтийские культуры ладьевидных топоров (Литва, Латвия, Эстония, Западная Белоруссия), жуцевская культура Южной Прибалтики, культура ладьевидных топоров юго-западной части Финляндии и Южной Швеции, культуры шнуровой керамики Польши, датская культура одиночных погребений и культуры шнуровой керамики ГДР и ФРГ⁹³. Все они имеют общие черты в материальной культуре и в обряде погребения,

но в то же время и резко отличаются друг от друга. Эти различия прямо пропорциональны расстоянию между отдельными культурами боевых топоров. Чем дальше они расположены друг от друга, тем сильнее ощущается разница. Вероятно, эти различия объясняются не только данным фактом, но и хронологическими причинами.

Если брать каждую из этих культур в отдельности, то разница между ними затухивает сходные черты. Нельзя согласиться с мнением А. Я. Брюсова относительно того, что «характерной чертой для всех вариантов культур с боевыми топорами является отсутствие какой-либо определенности в распределении между ними типичных орудий труда, оружия и украшений. Можно только составить общий список таких предметов для всех вариантов культур с боевыми топорами, вместе взятых, но не для какой-нибудь из них в отдельности»⁹⁴. Правда он делает дальше оговорку, что это относится к ранней стадии развития этих культур. Все равно, какая бы стадия ни была, каждая из этих культур имеет свою собственную специфику, свои формы боевых топоров, своеобразную посуду, особенности в обряде погребения и т. д., но в то же время эти культуры имеют и общие признаки, сближающие их.

При рассмотрении территории распространения этих культур выясняется, что в основном все они развиваются в местах, занятых до этого культурами гребенчато-ямочной (днепро-эльбской) и ямочно-гребенчатой керамики. По-видимому, данное явление не случайно. Сейчас еще трудно объяснить его, а от правильного решения этого вопроса, вероятно, будет зависеть и правильное решение вопроса происхождения указанных культур.

Также устанавливается, что всюду культуры боевых топоров не возникли на месте от предыдущих местных культур. Однако этот вопрос, как нам представляется, не решен по-настоящему. Он требует пересмотра.

Представляет интерес и тот факт, что почти вся основная территория, занятая культурами боевых топоров, была покрыта лесами. В поймах рек, приозерных низменностях и на береговых склонах, вероятно, росли широколиственные породы деревьев, а плоскогорья были заняты хвойными лесами.

Почти всюду поселения, могильники и случайные находки топоров-молотков концентрируются в основном на ранних стадиях, в поймах рек и озерно-болотистых низменностях. По-видимому, это не случайное явление, а закономерность, вытекающая из специфики комплексного

⁹² Г. Чайлд. У истоков европейской цивилизации, стр. 208.

⁹³ Я не называю здесь многочисленные культуры шнуровой керамики, выделенные польскими археологами. Они также относятся к указанной нами историко-культурной области.

⁹⁴ А. Я. Брюсов. Об экспансии культур с боевыми топорами, стр. 28.

хозяйства «лесного скотоводства», возможно, земледелия и охоты.

Распространяются культуры боевых топоров в определенных речных системах (Волга с притоками, Днепр с притоками, Западная Двина, Неман, Висла, Одер, Эльба, Рейн).

На ранней стадии, в могильниках, всюду находят кости свиней и овец-коз, а крупный рогатый скот появляется позднее. Большое значение свиноводства на ранней стадии развития культур с боевыми топорами также исключает участие степного Причерноморья в качестве исходной территории. Ни в ямной, ни в катакомбной культурах свиноводство не играло почти никакой роли в скотоводстве.

Всюду в культурах боевых топоров встречаются особые кремневые клиновидные топоры, по ним можно даже очертить границы распространения этих культур. В степных культурах Причерноморья они не встречаются. Уже одно это исключает степное Причерноморье в качестве исходной территории для культур с боевыми топорами.

Кроме указанных фактов близости этих культур, можно добавить сходство в обряде погребения. Существуют два вида могильников: курганные и грунтовые без насыпей. Сейчас трудно сказать, какой из этих видов более ранний, а какой более поздний. Однако в их размещении наблюдается определенная закономерность. На северных территориях, занятых шведскими культурами боевых топоров, финской и прибалтийскими культурами с ладьевидными топорами, фатьяновской культурой, преобладают грунтовые могильники с обрядом трупоположения в скорченном положении.

На южных территориях и в Центральной, и в Северной Европе господствуют курганные могильники, но иногда встречаются и грунтовые. Обряд захоронения различен: трупоположение в скорченном состоянии, иногда на спине с раскинутыми ногами или в вытянутом положении и трупосожжение. Вопрос о времени появления трупосожжения пока не решен. Вероятнее всего, что этот обряд будет датироваться более поздним временем. К элементам сходства относятся и шнуровая керамика, но она встречается не везде. Отсутствие ее в верхневолжских и средневолжских фатьяновских памятниках скорее всего объясняется удаленностью от первоисточников распространения этой культуры.

Общей закономерностью следует считать и одинаковую тенденцию в развитии форм и орнаментики посуды. Первоначальные сосуды имели вазовидный профиль и однозональную орнаментку, потом развивается двухзональное расположение узора и позднее трехзональное.

Поразительно и сходство сосудов амфор-

ного типа, встречающихся почти всюду, за исключением могильников среднеднепровской культуры и московско-клязьминской группы фатьяновской культуры. По-видимому, объяснение этому явлению надо искать только в хронологической разнице. Вероятно, сосуды амфорного типа — более позднее явление.

В данной работе мы не касаемся вопроса происхождения и распространения культур с шаровидными амфорами. По этому вопросу существует огромная специальная литература. Мы только констатируем появление шаровидных амфор в культурах боевых топоров. Находки фасетированных каменных сверленных топоров и прямоугольных долотовидных кремневых клиньев (узких) на территориях Украины, Литвы и Польши, по всей видимости, свидетельствуют о связях с культурой шаровидных амфор или о ее передвижениях. Находки шаровидных амфор в Прибалтике, Финляндии, центральной части СССР и в Поднепровье (Речица, Гришанцы) являются ярким свидетельством отражения каких-то общих закономерностей (их распространения именно в культурах боевых топоров). Сходство некоторых форм амфор из погребений культур шнуровой керамики Вольно-Подольи, злоты, жуцевской и фатьяновской невольно приводит к выводу о близком родстве этих культур. Эту близость подчеркивают и отдельные мотивы в орнаментике посуды, особенно на шаровидных амфорах (см. описание фатьяновской керамики)²⁵.

Что касается каменных сверленных топоров-молотков, то каждая культура, входящая в указанную общность, имеет свои специфические формы. Если, например, сравнивать шведско-финляндские топоры с фатьяновскими, то разница их велика, сходных форм мало. Общей формой для многих, но не всех, следует признать так называемый коротколопастный топор, или «континентальный», «европейский» (тип А₁), по Глобу, Форссандеру и др. Следует отметить, что наиболее ранние формы топоров встречаются в междуречье Днепра и Вислы, а наиболее поздние — на удаленных от этого центра областях (Дания, Швеция, Финляндия, Средняя Волга, Вятско-Ветлужское междуречье и пр.). В Дании, Швеции, Средней Европе, на Средней Волге «континентальный» тип топора (коротколопастный) считается ранней формой,

²⁵ Следует отметить, что шаровидные сосуды (амфоры) появляются в это время всюду: на Северном Кавказе, в степи, в трипольской культуре и в Средней Европе. Очевидно, это общее явление связано с развитием скотоводческого хозяйства, особенно молочного. Поэтому, возможно, и не было миграций культуры шаровидных амфор.

но в междуречье Днепра и Вислы он не будет ранней формой. Здесь имеются его прототипы и другие более ранние формы, а на указанных выше территориях все топоры, кроме типа А₁, будут более поздними или одновременными. Отсутствие ранних типов топоров исключает эти территории из числа «исходных». Общими чертами следует считать и наличие почти всюду в различном количестве так называемых черепшковых топоров, относимых многими авторами к культурам боевых топоров. Здесь следует указать, что наиболее ранние формы этих топоров встречаются в Белоруссии в районе г. Лепеля и отсюда этот тип топора назван «лепельским». Наибольшее скопление этих топоров наблюдается на территории Белоруссии, Литвы и южной части Латвии, а на остальных территориях они редки.

Во всех культурах боевых топоров встречаются одинаковые выпрямители стрел, булавы, глиняные ложки, кремневые треугольные и с выемкой в основании наконечники стрел, просверленные зубы животных, близкие формы костяных изделий, молоточкообразные булавы и т. д.

Особо следует отметить близость погребальных сооружений, наблюдаемых в могильниках фатьяновской культуры⁹⁶, в южнофинляндских погребениях⁹⁷, прибалтийской культуре ладьевидных топоров⁹⁸ и в датских одиночных погребениях⁹⁹. Это сходство не может быть случайным явлением, а свидетельствует, наряду с перечисленными выше элементами сходства, не только о культурном, но и этническом родстве упомянутых культур. Общие черты, связывающие культуры боевых топоров, заставляют предполагать их происхождение из одной исходной территории, которую надо искать где-то в центре территории культур с боевыми топорами, где бы могли встречаться все древние общие компоненты этих культур.

⁹⁶ Д. А. Крайнов. Вауловский могильник. САИ, В1-19, 1963; он же. Памятники фатьяновской культуры. Московская группа. САИ, В1-19, 1963; он же. Памятники фатьяновской культуры. Ярославско-Калининская группа. САИ, В1-20, 1964; О. Н. Бадер. Балазовский могильник.

⁹⁷ А. Аугард. Kauphavan Perttulanmäen Kivikautinen Nauta «Suomen Museo», t. XXXVIII—XXXIV. Helsinki, 1931, 1932, p. 5. Т. Edgren. Studier över den Snöckeramiska kulturens keramik i Finland. «Suomen muinaismuistoyh disyksen aikakauskirja finska fornminnes-föreningens tidskrift-72». Helsingfors, 1970, p. 98, fig. 45.

⁹⁸ Л. Янитс. Поздненеолитические могильники в Эстонской ССР. КСИИМК, вып. XVII, 1952, стр. 53. «Черная земля» и «темные пятна», прослеженные в могилках Сопе и других местах Эстонии, следует, видимо, считать остатками погребальных сооружений.

⁹⁹ P. V. Glob. Указ. соч., стр. 165.

Исходной территорией не могли быть ни крайний запад, ни крайний восток, ни север Европы, ни Причерноморские степи, так как там не встречены древние формы каменных сверленных топоров, кремневых клиновидных топоров и другие древние элементы культуры. Кроме того, если предположить в качестве исходной территории Ютландию, как это и делают некоторые ученые, то слишком огромное расстояние отделяет ее от средневолжских (балановских) памятников, а сверленные топоры коротколопастной формы встречаются и на западном, и на восточном концах территории культур боевых топоров.

На основании изучения палеогеографии территории распространения боевых топоров, изучения развития каменных сверленных топоров-молотков и других археологических данных, а также данных антропологии и лингвистики мы предполагаем, что исходной территорией культур боевых топоров могла быть только территория, расположенная между Днепром и Вислой, т. е. территория, включающая современную Белоруссию, часть Приднестровской Украины, Предкарпатье, Литву, Калининградскую обл., часть Латвии и Польшу. Кстати, эту же зонуистики считают прародиной славян и балтов¹⁰⁰.

В физико-географическом отношении эта область не является однообразной. В пределах Польши, Прибалтики и Белорусского Полесья (особенно бассейна р. Припяти) господствуют низкие равнины. В Прикарпатье располагается Вольно-Подольское возвышенное плато. В верховьях Немана, Днепра, Десны и Верхней Волги наблюдаются отдельные удлиненные возвышенности. В Прибалтике также имеются небольшие возвышенности на территории современной Эстонии и Латвии¹⁰¹.

На этих возвышенностях как раз и сосредоточены основные находки поселений, могильников и случайные находки, относящиеся к разбрасываемым нами культурам. Характерно, что в части Полесья, куда не заходили ледники и где отсутствуют валуны, нет каменных сверленных топоров-молотков, а редкие экземпляры их, найденные вдоль рек, указывают только на пути передвижения через эту территорию. Возможно, возвышенные места привлекли человека того времени и по хозяйственным соображениям. Например, в области моренных возвышенностей имелось много озер, берега которых были удобны для ведения скотоводства.

¹⁰⁰ «История СССР с древнейших времен до наших дней», М., 1966.

¹⁰¹ А. С. Бере. Географические зоны Советского Союза. М., 1941, стр. 235.

Через всю территорию в разных направлениях текут крупные реки: Висла, Неман, Западная Двина, Днепр, Волга, которые вместе со своими бесчисленными притоками составляют густую сеть естественных путей сообщения. Все эти реки связаны друг с другом, особенно бассейны Западной Двины, Днепра, Волги и Ильменя (Ловат, Волхов), что облегчало передвижения фатьяновских племен к востоку и северо-востоку.

Указанная территория покрыта смешанными и лиственными лесами, среди которых есть останцы дубрав, состоящие из дуба, вяза, липы и орешника, которые в условиях суббореального периода, конечно, занимали более обширные пространства, чем сейчас. Наличие одинаковой в основном зоны смешанных и лиственных лесов способствовало расселению на них скотоводческих племен. Для нас представляет интерес и то обстоятельство, что смешанные леса распространяются дальше через Польшу на запад. Следует отметить, что и фауна этой области близка. Основными обитателями леса были лось, олень, кабан, медведь, лиса, куница, барсук и пр.

Климат также был более или менее однороден на указанной территории, за исключением Прибалтики и юга, где он был мягче¹⁰².

По всей вероятности, во II тысячелетии до н. э. физико-географические условия этой зоны отличались от современных, но не настолько сильно. Можно предполагать, что в условиях суббореального климата здесь было несколько теплее. Анализы пыльцы из различных районов показывают, что в конце III и в первой половине II тысячелетия до н. э. были широко распространены дубовые леса. В начале II тысячелетия на территории современной Смоленской и Могилевской областей существовали большие дубравы (С. П. Тюринцов). Здесь пыльца дает 40% дуба (для этого времени). В конце III тысячелетия начинается наступление ели (Г. Н. Лисицына) по всей территории Прибалтики и Верхнего Поднепровья. Наблюдаемые здесь процессы торфообразования, наличие в пыльце большого процента ели и распространение ольшанников противоречат точке зрения иссушения и существования так называемого ксеротермического периода, а также о широком наступлении в это время степи на лес.

Наоборот, граница зоны лесов проходила в то время несколько ниже современной.

Для нас важен факт, что смешанные леса занимали в то время более широкую зону и

наблюдались дальше на север вдоль речных пойм и по склонам берегов.

Таким образом, по пыльцевым спектрам и другим палеоботаническим и палеоклиматическим данным, а также по остеологическим и археологическим материалам территория между Днепром и Вислой в III и II тысячелетиях до н. э. представляла собой лесную зону с преобладанием смешанных лесов. В отдельных местах сохранились останцы дубовых лесов. Зона таежных лесов проходила значительно севернее современной границы леса. Например, Южная Финляндия и Южная Швеция входили в это время в зону смешанных лесов. Широколиственные породы деревьев росли не только в поймах рек и вокруг озер, но занимали и склоны водоразделов. Сравнительно сухой климат создавал благоприятные условия для существования людей и для разведения и содержания скота, для передвижений по этой территории.

На этой территории в конце III и начале II тысячелетия существовала неолитическая культура гребенчато-ямочной керамики¹⁰³. Эта культура располагалась компактным массивом в междуречье Днепра и Вислы, а за Вислой шла вдоль побережья Балтийского моря до Эльбы. Ряд исследователей называли ее «днепро-эльбской культурой»¹⁰⁴. По-видимому, в ее основе лежали местные мезолитические культуры, так как на поселениях часты находки мезолитических форм кремневых орудий, характерных для культуры маглемозе (римантен), а некоторые поселения, как, например, в Полесье, расположены на местах старых мезолитических стоянок¹⁰⁵. Подобные же поселения известны на Верхнем Днепре (И. И. Артеменко) и на Валдайской возвышенности (Н. И. Гурина). Д. Я. Телегин считает, что культура гребенчато-ямочная не только близка днепро-днепровской культуре с гребенчато-накольчатой керамикой, но и родственна ей. «Днепро-днепровская культура вместе с поздней нарвской, валдайской и культурой гребенчатой керамики Польши составляют висло-днепровскую группу этнокультурной области гребенчато-накольчатой керамики»¹⁰⁶.

¹⁰³ М. Е. Фосс. Древнейшая история Севера европейской части СССР, стр. 168, рис. 88.

¹⁰⁴ A. Gardawsky. Zagadnienie kultury keramiki grzebinkowej w Polsce. «Wiadomości archeologiczne», t. XXV, Warszawa, 1958, str. 287—313.

¹⁰⁵ Ю. В. Кузнецов. Древнее Полесье. Автореф. канд. дисс. М., 1965, стр. 9—10; он же. Первобытные памятники на территории Полесья. САИ, VI—18, 1962, стр. 10—11.

¹⁰⁶ Д. Я. Телегин. Неолітичні поселення лісостепового Лівобережжя і Полісся України. «Археологія», т. XI. Київ, 1957, стр. 70—86; он же. Дніпро-донецька культура. Київ, 1968, стр. 245.

¹⁰² Там же, стр. 220.

М. Е. Фосс считала, что в лесной полосе Восточной Европы в эпоху неолита существовали две большие этнические общности — это культуры ямочно-гребенчатой керамики, занимавшие центральную ее часть (Волго-Окское междуречье), и культура гребенчато-ямочная, распространявшаяся к западу от них. Обе культуры, или культурные общности, по ее мнению, обособлены друг от друга, имеют своеобразные узоры на керамике, но «вместе с тем в стиле орнаментов и в системе расположения их можно заметить ту общность, которая указывает на родственное происхождение этих племен»¹⁰⁷.

М. Е. Фосс считала, что обе эти культуры имеют общее происхождение¹⁰⁸. Раньше и ту и другую культуры ученые относили к прафиннам, но сейчас мнения изменились. Что касается культуры гребенчато-ямочной, то теперь почти никто не относит ее к прафинской; культуру ямочно-гребенчатой керамики многие ученые также не связывают с финской этнической общностью.

Д. Я. Телегин¹⁰⁹ и А. Гардавский¹¹⁰ выделили памятники гребенчато-ямочной керамики в особую культуру, входящую в большую этнокультурную область, распространявшуюся на Украине, Белоруссии, Валдае, Прибалтике и Польше.

Д. Я. Телегин высказал предположение о принадлежности «неолитических культур гребенчатой и гребенчато-накольчатой керамики междуречья Вислы и Днепра к племенам еще нерасчлененных балто-славян, обитавших, по данным лингвистики, на этой территории»¹¹¹. По его мнению, культуры шнуровой керамики проникли на территорию с индоевропейским населением¹¹². Однако этот вопрос он оставляет открытым. Таким образом, устанавливается несомненный факт существования между Днестром и Вислой культуры с гребенчато-ямочной керамикой, а возможно, и несколько родственных культур, входящих в одну этническую общность. Вторым несомненным фактом является существование на этой же территории ранней стадии культуры боевых топоров, на которую оказывали какое-то влияние культура воронковидных кубков, которая доходила до За-

падного Полесья¹¹³, и, очевидно, культуры дунайского круга.

Вероятно, какое-то влияние оказали и западностепенные культуры Причерноморья, часть которых рано перешла к производящим видам хозяйства (стоянки Сурского Острова, Среднего Стога II и др.). Не исключены связи с трипольской культурой и волино-мegalитической. Мы не можем останавливаться на этом вопросе подробно, так как он не входит в задачи нашей работы. Мы только обращаем внимание на то обстоятельство, что намеченная нами исходная территория могла перейти к производящему хозяйству (скотоводству и земледелию) и путем связей с другими более развитыми культурами. Непреложным фактом является появление в начале II тысячелетия до н. э. на стоянках с гребенчато-ямочной керамикой каменных сверленных топоров и шнуровой керамики.

Поскольку культуры боевых топоров, в том числе и фатьяновская, могли возникнуть только в лесной или лесостепной зоне и в одной общей для них всех культурно-исторической среде, то мы должны признать, что такой средой могла быть только одна культурно-этническая, вероятно, индоевропейская общность — «днепро-эльбская», или область культур с гребенчато-ямочной керамикой.

По-видимому, в области между Днестром и Вислой культуры гребенчато-ямочной керамики под влиянием указанных выше культур перешли к новым производящим видам хозяйства, резко отличающимся от степного. Развитие скотоводства и, вероятно, земледелия в этой лесной зоне в III и начале II тысячелетия до н. э. привело к изменениям и совершенствованию орудий труда. Наряду с кремневыми орудиями появляются каменные клиновидные топоры и каменные сверленные топоры примитивных форм (клиновидные и колунообразные). Навыки в изготовлении этих топоров могли быть заимствованы с юга через культуры Дунайского круга. В Каранове, например, эти топоры (клиновидные) встречаются в ранних культурных слоях¹¹⁴. Найдены они и в поселениях культуры воронковидных кубков и в Прикарпатье. В связи с развитием новых форм хозяйства происходят и резкие изменения в формах сосудов и их орнаментике. Что касается шнуровой керамики, то ее появление на этой территории требует специального исследования. Известно, например, что в польской мазовиан-

¹⁰⁷ М. Е. Фосс. Древнейшая история Севера европейской части СССР. МИА, № 20, 1952, стр. 168, 173, рис. 88.

¹⁰⁸ Там же, стр. 174.

¹⁰⁹ Д. Я. Телегин. Днепро-донецкая культура; он же. Об этнической принадлежности днепро-донецкой культуры. Тезисы доклада на заседании пленума ИА АН СССР. М., 1963, стр. 16—20.

¹¹⁰ А. Garðawsky. Указ. соч.

¹¹¹ Д. Я. Телегин. Об этнической принадлежности днепро-донецкой культуры, стр. 246.

¹¹² Д. Я. Телегин. Об этнической принадлежности днепро-донецкой культуры, стр. 19.

¹¹³ Ю. Ф. Куларенко. Первобытные памятники на территории Полесья, стр. 10.

¹¹⁴ Н. Я. Мерперт. Раскопки в Каранове. Доклад на секторе неолита и бронзы ИА АН СССР в 1965 г.

ской культуре и в ряде древних поселений Литвы¹¹⁵ и Латвии¹¹⁶ шнуровая керамика встречается очень рано, задолго до появления культур шнуровой керамики и культур боевых топоров. Известна она и в ранних памятниках днепро-донецкой культуры, относимой Д. Я. Телегиным к одной этнической общности культур с гребенчато-ямочной керамикой. Д. Я. Телегин считает, что на территории Восточной Европы самой древней керамикой с отпечатками шнура является керамика из стоянок днепро-донецкой культуры, датируемых им IV тысячелетием до н. э.¹¹⁷

Археологические данные подтверждают наше положение о территории междуречья Днепра и Вислы как исходной территории культур с боевыми топорами. Рассмотрим кратко эти данные. В. А. Городцов, разбирая вопрос о сверлении каменных орудий, считает вероятным возникновение этого искусства в Египте, откуда оно могло через Средиземноморье попасть в Европу, где получило чрезвычайно широкое распространение.

Наиболее древним центром выработки сверленных топоров в Европе, по его мнению, следует считать Прикарпатье¹¹⁸. Затем он отмечает и другие районы (скандинавский, прибалтийский, финский, область распространения фатьяновской культуры и др.). Пожалуй, по количеству каменных сверленных топоров на первое место следует поставить Прикарпатье и Прибалтику. Здесь не только имеются все основные формы каменных сверленных топоров, но, что важно для наших доказательств, в огромном количестве, как нигде, встречаются простейшие, а следовательно, и древнейшие формы клиновидных и колунообразных топоров.

Простейший тип каменных сверленных топоров В. А. Городцов относит к древнейшим формам¹¹⁹. А. Я. Брюсов также считает его самым древним типом сверленного топора не только по простоте его формы, сопоставлению с другими, но и по его распространению¹²⁰. Другие исследователи придерживаются того

же мнения. В. А. Городцов полагает, что этот тип топора мог быть заимствован также из древних культурных центров, так как он встречен в Месопотамии¹²¹. Возможно, возникновение этой простейшей формы было первоначально где-то на юге. За последнее время много клиновидных топоров простейшей формы обнаружено в древних слоях болгарских теллей¹²². Оттуда они могли распространиться и на север. Особенно много их найдено в Прибалтике (Литва, Латвия), где представлены клиновидные топоры без сверлин и со сверлинами, являющиеся прототипами более поздних форм. Картографирование находок этих топоров показывает, что центры их распространения — область Среднего Днепра и Припяти, с их правыми притоками, область верховий Днестра, среднее течение Немана, территория Литвы и Южной Латвии, а также область Западной Белоруссии, т. е. основная масса топоров сосредоточена в междуречье Днепра и Вислы. Здесь они встречены в тысячах экземпляров¹²³ (колл. музеев Львова, Каунаса, Вильнюса, Риги, Минска и др.). Следует указать, что на других территориях распространения культур боевых топоров они исчисляются десятками и единицами. По местам находок и количеству этих топоров можно судить о путях передвижения культур с боевыми топорами и о времени передвижения. Следует отметить, что эти формы топоров почти не встречаются западнее Вислы, в Скандинавии, Эстонии, Финляндии и на территории распространения верхневолжской группы фатьяновских памятников. Данные факты являются неоспоримым свидетельством в пользу нашей точки зрения на исходную территорию изучаемых культур.

Не менее важным археологическим фактором следует считать наличие в междуречье Днепра и Вислы и всех других ранних форм каменных сверленных топоров-молотков¹²⁴, как-то: ромбических, ладьевидных, разных обушковых, втульчатых, лопастных (коротколопастных и длиннолопастных) и пр. Надо отметить, что фатьяновские формы встречаются только в области от Днепра до Вислы¹²⁵, что очень важно при решении вопроса о происхождении фатьяновской культуры, так как ни в Северной

¹¹⁵ Колл. Вильнюсского музея (из стоянки Дубичай III). В слое, относящемся к IV тысячелетию до н. э., найдены обломки сосудов со шнуровыми отпечатками. Настоящая шнуровая керамика появляется на стоянках Литвы до II тысячелетия до н. э., расположенных на второй надпойменной террасе.

¹¹⁶ Колл. И. А. Лозе из неолитической стоянки Абора, колл. Рижского гос. исторического музея из раскопок Л. В. Ванкиной; Л. В. Ванкина. Торфяниковая стоянка Сарпате. Рига, 1970, стр. 114—115.

¹¹⁷ Д. Я. Телегин. Днепро-донецкая культура.

¹¹⁸ В. А. Городцов. Культуры бронзовой эпохи Средней России, стр. 7—8.

¹¹⁹ Там же, стр. 10.

¹²⁰ А. Я. Брюсов, М. П. Зимица. Каменные сверленные боевые топоры..., стр. 23.

¹²¹ В. А. Городцов. Культуры бронзовой эпохи Средней России, стр. 10.

¹²² Н. Я. Мерперт. Раскопки в Болгарии. Доклад на секторе неолита и бронзы ИА АН СССР в сентябре 1970 г.

¹²³ А. Я. Брюсов, М. П. Зимица. Каменные сверленные боевые топоры..., стр. 23, 55, табл. 1; стр. 57, табл. 2.

¹²⁴ См. описание каменных сверленных топоров-молотков в гл. II.

¹²⁵ На этот факт также указывают П. Глоб и М. Гимбутас.

Германии, ни в Ютландии, ни в Скандинавии эти формы не найдены. В этих местах наиболее ранними формами является топор типа А₁, по Глобу (коротколопастный). Остальные формы топоров поздние. В Финляндии и Скандинавии имеются «скрещенные» формы разных типов топоров (втульчатых и лопастных), что указывает на их позднее время по сравнению с другими.

Следующим археологическим фактором следует считать нахождение и распространение топоров лопастного типа. Эти черепшковые топоры в массовом порядке встречаются в западных областях Белоруссии (особенно в Витебской обл.), Литве и Южной Латвии. По топорам, хранящимся в Вильнюсском музее, можно проследить их местное происхождение от простых каменных клиновидных топоров. В других районах они встречаются десятками и единицами, например, в области фатьяновской культуры, Эстонии, Финляндии, Скандинавии и Ютландии. По их распространению можно также проследить пути передвижений племен культур с боевыми топорами.

К особенно важным аргументам надо отнести и открытие на территории Белоруссии шахт по добыче кремня и выделке в огромном количестве стандартных заготовок кремневых клиновидных топоров, относящихся ко времени культур боевых топоров¹²⁶. Подобные шахты найдены на территории Польши, есть они недалеко от могильника Злота¹²⁷. Кремневые клиновидные топоры из кремня белорусских шахт, относимых Н. Н. Гуриной «к племенам шнуровой керамики», в большом количестве имеются в музеях Каунаса и Вильнюса, а отдельные экземпляры встречаются в могильниках и стоянках Латвии, Эстонии, на Днестре и др. Шахты, расположенные в междуречье Днестра и Вислы, также указывают на эту область как исходную, тем более что литовские и белорусские формы кремневых клиновидных топоров являются самыми древними¹²⁸.

В погребениях и на поселениях междуречья Днестра и Вислы встречаются три типа наконечников стрел — треугольные, с выемкой в основании и черепшковые. Все три вида обнаружены и на поселениях с гребенчато-ямочной керамикой. Следует также указать, что «елочный мотив», характерный для орнаментики сосудов

культур с боевыми топорами является одним из главных узоров культуры гребенчато-ямочной керамики. Можно назвать и еще ряд общих черт, указывающих на общность культур данной территории.

Археологические материалы подкрепляются и антропологическими данными. Европеоидный долихокранный тип людей, погребенных в могильниках фатьяновской культуры (верхневолжская группа) и в Прибалтике (Эстония, Калининградская обл. и др.), очень близок, что является свидетельством их генетического родства¹²⁹. По мнению Р. Я. Денисовой¹³⁰, изучавшей черепа из фатьяновских могильников, культуры ладьевидных топоров Прибалтики и висло-неманской культуры, антропологический тип этих культур не только сходен и близок, но он мог произойти на единой основе. Указанные культуры представляют собой родственный круг племен, формирование которых происходило на общей основе. Что касается других культур шнуровой керамики Средней Европы, Прикарпатья и Центральной Европы, то их антропологический тип также имеет сходные черты с названными культурами, но и несколько отличается более «южными» чертами.

Однако Р. Я. Денисова считает, что нет оснований отрицать существование общего исходного антропологического типа для всех племен культуры шнуровой керамики. Она полагает также возможным участие в сложении исходного антропологического типа носителей культуры воронковидных кубков, племен днепродонецкой культуры и культуры гребенчатой керамики. Что касается Средней Европы и Прикарпатья, то здесь сильное влияние оказали южные пришельцы. На основе изучения антропологических данных Р. Я. Денисова также пришла к выводу о существовании исходной территории между Днестром и Вислой, откуда потом носители культур шнуровой керамики и боевых топоров распространились в другие области ойкумены.

Близки фатьяновским и прибалтийским черепам и черепа из культур шнуровой керамики Средней Европы¹³¹. Есть предположения и о близости к ним черепов из погребений среднеднепровской культуры¹³². Кроме того, на территории междуречья Днестра и Вислы встречается и средиземноморский антропологичес-

¹²⁶ И. И. Гурина. Кремнедобывающие шахты в Белоруссии. «Археологические исследования 1965 г.» М., 1966, стр. 57—60; она же. Исследование древних шахт по добыче кремня в Белоруссии. КСИА, вып. 106, 1966, стр. 31—37.

¹²⁷ T. Zurowski. Krzemionki opatowskie, pomnik starożytnego górnictwa nadbitka z «Rocznika Światokrzyskiego», I, 1962, S. 84 и 85.

¹²⁸ См. гл. II данной книги.

¹²⁹ Р. Я. Денисова. Антропологический тип населения Ярославской группы фатьяновской культуры, стр. 9—10 (VIII конгресс в Белграде, 1971 г., доклад).

¹³⁰ Р. Я. Денисова. Фатьяновцы и их место среди племен культуры шнуровой керамики.

¹³¹ Там же, стр. 10.

¹³² К. Ю. Марк. Палеоантропология Эстонской ССР. «Труды ИЭ АН СССР», т. XXXII. М., 1956, стр. 170—238.

кий тип, также долихокраанный и близкий к описанному выше. Он встречается в южной части указанной области, в культуре Злота¹³³, и в более ранней культуре линейно-ленточной керамики, которая распространялась вплоть до Прибалтики в предыдущее время. Таким образом, в исходной области встречаются оба антропологических типа, известных в культурах боевых топоров.

Подтверждением нашего предположения могут служить в какой-то степени и лингвистические данные, свидетельствующие о прародине славян и балтов в междуречье Днепра и Вислы. Сейчас большинство ученых (археологи и лингвисты)¹³⁴ считает, что культуры с боевыми топорами Прибалтики, Прикарпатья и Днепра в последующее время, смешиваясь с местными компонентами, переходят непосредственно в культуры праславян и прабалтов. По-видимому, это так и было, поскольку после указанных культур здесь не было крупных передвижений племен.

Итак, археологические, антропологические, лингвистические и косвенно позднейшие материалы свидетельствуют о возможности существования исходной территории для культур боевых топоров между Днепром и Вислой.

С данной территории движение культур с боевыми топорами началось, вероятно, в конце III и начале II тысячелетия до н. э. Движение, по-видимому, происходило одновременно и на запад, и на север, и на восток. Мы можем предполагать, что этот процесс передвижений происходил медленно. Для освоения новых территорий необходимо было длительное время. Поэтому можно согласиться с А. Я. Брюсовым¹³⁵, критикующим теорию Е. Фогта¹³⁶, об одновременном и быстром распространении этих культур.

Очевидно, в основе движения этих племен лежат глубокие причины, которые следует искать в физико-географических изменениях, происходивших в Южной Прибалтике на грани III и II тысячелетий до н. э., в специфике развивающегося скотоводческого лесного хозяйства, перенаселения и давления других племен на исходную территорию.

¹³³ «Pradziege Polski», vol. 11, 1965. Wrocław — Warszawa — Kraków, S. 98—106.

¹³⁴ В. И. Георгиев. Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. М., 1958, стр. 277; А. Х. Моора. Вопросы сложения эстонского народа и некоторых соседних народов в свете данных археологии. «Вопросы этнической истории эстонского народа». Таллин, 1956; А. Я. Брюсов. Об экспансии культур с боевыми топорами, стр. 33; Д. Я. Телзгин. Днепро-донецкая культура.

¹³⁵ А. Я. Брюсов, М. П. Зимина. Каменные сверленные боевые топоры..., стр. 9.

¹³⁶ E. Vogt. Die Herkunft der michelsberger Kultur.

Рассмотрим кратко эти причины.

Палеогеографические условия междуречья Днепра и Вислы, по-видимому, не были однородными, но вся территория была занята зоной смешанного леса. Однако значительные площади были заняты хвойными лесами, а также болотами, сокращавшими территорию, пригодную для расселения скотоводов и земледельцев.

Примерно на грани III и II тысячелетий до н. э. происходит последняя трансгрессия Литоринового (Балтийского) моря¹³⁷. Она привела к резкому повышению воды в Немане, Висле и их притоках. Изучение отложений на берегах Немана показывает, что вода в нем поднялась на 5 м выше первоначальной межеи. Повышение уровня воды в реках и озерах привело к сильному сокращению пригодной площади для ведения хозяйства. Таким образом, последняя трансгрессия Литоринового моря могла быть одной из основных причин поиска новых мест¹³⁸. Это также привело к сокращению площадей, занятых широколиственными породами деревьев, оставшихся от атлантического периода.

Третьей и основной причиной следует считать повсеместное распространение в междуречье Днепра и Вислы новых форм хозяйства — скотоводства и земледелия, которые появились здесь в конце III тысячелетия до н. э. под влиянием южных культур (трипольской, дунайских и др.). Рост поголовья стада и потребность в расширении площадей под земледельческие культуры, а также увеличение численности населения заставляли людей передвигаться на новые места. Можно согласиться с Г. Чайлдом, считавшим, что усиление борьбы за землю и пастбища вследствие роста народонаселения способствовало воинственности этих племен¹³⁹.

К началу движения культур наблюдается появление новых форм боевых топоров. И чем дальше распространялась экспансия, тем совершеннее становились каменные боевые сверленные топоры. Условия суббореального климата

¹³⁷ V. Gudelis. Lietuvos tsr baltijos pajurio geologines raidos velyvajame, glaciolo ir postglaciolo (holocene) pagrindiniai etapai. Vilniaus us voist v Karsuko vardo Universiteto Mokslo darbai, III, Г. Чайлд. У истоков европейской цивилизации, стр. 256. Г. Чайлд считает, что в период этой трансгрессии появляется народ боевых топоров.

¹³⁸ V. Gudelis. Указ. соч., стр. 137; П. М. Долуханов, В. И. Тимофеев. Проблемы абсолютной хронологии мезолита и неолита Евразии (по данным радиоуглеродного метода). Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований 1969 г. М., 1970.

¹³⁹ Г. Чайлд. У истоков европейской цивилизации, стр. 256.

создали более широкие возможности для передвижений на запад, восток и север (Швеция, Финляндия, Эстония, лесная зона европейской части СССР и т. д.). Если учесть, что основным кормом скота, особенно в зимнее время, были побеги лиственных деревьев, кора и веники (вяз, липа, осина, береза и пр.), то это приводило также к быстрому сокращению широколиственных пород деревьев. Наконец, с юго-востока и юга на исходную территорию оказывали давление ямные, позднетрипольские, волино-мегалитические и другие племена, что также вело к передвижению племен культуры боевых топоров. Пути этого движения хорошо прослеживаются в Прибалтике (Южная Прибалтика, Финляндия), на Днестре (расселение среднеднепровских племен) и др. Передвижения прибалтийских племен культуры ладьевидных топоров и среднеднепровских племен имеют значение для нас в решении проблемы происхождения фатьяновской культуры.

Вероятно, эти переселения племен происходили неоднократно. Есть основания предполагать, что более раннее движение среднеднепровских племен и московско-клязьминских фатьяновских племен происходило до расселения культуры шаровидных амфор. Последние появляются на территории севера Восточной Европы значительно позднее (в верхневолжской и средневолжской группах).

Исходной территорией фатьяновской культуры были, вероятно, области современной Литвы, Белоруссии, Юго-Восточной Латвии, Верхнего и Среднего Приднепровья.

Протофатьяновские племена тесно связаны своим происхождением с указанной исходной территорией. Об этом свидетельствуют археологические и антропологические данные. Во-первых, на территории Белоруссии, Литвы, Юго-Восточной Латвии и на Среднем Днестре встречаются все ранние формы фатьяновских каменных сверленных топоров-молотков. При этом следует указать, что прототипы топоров верхневолжских фатьяновских племен (длиннолопастные и обушковые) сосредоточены в Литве, Белоруссии и Юго-Восточной Латвии, а прототипы топоров московско-клязьминской группы (длиннообушковые и ромбические) имеются в Верхнем Поднепровье. Что касается прототипов топоров средневолжских (балановских) племен, то они концентрируются по Десне, Припяти, Волино-Подоллии и в Прикарпатье (коротколопастные). В Литве и Белоруссии найдено значительное количество длиннолопастных сверленных топоров в виде случайных находок и в грунтовых могильниках. Ранние фатьяновские формы клиновидных топоров (толстообушковые) повторяют формы

белорусских, литовских и других топоров. Особенно на близость фатьяновской культуры с исходной территорией указывают форма и орнаментика глиняных сосудов. Московско-клязьминские сосуды близки по форме и орнаментике среднеднепровским, верхневолжские ранние — верхнеднепровским, а сосуды амфорного типа и их орнаментика — южноприбалтийским сосудам так называемой висло-неманской, или ржучевской культуре. Амфоры средневолжских (сурско-свияжских) памятников по форме и орнаментике близки среднеднепровским, волино-подольским и амфорам культуры Злота, как установлено нами выше. Кроме того, средневолжские памятники связаны с юго-западом и другими чертами материльной культуры¹⁴⁰.

Антропологический тип балановцев (средиземноморский) характеризуется, как и фатьяновский, долихокранностью, но имеет более узкое лицо. Р. Я. Денисова связывает происхождение балановцев с родственными племенами Средней Европы. Об этом же свидетельствуют и археологические данные, приведенные выше. В памятниках московско-клязьминской группы и верхневолжской очень много прибалтийских черт. Янтарные украшения из Кузьминского и Истринского могильников¹⁴¹ могли попасть сюда только из Прибалтики. Находки янтарных украшений в могильниках днепро-деснинской группы памятников среднеднепровской культуры указывают и на пути этих связей. Костяная лунница, обнаруженная в Воронковском могильнике верхневолжской группы¹⁴², идентична костяным и янтарным лунницам из стоянки Абора¹⁴³ и лунницам, найденным в Польше и ГДР¹⁴⁴ (рис. 72, 10, 11). Булава из стоянки Оганино Костромской обл.¹⁴⁵ (рис. 31, 5) тождественна булавам из Литвы¹⁴⁶. Солярные изображения на днищах остродонных и круглодонных сосудов из поздненеолитических стоянок Литвы являются прототипами фатьяновских солярных изображений на днищах круглодонных сосудов.

Можно привести еще десятки археологических аналогий тождеств и близости, связываю-

¹⁴⁰ О. Н. Бадер. Балановский могильник, стр. 250, рис. 163; стр. 254, рис. 164.

¹⁴¹ Д. А. Крайнов. Памятники фатьяновской культуры. Московская группа, табл. XXIII, 5, 6; Д. А. Крайнов. Отчет Верхневолжской экспедиции за 1965 г.

¹⁴² О. С. Галайская. Воронковский могильник фатьяновской культуры. Архив ИА АН СССР, ф. 1335.

¹⁴³ И. А. Лозе. Раскопки стоянки Абора в Лубанской низменности (колл. Института истории Латв.ССР).

¹⁴⁴ A. Häusler (рисунки из: *Urgeschichte ostpreussens*).

¹⁴⁵ Колл. Костромского музея-заповедника из стоянки Оганино.

¹⁴⁶ Колл. Вильнюсского музея.

щих памятники фатьяновской культуры с памятниками междуречья Днепра и Вислы и особенно с Белоруссией и Прибалтикой. Эти факты — бесспорные свидетели генетической связи фатьяновской культуры с культурами указанной области.

Антропологические материалы, как отмечено выше, подтверждают эти генетические связи. Черепа из могильников Каупе¹⁴⁷ (Южная Прибалтика), Эстонии и фатьяновских памятников и др. относятся к одной этнической общности¹⁴⁸. М. Гимбутас также считает, что район Нижней Вислы, Латвия, Литва, Эстония, Юго-Западная Финляндия, Белоруссия и западная часть Центральной России представлены однородными антропологическими чертами¹⁴⁹. Р. Я. Денисова установила поразительное сходство в искусственной деформации черепов из Каупе и Волосово-Даниловского могильника фатьяновской культуры, что, по ее мнению, указывает на родство этих племен¹⁵⁰.

О более тесной общности культуры ладьевидных топоров Прибалтики, племен шнуровой керамики Белоруссии и Немана, фатьяновской культуры свидетельствуют не только сходство в материальной культуре, но также балтские топонимы и гидронимы, встречающиеся на этой территории, а также сходство антропологического типа указанных племен с антропологическим типом балтских племен II—XII вв. н. э. (Р. Я. Денисова). Если же к этому прибавить и сходство в обряде погребения и расположении погребального инвентаря, то их генетическое родство еще более усилится. Ржущевскую культуру, к которой относятся и погребения из Каупе, роднят с фатьяновской культурой не только указанные факты, но также формы и орнаментика амфор, сходные формы топоров, глиняные ложечки и пр.¹⁵¹ Вероятно, ржущевские и верхневолжские фатьяновские памятники имеют общие корни.

Таким образом, на основании археологических и антропологических данных устанавливаются тесные не только культурные, но и генетические связи фатьяновской культуры с исходной территорией. Особенно следует указать на близость памятников территории Среднего Поднепровья, Белоруссии, Литвы и части

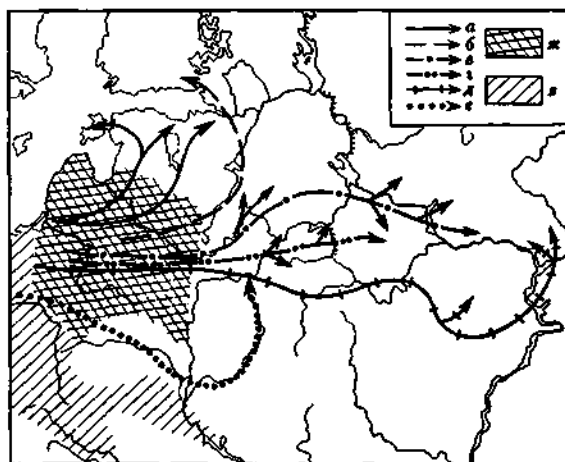

Рис. 75. Карта восточных путей передвижения культур боевых топоров

а — балтийская группа; б — ильменская группа; в — верхневолжская группа; г — московско-клязьминская группа; д-е — средневолжская группа; ж — протофатьяновская территория; з — культуры шнуровой керамики и шнуровидных амфор Припять и Прибалтики

Латвии. Их, вероятно, и можно считать протофатьяновскими. На этой территории зародились основные элементы различных фатьяновских групп. По-видимому, области Белоруссии, Литвы и Восточной Латвии дали начало верхневолжской группе памятников, развившихся потом в такие классические памятники, как Вауловский, Фатьяновский, Волосово-Даниловский, Великосельский и др. могильники.

Территория Верхнего и части Среднего Поднепровья и Белоруссии была, вероятно, областью зарождения московско-клязьминской группы, получившей классическое развитие в могильниках Московской обл. Кроме того, московско-клязьминские памятники испытывали сильное влияние среднеднепровской культуры.

Территория Десны была областью, через которую прошли протосредневолжские (сурско-свияжские) фатьяновские племена. Эта картина представляется нам более или менее вероятным отображением действительности. Дальнейшие работы в этом направлении дадут еще больше фактов.

Следует отметить весьма примечательный факт расселения указанных племен по трем великим рекам — Волге, Днепру и Западной Двине. Все три реки берут свое начало на Валдайской возвышенности. Их истоки близки друг от друга. Разновременное и, вероятно, медленное движение фатьяновских племен на восток и северо-восток могло происходить только по

¹⁴⁷ I. Heideck. Zwei steinzeitskelette in dem Prussia-Museum, 1893.

¹⁴⁸ Р. Я. Денисова. Антропологический тип населения ярославской группы фатьяновской культуры.

¹⁴⁹ M. Gimbutas. Указ. соч., стр. 157—163.

¹⁵⁰ Р. Я. Денисова. Антропологический тип населения Ярославской группы фатьяновской культуры.

¹⁵¹ M. Gimbutas. Указ. соч., стр. 199, рис. 94; L. Kilian. Haftkulturstudien und Ursprung der Balten. Bonn, 1955, Tabl. XXXIV, XXXVIII.

речным путям, по которым и располагаются фатьяновские вещи, указывающие на следующие пути их передвижений (рис. 75):

1. Из верховьев Западной Двины по Ловати и Волхову на север и, возможно, далее в Юго-Западную Финляндию.

2. По Западной Двине на Верхнюю Волгу и далее вниз по Волге, вплоть до Вятско-Ветлужского междуречья.

3. Из верховьев Днепра шло несколько путей: через реку Ваузу на Верхнюю Волгу и далее по этой реке в верховья Москвы-реки на Клязьму и далее по ней на Восток, в верховья р. Угры на Оку и далее по Оке.

4. С Десны на Оку, Мокшу, Свиягу, Суру и Среднюю Волгу шло население восточных районов Средней Волги. Не исключено, что этот путь восточных фатьяновских племен шел первоначально из Предкарпатья (Волыно-Подолья) по Припяти, по Днепру, Десне, Оке и далее.

Эти пути подтверждаются неоспоримыми археологическими «следами», оставленными различными группами фатьяновских племен (рис. 75).

О первом пути по Ловати и Волхову мы можем судить только по случайным находкам топоров и немногим могильникам. Вероятно, двинско-ильменские фатьяновские племена, сходные с прибалтийскими и верхневолжскими, создали свой вариант фатьяновской культуры и оказали заметное влияние на южнофинляндские племена культуры боевых топоров. По всей видимости, последние создавались из эстонских и ильменских компонентов. О влиянии ильменских и верхневолжских фатьяновских племен свидетельствуют типично фатьяновские формы некоторых боевых топоров в финских памятниках, наличие близких форм сосудов, как, например, формы сосудов из Говядиновского¹⁵² и финских могильников¹⁵³, орнамента днищ сосудов¹⁵⁴, форма амфор¹⁵⁵ и особенно обряд захоронения в погребальных сооружениях типа фатьяновских и могильнике Каухава в Финляндии¹⁵⁶. С эстонскими памятниками Юго-Западную Финляндию роднят втульчатые топоры и топоры типа «Карлова».

Окончательные выводы относительно путей передвижений этих племен будут возможны только после раскопок могильников.

¹⁵² Д. А. Крайнов. Памятники фатьяновской культуры. Ярославско-Калининская группа.

¹⁵³ А. Ауграа. Über die Streiftaxtkulturen in Russland. Helsinki, 1933, t. VIII.

¹⁵⁴ Там же, стр. 128. Сосуд из погребения Пиртола.

¹⁵⁵ Обломок низкотейной амфоры близок вауловским и волосово-даниловским амфорам.

¹⁵⁶ Д. А. Крайнов. Вауловский могильник, стр. 121, рис. 14.

Второй путь шел с территории Литвы, Белоруссии и Восточной Латвии по Западной Двине на Верхнюю Волгу. Он отмечается находками длиннолопастных топоров на исходной территории и далее по Волге. Концентрация топоров этого типа на севере Калининской обл., в Ярославской и Костромской областях свидетельствует о дальнейшем развитии верхневолжских фатьяновских племен.

Следует отметить, что в предполагаемой исходной территории верхневолжских фатьяновских племен встречены и другие формы фатьяновских топоров, найденные в верхневолжских могильниках. Одним из основных доказательств правильности намечаемого нами пути следует считать увеличение количества сходных форм топоров в направлении от Литвы и Западной Белоруссии и Восточной Латвии к Верхней и Средней Волге. Это важное свидетельство основано на подсчетах топоров в Каунасском, Вильнюсском, Минском и Рижском музеях. Чем дальше на запад, тем меньше форм фатьяновских топоров, чем ближе к востоку, тем их больше. Кроме того, следует отметить, что в этом же направлении идет развитие и совершенствование форм топоров и увеличение количества хороших топоров.

Елочный орнамент на сосудах ранних Калининских памятников верхневолжской группы близок к орнаментам на сосудах Прибалтики. Характерные для верхневолжской группы орнаменты на днищах сосудов (вокруг ямок) имеют полные аналогии в литовских неолитических памятниках, датируемых более ранним временем, чем верхневолжские могильники.

В Литве эти орнаменты впервые появляются на остродонных сосудах и затем переходят на круглодонные. Мотивы орнаментики верхневолжских сосудов амфорного типа имеют аналогии и тождество в орнаментике сосудов ржущевской культуры Южной Прибалтики. Особая близость верхневолжской группы с этой культурой наблюдается в обряде погребения и по антропологическим признакам. Обряд погребения также сближает верхневолжскую группу фатьяновской культуры с исходной территорией. В Литве, Белоруссии и Прибалтике, как и на Верхней Волге, распространены грунтовые могильники. Погребенные и там и тут находятся в скорченном положении. Верхневолжские погребальные сооружения идентичны финляндским и ютландским. Встречаются они и в погребениях Эстонии¹⁵⁷. Их возникновение поэтому можно предполагать где-то на территории Литвы и Белоруссии. Надо отметить и сходство в формах

¹⁵⁷ Л. Янигс. Поздненеолитические могильники в Эстонской ССР, стр. 53—54.

ведения хозяйства, и одинаковый состав стада на ранней стадии развития (свинья, овца). Многие исследователи связывают появление скотоводства на Верхней Волге с Прибалтикой. Не мешает упомянуть и о близости религиозных представлений, особенно в распространении медвежьего культа в Литве и на Верхней Волге.

Позднейшие антропологические данные¹⁵⁸ также свидетельствуют о связи Верхней Волги с Прибалтикой. Топонимы и гидронимы западной части Верхнего Поволжья частично относятся к балтам.

Верхневолжские фатьяновские племена, расселяясь по р. Волге и ее притокам, постепенно двигались в Среднее Поволжье. Анализ обряда погребения и вещей позволяет прийти к заключению о их расселении на востоке до Вятско-Ветлужского междуречья¹⁵⁹. На раннем этапе своего развития они селились по Правобережью Волги, и границы их смыкались с московско-клязьминскими племенами. В пограничной зоне они смешивались. На востоке верхневолжские фатьяновские племена смешивались с родственными сурско-свияжскими племенами, двигавшимися на север под давлением срубных племен. После освоения Правобережья Волги верхневолжские фатьяновцы перешли на левый берег и по левым притокам Волги расселились до границ современной Вологодской обл., до озер Галичского и Чухломского и дальше на восток. Это позднейшее расселение связано, по-видимому, не только с развитием скотоводческо-земледельческого хозяйства, но и с усилением враждебных отношений с местными племенами, перешедшими под влиянием фатьяновцев к скотоводству и, вероятно, к земледелию.

Движение верхневолжских фатьяновских племен и расселение их вниз по течению р. Волги и ее притокам хорошо прослеживается по погребальным сооружениям, по формам топоров, формам сосудов и орнаментике на них.

По длиннолопастным топорам можно составить целую непрерывную цепочку от Западной Белоруссии в Калининскую обл., далее в Ярославскую и потом в Костромскую области (рис. 8). Чем дальше на восток, тем этих топоров становится меньше, их классическая форма изживается, переходя в небольшие так называемые подлопастные топоры. Следует отметить, что большинство длиннолопастных топоров в Белоруссии и на Верхней Волге сделано из черного диабаз. Этот факт свидетельствует об уста-

новившихся традициях. Наличие погребальных сооружений в Ютландии, Прибалтике, Финляндии, Верхней Волге и на Средней Волге (в Балановском могильнике) также дает цепочку их развития от Балтики к Ютландии и от Балтики к Верхней Волге и отсюда уже к Средней Волге. Если предположить, что верхневолжские фатьяновцы получили навыки в устройстве погребальных сооружений от племен со Средней Волги (из Баланова), то фатьяновские племена надо тогда вести вплоть до Ютландии и Финляндии, что вряд ли возможно. Следует отметить, что погребальные сооружения появляются на Средней Волге позднее и известны только в Балановском могильнике, а в ранних памятниках их нет.

Движение верхневолжских фатьяновских племен дальше к Востоку в Вятско-Ветлужское междуречье было вызвано, вероятно, потребностью в добыче меди и разработке медистых песчаников, расположенных в этом районе. Сходство металлических вещей из фатьяновских могильников и Бирского могильника в Башкирии (см. раздел Металлургическое производство) указывает на продвижение отдельных фатьяновских групп и на территорию современной Башкирии, где имеются многочисленные залежи медистых песчаников.

По мере продвижения верхневолжские племена смешивались с племенами московско-клязьминскими и сурско-свияжскими.

Третий путь в движении фатьяновских племен шел по нескольким направлениям из Белоруссии и верховьев Днепра: из Белоруссии на Днепр, на Угру и Оку; из Белоруссии в верховья Днепра, на Москву-реку и Клязьму и далее по Клязьме и ее притокам на восток, а часть племен по Москва-реке шла на Оку и далее на восток; из верховьев Днепра, на Вазузу и в верховья Волги. Эти пути характеризуются формированием московско-клязьминских фатьяновских племен, на что указывают находки основных форм материальной культуры ранних московских могильников, а именно: расположением их вдоль рек на береговых скатах, шнуровой керамикой, обрядом погребения без погребальных сооружений, длиннообушковыми и ромбически-усеченными топорами, кремневыми наконечниками стрел и дротиков и т. д. Следует отметить, что на Верхней Волге сосуды со шнуровым орнаментом встречаются в Бежецке, под Капшиным Калининской обл. и под Угличем Ярославской обл., но здесь московско-клязьминские племена перемешиваются с верхневолжскими. По указанным признакам очень легко проследить движение московско-клязьминских племен. Длиннообушковые топоры разных форм — ромбические усеченные и ромбические

¹⁵⁸ «Происхождение и этническая история русского народа». «Труды ИЭ АН СССР», т. 88, М., 1965.

¹⁵⁹ На р. Урень Горьковской обл. обнаружены могильники с керамикой, типичной для верхневолжских памятников фатьяновской культуры. Колл. Горьковского обл. музея. Поступление 1969 г.

узкообушковые встречаются компактной массой в Калининской (юг), Московской областях и на Юго-востоке Ярославской обл. На запад, восток и на север от этой территории они встречаются единицами, указывая истоки и дальнейшее движение (рис. 9 и 10). Длиннообушковые топоры характерны и для среднеднепровской культуры, где их часто находят. В небольшом количестве они обнаружены в Белоруссии и Литве.

Ромбические формы топоров встречаются на Верхнем Днепре и в Прибалтике. В. А. Городцов считал ромбические типы топоров западными. По ромбическим топорам особенно легко проследить движение московско-клязьминских племен: по Клязьме в Ивановскую и Горьковскую области, на север от озера Неро (Ростов-Ярославский), по Которосли на Волгу, по Москве-реке на Оку в Рязанскую область и, возможно, на Суру и Свиягу.

Особо следует остановиться на связях московско-клязьминской группы памятников со среднеднепровской культурой. Выше мы отмечали мнения многих исследователей (М. Е. Фосс, В. И. Третьякова, М. М. Герасимова и др.), считающих возможным происхождение фатьяновской культуры из среднеднепровской. Доказательства, приведенные этими исследователями, бесспорно свидетельствуют о тесной культурной или генетической связи этих культур. В. А. Городцов, перечисляя многочисленные факты сходства некоторых черт фатьяновской культуры с приднепровской (среднеднепровской), писал о тесных связях этих культур, называя их «соседственными»¹⁶⁰.

Намечая два главных пути сношений фатьяновской культуры 1) юго-восточный (Кавказ), и 2) юго-западный (Приднепровье и запад), В. А. Городцов считал второй путь не менее значительным¹⁶¹ и связанным «с целым морем особой шнуровой керамики, простирающейся через всю Западную Европу»¹⁶². Отводя второе место связям фатьяновской культуры со среднеднепровской, В. А. Городцов тем самым подчеркивал их тесные связи и одновременность, а многие формы топоров, детали в выделке посуды (ямки на дне), элементы орнаментики и пр. он прямо считал заимствованным со Среднего Днепра.

А. А. Спицын обратил внимание на близость Брасовского грунтового могильника к фатьяновским памятникам, а некоторые находки из Брянской и Смоленской областей он прямо отнес к памятникам фатьяновской культуры

(Речица, Дроново, Дядьковичи, Столпино и др.)¹⁶³.

Позднее исследователи памятников Поднепровья и Белоруссии — К. М. Поликарпович¹⁶⁴, А. Н. Лявданский¹⁶⁵ и др. — прямо называли днепро-деснинские памятники «западнофатьяновскими» и относили их к особой фации днепро-деснинской фатьяновской культуры. Того же мнения придерживались Г. С. Пассек и Б. А. Латынин¹⁶⁶. Работы М. Е. Фосса¹⁶⁷ еще более подкрепили поразительное сходство фатьяновских и днепро-деснинских памятников. И. И. Артеменко¹⁶⁸ и В. В. Кропоткин¹⁶⁹, раскопавшие новые памятники среднеднепровской культуры, также указывали на сходство фатьяновских и днепро-деснинских памятников.

Действительно, московско-клязьминские памятники очень близки среднеднепровским и особенно ее днепро-деснинской группе, памятники которой очень трудно разграничить с фатьяновскими. Сходство и зачастую тождество многих черт проглядывает всюду. Наблюдается одинаковая топография расположения памятников и случайных находок в поймах рек и близость обряда погребения в грунтовых могильниках (ориентировка могил с запада на восток, обряд труположения, трупосожжение, присутствие в могилах угля и охры и пр.). Очень сходен общий состав погребального инвентаря, среди которого есть идентичные вещи, как, например: длиннообушковые топоры и простые обушковые топоры, клиновидные кремневые топоры, кремневые наконечники стрел и дротиков, кремневые ножи, выпрямители древков стрел, молоточкообразные булавки, полировальные плиты, металлические изделия, микропластинки и т. д. Техника обработки кремневых орудий (струйчатая и фасеточная) абсолютно одинакова, что не может быть случайным, а скорее свидетельствует о единой этно-

¹⁶³ А. А. Спицын. Новые сведения о медном веке в Средней и Северной России. ЗОРСА РАО, т. VII, СПб., 1905, стр. 73—75.

¹⁶⁴ К. М. Поликарпович. Археологічніх нататки. «Праці сакції археології», т. III. Мекс, 1932, стр. 247.

¹⁶⁵ А. Н. Лявданский. Некоторые данные о каменном веке и культуре бронзового эпохи в Смоленской губернии. «Науч. изв. Смоленского гос. ун-та», т. IV, вып. 3. Смоленск, 1937, стр. 219, 235, 236; он же. Археологічніх доследи у Смаленшчыне. «Праці сакції археології», т. III.

¹⁶⁶ Г. С. Пассек, Б. А. Латынин. Разведки в районе Брянска. ТСА РАНИОН, вып. IV М., 1929, стр. 374—390.

¹⁶⁷ М. Е. Фосс. Древнейшая история Севера европейской части СССР, гл. XI.

¹⁶⁸ И. И. Артеменко. Среднеднепровская культура.

¹⁶⁹ В. В. Кропоткин. Бельнецкие курганы и стоянки. КСИИМК, вып. 47, 1952; он же. Новые исследования Бельнецких курганов. КСИИМК, вып. 75, 1959.

¹⁶⁰ В. А. Городцов. Культуры бронзового века в Средней России, стр. 45.

¹⁶¹ Там же, стр. 43.

¹⁶² Там же, стр. 46.

графической особенности. Особенно показатель-но сходство в мотивах орнаментики и в близости форм сосудов, что никак нельзя объяснить только «добрососедскими» отношениями или конвергентностью данных явлений, как, например, одинаковое сочетание шнуровых поясков по шейке и вертикальных насечек под ними, идентичные мотивы нарезного елочного и треугольного орнаментов, групп линий под углом друг к другу, присутствие ямок на днищах и орнамента вокруг них, эсвидность профилей сосудов и пр. Если к этому прибавить одинаковую закономерность в размещении орнаментальных мотивов, тождественные формы свиноводческого хозяйства, а также отсутствие у среднеднепровских племен и у московско-клязьминских сосудов амфорного типа, то вряд ли можно сомневаться в генетической близости этих культур.

Однако есть и существенные различия, которые не позволяют вести московско-клязьминскую группу непосредственно из среднеднепровской культуры. Эти различия получились от тех специфических условий, в которые попали и те и другие племена и, вероятно, под влиянием более южных культур на среднеднепровскую (трипольской, ямной, катакомбной и пр.).

Не исключено, что памятники днепро-деснинской группы среднеднепровской культуры связаны с памятниками московско-клязьминской группы фатьяновской культуры генетическими узами. Иногда трудно отличить их по формам сосудов, орнаментике и другим признакам. Это касается больше грунтовых могильников.

Возможно, расселение московско-клязьминских племен произошло несколько раньше расселения других фатьяновских племен. Свое классическое выражение московско-клязьминская группа получила на территории Московской и юге Калининской областей. Небольшие могильники этой территории А. Я. Брюсов объяснял тем, что здесь фатьяновцы не задерживались долго, а быстро прошли эту территорию дальше на север и восток¹⁷⁰.

Четвертый путь — окско-деснинский — в какой-то мере является подосновой создания средневолжских (сурско-свияжских) фатьяновских племен. Следы движения племен прослеживаются и по археологическим материалам, и по антропологическим.

Во-первых, этот путь подтверждается находками топоров-молотков по Оке, расположенных «полосой» вдоль реки, и частыми находками топоров в самой Оке. Они отмечают путь с Дес-

ны. Во-вторых, одним из основных аргументов движения сурско-свияжских племен с Десны является распространение коротколопастного каменного сверленого топора (рис. 10). Этот тип топора выделен впервые нами из общей массы лопастных фатьяновских топоров; коротколопастные топоры распространяются от Дании до берегов Средней Волги. Сулимпрский называет этот тип топора фатьяновским, Глоб — европейским (тип A₁), характерным для ранней стадии культуры одиночных погребений в Ютландии, Форссандер также относит его к ранним типам, называя европейским. Он находит возможным сравнивать западные топоры этого типа с тетюшским топором, подчеркивая тем самым их сходство и единое происхождение. Ольдеберг называет этот тип топора «континентальным». Европеус относит его к характерным топорам культуры боевых топоров и также сравнивает западные топоры с восточными, указывая на их тождество. Наибольшая концентрация этих топоров наблюдается опять-таки в междуречье Днепра и Вислы (Польша, Южная Прибалтика, Белоруссия и др.).

Отдельные экземпляры этих топоров встречаются в Латвии, Эстонии, но на территории распространения верхневолжской группы фатьяновских памятников они совершенно не встречаются. Значительная концентрация топоров по Десне, Оке, Мокше, Суре и Свияге дает яркую картину расселения племен на восток в пределы Средней Волги. Более редкие находки коротколопастных топоров на севере Калужской обл. и юге Московской обл., а также по течению р. Клязьмы и в Горьковской обл. недалеко от устьев р. Оки указывают, очевидно, на побочную волну передвижений окско-деснинских племен на восток. Для прочности наших доказательств следует упомянуть о находках этих топоров и в могильниках: Бежипком¹⁷¹, Михеевском¹⁷², Детчинском¹⁷³, и Злотском¹⁷⁴ (в Польше). Эта «цепочка» подчеркивает южный путь средневолжских (балановских — средиземноморского типа) племен. Эти топоры распространяются по двум путям — Висла, Припять, Днепр, Десна, Ока, Мокша, Свияга или Неман, Березина, Днепр, Сож, Угра, Ока и далее (рис. 10). В Предкарпатье (Подолля и Волинь) эти топоры также

¹⁷¹ Д. А. Крайнов. Памятники фатьяновской культуры. Московская группа, стр. 32.

¹⁷² К. Я. Виноградов. Новые данные о памятниках фатьяновского типа. ПИДО, 1934, № 11—12, стр. 73, 74.

¹⁷³ Там же, стр. 74.

¹⁷⁴ Z. Krzak. Materiały do znajomości kultury złockiej. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1961, стр. 104, tabl. 100.

¹⁷⁰ А. Я. Брюсов. Об экспансии культур с боевыми топорами.

встречаются, что важно для аргументации южного пути балановцев.

Третьим доказательством существования начерченного нами пути служит распространение втульчатых топоров. Наибольшая концентрация этих топоров, а также существование ранних форм топоров данного типа отмечается в Литве, Белоруссии, Латвии, Эстонии, а наиболее ранние формы концентрируются в Латвии и Западной Белоруссии. В небольшом количестве они найдены в Гомельской, Смоленской, Калининской, юге Московской, Калужской, Рязанской, Пензенской областях и в большом количестве на Свияге. Встречаются они в единичных экземплярах в Поднепровье, в Курской, Киевской, Белгородской, Брянской, Орловской областях и на севере Воронежской обл. В. А. Городцов связывает появление втульчатых топоров на Средней Волге с проникновением их с запада через область фатьяновской культуры¹⁷⁵. Позднее, отмечая поразительное сходство втульчатых топоров Средней Волги с прибалтийскими, А. Еуропеус писал, что простые топоры со втулкой (ранние) могли проникнуть на восток только из Прибалтики и Белоруссии¹⁷⁶. Отсутствие исходных форм этих топоров на востоке и в Причерноморских степях заставляет нас согласиться с мнениями В. А. Городцова и А. Еуропеуса. Распространение втульчатых топоров является ярким свидетельством передвижений протофатьяновских племен на восток. То же самое подтверждается и распространением ромбических лопастных топоров. Они обнаружены в Брянской, Калужской, Пензенской областях и на Свияге. Часть их близка к так называемым фасетированным топорам, присущим культуре шаровидных амфор. Такие топоры найдены в Киевской обл., Литве и Польше. Одним из основных аргументов следует считать и распространение простых клиновидных сверленных топоров. Мы уже писали, что центром их широкого размещения были Прикарпатье и Прибалтика. Отдельные находки тянутся по тем же путям, что и находки перечисленных выше топоров (Белоруссия, Смоленская, Калужская, Тульская, Орловская, Брянская, Рязанская, Пензенская области и Свияга).

Обращает на себя внимание и сходство некоторых форм сурско-свияжских сосудов¹⁷⁷ со среднеднепровскими (высокогорловые цилиндрические сосуды) и средневолжских со стретовскими¹⁷⁸. Наблюдается сходство, а иногда

¹⁷⁵ В. А. Городцов. Культуры бронзовой эпохи в Средней России, стр. 20.

¹⁷⁶ А. Аураппа. Über die Streitaxtkulturen in Russland.

¹⁷⁷ П. Д. Степанов. Ош-Пандо. Саранск, 1967, стр. 199, табл. VII.

¹⁷⁸ Там же (сосуд из Куйбышевской обл. — крышковидный, идентичный стретовским).

и тождество сурско-свияжских (балановских) и среднеднепровских мотивов орнаментики на сосудах, особенно на днищах¹⁷⁹. Близость со стретовско-гатинской группой памятников подчеркивается не только одинаковыми мотивами орнаментики (группы насечек-линий, поставленных под углом друг к другу, треугольники, вертикальные нарезки и пр.), но и трехзональностью в расположении орнаментальных узоров.

О западных связях сурско-свияжских (балановских) памятников, особенно с культурами воыно-подольской и злотской, свидетельствуют многочисленные факты. Во-первых, поразительное сходство в форме и орнаментике сосудов амфорного типа¹⁸⁰. Во-вторых, находки в погребениях могильника Злота амфор вместе с коротколопастными топорами; наличие в погребениях медных трубчатых пронизок «балановского типа», глиняных ложек, идентичных фатьяновским и т. д. В-третьих, аналогичный обряд погребения (коллективные захоронения, ориентировка, расположение инвентаря и общее направление могил на могильниках с юго-запада на северо-восток). Кроме того, и в Балановском могильнике, и в могильнике Злота встречается смешанный антропологический тип погребенных с преобладанием средиземноморского типа. Наконец, сходство некоторых амфор из Злотского могильника с речичкой и грищанской амфорами со Среднего Днепра дают цепочку связи. Вероятно, прав Вислянский, рисуя восточный путь распространения шаровидных амфор¹⁸¹.

Особый интерес в решении нашего вопроса приобретают погребения на спине с разбросанными («ромбом») ногами в Sambogzes (Сандомир — около Злота)¹⁸², в Брасовском могильнике в верховьях Оки¹⁸³ и в Чурачикском могильнике на Свияге¹⁸⁴. Надо здесь отметить и одинаковую ориентировку этих могил с запада на восток.

С культурами шаровидных амфор Балановский могильник связывается и сходными формами костяных пряжек¹⁸⁵, и распространением

¹⁷⁹ О. Н. Бадер. Балановская культура, стр. 59, рис. 16.

¹⁸⁰ Там же, стр. 260, рис. 163.

¹⁸¹ T. Wislanski. Genesis der Kugellamphoren kultur... (Карта распространения амфор).

¹⁸² J. Kamińska, A. Kulczyńska, Lesławski. Quelques Remarques sur la civilisation des vous compari-formes en pologne «Archaeologia», VII, 1964.

¹⁸³ Т. С. Пассек. К вопросу о среднеднепровской культуре. КСИИМК, вып. XVI, 1947, стр. 45, 46.

¹⁸⁴ В. Ф. Каховский. Чурачикский курган в Чувашии. СА, 1963, № 3.

¹⁸⁵ О. Н. Бадер. Балановская культура, стр. 60, рис. 17; L. Hajeck. Kostena industrie otomanské kultury z Baree, p. 285—295. «Slovenska Archeologia», VII-2. Bratislava, 1959.

узких стамесковидных кремневых орудий от Волыни на Днепр, Десну, Рязань и Свиягу¹⁸⁶.

Можно привести и еще много примеров западных и юго-западных связей сурско-свияжских памятников. Впервые об Окском пути фатьяновцев на Волгу заявил А. А. Спицын¹⁸⁷, но более подробно об этом пути писала М. Е. Фосс¹⁸⁸. Она пришла на основании находок фатьяновских вещей к выводу, что на Оке и на Мокше были фатьяновские племена¹⁸⁹. Их бытование здесь она относит приблизительно к 1700—1600 г. до н. э. «в эпоху расселения среднеднепровских племен по р. Оке, р. Волге из области распространения среднеднепровской культуры»¹⁹⁰. Находки фатьяновских вещей на дюне «Озименки» и фатьяновских погребений, а также отдельные находки керамики средневолжского (балановского) типа¹⁹¹ подтверждают этот путь. А. Х. Халиков выделяет на Свияге район распространения ранних форм топоров (клиновидных, коротколопастных, втульчатых, кремневых клиновидных топоров с прямоугольным сечением) и могильников (Козловский)¹⁹². Ориентировка могильных ям из могильников этого района идентична таким могильникам, как Михеевский, Детчинский, Брасовский, Бельнецкий и другим днепро-деснинским памятникам.

Расположение Козловского могильника на дюнном всхолмлении берега реки также характерно для днепро-деснинских памятников. Коротколопастные топоры на Средней Волге продолжают существовать в пережиточном виде и в Балановском могильнике (глиняные модели). Этот могильник следует рассматривать как поздний памятник дальнейшего развития сурско-свияжских племен.

На основании перечисленных фактов пути движения протофатьяновских племен на восток прослеживаются отчетливо. Одним из ранних путей следует считать деснинско-окско-свияжский. Этот путь усеян не только случайными находками сверленных топоров-молотков, кремневыми клиновидными топорами, черешковыми

каменными топорами лепельского типа, но и отдельными скорченными погребениями¹⁹³ и поселениями¹⁹⁴. Поворот фатьяновцев с Оки на Мокшу и дальше на Суру и Свиягу, вероятно, зависел не только от того, что здесь граница леса поворачивает к юго-востоку на Алатырь¹⁹⁵, но и от того, что за устьем Мокши вниз по Оке размещались, очевидно, враждебные племена волосовской культуры, которые могли не пустить фатьяновцев на свою территорию. Стремление «южных» племен протофатьяновцев на Среднюю Волгу и особенно в район Свияги, видимо, было обусловлено не только поисками удобных мест для поселения, но и стремлением овладеть россыпями медистых песчаников. Как раз к этому времени относится усиленная выработка металлических изделий и особенно боевого оружия (боевые медные вислобушные топоры и медные копья).

Отсутствие здесь и всюду в средневолжских памятниках керамики с отпечатками шнура объясняется, вероятно, удаленностью территории Средней Волги от центров распространения шнуровой керамики. Отдельные находки шнуровой керамики среднеднепровского типа наблюдаются в Тульской и Рязанской областях¹⁹⁶.

Таким образом, территория между Десной и Верхней Окой, Сеймом и Угрой содержит явные следы движения окско-деснинских протофатьяновских племен (в данном случае прото-сурско-свияжских) на восток. Возможно, это передвижение племен на восток проходило не одновременно, а отдельными волнами.

Мы наметили основные пути движения фатьяновских племен. Безусловно, существовали и более мелкие побочные пути, отображающие внутренние передвижения на территории, занятой фатьяновскими племенами. Эти побочные пути, перекрещивающиеся между собой, вели к смешению отдельных групп.

Основной характер трех главных групп фатьяновских памятников московско-клязьминской, верхневолжской и средневолжских (сурско-свияжской и нижекамской) сложился позднее, хотя и в начале движения в них уже были заложены наряду с общими элементами

¹⁸⁶ А. Х. Халиков. Среднее Поволжье в эпоху камня и бронзы.

¹⁸⁷ Архив А. А. Спицына. ЛОИА.

¹⁸⁸ М. Е. Фосс. Древнейшая история Севера европейской части СССР, т. XI; она же. Поселение на дюне Озименки.

¹⁸⁹ Там же, стр. 16.

¹⁹⁰ Там же.

¹⁹¹ В. Г. Тихонов. Памятники энеолита и бронзы центрально-черноземных областей РСФСР. Доклад на секторе неолита и бронзы ИА АН СССР (находки керамики в Мценском р-не Орловской обл., в Пензенском р-не и др.).

¹⁹² А. Х. Халиков. Балановские памятники в Татарии. КСИИ, вып. 97, 1964, стр. 50—58, рис. 18.

¹⁹³ «Отчеты императорской археологической комиссии за 1899 г.», т. XI, вып. 1—2, стр. 232. Черепник. Очерки доисторического прошлого Рязанского края. Рязань, 1896. Скелет лежал на правом боку, головой на юго-запад — запад, в головах стоял круглодонный сосуд; череп долихоцефальный. Находки на дюне «Фефелов Бор» (колл. Рязанского обл. музея.)

¹⁹⁴ М. Е. Фосс. Поселения на дюне Озименки (фатьяновская стоянка и погребения).

¹⁹⁵ Л. С. Бера. Географические зоны Советского Союза, стр. 81.

¹⁹⁶ Колл. Тульского и Рязанского областных музеев.

и разные другие компоненты. В дальнейшем в зависимости от местных условий, сложных перемещений внутри территории, взаимовлияний, разного культурного окружения и т. д. различия между ними увеличиваются, создавая неверное впечатление разнотипности этих групп.

Взаимовлияние и некоторая перемешанность очень хорошо прослеживаются. Например, в пограничных районах московско-клязьминской и верхневолжской групп памятники носят смешанный характер (Никульдинский, Воронковский, Голузиновский и другие могильники). Эта смешанность наблюдается и дальше на восток в памятниках Ивановской и Горьковской областей (Милославский, Ильинско-Хованский, Кривцовский, Тимофеевский и другие могильники). Наличие московско-клязьминских элементов в памятниках, расположенных по Клязьме и ее притокам вплоть до Горьковской обл., указывает на продолжающийся процесс движения этих племен на восток. Присутствие в Балановском могильнике черт верхневолжских и московско-клязьминских, выразившихся и в археологическом, и в антропологическом материалах, рисует картину перемешанности всех трех основных групп фатьяновских племен, что могло произойти только на позднем этапе развития культуры.

Несмотря на различия, особенно проявившиеся на поздней стадии, все перечисленные группы относятся к единой фатьяновской культуре, распространявшейся от Волхова до Вятки и от южных границ Вологодской обл. до Пензы. Они объединяются следующими признаками:

1. Общностью происхождения.
2. Общностью территории распространения по р. Волге и ее притокам.
3. Тожественным обрядом погребения в груп-

товых могильниках (одинаковая форма могильных ям, погребальные сооружения, положение погребенных в скорченном состоянии, ориентировка, положение погребального инвентаря и т. д.).

4. Одинаковыми верованиями (культ медведя, солнца).

5. Одинаковым погребальным инвентарем (топоры, клинья, ножи и пр.).

6. Общими чертами социально-экономического уклада (родовой строй с переходом к патриархальным отношениям, скотоводство с преобладанием в стаде свиньи и пр.).

7. Общим европеоидным типом людей с различными вариациями, допустимыми в одной культуре.

Можно привести и другие примеры, но и этого достаточно для признания единства культуры. Следует отметить, что и первые исследователи фатьяновской культуры — А. А. Спицын и В. А. Городцов — относили все памятники ее к одной культуре.

Мы не можем согласиться с О. Н. Бадером и другими исследователями средневолжских памятников о выделении самостоятельной балановской культуры¹⁹⁷. Различия и даже некоторое отличие в антропологическом типе не перекрывают общие признаки, они являются результатом локальных особенностей и одновременности. Кроме того, апологеты балановской культуры — А. Х. Халиков и О. Н. Бадер — сами пишут о родственном происхождении балановских и фатьяновских племен¹⁹⁸, о том, «что предки балановцев и фатьяновцев до их движения на Волгу были исторически тесно связаны...»¹⁹⁹.

¹⁹⁷ О. Н. Бадер. Балановская культура.

¹⁹⁸ А. Х. Халиков. Балановские памятники в Татарии, стр. 58.

¹⁹⁹ О. Н. Бадер. Бассейн Оки в эпоху бронзы. М., 1970. стр. 50—51.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Древнейшая история Волго-Окского междуречья с момента появления фатьяновской культуры развивалась под сильным влиянием последней. Фатьяновская культура не исчезла бесследно, а оставила глубокие следы в хозяйственной и в духовной жизни местных племен. Об этом свидетельствуют многочисленные археологические, антропологические, позднейшие исторические, этнографические и лингвистические данные. Находки костей домашних животных в поздневолоховских слоях различных стоянок Волго-Окского междуречья указывают на появление у этих племен скотоводства, существовавшего наряду с охотой и рыболовством¹. Его возникновение и развитие у них можно объяснить только влиянием фатьяновских племен, о контакте тех и других свидетельствуют и фатьяновские вещи, находимые в слоях.

До прихода фатьяновских племен неолитические обитатели Волго-Окского междуречья не знали металла. Он появляется у них на позднем этапе развития, вероятно, также под влиянием фатьяновских племен. Это подтверждается находками металлических вещей на волоховских стоянках Сахтыш I, Сахтыш II и Панфиловской стоянке, не отличающихся по химическому составу от фатьяновского металла² и отходов от литья меди на стоянке Сахтыш II³. Данный факт является вторым важным свидетельством

контакта фатьяновских и волоховских племен. Влияние фатьяновской культуры сказалось и в других областях материальной культуры. В волоховских слоях появляются каменные полированные топоры, кремневые клинья, полировальные плиты и техника сверления камня близкие фатьяновским, что также свидетельствует о контактах местных и пришлых племен. Кроме того, влияние фатьяновской культуры заметно и в керамике местных племен. Во-первых, на волоховских стоянках (Сахтыш I, II, VII, IV; Уницкой, Ворань, Станок II и др.) и на поселениях с текстильной керамикой (Дикариха, Воронка и т. д.) встречается фатьяновская керамика, одновременная могильникам и более поздняя смешанная. Появление гибридной фатьяноидной и волоховской керамики на более поздних стоянках хорошо доказано Н. Н. Гуриной⁴ и М. Е. Фосс⁵.

На стоянках Сахтыш I, Уницкой и других имеются обломки типичных волоховских сосудов с фатьяновской орнаментикой в виде насечек, поставленных под углом друг к другу. Можно отнести за счет влияния фатьяновской культуры и ранние формы бомбовидных сосудов в культуре с текстильной керамикой⁶.

Наконец, появление скорченных погребений на ряде волоховских стоянок, где раньше наблюдались только вытянутые погребения, могло произойти под влиянием фатьяновцев.

В стоянках Сахтыш I и Сахтыш II обнаружены скорченные детские погребения⁷, ориентированные, как и фатьяновские, головой на юго-запад и лицом на юго-восток. В скорченном

¹ О. С. Гадзяцкая и Д. А. Крайнов. Новые исследования неолитических памятников Верхнего Поволжья. КСИИ, вып. 100, 1965, стр. 37; Д. А. Крайнов. Отчеты Верхневолжской экспедиции за 1959—1966 гг. Архив ИА АН СССР. Osteологический материал со стоянок Уница, Золоторучье III, Рождественский Остров, Караш, Сахтыш I, II, III, IV, VII, Воронка и др. определен В. И. Цалкиным.

² Е. Н. Черныш. История древнейшей металлургии Восточной Европы. М., 1966, стр. 141, табл. XIV; он же. Определение химического состава и структуры металлических вещей из стоянок Сахтыш I и Сахтыш II. Архив ИА АН СССР; Д. А. Крайнов. Отчеты Верхневолжской экспедиции за 1964—1966 гг. Архив ИА АН СССР.

³ О. С. Гадзяцкая. Раскопки стоянки Сахтыш II. Отчет Верхневолжской экспедиции за 1964 г. Архив ИА АН СССР.

⁴ Н. Н. Гурина. Памятники эпохи бронзы и раннего железа. Труды Горьковской арх. экспедиции. МИА, вып. 110, 1963, стр. 90, рис. 5, 6, 7, 8, 9, 33, 34.

⁵ М. Е. Фосс. Древнейшая история Севера европейской части СССР. МИА, вып. 29, 1952, стр. 190, рис. 99.

⁶ Н. Н. Третьяков. Памятники I тысячелетия до н. э. в Верхнем Поволжье. КСИИМК, вып. II, 1939, стр. 24—26.

⁷ О. С. Гадзяцкая и Д. А. Крайнов. Новые исследования неолитических памятников..., стр. 37.

детском погребении на стоянке Сахтыш II ожерелья из трубчатых птичьих костей и зубов животных лежали на шейных позвонках в таком же порядке, как и в фатьяновских погребениях Великосельского⁸ и Тимофеевского могильников (погребение 14)⁹. На смешение фатьяновского и местного населения указывают и антропологические (метисные) материалы из поздних фатьяновских могильников, как например: Николо-Перевоза¹⁰, Фатьяновского, Волосово-Даниловского, Балаевского и др. (Р. Я. Денисова, М. С. Акимова, М. М. Герасимов).

О глубоких следах фатьяновской культуры в последующей истории развития Волго-Окского междуречья свидетельствуют и позднейшие исторические и этнографические примеры. В орнаментах абашевской, текстильной, дяковской и мерянской керамики наблюдаются элементы фатьяновского орнамента¹¹, существующие вплоть до славянского времени. Такая устойчивость в сохранении орнаментальных мотивов является важным доказательством живучести фатьяновских традиций. Эта живучесть подтверждается и многочисленными этнографическими фактами, как, например, изображениями солярных знаков, идентичных изображениям на днищах фатьяновских сосудов, на наличниках и фронтонах крестьянских изб в пределах Волго-Окского междуречья, на деревянных фигурных ковшах XVII в., на прялках, на надгробных плитах XV—XVI вв. и т. д. Ромбические узоры, близкие изображениям на фатьяновских сосудах, имеются на наличниках, фронтонах и воротах крестьянских изб Ярославской области и пр.¹²

Следы фатьяновской культуры остались и в верованиях в позднейшее историческое время. На-

пример, пережитки медвежьего культа, существовавшего у фатьяновцев¹³, в котором медведь почитался как покровитель скота, сохранились почти до нашего времени именно на территории, занятой некогда фатьяновскими племенами. Развитие этого культа в Ярославском Поволжье прекрасно прослежено Н. Н. Ворониным, который установил преемственность культа от почитания медведя до святого Власия (Медведь — Велес-Власий)¹⁴.

Наконец, лингвистические данные также свидетельствуют о фатьяновских «следах», оставленных в угро-финских языках Волго-Окского междуречья.

Б. А. Серебrenников, пересматривая вопрос о заимствованиях в финно-угорских языках балтийских элементов, обратил внимание на значение их для решения этногенетических процессов и в восточных финно-угорских языках. Он обнаружил десятки новых слов балтийского происхождения, начало которых в Волго-Окском междуречье относил ко II тысячелетию до н. э., и связывал с расселением фатьяновских племен, с которыми финно-угры могли соприкасаться в это время¹⁵. Данное положение было поддержано Х. А. Моора, который в своих статьях¹⁶ отнес к племена культуры ладьевидных топоров Прибалтики к прабалтам, а вместе с тем и близкие им племена среднеднепровской и фатьяновской культур. Свои положения Х. А. Моора обосновывал на близости указанных культур Прибалтики, Среднего Днепра и Поволжья, а также на присутствии древних балтийских языковых элементов в языках восточных финнов (Верхнее и Среднее Поволжье).

Г. С. Кнабе поддержал концепцию Б. А. Серебrenникова только со стороны установления последним древних индоевропейских заимствований в финно-угорских языках, но отрицал

⁸ В. А. Городцов. Культуры бронзовой эпохи в Средней России, стр. 37.

⁹ Д. А. Крайнов. Памятники фатьяновской культуры. Ярославско-Калининская группа, вып. В1-20, 1964.

¹⁰ В. М. Раушенбах. К вопросу о взаимоотношениях неолитических племен и фатьяновцев. Тезисы доклада на пленуме ИА АН СССР в 1961 г.; она же. Фатьяновское погребение на неолитической стоянке Николо-Перевоз. Труды ГИМ, вып. 37. М., 1960, стр. 28—37.

¹¹ Д. А. Крайнов. Кухмарский могильник. КСИА, вып. 83, 1963; П. Н. Третьяков. Памятники I тысячелетия в Верхнем Поволжье; Д. А. Крайнов. Отчет о раскопках стоянок у д. Воронки в 1957 г. Архив ИА АН СССР; А. Л. Никитин. Дикариха. МИА, вып. 110, 1963; П. Н. Третьяков. Древнейшие городища Верхнего Поволжья. СА, вып. IX, 1947; Е. И. Горюнова. Этническая история Волго-Окского междуречья. М., 1961, стр. 24, рис. 6; стр. 131, рис. 59 (сосуды из Тиммеревского могильника из раскопок М. В. Фехнер 1959 г.); стр. 134, рис. 61, 24 и др.

¹² Мною собран большой этнографический материал с территории Ярославской, Ивановской и Костромской областей.

¹³ Д. А. Крайнов. Вауловский могильник.

¹⁴ Н. Н. Воронин. Медвежий культ в Верхнем Поволжье в XI веке. Краеведческие записки, вып. IV. Ярославль, 1960.

¹⁵ В. А. Серебrenников. О некоторых следах исчезнувшего индоевропейского языка в центре европейской части СССР, близкого к балтийским. Труды АН Литовской ССР, серия А-1 (2). Вильнюс, 1957.

¹⁶ Х. А. Моора. Вопросы этногенеза народов Советской Прибалтики по данным археологии. КСИА, XII, 1950, стр. 29—37; он же. Некоторые вопросы этногенеза эстонского народа в свете археологических данных. СА, XXI, 1954, стр. 95; он же. Вопросы сложения эстонского народа и некоторых соседних народов в свете данных археологии. «Вопросы этнической истории эстонского народа». Таллин, 1956, стр. 86; он же. О древней территории расселения балтийских племен. СА, 1958, № 2, стр. 21.

связь их с фатьяновской культурой¹⁷. Основными его доводами в отрицании этой связи являются следующие утверждения. Во-первых, фатьяновцы Московской и Ярославской групп не вступали ни в какие отношения с аборигенами и поэтому не могли оказать влияния на их язык. Во-вторых, установлено, по мнению Г. С. Кнабе, что скотоводы-фатьяновцы жили по водоразделам рек, где никогда не жили неолитические охотники-рыболовы. В-третьих, антропологический тип фатьяновцев резко отличается от местного неолитического и никаких метисных типов, свидетельствующих о скрещивании фатьяновцев с ними, не обнаружено. В-четвертых, отсутствие в фатьяновских памятниках всяких следов связи, обмена с протофинно-уграми. Наконец, при встрече с аборигенами фатьяновцы их уничтожали¹⁸.

Все эти отрицания Г. С. Кнабе строит на предположениях А. Я. Брюсова, О. Н. Бадера, М. С. Акимовой, О. А. Кривцовой-Граковой и В. М. Раушенбах, высказанных ими в различных, упоминаемых нами ранее, статьях.

Первый, второй и четвертый доводы Г. С. Кнабе опровергаются новейшими исследованиями¹⁹. Фатьяновцы вступали с волосовцами в контакты и жили на одних и тех же местах. Их контакты начались с момента вторжения фатьяновцев. Нельзя согласиться и с третьим доводом, так как и фатьяновцы и волосовцы — европеоиды, хотя и отличаются друг от друга. Кроме того, изучение черепов из фатьяновских могильников — Николо-Перевозского, Фатьяновского, Волосово-Даниловского и Балановского показывает факты смешения с местными племенами (М. М. Герасимов, Р. Я. Денисова и др.). Наконец, пятый довод построен так же на недоказанном факте истребления фатьяновцев волосовцами. В. М. Раушенбах только предполагает, а не утверждает данный факт в Николо-Перевозском могильнике²⁰. Кроме того, погребение в этом могильнике относится к поздней, а не к ранней стадии развития фатьяновской культуры²¹. Таким образом, все возражения Г. С. Кнабе В. А. Серебренникову отпадают. Если только они служили препятствием признания фатьяновцев носителями указанного древнего языка, то мы должны признать вывод

В. А. Серебренникова правильным. В какой-то степени к этому присоединяется и О. Н. Бадер в вопросе существования непосредственных контактов восточнофатьяновских племен с протофинно-угорскими племенами (сейминско-турбинскими)²².

По мнению А. Х. Халикова, восточнофатьяновские племена не только контактировали с этими племенами, но и активно смешивались с ними, особенно в зоне контактов²³.

Если допустить, что неолитические племена ямочно-гребенчатой керамики и волосовские племена не являются угро-финнами, что более вероятно²⁴, то возникает вопрос о месте и времени контакта фатьяновских племен с финно-угорскими племенами. Во-первых, основные контакты наблюдаются на востоке, где фатьяновские племена долго соседствовали с волго-камскими (приуральскими) племенами, которые отождествляются с угро-финнами. Особенно тесным он был, очевидно, в Вятско-Ветлужском междуречье, где позднее и наблюдается смешение фатьяновского населения с сейминско-турбинским. Кроме того, со смешанными уральскими и волго-окскими племенами у фатьяновцев были контакты на севере — за Волгой. Наконец, фатьяновцы вошли одним из компонентов в культуры так называемой текстильной керамики, основным создателем которой были, вероятно, финно-угорские племена.

Отожествление фатьяновцев с протобалтами является наиболее вероятным решением вопроса. Данное предположение поддерживается антропологическими материалами. Краниологические остатки из фатьяновских могильников близки эстонским (типа Арду) и южнобалтийскими (Г. Ф. Дебеч, Р. Я. Денисова, М. М. Герасимов и др.). Гидронимия также свидетельствует о том, что территория Понеманья, Верхнего Поднепровья, части Западнодвинского бассейна и верховьев Оки, а возможно и Верхней Волги, была занята племенами балтской языковой группы²⁵.

Археологически мы можем установить только прекращение существования фатьяновской культуры и поглощение ее одной или несколькими культурами с предположительным указанием их этноса.

Еще и сейчас в специальной литературе можно найти мнения о ее бесследном «исчезновении».

¹⁷ Г. С. Кнабе. Словарные заимствования и этногенез. (К вопросу о «балтийских заимствованиях» в восточных финно-угорских языках). «Вопросы языкознания», 1962, стр. 66, 74.

¹⁸ Там же, стр. 75.

¹⁹ Д. А. Крайнов. Некоторые спорные вопросы древнейшей истории Волго-Окского междуречья. КСИИ, 97, 1964.

²⁰ В. М. Раушенбах. Фатьяновское погребение на неолитической стоянке Николо-Перевоз, стр. 29.

²¹ Там же, стр. 36.

²² О. Н. Бадер. Балановский могильник, стр. 320.

²³ А. Х. Халиков. Среднее Поволжье в эпоху камня и бронзы. Казань, 1966; А. Х. Халиков и Е. А. Халикова. Васильсурское поселение эпохи бронзы. МИА, вып. 110, стр. 254, рис. 12; стр. 257, рис. 13.

²⁴ Д. А. Крайнов. Культуры эпохи бронзы лесной полосы европейской части СССР (в печати).

²⁵ В. В. Седов. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья до XIV в. М., 1970.

Например П. И. Третьяков считает, что «появление фатьяновских племен в Верхнем Поволжье было не более чем эпизодом, не оставившим в дальнейшей истории заметных следов, хотя этот период и длился в течение нескольких столетий»²⁶. Этому мнению противостоят, во-первых, огромная территория, занятая фатьяновскими племенами, во-вторых, наличие крупных могильников на Средней и Верхней Волге (Балановский, Фатьяновский, Волосово-Даниловский), а также концентрация могильников «гнездами» в 1,5—5 км друг от друга, что говорит об известной плотности населения, и, наконец, те «следы» фатьяновцев в древнейшей истории Волго-Окского междуречья, о которых говорилось выше. Еще Б. С. Жуков указывал на степень влияния фатьяновской, абашевской, поздняяковской и других культур на развитие поздних фазий неолитической культуры Волго-Окского междуречья²⁷.

Само «исчезновение» фатьяновской культуры исследователи трактуют по-разному. А. Я. Брюсов высказал предположение об ассимиляции фатьяновских племен неолитическими племенами культур ямочно-гребенчатой керамики, которые отождествляются им с предками угро-финнов²⁸. П. И. Третьяков полагал, что в середине II тысячелетия до н. э. группы фатьяновцев в Верхнем Поволжье мало-помалу исчезли. Они были уничтожены и изгнаны. Победителями фатьяновцев были не волго-окские племена, утратившие свои позиции в Волго-Окском междуречье на рубеже III и II тысячелетий до н. э., а волосовские финно-угорские племена²⁹. М. Е. Фосс понимала под ассимиляцией фатьяновцев более сложный процесс растворения фатьяновской культуры в появившихся новых культурах³⁰. Н. Н. Гурина пишет о еще более сложных этнических переплетениях, сопровождавших «исчезновение» фатьяновской культуры в дальнейшей истории Верхнего Поволжья³¹.

По нашему мнению, сложное смешение культур: волосовской фатьяновской, абашевской, поздняяковской культуры с керамикой, близкой

Чирковско-Сейминской и сетчатой, привели в конечном итоге к образованию на Верхней Волге ранних городищенских культур дьякова типа³². Позднее к тому же мнению пришел и О. Н. Бадер³³. Таким образом, выясняется сложная картина этнических и культурных взаимодействий в послефатьяновское время на территории Волго-Окского междуречья. Эта картина подтверждается присутствием в верхних слоях неолитических стоянок данной территории разнообразных керамических комплексов: поздняямочно-гребенчатого, поздневолосовского, поздняяковского (текстильной керамики), абашевского и др. Следует указать, что состав керамических комплексов в верхних слоях стоянок Верхнего Поволжья, Среднего Поволжья, Окской долины, Верхнего Поднепровья и Прибалтики будет несколько отличен друг от друга. Если на Верхнем Днепре и Прибалтике наблюдается смешение в основном двух-трех комплексов культуры боевых топоров и позднего неолитической с последующим появлением поздних культур бронзового века и культур городищенского типа, то в трех других областях процесс смешения был гораздо сложнее и комплексы разнообразнее и, по-видимому, было более сильным влияние финно-угорской волны конца второго и начала I тысячелетий до н. э. с востока. Гидронимы подтверждают этот вывод. В верховьях Днепра, Волги, в Подвинье и Прибалтике господствуют балтские гидронимы, а на пространстве Волго-Окского междуречья — угро-финские.

Отсутствие стерильных прослоек между керамическими комплексами в верхних слоях указанных стоянок и тонкость самого верхнего слоя не дает возможности расчленения их и установления точной последовательности их появления. Однако все же можно, на основании некоторых прямых и косвенных данных судить о том, что не потомки племен ямочно-гребенчатой керамики и не волосовцы окончательно ассимилировали фатьяновцев, а новые пришельцы носители прафинской культуры. Правда, волосовцы смешивались с фатьяновцами, что особенно хорошо прослежено на стоянках Станок и Борани Н. Н. Гуриной³⁴, но в некоторых районах Верхнего и Среднего Поволжья фатьяновцы еще оставались в более или менее чистом виде, что доказывается находками фатьяновских комплексов на стоянках с текстильной керамикой (Воронка, Дикариха и др.). Кроме того, многие

²⁶ П. И. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М., 1966, стр. 87.

²⁷ Б. С. Жуков. Теория хронологических и территориальных модификаций некоторых неолитических культур Восточной Европы по данным изучения керамики. «Этнография», 1929, № 1, стр. 70—72.

²⁸ А. Я. Брюсов. Об экспансии культур с боевыми топорами, СА, 1961, № 3.

²⁹ П. И. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне..., стр. 88.

³⁰ М. Е. Фосс. Древнейшая история Севера европейской части СССР, стр. 191.

³¹ Н. Н. Гурина. Памятники эпохи бронзы и раннего железа. МИА, вып. 110, 1963, стр. 200—203.

³² О. С. Гадацкая и Д. А. Крайнов. Новые исследования памятников Верхнего Поволжья, стр. 39.

³³ О. Н. Бадер. Культура с текстильной керамикой в Северо-Восточной Европе. СА, 1966, № 3, стр. 36.

³⁴ Н. Н. Гурина. Памятники эпохи бронзы и раннего железа, стр. 199.

поздние фатьяновские могильники расположены на селищах и городищах с текстильной керамикой (Юрьевоцкий, Говядиновский, Истринский, Верецкий, Лихачевский, Воронский и др.).

На городищах Дьякова типа (Кропотовском, Топорок, Городецком, Грехов Ручей, Устье, Прислон, Попадьянское селище, и т. д.) еще продолжают встречаться находки фатьяновских вещей (топоры-молотки, кремневые ножи, клиновидные топоры, фатьяновская поздняя керамика с фатьяновскими орнаментами и т. д.). Эти факты заставляют предполагать окончательную ассимиляцию фатьяновских племен не волосовцами, а какой-то новой более сильной инакоязычной, очевидно, финно-угорской культурой или культурами, появление которых отмечается археологически — это абашевская, сейминско-турбинская, поздняя волжская и другие культуры.

На усиление столкновений между поздними фатьяновцами и какими-то племенами на Верхней Волге указывают разграбленные и разрушенные могилы таких могильников, как Волосово-Даниловский³⁵, Фатьяновский, Мытищинский, Горичский³⁶ и др. В могилах этих памятников все кости перемешаны и побиты крупными камнями, а ценные вещи (каменные сверленные топоры, металлические изделия и пр.) разграблены. Такое надругательство над могилами предков не могли совершить ни сами фатьяновцы, ни существовавшие бок-о-бок с ними волосовцы, а только иноязычные предки финно-угорских племен (мери, веси, муромы, мечеры, мордвы, мари и пр.). Не исключено, что и фатьяновцы, похороненные на стоянке Николо-Перевоз, были убиты не волосовцами, а новыми пришельцами, тем более, что текстильная керамика также была найдена на стоянке.

Фатьяновцы, отрезанные от медных рудных источников (Вятско-Ветлужских и Средневожских) приуральско-камскими племенами, не смогли долго противодействовать натиску прекрасно вооруженных металлическим оружием противников и были ими частично уничтожены, покорены и ассимилированы. Об ассимиляции фатьяновцев на территории современной Горьковской обл., в Вятско-Ветлужском междуречье и на Каме свидетельствуют смешанные чирковско-сейминские памятники (А. Х. Халиков), а в Верхнем Поволжье слои с текстильной керамикой. Возможно, находки фатьяновской керамики на Оке и Верхней Волге с поздним узором

в виде широкого штрихованного зигзага в слоях стоянок с поздней волжской керамикой (Ибердус, Коренец, Козарь, Теньгушево, Сахтыш I, Польцо, Васькутино, Сомино, Алаканово, Дикариха и т. д.) являются культурными остатками поздних фатьяновских племен, вошедших одним из компонентов в состав поздней волжских племен.

Проникновение финно-угорских племен и поздней волжской сдвигало сложное переплетение культур конца бронзового века и привело к несколько иному этническому распределению населения Волго-Окского междуречья, а также, очевидно, и к некоторым языковым изменениям. Вероятно, господствующим языком стал прафинский язык, о чем наглядно свидетельствует финская топонимика и гидронимика Волго-Окского междуречья. Однако он не мог не впитать в себя и элементы других языков (индоевропейских, индоиранских и пр.), так как население, жившее до них, вряд ли было уничтожено. Эти элементы и наблюдаются в современных восточных финно-угорских языках, о них и писал Б. А. Серебряников и другие лингвисты.

Расселение племен европейской части СССР в середине I тысячелетия до н. э. будет пиком в эту эпоху. На месте распространения фатьяновской культуры и культур ладьевидных топоров Прибалтики появились городищенские культуры с текстильной или с сетчатой керамикой и штриховой керамикой. Это прикамские культуры с ананьевской основой (финно-угорские), городищенская культура (финно-угорская с большим включением индоиранских элементов), дьяковская в центре Волго-Окского междуречья (финно-угорская с большим включением балтийских элементов на Верхней Волге и индоиранских на Оке), дьяковские городища в Эстонии и на Верхней Двине и поселения с текстильной керамикой в Прибалтике (балтийские с сильным влиянием финно-угорских элементов, особенно на территории Эстонии).

В Пономанье и в Подвинье (Литва, Белоруссия и часть Латвии) распространялась культура с поздней штриховой керамикой (балтийские, с включениями славянских элементов), Верхне Поднепровье и верховья Волги и Оки, Средний Днепр, Припять и Прикарпатье были заняты культурами, прямыми потомками среднеднепровской, фатьяновской и прикарпатских культур шишуровой керамики (прославянских и балтских).

На юге, в Причерноморских степях, господствовали скифские (индоиранские племена), а на Нижней Волге и в Заволжье — савроматские (индоиранские) племена, на юго-западе — по Днестру и в Подунавье — дако-фракийские племена, на севере — финно-угорские,

³⁵ Д. А. Крайнов. Волосово-Даниловский могильник фатьяновской культуры. СА, 1964, № 4.

³⁶ О. С. Гадзьяк. Новые фатьяновские могильники Костромской и Ивановской областей. КСИА, вып. 115, 1967.

саамские и другие племена, по Печоре и в северном Приуралье — угорские племена. Такова этническая карта в послефатьяновское время. Изменения по существу претерпела центральная часть, куда сдвинулись финно-угорские племена. Юг остался индоиранским, юго-запад дако-фракийским. На территории междуречья Днепра и Вислы и между Карпатами и Прибалтикой также заметны изменения, а именно: к югу определяются культуры предков славян, а в Прибалтике — предки летто-литовских племен.

Все эти этнические наслоения получили

свою первоначальную основу, по-видимому, еще в неолитическое время, а возможно, и еще раньше (в мезолитическое).

Влияние фатьяновской культуры на дальнейшие исторические судьбы племен, населявших Волго-Окское междуречье, ее большой культурный вклад в историю развития народов СССР и связь с культурно-исторической общностью культур с боевыми топорами и шнуровой керамикой — ставят фатьяновскую культуру в ряды исторических проблем общеевропейского значения.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- БСЭ — Большая советская энциклопедия
ВДИ — Вестник древней истории
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ — Государственный Исторический музей
ГЭ — Государственный Эрмитаж
ЗОРСА ИРАО — Записки Отделения русской и славянской археологии Императорского русского археологического общества
ЗРАО — Записки Отделения русской и славянской археологии Императорского русского археологического общества
ИА АН СССР — Институт археологии Академии наук СССР
ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИИМК — Институт истории материальной культуры
ИЭ — Институт этнографии
КСИА — Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии
ЛОИА АН СССР — Ленинградское отделение Института археологии Академии наук СССР
МАЭ — Музей антропологии и этнографии
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МГУ — Московский государственный университет
МОГАИМК — Московское отделение Государственной академии истории материальной культуры
ПИДО — Проблемы истории докапиталистических обществ
СА — Советская археология
САН — Свод археологических источников
СЭ — Советская этнография
ТСА РАНИОН — Труды Секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Введение	5
Глава первая.	Памятники фатьяновской культуры и территория их распространения Могильники (18). Случайные находки (26). Поселения (28). Территория распространения фатьяновской культуры (34)	18
Глава вторая.	Археологические материалы как исторический источник Кремневые орудия (61). Каменные орудия (77). Костяные орудия (82). Керамика фатьяновской культуры (92). Резюме о развитии фатьяновской керамики (106). Орнаментика сосудов фатьяновской культуры (114)	38
Глава третья.	Основы хозяйства фатьяновской культуры Производство каменных орудий труда и оружия (147). Производство кремневых орудий (149). Гончарное дело (151). Костерезное дело (155). Металлические изделия и металлургия фатьяновской культуры (156)	136
Глава четвертая.	Общественный строй и идеология	170
Глава пятая.	Хронология и периодизация памятников фатьяновской культуры . Периодизация и внутренняя хронология памятников фатьяновской культуры (217)	207
Глава шестая.	О происхождении фатьяновской культуры	239
	Заключение	267

Дмитрий Александрович
Крайнов

ДРЕВНЕЙШАЯ ИСТОРИЯ
ВОЛГО-ОКСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

(Фатьяновская культура.
II тысячелетие до н. э.)

*Утверждено к печати
ордена Трудового Красного Знамени
Институтом археологии
Академии наук СССР*

Редактор издательства *Л. С. Кручинина*
Художественный редактор *В. Н. Тикуннов*
Художник *П. Г. Абелин*
Технический редактор *Л. В. Каскова*

Сдано в набор 23/V-1972 г.

Подписано к печати 19/X-1972 г.

Формат 84×108¹/₁₆. Усл. печ. л. 29,61. Уч.-изд. л. 34,1
Тираж 1400 экз. Бумага № 1. Т-16929. Тип. зак. 980

Цена 2 р. 55 коп.

Издательство «Наука»
Москва, 103717 ГСП, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука».
Москва, 121099, Г-99, Шубинский пер., 10